АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ПРОТИВ ФАШИСТСКОЙ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ПРОТИВ ФАШИСТСКОЙ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ

СБОРНИК СТАТЕЙ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.

Акад. Е. В. Тарле, проф. А. В. Ефимов, проф. А. В. Мишулин, проф. С. Д. Сказкин, проф. А. Д. Удальцов, С. И. Зинич и Ф. И. Нотович

Ответственный редактор *Ф. И. Нотович*

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1939 ЛЕНИНГРАД

Технический редактор *И. П. Пошешулин.* Корректора *Л. Г. Афанасьева* и *Х. М. Копмен.*

Сдано в набор 17/VII 1938 г. Подписано к печати 20/II 1939 г. Формат $60 \times 92^{1}/_{16}$. Объем 28 п. л. В 1 п. л. 49 000 печ. зн., 29,5 уч.-авт. л. Тираж 15000 экз. Уполн. Главлита № А-3307. АНИ 1160. РИСО 820. Заказ 1910. Цена 7 руб., переплет 3 руб.

Набрано и сматрицировано в типографии газ. „Правда“ им. Сталина. Москва, ул. „Правда“, 24. Отпечатано в 1-й Образцовой типографии Огиза РСФСР треста „Полиграфкнига“. Москва, Валовая, 28. Зак. № 853.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В исторической науке, вскрывающей пути и закономерности общественного развития, содержится смертный приговор фашизму. Преследуя свои злейшие реакционные цели,— увековечить господство финансового капитала, уничтожить всё революционное и прогрессивное,—фашизм стал на путь самого наглого извращения и циничной фальсификации исторического прошлого народов. За короткий срок фашисты, в особенности германские, развили на историческом фронте бешеную активность. Они пытаются, хотя бы наспех, хотя бы в самой грубой и примитивной форме, «перекроить» историческую науку под углом зрения оправдания фашистских пакостей в настоящем и обоснования новых актов захвата и насилия над народами в ближайшем будущем. Изо дня в день со страниц газет, журналов, книг и брошюр льется грубо состряпанная ложь о прошлом отдельных народов, имеющая определенную цель — растлить умы подрастающего поколения, вытравить из его сознания правильную ориентировку, сделать из него послушное орудие фашистских военных захватнических авантюр.

Борьба с этой опасной реакцией в науке — актуальнейшая задача всей современной и, в первую очередь, советской исторической науки.

В резолюции VII Всемирного Конгресса Коммунистического Интернационала мы читаем: «Коммунисты должны всемерно бороться с фашистской фальсификацией истории народа, делая все, чтобы исторически правильно, в подлинно ленинско-сталинском духе освещать перед трудящимися массами прошлое их собственного народа, чтобы увязать свою теперешнюю борьбу с революционными традициями прошлого.»

Настоящий сборник, подготовленный Институтом Истории Академии Наук СССР, следует рассматривать, как первый шаг, как начало расчистки некоторых участков исторической науки от того мусора, который успели нанести гитлеровские штурмовики, захватившие монополию на «научном фронте» в Германии. Сборник охватывает ряд важнейших исторических этапов и вскрывает на конкретном историческом материале жульнические фальсификаторские приемы гитлеровских «историков», подвизавшихся в области древней, средневековой и новой истории.

Статьи сборника расположены соответственно хронологическому порядку тех проблем из фашистской исторической литературы, которые подвергнуты рассмотрению.

Первая статья Ф. И. Нотовича носит характер введения. Вопросам разоблачения фашистских фальсификаций на одном из участков античной истории (древне-эгейского общества) посвящена статья проф. Богаевского. Извращения фашистами истории древнегерманского общества вскрываются в статье проф. Кагарова. Вопросам средневековья посвящены статьи профессоров Косминского и Неусыхина. Статья проф. Грацианского специально рассматривает историю пресловутого «Drang nach Osten». Статья проф. С. Д. Сказкина посвящена разоблачению фашистских извращений истории крестьянской войны 1525 г., с которой связаны большие революционные традиции германского народа. Гитлеровская демагогия в крестьянском вопросе, ее современные фактические результаты рассматриваются в статье Н. М Сегаля.

Много места в сборнике отводится вопросу о так называемых «виновниках» мировой войны, которым особенно рьяно занимается фашистская литература. Ведь фашисты пытаются не только оправдать свой односторонний разрыв Версальского мирного договора, но неприкрыто обосновать необходимость новых захватнических войн и, в первую очередь, войну против СССР. Разоблачению литературы этого рода посвящена статья акад. Тарле «Фашистская геополитика и экспансия на Восток» и Ф. И. Нотовича .«Фашистская историография о «виновниках» мировой войны».

Наконец, фашистской фальсификации новейшей истории других народов посвящены статья тт. Шаустера и Джервиса, касающаяся Польши, и статья Т. В. Милициной, рассматривающая книгу фашиста Франка об истории Франции.

Данный сборник охватывает далеко не все важнейшие вопросы, по которым необходимо разоблачить гитлеровских лжеисториков. Он является лишь началом осуществления одной из важнейших задач, стоящих перед советскими историками, — непримиримой идеологической борьбы против фашизма. Частью этой борьбы является беспощадное выкорчевывание троцкистско-бухаринских извращений в области исторической науки, очищение фронта советской исторической науки от троцкистско-бухаринских и буржуазно-националистических агентов фашизма.

Редакционная коллегия

Ф. И. НОТОВИЧ

ФАШИЗМ И ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

I

«Гитлеровский фашизм, — говорил тов. Димитров на VII Всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала, — это не только буржуазный национализм. Это звериный шовинизм. Это правительственная система политического бандитизма, система провокаций и пыток в отношении рабочего класса и революционных элементов крестьянства, мелкой буржуазии и интеллигенции. Это средневековое варварство и зверство. Это безудержная агрессия в отношении других народов и стран.

Германский фашизм выступает как ударный кулак международной контрреволюции, как главный поджигатель империалистической войны, как зачинщик крестового похода против Советского Союза, великого отечества трудящихся всего мира... Фашизм — это власть самого финансового капитала. Это организация террористической расправы с рабочим классом и с революционной частью крестьянства и интеллигенции. Фашизм во внешней политике — это шовинизм самой грубейшей формы, культивирующий зоологическую ненависть против других народов» [1].

С тех пор, как эти слова были произнесены, практическое значение понятия «фашизм во внешней политике» уже успели испытать на своей горькой судьбе народы Абиссинии и Австрии. Его испытывают повседневно героические испанский и китайский народы. Его испытала Чехословакия, преграждавшая своим телом в центре Европы поток фашистского средневековья и варварства. Его начинают испытывать народы Франции и Англии и все миролюбивые страны, вынужденные фашизмом принимать чрезвычайные оборонительные мероприятия для защиты своей свободы, независимости и родной земли.

Внешняя и внутренняя политика фашизма — это политика «наиболее реакционных, наиболее шовинистиче-

[1] Г. Димитров. В борьбе за единый фронт против фашиза и войны, стр. 4, М. 1937.

ских, наиболее империалистических элементов финансового капитала»[1]. Это политика насильственного подавления и угнетения германского народа в интересах класса эксплоататоров и главным образом наиболее хищнических эксплоататоров. Это политика насилия, угроз и шантажа во внешних отношениях, попирающая сапогом международное право и международные договоры; политика, утверждающая разбой вместо порядка и добрососедских отношений и насильственно захватывающая соседние государства и целые области, принадлежащие чужим странам.

Чтобы обеспечить проведение этой политики в жизнь, германский фашизм истребляет лучших представителей рабочего класса, революционные элементы крестьянства, представителей демократической интеллигенции, передовых деятелей буржуазной науки, искусства, литературы и публицистики. Одни, как Тельман, Карл Осецкий и Ганс Литен, томятся в фашистских застенках, другие замучены в тюрьмах и концентрационных лагерях, третьи, как Томас Манн и Генрих Манн, Лион Фейхтвангер, А. Эйнштейн, историк Валентин Фойт, принуждены искать спасения и убежища за границей.

В своем диком озлоблении и страхе перед революцией фашизм направляет свои удары против всего прогрессивного, творчески мыслящего и деятельного, свободного, независимого и враждебного системе фашистского произвола и уголовщины. Будучи беспощадным врагом человеческого прогресса и цивилизации, воплощением дикого и разнузданного мракобесия, фашизм «направляет свои удары в первую очередь против рабочего движения и в особенности против коммунизма, потому что коммунизм представляет собою авангард мирового рабочего движения, потому что он является носителем новой цивилизации»[2].

Фашизм — это ударный кулак международной контрреволюции и разнузданная агрессия во внешней политике. Фашизм начал вторую империалистическую бойню за передел мира и подготовляет крестовый поход против Советского Союза, являющегося оплотом всех сил, борющихся за мир. Одно существование Советского Союза расшатывает капиталистическую систему и укрепляет социалистическое движение во всех капиталистических странах. Победа социализма в нашей стране воодушевляет рабочих всего мира на борьбу за дело коммунизма; она приводит в движение миллионы крестьян, мелких тружеников и интеллигенцию; она дает надежду на освобождение угнетенным народам всего мира; она усиливает их готовность защищать Советское социалистическое государство рабочих и крестьян от всех его врагов.

---

[1] Димитров. В борьбе за ед. фронт против фаш. и войны, стр. 4, М. 1937.
[2] Там же, стр. 100.

Победа социализма в СССР увеличивает революционные силы во всем мире и силы, стоящие за мир. В отличие от 1914 г., когда международный пролетариат мог противопоставить империализму и угрозе войны лишь силу своего массового действия— ныне борьба пролетариата против фашистской агрессии сочетается с огромной международной ролью Советского Союза, со всей совокупностью его военных, экономических и морально-политических сил. В единении и сочетании действий этих двух непобедимых сил — силы Советского Союза с силами пролетариата и трудящихся масс капиталистического мира — заложена гарантия победы социализма во всем мире. Нет поэтому ничего удивительного в том, что, беспощадно подавляя рабочий класс у себя дома, фашизм одновременно направляет острие своей внешней политики против Советского Союза, надеясь этим путем продлить существование обреченного историей на гибель капитализма.

«Фашизм,— сказал товарищ Сталин в беседе с Гербертом Уэльсом,— есть реакционная сила, пытающаяся сохранить старый мир путем насилия». Фашизм охотно уничтожил бы рабочий класс — носителя гибели и гробовщика капитализма, но «уничтожить рабочий класс невозможно» (С т а л и н). Поэтому фашизм всю свою лютую ненависть направляет на террористические акты против рабочего класса и на «уничтожение» революционного учения пролетариата, на «искоренение» учения Маркса, которое, по определению Ленина, «прямо служит просвещению и организации передового класса современного общества, указывает задачи этого класса и доказывает неизбежную — в силу экономического развития — замену современного строя новыми порядками, неудивительно, что это учение должно было с боя брать каждый свой шаг на жизненном пути» [1].

Беспощадно расправляясь с пролетариатом, германский фашизм устраивает кровавые вакханалии в стране Гёте, Шиллера, Маркса и Энгельса, воскресил систему пыток и инквизиции, ввел суды, выносящие смертные приговоры антифашистам на основании подложных документов и показаний ложных свидетелей. Борясь с революционной идеологией пролетариата, с учением Маркса, германские фашисты публично сжигают на кострах бессмертные произведения человеческой мысли и мировые ценности многовековой духовной культуры.

«Уничтожением» марксизма буржуазия всегда занималась. И чем больше учение Маркса проникало в массы, чем ожесточеннее становилась классовая борьба и больше подтачивался этим учением фундамент социально-политического строя, основанного на наемном рабстве, тем интенсивнее становилось это «уничтожение». С этой целью буржуазия поручала своим казенным про-

[1] В. И. Л е н и н, Соч., т. XII, стр. 183.

фессорам устраивать, по выражению Ленина, походы на марксизм «для оглупления подрастающей молодежи из имущих классов и для «натаскивания» ее на врагов внешних и внутренних». Вопреки многократным объявлениям, что марксизм «уничтожен», он продолжал завоевывать мир и вызывал у врагов еще большее усердие уничтожить его. «Рост марксизма,— писал Ленин,— распространение и укрепление его идей в рабочем классе неизбежно вызывает учащение и обострение этих буржуазных вылазок против марксизма, который после каждого «уничтожения» его официальной наукой становится все крепче, закаленнее и жизненнее»[1]. История учит, что буржуазные правительства терпели постоянные поражения в борьбе с марксизмом. «Буржуазные правительства,— говорил тов. Сталин на XVII Съезде ВКП(б),— приходили и уходили, а марксизм оставался. Более того,—марксизм добился того, что он одержал полную победу в одной шестой части света, причем добился победы в той самой стране, где марксизм считался окончательно уничтоженным»[2]. После победы социализма в Советском Союзе борьба буржуазии с марксизмом вступила в новую фазу.

В изменившейся коренным образом мировой обстановке, в эпоху мировой пролетарской революции и империалистических войн, наступившего всеобщего кризиса капитализма, финансовый капитал считает уже недостаточными прежние методы борьбы со своим злейшим врагом — пролетариатом и его революционным учением. Поручать ведение этой борьбы, как это раньше делала буржуазия, «казенным профессорам для оглупления подрастающей молодежи» финансовый капитал больше не может. Эту задачу буржуазия передала фашизму. Опыт прошлого и опыт борьбы фашизма с революционной идеологией рабочего класса при помощи беспощадного террора учит, что в результате «уничтожения» фашизмом марксизма это учение еще более усиливается. Это исторический закон развития, которого не изменить и не приостановить никаким силам варварства и дикого средневековья. «Так фашизм, беря на себя обязанности похоронить марксизм, революционное движение рабочего класса, сам в результате диалектики жизни и классовой борьбы ведет к дальнейшему *развитию тех сил*, которые должны быть его могильщиком, могильщиком капитализма»[3].

Считая, что возможно убить марксистскую идеологию, живущую в миллионах пролетариев, посредством дикого зверства, топора палача, истребления всего прогрессивно мыслящего и воскрешения средневекового варварства и первобытной дико-

[1] В. И. Ленин. Соч. XII, стр. 183.

[2] И. В. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 597, Партиздат, 1935.

[3] Г. Димитров. В борьбе за единый фронт против фашизма, стр. 16. М. 1937.

сти, фашистские «философы» воспевают варварство и ставят его перед массами в качестве идеала. «Первобытное варварство,— писал Шпенглер, — скрытое и скованное в течение столетий под строгими формами высокой культуры, теперь вновь пробуждается, когда культура кончилась и началась цивилизация»[1]. Чтобы стать «цивилизованным» человеком в фашистском понимании, необходимо, говорят они, преодолеть общечеловеческую культуру. Создателем и творцом фашистской «цивилизации», — писал Шпенглер, — является новый германский человек — «хищный зверь» (Raubtier). Другой фашистский «философ» — Отмар Шпан пишет: «Мы скорее за мировоззрение, которое поносят, как варварство, так как считаем наилучшим боевой клич, провозглашенный в последние годы, — назад к варварству»[2]. И Гитлер заявил в одной из своих речей: «Мы страдаем в настоящее время от «переобразованности»... В чем мы нуждаемся, — так это в инстинкте к воле».

Чтобы пробудить в германском народе дикие «инстинкты к воле», в чем он, по словам Гитлера, больше всего нуждается, германский фашизм организует массовые убийства беззащитного еврейского населения, объявил вне закона сотни тысяч мирных и трудолюбивых людей и лишил их родины только потому, что они евреи. Обращение к зоологическому антисемитизму является обычным приемом, к которому прибегают обреченные историей на смерть классы. «Антисемитизм,— писал в конце прошлого столетия Энгельс,— это признак отсталой культуры, и поэтому он встречается только в Пруссии и Австрии, да еще в России». Раскрывая классовую подоплеку антисемитизма, Энгельс продолжал: «В Пруссии подвизается в антисемитизме мелкое дворянство, юнкерство, получающее дохода 10 000 марок, а расходующее 20 000 марок... Антисемитизм есть таким образом не что иное, как реакция средневековых слоев против современного общества»[3].

Чтобы укрепить господство финансового капитала, фашисты воскресили в Германии, употребляя выражение министра внутренних дел США Икеса, «времена, когда человек был полуживотным». Сделав еврейские погромы системой государственного управления, фашизм не останавливается перед клеветой на германский народ, приписывая собственные преступления и варварство якобы «стихийно пробудившемуся чувству ненависти у германского народа к евреям». Германский народ неповинен в зверской расправе над евреями. До прихода к власти фашистов антисемитизмом была заражена лишь ничтожная группа германского населения, идеологические предшественники фашистов—пангерманцы.

[1] O. Spengler. Jahre der Entscheidung, S. 12.
[2] Otmar Spann. Wir suchen Deutschland, S. 159.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, т. XVI, 2 часть, стр. 45—46.

«В 1918 г.,— писал Гитлер в своей книге «Моя борьба»,— не могло быть и речи о планомерном антисемитизме. Я еще вспоминаю о тех трудностях, на которые приходилось наталкиваться при одном произнесении слова «еврей». Мы либо наталкивались на полное непонимание, либо ожесточеннейший отпор».

«Планомерный антисемитизм» сделался возможным в Германии лишь после 20-летней антисемитской травли и 6-летнего господства фашистского изуверства. Обдуманно и хладнокровно были организованы правительством Гитлера ноябрьские еврейские погромы, начатые одновременно по сигналу фашистской прессы во всех городах Германии, Австрии и в Данциге. Штурмовики, члены фашистской партии, фашистской молодежи и охранные отряды устроили по намеченному заранее плану погромы во всей стране. Во власти этих вооруженных бандитов находились несколько дней улицы Берлина и других городов Германии. Многие евреи были линчеваны и заживо сожжены. В Мюнхене 11 ноября 1938 г. была устроена настоящая «Варфоломеевская ночь». Вооруженные банды врывались в дома, грабили и избивали еврейское население, женщин и детей. В результате этой ночи в Мюнхене не осталось ни одного еврея.

Особый разгул погромщиков наблюдался в Данциге. В Цоппоте озверевшие штурмовики вытащили из помещения видного врача-хирурга и, облив его бензином, заживо сожгли.

Организованные по указанию сверху погромы сопровождались правительственными мероприятиями, рассчитанными на усиление действий озверелых бандитов. Заранее были арестованы все евреи врачи, отчего раненым во время погромов некому было оказать медицинскую помощь, и многие из них умерли от ран. Страховые премии за разграбленное имущество были конфискованы государством, а еврейское население обложено контрибуцией в 1 млрд. марок. Несколько дней после погрома в Берлине корреспондент газеты «Энтразижан» Макс Февриль писал о внешнем виде Берлинерштрассе и Грюнвальдштрассе:

«Через каждые 50 метров я мог видеть разбитые стекла в магазинах и разрушенные здания, наспех заколоченные досками. Многие немцы с негодованием передавали мне ужасающие подробности последних событий... Мне рассказывали о бесчисленном количестве евреев, скитающихся днем и ночью в лесах и на отдаленных улицах, скрывавшихся от преследований». Даже член фашистской партии заявил французу: «Я стыжусь своих соотечественников».

Общественное мнение всего мира единодушно заклеймило фашистские зверства. От германских фашистов с презрением отвернулись даже такие политические деятели, как консерватор Болдуин в Англии и бывший американский президент Гувер, сказавший, что последние события отбрасывают фашистскую Германию

на 450 лет назад. Негодование советского общественного мнения выразил Алексей Толстой, заявивший на митинге протеста московской интеллигенции против изуверств фашистских погромщиков:

«Средневековье, несмотря на все ужасы феодальных войн и грабежей, на костры инквизиции, все же таило в себе прорастающие семена гуманизма. Сравнивать, как это часто делают, фашистский режим в Германии со средневековьем — значит оскорблять средневековье».

Германскому фашизму никогда не удастся ввести в заблуждение ни германский народ, ни мировое общественное мнение, которые выразили свое единодушное презрение фашистским каннибалам. Фашистские погромы по своему зверству, откровенной дикости и утонченной жестокости превзошли даже погромы царского правительства. Они, однако, не спасли царизм, а ускорили его гибель. Когда русский народ и все населяющие бывшую царскую Россию народы получили возможность свободно выразить свою волю и их отношение к преследованиям национальных меньшинств, они тотчас уничтожили все установленные царизмом расовые и национальные ограничения. Это нашло свое выражение в советском законодательстве 1917 и последующих годов, а затем и в 123 статье Сталинской Конституции. Эта статья закрепила за всеми народами «равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы» и карает законом «проповедь расовой или национальной исключительности».

Дикими оргиями расовых преследований германский шовинизм воскресил в центре Европы времена дикости. «Национальный и расовый шовинизм,— писал тов. Сталин,— есть пережиток человеконенавистнических нравов, свойственных периоду канибализма. Антисемитизм, как крайняя форма расового шовинизма, является наиболее опасным пережитком канибализма. Антисемитизм выгоден эксплоататорам, как громоотвод, выводящий капитализм из-под удара трудящихся».

На опыте борьбы с антисемитизмом и расовым канибализмом, с одной стороны, и их официальным поощрением и узаконением в фашистских странах, с другой стороны, лишний раз продемонстрировано, кто является защитниками подлинной человеческой культуры и цивилизации и кто их враги. Жизнь показала, что только коммунисты являются последовательными и непримиримыми врагами антисемитизма. Жизнь показала на примере фашистской Германии, а в последнее время и фашистской Италии, что антисемитские оргии ведут к одичанию и возврату к первобытным временам.

Будучи последовательными интернационалистами, коммунисты ведут постоянную борьбу с антисемитизмом. «В СССР строжайше преследуется антисемитизм, как явление, глубоко вра-

ждебное советскому строю. Активные антисемиты караются по законам СССР смертной казнью». (Сталин).

Чтобы пробудить в германском народе дикие «инстинкты к воле», фашистским «ученым» приказано извлечь из исторической пыли и обновить «подвиги» древнегерманских варваров; идеализируются самые позорные жестокости, совершенные германскими войсками в прошлых войнах и в особенности во время империалистической войны, которая превозносится ими на все лады; эта война,— утверждают фашисты,— вопреки всем историческим фактам, пробудила в германском народе «инстинкт к воле» и к победе, которую он уже якобы вырвал у своих врагов на поле брани, но «марксисты» ударили ему кинжалом в спину — отсюда и «версальский позор».

Но помимо «воли к победе» в современной войне играют первостепенную роль технические и профессиональные знания. Только эти знания и ценятся в гитлеровской Германии, и больше никакие. Что означают на деле «инстинкт к воле» и «знание» в понимании фашистов, — об этом свидетельствуют десятки тысяч убитых испанских женщин и детей, развалины Герники, опустошения в Альмерии, Барселоне, Валенсии, Аликанте и других городах и деревнях Испании, совершенные германскими самолетами и крейсерами. Каких людей воспитывает фашистская Германия, — об этом свидетельствуют такие экземпляры современных фашистских варваров, как офицеры германской армии, опустошающие демократическую республиканскую Испанию. Они превосходно усвоили «знание» убивать и сеять смерть. И ничего другого, кроме этого ремесла убийц и уменья его прославлять и выдавать за «культурное» достижение фашизма, они не знают.

Один из этих гитлеровских канибалов, высший офицер германской армии, недавно обобщил «научные» опыты, производимые фашистскими самолетами над испанским народом, в статье «О пользе воздушных бомбардировок с точки зрения расовой селекции и социальной гигиены», помещенной в «Archiv für Biologie und Rassengesellschft».

В этой позорящей германскую науку статье фашистский дикарь писал: «Больше всего страдают от воздушных бомбардировок наиболее населенные районы городов. Так как эти районы и кварталы населены бедными людьми, не обеспеченными в жизни, то общество освобождается с помощью воздушных бомбардировок от этих людей... Кроме того, взрывы тяжелых снарядов весом в тонну и больше, помимо смерти, которую они сеют, вызывают неизбежно многочисленные случаи сумасшествия. Люди, нервная система которых недостаточно сильна, не смогут вынести такого удара. Таким образом, воздушные бомбардировки нам помогут обнаружить неврастеников и устранить их из социальной жизни. Как только эти виды болезней будут раскрыты,

останется только подвергнуть стерилизации (обеспложиванию) их носителей, и тем самым будет обеспечен отбор расы»[1].

Из этого циничного признания фашистского цивилизованного людоеда и «ученого» журнала вытекает, что варварское разрушение городов и убийство женщин и детей в республиканской Испании служит средством систематического и универсального избавления от «не обеспеченных в жизни людей»; что на испанском народе фашистская медицина производит репетицию и накопление опыта для массовой стерилизации германских неимущих классов.

В этой связи интересно припомнить такой факт. 8 ноября 1918 г., когда Германия горела в огне революции, ген. Линзинген приказал авиации не допустить до Берлина поездов с революционными матросами. Ген. Герпнер отказался выполнить приказ. Он мотивировал это тем, что при бомбардировке поездов, в которых имеются и обыкновенные пассажиры, «невозможно отличить друзей от врагов». Эта историческая реминисценция наглядно показывает, до какого одичания даже по сравнению с кайзеровскими генералами дошел фашистский режим.

В Советской стране, и даже в некоторых буржуазно-демократических странах, авиация используется в мирное время для открытия новых земель, для победы человека над силами природы, для сближения людей отдаленных материков между собой, для изучения стратосферы и жизни на далеком севере. Здесь авиация используется широко медициной с целью избавления больных людей от страданий и грозящей им смерти.

На быстроходных самолетах перебрасывают больных людей из отдаленных углов страны в культурные центры для оказания им неотложной медицинской помощи и избавления от смерти.

Фашистская авиация уже третий год сеет смерть среди испанского народа, а фашистские людоеды производят «научные» эксперименты с целью изыскания нового вида классовой борьбы и подготовки массовой стерилизации и расового «отбора». В разном использовании авиации в фашистской Германии и других фашистских странах и в Советском Союзе отражаются, как в капле воды, два противостоящих друг другу мира: разрушительный, несущий человечеству гибель фашизм и созидающая социалистическая демократия.

Что же должны знать и что разрешается знать жителям фашистской Германии? Они должны знать, что немцы — «избранный народ среди всех других народов», что все великое в истории человечества было якобы сделано предками нынешних немцев; что не греки создали античную культуру, а мифические «нордические немцы», которые якобы переселились в Грецию и на Эгейские острова, покорили греков и создали античную культуру, искусство и т. д.; что современная фашистская Германия по

[1] «Известия», 16 мая 1938 г.

«историческому праву» должна господствовать над миром, что это господство они обязаны завоевать, так как этого хочет «пришедший из окопов (мировой войны) строитель новой Германской империи» [1].

Чтобы обосновать «историческое право» на агрессию и мировое господство, ссылаются на историю, и с этой целью «фашисты перетряхивают всю историю каждого народа» и стараются путем подтасовки фактов «представить себя наследниками и продолжателями всего возвышенного и героического в его прошлом, а все, что было унизительного и оскорбительного для национальных чувств народа, используют как оружие против врагов фашизма»[2]. Ища в прошлом оправдания своим диким и агрессивным политическим целям, германские фашисты не только перетряхивают историю прошлого всех народов и германского народа в первую очередь,— они заново раскапывают древние гробницы и курганы, подвергают «расовой» проверке результаты археологических раскопок, фальсифицируют историю, лингвистику и археологию всех народов на фашистский лад. Так как эту необычайную задачу не берется выполнить даже часть старой реакционной академической профессуры, то фашизм наскоро создал многочисленные кадры фашистских «историков», «археологов», «расоведов» и «лингвистов», которые лезут из кожи вон, чтобы в сотнях книг исторической и иной «ученой» макулатуры «представить историю Германии таким образом, будто бы в силу какой-то «исторической закономерности» на протяжении двух тысяч лет проходит красной нитью линия развития, приведшая к появлению на исторической сцене национального «спасителя», «мессии» германского народа, известного «ефрейтора» австрийского происхождения»[3]. Поэтому из всех наук в фашистской Германии «процветает» единственная «наука», называемая фальсификацией исторических дисциплин. Цель гитлеровских штурмовиков, которым приказано творить «науку» фальсифицированной истории германского народа, состоит в том, чтобы «доказать», что фашистская Германия имеет «право» на приобретение любого пространства в Европе и во всем мире, но в первую очередь в Европе, где оно ей будто бы принадлежало в прошлом. Создаются «исторические теории», согласно которым национальное государство противоречит духу «германизма», что «дух» этого германизма требует создания «сверхнациональной» империи, образования Срединной Европы в фашистском издании, охватывающей все европейские пространства, где когда-то жили или временно пребывали немцы. В прошлом, утверждают фаши-

---

[1] Historische Zeitschrift. Bd. 153 Heft 1, 1935. Walter Frank. Zunft und Nation, S. 8.
[2] Г. Димитров, стр. 46.
[3] Там же, стр. 46.

сты и фашиствующие историки, «немецкая кровь» связывала в одно целое все народы, входившие в Священную римскую империю, и заставляла их служить на благо всего германизма. И в последнюю империалистическую войну «немецкая кровь» в Габсбургской Австрии «удерживала сынов 30 миллионов славян на германском фронте». Так обосновывают германские фашисты свои наглые бредни о подчинении себе западных и балканских славян. Исконное «право» немцев на владение «восточным пространством», под которым они понимают Прибалтику, Белоруссию, Украину и т. д., опять-таки обосновывается не только наличием немецких национальных меньшинств в Прибалтике, но и неудачным устремлением на восток Тевтонского ордена, который был отброшен 700 лет назад в битве на Чудском озере, а затем окончательно выброшен больше 500 лет назад в результате Грюнвальдской битвы. Эту неудачу германские фашисты приписывают «ошибочной» политике германских императоров, их устремлениям на юг вместо востока, многочисленным походам в Италию, подорвавшим силы германизма, чем якобы воспользовались русские, литовцы и поляки и вышвырнули вон немцев из захваченных ими земель на востоке. Вот эти-то земли, говорят фашисты, на основе «исторического права» принадлежат Германии. Обрушиваясь на императоров Священной Римской Империи за то, что они не поддерживали «Drang nach Osten», и превознося Генриха Льва за его якобы истинно «немецкую национальную восточную политику», германский фашизм, как известно, написал на своем знамени: «Опять на восток!». Гитлер в своей книге повторяет наглые бредни о том, что фашистская Германия продолжит ту линию, которая была насильственно оборвана русскими 700 лет назад. Свои разбойничьи планы,— идет ли речь о создании Срединной Европы под господством Германии, об устремлении на восток или о других агрессивных замыслах,— германский фашизм старается оправдать историческим прошлым: все свои настоящие и будущие действия он пытается базировать на «историческом праве». Хотя все это выдумано не фашистами, однако, лишь у них эта преемственная «историческая традиция» сделалась навязчивой агрессивной «идеей», опасной для мира.

Когда победа Пруссии над Наполеоном III пробудила в германской буржуазии аннексионистские вожделения, она также оправдывала требование аннексии Эльзас-Лотарингии «историческим правом». Карл Маркс тогда же разоблачил всю абсурдность «исторического права». «Земля под этими провинциями, — писал Маркс, — некогда принадлежала давным-давно почившей Германской империи. Не пришлось ли бы на таком основании конфисковать, как не потерявшую давности немецкую собственность, весь земной шар с его населением? Ведь если восстанавливать старую карту Европы, согласно историческому праву, то не сле-

дует ни в коем случае забывать, что в свое время курфюрст Бранденбургский состоял в качестве прусского владетельного князя вассалом Польской республики» [1]. Русские войска неоднократно завоевывали прусские города и области, располагались лагерем как победители в Берлине. Однако никому не придет в голову дикая мысль выводить отсюда «историческое право» на обладание частями Германии. Для подготовляемых фашистами войн нужны солдаты, а наиболее послушными солдатами являются крестьяне. Чтобы одурачить крестьянскую массу, прикрыть истинную сущность фашистской «крестьянской политики»,—беспощадную эксплоатацию беднейших крестьян и средняков финансовым капиталом и их превращение в вымуштрованную армию завоевателей, германский фашизм создал миф о германской «крестьянской империи», о том, что фашистская «революция» 1933 г. является будто бы как раз тем «крестьянским идеалом», за который германское крестьянство дралось и проливало свою кровь в борьбе со светскими и духовными феодалами. Стремясь подкрепить ссылками на историю это мифотворчество, которым маскируется злейший враг германского бедняцкого и середняцкого крестьянства, германский фашизм фальсифицирует историю великой крестьянской войны и историю реформации.

Нет такого события в прошлом,— независимо от его исторической значимости, — которое германский фашизм не пытался бы извратить, испоганить и изгадить, а затем в фальсифицированном виде использовать для своих контрреволюционных и агрессивных целей. Подобного чудовищного по своим количественным размерам производства исторической фальсификации, охватывающей вопросы и события всех времен, мир еще не видал. Пропаганда человеконенавистничества, шовинистического национализма, завоевательных теорий, расовой исключительности, погромного антисемитизма и прочих «прелестей», позаимствованных из арсеналов контрреволюции и архивов инквизиционной практики, получила широкое распространение в Германии. В эпоху господства монополистического капитала, трестов и массового стандартного производства историческая фальсификация, служащая идеологической пропаганде войны за передел мира и войны против Советского Союза как пролетарского государства, является наихудшим видом военного производства, не менее опустошительным и вредоносным, чем производство отравляющих газов и зажигательных бомб.

Вот почему борьба с фашистской фальсификацией исторической науки является обязанностью всякой честной, объективной науки. Эта обязанность во сто крат возрастает для советской науки. Ибо только наука, освобожденная социализмом «от ее буржуазных пут, от ее порабощения капиталу, от ее рабства перед

[1] Карл Маркс. Избранные произведения. Том II, стр. 364, Москва 1933.

интересами грозного капиталистического корыстолюбия»[1], в состоянии справиться с этой задачей. Только советская историческая наука, стоящая на отличных от буржуазной науки принципиальных позициях и вооруженная подлинным научным методом, методом исторического материализма, может и должна разоблачить историческую фальсификацию фашистов.

II

Как только Гитлер пришел к власти, фашисты сейчас же принялись за уничтожение культуры и науки. Печальная судьба последней постигла и историческую науку. Фашисты в первую очередь начали чистку от «неарийцев» университетов, исторических кафедр, редакций исторических журналов, исторических обществ и комиссий по публикации документов, являвшихся оплотом буржуазной либеральной и консервативной германской профессуры. Были закрыты разветвленные по всей стране «исторические комиссии», которые занимались изучением местной истории, изданием весьма ценных и научно обработанных сборников исторических материалов.

Известный историк Вальтер Гетц (Goetz), автор многих работ по истории Италии, редактор и издатель десятитомной «Propyläen Weltgeschichte» и журнала «Archiv für Kulturgeschichte», протестовавший против закрытия «исторических комиссий», был лишен кафедры, отстранен от журнала и уволен «за выслугой лет». Отстранены от кафедры и уволены радикальный профессор философии и социологии Теннис, бывший председатель Союза германских историков и вице-президент Международного комитета исторических наук Карл Бранди, профессор новой истории Виндельбанд. Был уволен и отстранен от руководства семинаром по истории Восточной Европы при Берлинском университете немецкий националист профессор Отто Гетч (Goetsch). Издававшийся им журнал «Zeitschrift für osteuropäische Geschichte», в котором Гетч проводил до прихода Гитлера к власти идеи сближения с Советским Союзом, был закрыт. Отстранен «за выслугой лет» от кафедры в Берлинском университете профессор Онкен. Проскрипционный список германских передовых ученых историков и профессоров, а также консервативных историков, вроде Гетча, Онкена, Мейнеке и Бранденбурга, можно было бы продлить до бесконечности.

Причину разгрома фашизмом старой германской цеховой исторической науки надо искать не в принципиальных и идеологических расхождениях, поскольку речь идет о профессуре консервативной, а подчас и определенно реакционной. Эта профессура и фашизм стоят на одних и тех же принципиальных позициях за-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XXIII, стр. 41 и 486.

щиты капитализма. Большинство из них являются националистами, империалистами, приверженцами шовинистического лозунга «Deutschland über Alles». Многие из этих профессоров во время империалистической войны требовали на основании «исторического права» и без всякого основания аннексии Бельгии, Северной Франции до реки Соммы включительно и перенесения границ на восток, за Днепр. Они требовали создания обширной Срединной Европы и, кроме того, еще колониальной империи — «Германской Индии». Германская реакционная профессура не только мечтала, она действовала и требовала. Профессорские требования об ограблении всего мира были конкретизированы и «научно» обоснованы в так называемом «меморандуме профессоров», принятом 20 июня 1915 г. на собрании профессоров, дипломатов и высших чиновников в Доме искусства в Берлине. Аннексионистские требования этого меморандума, под которым подписалось 1347 «ученых», в числе которых были профессора Герман Шумахер, Зееберг, Дитрих Шеффер и др., превосходили по своей разбойничьей наглости даже требования шести хозяйственных организаций финансового капитала и требования пангерманских объединений.

Германская реакционная профессура была тесно связана с финансовым капиталом и юнкерством, обслуживала их интересы, формулировала, обосновывала и вырабатывала их программные аннексионистские требования, доказывала с «научной» точки зрения «законность» подчинения германскому империализму по крайней мере половины мира. Эта шовинистическая профессура составляла географическую карту «Великой Германии» и подавала «ученые» докладные записки Гинденбургу и Людендорфу, в духе этих притязаний. Памятником «ученой» деятельности этой профессуры остался документ, с которым связана авантюра Гинденбурга и Людендорфа, объявивших неограниченную подводную войну в январе 1917 г. воюющим и нейтральным странам[1]. Эта профессура была сторонницей продолжения войны «до победного конца».

Выполняя заказ финансового капитала и юнкерства, — реакционная «духовная гвардия Гогенцоллернского дома» требовала захвата всех источников сырья в разных странах Европы. Не довольствуясь этим, она требовала сотен миллиардов контрибуции.

Анализ завоевательных требований германской реакционной и пангерманской профессуры показывает, что в них были предвосхищены каннибальские «идеи», которые впоследствии пересадил Гитлер в свою истерическую книгу «Моя борьба». В этом меморандуме мы находим рассуждения и об установлении равновесия между промышленностью и сельским хозяйством, и о за-

[1] Die Deutsche Nationalversammlung. Stenographische Berichte des Untersuchungs — Ausschusses, Band II, Beilagen, Teil V, S. 225—282. Berlin 1920.

селении германскими крестьянами завоеванных земель, и о выращивании на них крестьян-воинов, и об очищении завоеванных земель от их населения, что получило теперь у фашистов название Raum ohne Menschen, и о лишении политических прав всех жителей не-немецкой национальности в расширенной Германии. «Гогенцоллернские профессора» не забыли, конечно, и о заморской колониальной империи.

И более умеренная часть германских профессоров-историков, выразителями которой были во время войны историки Фридрих Мейнеке, Герман Онкен, отчасти и Эрих Бранденбург, попавшие теперь в проскрипционные списки фашистов, тоже требовали не менее обширных завоеваний на западе и востоке и создания более обширной колониальной империи [1].

И группа профессоров во главе с Гансом Дельбрюком и Дерибургом, которая публично выступала против аннексионистских «излишеств» их более реакционных коллег, также требовала расширения Германии во все стороны, но больше на восток и меньше на запад [2].

Разница между этими тремя профессорскими группировками аннексионистов не принципиальная, а количественная. Эти три профессорские группировки охватывали подавляющую часть германской профессуры и являлись подлинной «духовной лейб-гвардией Гогенцоллернского дома» и хозяина последнего — финансового капитала. Каждая из них, как мы видели, по-своему, с меньшим или большим усердием, преданно и беззаветно, пресмыкаясь, подличая и торгуя своей научной совестью, служила германскому империализму вплоть до его разгрома. И после войны, в дни Веймара, они ему также преданно служили, оправдывали все совершенные им до и во время войны преступления, очищали его от всей грязи и крови и представляли перед всем миром в белых одеждах херувима. Они утверждали и сейчас утверждают, что ни германский империализм, ни германский кайзер, ни германское правительство никогда к войне не готовились, ее не хотели; на «миролюбивую» Германию, ополчились панславизм, французский реваншизм и английская торгашеская зависть, и она обязана была защищаться. Хотя такое тенденциозное изображение бисмарковской и вильгельмовской Германии противоречит исторической действительности,— эта с позволения сказать историческая литература, как мы это показали в печатаемой в этом сборнике другой работе, послужила действенным орудием в руках пангерманцев и фашистов в их борьбе против «версальской лжи». И в этом отно-

---

[1] Friedrich Meineke. Probleme des Weltkrieges. Berlin 1917; Frankfurter Zeitung, 31 Dezember 1916; Hermann Onken. Das alte und das neue Mitteleuropa. Berlin 1917, Erich Brandenburg. Die Reichsgründung. Band I, Vorwort. Berlin 1916.

[2] Hans Delbrück. Krieg und Politik. Berlin 1918; Hans Delbrück Bismarcks Erbe. Berlin 1915.

шении, как и во многих других, как показано авторами статей этого сборника, посвященным разным историческим проблемам, заслуги цеховой консервативной германской науки, и, в частности, историографии, перед фашизмом огромны. Многое из того, что германская националистическая и консервативная наука сделала раньше, вполне приемлемо для фашизма. Многое послужило и служит еще и сейчас «научным» фундаментом для построения его диких и варварских «теорий» об исключительности «нордической расы». Достаточно назвать три имени: Трейчке, Ницше и Шпенглера.

Однако имеется существенная разница между этими реакционными германскими довоенными и послевоенными историками и фашистскими лжеисториками. Будучи апологетами империализма, довоенные буржуазные историки, в угоду своим хозяевам, извращали исторические факты, истолковывали их по-своему, но считали нужным скрывать и прикрывать различными способами свои фальсификаторские деяния. Так например, один из вдохновителей и «ученых» руководителей аннексионистского безумия и ярый пропагандист «германского мира» пытался даже найти юридическую формулу, которая подводила бы захват в сердце Европы территории с населением в 42 млн. человек и низведения последних до положения париев под понятие «соседского сожительства». «Нас поносят, — заявил профессор Дитрих Шеффер на митинге «Независимого Комитета за германский мир» 19 янв. 1917 г. в Берлине, — как аннексионистов и пожирателей стран. Мы никогда не думали об аннексиях». Считая недопустимым по соображениям расового шовинизма смешение немцев с народами, живущими за пределами германской восточной и западной границ, этот ученый шовинист утверждал, что порабощение соседних народов немцами не будет аннексией, поскольку они не будут включены в империю. Аннексией называется «слияние» (Einverleibung), как была слита Эльзас-Лотарингия с Германской империей. «Мы же никогда не думали о том, чтобы включить хотя бы одного нового человека в империю и сделать его гражданином империи... Мы не можем жить с этими людьми при одной конституции. Но мы хотим и должны иметь политическое, военное и экономическое господство над нашими соседними областями, дабы они вновь не сделались оружием в руках наших врагов» [1].

И махрово-реакционные историки типа Дитриха Шеффера, как мы видим, считали нужным защищаться против упреков в аннексионизме. Защиту низведения десятков миллионов людей до положения фактических рабов они считали необходимым прикрывать мнимой «свободой» побежденных, так как они не будут жить при одной «конституции» с победителями. На ряду с этими

[1] Durch Deutschen Sieg zum deutschen Frieden. S. 10. Berlin 1917.

«историками» в довоенной Германии были и прогрессивные буржуазные историки, которые боролись в своих исследованиях против фальсификации пангерманской историографии.

Фашистские же «историки» возвели фальсификацию исторических фактов в принцип. Фашисты с невероятной наглостью и цинизмом открыто провозгласили своей задачей фальсификацию исторических фактов.

И до фашистов буржуазные историки боролись против революционного рабочего движения и учения Маркса. Как говорил Ленин: «беспристрастной» социальной науки не может быть в обществе, построенном на классовой борьбе» (Ленин, т. XVI, стр. 349). Однако эти историки не требовали полного подавления рабочего движения как такового. Фашистская же лжеистория специально обращена против рабочего и коммунистического движения, против демократической мысли в Германии и в других странах, проповедует уничтожение целых народов. И некоторые послевоенные германские реакционные историки выступали против Советского Союза. Но в отличие от них фашистские «историки» всегда направляют всю свою звериную ненависть против Советского Союза, являющегося воплощением всего прогрессивного, что создала история человечества. Фашистская фальсификация истории является одним из видов подготовки фашистской агрессии против Советского государства. Разоблачение фашистских «историков»-фальсификаторов и мракобесов становится поэтому обязанностью каждого честного, прогрессивного историка, каждого историка, признающего историю как науку, основанную на фактах.

Мы видели, что подверглись преследованиям и отстранены от профессорских должностей и от руководства органами печати не только либеральная, но и консервативная и националистическая часть профессуры и ученых, за исключением той, которая открыто перешла в лагерь фашизма. Причина разгрома германской науки лежит в полной несовместимости науки с фашизмом.

III

Стремясь заставить историческую науку служить своим агрессивным целям, фашизм потребовал от германской профессуры пересмотреть и переоценить все прошлое германского народа в духе расизма и завоевательной политики «Третьей империи». Он потребовал от историков отказаться от «объективизма» и исследования источников, не считаться с историческими фактами и самим создавать эти факты. «Существенное в искусстве, науке, — поучает Вальтер Франк германских историков,— не в форме. Существенное в науке не факты. Формы и факты являются лишь предпосылками (Voraussetzungen). Существо искусства, как и науки, состоит в том, чтобы дать ответ на великие вопросы, ко-

торые ставит мир борющейся человеческой душе»[1]. Германский фашизм потребовал от германской цеховой исторической науки, владеющей знанием исторических фактов и источников, не считаться с фактами, а самим их «создавать» в зависимости от того политического ответа, который он от нее потребует. От нее потребовали использовать свои знания на подделку и фальсификацию истории и признать, что не существует истории как науки. «Мы знаем, — писали Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии», — только одну единственную науку, науку истории. Рассматривая историю с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны; поскольку существуют люди, история природы и история людей взаимно обусловливают друг друга»[2]. Основоположники марксизма и даже некоторые буржуазные историки считают, что история является одной из отраслей науки, которая исследует факты и события, находящиеся в причинной связи с другими явлениями жизни и природы. Фашисты начисто отрицают историю как науку, занимающуюся исследованием причинной зависимости действий и событий, изучением их взаимозависимости и открытием законов общественного движения. Такую историческую науку фашисты считают «вредной» и объявили ей беспощадную войну. Они ее так же упразднили за «ненадобностью» и «вредоносностью», как они «уничтожили» марксизм. И до фашизма ряд буржуазных историков, стоящих на точке зрения субъективного идеализма, как напр. Риккерт, Маннгейм, Кроче, в последние годы Чарльз Бирд, отрицали и отрицают причинность в истории. Но это идеалистическое течение в исторической науке не было монопольным. Оно не отрицало исторических фактов и не ставило себе специальную цель выдумывать факты в зависимости от политических потребностей дня. Фашистские же «историки» признают лишь ту историческую «науку», которая начисто отрицает причинность в истории и абсолютно не считается с фактами. Фальсификация исторических фактов неоднократно производилась отдельными буржуазными учеными, но это делалось втихомолку, стыдливо, под всяческими благочестивыми прикрытиями. Фальсификация истории не была узаконенной системой. Буржуазия в эпоху своего расцвета и роста сама опиралась на прогрессивную историческую науку в борьбе с отжившими и мешавшими ей классами. В эпоху же революций и империалистических войн и прогрессирующего загнивания капитализма, когда буржуазия видит единственное спасение в террористической диктатуре фашизма,— историческая наука становится для нее вредной. И фашисты с невероятной наглостью и цинизмом открыто бахвалятся, что их задачей является фальсификация истории и

[1] Historische Zeitschrift. Bd. 153, Heft 1, 1935. Walter Frank. Zunft und Nation, S. 8.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 8.

упразднение ее как науки. Это фашизм провозгласил еще задолго до прихода к власти и проводит в жизнь после захвата власти. Фашистский «философ» Освальд Шпенглер писал: «...Чем больше историография создает свой объект путем установления причинных взаимоотношений, тем она пустопорожней. Чем больше кто-либо переживает историю, тем меньше у него получается строго обусловленных причинных действий и тем увереннее он их воспринимает как совершенно не имеющие никакого значения». Ученый должен не анализировать, а чувствовать и переживать. «Историк-исследователь,— утверждал Шпенглер,— бывает тем крупнее, чем он меньше принадлежит к настоящей науке» [1].

Произвольно лишая историю и исторические события присущих им законов взаимодействия причинных явлений, отрицая, что история является областью научного познания и объявляя ее лишь областью «ощущения», «сочувствования» (Nachfühlen), требуя от историков, чтобы они меньше всего искали в исторических событиях обусловленных причинных действий, а когда они их отыщут, то «чтобы воспринимали их как совершенно не имеющие никакого значения», — фашизм открывает путь к беспардонной фантастике и нагромождению вымышленных им фактов для объяснения всего происходившего в прошлом и происходящего в нужном ему духе, с целью оправдания всего реакционного, ненужного, вредного, отжившего, находящегося в прямом противоречии с производительными силами общества и задерживающего поэтому его движение вперед. Объявляя выводы исторической науки, добытые «путем установления причинных взаимоотношений» общественных событий и явлений, «пустопорожними», а установление закономерности «строго обусловленных причинных действий... совершенно не имеющими никакого значения», — фашизм этим самым стремится опровергнуть и вытравить из сознания пролетариата, эксплоатируемых масс и передовых элементов общества учение марксизма-ленинизма, доказавшего на основе глубокого изучения предшествующих общественных формаций, в их числе и капиталистического общества, неизбежность, закономерность и причинную обусловленность гибели капитализма. Фашизм выступает с такой яростью против передовой исторической науки, потому что в результате объективного изучения всех условий, в которых возникают и развиваются общественные явления, классовая борьба, внешние войны и вся сумма общественных событий, из которых складывается жизнь капиталистического общества, она устанавливает их причинную связь и взаимную зависимость друг от друга. Историческая наука наносит смертельный удар фашистской идеологии и капиталистическому строю, который фашизм призван защищать. Ибо:

---

[1] Oswald Spengler. Der Untergang des Abendlandes. Erster Band, S. III, Berlin 1920.

«Если нет в мире изолированных явлений, если все явления связаны между собой и обусловливают друг друга, то ясно, что каждый общественный строй и каждое общественное движение в истории надо расценивать не с точки зрения «вечной справедливости» или другой какой-либо предвзятой идеи, как это делают нередко историки, а с точки зрения тех условий, которые породили этот строй и это общественное движение и с которыми они связаны» [1].

Именно по этой причине фашизм ополчился против объективного исторического подхода к изучению прошлого, «аннулировал» историю как науку и превращает ее в нагромождение нарочито подобранных, не связанных друг с другом, большей частью искаженных фактов и фактиков, а подчас и просто выдуманных. В такой «истории» случайностей открывается беспредельный простор для показа, что историю творили «вожди»-завоеватели, чем якобы «исторически» предопределена и оправдана «миссия» Гитлера как «фюрера» германизма, претендующего на мировое господство. Пытаясь уничтожить исторический подход к изучению прошлого, фашизм на деле уничтожает историческую науку, так как без «...исторического подхода к общественным явлениям невозможно существование и развитие науки об истории, ибо только такой подход избавляет историческую науку от превращения ее в хаос случайностей и в груду нелепейших ошибок» [2].

Антиисторические и реакционные «теории» фашистов не новы и ничего общего с исторической наукой и вообще с наукой не имеют. Они зародились задолго до возникновения фашизма, еще тогда, когда идеологи буржуазии поняли, что изучение исторических фактов и событий и познание закономерности исторических явлений вооружает пролетариат в его борьбе против капитализма, что исторический процесс развития укрепляет пролетариат и ведет к гибели мир, построенный на частной собственности, угнетении и эксплоатации. Фридрих Энгельс в 1886 г. не оставил камня на камне от этих реакционных «теорий». Развивая вышеприведенные мысли из «Немецкой идеологии», Энгельс писал:

«Но и история развития общества в одном пункте существенно отличается от истории развития природы. Именно: в природе (поскольку мы оставляем в стороне обратное влияние на нее человека) действуют одна на другую лишь слепые, бессознательные силы, и общие законы проявляются лишь путем взаимодействия таких сил. Здесь нигде нет сознанной, желанной цели: ни в бесчисленных кажущихся случайностях, видимых на поверхности, ни в окончательных результатах, показывающих, что среди всех

[1] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс под редакцией Комиссии ЦК ВКП(б), стр. 104, М. 1938.

[2] Там же, стр. 105. М. 1938.

этих случайностей явления совершаются сообразно общим законам. Наоборот, в истории общества действуют люди, одаренные сознанием, движимые умыслом или страстью, ставящие себе определенные цели. Здесь ничто не делается без сознанного намерения, без желанной цели... Столкновения бесчисленных отдельных стремлений и отдельных действий приводят в области истории к состоянию, совершенно подобному тому, которое господствует в бессознательной природе. Действия имеют известную желательную цель; но результаты, вытекающие из этих действий, часто вовсе не желательны... Таким образом, кажется, что в общем случайность одинаково господствует и в исторической области. Но где на поверхности происходит игра случайности, там сама эта случайность всегда оказывается подчиненной внутренним, скрытым законам. Все дело в том, чтобы открыть эти законы»[1].

Бессмертная заслуга Маркса перед наукой и пролетариатом состоит, между прочим, и в том, что он открыл эти законы истории. «Для борющегося пролетариата Европы и Америки, для исторической науки, — сказал Энгельс в надгробной речи на похоронах Маркса,— смерть этого человека — неизмеримая потеря... Подобно тому как Дарвин открыл закон развития органического мира, Маркс открыл закон развития человеческой истории: тот скрытый до последнего времени под идеологическими наслоениями простой факт, что люди раньше всего другого должны есть, пить, иметь жилище и одеваться — прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д.»[2].

С тех пор, как Маркс открыл законы истории, сама история как наука сделалась опасной для эксплоататорских классов. И по мере того как массы овладевают этим законом, почва под капитализмом становится все более неустойчивой. Именно поэтому фашизм, как самая оголтелая террористическая диктатура финансового капитала, с такой свирепостью разрушает и уничтожает историческую науку. Именно поэтому фашизм разрушает и уничтожает историю как науку, основанную на объективном изучении фактов, и создает свою фашистскую историческую «науку», основывающуюся на вымыслах, фантастике и фальсификации.

IV

Германская довоенная, военная и послевоенная буржуазно-националистическая историография показала, что объективизм для нее — понятие относительное, что она умеет любые факты и исторические источники истолковывать в нужном для шови-

[1] Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии. Стр. 39—40, Москва 1938.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 652.

нистической политики духе. Однако и представители этой историографии стали втупик, когда фашисты потребовали от них стать на прямой путь подлогов и фальсификации, отказаться от всех приобретенных научных навыков и суждений о прошлом и сделаться простыми штурмовиками от науки и истолкователями истории в том духе, что все прошлое человечества являлось лишь подготовительным периодом к гитлеризму и подготовительной ступенью к завоеванию последним господства над всем миром. Очень многим германским буржуазным и даже националистическим историкам было трудно сразу вступить на этот путь. Им не легко было отказаться от некоторых оценок прошлых исторических эпох и усвоить новые, для чего нет никаких доказательных материалов.

Суть разногласий между фашистским историческим «мировоззрением», т. е. отрицанием истории как науки, и германскими националистическими историками особенно рельефно выявилась в выступлениях трех крупнейших историков, уже в течение 40 лет представляющих в Германии и за границей германскую историческую науку. Мы имеем в виду Мейнеке, Онкена и Бранденбурга. Наиболее полно выразили точку зрения германской академической науки по целому ряду чрезвычайно важных и политически актуальных вопросов истории Онкен и Бранденбург. Разногласия Онкена с историческими «воззрениями» германского фашизма сводятся к нескольким основным пунктам [1]:

1. Признавая законность за каждой новой исторической эпохой оценивать прошлое по-новому, Онкен не соглашался с тем, что фашисты переносят свои политические «идеалы» сегодняшнего дня на прошлое и стараются «переделать его в их духе».

2. Он не соглашался далее с тем, что, переоценивая «по-новому» решающие события и целые эпохи, фашисты совершенно не заботятся о том, соответствуют ли их оценки исторической правде: они «не обращаются к исторической науке или хотя бы к изучению достоверных источников».

3. Онкен считал, что процесс переоценки фашистами прошлого «свалился неожиданно на голову германского народа и абсолютно не известно, где он остановится». Поэтому он призывал историческую науку заняться этой проблемой и попытаться «найти границы между постоянным и изменяющимся в исторической оценке».

Не соглашаясь с фашистами в оценках кардинальных вопросов германской и мировой истории, Онкен показал ужасающее невежество фашистских «ученых» в этих вопросах. «Нельзя прежнюю германскую историю строить преимущественно как средневековую крестьянскую историю; рядом со средневековым

[1] Deutsche Allgemeine Zeitung. 24 Juni 1934, № 287—288. Hermann Onken. Die nationalen Werte der Geschichte.

крестьянством была средневековая городская жизнь». Нельзя игнорировать немецкий город с его богатым культурным влиянием на средневековую жизнь и «больше чем на половину Европы». Онкен не оказался очень восхищенным и «расовой теорией», и культом язычества, и выдвижением в положительную историческую личность герцога Видукинда. Племенной вождь (Stammesherzog) еще не делается национальным героем и в том случае, если в угоду ему соответственно принижают роль Карла Великого». Самое неприятное для фашистов—это то, что германский народ, по мнению Онкена, вышел из того конгломерата племен, которые объединил Карл Великий в своей империи, а «северное языческое германство» занималось тем, что «опустошало огнем и мечом германское побережье». Возражая против оценки фашистами итальянской политики германских императоров и реформации, Онкен в заключение писал: «Надо себе только ясно представить, что останется от германской истории, если одни вычеркнут ошибочный путь политики германских императоров от X по XIII век, а другие захотят измерять своими вероисповедными или национальными осуждающими масштабами (nationalen Verdammungsmasstaben messen möchte) реформацию XVI столетия. Это означает не что иное, как ограбление национальной истории, отнятие у нее двух могущественнейших воздействий, простершихся на Европу». Считая, что такое истолкование истории наносит вред германской истории, Онкен призывал историческую науку «вернуться к чистым источникам познания, чтобы с заостренным с о з н а н и е м к п р а в д е и с п р а в е д л и в о с т и почерпнуть из них углубленное понимание национальных ценностей прошлого. Она не знает более высокой задачи и перестала бы быть сама собой, если бы она от этого отказалась» [1].

Возвращаясь несколько позже к той же теме, Онкен писал по поводу фашистских «историков», что они «не останавливаются перед рискованными гипотезами и не боятся прибегать к использованию недоброкачественного материала», или, попросту говоря, к фальсификации. Выступая против национальной исключительности и обособленности, Онкен подчеркивал, что история немцев «совершалась во всеобщей связи с другими народами». Считая, что «импульсы современности», переносимые фашистами на историю, имеют лишь «переходящее значение, свои границы», Онкен призывал «передовую науку» неустанно «распознавать эти границы», ибо «для науки остается обязанность самоопределения, возвращения к первоначальным источникам, чтобы, основываясь на них, подняться к чистейшему объективизму» [2].

Германский фашизм расценил выступление Онкена как дерз-

[1] См. по поводу затронутых Онкеном проблем статьи профессоров Сказкина, Сегала, Грацианского и Неусыхина.

[2] Deutsche Allgemeine Zeitung. 13 Januar 1935, № 19—20. Hermann O n k e n. Die Wandlungen des Geschichtsbildes in revolutionären Zeiten.

кий вызов всей академической профессуры, как бунт рабов, на который он ответил командой: «Огонь по академикам!»

Удивлять должно не это, а другое: выступление Онкена нашло открытые сочувственные отклики в стране. Даже унифицированная «Франкфуртская газета» напечатала сочувственную передовую статью по поводу высказанных Онкеном мыслей и ехидно спрашивала: «Ну, а что же другие профессора? Ведь кроме историков имеются еще биологи, юристы, медики и др. Их это касается еще в большей степени, чем историков».

Газета писала: «Что здесь сказано о задачах исторической науки, то следует сказать с таким же основанием и о других науках. Можно признать за историками, что не мало из них поработали над тем, чтобы публично выступить против ужасающего исторического дилетантизма и еще более ужасающей, навязчивой, тенденциозной истории, которую всюду изготовляют и в которую верят»[1]. После вторичного выступления Франка в фашистском официозе с оскорбительными выпадами против Онкена (Völkischer Beobachter. 3/4 Februar 1935. Walter Frank. L'Incorruptible, eine Studie über H. Onken) за последнего заступился Фридрих Мейнеке в своем журнале «Historische Zeitschrift». Мейнеке назвал выдвинутые против Онкена обвинения (читай: против германской академической исторической науки) «легкомысленными» и показал ужасающее невежество и нечестность Франка — «фюрера» на «историческом фронте». Чтобы судить о столь важных вопросах, которые Франк затрагивает,— писал Мейнеке,— надо их знать и изучать. А между тем «Франк не имеет никакого понятия о действительной духовной жизни предвоенного времени, особенно о той, которую переживала историческая наука». Защищая историков против невежественных наскоков и заушаний фашизма, Мейнеке в заключение предупреждал фашизм, что его «боевая страсть может сделаться страшной и разрушительной — подобно силе огня»[2].

Не менее резкие разногласия выявились в процессе перетряхивания фашистами всей истории по вопросу о национальном и «сверхнациональном» государстве. В 1935 г. австрийский фашистский профессор Генрих фон-Србик, автор многословной двухтомной биографии Меттерниха, выпустил новую двухтомную работу «Германское единство», в которой фашисты находят «историческое право» и исторически оправданную миссию германизма на господство над всеми окружающими немцев народами. Суть, «сердцевина», труда Србика заключается в новой постановке проблемы Срединной Европы — в фашистском издании. Србик пытается в своем «труде» доказать, что идея национального государства является порождением западноевропейского духа и не

[1] Frankfurter Zeitung, 27 Januar 1935, № 49—50. Передовая статья: «Und die Professoren?»

[2] Historische Zeitschrift, Bd. 152. Heft I. S. 101.

пригодна для немцев. Для них, живущих в Центральной Европе, где национальные осколки перемешаны и не имеют будто бы определенных этнографических границ, идеальной формой государства является «сверхнациональное» государство, конечно под немецким господством. Србик выступает против принципа права национальностей на самоопределение — «этого порождения французской революции» — и призывает освободиться от этого «вредного» для немцев образа мыслей и создать «сверхнациональную», «универсальную» Срединную Европу.

Срединная Европа Србика — это как раз та «национальная» программа германского фашизма, которую он начал осуществлять аннексией Австрии и занятием Судетской области.

«Концепции» цехового австрийского историка фон-Србика вызвали основательный отпор со стороны Эриха Бранденбурга, который решительно высказался за национальную империю, — так как народы, получившие свою свободу в результате борьбы против немцев, и слышать не хотят о Срединной Европе[1].

Выступления Онкена, Мейнеке и Бранденбурга заслуживают большого внимания по многим причинам, но главным образом потому, что они являются выражением протеста консервативной и националистической части германской исторической науки против фашистов. В них выражена суть разногласий между консервативными буржуазными историками и фашистами по основным вопросам истории. Они являются протестом против беззастенчивых методов фальсификации истории и издевательского отношения к историческим источникам. Из выступления Онкена вытекает, что он и его единомышленники являются противниками применения «расовой теории» в исторической науке; что они осуждают выдвижение на первый план якобы исключительных заслуг перед человечеством и германским народом, никому не известной «нордической расы» северных германцев-язычников; что, согласно историческим источникам, «полноценные» северные германцы занимались убийствами и грабежами германцев-христиан в то самое время, когда последние были заняты колонизацией востока, столь близкого сердцу германских фашистов; что они не одобряют похода фашистов против христианской религии и признают за нею крупную историческую заслугу перед германским народом и что они не в восторге от проповедуемого фашистами языческого культа Вотана; что они считают, что начало образованию современного германского народа положила многонациональная и разноплеменная империя Карла Великого, — другими словами, что у германского народа, как и у других народов, имеется много «неполноценной» крови; что они, наконец, рассматривают историю народов как единый

[1] Erich Brandenburg. Deutsche Einheit. Historische Vierteljahrschrift. Heft 4, S. 757, 1936.

исторический процесс, из которого нельзя выделить и искусственно обособить германский народ, как это делают фашисты.

В выступлении Бранденбурга проявились приверженность германской националистической профессуры к федеративной государственной системе, на которой была основана империя Бисмарка, и неодобрение стремлений германских фашистов к превращению национальной Германской империи в «сверхнациональную» Срединную Европу.

Нет никакого сомнения, что выступления германских консервативных профессоров-историков против фашистского мракобесия, фальсификации, стремления представить в извращенном виде всю историю человечества имеют крупное общественное и политическое значение: они явились определенным ударом по фашизму. Однако эти выступления направлены не против фашизма как злейшего врага народных масс, врага науки и культуры вообще, а против фашистских «излишеств», против его грубых, невежественных и аляповатых приемов, шокирующих ученых профессоров. Они критикуют незнание фашистами фактов прошлого, отступление от «заветов Бисмарка», вся их критика обращена на прошлое, они не видят в прошлом настоящего. Онкен и Бранденбург находят нужные слова для критики извращений фашистами прошлого, но они намеренно не замечают тех агрессивных целей, ради которых фашисты все это проделывают. Они критикуют, оглядываясь назад, отстаивая отжившее прошлое. Это не случайно, — это происходит от того, что эти критики и критикуемые ими фашисты стоят на одних и тех же принципиальных позициях империализма. Онкен выступает за «объективность» в исторической науке, за изучение «фактов». Само собой понятно, что речь идет о буржуазной «объективности», не подкапывающей основ капитализма. Оно иначе и быть не может. Сокрушительную критику фашистских исторических «концепций» и взглядов может дать только та критика и та историческая наука, которые стоят на иных принципиальных позициях. Только марксистская историческая критика, «соединяющая научную трезвость в анализе объективного положения вещей» (Ленин), но устремленная не назад, а вперед, только марксистская наука, ориентирующаяся «не на те слои общества, которые не развиваются больше, хотя и представляют в настоящий момент преобладающую силу, а на те слои, которые развиваются, имеют будущность, хотя и не представляют в настоящий момент преобладающей силы» [1]; только та наука, которая «готова служить народу, готова передать народу все завоевания науки, которая обслуживает народ не по принуждению, а добровольно, с охотой» (Сталин),— способна разгромить фашистскую «историографию», показать ее антинаучность, лживость и враждебность народным массам.

[1] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс под редакцией Комиссии ЦК ВКП(б), стр. 105, М. 1938.

Выступления как Фридриха Мейнеке, так и Эриха Бранденбурга были их лебедиными песнями как редакторов солидных исторических журналов и виднейших представителей германской академической исторической науки в целом. Мейнеке был немедленно отстранен от журнала «Historische Zeitschrift», который он редактировал с 1894 г., и на его место назначен перешедший к фашистам профессор К. А. фон-Мюллер. Эрих Бранденбург был отстранен от редактирования журнала «Historische Vierteljahrschrift», который был слит с «Historische Zeitschrift».

Фашистским громилам мало было отстранения критиковавших их историков от преподавания истории в университетах, от руководства научно-исследовательской работой. Им надо было засорить самые исторические источники, предотвратить печатание подлинных исторических документов в научной обработке. Были отстранены от редактирования многотомной публикации «Die auswärtige Politik Preussens», 1858—1871», издававшейся имперской исторической комиссией, профессора Гетч, Фридрих Мейнеке и Эрих Бранденбург. IX том этой публикации вышел в 1936 г. «под руководством комиссара Вилли Гоппе («unter kommissärischer Leitung Willy Hoppe»). Составитель этого тома Герберт Михаэлис известил читателей в предисловии, что «для обработки этого тома в общем оставались еще в силе принципы, изложенные в предыдущих томах» [1]. Отсюда следует, что последующие тома будут наполнены всякой макулатурой. Вместо всех разгромленных исторических обществ, кафедр и учреждений фашисты основали в 1935 г. «Имперский институт истории новой Германии» во главе с Вальтером Франком. Из представителей старой цеховой науки захотели сделаться членами этого института всего три профессора: бездарный тупица и фальсификатор Эрих Маркс, упомянутый выше К. Мюллер и австрийский профессор Србик. Вместе с перекрасившимися старыми профессорами и штурмовиками от науки вроде Лeерса, Карла Циммермана и др. были назначены членами института «практики-специалисты» вроде «выдающегося сотрудника генерала Людендорфа», начальника контрразведки германского генерального штаба полковника Николаи [2] и старого агента Гитлера Франца Гюнтера.

Полное и исчерпывающее представление о той «науке», которую призван создавать фашистский институт истории, мы находим в речи Вальтера Франка на торжественном открытии института 19 октября 1935 г. в Берлинском университете. Франк начал свою речь с напоминания штурмовикам-«историкам» судьбы римского поэта Цинны, который был растерзан толпой, ошибочно признавшей в нем заговорщика Цинну. Такая судьба постигла

[1] Die auswärtige Politik Preussens. 1858—1871. Dritte Abteilung. Band IX, S. 6, Berlin 1936.

[2] После восстановления Гитлером старого генерального штаба Николаи вернулся на свою прежнюю работу, которая ему сподручнее.

поэта потому,— поучал Франк свою аудиторию,— что он чуждался жизни и замыкался в свою поэзию. А между тем задача историков состоит в том, чтобы уметь «в каждый момент слышать в тысячах пожелтелых томов документов, бумаг и книг давних времен и чужих стран поступь нашего народа» и «быть солдатами новой науки», которые должны повиноваться Гитлеру. Обращаясь к отсутствовавшим историкам-академикам, Франк упрекал их в том, что «они нигде не смогли создать ни малейшего нового факта», но признавали «всякие совершившиеся факты». Этим, видите ли, они «унизили» германскую науку. «Мы верили, как германцы и как северные страны во все времена верили, что наука сама является завоевательницей» [1]. Комментарии к этой программе излишни. Историки обязаны сами «создавать факты», они обязаны в исторических документах «слышать поступь» фашистских штурмовиков — громил, сделать из истории орудие завоевательной политики.

То, чего не могла сделать «погрязшая в объективизме» духовная лейб-гвардия Гогенцоллернского дома, успешно выполняет «гитлеровская духовная лейб-гвардия». Это показал известный фальсификатор истории международных отношений — фашист Фридрих Штиве в его новом «сочинении»: «Географическое положение Италии и Германии и его влияние на историю». Два элемента,— говорит Штиве,— определяют судьбу любого народа: «его характер», т. е. раса и «пространство». Рассматривая историю итальянцев и германцев с расовой и геополитической точек зрения, Штиве приходит к бредовому выводу, что эти оба народа должны господствовать над всеми остальными народами.

На севере Германии и Италии, говорит он, имеются Северогерманская и Ломбардская равнины. Равнины — это собирательные бассейны могущества. Поэтому на Северогерманской равнине вождь херусков Армин объединил все германские племена. Здесь Гогенцоллерны основали Пруссию, а затем Вторую империю. Ломбардия сыграла такую же роль для Италии. На юге Германии и Италии имеются области, которые на протяжении веков определяли положение этих стран и народов: «В Германии Дунайский бассейн, окруженный крепостью из Богемских гор, в котором развивалась мощь старой Австрии, и в Италии — остров Сицилия, лежащий впереди крайней оконечности (полуострова), откуда всегда можно развить факторы могущества, как это делалось в средние века во время империи норманнов, а затем Неаполитанское королевство» [2]. Эти два свойства — раса и геополитика — обеспечили в древности всемирное господство Риму, а в средние века — империи Карла Великого. Совсем другие геополитические хозяйства представляют собою,— по словам Штиве,— непре-

[1] Historische Zeitschrift. Bd. 153. Heft I. S. 9—10.

[2] Berliner Monatshefte. Juli 1937. Friedrich Stieve. Die geographische Lage Italiens und Deutschlands und ihr Einfluss auf die Geschichte. S. 570.

рывная русская равнина или четко ограниченное пространство Франции. Сравнивая географическое строение Италии и Германии с таковым Франции и СССР, фашистский «историк» Штиве приходит к выводу, что господство первых стран над вторыми вытекает будто бы из конфигурации этих стран.

Читая эти фашистские бредни, не знаешь, чему удивляться: невежеству или фашистской наглости. История учит, что русский народ создал одним из первых в Европе величайшее государство. История же учит, что этот народ только однажды на заре своей юности испытал унижение от завоевателей, но эта равнина стала их могилой. История учит, что Франция первая поднялась из феодального хаоса и раздробленности к могущественному объединенному государству, не раз диктовавшему условия Европе и в первую очередь «природным владычицам» — Германии и Италии, пребывавшим еще 70—80 лет назад на положении покорных слуг у французских королей, у Габсбургов, у Наполеона I и у русских царей.

Однако «изюминка» фашистского бреда не в историческом прошлом. Невежественные разглагольствования Штиве проливают яркий свет на политику Гитлера в Дунайском бассейне и, в частности, по отношению к Чехословакии. «Дунайский бассейн, окруженный крепостью из Богемских гор, в котором развилась мощь старой Австрии»,— вот что нужно было заполучить фашистской Германии для того чтобы обеспечить свое господство над другими народами в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Германская довоенная историография прославляла на все лады государственную «мудрость» Бисмарка, состоявшую в том, что он не унизил после победы в 1866 г. под Садовой Австрийской империи, не захотел ее уничтожить или искалечить, как того требовала военщина и заключил с нею «почетный» мир. Как известно, начальник штаба фельдмаршал Мольтке, военный министр ген. Роон и придворные круги требовали расчленения Австрии и присоединения части ее владений к Пруссии. Этим требованиям симпатизировал и король Вильгельм. Бисмарку удалось убедить короля отказаться от территориальных приобретений за счет побежденной Австрии. Этой предусмотрительной умеренностью, писали германские историки, он создал условия для заключения в 1879 г. австро-германского союза против России и Франции, который,— в свою очередь, утверждали они,— якобы обеспечил Европе мир на три с половиной десятилетия. Такова легенда о «мудрости», «умеренности» и «миролюбии» Бисмарка, созданная германской довоенной историографией.

После Садовой перед Бисмарком были открыты два пути. Первый путь был усеян непреодолимыми трудностями и опасностями. Первый путь означал присоединение собственно Австрии с Веной. Чтобы там утвердиться надо было перенести войну в глубь Австрийской империи, присоединить к Пруссии враждебные ей сла-

вянские и итальянские народности в Истрии, Далмации и Каринтии и передать Италии Трентино, «то-есть — как говорил Бисмарк впоследствии французскому послу Сент-Вальеру — вручить ей ключ от Альпов». Этого он не хотел. Он это мотивировал следующим образом. В результате дальнейшего разгрома Австрии была бы создана самостоятельная венгерская республика, которая вместе с революционными элементами Италии «угрожала бы нашему Юго-Востоку». Бисмарк боялся создания на обломках Австрийской империи самостоятельных государств. Но самое главное затруднение состояло, по его собственным словам, в другом. «Оставалась Богемия, вечное поле битвы Европы, великое плоскогорье, где берут начало все реки, протекающие у нас, обширное естественное укрепленное поле, самим богом созданное в центре нашего континента»[1]. Бисмарк вполне основательно опасался, что другие державы не допустят без боя перехода этой грандиозной стратегической позиции в руки Пруссии и что, даже в случае овладения ею, «богемские горы» грозили сделаться,— как говорил он послу,— причиной «беспощадной и беспрерывной войны» в Европе. Это заставило Бисмарка сделаться «миролюбцем». «Вы видите, что наше собственное существование требовало, чтобы Австрия оставалась жить». Таким образом, чтобы воспрепятствовать созданию ряда самостоятельных государств в Центральной и Юго-Восточной Европе, чтобы приобрести союзника против России и Франции, и, в частности, чтобы помешать образованию независимой Венгрии и Чехословакии, Бисмарк в 1866 г. пошел на компромисс с Австрией.

В результате разгрома Германской империи и габсбургской Австрии был образован ряд государств в Центральной Европе, возникновению которых они препятствовали всеми силами. В силу географических условий новые государства являются естественным барьером на пути устремлений германского фашизма на Восток и Юго-Восток. Поэтому он стремится их уничтожить.

Исторический бред фашиста Штиве проливает яркий свет и на агрессивную политику партнера Гитлера по «оси» Муссолини в Средиземном море и на его наглые притязания на территории, принадлежавшие некогда распавшейся Римской империи.

Разоблачению наглой фальсификации истории гитлеровскими «историками», выдумок и клеветы, преследующих националистические и агрессивные цели фашистских захватчиков, посвящены все печатающиеся в этом сборнике статьи.

---

[1] Docum. dipl. fr., sèrie I, tome 2. № 476, P. 583.

Проф. Б. Л. БОГАЕВСКИЙ

ЭГЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА И ФАШИСТСКИЕ ФАЛЬСИФИКАТОРЫ ИСТОРИИ

I

Эгейской культуре гитлеровские «историки» уделяют весьма пристальное внимание.

На первый взгляд может показаться странным такой чрезвычайный интерес к культуре, расцвет которой в различных областях восточного Средиземноморья относится ко II тысячелетию до н. э.

Однако интерес фашистов к этим далеко расположенным от Германии областям и к отдаленнейшим тысячелетиям становится понятным, если учесть, что историческая «наука» у фашистов является политически окрашенной демагогией, идеологическим орудием разнузданной агрессии и захватнических планов Гитлера в «восточном направлении».

Эгейская культура и, в особенности, ее местные проявления на Крите,— так называемая минойская культура, и в Микенах,— так называемая микенская культура, представляют собою один из весьма удобных источников для ловкой фальсификации прошлого и подведения «ученой» базы под реакционные теории и звериную человеконенавистническую политику Гитлера.

Фальсифицируя историю восточного Средиземноморья II тысячелетия до н. э., фашисты хотят найти подтверждение своей версии о существовании уже во II тысячелетии северной германской полноценной «расы господ» в Микенах и неполноценной южной «расы рабов» на Крите.

Германские расисты и миграционисты пишут о том, что уже во II тысячелетии до н. э. существовали могущественные «германо-греческие» цари и князья. В своих разбойничьих походах из якобы тогда уже существовавшей Германии в Грецию эти «германские герои» завоевывали, по их словам, области материковой Греции и ее островов, «геройски» грабили и уничтожали местное население.

Уже во II тысячелетии, если верить фашистам, «викинги микенского периода», как называл доисторических греков Виламо-

виц, по существу проводили уже в жизнь слова Сесиля Родса — «расширение — это все».

Наконец, злостно используя богатейший археологический материал эгейской культуры, фашистские мракобесы пытаются доказать не только северное германское и даже «древне-прусское» происхождение древнейшего народного эпоса Греции — Илиады и Одиссеи, но также и всей греческой культуры, когда, как это вполне достоверно известно, никаких германцев ни в Европе, ни вне ее еще не существовало.

В дофашистской буржуазной науке, давшей много ценного для уяснения сущности эгейской культуры, имеется, по существу, три главнейших направления, особенно характерных для конца XIX и начала XX вв.

Одни исследователи, отрывая «культуру» Крита от «культуры» Микен, противопоставляют Крит материковой Греции и отрицают, полностью или частично, самостоятельность эгейской культуры на Крите и ее связь с исторической античной Грецией.

Исходя из этих исследований, Эдуард Мейер в 1909 и 1913 гг. считал даже необходимым связывать рассмотрение крито-микенской культуры не с Грецией, а с культурами Древнего Востока и, особенно, с Египтом. Однако позднее Эд. Мейер[1], отмечая влияние египетского искусства на Крит и подчеркивая также воздействие критского искусства на Египет, вынужден был признать коренное различие египетского и критского искусств.

Другие исследователи, число которых с каждым годом возрастает, доказывают с различной степенью убедительности самостоятельность эгейской культуры, не отрицая связи ее с другими центрами Средиземноморья и, особенно, с Египтом.

С точки зрения этих исследователей крито-микенская культура представляет собою начальную главу истории античной Греции, которая даже в V—IV вв. до н. э. сохраняла многочисленные пережитки эгейской старины. Гомеровский эпос отражает, по их мнению, хотя и в сильно измененном виде, былую историческую действительность, а «темный век», т. е. X—VIII вв. до н. э., является эпохой, в которой сложились исторические основы античной Греции.

Таковы, например, взгляды Эванса, открывшего минойскую культуру на Крите, Глотца, Вальтца, Нильсона, Лейстнера, Маринатоса.

Что касается понимания общественного устройства в эпоху эгейской культуры, то исследователи обоих направлений, обычно, говорят о начальных эпохах как о периоде существования «кланового» родового устройства, — конечно, при господстве

---

[1] Ed. Mayer. Geschichte des Altertums, Bd. II, T. I, S. 166. Strassburg, 1928.

патриархальных, а не матриархальных отношений. В основном же эгейская культура является, по мнению второй группы исследователей, периодом абсолютной или феодальной монархии, с рабами и крепостными. Критская культура гибнет в результате повторных завоеваний Крита воинственными греками (ахейцами и дорийцами), пришедшими с географически неуточняемого этими исследователями «севера» и основавшими укрепленные центры мощных феодалов в Арголиде, Микенах, Тиринфе и других областях доисторической Греции.

«Гомеровская эпоха» также понимается ими как век феодализма, а послемикенские эпохи X—VIII вв.,— как перерыв между крито-микенской эпохой и началом античной Греции, как своего рода «темный век» мрачного и бедного греческого «средневековья».

Таковы взгляды, например, в Англии — Эванса и Уэса, во Франции — Глотца, в Швеции — Нильсона, в Германии — Эд. Мейера, Белоха, Бузольта, Курт Мюллера, в Италии — Парибени, Паче и др.

При этом характерно, что, например, Нильсон в своих последних, представляющих большой интерес, работах признает связь крито-микенской эпохи с античной Грецией, доказывая возникновение гомеровского эпоса в позднемикенские времена и понимая «темный век» как эпоху, в которой сложились основы феодализма микенской и «гомеровской» эпохи и античной Греции. В то же время он говорит о существовании феодализма микенской и «гомеровской» эпохи и, противореча себе, трактует X—VIII вв. до н. э. как самый бедный и темный век истории.

Другой ученый, Моссо, доказывал, что Крит прошел якобы все этапы — от абсолютизма до парламентаризма и от демократии до «доисторического социализма»! А Маринатос недавно пессимистически заявлял о полном своем незнании «политического» устройства Крита, военной организации племен и внешних связей Крита с окружавшим его миром.

Наконец, третье направление представлено буржуазными учеными, которые занимаются исключительно сводкой археологического материала и простым описанием памятников эгейской культуры; они, однако, не связывают эти памятники с исторической природой общества, оставившего после себя многочисленные и разнообразные вещественные материалы и нашедшего отражение в литературных памятниках, в первую очередь в древнегреческом народном эпосе — в Илиаде и Одиссее.

Для этих ученых описательного направления особенно характерен в Германии Фиммен.

Ко всем этим буржуазным ученым можно применить слова В. И. Ленина, сказанные по отношению к «субъективистам», отрицавшим возможность применять «общенаучный критерий по-

вторяемости», к социологии: «их наука в лучшем случае была лишь описанием этих явлений, подбором сырого материала»[1].

Таковы характерные для дофашистской буржуазной науки разных стран, в том числе и Германии, основные направления в понимании эгейской культуры.

Расходясь с буржуазными учеными в истолковании ими эгейской культуры, помня указание В. И. Ленина о том, что «задача материалистов — правильно и точно изобразить действительный исторический процесс»[2], критически относясь к их трудам, мы вместе с тем отдаем должное проделанной ими весьма значительной работе по собиранию материала, учитываем установленные факты и считаемся с заслуживающими внимания результатами их изучения эгейской культуры.

Но эти положения о буржуазной науке никак нельзя распространить на фашистскую Германию. О каких-либо научных течениях в гитлеровской Германии в области изучения эгейской культуры не приходится и говорить. Лишь по инерции и в виде исключения появляются еще иногда робкие статьи по этому вопросу. Характерным же для фашистов и их приспешников является сознательная фальсификация истории Греции даже на таком незначительном, на первый взгляд, участке, как эгейская культура.

Остановимся на наиболее ярких примерах.

Рассматривая «работы» фашистских фальсификаторов древней истории, поневоле вспоминаешь энергичные слова римского историка I в. Веллея Патеркула, сказанные им о древних германцах: «Германцы при всей своей дикости — настоящие продувные бестии и словно созданы для лжи»[3].

С фактами грубейшего искажения эгейской культуры в фашистском духе мы встречаемся еще задолго до прихода фашистов к власти. В этой связи следует в первую очередь упомянуть небезызвестного «певца буржуазного заката» О. Шпенглера, появление на литературной арене которого относится в основном к началу послевоенного периода Германии.

В. И. Ленин с самого начала расценил деятельность этого «ученого» как продукт разложения и упадка буржуазной культуры. В одной из своих статей в 1922 г. В. И. Ленин писал: «Старая буржуазная и империалистическая Европа, которая привыкла считать себя пупом земли, загнила и лопнула в первой империалистической бойне, как вонючий нарыв. Как бы ни хныкали по этому поводу Шпенглер и все, способные восторгаться (или хотя бы заниматься) им образованные мещане, но этот упадок старой Европы означает лишь один из эпизодов в исто-

---

[1] Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов. Соч., т. I, стр. 61.

[2] Там же, стр. 81.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 358.

рии падения мировой буржуазии, обожравшейся империалистическим грабежом и угнетением большинства населения земли»[1].

Этот самый Шпенглер в своих «трудах» отводит эгейской культуре довольно много места.

Во II т. «Заката Европы» Шпенглер, например, пишет: «Около середины II тысячелетия в Эгейском море лежали друг против друга два мира: один — в неосознанных предчувствиях, отягощенный надеждами и опьяненный страданиями и жаждой деятельности, медленно шагая навстречу своему будущему,— это микенский мир.

Другой раскинулся веселый и пресыщенный среди сокровищ старой культуры, изящный и легкомысленный, оставив далеко позади себя все великие проблемы, — минойский мир на Крите»[2].

Набросанная Шпенглером картина исторически совершенно не верна: эти литературно звучащие фразы просто пустые слова. Шпенглер, для получения необходимых для него выводов, прибегает к недостойному для ученого приему, но вполне обычному для фашистских фальсификаторов истории: отрицая существование исторической науки, они отбрасывают реальные факты как ненужный балласт, с легкостью печатая все, что им взбредет в голову. Так поступает и Шпенглер. Прежде всего, в корне неправильно резкое противопоставление Микен Криту как двух принципиально отличных друг от друга каких-то особых «миров».

Подобное положение, которое встречается у многих немецких «фашизированных» и фашистских фальсификаторов истории, может быть выдвинуто только путем сознательного извращения конкретных данных.

Кто хоть сколько-нибудь знаком с фактическим материалом в этой области, тот сразу поймет, что Микены, о которых говорит Шпенглер, относятся к так называемому позднемикенскому III периоду (около 1400—1000 гг. до н. э.). Но в это время на Крите давно уже не было ни прежних «дворцов», ни ярких фресок, ни фаянсовых изделий, ни пестрорасписанной посуды, — словом, не было всех тех произведений, которые некоторые буржуазные ученые любят выставлять как образцы какой-то особой рафинированной культуры с никогда не существовавшим в действительности «импрессионизмом» или «японизмом» в живописи за два или три тысячелетия до нашей эры.

Крит в описываемое Шпенглером время переживал, как свидетельствуют авторитетные буржуазные ученые, полный упадок и застой. Остров был, по их мнению, завоеван ахейцами, которые сидели в Микенах.

---

[1] Ленин. Соч., т. XXVII, стр. 293.

[2] Spengler. Der Untergang des Abendlandes, Bd. II, S. 101, München 1922.

С другой стороны, данную Шпенглером характеристику Крита следует, очевидно, понимать как относящуюся ко времени расцвета «минойской культуры», т. е. к так называемому среднеминойскому II (около 1900—1700) и III (около 1700—1580 гг. до н. э.) периодам. Можно было бы еще думать и о первых двух эпохах позднеминойского периода (около 1580—1400 гг. до н. э.). Но в таком случае нельзя противопоставлять Криту среднеминойского периода Микены позднего времени; с Критом среднеминойского времени следует сравнивать ранние Микены, так называемого периода «шахтовых гробниц». Поступать иначе — значит грубейшим образом пренебрегать реальными фактами.

Таким образом, Шпенглер пытается одурачить читателя, выдавая периоды, отделенные друг от друга многими столетиями, за существовавшие одновременно.

Сознательно игнорируя факты и подделывая историческую действительность, Шпенглер очень ловко отводит внимание читателя от конкретных фактов, перенося центр тяжести объяснений на истолкование мистических «движений» надуманных им пресловутых «душ» культур, что с таким пылом и жаром было подхвачено фашистскими вождями и широко используется во всех видах и сейчас. «Мы никогда не сможем правильно понять, — пишет Шпенглер, — это явление, стоящее ныне в центре исследования, не измерив чудовищную глубину противоположностей, отделяющих одну душу от другой».

Шпенглер, выдавая себя за единственного истолкователя подлинного значения всех этих «душ» микенской и критской культур, заявляет: «Люди того времени должны были ярко почувствовать эту глубину, но едва ли могли ее «познать». Я вижу перед собой — там (т. е. в Греции) полные благородства обитатели замков Тиринфа и Микен взирают на недостигнутую ими духовную степень жизненного порядка в Кноссе».

Нельзя при этом не отметить еще одной несообразности. Противопоставляя на одной странице Микены Криту как два отдельных самостоятельных мира, Шпенглер на ближайшей странице вдруг заявляет, что на Крите «минойская культура — составная часть египетской»! (стр. 103). Следовательно, необходимо понимать противопоставление Микен не столько Криту, сколько Египту. Но как быть тогда с «изяществом» и «легкомыслием» «веселого» Крита, т. е. с чертами, которые даже Шпенглер не решается приписывать Египту? На таком же «научном» уровне находятся и остальные утверждения Шпенглера, касающиеся Крита и Микен.

Например, Шпенглер говорит как о непреложной истине, что на «холмах» Тиринфа и Микен стояли укрепленные замки и крепости, выстроенные на «дедовский германский лад» (стр. 102).

Немного ниже Шпенглер провозглашает другую «истину» — «в Микенах находится первоначальная раса» (стр. 103).

Так, в двух фразах Шпенглер, один из родоначальников фашистской идеологии с ее бредовым расизмом, декретирует исконность пребывания в Микенах «северной расы» и германское происхождение микенцев, живущих в «германских» крепостях, отстроенных для них дедами.

Шпенглер, чтобы не было сомнений в смысле его утверждений, поясняет, что в Микенах «план дома (т. е. так называемый мегарон) является символом строгой жизни. На Крите дом является выражением рафинированной «целесообразности».

Занятия микенских царей соответствуют времяпрепровождению «белокурых бестий» — они занимаются «грабежом и куплей-продажей» и, за неимением своего искусства, «подражают чужому».

Своей оценкой эгейской культуры Шпенглер подготовил почву для использования истории Микен и Крита в нужном для фашистских лже-историков направлении.

Шпенглеру можно было бы задать вопрос, с которым, по словам самих фашистов, обращаются к ним: «нас часто не без удивления спрашивают, являемся ли мы вообще в какой-нибудь степени компетентными в доисторических вопросах, изучаем ли мы историю в университете», — пишет в одном фашистском ежемесячнике какой-то никому неведомый недоучка Петерсен, и изрекает, что историк вовсе не должен учиться, — он только «должен дать гарантию своего северного восприятия, и если не по внешности, то уж во всяком случае по чертам своего характера должен быть северным человеком»[1]. Комментарии не требуются!

II

Шпенглер и «северный» невежда Петерсен в своих «трудах» объясняют многие черты в последних работах некоторых даже старых немецких ученых.

Характерный в этом отношении пример представляет собой историк античности Корнеман, который в состоянии политического подхалимства колеблется между старыми либеральными традициями буржуазной науки и фашизмом, к которому он все же не решается целиком перейти.

Ярким примером развивавшихся профашистских симпатий Корнемана, при сохранении ряда черт, характерных для прежних его

---

[1] «Odal». Monatsschrift für Blut und Boden, № 2, S. 658. Berlin, 1936.

взглядов, служит трактовка им «средиземноморской», т. е. эгейской культуры.

Построение Корнемана основывается на трех главнейших положениях: 1) на противопоставлении индогерманского севера «чуждому» «южному миру» (стр. 9) с его неарийским населением; 2) на признании миграции индогерманцев с далекого севера на юг. При этом пути миграции «уточняются» как «евразийские рельсы», тянущиеся от Средней Европы (т. е. Германии) до Восточного Ирана (стр. 5, прим. 1); 3) на провозглашении превосходства северной мужской культуры над женской, южной, которая, в результате появления индогерманцев, подчиняется северянам и ими соответственно видоизменяется[1].

Как легко заметить, Корнеман, в угоду предвзятым «установкам», в основном повторяет, не считаясь с фактами и искажая их, обычные для фашистских лже-историков, — начиная с Шпенглера, — фашистские «истины».

Однако, при всей своей трафаретности, построения Корнемана обладают специфическими особенностями, которые с первых же строк придают всей работе особенно уродливый вид.

Корнеман безапелляционно заявляет, что «переселения индогерманских народов из северных широт на берега Средиземного моря и в окружающие его страны Азии и Европы внесли два особенно бросающиеся в глаза изменения в культуру и быт юга, а именно: занесение к о н я в средиземноморский и переднеазиатский мир и, во-вторых, введение целиком самодержавного царствования мужчины, который господствует над свободными и несвободными людьми, принадлежащими к его дому» (стр. 5). Для большей убедительности Корнеман проводит глубокомысленную параллель между конюшней и домом, подчеркивая, что «царь среди животных и царственный мужчина в домоводстве появляются, таким образом, одновременно в передней Азии и в Средиземноморье» (стр. 6).

В обширном примечании Корнеман приводит литературу о северных конских породах — германских, кельтских и сарматских. Таким образом, «северные широты», как мы видим, являются прародиной не только человеческой «белокурой бестиальной расы», но также и полноценной германской конской породы.

Северные, т. е. германские мужчины и их северные кони, прибыв на юг, застали там «гораздо более высокую культуру, охватившую широкие области» (стр. 58). Так же как северная, южная культура отличалась двумя особенностями: ведущую роль в ней играли женщина и бык, заменявший на юге полноценного северного коня (стр. 58). Само собою разумеется, что

---

[1] K o r n e m a n n. Die Stellung der Frau in der vorgriechischen Mittelmeerkultur. Heidelberg 1927.

северяне завоевали женский слабый юг и ввели здесь коня вместо быка.

В заключение своей работы Корнеман еще раз подчеркивает особенности двух миров — северного и южного: «женщина и бык, мужчина и конь, — в этой краткой формуле мы попытались противопоставить древнее и новое время» (стр. 59).

Построение Корнемана научно совершенно несостоятельно. Отметим три наиболее грубых и недопустимых даже для рядового буржуазного историка исследовательских приема.

Прежде всего приходится констатировать произвольное обращение с фактами, к которым Корнеман в ранних своих исследованиях, как например в работах «Новые выдержки из Ливия из Оксиринфа» [1] и «Император Адриан и последний крупный историк Рима» [2], относился довольно бережно.

Теперь же, в угоду надуманной «теории», Корнеман, вопреки общеизвестным фактам, хочет доказать, что во II тысячелетии до н. э. в Восточном Средиземноморье первые лошади были северного, германского происхождения.

Не затрагивая всего чрезвычайно обильного материала, касающегося лошади Средиземноморья, отмечу лишь совершенно недопустимое игнорирование фактов, указывающих на завоз лошадей в эти районы из Малой Азии [3], и, в частности, на появление коня на Крите в конце так называемого среднеминойского III периода, т. е. около 1580 г. до н. э., о чем не так давно писал Эванс, опубликовавший известный отпечаток с изображением доставки коня на весельном корабле [4].

Корнеман, на основе своей предвзятой концепции о «северных самодержавных мужчинах», дал им в спутники северного коня. Неправдоподобие построения Корнемана сразу же обнаруживается, если привлечь «восточный» материал, с наличием которого Корнеман не хочет считаться. Лошадь, завезенная, по всем данным, из Малой Азии, была, однако, редкостью в хозяйстве различных родовых обществ материковой и островной Греции, где в течение еще по крайней мере 1000 лет важнейшим домашним животным попрежнему считался бык.

Затем Корнеман применяет не менее недопустимый для историка прием, использованный, как мы уже отмечали, Шпенглером. Корнеман, искажая историческую действительность, хочет убедить читателя, что якобы около 2000 г. до н. э. «самодержав-

---

[1] Kornemann. Die neuen Livius-Epitome aus Oxyrhynchus, Leipzig 1904.

[2] Kornemann. Kaiser Adrian und der letzte grosse Historiker von Rom. Leipzig 1905.

[3] Б. Л. Богаевский. Орудия производства и домашние животные Триполья, стр. 229—235, Л., 1937.

[4] Evans. The Palace of Minos, vol. I, p. 16, London, 1921, vol. II, part. I, p. 244, fig. 141. London, 1928.

ный царственный мужчина» и его северный конь очутились на чуждом им Средиземноморском юге, где хотя и господствовала высокая культура, но она возглавлялась утонченными женщинами с их быками.

Подобное построение несостоятельно: около 2000 г. до н. э. на Крите и в Микенах на основе внутренних условий, без какого-либо появления новых пришельцев извне, начали складываться новые общественные отношения, проявлявшиеся в значительно возросшей власти мужчины как главы семейства.

Характерным выражением наступившего нового этапа явилось развитие домашней общины, возглавлявшейся «патриархом».

Иными словами, как этому учит сравнительный этнографический материал, восторжествовавшее отцовское право в восточном Средиземноморье в дальнейшем сменило материнское право.

На это указывают также многочисленные археологические данные из различных стран, в том числе и Греции, где, как и в доисторической Германии, долгое время существовали матриархальные отношения.

Розенберг и его сподручные, ополчаясь против очевидных фактов, бешено «отстаивают» никогда и нигде не существовавшую в истории исконность патриархата[1].

Таким образом, патриархат в Восточном Средиземноморье явился результатом внутреннего развития родового догреческого общества. Никакого появления самодержавного «энергичного мужчины» с севера, «покорившего изнеженную южанку Крита», в действительности не было.

Политическая окраска фантастического и антинаучного построения Корнемана весьма прозрачна: женщина — неполноценное существо; мужчина — владыка в семье, господин подчиненной ему жены, он — самовластен. Таков идеал современного фашизма, в духе которого проводится фашистская политика и дается «освещение» исторических событий. Вопреки фактам Корнеман занимается пустым «сочинительством» и изобретает какое-то одновременное существование господства на севере мужчины и коня, а на юге женщины и быка[2].

И, наконец, отметим еще третий прием прямой фальсификации истории Корнеманом.

При всей очевидной неправильности теории миграций целых народов, якобы выселявшихся из какой-то прародины и двигавшихся с севера по неведомым путям для облагодетель-

---

[1] Е. Г. Кагаров. Пережитки первобытного коммунизма в общественном строе древних греков и германцев, М.— Л. 1937, стр. 47; у древних германцев, стр. 89—127 М. С. Альтман. Пережитки родового строя в собственных именах у Гомера. М.— Л., 1936.

[2] Б. Л. Богаевский. Пасифая и Минотавр на Крите в свете этнографических данных. Сб. «Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности», Л. 1934, стр. 95.

ствования неполноценных южан, Корнеман даже не потрудился облечь свою теорию во внешне мало-мальски убедительную форму, и его построения поражают своим вульгарным даже с точки зрения буржуазного ученого упрощенчеством.

Корнеман, произвольно взяв 2000 г. до н. э. как дату для ничем не обоснованного им движения германцев на юг, пишет, что «орды подобных самодержавных царственных мужчин — первые из них на телегах, запряженных упомянутыми выше царственными домашними животными, и только позднее продвигавшиеся, сидя на их спинах, — окруженные своими семьями, своей челядью и погонщиками, вторглись в один прекрасный день в южный мир» (стр. 9).

И эта чепуха, продолжать перевод которой не стоит, выдаётся Корнеманом за историческую действительность, которая якобы означала перенесение на «чуждый юг» новой индогерманской северной культуры!

Характерно, что поворот Корнемана на новую дорогу произошел не столько путем разрыва с прошлым, сколько путем попытки сочетания прежних взглядов с новыми. Определяющими, стимулирующими моментами, как мы видели, явилось желание обосновать гитлеровское стремление к вооруженной экспансии и агрессивному захвату соседних земель и отыскать в прошлом «сильного человека» по «увлекательнейшему образу Зигфрида» — по новому Арминия.

В соответствии с воинствующими националистическими устремлениями Корнеман недавно, в результате своих исторических изысканий, подобострастно провозгласил новым Зигфридом или Арминием Адольфа Гитлера[1]. В своем движении навстречу Гитлеру Корнеман не одинок. В различной степени политической стыдливости становятся под знак свастики и некоторые другие старые и молодые продажные немецкие «ученые», занимающиеся Критом и Микенами.

Характерны в этом отношении, например, последние работы Бете, специалиста по Гомеру, и археолога Матца, исследователя ранних печатей Крита.

Бете, находясь под тлетворным влиянием работ новоявленного фашистского «историка» античной Греции Берве, изображает культуру Микен в несоответствующей действительности форме, после Шпенглера ставшей в Германии трафаретной.

Как и Корнеман, но на новый лад, Бете доводит до абсурда вульгарно упрощенное понимание эгейской культуры, толкуя ее с анти-научных и реакционнейших позиций фашистского расизма и прославляя грубую физическую силу и кровожадную агрес-

---

[1] Kornemann. Die erste Befreiungsstadt des deutschen Volkes. *In:* Kornemann. Staaten, Völker, Männer, S. 145, Leipzig. 1934.

сию[1]. Как для Шпенглера и Корнемана, так и для Бете север и юг представляют собой два замкнутых в себе особых «культурных круга», противостоящих друг другу, как противоположные миры полноценной и неполноценной расы. На севере лежит родина «арийцев» греков. Греки были «здоровыми и сильными варварами» и обладали «мужским умом», требовавшим «войн и вооруженных действий». Идеалом является «полный силы и достоинства мужчина, царь». Военная доблесть стоит на первом месте — все остальное ей подчиняется. Поэтому, например, Агамемнон, с точки зрения Бете, никогда не был царем Микен, но являлся прежде всего главнокомандующим греческих войск, удовлетворяясь владычеством в Аргосе.

Северные греки, одаренные каким-то «особым мужским складом ума» и отличавшиеся «алчностью» к добыче (Beutegierig), проявляли себя, как кровожадные разбойники. В течение всего II тысячелетия до н. э., как говорит Бете, эти северные варвары, не смущаясь пространством, непрерывно причиняли беспокойства и Малой Азии, и южной Греции, и острову Криту.

В противоположность мужественному северу и германским грекам-«арийцам» на юге лежал «счастливый остров» Крит, где находилось «женское царство». «Это звучит как сказка» — хочет нас уверить Бете, но «на древнем Крите господствовали женщины», или лучше сказать, «дамы», пышные одеяния которых указывали на высокое их происхождение. «Женщина, а не мужчина, играла главную роль» в культуре, которой женщина придала свой характер.

В подкрепление своей мысли Бете отмечает, что «низкие, широкие ступени лестниц лениво подымаются к дворцам; удобные для женщин, они были слишком низки для мужского шага».

Хотя Бете и не знает носителей критской культуры, однако само собою разумеется, что «женское царство на Крите», несмотря на его высокую культуру, конечно, не было создано арийцами.

На долю полноценных и царственных разбойников северян выпала привычная для современных германских фашистов работа по «унификации» культуры, приведшая цветущую страну к бедности и нищете.

Так, первые арийцы-греки, ионийцы, вторглись около 1700 г. до н. э. на Крит, разграбили его, сожгли дворцы и селения. Однако «умные критяне» (почему-то не критянки, как следовало бы ожидать), вскоре после нападения в 1700 г., откупились от «этих мужественных ионийцев» и надолго обязались перед своими победителями богатой данью.

[1] Bethe. Mykene und Agamemnon. *In*: Rheiniches Museum. S. 218, 1931. Bethe. Tausend Jahre altgrichischen Lebens Mykene um 1250 v. Chr. München 1933, Bethe. Mykene und Kreta. *In*: Forschungen und Fortschritte, 10 April 1934.

Более того, критяне, если только верить Бете, развратили ионийцев, которые, увлекшись изнеженной жизнью в «дамском обществе», утеряли свои мужские качества; около 1400 г. до н. э. с севера вторглись «новые греческие орды, которые наводнили Грецию». На этот раз это были ахейцы; они принесли «преждевременную смерть» «матриархальному блеску старого, процветавшего в мирной пышности Крита» и заодно завоевали и ионийцев. Так старые сородичи ахейцев поплатились за то, что они «восприняли удобную пышность критской культуры, которой пользовались до тех пор, пока по законам Судьбы сладкий яд не отравил их, придав им качества женской изнеженности и слабости».

Во всех приведенных пассажах Бете не оригинален; он старательно применяет к конкретному случаю фашистские установки, провозглашенные официальным «антропологом» Гансом Гюнтером, пользующимся особым «термином» — «рассевериться» (entnorden) для выражения утери «северянином» полноценных качеств [1].

Но, оказывается, не только изнеженность ведет к гибели; излишняя «мужественность» иногда приводит, по Бете, к тем же и даже худшим результатам: микенская культура получила смертельный удар от дорийцев, этих последних греческих племен, появившихся все из той же неисчерпаемой, как хочет нас уверить Бете, германской земли — родины всевозможных «кровожадных белокурых бестий». Почему это произошло?

И в этом случае Бете по существу повторяет «глубокомысленные» заявления Гюнтера: «эолийцы и ахейцы,— вещает этот фашизированный антрополог, — при продвижении дорийцев наверняка весьма сильно уже рассеверились,— их преимущественно нордическая верхушка частью исчезла в результате военных предприятий, а частью расово смешалась путем брачных сочетаний с низшим, не нордическим слоем населения». Поэтому, вздыхает Гюнтер, хотя ахейцы, по сравнению с дорийцами, и обладали высоко развитой культурой, но не обладали уже в достаточной мере унаследованными способностями, чтобы длительно противостоять простым и грубым новым пришельцам (т. е. дорийцам).

Научная несостоятельность Бете в оценке эгейской культуры очевидна. «Приемы» его квази-исследовательской работы лишний раз свидетельствуют о глубоком падении научной мысли в фашистской Германии.

Прежде всего характерным антинаучным приемом фальсификации истории Бете является вытягивание истории в одну прямую линию развития и сознательное объявление одновременными событий, относящихся к различным эпохам.

[1] Günter. Rassengeschichte des hellenischen und römischen Volkes. S. 16. München, 1929.

Так, вздорной выдумкой и сознательным игнорированием фактического материала являются утверждения Бете о существовавшей на Крите около 2000 г. до н. э. «женского царства», разрушенного якобы около 1700 г. северными греками-арийцами и о последовавшем возрождении «дворцов» и поселений в условиях мирной жизни и при отсутствии оборонительных сооружений.

Бете не хочет считаться с непреложными фактами синхронизма между Микенами эпохи «шахтовых гробниц», относящихся к среднеэлладскому периоду, и среднеминойским периодом на Крите между 2100—1580 гг. до н. э. Бете мог бы также знать, что к этим же временам теперь относят и Трою II с ее знаменитым «кладом Приама».

По всем археологическим данным, совершенно ясны два положения: с одной стороны, в течение упомянутого времени в Микенах, на Крите и в Трое бесспорно увеличивалось значение роли мужчины, а с другой стороны, во всех трех упомянутых областях женщина была окружена общественным вниманием.

Никакого изображенного фашистами «изнеженного» «женского царства» на Крите не было. Это убедительно доказывают фрески, особенно так называемые миниатюрные фрески. На Крите существовало равноправие мужчины и женщины· женщина имела немалое значение в делах управления и работала на ряду с мужчиной.

Нельзя не вспомнить по этому поводу, например, высокое положение упоминаемой в Одиссее Гомера Ареты, супруги Алкиноя, на острове феакийцев.

Затем нужно подчеркнуть, что памятники данного периода прекрасно свидетельствуют о росте значения военного дела, вооруженных столкновений и внимании, уделявшемся физическому воспитанию населения.

Достаточно вспомнить хотя бы изображение кулачных боев на воронкообразном сосуде из Агии-Триады, стаканчик с изображенными на нем воинами и начальником и фрески с фигурами, вооруженными копьями в Кносе и в Тилиссе и т. д. К этому же времени относятся и золотые кольца из шахтовых могил в Микенах со сценами военных схваток, а также известный серебряный воронкообразный сосуд из IV шахтовой гробницы с изображением осады укрепленного поселения; мы видим, в частности, участие женщин в военных делах: женщины, стоя на стенах, энергичными жестами ободряют своих мужей и братьев, сражающихся на равнине под стенами родного поселения. Это изображение не случайно; наоборот, оно передает один из излюбленных сюжетов, как об этом можно судить по аналогичным сценам в Илиаде, воспоминания о которых сохранились и в поэме «Щит Геракла», приписываемой Гесиоду.

Наконец, на «фестском диске», — аналогии к пиктографическим знакам, — на котором теперь представляют сходные знаки из Аркалохори и Аподолу на Крите, мы видим первые изображения военнопленных.

Совершенно произвольным и невежественным является утверждение Бете о незащищенности «дворцов» на Крите. Достаточно, хотя бы по известным публикациям Эванса, которых не может не знать Бете, ознакомиться с материалом Кноса, чтобы убедиться в наличии там сильных оборонительных средств.

Напомним о сплошной линии наружных стен, расположенных уступами, и о специальном, весьма замысловато укрепленном северном главном входе в Кнос. Интересная, правдоподобная реконструкция этого сильно укрепленного входа опубликована Эвансом в 1930 г. в III томе «The Palace of Minos», который Бете обязан был изучить, прежде чем оповещать мир о незащищенности критских «дворцов».

Кстати, не мешало бы Бете почитать и отчеты о раскопках в Маллии — он увидел бы, что и там принимались вполне реальные меры к защите главного входа поселения, фланкированного сильной башней. Но Бете, следуя примеру гитлеровских фельдфебелей от науки, считает возможным давать «научные построения», не утруждая себя знакомством с фактами или просто игнорируя их.

К числу вздорных утверждений Бете относится также созданная им легенда о разрушении критских «дворцов» греками, специально прибывшими для этой цели с севера около 1700 г. до н. э.

В действительности же, как доказал Эванс еще в 1928 г., «дворцы» были разрушены землетрясением, имевшим место в конце так называемого среднеминойского III периода, т. е. между 1700—1580 гг. до н. э.

Как мы видим, Бете в своих построениях не чувствует себя связанным ни фактическим материалом, ни новейшими достижениями даже буржуазной науки. В частности, в угоду пресловутому «расизму» и политике фашистов в отношении женщины, он создает свою извращенную, с позволения сказать, «концепцию» эгейской культуры.

Так, желая во что бы то ни стало представить критских женщин во II тысячелетии до н. э. как жеманных и утонченных дам, Бете не хочет принять во внимание, что так называемые «критские дамы» ходят босиком и сидят на полу, поджав под себя ноги, чего не сделает ни одна из «чистопородных» красавиц, подготовляемых в «Третьей империи» на службу «человеководству». Чтобы усилить впечатление читателя на счет изнеженности обитательниц Крита, Бете призывает в свидетели даже ступени лестниц; они отлоги якобы потому, что помогали слабым дамским ножкам «лениво подыматься» (lässig) по лестнице.

Бете умышленно замалчивает общеизвестный факт: большинство этих лестниц в Кносе и Фесте, где были театрально-зрелищные площадки, служили не для подъема, а для сидения, почему их и делали обычно очень широкими [1]. Если Бете из каких-либо соображений не желает читать книги англичанина Эванса, то он мог бы ознакомиться хотя бы с трудами своего земляка—немецкого ученого Булле, который хорошо описал эти «зрелищные лестницы» (Schautreppen) в отличие от обычных лестниц, служивших для подъема [2].

Менее грубо, но по существу также неправильно и фальшиво изображает эгейскую культуру немецкий ученый Матц, уделивший особое внимание вопросу о ее возникновении. Матц в своих работах выступает как ярый и необычайно узкий формалист, скрытый расист-миграционист и апологет германской агрессии против Балкан и передней Азии, прикрывающийся псевдо-научными теориями о культурно-созидательном приоритете «индогерманцев», являющихся, конечно, «северянами».

«Научные» построения Матца представляют собой один из ярких примеров использования для соответствующей фальсификации науки основного фашистского демагогического лозунга о «превосходстве» «полноценной» северной германской расы над другими и о ее праве на господство над неполноценной, южной и восточной.

Главнейшие положения Матца сводятся к следующему. Матц пытается установить особый древнеевропейский северный «культурный круг», охватывающий Среднюю Европу, т. е. придунайские области от Венгрии и Австрии и до Карпат. Этому северному кругу противостоит южный и восточный переднеазиатский.

Матц полагает, что «минойская культура» на Крите, восточная по характеру и малоазиатская по происхождению, представляет собою в раннем Средиземноморье последний остаток западного палеолита и по существу является древнеевропейской, обусловленной, как вещает Матц, «слоем населения», продвигавшегося на остров Миноса из самого «сердца Европы», т. е. с германского севера.

Матц считает, что к этим, с позволенья сказать, «выводам» можно притти, изучая не только вопрос о появлении формы орнаментации сосудов и печатей, но главным образом «структуру этой формы».

Матц обращает внимание на два «типа» орнаментации: спираль и угловатый меандр, выступающие главным образом в двух основных «схемах»: в схеме «отношения плоскостей» (Flächen-

---

[1] А. Н. Дальский. Театрально-зрелищные действия на Крите и в Микенах во II тысячелетии до н. э., стр. 160 и 168, М.-Л. 1937.

[2] Bulle. Untersuchungen an griechischen Theatern, S. 210, München, 1928.

raport) и в схеме «кручения» (Torsion). К этому присоединяются «вихревые построения» (Wirbelbildungen).

Все эти свои соображения Матц скрепляет глубокомысленными ссылками на «предрасположение народной психологии» к спиральным и всяческим иным кручениям [1].

Более того, рассматривая спираль как дунайский элемент в эгейской культуре, Матц объясняет этот «факт» особым складом ума придунайского человека в отношении способа нанесения орнамента на поверхность сосуда или печатей. «Дунайское отношение» в сознании людей III тысячелетия до н. э. и выражалось в «мотиве кручения».

Как же связать всю эту мешанину кручений и углов с критской культурой?

Оказывается, культура на Крите между 2400—2100 гг. до н. э. (так называемый древнеминойский период) возникла в результате необыкновенной миграционной суматохи, производившейся неутомимыми переселенцами, которых возглавляли, конечно, «северяне».

Так, каким-то таинственным путем, который остается секретом Матца, на Крите из Фессалии оказались «люди Димини и их потомки» [2].

Затем началось миграционное состязание: с далекого севера на Крит двигались «протоиндогерманцы», представители «культурного круга ленточной керамики», переселялись новые «диминийцы»; в то же время с востока туда устремились переселенцы с западного побережья Малой Азии и с Кикладских островов.

Эти последние две волны переселений должны были «скреститься». В дальнейшем эти никакими действительно историческими данными не засвидетельствованные «передвижения» людей должны были столкнуться с первыми пробравшимися на Крит до них «диминийцами».

Даже после этого, согласно поучениям Матца, переселенческая возня не только не прекращается, но специфически германско-«нордическое» миграционное движение на Балканы становится все энергичнее, охватывает все более широкие пространства и прокладывает путь индогерманизации Греции» [3].

В результате многовековой миграционной гонки, совершенно непонятно почему происходившей, якобы и возникла эгейская культура на Крите. В отношении «художественного стиля» III тысячелетия до н. э. Крит, по словам Матца, представляет собой особую «уравнительную зону» (Ausgleichzone) [4], между севером и югом.

---

[1] Matz. Die frühkretischen Siegel, S. 233. Berlin, 1928.

[2] Matz. Die kretisch-mykenische Kultur und ihre alteuropäische Beziehungen. *In*: Forschungen und Fortschritte, S. 42, 1935.

[3] Matz. Die kretisch-mykenische Kultur. S. 42.

[4] Matz. Die frühgriechischen Siegel, S. 270, Anm. I.

В заключительных строках своей объемистой книги о древнекритских печатях Матц несколько приоткрывает сокровенный и, надо сказать, весьма искусно затушеванный политический смысл своего построения.

Наличие в критской орнаментике сосудов и печатей вихревых и спиральных мотивов, свидетельствует, по мнению Матца, о том, что перед нами «поразительно жизнеспособный, но все еще придавленный и тяжелый дух старой Европы».

При встрече с орнаментикой древнего Востока «выступает новое критское искусство», представляющее для нас «не что иное, как первое пробуждение европейского духа»[1].

Таким образом оказывается, что Крит был «глубочайшим образом связан» с Европой: перерабатывая восточные «мотивы», Крит является колыбелью европейского искусства, уравновешивая «север» и «юг».

Матц, устанавливая связи Крита с Европой и отрывая его от Востока, подчеркивает, однако, что в критском стиле «речь идет о художественном стремлении, которое, выступая, как явно выраженное атектоническое начало, преисполненное темперамента и даже страсти, стремится понять объем и плоскость как единое нерасчлененное целое, и поэтому ищет и находит свое высшее выражение в искусстве малых форм».

В этом смысле критский стиль противоположен искусству греков, в котором господствует «чувство выдающегося тектонического и монументального стиля»[2].

В приведенной оценке критского и греческого искусства Матц под сурдинку протаскивает расистскую точку зрения, фальсифицируя исторические данные: критское искусство, по его словам, всегда было неорганизованно (атектонично) и якобы управлялось «чувством»; поэтому оно было эмоционально и способно только на «малые формы». Наоборот, греческое искусство всегда было в высшей степени организованно, т. е. направлялось, видите ли, не чувством, а «интеллектом» и создавало большие «монументальные» формы.

Иначе говоря, несмотря на европейский характер, искусство Крита, все же как искусство южное, — неполноценное, а греческое, порожденное «нордическим духом», — полноценно. Матц, резко и принципиально противопоставляя в области искусства Крит античной Греции, выступает как подлинный фальсификатор истории, для которого знакомство с фактами не обязательно.

Смешивая все эпохи эгейской культуры и делая произвольные обобщения, он всячески пытается уйти от установленного

---

[1] Matz. Die frühgriechischen Siegel, S. 270.
[2] Ibidem. S. 370.

факта, что позднее эгейское искусство подготовляет искусство архаической Греции.

Он не считается с тем, что в области изобразительного искусства происходил примерно тот же процесс, что и в области религии, мифологии и народного эпоса, о чем недавно писал Нильсон, доказывая микенское происхождение греческой мифологии и гомеровского эпоса[1].

По крайней мере в 1935 г., после появления ряда новых исследований, Матц обязан был бы знать, что в искусстве Крита и Микен, на определенном этапе их исторического существования, возникает стремление к монументальному стилю, находившее свое выражение в целом ряде произведений «больших форм». Так, Каро, говоря о надгробных орнаментированных плитах на могильном кругу в Микенах, писал, что они представляют собой «первое произведение монументальной пластики рельефа на европейской почве»[2].

Знаменитый рельеф над «Львиными воротами», аналогию к которому Курт Мюллер и Зульце находят также в Тиринфе, рельеф с шагающим быком с так называемой «гробницы Атрея», бронзовые локоны с гигантской, вероятно, хризоэлефантинной статуи на Крите, известная гипсовая женская голова с татуировкой служат также красноречивыми памятниками нарождавшегося «монументального» стиля на Крите и в Микенах.

В III т. труда Эванса о «дворце Миноса» Матц, при желании, мог бы без труда ознакомиться с необходимыми фактическими данными.

Монументальный стиль прекрасно выражен также и в ранней архитектуре: достаточно вспомнить столь известные кукольные гробницы в Микенах, в Орхомене и других местах; не следует забывать и о превосходно построенных монументальных гробницах на Крите, хотя бы об известной гробнице в Зафер-Папуре, около Кноса.

К этой же категории монументальных построек относятся и сами «Львиные ворота» и «циклопические стены» Микен, Тиринфа, крупные мегароны и т. п.

Развитие «монументального стиля», нашедшего свое выражение в конечных эпохах существования «эгейской культуры», было обусловлено происходившими изменениями в общественном устройстве конца II тысячелетия до н. э. в материковой и островной Греции: «критомикенская эпоха» сменялась так называемым периодом «архаической Греции».

---

[1] Nilsson M. The Mycenaean origin of greek mythology. Cambridge, 1932. Его же. Homer and Mycenae, London, 1933.

[2] Karo. Schachtgräber von Mykenai. Text, Bd. II, T. I, S. 35. München, 1933.

«Работы» Матца, явно фальсифицирующие всю историю эгейской культуры, еще раз ярко свидетельствуют о глубочайшем падении буржуазной науки в фашистской Германии.

Для Матца, как очевидно и для Корнемана и Бете, «работы» которых мы разоблачили выше, одинаково характерно (несмотря на различие между ними в методах фальсификаторства), что свои извращения и подлоги в гитлеровском стиле они осуществляют, пытаясь соблюсти, по крайней мере внешне, преемственность по отношению к своим старым высказываниям и к старой буржуазной науке вообще. Но это им плохо удается. У всех троих явственно торчат уши прямого политического подхалимства, выступающего в различной форме, — от признания «гениальности» Гитлера (у Корнемана), до стыдливо прикрытого оправдания основных положений звериного фашизма с его кровавым шовинизмом, расизмом и агрессией.

Корнеман, Бете, Матц в «Третьей империи» не одиноки. Но если уж в «работах» этих приспособленцев — «научных двурушников» мы видим невероятное извращение элементарных приемов научной работы, то можно себе представить, какую бездну падения и фальсификаций можно найти у «ученых» мракобесов, открыто стоящих на позициях фашизма, например, у Каро и особенно у Шухардта [1].

III

Последние многочисленные работы Каро по Микенам — яркий пример фашизации, т. е. гибели науки и фальсификации приемов научного исследования. В начале, в работах 1915 г., Каро стоял примерно на позициях Лихтенберга. Затем, видимо, не без воздействия «Заката Европы» Шпенглера, в работах Каро стало усиливаться реакционное направление, особенно отразившееся в объяснительном тексте к изданным им археологическим памятникам, найденным Шлиманом в шахтовых гробницах Микен. Наконец, за последние годы Каро выполнял позорную роль «ученого гида» при Геринге во время поездок этого высокопоставленного

[1] Типичной по своей развязности и невежеству является статья какого-то Визнера, появившаяся в «Jahrbuch des deutschen archäologischen Instituts. Archäologischer Anzeiger», № 1—2, S. 261. 1937. Wiesner. Vorgriechische Idole. Визнер объявляет эгейскую пластику доиндогерманской и преважно заявляет, что северные «индогерманцы» и их искусство были настроены враждебно к идолам, т. е. к статуэткам. Внесение «расовой теории» в дело изучения доисторических статуэток приносит новый конфуз фашистам: если бы Визнер прочел своего соотечественника, видимо, фашиста, Шроллера, то увидел бы список многочисленных человеческих и животных статуэток, найденных в разных местах в Силезии, Саксонии и в различных пунктах средней Германии.

фашистского канибала в Грецию, где Каро давал в Арголиде научно несостоятельные, но выгодные фашизму объяснения значения микенской культуры [1].

Так, противопоставляя суровый «мужской» север Микен югу — «изнеженной» «женской» культуре на Крите, Каро сочиняет всевозможные исторические небылицы.

Оказывается, что во II тысячелетии до н. э. «микенские греки» двинулись с севера на захват южных областей Греции. Во главе вооруженных дружин стояли германские князья, которые во время походов, в схватках и грабежах, добывали себе богатство. Прибыв в Арголиду, «германские герои» (germanische Helden) застали местное население пребывающим в условиях бедной «крестьянской культуры».

«Северные викинги» быстро превратили население в своих крепостных, причем, как поясняет Каро, порабощенное население существовало при иноземном господстве, сохраняя свою старую культуру.

Археологически Каро определяет вымышленную им эпоху завоевания как среднеэлладский период, т. е. период, примерно, от 2100—1580 гг. до н. э.

Вскоре, в начале XVI в. до н. э., т. е. в позднеэлладский I период, аристократическая культура, как пишет Каро, заменила собой крестьянскую культуру северных греков, т. е. микенских захватчиков. Однако Арголида, по признанию фашистского «ученого», оставалась бедной страной. Видимо, автор считает естественным, что господство представителей «полноценной» «нордической» расы не несет населению ничего, кроме страданий и бедности, подтверждением чего является современная Германия с кровавым господством в ней расистов.

Воинственные «северные господа», в отличие от массы населения, жили в крепко построенных замках и дворцах (видимо, чтобы укрываться от населения!). Каро поясняет, что «стремление к воинственным деяниям влекло господ из правящего слоя к великим начинаниям и даже к заморским походам». Осуществлению этих планов германских разбойников II тысячелетия до н. э. должно было содействовать специально придуманное Каро «историческое положение», при котором, северной, бедной Греции противостоял на юге богатый, высококультурный и утонченный «женский» Крит. Микенские, «ахейские» цари и князья производили, разумеется, разбойничьи набеги на Крит, разрушая города и сжигая дворцы. Однако завоевать Крит северным разбойникам все же не удалось, несмотря на их расовые свойства: остров защищала крепкая вооруженная сила. Микенцам удалось только вывести рабов, «опытных во всяком мастерстве», и за-

---

[1] Jahresbericht des archäologischen Instituts des deutschen Reiches für das Haushaltsjahr 1934—1935, S. VII.

хватить богатую добычу. «Герои», как повествует Каро, не забывали брать также золотые изделия для украшения своих жен.

В течение некоторого времени, — сочиняет далее Каро, — как показывают предметы и, особенно, оружие, обнаруженные в шахтовых гробницах Микен (примерно, около 2100—1580 гг. до н. э.), господствовал «явно выраженный мужской характер культуры шахтовых гробниц»[1]. В течение той же «эпохи шахтовых гробниц» в пределах эгейского мира господствовала «воинственная агрессивная и разумная власть» Микен («kriegerisch-angreifende überlegene Macht); она никоим образом не являлась объектом добычи для утонченной минойской культуры.

Каро стремится резко отделить «культуру» от ее создателей: чтобы подчеркнуть еще раз «неполноценность» южан, «объяснить» причины упадка культуры, Каро прибегает к знакомым нам жульническим приемам. Крит в руках Каро, как и других немецких фальсификаторов истории, оказывается «коварным» по отношению к северянам. Каро рассказывает, что к моменту ограбления Крита «северные господа» на протяжении 200 лет все сильнее и сильнее смешивались с неполноценной расой, попадая под влияние минойской культуры. «Микенские господа стремились подражать критянам в одежде, в вооружении и в поведении, подобно немецким князьям эпохи Рококо, подражавшим французам». При всем стремлении Каро возвысить «северных господ», из его описаний следует, что микенские господа не имели, как говорится, за душой ничего своего, кроме северной «бестиальности»: они были бедны, некультурны, отличались кровожадностью и жаждой наживы...

Микенские господа, это — вылитый портрет гитлеровских молодчиков из штурмовых отрядов! Но Каро метит дальше: хотя «южане» в прошлом злостно «портили» северян, но северянам, т. е. дорийцам, в конечном счете «удалось» вновь восстановить «северную кровь» и благодаря этому создать высокую «античную культуру».

Каро не пытается даже выдумать «фокус спасения» нордической крови и не объясняет, как вышли из создавшегося неприятного положения «ахейские» греки-северяне, которые «смешивались с южанами»; он в качестве «доказательства» ограничивается вымышленным описанием времени господства в Греции во II тысячелетии до н. э. «мужской культуры».

Как мы видим, Микены и Крит у Каро выступают в искаженном и совершенно несоответствующем фактам виде, обычном, впрочем, для фальсификаторов истории в современной Германии. Если бы Каро ограничился только общей извращенной характеристикой эгейской культуры, то можно было бы пройти

---

[1] Karo, Schachtgräber von Mykenai. Bd. II T. I. S. 320.

мимо его псевдонаучных «взглядов». Однако Каро настойчивее, чем кто бы то ни было, «обосновывает» свои положения о северо-германском происхождении микенцев якобы объективными данными антропологии. На этом следует остановиться подробнее.

Каро хочет применить к обитателям Микен пункт 21 программы германских «национал-социалистов» о том, что «раса — это та ось, вокруг которой вращается мир национал-социализма». Как поясняет один из сотрудников известного словаря доисторических древностей Эберта, фашистский «историк» Рехе: «Раса является понятием естественно-научной систематики. Раса — это группа живых существ, которая развилась в изоляции и на основе естественного отбора и без примеси чужеродных элементов, из единого корня»[1].

Каро, на основании антропологических данных, всячески стремится доказать северное происхождение «микенских греков» и их расовую чистоту. Правда, взятая Каро на себя задача не легка; как известно, в плохо раскопанных Шлиманом шахтовых гробницах хотя и были обнаружены человеческие кости, но не были найдены черепа. Это, однако, не остановило усердного Каро. В могилах находились некогда покрывавшие лица погребенных золотые маски, передававшие, как утверждает Каро, «весьма точно» черты умерших.

Для получения нужных ему результатов Каро привлек фашистского антрополога-расиста Фишера и вместе с ним состряпал новую «ученую» фальшивку.

Фишер в своем небольшом произведении «Антропологические замечания к маскам» торжественно возвещает миру, что в его работе «речь идет о попытке расистски (rassenmässig) истолковать золотые маски»[2].

Не входя в подробности, остановимся на мошеннических фокусах, которые проделывают Каро и Фишер над двумя (623, I I и 624, 1 II) наиболее характерными золотыми масками из V шахтовой гробницы.

Про первую маску Каро пишет: «очень узкие края губ, повидимому, принадлежат беззубому старику», а вторую характеризует так: «это — князь в лучшие годы своей жизни; благородная, очень сходная с позднегреческим расовым типом цельная, прямая линия профиля лба и длинного носа». В этой маске «несомненно следует признать попытку изобразить портрет».

Фишер базирует свои «антропологические» упражнения, главным образом, как он поясняет, на «негативных» приемах исклю-

---

[1] Reche. Der Bergiff «Rasse». *In:* «Volk und Rasse» № 7, S. 217. 1933.

[2] Fischer E. Anthropologische Bemerkungen zu den Masken. *In:* Karo, Schachtgräber von Mykenai, Bd. II T. I, S. 320.

чения. У микенских аристократов, поучает Фишер, носы были не передне-азиатские, не семитические и не негроидные. У микенских князей также «не было широких негритянских губ». Микенская борода — не восточная и, конечно, не негроидная. Таким образом получается желательный вывод: маска носит «европеидный» характер (europäid).

Две безбородые золотые маски причинили Фишеру особые затруднения, так как на них брови были изображены сросшимися. У европейцев, пишет Фишер, ссылаясь на антисемита Лушана, такое явление чрезвычайно редко, зато оно обычно среди населения современного Крита — у евреев, армян и персов. Таким образом, хотя и очевидно, что «сросшиеся брови бесспорно восходят к передне-азиатской расе, однако, трудно использовать этот пример как доказательство действительного смешения крови, имевшее место в данном княжеском роде» в Микенах. Приходится констатировать, что, судя по золотым маскам, в Микенах жили представители двух рас: «нордической», т. е. северной, и средиземноморской. И все же фашист Фишер вопреки фактам заявляет, что маски, а также плохо и скудно сохранившиеся в могилах кости конечностей указывают на рослую «нордическую» расу, а не на низкорослую средиземноморскую.

Смысл всех этих совершенно антинаучных антропологических упражнений Фишера сводится к тому, чтобы свести свой, как он говорит, «диагноз», к приоритету северной расы в Микенах. В ослаблении же чистоты северной расы повинны южанки или восточные женщины II тысячелетия до н. э.

При явной недостаточности данных Фишер, в заключение своего расистского «анализа» масок, прямо говорит о предвзятости своих выводов, заявляя: «я хотел бы еще несколько сильнее подчеркнуть доказательства нордических черт» у микенцев! К этому Каро, со своей стороны, добавляет: «таким образом, мы должны в отдельных масках признать древнейшие портреты европейского материка».

В этих словах звучит обычное для фашистски устремленного «исследователя» пренебрежение к фактам и подобострастное желание во что бы то ни стало выполнить заказ своих господ на «доказательство» «полноценности» и якобы исконности «северной» расы [1].

Говоря о Фишере, нельзя не задать вопроса: как относятся

---

[1] Нельзя при этом не вспомнить курьезного примера некритического отношения к антропологии и у французских расистов: известный крупный французский специалист по эгейской культуре Глотц следующим образом характеризует приобретенную недавно в Смирне бородатую голову, сделанную из оленьего рога: «этот критский царь микенского типа не может быть только ахейцем. Он не современник царей, погребенных на акрополе Микен; это — один из потомков, поселившихся на Крите: он не Минос, не Агамемнон,— не мог ли он быть Идоменеем?»

Однако все глубокомысленные рассуждения и предположения Глотца

к легенде о «северном» происхождении микенцев буржуазные антропологи, не отравленные ядом фашизма, приносящим гибель науке и культуре там, где он на время захватил власть?

Характерно в этом отношении мнение шведского ученого Фюрста, одного из лучших специалистов по антропологии доисторической Греции.

При изучении в могильнике в Калкани около Микен костных остатков двадцати особей разного пола и возраста из позднеэлладского времени, Фюрст пишет: «на основании изучения позднеэлладских (т. е. микенских.—Б. Б.) черепов из могильника в Калкани, пригодных для научного исследования, я не в состоянии доказать, что главная масса погребенных здесь относится к нордической расе, но могу, однако, сказать, что если это представляется возможным с точки зрения археологии, то и со стороны антропологии возражений по поводу этого положения нет» [1].

Из весьма тонко составленного вывода Фюрста совершенно очевидно, что все построение Фишера, основывающегося на антропологии, рушится; Фюрст, по существу, высказывается весьма ясно: антропология, на которую фашисты возлагали столько надежд, не дает никаких оснований говорить о северном происхождении микенцев, но если археологи в состоянии это действительно доказать, то антропологии придется уступить перед силой доказательств. Археология, однако, бессильна решить вопрос о происхождении обитателей Микен на основании вещественных памятников.

IV

Карл Шухардт, старый член прусской академии наук, немецкий археолог, занимавшийся немало эгейской культурой и памятниками Средиземноморья и в конце своей жизни перешедший в лагерь фашизма, представляет собой одну из наиболее отталкивающих фигур гитлеровских фальсификаторов истории.

Заслуги Шухардта перед фашизмом многообразны. Можно сказать, что вышедшие при гитлеровском режиме в Германии «работы» Шухардта представляют собой обширный каталог с самым разнообразным набором всевозможных фальшивок и фальсификаторских приемов исследования в области археологии, этнографии и изучения «Илиады» и «Одиссеи» — этих драгоцен-

не имеют никакой цены; — голова, столь глубоко заинтересовавшая Глотца, оказалась современной подделкой, вышедшей из рук не слишком даже искусного резчика по кости в Смирне, который вовсе не собирался никого надувать, а хотел лишь изобразить бородатого турка в чалме! (Glotz. La civilisation égéenne, p. 79—80. Paris, 1923).

[1] Fürst. The skulls. *In*: Wace, Chamber Tombs at Mycenae; p. 225—232, Oxford, 1932.

ных памятников древнегреческого народного эпоса, которые Шухардт «разбирает»... с позиций «расизма».

Остановимся прежде всего на некоторых наиболее показательных по своей полной научной несостоятельности археологических положениях Шухардта, разоблачающих его фальсификаторские приемы.

Исходя из бесспорного для него наличия двух «культурных» кругов — северного и южного, Шухардт утверждает, что в Германии между 3000 и 2000 гг. до н. э. существовали четыре крупных культурных области: на севере — мегалитическая культура, на юго-западе — «культура свайных построек», на юго-востоке — ленточная или спиральная керамика и «наконец, посередине — тюрингенцы, которые украшали свои сосуды оттисками веревочки» (так называемая «керамика с веревочным орнаментом»).

Тюрингенские «веревочные керамисты» (Schnurkeramiker), как заявляет Шухардт, были «дрожжами в тесте индогерманства» [1].

Эти достойные «керамисты» колонизировали север и смешались там с «германским пранародом». После этого они вместе с «нордистами» (mit den Nordisten) продвинулись «в юго-западном направлении» и создали «кельтическое начало».

Все, как мы видим, обстояло очень просто. Индогерманским «веревочным керамистам» противостояли на юго-востоке «ленточные керамисты» (Bandkeramiker), родиной которых были области от Австрии и Чехословакии до Средней Силезии и которые вскоре распространились по всей южной Германии.

Оказывается, «ленточные керамисты», как «открыл» Шухардт, были иллирийцами, южанами — это доказывается одному Шухардту известными отношениями иллирийцев к... Микенам. Шухардту также доподлинно известно, что «одно из северных переселений, которое индогерманизировало Грецию», должно было пройти через иллирийскую страну, где индогерманцы многое восприняли от «неполноценных» иллирийцев.

Это первое переселение, по словам Шухардта, и «вызвало к жизни микенскую культуру. Оно же принесло с собой спиральную орнаментацию, которая в Микенах распространилась». Оказывается, что из Иллирии были занесены также «шахтовые погребения». Иллирийцы же утвердили «удивительный обычай покрывать лица умерших золотыми масками».

Все это было бы прекрасно и очень усиливало бы позиции Бете, Каро и особенно Матца, если бы не неприятная для последнего оценка Шухардтом «иллирийско-микенской» спирали.

Шухардт, вводя новый и весьма нелепый «термин», опреде-

---

[1] Schuchhardt. Die frühesten Herren von Ostdeutschland. *In:* «Sitzungsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften» S. XXXVIII, Berlin. 1934.

ляет «спиралику» (Spiralik)[1] не слишком привлекательно: это «шаловливая и зигзагообразная ленточная орнаментация».

Впрочем, со своей точки зрения Шухардт прав — подобная «несерьезная» орнаментация глиняных горшков соответствовала измышленному им характеру ее создателей: «иллирийцы должны были быть, рассказывает Шухардт, людьми полными фантазии, остроумными и любителями пожить».

Шухардт приводит «доказательства» правильности подобной характеристики: у иллирийцев «все их искусство, их утварь и посуда позволяют делать такое заключение; они превращают рукоять меча в человеческую фигуру, покрывают плечи амфоры изображениями людей и животных, они ставят на колеса котел для смешивания вина и снабжают его ручками с птичьими фигурками, чтобы котел этот можно было удобно катать взад и вперед по столу, за которым происходит попойка» (damit er [т. е. котел] hübsch auf der Kneiptafel hin und her rollen kann)[2]. Шухардта нисколько не смущает, что подкрепление оценки своей «спиралики» в Микенах II тысячелетия до н. э. он находит в бронзовых изделиях северной Германии и Дании, изготовленных примерно тысячу лет спустя в условиях так называемого Гальштата (ранний век железа).

Для фашистского фальсификатора истории, как мы это уже хорошо знаем, факты не имеют никакого значения; важно, чтобы производимое словоизвержение выявляло «нордические» черты словоизвергателя. Ведь Шухардту и «спиралика» и доисторические «застольные друзья», т. е. пьяницы-иллирийцы, пирующие, как жирные немецкие студенты-корпоранты во время своих «кнейпов», нужны для весьма развязного основного вывода: «нордическая (т. е. северная) кровь греков противостоит южной крови иллирийцев» как высшее начало.

Смысл слов Шухардта ясен — греки, как северные пришельцы, должны якобы принадлежать «полноценной» «северной расе» господ, иллирийцы же — представители «неполноценной» южной расы.

К этому утверждению нам придется еще раз вернуться при разборе чудовищных по своему невежеству положений Шухардта об Илиаде и Одиссее.

Теперь же отметим забавное расхождение между Шухардтом и Матцом в оценке спиральной орнаментации на сосудах, — расхождение необычайно ярко вскрывающее всю пустоту и убожество доказательств обоих «ученых мужей».

Спираль, по Матцу, создали полноценные северные индогерманцы, а по Шухардту — спираль порождена легкомысленными

---

[1] Schuchhardt. Alte Sagenzüge in der homerischen Archeologie und Geographie. *In*: «Sitzungsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften», S. 198, Berlin, 1935.

[2] Schuchhardt. Die frühesten Herren. S. XII.

и любящими выпить неполноценными иллирийцами. Поистине — «своя своих не познаша».

Попутно отметим еще один небольшой трюк, показывающий ловкость рук прусского «академика». Шухардт пишет: «Матц, продолжая мысль Шухардта, утверждает: «основу критского стиля составляет спиралика, которая, как часть ленточной керамики, была занесена на Крит из Адриатики»[1].

У Матца нет ни одного слова, посвященного специально Адриатике, и понятно, почему: ленточная керамика и спираль, по его мнению, достояние северного «культурного круга», к которому принадлежит и Дунайская область. Отсюда, через Фессалию (Димини), спираль попадает на Крит.

Для «иллирийской теории» Шухардта путь движения спирали Матца невыгоден; поэтому он приписывает Матцу происхождение спирали из Адриатики, близкой иллирийскому, т. е. неполноценному «культурному кругу». Прием Шухардта явно фальсификаторский.

Не более состоятельна защита Шухардта в вопросе полноценности «веревочного орнамента», якобы созданного «индогерманцами», людьми «строгого севера» (стр. XLVII).

Шухардт считает бесспорным фактом, что «веревочная керамика» происходит от «мегалитической» керамики, что лучше всего она выражена в «лужицкой» культуре и что создателями последней являются северные индогерманцы. Изложение Шухардта по этому поводу можно выразить, пользуясь его словами, в виде особой «этнографо-археологической» пропорции: «северная греческая кровь» так противостоит «южной иллирийской, как лужицкая культура иллирийству ленточной керамики» (стр. XLIII).

Нам остается вскрыть лженаучный характер всех этих построений Шухардта, основанных на «расовой» противоположности «спиралики» и «веревочки».

Прежде всего, и спираль (не говоря о спирали в эпоху так называемого палеолита) и веревочный орнамент известны не только в Европе, но широко распространены и вне ее, о чем можно судить по очень богатому археологическому материалу и по данным этнографии. Так (об этом я писал в одной из своих специальных работ), спиральная орнаментация широко применялась и в Китае (например в Хенане и в Ганьсу), в Индии (Мохенджо-Даро и Хараппа) и находила применение и в доисторической Японии[2].

Кроме того, спираль, как известно, обычна и в татуировке различных племен Австралии и среди населения Тихого океана (например Новая Зеландия, Таити, Маркизовы острова).

[1] Schuchhardt. Alte Sagenzüge, S. 198, с неверной ссылкой на статью Матца, вышедшую не в 1935, как говорит Шухардт, а в 1934 г.

[2] Богаевский Б. Л. Орудия производства и домашние животные Триполья. Л., 1937.

И, наконец, «спиральные» и «веревочные» орнаментации совершенно недопустимо рассматривать в целом, как это делает Шухардт, на протяжении тысячи лет, между 3000—2000 гг. до н. э. «Веревочный» орнамент находил свое применение в эпоху, когда спираль переставала уже привлекать к себе общественное внимание.

Словом, спиральная орнаментация, которая больше всего интересует Шухардта и Матца, встречается во многих внеевропейских странах на определенных этапах социально-экономического развития того или иного конкретного общества.

Не повторяя всего сказанного о «спиралике», отметим лишь, что этот якобы «индогерманский» «веревочный» орнамент известен и в Азии, как показывают раскопки Андерсона, и в Юго-восточном Китае (Хенань) и в пещере Ша-Куо-Тун на границе Манчжурии[1]. «Веревочный орнамент» настолько широко распространен среди Айнов, что Губерт Шмидт склонен был усмотреть в этом доказательство чуть ли не европейского происхождения айнов[2]. Кроме того, «веревочный орнамент» встречается также и на сосудах додинастического Египта, например в Магасне[3]. Как мы видим, для Матца и Шухардта создается совершенно безвыходное положение: Матц вряд ли захочет признать в обитателях доисторического Китая и в современных австралийцах «полноценных» «северян», создателей «спиралики», а Шухардт, хотя и может порадоваться «иллирийству» спиральной орнаментации у «неполноценных» предков китайцев, никогда не согласится видеть в них германских «северян», создавших «полноценную» веревочную орнаментацию.

Шухардт не один выдает «веревочных керамистов» за северных индогерманцев. Так поступают, например, и близкие фашизму миграционист-расист и формалист Шроллер и германофилы в Польше (археолог Антоневич), а в Австрии — Питтиони, который считает «веревочную керамику» в Австрии бесспорным для себя доказательством северной «индогерманизации» средней Европы в неолите, представляющей собой историческую аналогию гитлеризации современной Австрии[4]. К числу таких же германофилов следует отнести и финского националиста Эйрепейа (Ayröpää)[5].

---

[1] Andersson. The cave-depossit at Sha-Kuo-T'Un in Fengtien, p. 24, Peking, 1923 (Paleontologia Sinica, Serie D, Vol. I, Fasc. I). Andersson. An early Chinese culture, plate XVII. Peking, 1923 (Bulletin of the geological Survey of China, № 5).

[2] Schmidt H. Prähistorisches aus Ost-Asien. *In*: Zeitschrift für Ethnologie № 5—6, S. 144, 1924.

[3] Ayrton. Predinastic cemetery at El-Mahasna, London. 1911.

[4] Pittioni. Zur Frage der Schnurkeramik in Oesterreich. *In*: Forschungen und Fortschritte, № 28, S. 344, 1934.

[5] Ayröpää. Ueber die Streitaxtkultur in Russland. Eurasia Septentrionalis. 1933.

Однако Шухардт, говоря об индогерманцах как создателях, по его мнению, «веревочного орнамента», выдает эту «теорию» за единственную и непреложную, существующую в буржуазной науке, злостно и тенденциозно умалчивая о существовании противоположных взглядов. Между тем, об индогерманстве «веревочных керамистов» говорят, как мы видим, главным образом немецкие фашисты, а также наиболее твердолобые буржуазные реакционеры-националисты, как Коссина в Германии и Мух в Австрии. Напомним, что на ряду с «теорией» Шухардта, существует противоположное мнение о том, что «веревочная орнаментация» занесена «южными» индогерманцами с Востока, как это стараются доказать, например, Розенберг, Сулимирский, Борковский Пуассон, с которыми, конечно, полемизирует Антоневич[1]. Против «теории северных индогерманских веревочных керамистов высказывается также и Чайльд в одной из своих последних работ.

Таким образом, как мы видим, даже буржуазная наука далеко не единодушна в вопросе об индогерманском происхождении «веревочного орнамента». Теория Шухардта — типичная фашистская фальшивка.

Не лучше обстоит дело и со вторым основным археологическим положением Шухардта об «индогерманском» «северном» доме, которым он занимался около тридцати лет.

В одной из ранних своих работ Шухардт не боялся цитировать старую «превосходную маленькую книжку Рудольфа Геннинга»[2], в которой автор писал, что «простейший вид дома, из которого развились все остальные, представляет собой помещение, не разделенное внутри на части, примерно, квадратной формы, под двускатной крышей которого перед стеной расположено для защиты от ветра и непогоды преддверье в ширину дома. Это преддверье налицо во всех областях или там, где оно исчезло, оно оставило следы своего существования» (стр. 62).

Таким образом для Геннинга «прямоугольный» дом представлял собой исходный вид жилища, который в последующие времена видоизменился.

В 1909 г. и Шухардт не шел еще наперекор фактам, хотя и не мог удержаться от того, чтобы в осторожной форме не высказать уже своих националистических симпатий насчет исключительной древности германского мегароновидного дома. «Тип этого дома, — писал он, — в Германии, пожалуй, так же стар или, быть может, еще древнее, чем в Греции»[3].

[1] Antoniewicz. Das Problem der Wanderungen der Indogermanen über die polnischen und ukrainischen Gebiete (напечатана в реакционнейшем сборнике в честь Хирта, стр. 193).

[2] Henning R. Das deutsche Haus in seiner historischen Entwicklung, 1882.

[3] Schuchhardt. Die Römerschätze zu Potsdam nach den Ausgrabungen 1908 und 1909. *In*: Prähistorische Zeitschrift, № 2. S. 234. 1909.

Позднее Шухардт вместе с другими национал-шовинистическими, реакционными немецкими «учеными», как Хирт, Коссина и Вильке, уже более или менее определенно заявлял о «северном», т. е. германском происхождении мегарона.

Так, например, в одной из своих догитлеровских работ Шухардт писал, что во II тысячелетии до н. э. «пришедший с севера мегарон (das vom Norden gekommene Megaron), представляющий собой длинный прямоугольник с преддверием и большим очажным помещением за ним, который, как мы можем думать, начиная с микенского времени, имел всеобщее распространение, но в отсталых областях еще не нашел своего применения» [1].

И, наконец, уже в период господства в Германии фашизма Шухардт, в разбираемой нами работе, разразился следующим пассажем: «совершенно поразительным в лужицкой культуре является домостроительство. Нигде нет и следа круглой хижины иллирийцев. Повсеместно господствует северо-германский дом в виде длинного прямоугольника (das norddeutsche langrechteckige Haus), снабженный обычно преддверьем; этот дом, перекочевавший (gewandert) в Грецию и даже в Трою, мы обнаружили уже в неолите — около Касселя (Гальдорф), в Марке около Требуса, в Шмергове и Неурупине». «Ни в одной культуре, — заявляет Шухардт, — дом с преддверьем и на столбах не был так излюблен и разработан, как в лужицкой. И этот род строительства все более проявляет себя как преимущественно германский» [2].

Приведенные нами цитаты из работы Шухардта представляют собой новый поразительный пример сознательного и планомерно проводимого искажения фактов и жульничества, который даже не стоит особого труда разоблачить.

Прежде всего, как и в вопросе о керамике, Шухардт, явно преследуя расистские цели, объявляет одновременными явления, относящиеся к различным эпохам, — круглые хижины «неполноценных» иллирийцев, по Шухардту, относятся якобы к той же эпохе, что и прямоугольные дома северных «полноценных» германцев, создателей гордой «лужицкой культуры».

На самом же деле, в средней Европе, как и на юге, в материковой и островной Греции, круглые постройки относятся к более ранним периодам и сменяются затем прямоугольными. При этом, конечно, не исключается возможность, что, при обычном неравномерном ходе общественного развития, круглые постройки продолжали еще кое-где существовать в виде пережиточных

---

[1] Schuchhardt. Ursprung und Wanderung des Wohnturms. «Sitzungsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften». Philosophisch-historische Klasse. S. 445, Berlin, 1929.

[2] Schuchhardt. Die frühesten Herren, S. XLVI.

форм, но преобладающее значение имел прямоугольный дом. Круглая форма жилища ни в какой степени не указывает на расовую неполноценность ее строителей, как и обратно. Вопрос о форме жилища, как и вопрос об орнаментации решает не раса, а определенный этап исторического развития общества.

Шухардт, как опытный и сознательный фальсификатор истории, старательно избегает вопросов датировки памятников. Если же он приводит хронологические даты, то привлекает «эпоху» не менее, чем в 1000 лет, как будто за этот отрезок времени ничего не изменялось.

Поэтому Шухардт со свойственной для фашистского лже-ученого легкостью говорит о неолите как о каком-то едином застывшем периоде, сохранявшем якобы однообразие в течение нескольких тысячелетий.

Между тем в действительности в неолите, — и Шухардт не может этого не знать, — были широко распространены как жилища округлого плана различного вида, так и мегароны, причем последние относятся к конечным эпохам неолита (так называемый энеолит), когда в обиходе изделия из меди встречаются уже редко. Шухардт сознательно игнорирует тот факт, что лучшие, обнаруженные на почве современной Германии, мегароны, например в Бухе, в Бранденбурге, в Пруссии, Кикебуш относит к 1000 г. до н. э., отмечая этой датировкой синхронизм с Грецией времени так называемого «дипилонского стиля»[1]. Интересно, что поселение в Бухе относится к позднему «веку бронзы», хотя и сохраняет многие черты, характерные для неолита.

Не мог Шухардт не знать также и того, что известные мегароны в Диминии, в Фессалии относятся ко времени Кукутен эпохи «В», т. е. примерно к 1600 г. до н. э., как и в Кораку[2]. Приблизительно так же датируются и мегароны лужицкой культуры. Всего этого, однако, Шухардт не хочет использовать, так как для него важна не научная достоверность фактов, а выгодное для фашизма решение политической задачи — необходимо во что бы то ни стало доказать, что наиболее ранней формой жилища северных германцев был, вопреки всем известным науке фактам, мегарон.

И, наконец, последнее. Шухардт старательно обходит молчанием все те факты, которыми опровергаются его голословные утверждения. Он не хочет знать, что мегарон вовсе не представляет собой не только какого-то порождения «гениального» се-

---

[1] Kiekebusch A. Eine germanische Aussiedelung aus der späten römischen Kaiserzeit bei Paulinen, Kr. Westhavelland, nebst einigen Bemerkungen über den Zusammenhang der Grundrisse vom Bucher-Typus mit dem altgriechischen Megaron. *In*: Prähistorische Zeitschrift, S. 165, 1912.

[2] Schroller. Hausbau in der jüngsteinzeitlichen bemalten Keramik, Tagungsberichte der deutschen anthropologischen Gesellschaft, Leipzig, 1928, S. 94. Blegen. Korakou, S. 79, Boston, 1921.

веро-германского духа, но даже не может быть вообще отнесен исключительно к северной Европе.

Так Шухардт намеренно замалчивает давно уже опубликованные Эвансом наблюдения относительно весьма широкого распространения мегароновидных построек на Крите в течение уже так называемого среднеминойского III периода, т. е. примерно около 1700—1580 гг. до н. э. и начальных эпох позднеминойского периода [1].

Иначе говоря, Эванс, на основании отчётливых археологических данных, показывает существование мегарона на Крите задолго до мегарона в Микенах, якобы занесенного, по Шухардту, переселившимися сюда северными греками.

Таким образом оказывается, что «неполноценные» южане на несколько сот лет опередили «полноценных» северян в изображении мегарона.

Но более того, когда Шухардт писал свою статью, уже были известны раскопки Олбрайта в Тель-Беит-Мисриме, в Сирии около Геброна, южнее Иерусалима. В этих раскопках Олбрайт обнаружил вполне ясно сохранившийся в основном плане типичный мегарон, относящийся примерно к 1700 гг. до н. э. [2].

Еще раньше, в 1908 г., немецкий исследователь Сарасен, изучая на некоторых островах Тихого Океана прямоугольные постройки со столбами, предлагал, правда, явно увлекаясь, рассматривать их как прототип дорийского храма, т. е. постройку мегароновидного типа [3]. Из всего сказанного напрашивается очевидный вывод: 1) мегарон не представляет собой исключительно северо-германской постройки; 2) мегароны встречаются как в средней и северной Европе, так и на юге и, в частности, в восточном Средиземноморье; 3) мегароны известны были на Востоке, где во II тысячелетии до н. э., как и позднее, никаким «северным духом» не веяло и 4) мегароновидные постройки сооружаются и «неполноценными дикарями» на островах Тихого Океана.

Мегароны, несомненно, были обусловлены определенным этапом общественного развития, о чем писал акад. Н. Я. Марр в своей работе о мегароне и атриуме, широко используя для выяснения их значения лингвистический материал и положения общего учения о языке [4].

---

[1] Evans. The Palace of Minos, v. II, part I, 1928; p. 282, fig. 167 p. 318, p. 373—340, fig. 208; part II, p. 392, fig. 224, p. 397, fig. 226, 227. part III, 1930, p. 328, fig 218; v. IV, 1935; part I, p. 205, fig. 156a.

[2] Albright. Excavation at Tell-Beit-Misrim. American Journal of Archaeology, № 4, p. 560. 1932.

[3] Sarasin. Über die Entwickelung des griechischen Tempels aus dem Pfahlhause. *In*: Zeitschrift für Ethnographie № 1—2. S. 58—80. 1907.

[4] Марр Н. Я. Первый средиземноморский дом и его яфетические названия, у греков мегарон, у римлян atrium, Известия Академии Наук СССР, стр. 225—237. 1924.

Фашист Шухардт, прибегая к возмутительному приему замалчивания фактов, противоречащих тенденциозно защищаемым положениям, не в состоянии согласовать между собой даже свои собственные выдумки.

Действительно, если Шухардт рассматривает круглую хижину и «спиралику» как создание «неполноценных» иллирийцев, то, казалось бы, что соответствующая керамика должна находиться в жалких жилищах этих незадачливых «южан». Наоборот, «веревочная керамика», порожденная высокоодаренными северянами, должна существовать исключительно в мегаронах, порожденных «нордическим» духом.

В действительности же дело обстоит, как это доказывают многочисленные раскопки, наоборот. Как общее правило, типичная расписная спиральная орнаментация, являющаяся, по мнению Матца, южной ветвью «ленточной керамики», обычно находится в жилищах прямоугольного типа. Например, такую керамику мы находим и в Стреличе «эпохи II» в Чехословакии, и в трех найденных мегаронах раннего Эрӧжда в Румынии (б. Семиградие), и в мегаронах Димини, и в прямоугольных жилищах так называемой трипольской культуры, и в Днепро-Бугско-Днестровском районе, и в Яншао в Хенане.

Равным образом в мегароне, в Микенах, которые, как утверждает Шухардт, обнаруживают связь северян с иллирийцами, на сосудах, во всевозможных золотых украшениях, на оружии и на каменных надгробных плитах господствует спиральная орнаментация.

То же преобладание спиральной орнаментации мы видим и в других поселениях микенского периода. В соответствии с этим, во всех перечисленных областях отсутствует веревочный орнамент, встречающийся, как показал, например, реакционный формалист-расист Шроллер, в б. Семиградии только в эпоху, сменившую время распространения «росписной керамики». Наоборот, прямоугольные дома встречаются «без исключения» (ausnahmslos) в Эрӧжде, Кукутенах, Триполье, Болгарии и Фессалии [1], где в керамике господствовала спиральная орнаментация.

Отметим, кстати, что стены глиняных моделей прямоугольных домов в Болгарии времени распространения росписной керамики были покрыты спиральным узором, которыми снабжались и прямоугольные жилища Эрӧжда.

Равным образом прекрасно известно, что в послемикенские времена, примерно начиная с X в. до н. э., спиральная орнаментация заменяется «геометрическим узором», в котором не фигурирует, однако, веревочный орнамент.

В послемикенское время мегарон, как хорошо известно, исчезает, продолжая существовать только в пережиточных формах,

[1] Schroller. Hausbau in der jüngsteinzeitlichen bemalten Keramik, S. 95.

в виде так называемых дорийских храмов и различных построек общественного назначения, как булевтерии и пританейоны.

Таким образом, положения Шухардта о «спиральных» и «веревочных керамистах», круглых хижинах и «нордическом мегароне» несостоятельны даже при рассмотрении каждого положения в отдельности; если же их рассматривать в совокупности, то все построение становится крупной «научной» фальшивкой и авантюрой.

Фактический материал, взятый в целом, как им только и может оперировать ученый, т. е. археологические данные, обнаруженные в Европе и вне ее, не только не позволяют говорить о «нордическом» приоритете «веревочного орнамента» и мегарона, но заставляют решительно отвергать лженаучные объяснения Шухардта, и старых (Хирт, Коссина, Вильке) и молодых расистов, и национал-шовинистов, вроде Шроллера, к работам которого мы будем иметь еще случай вернуться.

Мы показали лженаучный характер «археологических» упражнений Шухардта на примерах с керамикой и жилищем.

Но Шухардту этот материал нужен не сам по себе, а для основной его политической задачи, выдвигаемой германским фашизмом. Шухардту во что бы то ни стало необходимо «доказать» неполноценность южан-иллирийцев, которым по своей расовой природе предназначено быть в подчинении у «северной» «расы господ», т. е. у германцев.

В поисках разрешения этой задачи, Шухардт умудрился найти подтверждение своему нелепому расистскому бреду в гомеровских поэмах в Илиаде и Одиссее, подобно тому, как Каро и Фишер применили «расовую теорию» к истолкованию микенских золотых масок.

Правда, даже в этом, как и в других случаях, Шухардт не может ничего придумать сам, а по возможности использует «чужое добро», не ссылаясь на его хозяина — соответственно, извращая по-фашистски чужие идеи.

Так, еще до Шухардта английский исследователь Кассон, не говоря, однако, о германской «прародине», выставил положение, что «Ахиллес символизирует северную расу, а Одиссей — средиземноморскую. Смешение обеих рас дало рождение грекам, которых мы знаем».

Шьюан, обративший внимание на это мнение Кассона еще в 1929 г., недавно, говоря о минойском происхождении царя Одиссея на Итаке, остроумно писал: «События быстро развернулись с тех пор, как была написана в 1929 г. моя статья, и удивить теперь может только одно: если такой факт может быть установлен, то неужели Одиссея не будет запрещена в немецких учебных заведениях? Поэма с неарийским героем, конечно, не может быть терпима господином Гитлером»[1].

---

[1] Shewan. Homeric Essays, p. 79, Oxford, 1935.

Выдвигаемая гитлеровским лжеученым расистская теория древнегреческого эпоса покрывает несмываемым позором фашизм, демонстрируя перед всем научным миром глубину падения немецкой буржуазной науки, ранее много сделавшей в деле изучения Гомера.

Чудовищное извращение Илиады и Одиссеи проявляется в двух положениях, для подкрепления которых прусский «академик» делает набеги на древнегреческий народный эпос.

Прежде всего, без малейших доказательств, Шухардт выдумывает каких-то «германо-греков», относительно которых сообщает: «подлинные греки после их северных переселений, так сказать, «германо-греки» (so zu sagen die Germano-griechen), — это Ахиллес, Аянт, Диомед, которые всегда бьют в лоб, не отступают с поля битвы, пока не добьются победы и становятся в высшей степени беспощадными, если чувствуют себя ущемленными в своих правах»[1]. Второе положение связано с вопросом об Одиссее — кто он? Как этот знаменитый герой греческого народного эпоса рассматривается Шухардтом, превратившим сначала греков в «германо-греков», а затем последних в «чернорубашечников» II тысячелетия до н. э.?

«Одиссей — особая личность, он иной, чем остальные». «Одиссей — безусловно настоящий иллириец»[2].

Поистине, подобная ересь могла быть доложена и напечатана только на страницах отчетов фашистской академии наук в «Третьей империи» Гитлера. Шухардт довольно подробно высказывает свой взгляд на Одиссея: «мы обязаны иллирийцам многими легендами и, быть может, лучшими сагами классической древности. Ведь один из великолепных образов Гомера, на ряду с Ахиллом, любимцем саги, очевидно, иллириец Одиссей». Этот «великий мореплаватель, переживший тысячи приключений, обольстительный рассказчик, любимец богинь и полубогинь, наконец, храбрый ревнитель своего очага, в который он возвращается, как верный супруг». Шухардт описывает Одиссея чертами поздних иллирийцев, вспоминая при этом... римских солдатских императоров — Аврелиана, Проба, Диоклетиана, Максимилиана и даже Константина Великого, которые были иллирийцами.

Шухардту откуда-то достоверно известно, что не греки, а только иллирийцы знали о западном Средиземноморье, о циклонах, Калипсо и феакийцах, в Одиссее «Одиссей находится вполне в своей стихии». «Вообще, мифы Одиссеи должны были естественно возникнуть в этой области», т. е. у иллирийских берегов[3]. Наоборот, в Илиаде его роль иная; Одиссей находился в ином окружении, среди прямолинейных, упрямых людей. Он мудрый советник, он составляет планы, всегда сохраняя

[1] Schuchhardt. Die frühesten Herren, S. XLIII.
[2] Schuchhardt. Alte Sagenzüge, S. 199.
[3] Schuchhardt. Alte Sagenzüge, S. 199.

хладнокровие, связывается для участия в опасных предприятиях с такими, идущими на пролом (Draufgänger) людьми, как Диомед и, наконец, придумывает хитрость с деревянным конем, при помощи которого завоевывает Трою».

Таким образом, заявляет Шухардт, «северная греческая кровь противостоит южной крови иллирийцев».

Само собой разумеется, что Одиссею, как иллирийцу, т. е. «неполноценному» южанину, весельчаку, выпивохе, ловкачу-авантюристу, как и Диомеду — обманщику и болтуну, не может быть места ни в материковой, ни в островной Греции, где, по Шухардту, господствуют «германо-греки». Поэтому Шухардт заявляет, что «остров Одиссея, который имел в виду поэт (т. е. Гомер.—Б. Б.), это — Корфу» [1]. Так Шухардт, не моргнув и глазом, выселяет Одиссея с его родного острова Итаки и производит в цари Коркиры (современный Корфу). Делая в своей «работе» 1935 года столь решительное заявление от имени Гомера, Шухардт, для которого факты не имеют особой цены, «забыл», что за год до этого в одной из своих работ, милостиво расширяя владения Одиссея, он писал: «как царь ионических островов и противолежащего Эпира, Одиссей, несомненно, принадлежит к древним иллирийцам, чего Гомер уже не знал» [2].

Таким образом, «исследовательские приемы» фашистского мракобеса весьма просты: он умеет, при отсутствии данных, говорить от имени Гомера и, не имея опять-таки никаких фактических данных, не стесняется превращать Корфу в иллирийский остров только потому, что он противолежит берегам Эпира, превращаемого Шухардтом в одну из основных областей иллирийцев. В «германской» и «иллирийской» «теории» греческого эпоса нет ни одного положения, которое заслуживало бы научного разбора, настолько утверждения Шухардта элементарно несостоятельны.

Прежде всего совершенно голословно и противоречит фактам основное положение Шухардта о роли и значении иллирийцев, как «неполноценных» южан и создателей мифов об илирийце — Одиссее и его приключениях.

Самому Шухардту приходится нелегко с его иллирийцами. С одной стороны, надо защищаться от существующих в Германии теорий о «северных иллирийцах» и их балтийском происхождении, в силу которого иллирийцы оказывались индогерманскими родственниками литовцев и древних пруссов. Передвигаясь на юг, эти иллирийцы-индогерманцы по дороге создали «лужицкую» культуру. Этого Шухардт допустить не может. Но здесь ему приходится выступать против польских националистов, которые рассматривают, по словам Шухардта, северных илли-

[1] Schuchhardt. Alte Sagenzüge, S. 197.

[2] Schuchhardt. Die frühesten Herren, S. XLIII.

рийцев, как славян, делая их создателями лужицкой культуры. Шухардт с сокрушением отмечает, что «молодые немецкие ученые безуспешно борятся против славян-иллирийцев. Между тем все вполне ясно: иллирийцы ведь южане, но, конечно, не индогерманцы и они двигались не с севера, а с юга на север».

Однако декларацией южного происхождения иллирийцев Шухардт если и наносит, как он думает, сокрушительный удар по «северным» и «славянским» иллирийцам, то победы все же не одерживает. Многие фашистские и фашизирующиеся немецкие «ученые» стоят на почве индогерманизма, т. е. полноценности иллирийцев.

Так, один из идеологов фашизма, гитлеровский молодчик от антропологии Гюнтер, объявляет, что «вероятно, иллирийские племена, принадлежащие в подавляющей массе к нордической расе, прародину которых следует предполагать в северо-восточной Германии, господствовали также в Греции, где они составляли незначительный правящий слой» [1]. Не менее решительно высказывается, ссылаясь на Гюнтера, и другой фашистский писака, Рехе: «северные соседи греков материковой Греции были, несомненно, индогерманцы-иллирийцы и фракийцы» [2].

Прежде чем печатать «Труды» «академика» прусской Академии Наук Шухардта о неполноценных иллирийцах, следовало бы фашистским жонглерам в науке по крайней мере столковаться между собой и унифицировать «иллирийскую теорию»!

Само собой разумеется, что все эти иллирийские упражнения Шухардта никакой научной цены не имеют.

Сказанное касается, конечно, и острова Корфу-Схерии, который якобы имеют в виду гомеровские поэмы. Шухардт развязно утверждает, что под Островом Одиссея Гомер подразумевает «Корфу», т. е. Итаку. Одновременно Шухардт бесцеремонно переселяет в южную Испанию феакийцев, за которыми были давно утверждены права на Корфу, как владения Алкиноя и Ареты.

В этом утверждении, как и в отношении иллирийцев, «самостоятельность» Шухардта проявляется только в фашистском извращении действительности. Корфу объявляется иллирийским островом. В остальном же Шухардт примыкает к давно высказанному и отвергнутому наукой взгляду на Корфу, как Итаку, при локализации Схерии гомеровских феакийцев, то в Тартессе на юге Испании, то где-то около Туниса, то на острове Сокотра в Аравийском заливе.

По этому поводу недавно метко писал Шьюан, защищающий, справедливо, как мы думаем, античную традицию о Схерии-

---

[1] Günter H. Rassengeschichte des hellenischen und römischen Volkes, S. 12, München, 1929.

[2] Ebert. Reallexicon der Vorgeschichte, Bd. IV, T. 2, S. 516, 1926 (под словом «Griechen»).

Корфу: «Корфу не может быть Схерией потому, что Корфу есть Итака Одиссея. Родину Одиссея, «многостранствующего» ее царя находили около св. Мауры на Кефалонии, на Эгейских островах, а теперь на Корфу. Quousque tandem! Есть ведь еще немало островов в Эгейском море, которые могут быть привлечены для этого дела. Схерия — это Корфу, как об этом говорит античная традиция» [1].

Превращение Корфу в Итаку явно неприемлемо для большинства рядовых немецких ученых, взгляды которых отражает вышедшая книжка Отта с боевым заглавием «Корфу — не Итака» [2].

В связи с полной несостоятельностью иллирийских упражнений Шухардта отпадает, само собой разумеется, и иллирийское происхождение Одиссея, в пользу чего нет решительно никаких данных ни в одном из первоисточников.

Поэтому, иначе как неслыханным даже в буржуазной науке и сознательно осуществленным искажением всего гомеровского эпоса является тенденциозная характеристика Илиады и Одиссеи, герои которых превращены Шухардтом в германцев и иллирийцев II и I тысячелетия до н. э.

Из проводимого Шухардтом антинаучного, даже с точки зрения рядового немецкого буржуазного историка и филолога, разделения гомеровских героев на две категории по расовым признакам последовательно выводятся и «расовые» отличия во всем характере Илиады и Одиссеи.

Поскольку в Илиаде действуют, как уверяет Шухардт, «германо-греки», ее герои принадлежат к северной «расе господ»; отсюда вывод, что подлинно греческий эпос, разумеется, должен носить аристократический характер. Для Шухардта это настолько очевидная истина, что он о ней специально даже не говорит. Не даром ведь высокий «специалист» по фольклору фашист Ганс Науман объявляет, что народные массы способны якобы только перерабатывать все созданное творческим духом аристократических верхов.

Так, при помощи лженаучных приемов исследования гомеровских поэм и утверждения «северного» происхождения Ахиллеса, Аянта и Диомеда, с одной стороны, отрицается народный характер древнегреческого эпоса, а с другой — доблести гомеровских героев переносятся на современных фашистских молодчиков.

Шухардт без зазрения совести старается осуществить во вверенной ему науке директиву подручного Гитлера, Розенберга о том, что «северные народы перенесли свои доблести и в средиземноморский мир, где они создали великие государства», Грецию и Италию.

Эти беспримерные в истории науки фальсификации далекого прошлого должны «оправдать» современную агрессию гитлеров-

[1] S h e w a n. Homeric Essays, p. 295, Oxford, 1935.
[2] O t t. Korfu ist nicht Ithaka. Würzburg, 1934.

ских бандитов на балканские страны и Ближний Восток, населенные «неполноценными» расами и уже совершенный Гитлером захват Австрии и расчленение Чехословакии, как акт, облегчающий эту задачу.

Фашистские установки об «аристократическом» характере гомеровского эпоса не случайно нашли признание и протаскивались в работах врагов нашего народа и предателей родины, агентов Гестапо — Бухарина и К°.

Так, Бухарин, презренный изменник и убийца, в своих лженаучных писаниях превращал Илиаду и Одиссею в героически-военный эпос и ставил их в один ряд с героическо-рыцарской драмой японских самураев.

Другой враг народа, П. Ф. Преображенский, стремился «доказать», что гомеровские певцы служили феодальной верхушке, и поэтому, дескать, древнегреческий эпос был «глубоко аристократичен».

В унисон с немецким «академиком» фашистом Шухардтом некий гитлеровский молодчик, Эбергардт, прямо заявляет, что существует «...большое сходство между древним греком и современным германцем Третьей империи» [1]. Откуда Шухардт и прочие позаимствовали свои утверждения — не слишком существенно. Возможно, что они зачитались рекомендуемым Гюнтером, фашистом от антропологии, как одним из основных первоисточников, розенкрейцерским романом Бульвера «Занони», в котором автор еще в 1842 году говорил о греках «северной расы». Быть может Шухардт использовал также всеми забытые, вследствие их ничтожности и бессодержательности, работы Мюллера и Петерсдорфа [2], довольно бессвязно бормотавших о «северном эллинстве» и сходстве между германцами и греками. Но вероятнее всего, что Шухардт дошел до своих нелепостей собственным умом, выполняя политический заказ Гитлера.

Чтобы «доказать» сходство героев Илиады с национал-социалистами, Шухардт старается причесать их под современных фашистов, а Одиссею придает черты представителя «неполноценной расы», искажая и самый облик Одиссея и извращая Одиссею, которую Шухардт рассматривает с той же расистской точки зрения, как и Илиаду.

Так, Шухардт непозволительно односторонне изображает Одиссея, не желая считаться с теми его чертами, которые указывают на его различную роль басилевса в разных эпохах, отраженных в эпосе. Кроме того, Шухардт, упоминая Одиссею,

---

[1] Ebergardt W. Die Antike und wir. Nazional-sozialistische Monatshefte, № 35, S. II, 1935.

[2] Müller H. Das nordische Griechentum und die urgeschichtliche Bedeutung des nordwestlichen Europas, 1844. Petersdorff. Germanen und Griechen. Übereinstimmungen in ihrer ältesten Kultur im Anschluss an die Germania des Tacitus und Homer. Wiesbaden, 1902.

избегает говорить, что Одиссей в этой поэме, конечно, выводится с иными чертами, чем в Илиаде не потому, что Одиссей ими перестал обладать, а потому, что вся ситуация в Илиаде иная, чем в Одиссее.

Поэтому фашистское противопоставление храбрых «германо-греческих» героев «умному» и «хитрому», но по существу трусливому «авантюристу» Одиссею, является наглой фальсификацией фактов.

На самом же деле хорошо известно, что Одиссей в Илиаде отличался храбростью и высокими качествами товарищеской дружбы и преданности, не раз превосходя доблестью Менелая и Аянта.

Достаточно, например, вспомнить известный эпизод о том, как Одиссей, после того как он защищал своим телом раненого Диомеда, был покинут на поле сражения боевыми товарищами. Одиссей, очутившись один, выдерживает натиск троянцев:

...Толпою ходили
Окрест героя (т. е. Одиссея) враги, как меж гор кровожадные волки
Окрест оленя рогатого.

Далее Одиссей сравнивается со львом:

Волки кругом рассыпаются; добычу лев пожирает,—
Так вокруг Одиссея, искусного в битвах, ходили
Мужи троянские, многие, сильные, он же бесстрашный,
Вкруг обращаясь, копьем отражал роковую годину[1].

Только фашистский фальсификатор истории, преследуя свои подлые цели, может объявить выведенного в этом месте Илиады Одиссея «неполноценным южанином», «иллирийцем», показавшим в качестве такового отсутствие подлинной храбрости, которая якобы составляет отличительную особенность северянина-германца.

Итак, ни «веревочные керамисты» Шухардта, ни «прагерманский» мегарон, ни созданные фальсификатором истории «германо-греки», ни Илиада и ее «нордические» герои ни в какой степени не подтверждают навязанного фашистским мракобесом эгейской культуре северного происхождения, и все подобного рода утверждения и «доказательства» Шухардта не имеют ничего общего с наукой.

Необходимо при этом отметить, что как ни чудовищны по своей антинаучности «работы» Шухардта, они все же в отношении Гомера не дошли до того предела нелепости, какой узаконен официальными органами правительства Гитлера.

Так, в деле применения расизма к гомеровским поэмам лавры «академика» Шухардта, несомненно, перехватил уже в 1934 г.

[1] Илиада, песнь XI, стихи 473—475 и 481—484.

некий «герр Вендрин», о котором сообщает «Таймс». Передаем эту историю, возможную только в мрачном гитлеровском царстве, в изложении Шьюана: герр Вендрин (Herr Wendrin) открыл, что «Троя и Одиссея представляли собой блестящие события в древней прусской истории, однако Гомер, который был евреем, исказил историю, подделав ее».

Таким образом, Гомер, оказывается, был не арийцем, а если это так, то Илиада и Одиссея должны быть осуждены, и гомеровским исследованиям в гитлеровской Германии должен быть положен конец.

К этому остается добавить, что книга антисемита Вендрина «официально рекомендована прусским министром народного просвещения для новых школьных библиотек».

Можно поблагодарить Шьюана за то, что он предал широкой академической гласности нелепые проделки лжеученых гитлеровской Германии[1].

Шухардт, к вящей славе Гитлера, пытался сохранить Илиаду целиком за «германо-греками», а в «неполноценной» Одиссее решался даже отмечать и «лучшие саги классической древности» и «великолепный образ Одиссея». Но «академик», внося нордический дух расизма в Гомера, позабыл о том, что расизм связан с кровавым антисемитизмом. Незаметный Вендрин безусловно опередил громогласного Шухардта, провозгласив, что герои Илиады и Одиссеи были несомненно древними пруссаками, но завистливый семит Гомер испортил пруссакам II тысячелетия «репутацию»!

До какого бесстыдства и позора дошла германская «наука» при фашизме Гитлера!

Но если отдельные разобранные нами положения «германогреческой» «теории» Шухардта поражают своей невежественной предвзятостью, то, быть может, какое-либо научное значение имеет его «учение» о германском севере?

Один из немецких сторонников Шухардта, Шроллер, обнаруживший в своих последних работах несомненную близость к фашизму, пишет, что «ленточно-горшечные народы» (bandkeramische Völker) потерпели поражение от северных народов, под которыми, обычно, понимают индогерманцев «с их тюрингской веревочной керамикой».

После этого керамического разгрома начинается, точно по последней указке Гитлера, победоносное шествие «веревочных керамистов» в «юго-восточном направлении», — оказывается, если верить Шроллеру, «главные силы северных народов залили чехословацкую («богемо-моравскую») котловину, куда они прибыли, примерно, около 2300 г. до н. э.

Отсюда колонны переселенцев сомкнутыми рядами вторглись

---

[1] Shewan. Homeric Essays, p. 80.

в Семиградие, где они заняли, главным образом, области, богатые медной рудой и золотом, а также залежами каменной соли».

Археологический поход на Семиградие, т. е. юговосточную часть Румынии, не был последней фазой «северного переселения» (захвата.—Б. Б.) — здесь оно, так сказать, только накапливало силы («кулак». — Б. Б.), чтобы осуществить знаменитый северный удар против Балкан, о котором Шухардт подробно рассказывает в своей книге «Древняя Европа»[1].

Политический смысл этих псевдонаучных археологических изысканий ясен. Известно, что фашисты издавна не только готовятся к «крестовому походу» против СССР, но и стремятся осуществить свою экспансию в центральной и юго-восточной Европе; наглый захват Австрии и расчленение Чехословакии является лишь первым шагом в осуществлении этих разбойничьих планов германского фашизма. Недаром Чехословакия в изысканиях фашистских археологов фигурирует под именем «богемоморавской» котловины. Весьма трогательно подпевает «нордическому» Шроллеру, как мы это отмечали выше, германофильски настроенный польский археолог, шовинист Антоневич, в археологии защищающий последовательно политическую ориентацию полковника Бека, подобострастного слуги Гитлера.

И все-таки, несмотря на все старания фашиста Шухардта и его сторонников в Германии и вне ее, им не удастся доказать исконный приоритет германского севера. «Северная теория» Шухардта разделяется только фашистскими лжеучеными и смыкающимися с ними наиболее реакционными буржуазными национал-шовинистическими «профессорами».

Характерным примером отрицательного отношения к приоритету в истории германского севера могут служить последние весьма интересные работы профессора Эдинбургского университета, известного археолога Чайльда[2], в одной из которых он насмешливо отзывается об установлении в «Третьей империи» «догмы» северного происхождения греков[3].

Чайльд опровергает самую пресловутую древность «нордической культуры» германского севера. На основании детального сопоставления и сравнения новейших археологических данных с «северным» материалом, Чайльд отрицает культурную древность германского севера и доказывает, что и в восточном Средиземноморье и в различных областях Древнего Востока имеются до-

---

[1] Schroller. Die nordische Kultur in ihren Beziehungen zur Bandkeramik. Nachrichten aus Niedersachsen Urgeschichte, № 6, S. 53—54. 1932.

[2] Childe. V. G. The antiquity of nordic culture *In*: Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik, Bd. IV, S. 517—530, Wien, 1936.

[3] Childe V. G. В отрицательной рецензии на книгу фашиста Fuchs S. Die griechischen Fundgruben der frühen Bronzezeit und ihre auswärtigen Beziehungen. Berlin, 1937. *In*: «The Journal of Hellenic Studies», p. 253, 1937.

статочные свидетельства о том, что многие культурные достижения стали здесь известными задолго до их появления на севере.

Чайльд утверждает, учитывая новейшие данные раскопок, которые обходятся молчанием или извращаются немецкими фальсификаторами истории, что «нордическая культурная провинция являлась только поглотителем культурных влияний, исходящих от ее соседей», следовательно — «она никоим образом не может быть обетованной прародиной индогерманцев» [1].

Изучая боевые каменные топоры, недавно обнаруженные в раскопках на Лесбосе и в Трое и относящиеся, примерно, к 3000 г. до н. э., Чайльд, путем сравнения их с датскими топорами, приходит к выводу, что «если индогерманцы действительно были распространителями каменных боевых топоров, то они не могли начать свои переселения из Дании, но должны были прибыть сюда значительно позднее, уже во время своих переселений» [2].

Работа Чайльда, несмотря на многие наши принципиальные методологические расхождения с ним, несомненно представляет большой интерес. Эта работа показывает, как далеки от науки всякие Шухардты, с нарочито измышленными ими «германо-греками».

«Научные» работы Шухардта и его сторонников — это плохо состряпанные фальшивки, изготовляемые германскими псевдоучеными по заказам Гитлера и Розенберга.

V

Разобранные примеры весьма поучительны. Они вскрывают глубочайшую бездну, в которую скатилась в условиях фашистского варварства немецкая историческая наука, в частности, в области изучения истории эгейской культуры, — одного из весьма существенных участков исследования древнего мира.

Фашистские фальсификаторы истории, как мы видим, доводят до абсурда ряд исторических положений, вытаскивают всякую «научную» заваль, придавая ей значение ученых «откровений», подделывают факты, оперируют жалким и убого ограниченным набором одних и тех же затасканных и пустых формул, которым не соответствует никакое реальное содержание.

Так, весь багаж фашистских лжеученых в области изучения богатейшего и разнообразнейшего материала по эгейской культуре сводится к нудным перепевам двух положений: 1) «нордическая», северная раса господ, индогерманцев — полноценна и призвана поработить «южную», неполноценную расу и 2) «нордическая» северная раса, представленная «германо-греками», яко-

[1] Childe. The antiquity of nordic culture, p. 259.
[2] Ibidem, p. 530.

бы продвинулась в Грецию, в кровавых боях уничтожила и покорила местное население и утвердила «мужскую культуру» вместо «женской».

Эти два основных положения, не принятые никем, кроме реакционнейших немецких националистов-шовинистов, повторяются фашистами на все лады. И какую только казуистику фашисты не мобилизуют для обоснования этих «переворотов в науке».

Мы видели выше, что «север» противопоставляется «югу», что «Микены» — арена действия «северных господ», а на Крите создается «женская культура», губительная для расовой чистоты северян, что «микенская культура» противоположна «критской». Фашистские лжеархеологи по-разному твердят, что «спиральная» орнаментация — южная, а «веревочная» — северная, что «прямоугольный дом» (мегарон) пришел с севера, а круглая хижина родилась на юге; из болота фашистской антропологии провозглашаются расовые, т. е. северные и южные, отличия гомеровских героев и золотых масок, прикрывавших «северные» лица погребенных в шахтовых могилах Микен. Наконец, чего стоит превращение Гомера в злостного семита!!

И вдобавок к этому противоречия между творцами этих «идей» вопиющие: если один «ученый муж» объявляет Крит островом неполноценной женской культуры, то другие стремятся доказать, что он принадлежит к древней Европе. Когда Шухардт объявляет иллирийцев неполноценными южанами, то официальный советник Гитлера по антропологическим вопросам, Гюнтер, делает их северянами. Один «ясно» доказывает неполноценность «зигзагообразной» спирали, а другой приписывает ее создание прото-индогерманцам и т. д.

Какое убожество мысли в этих и подобных им словесных упражнениях, для которых характерны сознательное игнорирование, искажение и прямая фальсификация фактов и совершенно произвольное комбинирование их между собой.

Во всей грубой и топорной «ученой» работе немецких лжеученых совершенно ясно сказываются возведенная фашистской Германией в принцип замена изучения истории проявлением «северного восприятия» и гарантией характера «северного человека».

«Ученая работа» лжеисториков «Третьей империи» нужна и осуществляется для выполнения политических заказов кровожадных вождей германского фашизма. В частности, в области «изучения» эгейской культуры и античной Греции характерны два, в известной мере исключающих друг друга, политических заказа, сменившихся, повидимому, в течение 1935—1936 гг. и внесших «путаницу» в старательную «работу» фашистских фальсификаторов истории.

Первый заказ Гитлера, выполнявшийся его учеными лакеями во время борьбы его за власть и в первые годы захвата фюрерства, носит резко выраженный характер социальной демагогии.

Гитлер на все лады вдалбливает немецкой буржуазии, будто национал-«социализм» призван выполнить «культурную миссию Германии». Далекое прошлое Германии, как поучает Гитлер, освящено античной культурой, поскольку германцы и греки объединены общностью происхождения от полноценного ствола северной расы господ.

Гитлер развязно пускается в искусствоведческие дебри и провозглашает нелепейшие вещи вроде того, что «есть вообще только одно вечное искусство, именно северо-греческое искусство; что касается всего прочего, то все разговоры о голландском искусстве, об итальянском искусстве, о норманнском искусстве лишь вводят в заблуждение; столь же неразумно видеть в готике особый вид искусства,— все это не что иное, как северо-греческое искусство» [1].

Соревнуясь с фюрером, выступает Розенберг, ошарашивающий мир заявлением, что «любовь германцев ко всему, что связано с именем Парфенона, может рассматриваться как доказательство этого глубокого северного сродства наших душ» [2].

Неудивительно, что при таком оглушительном правительственном трезвоне во все «северные колокола» у немецких «историков», как по команде, в униссон забились «северные сердца» и с особой силой стала проявляться «решительность» «характера северного человека» в деле изучения эгейской культуры с ее специально созданными «германо-греками», Гомером-семитом и германофобом и т. п.

Однако с первым демагогическим заказом, выполнение которого шло на всех парах, столкнулся второй заказ, продиктованный политикой разнузданной агрессии.

По мере того, как кровавые лапы фашизма сильнее сжимали разгромленную и разоренную Германию, отпадала необходимость в подкреплении национал-социализма указаниями на родство германских и греческих «душ», ссылками на Гомера и восхищением перед культурой Греции.

Гитлер, развязывая агрессию в юго-восточном направлении, в сторону балканских стран и Греции, меняет социальный заказ: теперь важно не восхваление полноценности древних греков и не умиление перед северо-греческим искусством, а как раз обратное — утверждение неполноценности южанина-грека, для которого быть поглощенным северным господином, немцем — большое счастье.

---

[1] Гайди К. История германского фашизма, стр. 227. М.-Л. 1935.

[2] «Известия», 27 ноября 1935 г.

В соответствии с новыми политическими разбойничьими установками, «Берлинер Тагеблат» в 1936 г. опубликовал новые директивы фашистских диктаторов «не взирать больше на античный мир сквозь очки маленького народа», «не изучать Гомера», «изучать расовую борьбу в древнем мире»[1].

Эти два гитлеровских заказа внесли путаницу в работу, выполнявшуюся учеными лакеями.

Неизвестно, что останется теперь от столь спешно порожденных Шухардтом «германо-греков». Однако при втором заказе типичные для «северного характера» черты должны усилиться при описании эгейской культуры с микенскими грабежами, разбоем и порабощением местного населения.

Вполне естественно, что на Крит и Микены фашистские писаки переносят отвратительные черты шовинизма, агрессии, грабежей и разбоев, типичные для «Третьей империи». Не менее естественно также и то, что для изображения эпохи эгейской культуры и ее носителей с точки зрения фашизма необходимо было прежде всего потерять научную честность и стать лжеученым и фальсификатором истории далекого прошлого восточного Средиземноморья.

В падении немецкой исторической науки повинен, в первую очередь, звериный фашизм, смертельный враг и разрушитель культуры и науки, этот поборник всего отжившего, разлагающегося, худшего и реакционнейшего, человеконенавистнического и средневекового.

Но в падении исторической немецкой науки не малую долю ответственности несут также и буржуазные ученые, не борющиеся с фальсификацией, идущие на сближение с фашизмом или даже нередко уделяющие в своих работах место для его восхваления.

При ознакомлении с положением современного изучения эгейской культуры особенно в Германии и со способом обработки ее немецкими фальсификаторами истории, невольно вспоминаются прекрасные и справедливые слова В. И. Ленина, сказанные еще в 1913 году: «В цивилизованной и передовой Европе, с ее блестящей развитой техникой, с ее богатой, всесторонней культурой и конституцией, наступил такой исторический момент, когда командующая буржуазия, из страха перед растущим и крепнущим пролетариатом, поддерживает все отсталое, отмирающее, средневековое»[2].

Да, в передовой Европе командует поддерживающая все отсталое буржуазия, а в некоторых странах ее худшее звериное

[1] «Ленинградская Правда», № от 9 августа 1936 г.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. XVI, стр. 395.

порождение, фашизм, сеющий всюду смерть и разрушение. Зато на другом полюсе, в стране победившего социализма, в первом в мире государстве рабочих и крестьян, живущем и расцветающем на основе Сталинской Конституции, растет и крепнет историческая наука. В СССР открылись безграничные по возможности просторы для свободного и подлинно научного, т. е. марксистско-ленинского изучения истории.

Проф. Е. Г. КАГАРОВ

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ РАННЕГЕРМАНСКОГО ОБЩЕСТВА ФАШИСТСКИМИ ЛЖЕУЧЕНЫМИ

I

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТРОЯ ДРЕВНЕГЕРМАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Фашистские «ученые», стараясь во что бы то ни стало «опровергнуть» ненавистное им учение об аграрном коммунизме у древних германцев, прибегают обычно к следующему мошенническому приему: они отвергают свидетельства античных писателей о наличии общинного землевладения у древних германцев на том основании, что эти писатели: 1) добросовестно заблуждались, не понимая истинной природы и сущности аграрных отношений германцев; 2) тенденциозно искажали факты; 3) находились под влиянием античной литературно-этнографической традиции, приписывавшей всем первобытным народам общность имущества, жен и детей.

Буржуазные ученые XIX и XX вв. (Müllenhoff, Otto Schultz, Fleischmann, Meitzen, Gierke, Sybel, Hanssen, Roscher, Tudichum, Schröder, Brunner и др.) обычно не подвергали сомнению достоверность свидетельств Цезаря и Тацита и других античных писателей о германцах. Но фашистские «историки» обвиняют греческих и римских авторов в искажении истины, в неточности сообщаемых ими сведений о древних германцах, издеваясь особенно над Цезарем и Тацитом. Этот поход против античных авторов, сообщающих сведения по истории древних германцев, объясняется, конечно, тем обстоятельством, что их свидетельства подтверждают наличие в прошлом германских племен первобытного коммунизма, матриархата и связанного с ним высокого положения женщины, смешения германцев с соседними народами и т. д., т. е. всего, что так упорно, беззастенчиво и бездоказательно отрицают фашисты, пытаясь фальсификацией исторического прошлого «доказать» правильность своей расовой «теории» и обосновать гнусную практику своего фашистского правительства. Hermann Fischer утверждает, что тацитово изображение ежегодного пере-

дела земли у германцев заключает в себе «непримиримые противоречия» и, вероятно, есть не что иное, как «сварка» (eine Zusammenschweissung) свидетельства Цезаря о свевах и непонятного указания об участии в заимке земли. По словам Fischer, «риторический Тацит вообще часто смешивает различные вещи»[1]. Небезызвестный австрийский фашиствующий профессор — Альфонс Допш — обвиняет Цезаря в тенденциозности изложения, в демократических установках и симпатиях[2]. Иоган Бюлер отмечает три фактора, якобы определившие недостоверность известий Цезаря о германцах: 1) стремление узипетов и тенктеров — племен, вытесненных свевами, — преувеличить мощь врагов, от которых они бежали; 2) недоразумения, возникшие благодаря рассказам и объяснениям кельтских толмачей; 3) политические тенденции самого Цезаря, вносившиеся им в изложение. Эти три фактора и создали якобы те «сказки» (Märchen), над истолкованием которых тщетно ломают голову многие современные исследователи[3]. Это предположение Бюлера о троякой причине уклонения Цезаря от исторической истины совершенно произвольно и фантастично: Цезарь провел долгое время в Галлии, предпринимал походы в Британию и Германию и прекрасно ознакомился с жизнью тех племен, которые он описывает; в его ясной картине быта и нравов галльских племен обнаруживается вполне определенно момент личного наблюдения.

С еще бóльшим недоверием относится Бюлер к Тациту, которого он считает «ярко выраженным субъективным историком». По мнению Бюлера, страх перед германской опасностью и стремление изобразить жизнь германцев в таком свете, чтобы это могло служить подтверждением его собственных политических взглядов, побуждали Тацита все время искажать быт германцев по-своему[4]. В частности, сообщения Тацита о распределении пашен вытекало, по Бюлеру, из желания показать, что жизнь и порядки у варваров лучше, чем у римлян[5].

Проф. Густав Неккель придерживается того мнения, что Тацит черпал свои сведения якобы из вторых рук, что он-де художник, для которого точность не имела значения[6].

Фашистский министр сельского хозяйства, дипломированный скотовод, не имеющий никакого отношения к исторической науке, — В. Дарре, — очень недоволен Цезарем: по его словам, к показаниям Цезаря о земледелии древних германцев следует относиться с осторожностью, ибо Цезарь частенько «болтает вздор» (flunkert), а свидетельства Тацита Дарре ни во что не ставит на

[1] Herm. Fischer, Grundzüge d. deutschen Altertumskunde, 3. Aufl., S. 16, 29. Leipzig, 1931.

[2] A. Dopsch. Wirtschaftliche und soziale Crundlagen der europäischen Kulturentwicklung, 2. Aufl., I, 59 (S. 53, 60, 64, 75, 89 usw.).

[3] Joh. Bühler, Deutsche Geschichte, I, S. 366. 1934.

[4] J. Bühler, ibidem.

[5] Ibidem, S. 366 ff.

[6] G. Neckel, Altgerman. Kultur. S. 8 und 21, Leipzig, 1934.

том основании, что сообщениям иностранцев вообще нельзя верить; не даром, видите ли, во время империалистической войны в странах Антанты распространяли самые нелепые сведения о немецком народе[1]. Стоит сравнить, как полагает Дарре, современные голоса иностранцев о германском «пьянствующем, драчливом и ленивом студенчестве» со словами Тацита о древних германцах, предпочитавших свой меч труду и свою пивную кружку — умеренности, чтобы понять, что свидетельствам Тацита не следует особенно доверять[2]. Так, с небывалой легкостью и наглостью, фашистские лжеисторики расправляются с античными авторами.

Ряд немецких филологов еще до гитлеровского переворота выдвинул новую точку зрения на природу этнографических экскурсов у античных авторов. Так, Карл Трюдингер еще в 1918 г. сделал попытку разложить «Германию» Тацита на ряд «общих мест» (τόποι) стилистического и композиционного характера, например, мотив туземного происхождения (автохтонии) народа, мотив генеалогии, внешнего вида и т. д.[3]. Ed. Norden, выпустивший в 1920 г. книгу «Die germanische Urgeschichte in Tacitus «Germania» (3 изд., Leipzig, 1923), пытается доказать, что античная литература в продолжение ряда веков, начиная с предшественников Геродота, выработала прочные, стойкие художественные формы и технические приемы изображения чужих народов, объединяемых в античном сознании под общим именем «варваров». Эти сложившиеся веками традиционные формы античной народоведческой литературы оказали, по Нордену, решающее влияние и на «Германию» Тацита. Норден пробует установить для целого ряда моментов в изложении Тацита источники в предшествовавшей греческой и римской литературе, хотя и полагает, что некоторые главы составлены на основании сообщения торговцев или купцов.

По стопам Трюдингера и Нордена идет и В. Капелле[4], также отыскивающий у Тацита следы «странствующих мотивов» античной литературной традиции, этнографические τόποι (шаблоны) и пытающийся установить преемственность определенных стилистических приемов описания природы страны и ее населения. За эту мысль и уцепились фашиствующие «историки» (напр., Ферле, Бюлер, Допш и др.), видя в ней удобное средство для развенчания Цезаря и Тацита и внушения недоверия, главным образом учащейся молодежи, к сообщаемым античными писателями данным о первобытно-коммунистических отношениях в древнегер-

---

[1] D a r r e, Bauerntum, S. 113, 121.
[2] Ibidem, S. 122.
[3] Karl T r ü d i n g e r, Studien zur Geschichte der griechisch-römischen Ethnographie, S. 146—170. Basel, 1918.
[4] W. C a p e l l e. Zu Tacitus Archäologien. Philologus (XXXIV N. F., XXXVIII, 1929, S. 201—208, 349—367, 464—493).

манском обществе. На самом же деле совершенно ясно, что пользование определенной традиционной схемой отнюдь не умаляет ценности свидетельств Цезаря и Тацита о быте германцев.

Если Трюдингер, Норден и Капелле готовы свести все содержание этнографических экскурсов в сочинениях Цезаря и Тацита к влиянию античной литературной традиции, ее излюбленных мотивов и стилистических приемов, то Карл Кёне (Köhne) приписывает этим экскурсам политическую тенденцию.

Кёне[1] заявляет, что мы отнюдь не должны доверять каждому сообщению Цезаря, даже вполне определенному и неоднократно повторяемому (стр. 14). Цезарь, замечает Köhne, писал свои «комментарии» не как историк, а как политик, который хотел оправдать в общественном мнении завоевание Галлии, предприятие, отнюдь не одобрявшееся римским правительством; отношение Цезаря к политическим партиям и государственным деятелям определяло его изложение, заставляя выдвигать одни стороны и замалчивать другие. Равным образом и этнографические экскурсы, содержащиеся в Bellum Gallicum, преследовали, по мнению Кёне, не научные, а политические цели. Экскурс о свевах якобы должен был оправдать принятые Цезарем меры против узипетов и тенктеров, нарушавшие международное право, и указать при помощи характеристики самого воинственного племени германцев необходимость любыми средствами воспрепятствовать оседанию и укреплению германских народностей в Галлии (стр. 14). Большой экскурс в VI книге об обычаях кельтов и германцев имел целью скрыть от читателей подготовку Цезарем набора наемников среди германцев.

Однако уже некоторые исследователи довоенного времени, например, Гансен, Тудихум и др., указывали, что Цезарь, описывая отсутствие частной поземельной собственности у германцев и ежегодный передел пашен, опирался на сообщения лучших и надежных информаторов, военнопленных, наемников, вестников и послов, которые не имели ни малейшей причины вводить его в заблуждение[2].

Кёне, приводя рассказ Цезаря (B. G., IV, 1, 4—7) о свевах, считает его лишенным всякого вероятия (стр. 16) по трем соображениям: 1) подобный длительный «военный социализм» (Kriegssozialismus) предполагает такую высокую степень дисциплины у народных масс, какая для древних германцев, свободолюбивых и независимых, была бы невозможна (стр. 17, ср. сообщение Цезаря (B. G., IV, 1, 9) и Тацита (Germ., B. 7); 2) продолжительное снабжение войска провиантом предполагает административные учреждения и транспорт, существовавшие в то время в Римской

---

[1] Carl Köhne, Die Streitfragen über den Agrarkommunismus d. Germanischen Urzeit, 1928.

[2] Hanssen, Agrarhistor. Abhandlungen, S. 78,1800; Thudichum, A. Der Altdeutscher Staat, S. 108, 1862.

империи, но не у древних германцев; 3) ежегодные перемещения при травопольной системе хозяйства были бы излишними при наличии достаточного количества полей.

К таким «сказкам» (стр. 17), по Кёне, относится и известное место Цезаря о свевах: privati ac separati agri apud eos nihil est (земля у них не поделена в частную собственность). Это общее место, типическая черта первобытных племен, варваров, популярная во всей античной этнографии и историографии (стр. 18).

В конце разбираемого места Цезарь говорит о ежегодном распределении полей между родами, производимом начальниками и старейшинами (magistratus ac principes).

Приводимая Цезарем мотивировка этих обычаев, по Кёне, «превосходит своею невероятностью» все прочие сообщения Цезаря (стр. 19). Цезарь, по его словам, приписал германцам свои собственные мысли (стр. 20 и прим. 100). Кроме того, данное объяснение противоречит подтвержденному самим Цезарем стремлению германских племен к хорошим полям (B. G., I, 28; II, 4; IV, 7, 2).

Вообще, описание быта древних германцев, по мнению Кёне, ведется Цезарем с точки зрения идеологии и интересов народной партии в Риме и ее аграрной политики (стр. 20).

Таковы приемы, с помощью которых фашистские писаки разделываются с неугодными им свидетелями исторического прошлого.

Не менее тенденциозно извращает Кёне смысл известного места из 26-й главы «Германии» Тацита.

Глаголом occupare римляне обозначали понятие как заимки, так и обработки лесного пространства под лядо (пустошь) при помощи огня[1]. В данном случае Тацит,—как утверждает Кёне,—имел в виду оба эти значения (стр. 21). Если по Тациту выжигание леса производилось совместно, то это, по мнению Кёне, еще вовсе не значит, что у германцев существовала общность полей (стр. 22). Слова «arva per annos mutant et superest ager» Кёне толкует в том смысле, что каждый земледелец ежегодно обрабатывает на своем уже выжжённом участке (ager) новое поле, пашню или ниву (arvum), причем от первого участка остается еще поле (стр. 23).

Итак, по Кёне, и 26-я глава «Германии» Тацита, при «правильном» ее истолковании, не дает якобы никакого права утверждать, что у древних германцев существовал аграрный коммунизм.

В отношении скандинавских народов, по лживому утверждению Кёне, также нет никаких точных данных о коллективной земельной собственности и периодическом переделе полей (стр. 25).

---

[1] Об огневой системе хозяйства см. L a m p r e c h t, Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter, I, S. 124—126; 511—517; S e e b o h m, The english village community, p. 344, 1883; H i l d e b r a n d, Recht, S. 41—43, 1907; S c h u r t z, Z. f. Sozialw., III, S. 251, 1900; L a s c h, ibid. XI, S. 299, 1908.

Рассмотренные нами выше попытки фашизировавшихся «профессоров» «Третьей империи» «развенчать» Цезаря и Тацита как историков, «доказать» недостоверность сообщаемых ими сведений представляют собою квази-ученую попытку, легко поддающуюся разоблачению. Правда, традиционные схемы в изображении чужих стран и народов античными авторами применялись довольно часто, однако это нисколько не мешало им правдиво изображать быт германцев и кельтов; большинство их сведений подтверждается этнографическими и археологическими данными. Кроме того, многие из сходных мотивов и совпадений, приводимых перечисленными выше «историками», объясняются не влиянием литературно-этнографической традиции или трафарета, как думают они по своему невежеству, но сходством культурно-исторических явлений на одних и тех же стадиях общественного развития. Так, обычай гостеприимства древних германцев, описываемый Цезарем (B. Gall., VI, 23) и Тацитом (Germ., 21), отнюдь не восходит к гомеровскому этнографическому стандарту (Одиссея, I, 309—313; Илиада, II, 408), как пытаются уверить нас Норден и другие, не представляет собою заимствование странствующего этнографического мотива[1], но, совпадая во всех подробностях с гостеприимством североамериканских индейцев, является одним из распространенных институтов, всецело вытекающих из родового строя[2].

«Германия» Тацита основана на устных источниках и предшествовавшей литературе. «По традиции, утверждают, — замечает Энгельс, — что Тацит был в Германии, но доказательства тому я не нашел. Во всяком случае, он мог в свое время собирать прямые сведения только близ Рейна и Дуная»[3].

Несмотря на это, трактат Тацита безусловно заслуживает доверия историков. Конечно, и Цезарь и Тацит, как и все античные писатели, отражают в своих сочинениях классово-политическую борьбу своего времени и не дают совершенно адэкватного изображения людей и событий. Сам Энгельс указывает, что рассказ Тацита о семье у германцев явно предназначен служить «зеркалом добродетели для развратных римлян»[4]. Этим, однако, Энгельс вовсе не хочет сказать, что Тацит дает вообще неверную картину нравов. Энгельс неоднократно ссылается на показания античных писателей о древних германцах и в «Происхождении семьи», и в «Марке», и в недавно опубликованном наброске «К истории древних германцев», и в переписке с Марксом.

---

[1] Ed. Norden, Die germanische Urgeschichte in Tacitus «Germania», S. 133—142. 1929.

[2] Ф. Энгельс, Происх. семьи, частной собственности и государства. М. и Э., соч., т. XVI, ч. 1, стр. 77.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, «К истории древних германцев», стр. 378.

[4] Ф. Энгельс, Происх. семьи, М. и Э., соч.; т. XVI, ч. I, стр. 116.

На ряду со смехотворными попытками «опорочить» свидетельства античных писателей о быте древних германцев, фашистские лжеученые прибегают к другому «приему» для «опровержения» теории первобытного коммунизма у древних германцев. Прием этот заключается в тенденциозном извращении слов Цезаря и Тацита, в сознательной фальсификации их рассказа, в нарочито неверном переводе. Фашисты Ферле и Альфонс Допш извращают смысл известного места в «Анналах» Тацита, где римский историк замечает о фризах, что они «уже построили дома, засеяли поля и стали обрабатывать их как унаследованную от предков землю» (XIII, 54). Названные фашиствующие «историки» передают выражение partium solum как «имение, унаследованное от отца», и на этом основании утверждают, что древним германцам было знакомо понятие о наследовании недвижимого имущества от отца, т. е. понятие о частной собственности на землю [1]. Между тем, термин partium solum означает не «отцовское имение» (на латинском языке это звучало бы patrimonium), а «родная земля», «прародительская почва».

Таковы жульнические приемы и ухищрения, при помощи которых фашистские фельдфебели от науки [2] пытаются «опровергнуть» учение о первобытном коммунизме, являющемся древнейшей всеобщей стадией развития человечества. Но все их потуги напрасны. Исторические факты и научная концепция развития общества с предельной четкостью доказывают, что германцы, подобно остальным народам, прошли через стадию первобытного коммунизма. Цезарь ясно говорит: «И никто из них не имеет определенного участка поля или собственных границ, но должностные лица и старейшины ежегодно отводят родам и группам родственников, живущих вместе, столько поля, сколько и где им угодно, а через год принуждают их перейти на другое место» (Bell. Gall., VI, 22). То же самое мы читаем в четвертой книге сочинения Цезаря: «Земля у них не поделена в частную собственность, и им нельзя оставаться более одного года на одном месте для обработки земли (Bell. Gall., IV, 1).

В таких же выражениях описывает земледелие у древних германцев и Тацит. «Поля, — замечает он, — занимаются одно за другим всеми вместе по числу возделывателей, а затем они делят поля между собой сообразно общественному положению; дележ облегчается обширностью полей; они меняют обработанную землю каждый несколько лет, и при этом остается еще достаточно незанятой (общинной) земли» (Tac. Germ., 26).

Цитаты, приведенные из сочинений Цезаря и Тацита, со всей очевидностью свидетельствуют об общинной собственности на

---

[1] A. D o p s c h, Grundlagen, I, S. 72; 300; F e h r l e, Tacitus «Germania», S. 94. 1929.

[2] D a r r e. Bauerntum 114 ff.; A. R o s e n b e r g Mythus des XX Jahrhunderts, S. 135 ff. München, 1935; D o p s c h, 160 ff. usw.

землю у древних германцев. О нераздельности и неотчуждаемости этого общего имущества (рода, большой семьи или марки — это в данном случае безразлично) говорит поступление виры в пользу всего «дома» (Tac. «Germ.», 21) и устранение женщин от наследования (там же, 20).

Маркс и Энгельс, опираясь на свидетельства античных писателей и на факт существования общинных угодий у германских народов в средние века, доказали, что земельная собственность у древних германцев носила общинный характер.

«Во времена Цезаря, — указывает Энгельс, — во всяком случае, значительная часть германцев, именно племя свевов, еще не осевшее прочно, обрабатывала землю сообща» [1]. В «Происхождении семьи...» Энгельс пишет: «Горячий и бесконечный спор о том, окончательно ли поделили уже германцы времен Тацита свои поля или нет и как понимать относящиеся сюда места, — принадлежит теперь прошлому. Едва ли стоит даже упоминать о нем, после того как почти у всех народов доказана совместная обработка земли родом, а впоследствии коммунистическими семейными общинами, существование которых Цезарь устанавливает еще у свевов; после того как доказано сменяющее эту совместную обработку распределение земли между отдельными семьями с периодическими переделами; после того как установлено, что этот периодический передел земли местами сохранился в самой Германии до наших дней» [2]. Несколькими строками ниже Энгельс пишет: «Нет никакого сомнения, что во время Цезаря у свевов существовала не только общая собственность, но и совместная обработка земли за общий счет» [3].

И действительно, общинное землевладение продолжало существовать в Европе в течение всего средневековья и во многих местностях сохранялось до последнего времени. Варварские «Правды» нередко говорят о «consortes» (совладельцы), об «ager communis», как, например, Lex Burgund add. tit. 1,5 аллеманские грамоты и т. п. [4]. Эти общинные земли носили в Германии название Allmende, в Швеции — Allmaening, в Норвегии — Alminding и т. д. [5]. У фризов на островах Фэр (Föhr) и Зильт (Sylt) еще в конце XVIII в., в противоположность частновладельческим участкам пашен, существовала и общинная земля (wongelum), подвергшаяся ежегодному переделу между членами

[1] Ф. Энгельс, Марка, М. и Э. Соч., т. XV, стр. 631.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 117.

[3] Там же, стр. 118.

[4] Ross, Early history of landholding among the Germans. 1883; G. L. v. Maurer, Gesch. d. Markenverfass. in Deutschland, 1856, и особенно литературу, приведенную в кн. Кулишера, История эконом. быта Зап. Европы, 1.

[5] A. Miaskowsky, Die schweizerische Allmend in ihrer geschichtl. Entwicklung, Leipzig, 1879; K. Haff, Die dänischen Gemeinderechte. Leipzig, 1909.

общины, причем пахотные земли находились короткое время под плугом и затем оставлялись под пустошь[1]. Сенокос производился сообща[2]. Но коллективное землевладение и землепользование— это всеобщая стадия развития экономических отношений, как ясно показывают этнографические и лингвистические данные. Коллективная поземельная собственность засвидетельствована для кабилов Северной Африки[3], для Индии[4], туземного населения Австралии[5], народов СССР в прошлом[6] и т. д.

Так рушатся нелепые и вздорные попытки фашистских «историков» разделаться с теорией первобытного коммунизма как изначальной стадии развития древнегерманского общества.

II

РАСОВАЯ «ТЕОРИЯ» И ИСКАЖЕНИЕ КАРТИНЫ СЕМЕЙНОГО СТРОЯ РАННЕГЕРМАНСКОГО ОБЩЕСТВА

«Расовая теория» привлекается фашистами для бесстыдного замазывания в историческом прошлом «арийских» народов, и в особенности германцев, пережитков первобытных форм семьи, группового брака, матриархата и т. д., которые марксистско-ленинское учение признает, как известно, на определенной стадии общественного развития универсальными явлениями. С этой целью создается так называемая «теория субстрата», согласно которой примитивные социальные формы являются достоянием только «неполноценных» низших рас, якобы составлявших «доарийское» население Европы.

Остановлюсь здесь на вопросе о пережитках группового брака

---

[1] Ср. слова Энгельса о древних германцах: «Как правило обычный переход на новую землю происходил по меньшей мере через каждые две или три жатвы» (М. и Э. Соч., т. XVI, 1, стр. 346). «Община каждый год запахивала другой участок, а пашню прошлого года оставляла под паром или совсем давала ей зарасти» (там же, стр. 118).

[2] Karl Haff. Die alten Feld-und Wiesengemeinschaften der Insel Föhr und ihre Erdbücher. Zeitschrift d. Savigny Stiftung, XLVII. Germ. Abt., S. 673—678, 1927; Е. Г. Кагаров, Пережитки первобытного коммунизма в общественном строе древних греков и германцев, стр. 85—86. Л., 1937.

[3] A. Hannoteau et A. Letourneux. La Kabylie et les coutumes kabyles, I—III, Paris, 1872—1873.

[4] B. H. Baden-Powell. The Land systems... I—III, London, 1892; The Indian Village Community, 1896.

[5] Knabenhaus. Die politische Organisation b. d. australischen Eingeborenen, S. 89 ff., 1919.

[6] Материал в статье H. König, Das Recht d. Polavölker, Anthropos XXIV, S. 639 ff., 1929, в работах П. Соколовского, А. Постникова, А. Ефименко, В. Воронцова и др., перечисленных у Тахтарева, Сравнит. история развития человеческого общества, II, Л. 1924, стр. 54—55; см. особенно М. Ковалевский, Общинное землевладение, М., 1870; его же, Экономич. рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства, I, 1898.

у древних германцев [1], наличие которого в прошлом у германцев яростно отрицается фашистскими «теоретиками».

Одним из наиболее ярких отголосков былого группового брака у древних германцев было многоженство. Энгельс замечает, что формой брака был у них постепенно приближающийся к моногамии парный брак. Строгой моногамией это еще не было, так как допускалось многоженство знатных [2]. И действительно, вторая или побочная жена на ряду с законной составляла у германцев довольно обычное явление [3]. Хронист XI в. Адам Бременский сообщает, что шведы во всем соблюдали меру, но только не в количестве жен: каждый брал по состоянию своему двух, трех и больше жен, а богатые люди и князья—без счета. Меровинги, например, систематически имели по нескольку жен. Хариберт I и Хилперих имели по нескольку жен, а пользовавшийся доброй славой среди духовенства Дагоберт I имел трех жен и бесчисленное количество наложниц [4].

В скандинавской мифологии сохранились следы браков между братьями и сестрами; Фригга, жена Одина, разделяет ложе с его братьями Вили и Ве (Lokassenna, строфа 26; Ynglingasaga); ср. K. Weinhold, Altnord. Leben, 249)]. Локи обвиняет Фрейю в том, что она разделяла ложе с родным братом (Lokasenna, строфа 32), а Нйорд(р)а — в том, что он «прижил с кровной сестрой храброго сына» (там же, строфа 36). Маркс по этому поводу замечает: «В первобытную эпоху сестра была женой, и это было нравственно» [5]. О групповом браке свидетельствует и сказание об ожерелье Фрейи, которое выковано было четырьмя карлами Брисингами, потребовавшими от Фрейи, чтобы она в уплату за ожерелье провела с каждым из них ночь (Richard M. Meyer, Altgerman. Religionsgesch. S. 222. Lpz. 1910; здесь же указана остальная литература). Локи говорит в «Эдде»: «Идун, молчи! Из богинь ты всех чаще жаждешь объятий мужей» [6].

Больше того: следы группового брака мне удалось найти в дореволюционном фольклоре немцев Поволжья и Сибири. В старинной свадебной песенке говорится:

---

[1] Шарлатанские аргументы унифицированных профессоров «Третьей империи» против учения о матриархате у древних греков и германцев разобраны в моей книге «Пережитки первобытного коммунизма в общественном строе древних греков и германцев», стр. 89—126, Л., 1937.

[2] К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. т. XVI ч. I стр. 116.

[3] Wilda, Z. f. deutsches Recht, XV, 239 ff., 1855; Brunner, Z. d. Savigny Stiftung, XVII; Germ. Abt., I ff., 1896.

[4] Bodin, Mutterrecht und Ehe im Altnord, Recht, S. 123 ff., 1904; Vinogradoff, Z. f. sozial.-und wirtsch. Geschichte, VII, 14 ff., 1900.

[5] Ф. Энгельс, Происхождение семьи..., М. и Э., соч., т. XVI, ч. I, стр. 23, примечание.

[6] Lokasenna, строфа 17.

Möcht dich ellone han, schlafe mit d'r ellon
Doch Mägd und Bürsch müss sa'in unsa Bettela
Wan m'r dann bleib'n ellon solscht du ellon ma san
Kanen g'hörn nit mehr nor mer ellon [1]

Эта песня ярко иллюстрирует слова Энгельса о пережитках группового брака в свадебных обрядах многих народов, у которых друзья и родные жениха в день свадьбы предъявляют свои права на невесту.

Эпоха группового брака оставила о себе воспоминание в практиковавшемся до недавнего времени в Германии обычае так называемых «пробных ночей» (Probenächte). Фр. Кр. Иог. Фишер в своем сочинении «Ueber die Probenächte der deutschen Bauermädchen», 1780, подробно описывает этот институт. Среди крестьян,—пишет он,—существовал обычай, по которому девушки предоставляли ухаживавшим за ними молодым людям вольности, составляющие обыкновенно достояние супругов.

По словам Elard Hugo Meyer (Deutsche Volkskunde, S. 164. 1921), для девушки не считается позорным отдаться молодому человеку, напротив, это делается с согласия родителей, которые иногда нарочно для данной цели отводят своим взрослым дочерям горницы в стороне от других [3].

К обломкам группового брака относится так называемая гостеприимная проституция, т. е. обычай, согласно которому хозяин отдает одну из женщин дома своему гостю на все время пребывания последнего в доме. У древних германцев этот институт сохранился пережиточно в форме обычая класть жену спать в одну комнату с гостем [4].

Таким образом, совершенно ясно, что все приведенные выше обычаи являются осколками некогда господствовавшей у всех народов земного шара стадии группового брака, и попытки фашистских «историков» [5] опровергнуть это неоспоримое положение, относя следы группового брака у германцев за счет влияния «низшей» расы, населявшей Европу до заселения последней германцами, оказываются не чем иным, как неуклюжей подтасовкой фактов.

---

[1] Записано от Иоганна Вернера, 60 л.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 36.

[3] Об обычае «пробных ночей» у германских народов см. Fr. Wilh. von Schubert, Reise durch Schweden, Norwegen, Lappland, Finnland und Angermanland, II, Lpz., 1824; S. Goff; Gust. Jung, Die Geschlechtsmoral des deutschen Weibes im Mittelalter, Leipzig, s. a. 167 ff.; Sartori, Sitte und Brauch, I, S. 51, Leipzig, 1910.

[4] Об обычае гостеприимной проституции у германцев см. Weinhold, Die deutschen Frauen in dem Mittelalter, 3. Aufl., II, S. 189 ff., 337, 1897; Schrader, Nehring., I, 347, 580.

[5] E. Fehrle, Tacitus «Germania», S. 89, 1929. В настоящее время «профессор» Евг. Ферле состоит членом баденского фашистского правительства по ведомству народного «просвещения».

III

РАСОВАЯ «ТЕОРИЯ» И ИДЕАЛИЗАЦИЯ «КРЕПКОГО» КРЕСТЬЯНСТВА В «ТРУДАХ» ФАШИСТСКИХ МРАКОБЕСОВ

Фашистские штурмовики от науки объявляют расу и «вождизм» базой и фактором народного творчества. Древнегерманская народная поэзия как выражение германского «национального духа» резко противопоставляется устной поэзии других народов, в частности поэзии французов. По мнению Андреаса Гейслера героям германской народной поэзии было совершенно чуждо сознание «сверхличного» (das Ueberpersönliche): родина, боевое знамя, родные боги,—все это не воодушевляет, не воспламеняет их героизма. Самые прославленные героические сражения эпохи переселения народов, последний отчаянный бой у Сарна с византийской армией, окончившийся гибелью короля Тейн и большей части его войска,—все это не было борьбой «за свободу и отечество» [1].

Гейслеру вторит унифицированный профессор Густав Неккель, утверждающий, что германская героическая песня прославляла не борцов за народ или родину, а личные качества их фюреров: отвагу, верность, непримиримость. Убийство дракона Зигфридом отнюдь не означало освобождения страны, и если Гудуна-Кримхильда умерщвляет Аттилу, то это вовсе не является актом уничтожения ненавистного всем «бича божия». Другие народы, наоборот, охотно выставляют своих героев средневековья в таком свете, особенно французы, у которых Роланд сражается с сарацинами за «милую Францию» и одновременно с этим за христианскую веру [2]. В германском эпосе якобы никогда не изображается борьба народов, а только единоборство князей и составляющих их свиту витязей. Единственное исключение представляет собою песня о битве готов с гуннами, где звучит мотив борьбы за национальную свободу [3].

Эта точка зрения глубоко лжива и антиисторична: у всех народов на определенной стадии общественного развития возникает «героическая песня», проникнутая родовым или племенным самосознанием. И разве певец бургундов XI века, ободряющий воинов песнями о res fortiger gestas et priorum bella (о подвигах доблести и войнах предков) не испытывал и чувства народной гордости? Разве в поэзии миннезингеров не слышатся патриотические мотивы? Не подлежит сомнению, что первоначально у германцев и у романизированных франков одинаково бытовала эпическая поэзия, выражавшая народное самосознание. Лишь в даль-

---

[1] A. Heusler, Hermanentum, S. 53. Heidelb., 1934; та же мысль была высказана Гейслером в 1906 г. в произв. «Historisches und Mythisches in der germanischen Heldensage».

[2] G. Neckel, Altgerman. Kultur, S. 134, 1934.

[3] Ibidem, S. 137 ff.

нейшем, вследствие исторических условий (политика Оттонов), картина резко изменилась. А. Н. Веселовский правильно считал развитие народно-политического сознания одним из необходимых условий появления больших произведений народного эпоса («Нибелунги», «Песнь о Роланде», «Беовульф» и т. д. [1]).

Видное место в безграничной шовинистической демагогии фашистов занимает прославление Арминия, или Германа, вождя германского племени херусков, попытавшегося положить предел господству римлян на правом берегу Рейна и разбившего римского полководца Вара в Тевтобургском лесу (9 г. до н. э.). Этот Арминий изображается в фашистской литературе, как «освободитель Германии» (befreier Germaniens), как предшественник «фюрера»,—«национального спасителя», «мессии» немецкого народа. Ф. Энгельс, который в своем наброске «К истории древних германцев» не отрицает того, что сражение с Варом имело большое значение в борьбе Германии за независимость, жестоко высмеял грубую и тупую шовинистическую свистопляску, затеянную националистами вокруг имени Арминия. «Конечно,—замечает он,— только ребячеством было построение фантастического памятника Арминию у Детмольда [2]; единственно хорошим в нем было то, что он соблазнил Луи-Наполеона, и тот воздвиг такой же смешной, колоссальный памятник Верцингеториксу на горе у Алоизы» [3]. Этот культ Арминия, начавшийся еще в довоенной Германии, зло высмеял и Генрих Гейне в стихах:

Вот он, наш Тевтобургский лес,
Описанный Тацитом,
Вот та классическая топь.
Где Вар остался разбитым.
Здесь Герман, славный херусский князь,
Насолил латинской собаке,
Немецкая нация в этом дерьме
Героем вышла из драки.
Когда бы Герман не вырвал в бою
Победу белым блондинам,
Немецкой свободе был бы капут,
А Рим бы стал господином [4].

Вальтер Дарре, имперский министр продовольствия и сельского хозяйства, находящийся в настоящее время на амплуа «вождя крестьянства», выступил с «теорией» крестьянства как «жизнен-

---

[1] А. Н. Веселовский, Собр. соч., I, стр. 37—38. Спб, 1913.

[2] Энгельс имеет в виду известный памятник Арминию (Герману) близ Детмольда (гл. гор. в Липпе), сооруженный в 1875 г. по проекту скульптора Банделя. Иозеф-Эрнст Бандель приступил к работам по исполнению памятника в 1838 г. и закончил, с перерывами, в 1875 г. См. Bandel, Arminsäle, 1861; J. Mencke, Das Hermannsdenkmal und der Teutoburger Wald. Detmold, 1875.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 361—363.

[4] Генрих Гейне, Германия, стр. 237. Гослитиздат.

ного источника северной расы» (его «труд»—«Das Bauerntum als Lebensquell d. nord. Rasse», Münch. 1929). Согласно его «учению», ядром всякого народа, источником его жизненной силы является «крестьянская аристократия» (Bauernadel), т. е. кулачество, которое должно быть, во всяком случае, сохранено при помощи разработанного им (Дарре) «закона» о наследственных дворах»[1]. Целью этого закона было сделать заповедными дворы издавна оседлых кулацких родов; эти дворы нельзя было продавать, и они должны были оставаться в роду неделимыми. Таким путем Дарре рассчитывал положить конец «номадизированию» земли и воспитать из немецкого кулачества, в котором он видит опору и будущую жизнь,—на базе охраняемого законом майоратного права, — новое «дворянство крови и земли»[2].

И вот это «учение» Дарре переносится фашистскими «археологами», «фольклористами» и «историками» в глубокую древность. Герман Гюнтерт старается доказать, что «крестьянским дворянством» были уже носители мегалитической культуры, предшествовавшей появлению индо-европейцев в Германии[3]. Густав Неккель утверждает, что крестьянская аристократия составляла слой древнегерманских свободных земледельцев, сидевших на наследственных участках, воинственных и в то же время преданных сельскому хозяйству и родному клочку земли[4]. Иоган Бюлер в I томе своей «Истории Германии» (вышедшем в 1934 г.) конструирует целую эпоху «крестьянского дворянства» в истории немецкого народа[5]. Так, современность угодливо проецируется в глубокую древность и этим «достигается» «апелляция к прошлому», являющаяся одной из характерных черт фашистской идеологии.

Эта фашистская демагогическая болтовня о крестьянстве (читай—кулачестве) как источнике жизненной силы немецкого народа наложила глубокий отпечаток на всю современную фольклористику «Третьей империи». Интерес к кулацкой идеологии в народной поэзии, прославление богатого крестьянства и его исторической миссии при помощи тенденциозного подбора данных устной поэзии и письменных источников и не менее тенденциозного их анализа красной нитью проходит через историографию германских фашиствующих «ученых». Целый ряд фольклористических исследований носит названия, определенно навеянные пресловутой теорией Вальтера Дарре (напр., Aug. Lämmle, Von Adel des Bauerntums. Oberdeutsche Z. f. Volksk., VIII, 1934, S. 46 ff.).

В связи с указанными выше установками находится тематика

---

[1] См. статью Сегаля в настоящем сборнике.

[2] К. Гайден, История германского фашизма, стр. 209, 343, М.—Л., 1935.

[3] H. Güntert, Ursprung der Germanen, S. 63 ff., 71. Heidelb., 1934.

[4] G. Neckel, Altgerman. Kultur, S. 40 ff. Leipzig,, 1934.

[5] J. Bühler, Deutsche Geschichte, I, 1934.

современной немецкой фольклористики. Она стоит под знаком идеализации крестьянской верхушки и кулачества в древнегерманской культуре и современной немецкой народной поэзии. В этом отношении характерна статья проф. Hünnerkopf об исландской саге и немецкой этнографии, появившаяся в 1934 г.[1]. Здесь автор делает попытку обрисовать материальную культуру, общественный строй и идеологию скандинавского крестьянства по исландским сагам, причем настойчиво подчеркивает сходство в положении древнегерманского «крепкого крестьянства» и современного немецкого кулачества. Автор видит в Скаллагриме, отце Эгила (Egilsaga, 29 = Thule 3) образец сельского хозяина[2]. Его работники заняты пастьбой скота, собиранием сплавного леса и дров, рыболовством, тюленьим промыслом, сеянием хлеба и т. д. У него имеется вторая усадьба в горах, кузница и т. д.

Фашиствующие «этнографы» и «фольклористы» заявляют, что основным двигателем всего народного творчества является «расовая душа», отражающаяся в искусстве и литературе различных народов; Рихард Эйхенауэр договаривается даже до того, что приписывает «нордической» расе такие особенности народной музыки, как определенная последовательность тонов, гармоническая функция мелодии, ритм и т. п.

Эта особенность объявляется «прирожденной» «северной» расе с ее господским характером (ein herrenhaftes Ausgreifen). Так, музыкальная этнография оказывается в роли «научной базы», подводимой фашистами под «теорию» господства «северной» и, в частности, «германской» расы над остальными. Герман Гюнтерт утверждает даже, что германцам свойственна была определенная последовательность тонов, определенная гармония, основанная на интервале чистой квинты (c—g); она якобы типична для сигнального рожка, образцы которого найдены в Северной Германии и Скандинавии в слоях бронзового века[3].

С научной точки зрения эти «изыскания» Эйхенауэра, Гюнтерта и др. лишь свидетельствуют об их непроходимом невежестве. Квинтовые построения народной мелодии — явление не расовое, а стадильное, и П. П. Сокальский совершенно прав, когда устанавливал в своей «Русской народной музыке» (Харьков, 1888) особую эпоху квинты. Квинтовое строение характерно не только для немецкой мелодии, но и для русской народной песни.

Что же касается мелодических, т. е. последовательных трезвучий, то они также встречаются в русской музыке и в песнях других народов. Уже Серов обратил внимание на свойственный

---

[1] Rich. Hünnerkopf. Die isländische Saga und die deutsche Volkskunde. VIII, S. 39—45, 1934.

[2] Ibidem, S. 41.

[3] H. Güntert, Ursprung der Germanen, S. 124. Heidelberg, 1934

русской народной музыке диатонизм[1]. Терции, входя в состав квинты, образуют здесь именно мелодические, последовательные, а не гармонические, т. е. одновременно звучащие трезвучия.

Так разоблачается прикрывающееся псевдонаучной шарлатанской фразой беспредельное невежество фашистских «литературоведов» и «фольклористов».

IV

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГОНИИ ГЕРМАНЦЕВ

С особенной отчетливостью проявляются расовые бредни «ученых лакеев» Гитлера в попытках «решения» проблемы этногонии германцев, используемой фашистскими мракобесами в целях низкопробной демагогии и насаждения звериного шовинизма.

Вопрос о происхождении культуры древнегерманских племен и о процессе их распространения по Европе превращается под пером бандитов свастики в гнусную попытку подвести «историческую» базу под свои откровенно империалистические планы. Для этого специально придуманы соответствующие версии. Выдвигаемое фашистскими «историками» положение, согласно которому родиной германских племен была Скандинавия[2], имеет определенную политическую подоплеку; о ней мы узнаем из статьи немецкого «геополитика» Карла Гаусгофера, — подручного Гесса и Альфреда Розенберга,—помещенной в руководящем фашистском органе «Volk und Reich». Гаусгофер замечает, что южная Швеция — колыбель германцев и что каждый немец испытывает там те чувства, которые обычно охватывают человека, давно уехавшего из своей родины и выросшего в другой среде, когда он возвращается в свой родной дом. Под этой сентиментальной фразой скрывается проповедь захвата южной Швеции. Недаром Гаусгофер называет Швецию с ее почти семимиллионным населением «пространством без народа» («Raum ohne Volk»).

Лозунг «земли», «пространства», призванный оправдать захватнические империалистические тенденции германского фашизма, нашедший, в частности, себе литературное оформление в романе Гримма «Volk ohne Raum» (1926), проходит красной нитью через все археологические и исторические «изыскания» фашистов. К. Шухардт всячески старается доказать, что так называемая лужицкая культура (в Западной Польше, Чехословакии, восточной Германии) была создана древними германцами, в частности семнонами, «древней и благороднейшей частью племени свевов»[3]. Так «провозглашается» лживая, фантастическая «теория» исто-

---

[1] А. Н. Серов, О великорусской песне и особенностях ее музыкального склада. М., 1868; его же, Русская народная песня, как предмет науки. («Музык. сезон», 1870).

[2] Darré, Bauerntum, 139 ff.; Neckel, Altgerman. Kultur, S. 19, 1934; Güntert. Urspr. d. German., S. 110—112, 1934.

[3] G. Schuchhardt, Alteuropa, I. Ausg., S. 277 ff., 297 ff., 1919.

рического приоритета немцев перед славянами в отношении территории Западной Польши и Чехословакии, базирующаяся якобы на вещественных памятниках, которые не говорят и не могут говорить ни о германцах, ни о славянах, ибо относятся к тому отдаленному периоду, когда этнических образований еще не было. И вот эта «теория» должна санкционировать захватническую политику фашистов, их экспансию на восток. Недаром устранение польского государства для Альфреда Розенберга, этого «руководителя» внешнеполитическим отделом национал-«социалистической» партии, всегда являлось чем-то само собою разумеющимся в будущей германской политике.

Если фашистский министр Дарре и его приспешники обращают свои взоры на южную Швецию как на прародину германцев, с целью подвести «научную» базу под авантюристские планы Гитлера в северном направлении, то другие немецкие «историки», ссылаясь на продолжительное «господство» германского племени готов на территории нынешней Украины (III—V вв. н. э.), утверждают, что кровь готов смешалась с кровью украинского народа, а готская культура оказала сильное влияние на украинскую. С научной точки зрения это — безграмотная фальшивка: страна, в которую вторглись готы (причерноморские степи), заселена была спалами, бастарнами, сарматами, частично славянами и аланами [1], но об украинском народе в ту эпоху не могло быть еще речи. Что же касается культурного влияния готов на туземное население Причерноморья, то исторические данные говорят как раз об обратном: инвентарь готских могильников находится под сильным влиянием греко-римского и скифского искусства Причерноморья [2]. Больше того, это скифо-готско-эллинистическое искусство оказало воздействие на остальные германские племена, как показывает, например, сокровищница в Пьетроассе [3]. Готско-скифо-черноморская фабула, в частности, в значительной степени послужила прототипом позднейших германских форм застежки [4].

Откуда этот все растущий интерес немецких «историков» к готской культуре на территории СССР? Ответ на этот вопрос дает резолюция VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала, которая отмечает, что германские фашисты, являющиеся главными поджигателями войны, стремящиеся к гегемонии германского империализма в Европе, ставят вопрос об изменении европейских границ посредством войны, за счет своих соседей, что авантюристические планы германских фашистов про

[1] См. материал в труде Ф. Брауна, Разыскания в области гото-славянских отношений, и в книге Ebert, Südrussland, S. 340 ff., 1923.

[2] F. Kaufmann, Deutsche Altertümer, II, S. 586 ff.

[3] Dobesco, Le trésor de Petroassa (1899—1900).

[4] Aberg., Die Franken und Westgoten in der Völkerwanderungszeit, S. 18 ff., 1923.

стираются весьма далеко и рассчитаны на отторжение от СССР Советской Украины[1]. Альфред Розенберг, этот жалкий гитлеровский паяц, в одном из своих «опусов» особенно подчеркивает необходимость повторения германской оккупации Украины 1918 г. В этом преступном намерении им пытались помочь гнусные шпионские шайки Тухачевского и право-троцкистского блока, процесс над которыми установил, что эти подлые предатели хотели расчленить СССР и продать цветущую советскую Украину фашистским агрессорам. И настойчивый интерес историков «Третьей империи» к готам в Причерноморье имеет одну лишь цель: подвести «историческую» базу под проповедуемый фашистами кровавый поход против отечества трудящихся всего мира.

Разнузданная фальсификация истории немецкого народа проводится фашистскими «профессорами» в вопросе об этногонии германцев также для доказательства «чистоты» арийской или «северной» расы. Гитлер, безграмотно повторяя антинаучные, реакционные бредни основателей расовой «теории» Гобино, Ляпужа, Чемберлена и других, кричит о превосходстве «высшей» «северной», или «арийской», расы над всеми другими, являющимися «неполноценными», «низшими». Смешение крови и обусловленное этим «снижение» уровня расы есть, по его мнению, единственная причина вырождения древних культур[2]. Счастье немецкого народа, по Гитлеру, заключается в том, что у немцев кровосмешение оставалось неполным и что в германском народном теле и теперь имеются большие, оставшиеся несмешанными фонды из людей ценнейшей северо-германской крови[3].

Гнусная «политика» возбуждения дикого шовинизма и милитаризма как продолжения традиций германского средневоковья составляет основу фашистской «историографии». Сам «фюрер» охотно пускается в «доисторические» рассуждения. В своей речи, произнесенной в сентябре 1933 г. в Нюрнберге, он глубокомысленно замечает, что немецкий народ возник так, как почти все известные нам действительно творческие, культурные народы мира. Небольшая, одаренная организационным талантом и способностью к культурному творчеству, раса в течение многих столетий наслаивалась (hat... überlagert) на другие народы и отчасти поглотила (aufgesaugt, дословно — «всосала в себя»), отчасти же приспособила их к себе. Все отдельные составные части нашего народа, само собою разумеется, внесли свои особенные дарования в этот комплекс, но создан он был лишь одним народом и государствообразующим ядром (цитир. по Güntert, S. 182). Эта точка зрения на генезис германских народов, разумеется, безоговорочно,

[1] Резолюция VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала, стр. 26—27. Партиздат, 1935.

[2] Цитир. по статье В. И. Равдоникаса в «Сообщениях» ГАИМК, № 9—10, стр. 14, 1932.

[3] Цитир. по сб. «Против фашистского мракобесия и демагогии», стр. 116.

как мы увидим ниже, принимается рядом современных фашизировавшихся «ученых» «Третьей империи».

На самом деле, понятие «северной», «нордической» расы с научной точки зрения — полнейшая фикция. Уже знаменитый Вирхов в 1876 г. указывал, что допущение единого прагерманского типа совершенно произвольно (durchaus willkürlich). «Никто, — писал он, — не привел доказательства того, что все германцы обладали одною и тою же формой черепа или, иными словами, что германцы составляли с самого начала единую народность, чистейшим типом коей якобы были свевы и франки[1]. В 1927 г. К. Заллер на основании тщательного анализа обширного антропологического материала показал, что «северной», или «арийской», расы нет и никогда не существовало[2]. Антропологические «изыскания» фашистов представляют собою сплошное шулерство. Достаточно указать, что они не останавливаются перед фальсификацией физического типа великих людей прошлого, утверждая, например, что Данте, Рафаэль, Микель Анджело, Леонардо да Винчи и т. д. обладали «северными», «германскими» расовыми признаками. Между тем, при перенесении останков Данте в 1921 г. антропологами было констатировано, что череп Данте принадлежит к группе мезоцефальных (а не длинноголовых)[3]. Что же касается Рафаэля, то давно уже установлено, что его череп — брахицефальный (т. е. короткоголовый) и, таким образом, не может быть возведен по их же фашистскому критерию в ранг черепов «высшей расы»...[4].

Палеоантропологические данные с предельной очевидностью показывают, что костные остатки так называемой «арийской», или «северной», расы уже в древнейшую эпоху истории Европы носили с антропологической точки зрения смешанный характер[5]. Исторические источники полностью подтверждают это положение. В недавно опубликованном наброске Энгельса «К истории древних германцев» в первой же фразе подчеркивается, что «немцы отнюдь не первые обитатели той территории, которую они занимают в настоящее время. По меньшей мере три расы предшествовали им»[6]. К этим расам он причисляет эскимосскую, иберийскую (последними представителями которой в настоящее время являются баски) и финскую[7]. Древние германцы смешиваются

---

[1] Virchow, Beiträge zur physischen Anthropologie der Deutschen, Abh. d. Preuss. Akad. d. Wiss. Berl., 1875.

[2] K. Saller, Die Entstehung der «nordischen» Rasse. Zeitschr. f. Anat. und Entwicklungsgesch, LXXXIII, S. 411—590, 1927.

[3] Подробнее см. ст. Косминского в настоящем сборнике.

[4] W. Goetz, Rassenforschung. Arch. f. Kulturg., XXII, № I, S. 6. Anm. I, 1931.

[5] Saller, Op. cit., S. 560, 570 ff., 585 ff.

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 339, Партиздат, 1937.

[7] Там же, стр. 340 и сл.

на западе с кельтскими племенами, сливаются в бассейне Дуная с аварами и гуннами, принимают в себя на западе и юге Германии италийские (римские) элементы, вбирают в себя на востоке славянские и балтийские (прусско-литовские) ингредиенты и т. д.

Со времени появления работы Д'Арбуа де Жюбенвилля «Celtes et Germains» (1886) предположение о многовековом господстве кельтов над древними германцами, опирающееся на свидетельстве Цезаря (B. Gall., VI, 24), Тацита (Germ., 28) и др., находило себе многих сторонников и в самой Германии (Г. Гирт, Ф. Клуге, З. Фейст). Но после гитлеровского переворота картина резко меняется, и современные немецкие «историки», под влиянием насаждаемого фашистами зоологического шовинизма, с яростью восстают против гипотезы кельтского господства (Г. Коссина, Г. Неккель, Р. Мух и др.). Не подлежит, однако, никакому сомнению, что ряд германских племен, вторгшихся во II в. до н. э. в Галлию, вскоре утратил свои этнические черты под влиянием смешения с кельтами (бельги, нервии, так называемые Germani cisrhenani, треверы). Об этом ясно говорят античные авторы (Caes., B. G., II, 4; 4, 8; VIII, 25, 2; Tac., Germ., 28). Во время сношений с германцами кельты стояли на более высокой ступени культурного развития, что очевидно из многочисленных собственных имен и других терминов, заимствованных германцами у кельтов, особенно в области техники: ново-верхненемецкое Eisen (железо), германское isarna ↙ кельтское isarnon; немецкое löten (паять), шведское löda ↙ кельтское loudhia и т. д.

Процесс инфильтрации германских элементов в население Италии и романизации германских племен происходил непрерывно, начиная со II века до н. э. Тацит сообщает нам о романизации убиев (Germ., 28). Скрещению германцев с италиками особенно содействовали многочисленные военные поселения римлян в Германии.

В южной части побережья Балтийского моря и в бассейне р. Эльбы, в Померании, Восточной Пруссии, Познани, Силезии, Бранденбурге, Лужице, Ангальте, по течению Дуная германцы сталкивались с славянскими племенами, в результате чего возникало смешанное население.

Между германцами и балтийскими племенами (айстиями) также происходил процесс взаимной аккультурации. Тацит (Germ., 45) обращает внимание на сходство в обычаях (ritus) и во внешнем виде (habitus) между айстиями и свевами (т. е. восточными германцами). Кассиодор (Var., V, 2) сообщает нам о мирных торговых сношениях айстиев с готами. Большое количество германских слов вошло в состав балтийских языков и, наоборот, ряд обозначений металлов заимствован был германцами из балтийских языков (напр., готск. gulth, нем. Gold — золото; готск. Silubr, нем. Silber — серебро и др.). Такое же смешение, естественно, имело

место между германцами и их северными соседями — финнами, на что указывает и Энгельс [1].

Таким образом, антропологические, этнографические и лингвистические факты ясно показывают, что германцы в древности, а особенно в эпоху великого переселения народов и позднее, представляли собою далеко не однородную как в расово-этническом, так и в культурном отношении массу, но полигенетический конгломерат разных племен и рас. По словам товарища Сталина, «нынешняя итальянская нация образовалась из римлян, германцев, этрусков, греков, арабов и т. д. Французская нация сложилась из галлов, римлян, бриттов, германцев и т. д. То же самое нужно сказать об англичанах, немцах и прочих, сложившихся в нации из людей различных рас и племен» [2].

Приведенные выше факты показывают, как низко пала наука в фашистской Германии: беззастенчивая фальсификация фактов, научное шулерство, безграничное невежество и мракобесие, гнуснейшее подхалимство распустились ядовитым цветком в «Третьей империи», в которой умственные и нравственные подонки общества заполнили научные учреждения, университетские кафедры и редакции специальных журналов. Фальсификация истории необходима фашистам так же, как концентрационные лагери и инквизиционные застенки, как штурмовые отряды, как Гестапо и прочие средства утверждения фашистской диктатуры. Однако «фашизм — свирепая, но непрочная власть» (Г. Димитров). «Рабочий класс во главе всех трудящихся, сплачиваясь в миллионную революционную армию, руководимую Коммунистическим Интернационалом, и имея такого великого, мудрого кормчего, как наш вождь товарищ Сталин, сможет наверняка выполнить свою историческую миссию — смести с лица земли фашизм и вместе с ним капитализм!» [3].

А с падением фашизма исчезнет навсегда и мутная зловонная «историография», созданная «учеными» лакеями Гитлера.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 341.

[2] Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 4. Партиздат, 1936.

[3] Димитров, Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала. Доклад на VII Всемирн. Конгр. К. И., стр. 94. Партиздат, 1935.

Проф. Е. А. КОСМИНСКИЙ

СРЕДНИЕ ВЕКА В ИЗОБРАЖЕНИИ ГЕРМАНСКИХ РАСИСТОВ

Сталинская конституция победившего социализма, выражая стремление и идеалы всего прогрессивного человечества, провозгласила, что «равноправие граждан СССР независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни является непреложным законом. Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой и национальной принадлежности, равно как всякая проповедь расовой или национальной исключительности, или ненависти и пренебрежения — караются законом».

В те дни, когда эта великая весть прозвучала громким эхом среди всех народов земного шара, германский фашизм, устами своих «ученых», усиленно пропагандирует реакционную, человеконенавистническую и псевдонаучную теорию «расизма», основным положением которой является неравноценность рас; эта «теория» провозглашает право одной «расы» на господство и обрекает все другие на подчинение. Посредством ряда «научных» подлогов она стремится поставить жадные притязания германского империализма на якобы научную основу, придав им форму «незыблемых законов природы».

Фальсификация данных естествознания, проводимая «теоретиками» расизма, достаточно разоблачена антропологической литературой [1]; необходимо показать, как германские расисты применяют свою «теорию» к истории человечества и в частности — к истории средних веков.

Основой расистской «теории» является, как сказано выше, неравноценность человеческих рас, из которых одни природой якобы предназначены к господству, а другие — к подчинению. Вернее — лишь одна раса, «нордическая» (или «северная»), это раса господ, все же прочие расы неполноценны. Одни из них

[1] См. напр. «Расовая теория на службе фашизма». Сб. статей. Киев, 1935.

еще могут создавать те или иные культурные ценности под руководством «нордической» расы, другие же — особенно внеевропейские, а из европейских восточно-балтийская, к которой будто бы принадлежит и большинство населения нашего Союза — это расы «кули и феллахов» [1], естественное предназначение которых — работать на господ.

«Нордическая» раса, по словам расистов, отличается особыми и душевными качествами и является расой господ, вождей, завоевателей, героев, будто бы дающей высшие образцы человеческой породы: государственных людей, полководцев, мыслителей, деятелей науки и искусства. Высшим проявлением «нордического духа» является «фюрертум» (непереводимое слово, обозначающее, что нордическая раса выдвигает из своей среды вождей и в то же время подчиняется им).

Остальные расы, по утверждению немецких расистов, не обладают этими свойствами или обладают лишь некоторыми из них, и в меньшей степени. У отдельных рас они согласны находить известные достоинства (например, у «западной» или средиземноморской — живой темперамент и фантазию; «динарская» раса, по их мнению, на ряду с плоским затылком и длинным мясистым носом, обладает также упорством в труде и любовью к отечеству), но главное, — поучают расисты, — они лишены способности властвовать, лишены государственного духа. На последнем месте среди европейских рас, как утверждают расисты (Гюнтер и др.), стоит восточно-балтийская раса. Бешеной ненавистью проникнуто отношение расистов к евреям, которых они отказываются считать расой, видя в них смешение всех дурных качеств, свойственных другим расам, врагов и разрушителей культуры. Безгранично презрение расистов к «цветным» расам. Надо ли говорить, насколько ненаучно представление об устойчивых и неизменных психических свойствах, характерных для людей с определенной наружностью. Грубым подлогом является, конечно, приписывание человеку положительных или отрицательных качеств на основе его расы.

Совершенно ясно, какие цели ставит себе расистская «теория». Она пытается прежде всего обосновать «естественно-научными» законами право немцев (как якобы наиболее чистых носителей «нордической» расы) на мировое господство, особенно на господство над расами «кули и феллахов» — над народами колониальными и над народами «к востоку от Балтики». Расистская теория тем самым выполняет задание германского фашизма, стремящегося развязать новую мировую войну в целях нового передела мира.

Вторая задача — это обосновать теми же «естественными» за-

---

[1] Выражение К. Циммермана. K. Zimmermann. Deutsche Geschichte als Rassenschicksal.

конами такой социальный строй, при котором одни господствуют, а другие повинуются. Ибо, заявляют расисты, «нордическая» раса, даже у избранных нордических народов, представляет господствующий слой, а низшие слои состоят из неполноценных рас. Этим утверждением расистская «теория» стремится укрепить незыблемость и согласие с законами природы строя капиталистической эксплоатации. Наконец, расистская «теория» должна служить орудием борьбы с марксизмом. С помощью ее фашистские политики и услужающие им псевдо-ученые тщетно пытаются вытравить из сознания рабочих представление об истории как о борьбе классов, изобразить ее как борьбу рас, отвлекая таким образом внимание эксплоатируемых от классовой борьбы и культивируя вместо этого дух ненависти к другим народам, дух антисемитизма и расовой кичливости. В этом смысле расистская «теория» была широко использована самим фюрером — Гитлером, так что некоторые фашистские писатели прямо называют ее «гитлеровским историческим мировоззрением». Вопросу о «Volk und Rasse» посвящена II глава его болтливо-скучной, диллетантской и насквозь лживой книги «Mein Kampf». Малообразованный, невежда, даже в области элементарных понятий о расе, Гитлер толкует об «арийской» расе, как расе господ и творцов культуры. Расистские «теоретики» почтительно поправили его потом, указав, что такой расы вообще не существует, и все, что он ей приписывал, в действительности относится к «нордической» расе.

Призыв фюрера к пересмотру истории с расистской точки зрения нашел горячий отклик, особенно среди расистов-антропологов, геополитиков и просто политиков, весьма невежественных в области истории, фальсифицируя историю.

По мнению расистов, главным содержанием истории должна быть история великих героев и «фюреров» в их расовой обусловленности, ибо все они принадлежат к «нордической» расе. История не должна, по их мнению, заниматься изучением «среды» или «масс»; она должна рисовать «фюреров» как якобы действительно движущую силу истории, чтобы воспитать в немецком юношестве свойственную ему «волю к борьбе и к победе своей расы». Другими словами, сделать его пушечным мясом для новой войны за передел мира. Гитлеровский фальсификатор истории Бенце перечисляет великих фюреров «расы»; это не «Карл Франкский», а Арминий, Видукинд, Генрих Лев, «Великий» курфюрст, Фридрих II, Гуттен и Лютер! «Как великолепно это новое построение истории на расовой основе!»,— захлебываясь от восторга восклицает Р. Бенце.

Итак, раса и ее вожди это одна тема истории. Другая тема — это борьба за территорию, за «Raum». Захват территории — это божественное предназначение расы, и прежде всего «нордической» расы. Вся история «нордической» расы — это история коло-

низации, завоеваний, покорений, захвата новых территорий, на которых мог бы еще лучше проявиться «нордический дух».

Посмотрим, как намечаются очертания «нового» построения истории на фашистских основах — «расы» и «территории» («Rasse und Raum»). Расисты весьма своеобразно понимают историю человечества. Всемирная история, с их точки зрения, есть история «нордической» расы.

Где же родина этой удивительной расы? Расисты с негодованием отвергают «старую» теорию о происхождении «арийцев» из Азии. Родина «нордической» расы, конечно, может быть только на севере. Где же именно? Расисты охотно помещают ее в фантастической стране Атлантиде. Эту теорию, выдвинутую Германом Виртом, подхватил К. Циммерман и другие, а особенно небезызвестный Розенберг, один из ведущих «теоретиков» и практиков фашистской политики, автор сумбурной книги «Der Mythus des XX Jahrhunderts», в которой он бесталанно симулирует истерического «пророка» и ясновидящего. Розенберг рисует эту небывалую Атлантиду, как материк, лежащий на... Северном Ледовитом океане. Тогда климат будто бы был мягче, так как полюс с тех пор переместился. В этой-то фантастической Атлантиде будто бы и жила чистая «нордическая» раса, посылавшая своих сынов-воинов и мореплавателей во все страны света. Из Атлантиды они звездообразно расходились по всем странам мира, одержимые «нордическим стремлением к власти», чтобы «завоевать и творить». Они направлялись в области Средиземного моря, в Африку, Индию, Океанию, Китай, Японию, в Северную и Среднюю Америку[1]. Опровергать всю эту мифотворческую чепуху нет никакой надобности.

Другие «исследователи» относятся с большей осторожностью к этим необузданным «мифам» и склонны помещать прародину «нордической» расы на берегах Балтийского и Северного морей, главным образом в Южной Скандинавии, в Дании, в Северной Германии. Розенберг согласен и с этим, он не совсем уверен, пришли ли нордические люди из Северной Европы в Атлантиду или из Атлантиды в Северную Европу.

Во всяком случае, именно с севера, по мнению расистов, начинаются великие переселения «богатой детьми» «нордической» расы (Гюнтер). Все великие государства мира и вообще все великое, что существовало в истории, было будто бы создано «нордической» расой в результате этих переселений и завоеваний... Во всех завоеванных странах «нордическая» раса составила аристократию.

«Нордической» расой были, по словам расистов, созданы великие государства и цивилизации Египта, Индии, сумеров, асси-

---

[1] Rosenberg, Mythus, S. 31.

рийцев, персов, даже... евреев! Бальцер[1] находит в истории этого ненавистного расистам народа «героический период», так называемую эпоху царей, когда господство будто бы принадлежало «нордической» расе. Нордические же завоевания создали и цивилизации Китая и Японии, ацтеков и майя, наконец, греков и римлян.

Доказательства? За ними дело не станет. Достаточно найти в мифах или фольклоре того или иного народа какие-либо намеки на завоевателей, пришедших с севера, отыскать в сохранившихся изображениях людей какое-либо отдаленное сходство с «нордической» расой, найти какое-либо упоминание о «белокурых волосах» или «светлых глазах» (хотя в действительности белокурые волосы свойственны не одной лишь «нордической» расе) — и этих вздорных доказательств совершенно достаточно для того, чтобы с ученым видом безапелляционно утверждать, что «нордическая» раса стала там или здесь господствующей, и что именно благодаря этому было создано могущественное государство или процвела великая культура. Прибегают и к несколько переиначенной «индогерманской» теории. Всюду, где говорят на «индогерманских» языках, существовал будто бы и высший господствующий класс «нордической» расы[2]. Впрочем, и это необязательно. «Нордическая» раса господствовала и там, где нет никаких следов индогерманских языков. «Доказательства» иногда бывают поистине комические. Так, доказательство того, что именно «нордическая» раса создала китайскую цивилизацию расисты видят в обычае китаянок румяниться и белиться, в чем они, стало быть, стараются подражать белорозовому «нордическому» идеалу красоты, соответствовавшему, очевидно, прежнему типу господствующего класса (Бальцер). У японцев высший класс будто бы отличается более светлым цветом лица, чем люди простого звания, и в этом расисты видят несомненное доказательство происхождения самураев от «нордических» предков. Как будто всюду и везде люди физического труда не отличаются более смуглым цветом лица и рук от изнеженной аристократии! А впрочем, к чему доказательства? Ведь для расиста аксиома: все великое может быть создано лишь «нордической» расой. Следовательно, там, где имеется что-либо великое, это дело «нордической» расы. Перед нами грубый ярмарочный фокус, ящичек с двойным дном; «доказательства» приводятся только для отвода глаз публики.

Все же, самое «убедительное» доказательство «нордического» происхождения той или иной культуры — это ее «нордический» дух, «нордическая обусловленность». А поскольку под это совершенно неуловимое понятие «нордического духа» заранее подводится все великое, высокое и прекрасное, то нет ничего проще,

[1] Balzer. Rasse und Kultur, S. 122 ff.
[2] Günter. Rassenkunde Europas, S. 169.

как доказать наличие «нордической» расы или, по крайней мере, нордического влияния всюду, где это угодно расистским авторам — или, наоборот, объявить ненордическим, объяснить посторонними примесями, примесями низшей, дурной, «темной» крови (в противоположность нордической «светлой» крови) все, что расистам не нравится в истории или в культуре тех или иных народов.

Надо ли говорить, что на этом основании расисты целиком присваивают себе античную культуру? По их словам, эллины — первый «нордический» народ, вполне развернувший свои «нордические» качества. Вся созданная греками великая культура носит, по мнению расистов, определенно нордические черты. Нордическими чертами будто бы отличаются герои Гомера[1]. Запечатленный в античной скульптуре идеал человеческой красоты представляет якобы чистый «нордический тип». Таковы образчики произвольных, ни на каком историческом материале не основанных утверждений расистов.

Расисты не сомневаются, что и римляне принадлежали к той же «нордической» расе. Их ранняя история уже всецело проникнута «нордическим духом». Идеал древних римлян — суровая самодисциплина, безусловная верность долгу, беспредельная любовь к отечеству — ведь все это, по мнению расистов, чисто нордические черты! Только нордическая раса, как пытаются уверить своих читателей гитлеровские «ученые», могла дать такие героические фигуры! Гораций Коклес, Муций Сцевола, Манлий Торкват, Деций Мус, Цинциннат, Брут Старший, Лукреция, Виргиния — все это несомненные представители «нордических» идеалов.

Но ход истории приводит к упадку всех великих государств и великих культур древности. Чем это объясняется? Для ответа на этот вопрос нет никакой надобности ломать голову над анализом социальных и политических причин падения античных цивилизаций. С точки зрения расистов, в этом случае дело обстоит необычайно просто. Упадок объясняется тем, что «нордическая» раса не сумела сохранить свою чистоту, смешалась с другими, низшими расами, выродилась. В эпоху своего господства «нордическая» раса строго охраняет чистоту крови и не смешивается с побежденными низшими расами. В Египте при Тутанхамоне существовало будто бы даже особое «министерство рас» (Rassenministerium). Но потом запреты слабеют, начинается смешение, а с ним и упадок «нордического» духа и созданных им великих государств и культур. Так было с великими государствами древнего Востока, так было с Грецией и Римом. Расисты с ученым видом перечисляют ряд причин, будто бы вызывающих этот упадок «нордической» расы. Отличаясь якобы особенной храбро-

[1] Подробнее см. статью Богаевского «Эгейская культура и фашистские фальсификаторы истории».

стью и готовностью жертвовать собой, люди «нордической» расы первыми гибнут во время войн. Представляя всюду господствующие слои, они сильнее подвергаются опасности вырождения вследствие роскоши, невоздержанности, сокращения рождаемости. Численное сокращение расы заставляет ее ослаблять строгие законы, не допускающие браков с низшими расами, а это ведет к расовому смешению, в котором расисты видят корень всех зол.

Следует немного ближе присмотреться к тому, как расисты разрешают вопрос о падении Римской империи; это подведет нас непосредственно к нашей теме о расистском понимании средневековья. Достаточно известно, насколько сложен вопрос о падении античных обществ, о смене античности средневековьем. Классики марксизма указали единственно верный путь к разрешению этого вопроса, связав его с вопросом о смене общественно-экономических формаций, установив специфические особенности рабовладельческого строя и причины его разложения, указав, наконец, на роль революции рабов, разрушившей рабовладельческую форму эксплоатации трудящихся. Достаточно известно, сколько противоречащих друг другу теорий выдвинула на этот счет буржуазная наука, начиная с времен гуманистов.

Надо сказать, что в этой области уже задолго до расистов, вроде Гюнтера и Бальцера, стали звучать нотки, напоминающие антропологическую мистику расизма. Видя свое полное бессилие научно объяснить падение Римской империи и античной культуры, буржуазные ученые толковали то о биологической «старости» древнего мира (от Вико до Эдуарда Мейера), то о своеобразном истощении творческих сил античного человечества (Ростовцев), то о вырождении римлян, якобы исчерпавших свои силы в бесконечных внешних и внутренних войнах (Зеек). Надо, однако, сказать, что у всех перечисленных буржуазных ученых эти «биологические» объяснения соединялись все же с попытками анализа социальных и политических причин упадка античного мира и отражали, скорее всего, сознание беспомощности объяснить этот упадок при помощи тех недостаточных методологических приемов, которые имелись в распоряжении буржуазной науки. Но для расистов никаких затруднений вообще не существует. Для них все ясно: римская империя и с ней античная цивилизация погибли потому, что выродилась их «нордическая основа», что погибла чистота «нордической» расы, на которую якобы опирались и античная культура, и Римское государство.

Храбрейшие римляне, т. е. римляне «нордической» крови, гибли уже во время пунических войн, а позже, особенно во время гражданских смут. Важнейшим фактором, обусловившим гибель «нордической» расы, был якобы также упадок свободного крестьянства, этого важнейшего резервуара нордической крови, как уверяет гитлеровский министр Дарре. С упадком расовой чистоты

в высших слоях римского общества начинается упадок половой морали, сокращение рождаемости и т. д.

Творческие силы римлян иссякали, «нордический» элемент исчезал все больше, расстворяясь в чуждых расах. Создается новая знать из вольноотпущенников. В результате этого... светлые волосы редко попадаются даже в высших слоях общества. Наступает то, что, по словам Розенберга, Чемберлен «гениально» охарактеризовал, как «хаос народов» (Völkerchaos). С упадком «нордической» расы и с «бастардизацией» (образованием помесей) якобы связан упадок культуры, физическое вырождение и болезни. «Вечная ночь» угрожает Европе. Если же государство держится еще почти половину тысячелетия, то лишь потому, что в нем все еще силен прежний «нордический» идеал государственности, что в провинциях падение «нордического» элемента идет медленнее, чем в центре, а главное, потому, что в него начинает вливаться новая «нордическая» кровь «варваров» — иллирийцев, далматов, фракийцев, даков и особенно германцев. И этот «биологический» бред предлагается расистами в виде ответа на один из сложнейших и труднейших вопросов всемирной истории!

Но вот наступает эра великого переселения народов.

Завоевания германцев представляют, с точки зрения расистов, последнюю, или, точнее, предпоследнюю и самую сильную волну расселения нордической расы (самой последней расисты считают расселение норманнов). Известно, какую роль сыграли германские завоевания в смене античной формации, основанной на рабстве — феодальной. Энгельс ясно показал, почему германские завоевания в свое время обновили Европу.

«Но в чем состояло то таинственное волшебное средство, при помощи которого германцы вдохнули новую жизненную силу умиравшей Европе?», — спрашивает Энгельс, разбивая вдребезги построения романтического шовинизма, во многом родственного будущему расизму. «Была ли это особая прирожденная германскому племени чудодейственная сила, как воображает наша шовинистическая историография? Отнюдь нет... Омолодили Европу не их специфические национальные особенности, а просто их варварство, их родовой строй... Все, что германцы привили жизненного и плодотворного римскому миру, было варварством». Действительно, только варвары способны омолодить мир, страдающий от того, что старая цивилизация умирает. И высшая ступень варварства, на которую поднялись германцы перед переселением народов, была как раз наиболее благоприятной для этого процесса [1].

В отношении производительных сил и культуры завоевание варварами Рима было огромным шагом назад. «Последние века

---

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М. и Э. Соч. Т. XVI, ч. I, стр. 132—133.

клонившейся к гибели римской империи и самое завоевание ее варварами разрушили множество производительных сил; земледелие пришло в упадок, промышленность, за отсутствием сбыта, захирела, торговля замерла или была насильственно приостановлена, сельское и городское население убыло. Сложившиеся таким образом обстоятельства и обусловленная ими организационная форма завоевания развили, под влиянием структуры германских войск, феодальную собственность»[1]. И она, а не расовые особенности германцев стала исходной основой нового постепенного развития раннего средневекового общества.

Расисты пытаются воскресить на свой лад старую и давно заброшенную романтическую теорию о «национальном духе» германцев и его «чудодейственных» свойствах, подпирая ее своими квази-биологическими костылями. И, прежде всего, они совершенно несогласны с тем, что германцы были варварами.

В последние десятилетия, особенно после мировой войны, немецкие ученые ополчились против представления о «варварстве» германцев, и на основании соответствующим образом подтасованных археологических данных стали всячески доказывать мнимую высокую культурность германцев, которые пришли на смену «сгнившему» римскому миру (Допш).

Но, по мнению Допша, «германская культура» сложилась под сильным римским влиянием. Допш полагает, что германцы издавна подвергались культурному воздействию римлян, издавна шла «романизация» германцев.

Расисты подхватывают «теорию» о высокой культурности древних германцев.

По словам Бальцера, варварство германцев есть изобретение «антинордически направленной науки».

Но расисты решительно отвергают всякое римское влияние на «культуру» древних германцев. Эта культура рисуется им как нечто исконное, с самых ранних пор присущее германцам, как нордической расе.

Археологические раскопки, особенно же сочинения Людвига Вильцера и Густава Косинны, будто бы вполне доказали высокую культурность германцев в уже весьма отдаленные времена. Здесь мы вступаем в область необузданных археологических фантазий. Уже в древнейшие времена, во второе тысячелетие до н. э. и в начале первого (т. е. когда о германцах еще и помину не было), германцы стояли якобы не ниже, а выше южных народов.

Расисты протестуют против представления о «германцах» этой эпохи как о «грязных дикарях». Раскопки будто бы обнаружили ряд предметов, предназначенных для ухода за телом — ушные ковырялки, бритвы, ногтечистки, щипчики для выщипывания лиш-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч., т. IV, стр. 14.

них волос и т. д. Словом, остается признать, что у древних германцев существовали куаферные заведения и «институты красоты». Немецкие археологи ухитрились даже открыть у германцев за 2000 лет до н. э. письмена, якобы совершенно независимые от передне-азиатских.

Не стесняясь полным отсутствием исторических данных, расисты рисуют фантастические и идеализированные картины религии и общественности этих никогда не существовавших «германцев».

«Нордический индивидуализм» предоставлял каждому устраивать свою жизнь и свое жилище по-своему,—уверяют расисты,— но совместное существование предполагает государственный порядок: для свободных, т. е. людей «нордической» расы — Einordnung (свободное подчинение), для несвободных, т. е. людей «низших» рас, — Unterordnung (принудительное подчинение). Не было недостатка и в «фюрерах». Словом, идеал фашизма осуществлялся будто бы уже на заре истории.

Переходя к временам Цезаря и Тацита, расисты должны бы вступить на более реальную почву, но и здесь продолжается фантастика и грубое подтасовывание фактов.

Наукой достаточно установлено, что германцы эпохи Тацита представляли собой продукт сложного смешения рас и что Тацит под именем «германцев» описывает не только германцев, но и славянские, а может быть и финские («восточно-балтийские» по терминологии фашистов) племена. Известно также, что Тацит, вслед за этнографической литературой античности, идеализировал «неиспорченных дикарей», противопоставляя их «испорченному», по его мнению, римскому обществу.

Ни с чем этим расисты считаться, разумеется, не желают. Древние германцы, по их мнению, — на 90% «нордическая» раса и притом они уже тогда стояли на высокой ступени культуры. Только евреи и либералы, — говорит Бальцер, — могут считать изображение, сделанное Тацитом, прикрашенным [1]. Все описанные им семейные и общественные добродетели представляют будто бы неотъемлемые свойства «нордической» расы. Впрочем, 10% чуждой крови все же допускается, так как надо же объяснить и многие несимпатичные черты, отмеченные Тацитом: таковы их склонность к пьянству, к азартной игре, их неаккуратность, их invidia, stultitia, odium sui. Все это, по мнению расистов, «ненордические» черты. «Нордический» человек, — поучает Бальцер, — презирает пьянство и игру. Для «нордического» человека аккуратность и пунктуальность — заповедь вежливости по отношению к другому и уважения по отношению к себе. Это не хуже маникюра за 2000 лет до н. э.! Все же германец эпохи Тацита в основ-

[1] Интересно отметить, что фашистские историки одновременно всячески стремятся опорочить свидетельство того же Тацита об общинном землепользовании древних германцев, их обычаях и т. д.

ном — «нордический» человек. Что же особенно восхищает расистов в строе древних германцев?

По словам Густава Пауля, германцы — народ, который ближе всего стоит к вечным, естественным порядкам в области телесной и духовной жизни[1]. Германцы, по мнению Гюнтера, вели сознательную политику охраны расовой чистоты. Особый восторг всех расистов вызывает обыкновение германцев убивать слабых детей. Гюнтер сурово порицает католическую церковь, выступившую против убийства слабых детей[2]. Смертная казнь, как, впрочем, утверждал уже Амира, была у них средством сохранения чистоты расы. Итак, по мнению расистов, германские завоеватели являются в римскую империю не как варвары, а как культурный народ и притом как подлинные расисты. Что же делает, по мнению фашистов, этот «культурный народ» с побежденными? Вопрос небезинтересный не только для германского прошлого, но и для выяснения целей и мечтаний германского фашизма.

Допш, который во многих отношениях предварил теории расистов, полагал, что высококультурные германцы довольно мирно водворились среди римского населения и усвоили римскую культуру, «знатоками и ценителями» которой они давно были. Так, мирно, безо всякой катастрофы и без перерыва в культурном развитии, произошел якобы переход от античности к средневековой Европе.

Эта теория «мирного перерастания» римской античности в римско-германское средневековье соответствовала страху буржуазии перед всякого рода насильственными переворотами, страху, вызванному ростом рабочего класса и его революционных настроений. Буржуазным историкам хотелось доказать, что историческое развитие идет без резких скачков и разрывов, по непрерывной линии, что и в будущем буржуазии не должны угрожать никакие перевороты и революции.

Теперь эти мирно-трусливые настроения уже вышли из моды. Германские агрессоры не боятся переворотов, — конечно, переворотов в стиле гитлеровского переворота 1933 г.; они торгуют этим товаром. Путем террористических убийств, шпионажа и диверсионной работы они экспортируют его в другие страны. Они не прикрываются больше идиллическим пацифизмом; провокации, путч, интервенция, военный захват — вот их любимые методы. Поэтому и завоевание Римской империи германцами они рисуют не по Допшу.

Пауль полагает, что в этом отношении не все германские племена поступали одинаково. От их поведения по отношению к населению завоеванных областей зависела и их «расовая судьба». Всего похвальнее поступили, по мнению Пауля, алле-

---

[1] G. Paul. Grundzüge der Rassen und Raumgeschichte des deutschen Volkes, 1935. S. 166.

[2] Rassenkunde des deutschen Volkes, S. 306.

маны-швабы. Они начисто истребили кельто-романское население в долине Неккара, в Вюртемберге, в Эльзасе. Именно поэтому будто бы здесь хорошо сохранилась швабская «нордическая» раса с ее «щитообразными аллеманскими лицами» и круглыми подбородками в противоположность острым — франкским. «Нордический дух» швабов сохранился в их любви к солдатской службе (Freude an Soldatentum) и в их Dickköpfigkeit (твердолобости) — особый предмет расовой гордости! Почему Паулю так нравится швабский метод расправы с побежденными народами? Потому, что «обосновывая» необходимость захвата «чистого» пространства на Востоке, германские фашисты откровенно говорят о необходимости истребления побежденного населения. Хуже вели себя франки, которые вообще были немножко поплоше других германских племен — у них, как утверждает Пауль, и черепа были покороче, и подбородки поострее, и характер не такой серьезный. Франки пощадили значительную часть коренного населения, особенно виноделов, горнорабочих, ремесленников, всякого рода слуг, нужных в поместьях.

Но «великое переселение народов» имело с точки зрения расистов и теневую сторону: это захват восточных областей Германии славянами. Вопросу о борьбе германцев со славянами посвящена особая статья в этом сборнике и потому его не следует касаться. Необходимо только указать, что расисты проводят резкую грань между германской и славянской колонизацией. Германцы, по их мнению, колонизуют «мечом и завоеванием», по праву победителей, славяне же (когда-то «нордическая» раса, но рано будто бы потерявшая свои «нордические» свойства и смешавшаяся с азиатскими и с восточно-балтийскими элементами) колонизуют путем «просачивания» (einsickern), робко и нерешительно,— т. е. мирно!

Итак, постоянную угрозу чистоте расы представляли не совсем истребленные «ненордические» элементы, а также и ненордическое культурное наследие, полученное от «выродившихся» римлян. В этом культурном наследии виднейшее место принадлежит христианству. Расисты ожесточенно выступают против мнения, что средневековая культура развилась из античных и церковных начал, из наследия Рима. Это — биологическая ошибка, восклицает Бенце[1]. Элементы античности и христианства скорее разлагали «истинно-нордическую» культуру германцев.

Правда, расисты не вполне спелись в оценке христианства. Здесь отразились и столкновения фашизма с некоторыми мелкобуржуазными конфессиональными, особенно католическими кругами, и попытки найти почву для соглашения. Общеизвестны попытки противопоставить христианству древнегерманскую религию Вотана, которая замечательна, главным образом, тем, что о ней ровно ничего неизвестно. Например, Розенберг[2] относится к хри-

[1] Benze. Geschichte im Rassenkampf, S. 21.
[2] Rosenberg. Mythus, S. 73, ff. 1931.

стианству резко отрицательно. Христианство, по его мнению, возникло в расово-выродившемся упадочном Риме. Его проповедь греховности мира и искупления представляет учение, соответствующее расовой «бастардизации». Поэтому все, что было в Риме здорового, обратилось против христианства. Розенберг приветствует преследования христиан в Риме; ему нравится, что их жгли, распинали и травили зверями в цирке, тем более, что христианство представляло собою, по его мнению, не только религиозное, но и «пролетарско-нигилистическое» политическое учение. В христианстве, по мнению Розенберга, доминировал «сирийско-переднеазиатский расовый принцип» — другими словами, «еврейский дух». Но самым большим грехом христианства и Розенберг, и Гюнтер, и все расисты считают его «разрыв с расой», его учение о равноценности всего человеческого рода, о том, что «нет ни эллина, ни иудея, ни раба, ни господина». Даже эти слова, которые для христианства и церкви слишком часто бывали лицемерным освящением эксплоатации и, в частности, рабства, приводят в бешенство расистов, видящих в них провозглашение «нигилизма, отрицающего все органическое» [1].

Мы встречаем, впрочем, у расистов и более снисходительную оценку христианства. Так, Пауль полагает, что христианство несравненно превосходило все же народную германскую религию. Он не согласен с теми расистами, которые полагают, что христианство надломило жизненные силы «нордической» расы. Хотя германцы и стали христианами, но и христианство стало германским! [2]. Но и Пауль отмечает отрицательные стороны христианства для «расы»: оно уничтожало грань между германцами и покоренными народами.

Итак, по мнению расистов, Европа в V—VII вв. стала «нордической». Они не желают замечать того очевидного факта, что в странах южной Европы остаются римское население, романские языки и что римские порядки оказывают значительное влияние на историческое развитие этих стран. Нет, все римское якобы исчезло, а если и осталось, то лишь как ядовитое начало разложения. Ничего нового не слышится нам в этих декларациях. Ученые «германисты» подготовили в этом отношении почву для расистов, которые только доводят их «научные» теории до карикатуры. Они и слышать не хотят о той единственно правильной точке зрения, которая была в свое время высказана Марксом («К критике политической экономии») и по которой германское завоевание создало взаимодействие германских и римских начал, приведшее к новому синтезу. Германской страной становится, по мнению расистов, Италия уже с 476 г. и сохраняет свой германский характер до конца первого тысячелетия н. э. По мнению Бальцера, латинское начало совершенно исчезает из жизни Ита-

[1] «Alles Organische leugnende Nihilismus». Rosenberg, Mythus, S. 76.
[2] G. Paul. Grundzüge, S. 258.

лии. Из языка господ и языка покоренных возникает итальянский язык, который является гораздо более германским, чем латинским. Всем известно, что итальянский язык очень близок к латинскому и нисколько не похож ни на один из германских языков. Но это нисколько не смущает развязных расистов, апеллирующих не к лексике, а к пресловутому «духу» языка. Германской становится и Галлия, германизирующаяся будто бы еще со времен Ариовиста, Испания, завоеванная свевами и вестготами, Африка, завоеванная вандалами; конечно, германскими языками являются французский и испанский; нечего уже говорить о Британии, завоеванной англо-саксами, потом датчанами и норманнами. Можно себе представить, как раздувается расистами всемирно историческая роль норманнов, будто бы разносивших «нордическую» кровь и «нордический» дух по всей Европе и за ее пределы. Пиратско-купеческие предприятия викингов, их территориальные захваты рисуются, как «проявление чисто нордического духа», страстной жажды новых открытий, новых земель. Расисты просто игнорируют хорошо известный факт, что норманны, обладая крайне слабой национальной культурой, быстро теряли свою национальность при соприкосновении с более культурными народами, что они быстро стали французами в Нормандии, итальянцами в Сицилии, славянами на Руси. Расисты особенно настаивают на «варяжском», норманнском происхождении правящего класса на Руси и, рассудку вопреки, наперекор стихиям, противопоставляют «белокурых» господ «черному» народу, черни (славянам). Такая же германизация высшего класса происходит, по мнению расистов, и у других народов Европы. Нисколько не интересуясь сложными социальными отношениями Европы раннего средневековья, процессом феодализации, закрепощения тех же германцев их же соотечественниками и римской знатью, они занимаются нелепыми и невежественными поисками «нордической» крови и «нордического духа» по всем концам Европы.

«Исследования» эти часто поражают своей феноменальной нелепостью. Вот образец псевдо-научных фашистских «изысканий» одного из наиболее последовательных расистов — Бальцера. Его интересуют такие глубокие вопросы: почему светловолосый основатель Норвежского государства Гаральд Гарфагр (прекрасноволосый) проявлял в своем характере ряд «ненордических» черт, вел весьма предосудительный образ жизни с точки зрения половой морали и к тому же был под башмаком у своей жены, прекрасной лапландки? Разгадка заключается в том, что отец его, Гальфдан Черный, был брюнетом, и, стало быть, человеком ненордической крови. Хотя сам Гальфдан был весьма разумен и справедлив и вел нравственный образ жизни, но передал сыну дурные инстинкты низшей расы [1].

---

[1] Balzer. Rasse und Kultur, S. 189—190.

Но вот перед расистскими историками встает факт огромного исторического значения, который грозит разбить вдребезги все их построения. Это факт стремительного образования и распространения арабского государства, высокого подъема арабской культуры. Однако расисты с неподражаемой развязностью разделываются и с этим историческим фактом.

Арабы, темнокожий и темноволосый народ, создали великое государство и великую культуру! Этого, конечно, не может быть. И вот начинаются исторические фантазии. По современным арабам,— говорят расисты,— нельзя судить об арабах VI—VII вв. На Аравийском полуострове уже давно существовала высокая культура, созданная давними переселениями «нордической» расы. Эти «нордические» элементы сильны еще у арабской знати (отличавшейся будто бы от простонародья светлым цветом кожи и высоким ростом). Правда, сам Магомет был брюнетом и смуглым; значит, он был продуктом смешения рас и это нашло отражение в его религии, созданной из смешения христианских, юдаических и иранских элементов (Бальцер). Чувствуя, что это явно недоказательно, расисты аргументируют еще тем, что арабское государство и арабская культура будто бы были арабскими лишь по языку, и истинными ее носителями были не арабы, а покоренные племена, среди которых на одном из первых мест стоят мавры. А мавры — это будто бы потомки вандалов, завоеванных в свое время германцем же (!) Велизарием. Мавританская культура в Испании, таким образом, оказывается германского происхождения, покоренные вестготы внесли в нее будто бы еще больше «нордических» элементов. И это преподносится не как юмористика, а как «наука»!

По мнению расистов, арабское государство, арабская культура и в особенности блестящая и самобытная арабская поэзия,— все это создание «нордической» расы и чуть ли не немцев.

Итак, по мнению фашистов, в раннее средневековье «нордический» элемент господствует в Европе и даже за ее пределами. Но одновременно с его торжеством наступает и его упадок. Этот упадок начинается, конечно, с того времени, когда стираются строгие грани, отделявшие господ, носителей «нордической» крови, от побежденных. Фатальную роль в этом сыграло, по мнению расистов, все то же христианство.

Дальнейшая история средневековья представляется германским расистам, как процесс постепенного упадка «нордического» элемента (Entnordung). Таким образом, наиболее «нордическим» периодом в истории Европы являются V—VII вв. Всем известно, что эти века были временем наибольшего падения культуры, наибольшего одичания Европы и что дальнейший подъем экономики, государственности и культуры совпадает с тем, что расисты плачевно называют Entnordung. Но что до этого расистским фальсификаторам истории!

В чем заключается процесс, называемый расистами «Entnordnung»? Он, по мнению расистов, протекал скорее всего в южных странах, где, кроме смешения с побежденными при содействии христианства, играла крупную роль неприспособленность северян к южному климату, особенно их подверженность малярии. В войнах погибают, главным образом, представители «нордической» расы, так как военное дело становится занятием исключительно господствующей расы. Известную утрату «нордического духа» усматривают расисты уже в государстве Карла Великого, — впрочем, расисты предпочитают не называть его «Великим», а называют «Karl der Franke» или еще как-нибудь. Большие затруднения возникли для фашистских фальсификаторов науки при оценке Карла. Дело дошло до смехотворной полемики между самими гитлеровскими «учеными» [1], считать ли его представителем нордического германизма или же уступить его французам. Все же многие расисты не хотят отдать его и признают за ним великие заслуги, но в то же время ставят ему в вину ряд прегрешений. Все упрекают его за беспощадные войны с саксами, в которых расисты, вслед за Гюнтером, склонны видеть наиболее чистых представителей «нордической» расы (с некоторой примесью фальской). В противовес Карлу превозносится до небес его противник Видукинд, в действительности предавший вместе с другими знатными саксами свободу своего народа за пожалованное Карлом право угнетать этот народ. Воздвигаются памятники саксонской знати, истребленной Карлом. Величайшим расовым преступлением Карла считается его союз с славянами против саксов. Но в то же время Карлом не хотят пожертвовать, как основателем «великой империи» и, особенно, как инициатором наступления на Восток—Drang nach Osten. Розенберг—тот сомневается, принадлежал ли Карл к чисто германской расе. По описанию Эйнгарда, у Карла была круглая голова и толстая шея; это,— восклицает Розенберг, — не «нордические», а «остические» признаки. Любопытно, что другие «исследователи», вроде Гюнтера, видят в «закругленном» черепе Карла как раз один из показателей его принадлежности к «нордической» расе.

Не следует останавливаться на тех сторонах истории средневековья, которые больше всего привлекали внимание немецких фашистов, — на истории «Священной римской империи германской нации» и на колонизации немцами Заэльбья и Прибалтики. Этим вопросам посвящены в настоящем сборнике особые статьи.

Всего упорнее, по мнению расистов, «нордический» элемент держится в Германии. Для нее временем наивысшего подъема является X—XIII вв. Это — время империи, агрессивных устремлений на Восток, господства идеального «сословного государства» — Ständestaat. Известную идеализацию средневекового

[1] См. статью. А. Неусыхина, «Итальянская политика германской империи X—XIII вв. в современной фашистской историографии».

феодального государства, и при этом в одной из наиболее уродливых ее форм — в форме Священной римской империи X — XIII вв., — мы находим уже и у предвестников фашистского понимания истории, у Белова, у Допша. Если мы будем искать отцов фашистской «теории» благодетельности сословного государства, нам придется обратиться к отдаленным временам, к немецким реакционерам начала XIX в., к Галлеру и еще ранее. В настоящее время «теория» сословного или «тотального» государства стала орудием против теории классовой борьбы. Общество, как в басне Менения Агриппы, представляется в виде цельного организма, дифференцированным органам которого якобы принадлежат особые функции, причем между этими органами не может быть борьбы. Менений Агриппа более откровенно и наивно сравнивал роль господствующих классов с желудком. Отмар Шпанн и его школа хитрее, и сравнивают их с головой. «Голове», т. е. господствующим классам, принадлежит высшая творческая, организационная и культурная деятельность; хозяйственным функциям и классам, занятым в хозяйстве, принадлежит служебная, подчиненная роль. Общество создается из руководящих и руководимых, — это, по мнению последователей Шпанна, одно из основных положений национал-социализма, тот Führerprinzip, который в то же время является основным проявлением «нордического духа». С точки зрения сторонников теории «сословного государства» — Ständestaat — борьба между отдельными органами общества, «сословиями», так же ненормальна, как борьба между органами тела. Каждый должен принадлежать к соответствующему сословию и не стараться уйти из него. Каждое «сословие» должно получать образование, соответствующее его месту в обществе. Иначе говоря, всякая эксплоатация человека человеком и в том числе капиталистическая, «естественная», «законна» и должна существовать вечно.

Эта «теория» подает руку расизму. По мнению Гюнтера, сословное расслоение (Ständeschichtung) средних веков выработалось из расового расслоения (Rassenschichtung) дохристианских германцев [1].

Замкнутость сословий в средние века идет рука об руку с сохранением «расовой чистоты». Господствующее сословие, «рыцарство» гордо своей расовой чистотой и не допускает в свою среду людей низшей расы. Розенберг превозносит немецкое рыцарство, с его «чувством чести» на службе расы. После безудержного индивидуалиста викинга и древнего германца, рыцарство становится «духовным центром всей расы» [2]. В рыцарстве якобы хранится расовая чистота и расовый дух. В связи с этим германские фашисты восторженно восхваляют позорнейшее явление в истории феодальной Европы — гнусное «право первой ночи».

[1] Günther. Rassenkunde des deutschen Volkes, S. 393 ff.
[2] Balzer. Rasse und Kultur, S. 17.

Восторженнейшего поклонника оно нашло в небезызвестном Дарре. Для вящего превознесения этой мерзости фашистские «ученые», как Рудольф Горслебен, воскрешают давно опровергнутую теорию о длительном влиянии первого мужчины на все последующие роды [1]. Розенберг, Гюнтер и другие расисты молчаливо обходят вопрос об обратном влиянии. Они не хотят говорить о том, что рыцарство с его пьянством и распутством очень скоро выродилось бы, если бы «целомудренные» жены рыцарей, особенно в отсутствии своих мужей, занятых крестовыми походами, не освежали благородную кровь рыцарских фамилий при содействии пажей, лакеев и кучеров.

По мнению «ученых» «Третьей империи» германская культура в это время стоит неизмеримо выше прочих, потому что, как говорят расисты (Бальцер), она обладала наивысшим процентом «нордических» элементов.

Романский и особенно готический стиль (якобы «нордический» по своему духу) достигают наивысшего расцвета будто бы в Германии, и это, конечно, грубейшее искажение исторической действительности. В Германии же будто бы достигает наивысшего расцвета и схоластическая наука средневековья. Игнорируя другие имена, Бальцер спешит назвать Альберта Великого, «истинно нордического шваба». Впрочем и Фома Аквинский, по уверению расистов, был немцем. Сохранившиеся отрывки германского эпоса позволяют поставить его выше греческого. Грубые дубовые стихи песни о Гильдебранде расисты ставят выше Гомера!

Но вслед за этим наступает упадок. Незачем ломать голову, чтобы объяснить причины, вызвавшие упадок значения и престижа германского государства после Гогенштауфенов. Дело, конечно, объясняется с точки зрения расизма исключительно упадком «нордического элемента». Отчего же он приходит в упадок? Расисты толкуют о том, что «лучшие, самые смелые и предприимчивые элементы «нордической» расы уходят с германской родины. Отчасти они гибнут в крестовых походах», которые, по мнению Бальцера, совершались почти исключительно немцами [2]. Это лживое утверждение «обосновывается» тем, что к германцам причисляются рыцари и северной Франции, и Фландрии — якобы потомки франков, и южной Франции — якобы потомки готов, и рыцари северной Италии, якобы потомки лангобардов, и рыцари Южной Италии, якобы потомки норманнов. Другие «нордические элементы» уходят на периферию, в колонизационные предприятия в Прибалтике, в Чехии, Венгрии. Так, будто бы слабеют «нордические» элементы в Германии и одновременно с этим поднимаются из низов общества ненордические элементы. Конечно,

---

[1] «Известия» от 10 февр. 1938 г. статья «Человеководство на службе тотальной войны».

[2] Balzer. Rasse und Kultur, S. 241.

разрушительную роль при этом играет церковь с ее «нивелирующим духом».

Бальцер оплакивает подъем министериалов, которые из несвободных нередко делаются рыцарями. Церковные сеньоры в этом отношении подают дурной пример. Вследствие пополнения рыцарства людьми низших рас, рыцарство начинает вырождаться в «разбойничье рыцарство» (Raubrittertum). С изобретением огнестрельного оружия это разбойничье рыцарство превращается в ландскнехтов, в которых, как спешит заверить Бальцер, нет ни капли «нордической крови» и «нордического духа».

Пауль подчеркивает другую причину упадка «нордических» элементов в германском обществе. Такой причиной является якобы рост городов, особенно в позднее средневековье. В города стекаются люди из разных стран, в частности из Италии, здесь скопляются «остические» и «восточно-балтийские» элементы. В тесной обстановке городов немыслима расовая гигиена (Rassenpflege) и следствием этого является быстрое вырождение. В городах развивается и особый грубый бюргерско-плебейский дух — «Spiessigkeit», непохожий на рыцарский. Пауль объясняет это приливом преимущественно «остической» крови, которой свойственен «ограниченно-деловой дух».

Пауль принужден признать наличие и классовой, или, как он говорит, «экономической» борьбы в городах. Но он подчеркивает тесную связь между «экономической» и расовой борьбой. По его мнению, борьба между патрициатом и низшими слоями города зависела якобы как от «экономических» причин, так и от расовых, определявших разный стиль духовной жизни и вносивших особое ожесточение в эту борьбу.

Впрочем, расисты находят и положительные черты в немецком средневековом городе. К таким чертам относится, прежде всего, цеховой строй с его сословной и даже расовой исключительностью (недопущение в некоторые цехи лиц «низших» профессий, славян и т. д.). Циммерман умиленно говорит о мерах, принимавшихся в городах для сохранения чистоты расы. Он рассказывает, что в каждом значительном немецком городе по крайней мере раз в две недели производились публичные казни, причем истреблялись индивидуумы, по своим наследственным свойствам не подходившие к упорядоченному общежитию того времени. Ленц и Гюнтер будто бы доказали, что в казненных явно заметны черты «низшей расы», приближающейся к неандертальскому типу. Таким образом, «преступные натуры» (Verbrechernaturen) искоренялись. Это ли не «идеал», которому должна следовать — и следует — «Третья империя»! Есть от чего умилиться фашистскому сердцу. Положительной чертой средневекового города фашисты считают также преследование евреев, ограничение их местожительства пределами гетто. К сожалению, вздыхает Циммерман, нельзя было вполне воспрепятствовать смешению северной расы

с славянами, особенно когда они стали онемечиваться и принимать язык завоевателей. Отсюда Циммерман извлекает такое «поучение»: для расы господ опасно, если она по языку не отделена от расы завоеванных кули и феллахов!

Немецкая знать довершает падение своей расовой чистоты, заключая браки с богатыми невестами из бюргерской среды. И вот, результатом всего этого является «смешение рас», утрата «нордического духа», выражающаяся, между прочим, по словам Бальцера, в упадке немецкой чистоты и аккуратности. Германия (в XIV в.) делается чрезвычайно неопрятной страной. Вот, по мнению расистов, причина тех страшных эпидемий, которые опустошают в это время страну, в частности — пресловутой «черной смерти». Но, оказывается, эпидемии имеют, по словам расистов, и положительные стороны: вымиранию подвергаются самые грязные и глупые [1], стало быть, заключают фашисты, люди «низших» рас. Самый низкий пункт расового и культурного падения Германии лежит, по Бальцеру, около 1500 г. К этому времени наиболее «расово-чистые» элементы сохраняются лишь на окраинах, особенно в Остэльбии. В коренной Германии «нордический» элемент иссякает. Недаром, сокрушается Бальцер, Дюрер и Кранах рисуют только уродов и уродок. Идеал Кранаха — «белокурая башкирка» с косыми и узкими глазами. Фальсификатор истории Бальцер не желает видеть, что готическое искусство идеализировало князей и рыцарей, а великие бюргерские реалисты начала XVI в. рисовали «нордическую расу» такой, какой она была на самом деле. Немцы XVI в., по наблюдению Бальцера, — сплошь некрасивы. Император Максимилиан I — смугл, темноглаз, правда, с светлыми волосами, но с пастью бульдога (впрочем, в этом Габсбурге, как «выяснили» расисты, была доля еврейской крови, отсюда и его уродство). И прочие представители княжеских домов в Германии — урод на уроде, косоглазые, толстые, короткоголовые. Даже Лютер, Меланхтон, Зикинген, Гуттен, Гец фон-Берлихинген — некрасивы, некоторые из них даже безобразны [2].

Но ведь эта эпоха «падения нордической расы» ознаменована крупнейшими событиями в истории человечества — Возрождением, великими географическими открытиями, реформацией! Но и с этим фашистские «историки» разделываются без церемоний.

В оценке Возрождения они не все сходятся во мнениях. Пауль с презрением говорит о «гуманизме» и «просвещении» с их рационализмом, верой в разум, пренебрежением к истинкту и традиции, утилитаризмом, космополитизмом [3].

Циммерман видит в Возрождении продукт разложившейся византийской культуры: из Возрождения, развязавшего индивидуализм, развиваются враждебные расе идеи свободы, равенства и

---

[1] Balzer. Rasse und Kultur, S. 242.
[2] Balzer. Rasse und Kultur, S. 245.
[3] G. Paul. Grundzüge, S. 258.

братства. Из культуры Возрождения вырос ненавистный расистам идеал гуманности. Циммерман заявляет, что все силы, объединившиеся против Германии в мировую войну — империализм и гуманизм, либерализм и марксизм (!), — это будто бы последствия эпохи Возрождения.

Но большинство расистов, в том числе и вождь их Гюнтер, и Бальцер относятся к Возрождению благосклоннее. Они выкопали из забвения и популяризируют взгляды Вольтмана, написавшего в 1905 г. глупую и эксцентрическую книжонку «Die Germanen und die Renaissance in Italien». В свое время эта книжонка имела «успех» скандала, вызвав ряд вполне заслуженных насмешек. Потом она была основательно забыта. Теперь расисты извлекают из нее всевозможный вздор для подтверждения своей «теории».

Вольтман, а за ним Гюнтер, Бальцер и др. утверждают не более и не менее как то, что все итальянское Возрождение было... «делом немцев!» Все великие деятели искусства и науки, выдвинутые итальянским Возрождением, — немцы! В то время, когда «нордическая раса» в Германии стала приходить в упадок, она будто бы процвела в Италии. «Нордические» элементы были принесены в Италию сначала готами и лангобардами, а потом, и преимущественно, немцами, пришедшими туда вместе с императорами во время их походов на Рим. Это был лучший отбор из немцев, включавший наиболее «нордические» элементы. И вот, в то время как «нордическая кровь» и «нордический дух» начинают приходить в упадок в Германии, они счастливо «возрождаются» в Италии!

С невероятной развязностью Бальцер называет Данте величайшим германским поэтом. Он не хочет верить Боккаччио, который свидетельствует, что у Данте были темные волосы. В виде фронтисписа к своей книге он помещает портрет Данте (идеализированный, сделанный значительно позже смерти писателя) с якобы «нордическими» чертами. Но и на этом весьма сомнительной подлинности портрете не видно волос, закрытых головным убором, цвет лица смуглый, глаза явно темные, и отчетливо видна брахикефалия — это типично итальянское и нисколько не немецкое лицо.

Стоит особо остановиться на тех жалких и смехотворных усилиях, которые затрачивают немецкие расисты, чтобы «доказать» «нордическое» происхождение Данте. Особенно старается вождь немецких расистов — Гюнтер. Любопытно, что итальянские фашистские антропологи (Серджи и Фрозерто) подвергли измерениям предполагаемый скелет Данте[1] и пришли к заключению, что он носит типические черты средиземноморской расы («Westische» на языке немецких фашистов). Но на основании тех же измерений Гюнтер приходит к выводу, что Данте принадлежал

[1] Rivista di Antropologia, 1924—1925.

к «нордической» расе с некоторой примесью динарской (к которой принадлежит якобы значительная часть южных немцев и которую Гюнтер ставит на втором месте после нордической).

Еще комичнее «доказательства» филологического характера. Они не новы; ими занимался еще Крауз в конце прошлого столетия [1]. Вторая часть фамилии Данте — Алигьери — была фамилией прабабки Данте и от нее перешла к его роду. Эта фамилия напоминает немецкую фамилию «Адлингер». Отсюда ясно, спешат заключить расисты, что прабабка Данте была германского происхождения, и, очевидно, предком ее был какой-нибудь немецкий рыцарь, прибывший в Италию с каким-нибудь из императоров. Вот и доказано «нордическое» происхождение Данте! Трудно представить себе что-нибудь более дикое, чем такого рода «доказательство». Впрочем, главное доказательство «нордического» происхождения Данте — это самая его поэма, будто бы вполне обнаруживающая в авторе «северную душу». Еще одно «веское» доказательство приводит Бальцер: Данте больше оценили в северных странах — в Германии, Англии, Соединенных Штатах, чем у него на родине. Это беззастенчивая ложь. Перед нами грубое ярмарочное мошенничество, рассчитанное или на больших дураков, или на тех, кто сам хочет быть обманутым. На этом примере мы видим балаганные приемы расистской аргументации. Вместо того, чтобы вскрывать глубокие социальные корни сложного и часто противоречивого гениального творчества Данте, стоящего на рубеже двух эпох и двух культур, они занимаются шутовскими изысканиями происхождения его прабабки.

Но этим далеко не исчерпываются нелепые претензии германских расистов зачислить по своему «нордическому» ведомству лучших людей итальянского Возрождения.

Петрарку и Боккаччио никак не удается зачислить в немцы. Поэтому расисты (например Бальцер) считают своим долгом усомниться в их величии и зачисляют их в разряд полукровок (Mischlinge). Конечно, немцем был, по их мнению, Леонардо да-Винчи, как по своему внешнему виду, так и по «нордическому» характеру своего творчества. Расисты, вслед за Вольтманом, называют десятки лучших имен эпохи Возрождения, зачисляя всех их в немцы. Здесь и великие мастера кисти — Джотто, Беноццо Гоццоли, Мазаччо, Филиппо Липпи, Джованни Беллини,Ботичелли, Мельци, Луини, Тициан, Рафаэль, Андреа дель-Сарто; здесь и великие скульпторы — Донателло, Андреа Мантенья, все три делла-Роббиа. Немецкого происхождения, по их мнению, Пико-делла-Мирандола, Флавио Бьондо, Эней Сильвий, Марсилио Фичино, Фильельфо и прочие и прочие и прочие. «Нордическая кровь» представлена и блондином Галилеем и шатеном Бруно. Достаточно каких-либо указаний на то, что данное лицо обладало

---

[1] Kraus. Dante. 1897.

светлыми (или хотя бы не совсем черными) волосами, светлыми глазами или белым цветом кожи, чтобы немедленно зачислить его в потомки немецких рыцарей, «обогащавших» разорявшуюся ими Италию «нордической кровью».

Но даже Гюнтеру приходится признать, что люди итальянского Возрождения вовсе не подозревали о своей «нордичности» и относились к немцам как к грубым варварам [1].

Увлекаясь поисками германских элементов в итальянском Возрождении, немецкие расисты причисляют к немкам и светловолосых женщин Возрождения. К их числу относят, например, и знаменитую Лукрецию Борджиа, дочь папы Александра VI. Она была, конечно, «нордической» крови, так как род Борджиа происходил из испанской (т. е. непременно вестготской) знати! Бальцер раздраженно защищает репутацию Лукреции от исторической традиции, приписывающей ей все пороки и преступления до кровосмешения включительно. «Нордический дух» викингов возрождается будто бы в кондотьерах. Правда, здесь расистам с трудом удалось наскрести лишь парочку второстепенных кондотьеров «нордического» типа.

Конечно, тем же «нордическим духом» викингов объясняют расисты и эпоху великих открытий. Немцы не принимали в них непосредственного участия, но зато, по мнению расистов, все или почти все итальянские, испанские, португальские великие мореплаватели этой эпохи были «нордической» или, точнее, германской крови. Марко Поло был венецианцем — стало быть, конечно, германцем! Некоторые исследователи пытались было доказать, что в Колумбе была еврейская кровь. Но расистам лучше известно. Он был генуэзец, стало быть из северной Италии, стало быть германец. К тому же у него были рыжеватые волосы и светлая кожа с веснушками. Как же не германец!

Ту экономическую и политическую роль, которую играют в средние века Венеция и Генуя, расисты объясняют все тем же «нордическим духом» викингов, царившим в этих «аристократических республиках, с твердым и гордым порядком» [2].

Истинными викингами эпохи великих открытий были испанские дворяне — потомки германцев-вестготов. Гнусные конкистадоры — Фернандо Кортес, Педро де-Альварадо воплощали, по мнению расистов, истинно «нордической дух». У португальцев Бартоломей Диас, Васко де-Гама, Кабраль — все были дворянского происхождения, что будто бы несомненно свидетельствует об их происхождении от германцев-свевов.

Вообще, все великое, что происходило в это время в Испании, якобы создано людьми германского происхождения. Вся реконкиста исходит из «германской» Астурии и завершена Изабеллой

[1] Rassenkunde Europas, S. 266.

[2] Balzer. Rasse und Kultur, S. 229.

и Фердинандом, которые были оба блондинами. Впрочем, оговариваются расисты, кровь Фердинанда была сильно испорчена: его бабка была еврейкой! Через него еврейская кровь передалась столь несимпатичным для фашистов Габсбургам.

Величайшие представители пиренейской литературы, по мнению расистов, конечно, германцы. Таковыми являются Сервантес, Камоэнс. Конечно, германского происхождения Лопе-де-Вега, Кальдерон (они были дворянского происхождения, этого достаточно!). Веласкес, как можно судить по единственному его портрету, был не совсем брюнет, и, стало быть, германского происхождения. К тому же он был в жизни истым гидальго! Но германская «нордическая кровь» исчезает в Испании. Одной из причин этого был отлив в колонии, куда уходили наиболее смелые— стало быть, наиболее «нордические» элементы. Другой причиной была сознательная политика католической церкви, истреблявшей германские элементы путем инквизиции.

Как утверждают расисты, страшный инквизитор Торквемада, планомерно истреблявший «нордические» элементы в Испании, был крещеный еврей. Расисты не объясняют, конечно, почему однако, инквизиция, кроме еретиков-испанцев, в еще большей мере истребляла евреев и мавров. За это как будто бы расисты должны быть ей благодарны. Во всяком случае, по мнению расистов, «нордические» элементы в Испании к концу XVI в. истощаются — и вот вам простое объяснение упадка Испании в эту эпоху.

По-разному относятся расисты к реформации: с одной стороны, им хочется превознести это освобождение «германского духа» из-под ига римско-католической церкви, с другой стороны— прохладные отношения с протестантским духовенством удерживают их от чрезмерных восторгов. По мнению Пауля, реформация не оказала особенного влияния на историю «расы» и ее территориальное распространение.

Розенберг, чтобы посчитаться с католической церковью, неожиданно берет сторону «еретических» учений, в которых видит проявление нордического «духа свободы». Кстати, надо выяснить, что расисты понимают под «нордической» или «германской» свободой, которую они противопоставляют свободе «низших» рас. По словам Розенберга, свобода в германском смысле слова — это «внутренняя свобода», свобода «выработки личного мировоззрения», чисто религиозное чувство. Как образец внутренней свободы Розенберг приводит прусского солдата: внешне он был подчинен суровой дисциплине, внутренне же был свободен. Достаточно хорошо известно, какая «внутренняя» свобода предоставляется личности в фашистском государстве, насколько там личность свободна в «выработке личного мировоззрения». Не менее известно, что гитлеровское правительство систематически искореняет малейшие проявления германского народа к свободе и истре-

бляет лучшие культурные завоевания человечества. Слово «свобода» приводит фашистов в такую же ярость, как и «равенство», и «братство» и «культура», и «прогресс» и «гуманность»,— как все то, чем еще недавно кичилось буржуазное общество. Но почему не воспользоваться в демагогических целях этим лозунгом — в особом, «нордическом» или «германском» смысле, конечно?

Розенберг усматривает «нордический дух» в движении вальденсов, в провансальских катарах (якобы потомках готов). В гуситском движении он различает утраквистов, представителей «нордических» элементов в чешской нации и таборитов, представителей «альпино-динарской» расы. Немцы, по его мнению, вопреки своей «нордической природе», были вынуждены принять в гуситском движении сторону католичества, чтобы противостоять бунту альпино-динарской расы. Победа чехов над немцами обозначала, по Розенбергу, прежде всего духовный и материальный упадок самой Чехии. С тех пор чешский народ будто бы культурно бесплоден, и если у него есть культура, то лишь благодаря новому проникновению в Чехию немцев и немецкого влияния. «Дикость и трусость» теперь, по мнению Розенберга, истинные особенности чешского народа! Так идейно подготовляют фашисты свое покушение на свободу и независимость Чехословакии.

В германской реформации Розенберг одобряет далеко не все. Ему кажется, что Лютер пошел слишком далеко по пути уступок католичеству. Ему не нравится протестантская «библиократия»— господство еврейской библии, и то, что светловолосые немецкие мальчики принуждены петь гимны еврейскому Иегове. Но для некоторых расистов — Лютер величайший национальный герой, наравне с Видукиндом.

По Бальцеру, реформация — это важнейший шаг к возрождению в Германии «нордических элементов», пришедших в упадок к XVI в. С расовой точки зрения, утверждает Бальцер, реформация представляет борьбу «нордического духа» против смешения рас. Лютер, как видно из его портретов, — продукт смешения рас, полукровка, но в нем был жив «нордический дух»: он писал по-немецки, перевел священное писание, создал новый немецкий язык. Лапуж называл протестантство «попыткой приспособить христианство к особенностям арийской расы». Бальцер обращает особое внимание на расовую основу реформации: по мнению расистов, протестантизм распространился главным образом в тех странах, где преобладают светловолосые, «нордические» элементы. И немецкий народ разделился на темноволосых сторонников Рима и светловолосых протестантов. При этом, по мнению расистов, вся новая культура Германии идет от светловолосой протестантской части: все классики немецкой литературы, все философы, все крупные живописцы, скульпторы, архитекторы—блонди-

ны и протестанты. Брюнеты и католики представлены только в области музыки. Но и здесь заслуги протестантов-блондинов не меньше. В протестантской Германии происходит таким образом новое возрождение «нордической расы», освобождение ее от чуждой крови (Entmischung). Центром этого возрождения является протестантский север, где сильнее нордические элементы, особенно же Остэльбия, Пруссия. Возвышение Пруссии есть создание нового общества «нордической» крови. Фридрих II Великий, «единственный» (der Einzige), как его называют фашисты, величайший герой «народа» и расы, чисто «нордический» тип (несмотря на малый рост). Фашистская литература не устает восхвалять мудрость его политических и социальных мероприятий. Прусское крепостническое государство и прусский палочный дух рассматриваются фашистскими историками как прообраз национал-социализма. Идеализируется прусская казарма, прусский офицер и чиновник — эти «верные слуги народа, как целого, через верную службу королю». Фридрих II и Бисмарк официально объявлены предтечами «фюрера», а «Третья империя» — самым зрелым продуктом «пруссачества».

Если в Германии реформация и прусское государство возрождают «германско-нордические элементы», то в других государствах Европы, и прежде всего во Франции, эти элементы окончательно приходят в упадок! Здесь начинается сплошное извращение истории Франции. Само собой разумеется, что все великое, что Франция дала истории человечества, есть также создание «нордического духа». Гюнтер утверждает, что объединение Франции исходило от «нордического» севера[1], но не считает нужным объяснить, почему оно исходило из Иль-де-Франса, а не из гораздо более «нордических» Нормандии или Фландрии. Впрочем, когда нужно превознести южно-французскую культуру «готов», Прованса или Лангедока, то у расистов и юг Франции оказывается «нордическим». Средневековая Франция, по мнению расистов, — это страна чисто германской культуры. В течение всего средневековья рыцари были будто бы высокими, белолицыми и белокурыми, а крепостные — приземистыми, смуглыми и черноволосыми. Но рыцарство гибло во время крестовых походов, во время многочисленных войн, в частности — во время столетней войны, когда «нордические» рыцари Англии и Франции взаимно истребили друг друга.

Интересно в связи с недавно опубликованными сочувственными высказываниями Маркса о «крестьянской девушке» Жанне д'Арк[2] отношение к ней расистов. Гюнтер повторяет вслед за буржуазным выродженцем Гюисмансом мысль, что победа Жанны д'Арк была несчастьем для французского народа, так как по

---

[1] Rassenkunde Europas, S. 268.
[2] Хронологические выписки.

мешала созданию великого «нордического» государства, которое объединило бы Англию и северную Францию[1].

Сильный удар «нордическим» элементам во Франции нанесли будто бы религиозные войны. Считая «протестантство» выражением нордического духа, фашистские историки не сомневаются, что гугеноты были преимущественно представителями «нордической расы». Многие из них погибли во время религиозных войн. Остатки «нордических» элементов были уничтожены во Франции Людовиком XIV, потомком буржуазных Медичи и сыном Габсбургской принцессы (припомним, что, по утверждению расистов, в жилах Габсбургов текла еврейская кровь!). Он будто бы подверг разгрому «нордическую» аристократию Франции, заменив ее новой буржуазной, и изгнал из Франции «нордических» гугенотов (кстати, к тому времени почти сплошь буржуа).

Довольно! Мы бросаем этот бред на рубеже нового времени. В расистских высказываниях о средневековье есть еще тысячи курьезов, глупостей и тысячи подлогов, но мы оставим их в стороне. Нам кажется, что и сказанного здесь достаточно, чтобы составить себе ясное понятие о том, во что превратилась в руках фашистов немецкая историческая наука.

Идеи расизма не представляют собой ничего нового. Уже давно господствующие классы феодальной Европы применяли их для обоснования своих прав на эксплоатацию трудящихся. Скажем только, чтобы не идти слишком далеко назад, что уже шведский ученый конца XVII и начала XVIII вв., Олоф Рудбек, выдвинул подхваченную расистами теорию происхождения всех великих культур с севера, из мифической платоновской Атлантиды. Этот современник Карла XII выразил этим вожделения завоевательной политики Швеции того времени. Более известны идеи французского аристократа, графа Буленвилье, находившегося в оппозиции к «нивелирующим» тенденциям абсолютизма Людовика XIV. Буленвилье рассматривал французскую знать как потомков франков, завоевателей Галлии, по праву завоевания властвующих над покоренными галло-римлянами. Германские завоеватели, по его мнению, были в то же время истинными создателями и носителями французской культуры.

Но и идеологи буржуазии были не чужды расового подхода к объяснению классовой борьбы. Если Буленвилье настаивал на правах франков-завоевателей, то аббат Дюбо говорит о правах третьего сословия, как потомков галло-римлян, истинных преемников римской культуры. Та же идея борьбы рас, лежащая в основе борьбы классов, ясно выступает и у такого крупного идеолога третьего сословия, каким был Огюстен Тьерри.

Но настоящим отцом расистской теории является ученый дилетант, граф Гобино, с его «Essai sur l'inégalité des races humai-

[1] Rassenkunde Europas, S. 277.

nes» в четырех томах (1853—1855). Надо сказать, что этот «труд» появился не во-время, — когда буржуазная наука еще переживала эпоху своего расцвета; тогда на него взглянули, как на чудачество, как на одно из нелепых построений дилетантства. Он был основательно и справедливо забыт. Но дело меняется к концу XIX в., когда начинается загнивание буржуазной науки, все более превращающейся в орудие империалистического разбоя. Я не буду говорить здесь о построениях Ницше, с его культом силы и насилия, его «белокурой бестией», — построениях, получивших такое широкое признание в немецких буржуазных кругах «конца века». В конце XIX в. появилась псевдо-ученая книга Лапужа «Ариец и его роль в общественном развитии», дилетантской книге Чемберлена «Grundlagen des XIX Jahrhunderts», книге Аммона «Arierdämmerung». И это не случайно: на рубеже XIX—XX столетий капиталистические страны окончательно вступают в стадию империализма. «Расовая теория» становится одним из орудий идеологического обоснования захватнической политики империалистических хищников. С начала XX в. книги расистского направления посыпались на книжный рынок, как сор из дырявого мешка. После мировой войны в Соединенных Штатах Америки появился ряд гнусных расистских книжонок, преследовавших в первую очередь цель ограничения эмиграции, угнетения негров, цветных рас вообще и утверждения прав «новой аристократии» (neo-aristocracy, по выражению главы расистского движения в Америке — Стоддарда).

Все расистские теории, под каким бы флагом они ни выступали, и прежде всего теория германских фашистских расистов, стремятся доказать неравноценность рас и оправдать «естественными законами» беспредельные аппетиты империалистских кругов. Представляя интересы наиболее реакционных кругов германского монополистического капитала, немецкий фашизм собирает все мракобесное, все реакционное, что когда-либо вырастало на задворках «науки», и с звериной яростью обрушивается на все, чем в праве гордиться человечество, в том числе и на истинные достижения науки. То смешное, противное и жалкое искажение истории, некоторые образцы которого были сейчас даны, стало официальным историческим мировоззрением в стране, в свое время давшей миру ряд крупных историков и еще больше прилежных и добросовестных специалистов, сильно двинувших вперед историческую науку. Пресловутая «расистская теория» исключает всякую возможность научного познания истории. Я уже не говорю о том, что она игнорирует специфичность общественных явлений по сравнению с явлениями природы. Я не говорю о том, что ее основы (самое понятие расы, проводимое ею деление на расы, учение об устойчивости психических особенностей каждой расы) являются с научной точки зрения абсурдом. Я хочу подчеркнуть, что расистская «теория» не является даже

теорией, хотя бы ложной, а просто цепью шарлатанских фокусов, грубых противоречий, шулерских передергиваний на глазах у публики, которая не смеет или не хочет видеть, что ее грубо обманывают, или же принуждена молчать. Образцов мошеннических выходок расистской теории мы уже видели довольно. Все великое в истории было создано «нордической» расой! Но «нордическая» раса имеет определенные расовые признаки (пусть придуманные расистами). Как же быть в тех случаях, когда действительно великие или «великие» с точки зрения расизма люди не подходят под эти признаки? А таких случаев слишком много. Как, например, подвести под идеализированный «нордический тип» жуткие физиономии Гитлера и Муссолини, мопсообразную рожу Розенберга или крысиную мордочку Геббельса? Не беспокойтесь, у фокусника есть ящик с двойным дном, откуда он может в любой момент вытащить все, что ему понадобится. Циммерман, например, заявляет, что было бы опрометчиво заключать о расе человека по его наружности. У человека, являющегося продуктом смешения нескольких рас, могут быть внешние физические признаки одной расы, а мозг и нервная система, другими словами «душа» — другой. Таким образом, в нужном случае человек с чисто еврейской наружностью может обладать вполне «нордической душой». Гюнтер утверждает, что внешность человека еще ничего не говорит о его расовой принадлежности. Надо знать всех его предков, чтобы определить его расу и расу его потомства. Но в таком случае, какую ценность вообще имеет определение «расы» человека по антропологическим данным? «Нордическим» или «ненордическим» объявляется все, что угодно фокусникам-расистам. Одним из вопросов, в котором расисты впадают в постоянные и неразрешимые противоречия, является вопрос о смешанных расах, о «Mischlinge». Расисты отвергают всем хорошо известный факт улучшения животных и растительных пород через скрещивание, и настаивают на особо низких качествах «мишлингов». Но оказывается, что большинство выдающихся людей всех племен и народов не обладают чисто-нордическими чертами, что среди них преобладают «мишлинги»! Даже сам Гитлер — к конфузу расистов — явный «мишлинг» и «расу» его, если стать на точку зрения немецкого расизма, определить нелегко. Расисты обычно считают его смесью двух рас — «нордической» и «динарской». Им приходится утешаться тем, что «нордической» является по крайней мере «душа» «фюрера». Если взять специально подобранные иллюстрации к книгам Гюнтера, которые должны доказать «нордическое» происхождение ряда великих людей, то даже при всех допускаемых им подлогах и натяжках ему в большинстве случаев не удается подобрать «чисто нордические» типы и приходится отмечать «vorwiegend nordisch» или «nordisch-dinarisch» и т. д.; обозначаемые же им как чисто «nordisch» далеко не всегда могут претендовать на

право называться «великими». Если же приводимые Гюнтером выдающиеся люди не «чисто нордического» происхождения, то как доказать, что те черты, которые дают им право называться выдающимися, унаследованы ими от «нордических», а не от «ненордических» предков? Да и как можно определить «расовую» принадлежность данного лица и какие при этом допустимы отклонения? Этого никто из фашистов не может определить. Достаточно сослаться, например, на Бисмарка, «нордичность» которого так стараются отстоять расисты, но в котором некоторые «исследователи» усматривали «славянские» черты. Провозглашая, без всяких оснований, точный метод естественных наук «своим» методом, помпезно заявляя о «снятии противоречия между естественными и общественными науками» в результате расистского понимания истории, расисты как нельзя более далеки от методов естествознания, заменяя их самой буйной фантастикой и шарлатанскими фокусами. Постоянно впадая в противоречия с самими собой, они любят ополчаться на «разум», на «рационализм», являющийся будто бы наследием «ренессанса и просвещения» и орудием «либерализма и марксизма», и охотно апеллируют к «бессознательному», к «инстинкту», к «духу расы», к мифу и к мистике.

Итак, расистская «теория» не есть вовсе теория и не имеет никакого отношения к науке. С точки зрения науки — это чистое шарлатанство, издевательство над наукой и над научными методами. Применение расистской «теории» к истории ведет к грубейшему искажению истории, к полному отказу от понимания исторического процесса, к замене точного исторического исследования шулерскими фокусами.

Но все это делается с определенной целью и по определенному заданию. Те круги, которые дергают ниточки, приводящие в движение Гитлера и других вождей германского фашизма, больше всего заинтересованы в том, чтобы народные массы не знали и не понимали истории, так как знание и понимание настоящей истории являются ключом к пониманию настоящего тяжелого положения германского народа. Расистская теория — это та дымовая завеса, которая должна закрыть от народа и историю и действительность. Вместо реальной картины классовой борьбы в этом дыме рисуются фантастические картины борьбы рас, небывалые герои «нордического духа» и Атлантида, как источник человеческой культуры.

Вдохновители этих театральных эффектов надеются, что они опьянят народ, заставят его забыть своих истинных врагов и натравят его на другие народы — народы якобы «низшей» расы.

Фашизм — это война! «Расовая теория» — это дурман, которым стараются опоить несчастный немецкий народ, чтобы он беспрекословно шел на смерть во имя барышей своих эксплоататоров. «Расовая теория» призвана оправдать вооруженный захват Австрии, германскую интервенцию в Испании, поставленное в по-

рядок дня гитлеровским правительством расчленение Чехословакии и превращение ее в колонию германского империализма, подготовку новой войны за передел мира в интересах германского империализма, разбойничий план нападения на СССР, страну победившего социализма, в целях отторжения от Советского Союза Украины и ряда других территорий.

Иногда задают вопрос: почему германский фашизм, идеология самых реакционных кругов монополистического капитала, устами расистов превозносит феодальную аристократию средневековья. Ответ на это прост. Руководящие круги Германии вовсе не желают подчеркивать свое буржуазное происхождение и свою связь с монополистическим капиталом, этим настоящим хозяином «Третьей империи». Они охотнее выдают себя за преемников феодальных господ немецкого народа и протягивают руку настоящим феодалам-юнкерам для совместного угнетения трудящихся масс Германии. Для них всего важнее установить незыблемость эксплоатации, независимо от того, буржуазная она или феодальная.

Из сплошных противоречий, которыми пестрит расовая теория, одно является особенно знаменательным. Стараясь обосновать естественное право немцев на господство над остальными народами, она провозглашает неравноценность рас. Но вместе с тем она провозглашает неравноценность и тех рас, которые входят в состав немецкого народа. В сущности «нордическими» (независимо от их физических признаков) признаются высшие, правящие классы, отчасти кулацкое крестьянство (особенно на северо-западе), поскольку они проникнуты «нордическим», т. е. фашистским духом. Основная масса немецкого народа, и прежде всего пролетариат, — это, с точки зрения расизма, низшие расы. Они обречены природой на то, чтобы вечно занимать подчиненное служебное положение в «сословном государстве» фашизма. Расистская теория провозглашает социальное неравенство «железным законом природы» и обрекает трудящиеся массы немецкого народа на вечное подчинение эксплоататорам.

Таким образом, проповедуя порабощение других народов, расисты являются одновременно глашатаями порабощения и германского народа. Но жертва фашизма — великий германский народ — понимает, кто его друзья и кто его враги и сумеет сделать из этого соответствующие выводы.

Проф. Н. П. ГРАЦИАНСКИЙ

НЕМЕЦКИЙ DRANG NACH OSTEN В ФАШИСТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

История экспансии немцев на Восток — Drang nach Osten — имеет для немецких фашистов актуальное значение, так как она тесно связывается ими с планами их восточной завоевательной политики в настоящем. Гитлер, стремясь обосновать эту завоевательскую политику, считает важнейшей задачей фашистского государства приведение в соответствие Volk und Boden (т. е. численности населения с занимаемой им территорией); рассматривая с такой точки зрения прошлое германского народа, он отмечает в этом прошлом три важнейших, по его мнению, момента: 1) колонизацию баварцами восточной марки, 2) колонизацию заэльбских земель и 3) основание Гогенцоллернами Бранденбургско-прусского государства. Не будь немецкой колонизации на Восток, — говорит Гитлер, — не было бы и истории германского народа. «Ostpolitik» (восточная политика), в смысле захвата новой территории, является для Гитлера актуальнейшей задачей современности [1]. «Мы отправляемся от того, что кончилось шесть веков назад: приостанавливаем движение на Юг и Запад и направляем взор на восточные земли». «Von West nach Ost» (с Запада на Восток), «от Рейна к Висле» — таков лозунг, бросаемый Розенбергом [2]. Русские, — говорит он, — должны ориентироваться на азиатский Восток и там проповедывать свой большевизм, предоставив западные области, Украину и Кавказ немцам. Захват новой почвы, — читаем мы у одного из фашистов, означает улучшение расы, создание «нового типа колониального человека» [3]. «Проблема» обратного завоевания и нового освоения старинной немецкой территории на Востоке позволяет, по мнению другого фашистского автора, установить «тесную связь истории прошлого с политикой настоящего» [4]. История в данном случае является «средством политического воспитания» и в качестве «kämpfende

[1] Mein Kampf, II, 2 Aufl., 1929.

[2] Der Mythus des 20 Jahrhunderts, 2 Aufl. 1931.

[3] G. Paul. Rassen und Raumgeschichte des deutschen Volkes, S. 283. München, 1935.

[4] Kurt Lorenz, *in*: «Vergangenheit und Gegenwart», Bd. XXVII, H. 3. S. 151. 1937.

Wissenschaft» (воинствующей науки) должна быть поставлена на службу современной борьбы немецкого народа за восточные земли. Говоря другими словами, Drang nach Osten, по мнению фашистов, далеко не закончен и не является делом прошлого. Он лишь временно прерван и должен в ближайшем будущем возобновиться, причем историческая наука должна оправдать это движение и дать ему правильную ориентировку. Такими квази-научными доводами пытаются фашисты оправдать и «обосновать» свою агрессию на Востоке.

Как же изображают фашисты историю «восточной колонизации» (Ostkolonisation), используя ее в качестве средства «политического воспитания» масс? Как они подготовляют захватнические действия на Востоке и, в первую очередь, войну против СССР в целях отторжения от него Украины, Закавказья и других территорий?

Настоящая статья не ставит своей целью детальный разбор всей фашистской историографии, посвященной Ostkolonisation, и ограничивается лишь рассмотрением того, как фашисты трактуют некоторые общие основные вопросы, связанные с историей захвата и колонизации немцами территории к востоку от Эльбы.

I

Свои исторические права на заэльбские земли фашисты обосновывают в первую очередь тем, что германцы, будто бы, были исконными насельниками этой территории. Исходя из такой псевдо-исторической предпосылки, фашисты хотят представить «Ostkolonisation» не как разбойничий захват чужой территории, а как «возвращение» своей будто бы исконной почвы, которая когда-то была утеряна вследствие ухода восточных германцев к югу и юго-востоку [1]. Мы имеем в данном случае дело с возрождением старой теории (так называемой Urgermanentheorie), которую тщетно пытался обосновать еще в 40-х годах прошлого века Фабрициус [2] и которая тогда же встретила решительные возражения в самой Германии [3].

Эта почтенной давности теория ожила в связи с изучением так называемой Лаузицкой культуры, под которой в археологии принято разуметь группу вещественных памятников эпохи бронзы и раннего железа, находимых главным образом на территории восточной Германии, западной Польши, Чехии, Моравии и Словакии. Эту Лаузицкую культуру немецкие «историки» уже в первые годы после мировой войны стали считать германской культурой, а ее носителей — исконными жителями средней Европы,

[1] См., напр., G. Paul. Rassen und Raumgeschichte, S. 284.

[2] Fabricius C. F. Das frühere Slaventum der zu Deutschland gehörigen Ostsee-Länder. Mecklenb. Jahrb. VI. 1841.

[3] См., напр., Boll F. Ueber die Volkssprache der nordwestischen Slavenstämme. Mecklenb. Jahrb. IX, 1844.

пришедшими сюда во всяком случае раньше представителей славянского мира [1]. «Дело идет о том, чтобы доказать, что германцы заселяли область средней Европы до славян и что, вследствие этого, подчинение и истребление славян на Эльбе и Одере огнем и мечом было делом вполне справедливым и обоснованным» [2].

Теория принадлежности Лаузицкой культуры германцам встретила решительное возражение со стороны чешских и особенно польских ученых, которые, в противовес немецким шовинистам и фашистам, стали доказывать исконное славянство средней Европы и принадлежность Лаузицкой культуры славянам [3]. Германцы пришли сюда позднее и сидели здесь недолго, как недолго они сидели и в некоторых других местностях Европы, «куда они приходили в качестве непрошенных гостей». «Если бы, — говорит один польский историк, — на этом основании нынешние немцы предъявили свои права на все те страны, в которых некогда мимоходом останавливались германцы, то и цыгане имели бы право захватить всю Европу в свое обладание» [4].

По поводу этого спора заметим, что, несомненно, области к востоку от Эльбы были когда-то заняты германскими племенами — готами и другими, — но ничем не доказано и нельзя доказать, что германцы были здесь первыми насельниками, как нельзя доказать и того, что первыми насельниками здесь были славяне. Но дело вовсе даже и не в этом. Права первых насельников на ту или иную территорию — права более, чем сомнительные. И если, исходя из этих своеобразных «исторических прав», претендовать на какой-то новый передел территории Европы, то сами немцы едва ли что-нибудь от этого выгадают: ведь нет никакого сомнения, что в настоящее время они, по крайней мере частично, владеют территорией, на которой их предки никоим образом не были первыми насельниками. Ни Прирейнская Германия, например, ни теперешние верхнедунайские германские области никак, даже с точки зрения фашистов, не могут быть названы областями первоначального обитания германцев. Однако фашисты отнюдь не собираются уступать эти области потомкам их древних насельников — кельтов, т. е. французам.

---

[1] См. Schuchhardt, C. Alteuropa (1919) и особенно Kossinna. Das Weichselland ein Uralter Heimatboden der Germanen (1919), Ursprung und Verbreitung der Germanen (1928) и др. См. об этом по-русски Равдоникас. Археология на службе у империализма. Сообщения ГАИМК 1932, № 3—4. Ср. Richtshofen. Hist. Ztschr. Bd. 154. 1936.

[2] Из статьи польского профессора Якимовича в Wiadomości Archeologiczne за 1928 г. (цит. по вышеупомянутой статье Равдоникаса, стр. 29). Впрочем, часть фашистских «историков» считает население территории Лаузицкой культуры иллирийцами, которых оттеснили германцы.

[3] См. об этом у Richtshofen. Die Völkergeschichte der Vorzeit Ostdeutschlands und seine Nachbarstaaten in ausländischem Licht. Hist. Ztschr. Bd. 154, H. 3. S. 453 ff. 1936.

[4] Слова Костршевского, цит. по статье Равдоникаса, стр. 25.

II

Теория «исконности» германских поселений за Эльбой тесно связана с теорией так называемых германских остатков. Старые немецкие исследователи, принимая на веру сообщение Гельмольда о быстром «искоренении» славянства за Эльбой[1], пытались объяснить быстроту и легкость этого процесса тем, что в свое время из-за Эльбы выселились не все германцы; значительная их часть будто бы осталась на старом месте и была порабощена вновь пришедшими сюда славянами, которые, однако, все время составляли лишь меньшинство населения. В общем восточная Германия и по уходе из нее части германцев (имеются в виду главным образом готы) осталась будто бы землею германской. Этим прежние немецкие историки и хотели объяснить быстрое уничтожение здесь славянства в XII веке[2]. Такова эта старая наивная теория «германских остатков», встретившая в свое время столь же решительное возражение в самой Германии, как и теория «исконности» германских поселений за Эльбою[3].

Фашисты возродили ее в обновленном виде, так как в прежней своей версии она оказалась для них неприемлемой. Во-первых, им, конечно, казалось зазорным и несогласным с их расовой теорией допустить, что славянское меньшинство когда-то покорило и поработило большинство оставшегося германского населения на Востоке; во-вторых, для них и вообще была неприемлема идея покорения германцев славянами, т. е. «высшей», по их мнению, расы — «низшей». Получилась довольно затруднительная для фашистов задача — удержать очень заманчивую теорию «германских остатков», но без покорения немцев славянами. И они очень «просто» разрешили эту задачу. По представлению одного из их «историков»[4], славяне якобы издавна составляли подчиненный, низший слой (dienstbare Unterschicht) населения заэльбских областей, над которым властвовали германцы в качестве представителей «слоя господ» (Herrenschicht). С уходом массы германцев на юг оставшаяся на месте незначительная германская верхушка удержала власть даже тогда, когда в страну пришли новые многочисленные массы славянства. Пришлые славяне сделались «наемными рабочими» (Lohnarbeiter) германских «господ», которые в конце концов усвоили язык своих «батраков» (Dinstleute). Совершенно дикая произвольность и полная неисторичность этой «теории» настолько очевидны, что не нуждаются даже в подроб-

---

[1] Helmoldi Chronica Slavorum, I, 88; II, 5—14—SS. Rerum German. in usum scholarum. Hannoverae. 1868.

[2] См. об этом у Д. Н. Егорова. Колонизация Мекленбурга в XIII в. т. I, стр. 233 сл. 1915.

[3] См. напр. Wendt G. Die Nationalität der Bevölkerung der deutschen Ostmarken vor dem Beginne der Germanisierung. 1878 и др.

[4] Frbt. W. Weltgeschichte auf rassischer Grundlage, S. 147, 233. Leipzig. 1934.

ном разборе. Никогда и нигде в истории не наблюдалось, чтобы победители-пришельцы делались «наемными рабочими» побежденных, подчиняясь им, как господствующему классу, и чтобы этот господствующий класс усваивал язык своих «рабочих». Такую абсурдную «теорию» могли дать лишь прямые и сознательные фальсификаторы истории, действующие по указанию Гитлера.

III

Такая «своеобразная» трактовка проблемы «германских остатков» обусловлена, конечно, в первую очередь пресловутой расовой теорией фашистов. Широко развить эту антинаучную теорию в применении к истории восточной колонизации фашистам представлялось и представляется тем более удобным, что почва для нее, в применении к данному случаю, давно уже подготовлена многими не только немецкими, но и русскими историками. Давным давно немецкие историки и их русские последователи придумали, в связи с пресловутой теорией якобы «неизменных национальных характеров», образ добродушного, слабохарактерного и безвольного славянина, который, с его мнимой любовью к «безначалию» и «неумением постоять за себя», не мог дать отпора твердому, энергичному и неуступчивому немцу[1]. Фашисты придали этому вздорному мнению[2] особую окраску и новыми квази-антропологическими данными попытались обосновать «расовое превосходство» немца над славянином. Оказывается, что славянин, с которым имел дело немец за Эльбою, был его полной противоположностью, как человек «низшей расы». У него, как уверяют наиболее ярые из фашистов, были ярко выраженные черты монгольского типа — малый рост, желтоватая кожа, темные глаза, черные во-

---

[1] См. перечень соответствующих мнений историков у Собестианского. Учения о национальных особенностях характера и юридического быта древних славян. Ист.-крит. исследование. Харьков, 1892. См. теорию «национальных характеров» у Гильфердинга. История балтийских славян (1855), Первольфа. Германизация балтийских славян (1876) и Бречкевича О славянах и их соседях в древнейшее время (1913).

[2] Ср. тесно смыкающуюся с фашистской «теориею» о своеобразных национальных особенностях славянина клеветническую «концепцию» подлого предателя и убийцы, фашистского агента Бухарина о России как стране, где обломовщина была якобы самой универсальной чертой характера, где господствовала нация «Обломовых» и весь народ являлся, как имел наглость утверждать Бухарин, всего лишь «аморфной, малосознательной массой», «рассейским растяпою», воплощением «азиатчины», «восточной лени», «безалаберщины». Этой вредительской концепции тогда же был дан сокрушительный отпор в статье, напечатанной в «Правде» от 10 февр. того же года, № 40. Автор этой статьи, опровергая Бухарина историческими фактами и цитатами из сочинений Ленина и Сталина, в заключение справедливо замечает, что «с точки зрения бухаринской «концепции» никак нельзя понять исторического развития России, создания в России большевистской партии пролетариата, процесса подготовки Великой Октябрьской революции, роста ее сил, ее победы».

лосы. Противостоявший же ему немец будто бы отличался всеми характерными чертами «благородной» «северной расы»: высоким ростом, белым цветом лица, голубыми глазами и белокурыми волосами. Отсюда и разница в характерах: славянин «податлив, мягок, лукав и скрытен», немец же «прямодушен, полон сознания собственного достоинства, честен и откровенен». «На этом превосходстве,— так заканчивают свою сравнительную характеристику славянина и немца упомянутые фашисты,— и теперь еще покоится наша надежда на будущее на Востоке». Последняя цинично откровенная фраза все объясняет. Идеологически подготовляя войну против СССР, цитированные представители расистской теории не только не считаются ни с какими научными данными [1], но даже вступают в решительное противоречие с такими «столпами» этой теории, как псевдо-ученый Гюнтер. Ведь даже по Гюнтеру, славянство приобрело монгольский отпечаток лишь после татарского нашествия [2]. По тому же Гюнтеру, славянская волна, залившая по уходе германцев территорию восточной Германии, знаменовала собою лишь незначительную ее «Entnordnung» (т. е. умаление северной расы), так как правящие слои славянства принадлежали к той же северной расе, что и германцы, а славянское простонародье будто бы представляло собою преимущественно результат смешения северной и восточной балтийской расы.

IV

С теорией о национально-расовых различиях теснейшим образом связана усиленно проповедуемая фашистами вздорная теория о высокой культурности немца и некультурности славянина. Немецкие фашисты любят повторять старые перепевы о том, что именно немцы будто бы научили заэльбского славянина, неумевшего даже как следует пахать землю, правильным приемам земледелия, торговле, государственной жизни и вообще всему высокому немецкому «благонравию» (Gesittung). Один из главных основоположников «теории» исконного германства заэльбских областей, Коссина, договаривается до невероятного вздора: по его мнению, славяне при своей полной некультурности, характеризуемой «жалким отсутствием потребностей», уже во времена Римской империи «исповедывали большевизм», «который у германцев, требовавших везде, даже на войне, законности и права, вызывал только ужас и отвращение» [3]. Немцы, по утверждению

[1] Даже приводимые в доказательство фашистской расовой теории данные раскопок предполагаемых славянских могильников за Эльбою решительно опровергают «монгольство» славянства. См. статью Franz Voigt. Heinrich der Löwe, etc. Vergangenheit und Gegenwart. Bd. XXVII, H. 4 S. 178, 1937.

[2] Günther, Hans. Rassenkunde Europas. 3 Aufl. 1929.

[3] Kossinna G. Das Weichselland ein uralter Heimatboden der Germanen.

фашистов, несли за Эльбу «мир и охрану»[1]. Защищая восточную границу, они якобы защищали высшую цивилизацию от низшей. Здесь они воздвигли оплот, который, подобно римскому валу, будто бы ограждал западную культуру от поглощения ее варварством. По поводу всего этого хвастливого фашистского бреда следует сказать, что он ведет свое начало еще от Гельмольда и его современников, которые, укоряя славян за язычество, наивно считали приобщение этих «диких язычников» к христианству равносильным приобщению их к высокой культуре. «Поляки, — говорит один немецкий монах XIII в., — были бедны и ленивы и едва-едва взрыхляли почву при помощи деревянного плуга. Не было ни одного города; лес и топь доходили до самых монастырских ворот. Не было у них ни соли, ни железа, ни монеты, ни порядочной одежды, не было даже обуви»[2]. Но вот возник на славянской земле основанный немцами монастырь, и все окружающее «зверство» моментально исчезло. Та же фантастическая картина получается и у позднейших немецких националистов, та же картина и у современных фашистов.

Сейчас даже сами немцы нефашистского толка считают мнение о том, что заэльбские славяне плохо пахали землю и были мало сведущи в земледельческой культуре, решительно опровергнутым[3]. Известно, что еще Адам Бременский (XI в.) называл славянское Поморье «страной, изобилующей плодами» (regio frugibus opulentissima, II, 18). Известно, что немцы, путешествовавшие по тому же Поморью в XII в., отмечают обилие в нем не только всяких естественных благ (рыбы, зверья), но также и продуктов высокой сельскохозяйственной культуры — «коровьего масла, овечьего молока, бараньего сала, меда, пшеницы, конопли, всякого рода овощей» и «множество плодовых деревьев»[4]. Известно далее, что славянские приморские города умели и без помощи немцев вести широкую морскую торговлю[5]. Наконец, помимо немцев и против их желания славяне образовывали обширные и сильные государства, когда развитие производительных сил создавало для этого соответствующие предпосылки. Вспомним хотя бы Польшу при Болеславе Храбром, сумевшем дать решительный отпор немецким притязаниям на Востоке. И никто не поверит вздорным уверениям фашистов, будто бы польское государство, как и все вообще славянские (да и не славянские) государства, «создано немцами».

---

[1] Aubin. Die Ostgrenze des alten deutschen Reiches. Hist. Vierteljahrschr, XXVIII Jhrg. 1933.

[2] Monumenta Lubensia p. 14 ed. Wattenbach. 1861.

[3] Между прочим, в этом отношении интересно то, что говорится, очевидно, в очень распространенном нефашистском Handbuch für den Geschichtsunterricht. Bd. II, hrsg. von Fr. Friedrich. 3 Aufl. 207, Leipzig 1929.

[4] См. у Фортинского. Приморские вендские города, стр. 11, Киев. 1877.

[5] См. у Адама Бременского II, 19, известия, правда, очень преувеличенные, о городах Поморья.

V

Немецкие фашисты потратили немало усилий, доказывая «национальный» якобы характер восточной колонизации и решительно ополчаясь против тех своих же немецких историков, которые склонны объяснять колонизацию не национальными, а простыми хозяйственными мотивами[1]. В восточной колонизации,—говорит один из фашистов,—«народ стоял против народа, саксы—против вендов... без всяких заметных нам сопутствующих религиозных мотивов». «Восточная колонизация,—великое национальное дело»,—говорит другой фашистский «историк»[2]. Оно — результат дружных усилий всей нации, согласованных и планомерных действий всех составляющих ее элементов. Князья, духовенство, рыцарство, купцы, ремесленники, рудокопы, крестьяне — все эти сословия и звания (Stände und Berufe) имели, оказывается, особые свои функции в большом деле. Здесь с успехом будто бы было применено то разделение труда внутри нации, которое, между прочим, выразилось в «освобождении крестьян рыцарями от военного дела». Но рыцарь, оказывается, выступал на Востоке не только как воин, но также как организатор и предприниматель. При колонизации широко были использованы его навыки помещика, судьи и крепостника (!). Огромную роль в планировании колонизации сыграл немецкий локатор (предприниматель-землеустроитель) — эта наиболее характерная фигура во всем деле, обеспечившая в качестве организатора и «капиталистического предпринимателя» его успех. «За мечом следовал плуг, за плугом — бюргер» — так фашисты любят определять имевшую якобы место согласованность действий немцев за Эльбой.

Исключительно важное значение будто бы сыграли здесь ганзейские города — эти «выразители души северной расы», создавшие чистую породу носителей и распространителей немецкой культуры. Замкнутые немецкие гильдии и цехи, недопускавшие в свою среду местных жителей, «блюли здесь чистоту расы и крови» — залог окончательного успеха немцев на Востоке. Бремен в первую империю создал первую немецкую колонию — Лифляндию, подобно тому, как во вторую империю он же завоевал немцам важнейшую колонию в Африке.

Повторяемая на разные лады фашистами давным давно устаревшая теория национального характера восточной колонизации, выполнявшейся будто бы дружными и согласованными усилиями всего народа,— такой же исторический миф, как и вздорная теория о расовом превосходстве немца над славянином. Во-первых,

[1] См. статью Rörig. Nationale Frage. Hist. Zeitschr. Bd. 154, H. L. 1936 г., направленную против Clara Redlich. Nationale Frage und Ostkolonisation im Mittelalter. Rigaer volkstheoretische Abhandlungen. Hrsg. v. K. Stavenhagen. Bd. 11. Berlin, 1934.

[2] Aubin. Deutsche Rundschau, S. 22.

в эпоху, о которой идет речь, еще не было даже немецкой нации в смысле исторически сложившейся устойчивой общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры [1], и немецкие колонисты, приходившие на Восток с различных территорий раздробленной Германии, чувствовали себя чуждыми друг другу; во-вторых, совершенно вздорным является представление об идиллической «гармонии сословий», будто бы наблюдавшейся при немецкой колонизации Востока. Давным давно подчеркнуто немецкими же исследователями, что колонизация (поскольку она была) вызывалась исключительно хозяйственными мотивами [2], причем представители разных слоев немецкого народа, принимавшие участие в этом деле, преследовали исключительно свои собственные интересы. И князья, и духовенство, и рыцари, и горожане, и крестьяне вовсе не действовали при этом согласованно, а, наоборот, постоянно враждовали друг с другом. Это вынуждены признать и некоторые фашисты. «Всюду,— говорит один из них,— своекорыстные обособленные интересы территорий, всюду расщепление сил вместо дружного проведения ясно осознанной цели». Известно, что даже такие прославляемые на все лады фашистами князья-колонизаторы, как Генрих Лев и Альбрехт Медведь, питали вечную и непримиримую вражду друг к другу и вели друг с другом постоянные войны из-за территориального господства. Ведь даже самая кличка «медведь», данная герцогу северной марки Альбрехту его современниками, обусловлена его дикой враждой к Генриху Вельфу: по народным понятиям, только сильнейший и свирепейший зверь немецких лесов — медведь — мог бороться с царем зверей — львом, как величали тогда могущественного герцога Саксонии и Баварии.

Недавние исследования по истории восточной колонизации вообще совершенно опрокидывают теорию национально-немецкой колонизации как «великого дела» немецкого народа и проявления его мнимых «блестящих колонизаторских способностей». В этом отношении очень любопытны выводы капитальной, переведенной недавно на немецкий язык, но упорно игнорируемой фашистами работы нашего московского историка Д. Н. Егорова, о колонизации Мекленбурга в XIII в. Основные выводы этой работы, написанной на основании тщательного анализа огромного количества документального материала, гласят, что колонизация Мекленбурга была не внешней (иноземной), а внутренней колонизацией, что это была колонизация не немецкая, а славянская, проводившаяся силами местных дворянских родов, с привлечением широких масс местного — славянского крестьянства. «Колонизация была внут-

---

[1] Сталин. Марксизм и национально-колониальн. вопрос, стр. 7—8 1937.

[2] См. особенно в отношении церковной колонизации Hauck. Kirchengeschichte Deutschlands. T. IV (1903), S. 559—560. См цитир. выше работу Clara Redlich. Nationale Frage und Ostkolonisation im Mittelalter.

ренняя, проведенная местными силами, древнеоседлой знатью, перед мощью которой стушевывались и церковь, и города, и, по-видимому, даже князья»[1]. Немецкий элемент, — говорит Д. Н. Егоров, — конечно, играл роль в колонизации, но роль второстепенную. «Известный нам в литературе поселянин — «завоеватель», закрепивший своим упорным трудом бранные успехи привилегированного своего земляка-рыцаря, со значительной вероятностью отпадает; с исчезновением рыцаря-завоевателя невозможен и его крестьянский сотоварищ. Нет, или почти нет, как мы теперь знаем, и «локатора»; отпадает, таким образом, и другая, уже чисто трудовая разновидность пришлого крестьянства — ватага организованных земледельцев, «массами» устремляющихся на восток вслед за вожаками-землеустроителями. Иначе должны нам поэтому представиться и размеры и, главное, самый тип участия пришлых крестьян в колонизационных предприятиях славянской знати: иммигрант-крестьянин... не мог стать господином положения, провести на первых же порах нечто вроде «немецкого засилья»[2].

Вздорным, конечно, оказывается и мнение о замкнутости немецких ганзейских городов, сумевших будто бы соблюсти в славянской земле чистоту расы. Совершенно неверно, что город — создание исключительно немецких колонистов. «Странная аксиома о принципиальной невхожести славянина в город документально опровергается для рядового бюргерства, тесная же связь патрициата с поместным рыцарством показывает ее неприложимость и к городским верхам»[3], поскольку это рыцарство сплошь и рядом было славянской национальности.

VI

В связи с тем или иным решением вопроса о характере восточной колонизации решается и другой важный вопрос: вопрос о судьбах туземного населения за Эльбою. В свое время (XII в.) Гельмольд, писавший свою «славянскую хронику» в «христианско-немецком» духе, изобразил процесс колонизации славянских земель, как процесс, сопровождавшийся полным истреблением или изгнанием туземного населения. «Ныне же,— говорится у Гельмольда, — так как господь даровал нашему герцогу (Альбрехту Медведю) и другим князьям благоденствие и победу, славяне везде поражены и подверглись изгнанию. И пришли от края океана сильные и многолюдные племена, которые захватили славянские земли, воздвигли города и церкви и возросли в богатстве превыше всякого чаяния»[4].

---

[1] Helmoldi Chronica Slavorum, I, 88. SS. Rerum Germanicarum in usum scholarum. Hannoverae, 1868.
[2] Колонизация Мекленбурга в XIII в., т. II, стр. 594, 1915.
[3] Колонизация Мекленбурга, т. II, стр. 595.
[4] Там же, стр. 585.

Так пишет Гельмольд о Бранденбурге. В таких же напыщенно библейских тонах, отправляясь от старых книжных образцов, а не от реальной действительности, пишет он и о земле бодричей — Мекленбурге. «И вот, — говорит он, — вся земля бодричей обращена в пустыню, господу споспешествующу... И если кто из славян уцелел..., бежал к поморянам или данам. Они же без всякого милосердия продали их полякам, сербам и чехам»[1].

Наиболее рьяные из фашистов полностью принимают на веру приведенное старое, давно уже опровергнутое как неподтверждаемое конкретными данными, сообщение Гельмольда об «ejectio», т. е. полном искоренении славян за Эльбою. Другие фашисты, однако, не могут полностью игнорировать результаты новейших исследований по этому вопросу и, в частности, не могут игнорировать широко известные в Германии работы H. Witte[2], доказавшего наличие значительных остатков славян и после немецкого завоевания. Что касается Пруссии, то тут уж совсем не приходится говорить об искоренении туземцев: фашисты не могут обойти тот всем известный факт, что немецкие насельники образовали здесь лишь незначительное меньшинство населения.

Возникает очень «деликатная» для фашизма проблема о чистоте немецкой крови в Бранденбургско-прусском государстве — этом основном ядре империалистической и фашистской Германии. Как здесь проходила «германизация» и какой она носила характер? Смешалась ли за Эльбой «чистая» немецкая кровь с туземной или не смешалась? В общем, фашисты вынуждены признать такое смешение, говоря о «германизации» в смысле включения в немецкую народность и поглощения ею других народностей — славян и пруссов[3]. При этом даже приводятся известные слова Бисмарка о том, что пруссаки будто бы обязаны некоторыми своими лучшими политическими свойствами славянскому элементу в своей крови: в противоположность германцам, как твердому мужскому элементу, славяне и кельты образуют, по его мнению, мягкий женский элемент в составе наций. Однако гитлеровцы в данном случае безнадежно запутываются в противоречиях, и в частности резко расходятся с самим Гитлером, который считает возможным говорить о «германизации» лишь в смысле германизации страны, а отнюдь не людей. Говорить о германизации людей, по его мнению, полная бессмыслица. Такая германизация, — поучает Гитлер, — с расовой точки зрения невозможна по той простой причине, что нельзя претворить кровь людей низшей расы в кровь людей высшей немецкой расы; всякое же смешение этих рас зна-

---

1 Helmoldi, Ibidem, II, 5.

2 Wendische Bevölkerungsreste in Mecklenburg. 1905 и др. его работы.

3 См. в этом смысле особенно Rörig, Nationale Frage. Hist. Zeitschr. Bd. 154. H. 2, 1936.

меновало бы только ухудшение чистой расы, в смысле порчи северной крови[1].

Очевидно, что такую «порчу» как раз и приходится, скрепя сердце, допустить упомянутым фашистским «историкам», когда они говорят о поглощении туземцев немцами. В самом деле, ведь если признавать «монгольские» и иные особенно подчеркиваемые фашистами элементы славянской расы, то все эти элементы, естественно, при смешении в результате германизации должны были передаться и немцам! Правда, некоторые фашисты стараются спасти положение тем, что, признавая «остатки» туземцев на Востоке, подчеркивают их изолированное существование, будто бы исключавшее возможность расового смешения с немцами. Так. подчеркивается изолированность славян в Мекленбурге, замкнутость гильдий, цехов и даже деревенских общин на Востоке вообще, особенно же изолированность латышей и эстов в Прибалтике. Среди последних немцы будто бы образовали замкнутый высший слой населения, сохранивший в чистоте все свои «благородные» расовые особенности: в Прибалтике уцелел чистый тип средневекового немца, решительнее всего реагировавшего в свое время на марксистские «колдовские чары». Фашисты имеют в данном случае в виду прибалтийское немецкое баронство, «реакция которого на марксизм» выразилась в 1905 г. в кровавом подавлении революционного движения городских рабочих, батраков и крестьян в Прибалтике. «Чистый тип средневекового немца» тут совсем не при чем, так как бароны чинили кровавую расправу над рабочими и крестьянами, руководствуясь вовсе не национальными, а своими классовыми интересами. Там, где нельзя применить теорию «изолированности», фашисты тщетно пытаются найти выход из положения в том, что объявляют туземцев представителями «северной» расы. Таковыми, между прочим, один из фашистов объявляет поголовно всех пруссов.

Вопреки всем фальсификациям и ухищрениям фашистских «историков», мы должны решительно подчеркнуть, что немецкое завоевание и колонизация областей теперешней восточной Германии привели здесь к несомненному смешению немцев с туземцами — в первую очередь, конечно, с славянами и пруссами. В настоящее время можно считать бесспорно доказанным, что не только пруссы, но и славяне уцелели в очень большом количестве и вовсе не были «искоренены» немцами. Достаточно отметить хотя бы те многознаменательные факты, что еще в начале XV в. под самым Любеком слышалась славянская речь[2] и что в XV—

[1] «То, что в истории с пользой германизировано,— говорит Гитлер,— это земля (der Boden), которую наши предки добыли мечом и населили немецкими крестьянами».

[2] См. А. Васильев. Ласкарь Канан, византийский путешественник XV в. по сев. Европе и в Исландии. Сб. статей в честь В. А. Бузескула, стр. 399. Харьков, 1914.

XVI вв. «славянские остатки» особенно густо были представлены на колонизационных окраинах, в частности в Приэльбье[1]. Массовая германизация славянского и прусского населения происходила медленно и постепенно, так же, как и «ославянивание» и «опрусачиванье» немцев. Население Бранденбургско-прусского государства издавна было славяно-германо-прусским, т. е. смешанным, и это смешение еще более осложнилось массовым притоком в Пруссию позднейших колонистов, между прочим, из Франции[2].

VII

Большое внимание при изучении истории Drang nach Osten немцы и до и после прихода к власти фашистов уделяли и уделяют деятельности Тевтонского ордена в Пруссии, причем и фашистов, и нефашистов объединяет в данном случае единогласное восхваление «великих заслуг» ордена перед немецким народом. Один из таких «историков», говоря о захвате орденом всей территории Прибалтики от Одера до Финского залива, замечает: «из этой пустыни орденские рыцари в тяжелой борьбе и неустанной мирной работе создали новое государственное устройство..., давшее стране благосостояние, а ордену богатство». В этой цветистой фразе верно только то ее место, где говорится о богатстве ордена, сложившемся в результате массовых разбойничьих «подвигов» рыцарей в Прибалтике, особенно в Пруссии. Массовые ограбления, убийства, поджоги и всякие иные насилия, в виде, например, обложения тяжелыми налогами и принудительной службы в орденских войсках, не раз вызывали против «братьев» восстания, кончавшиеся новыми массовыми убийствами и массовым обращением населения в рабство. «Рыцари» неистовствуют, — говорит о деятельности этих хищников в Пруссии Маркс, — как испанцы в Мексике и Перу; пруссы храбро сопротивляются, но все более и более изнемогают; чужеземные завоеватели проникают в глубь страны, вырубают леса, осушают болота, уничтожают свободу и фетишизм коренного населения, основывают замки, города, монастыри, сеньории и епископства немецкого образца. Там, где жителей не истребляют, их обращают в рабство... Образец того опустошения, которое они (тевтоны) произвели, это судьба населения Зюдау (Südau) в Пруссии; к концу XIII столетия цветущая страна была превращена в пустыню, на месте деревень и возделанных полей появились леса и топи, жители были частью перебиты, частью уведены, частью вынуждены выселиться в Литву»[3]. Таковы многочисленные «благодеяния», оказанные тевтонским орденом Пруссии!

---

[1] См. Егоров. Колонизация Мекленбурга, т. II, стр. 600.

[2] См. об этом у Лависса. Очерки по истории Пруссии, стр. 201 и сл. Москва, 1915.

[3] К. Маркс. Хронологич. выписки. «Большевик», № 24, стр. 53—54. 1936.

В большую заслугу ордену ставят фашисты то, что он привлек в Пруссию немецких крестьян и тем будто бы спас эту область от судьбы остальной Балтики: именно крестьянство будто бы не дало Пруссии в конечном итоге совершенно оторваться от Германии. О таких важнейших фактах, как поражение тевтонских рыцарей при Грюнвальде (1410 г.) и установление вассальной зависимости ордена от Польши (по Торнскому миру в 1466 г.), фашисты предпочитают по большей части умалчивать, поскольку эти события означали полный крах германской политики восточной колонизации. Если же они и говорят об этих событиях, то причиною их выставляют государственную измену сословий, т. е. прусского дворянства, духовенства и горожан, которые, думая лишь о своих личных интересах, предались Польше. Измена эта — результат морального разложения высших классов, которые не могли быть возрождены оздоровляющим течением снизу, так как немецкое крестьянство в Пруссии отсутствовало. Здесь у фашистских «историков» получается явная и безнадежная подтасовка фактов. Один и тот же фашистский автор, с одной стороны, ставит в заслугу ордену то, что он поселил в Пруссии немецких крестьян, а с другой стороны, утверждает, что крестьянство отсутствовало. То, что говорится фашистами об «измене» сословий, до некоторой степени верно. Но сама эта «измена» очень показательна и решительно опровергает то, что говорят фашисты об «общенациональном» и «всесословном» характере завоевательной политики немцев на Востоке. Орден, преследуя в Пруссии своекорыстную политику и обогащая своих членов, настолько нарушал насущные интересы рядового немецкого дворянства и горожан, что последние оказались вынужденными подняться с оружием в руках против грубого и невежественного рыцарского сброда и в конечном итоге отдаться под власть Польши. Это, конечно, не результат «морального разложения высших классов», как это пытаются представить фашистские фальсификаторы истории; это — итог всей разбойничьей орденской политики, столь восхваляемой фашистскими «историками». Кстати, говоря о крахе захватнической политики немецкого ордена на Востоке в XV в., фашисты упорно умалчивают о крахе, постигшем орден еще ранее (в XIII в.) в его попытке захватить русские земли. Очевидно, что напоминание о «ледовом побоище» и Александре Невском, разгромившем «псов»-рыцарей и окончательно отбросившем этих «прохвостов» от русской границы [1], настолько бьет по немецким фашистам, что они считают за лучшее совсем предать забвению и это «прискорбное» для них поражение и его главного виновника [2].

---

[1] См. К. Маркс. Хронологические выписки. «Большевик» № 24, стр. 53—54. 1936.

[2] Недавно появившаяся в Италии немецкая книга «Kirchenpolitische Wandlungen im Ostbaltikum bis zum Tode Alexander Newski's» (Roma, 1936.

VIII

Немалую роль, по мнению фашистских «историков», сыграла в крушении орденской мощи папская власть, которая будто бы хотела сделать орден простым орудием христианизации и мешала ему развить его собственную политику[1]. Здесь мы подходим к трактовке немецкими фашистами роли папства в восточной колонизации вообще, на всем протяжении ее длинной истории. Оказывается, что эта роль — как уверяют фашисты — всегда и неизменно была пагубной для немецких интересов, так как папы, начиная с эпохи Оттона I, всячески мешали немецкой национальной политике. Так, папа Иоанн XIII, будто бы, сорвал план Оттона I, заключавшийся в том, чтобы, опираясь на епископство Магдебургское, сделать его центром обращения в христианство всего западного славянства и добиться таким образом включения славянских стран в одну западно-христианскую империю. В результате такого направления папской политики германизирована была лишь крайняя западная группа славянства до Саалы и Эльбы. В особенности фашистам не нравится то обстоятельство, что папская курия способствовала образованию национальных церквей и национальных государств на Востоке и этим наносила решительный вред «немецким интересам». Дело в том, что немцы в результате такой папской политики встречали на своем пути уже не «аморфные массы малых родовых союзов», а сильные политические образования, опиравшиеся на римскую курию. Таким сильным политическим образованием, ставшим поперек дороги немцам на Востоке, в первую очередь была Польша при Болеславе Храбром, добившемся от папы учреждения самостоятельного польского Гнезненского архиепископства. Опираясь на сильную королевскую власть и независимую национальную церковь, Польша дошла в первой половине XII в. до того, что даже осмелилась оспаривать у немцев славянские земли по Одеру и Эльбе. Папство постоянно «вредило» немцам и тем, что своими вечными притязаниями на верховенство неизменно мешало консолидации немецкого имперского господства.

По поводу всех этих жалких умствований фашистских «историков» уместно прежде всего спросить: почему папство непре-

---

Orientalia Christiana Analecta, 105) написана с хорошим знанием русских источников иезуитом А. М. Амманом и отражает не фашистскую, а папскую точку зрения на события в Прибалтике в XII—XIII столетиях.

[1] G. Paul. Op. cit. S. 315. Все это, конечно, совершеннейший вздор. Орден,— один из магистров которого (Валленрод) любил повторять, что по-настоящему на каждое государство было бы довольно одного священника, да и того следовало бы для общей безопасности держать в железной клетке,— никогда серьезно не считался в своей политике ни с папством, ни с католической церковью. См. Лависс, Очерки по истории Пруссии, стр. 123,

менно должно было держаться на Востоке немецкой ориентации? Почему учреждение, по самому существу своему претендовавшее на то, чтобы быть вселенским, должно было вести в угоду немцам совершенно несвойственную ему политику в узко национальном и притом немецко-национальном духе? Конечно, с точки зрения папы, Польша эпохи Болеслава Храброго, раз она стала христианским государством, имела полное право на самобытное существование, поскольку эту самобытность вообще могла терпеть римская курия. Конечно, немцам было бы куда приятнее иметь вместо Польши и Чехии «аморфные массы мелких родовых союзов», которые легко можно было проглотить, но папе, руководившемуся соображениями своей собственной пользы, такая политика была не всегда выгодна. К тому же ведь вовсе и не папа положил конец существованию этих «аморфных масс», не он слил их в сильные государства. Польша и Чехия сложились сами по себе, в результате своего собственного внутреннего роста, и признание этих государств папой было лишь внешним выражением указанного процесса. Поляки и чехи просто заставили папу признать себя, как они заставили признать себя и немецкого императора Оттона III, которому, впрочем, фашисты тоже никак не могут простить этого поступка, выражавшего «полное пренебрежение жизненными интересами немецкого народа на его восточной границе». Утверждение фашистов, что пути папы и пути немцев на Востоке все время расходились, тоже совершенно произвольно и неверно. Наоборот, по большей части они совпадали, и папы больше всего способствовали успеху немецкого Drang nach Osten. Нагло фальсифицирующие историю фашисты забывают, что именно папы в свое время проповедывали крестовые походы на Восток и что не кто иной, как папские миссионеры, захватили для немцев Прибалтику. Под покровом пап выросли ордена — меченосцев и тевтонский, которые соединенными силами, с благословения папы, произвели натиск на русские земли. Если же немецкие хищники потерпели в этом последнем предприятии позорный крах, то в этом никак не вина папы. Александр Невский одинаково и одновременно укротил и немецкие и папские аппетиты.

Словом, все сетования фашистов на папскую курию, с обвинениями ее в том, что она неизменно мешала восточной политике, совершенно вздорны. Фашисты, как известно, вообще враждебно настроены к католической церкви и к папской курии, которая отнюдь не склонна быть простым орудием в руках Гитлера, а ведет в Германии свою собственную политику. Церковь, оказывается, наносила тяжелый ущерб северной расе тем, что многие из лучших представителей этой расы шли на церковные должности и, оставаясь бездетными, не производили потомства. Таким образом многие немецкие знатные роды вымирали. Помимо этой курьезной претензии немецкие фашисты имеют к церкви и рим-

ской курии другую, более серьезную: они никак не могут простить папству поражения императоров в Италии и уничтожения первой империи. Однако никак нельзя смешивать и подводить под один знаменатель итальянскую и восточную политику папства: если первая действительно была пагубна для империи, то вторая, как уже было сказано выше, очень много содействовала упрочению немцев за Эльбой и в Прибалтике, хотя и преследовала здесь свою особую цель — христианизацию, которая не всегда была обязательно связана с германизацией.

IX

Большое значение в истории колонизации Востока фашисты придают отдельным историческим деятелям, особенно превознося при этом заслуги Генриха Льва, герцога Саксонии и Баварии. «Генрих Лев, — читаем мы у Розенберга, — является одним из величайших людей нашей истории, поскольку он был против фантастических походов в Италию, начал заселение Востока и тем положил первый краеугольный камень для будущей немецкой империи». Другой фашист, превознося «великий образ» Генриха Льва, заявляет, что «он кажется нам теперь наиболее значительной ведущей фигурой времен начала восточной немецкой колонизации».

Столкновение Генриха Льва с Фридрихом Барбароссой и низвержение его последним очень остро ставит перед фашистами вопрос о сравнительной пользе для немцев восточной и итальянской политики в эпоху «первой империи». При этом в большинстве восточную политику они превозносят, а итальянскую решительно осуждают в качестве губительной для немецкого народа. Ничего не дав в смысле завоевания для немцев новой территории, она в то же время будто бы ослабила северную расу, погубив многих наиболее видных ее представителей. В сравнении с восточной политикой, «какой ошибкой,—говорит один из наиболее ярых фашистов, — являются римские походы немецких императоров,— особенно Гогенштауфенов,— походы, которым приносилась в жертву лучшая немецкая кровь, и Генрих Лев в наших глазах стоит сейчас выше императора Барбароссы. Растрачивание сил немецкой расы во имя чужих интересов и для империалистических целей означало неизменно тяжелый вред». «С точки зрения возможности распространения северной расы на Востоке, — читаем мы у другого фашиста, — падение Генриха Льва — настоящая катастрофа, которая принесла тяжкий вред Германии и погубила самих Штауфенов. Именно эта катастрофа дала возможность датчанам временно захватить в свои руки восточную Голштинию, Рюген, Мекленбург и Померанию. Великое будущее немцев на Эльбе разбито в 1181 г. из-за итальянских планов императора». «Южнонемецкий Фридрих не понимал значения северной

Германии и восточноэльбских областей» для немецкого народа. Таким образом, Штауфены уже по самому своему происхождению были чужды пониманию восточной политики. К тому же они питали к «великому» Льву мстительные чувства: один из фашистских историков прямо объясняет низвержение Вельфа чисто личными мотивами мстительного Фридриха Барбароссы. Правда, осуждая итальянскую политику, поскольку она мешала политике восточной, фашисты в большинстве не являются принципиальными противниками итальянской политики вообще, поскольку она была неразрывно связана с мощью империи. Вот почему некоторые из них, отдавая должное Генриху Льву, не могут в то же время не признать, что его отказ от участия в итальянских походах имел для общей политики империи гибельное значение. То великое, — говорит один из фашистов, — что сделал Генрих в первый период своей жизни в смысле содействия распространению немцев на Восток, он испортил во второй период, поднявшись против единства Германии и сильной центральной власти. Не оказавши помощи императору в Италии, — читаем мы у другого «историка», — Генрих Лев поставил на карту «немецкую мощь и немецкий престиж» (die deutsche Macht und das deutsche Ansehen). Если бы исчезло немецкое единство, исчезла бы и мировая гегемония (Weltstellung) немцев, и тем самым был бы положен конец германизации восточных земель немецкими князьями. Все же, — заключает цитируемый автор, — никак нельзя отрицать заслуг Генриха Льва в деле завоевания для немцев Востока. Впрочем, сдержанные и уклончивые отзывы о Генрихе Льве (вроде приведенных) являются исключениями в общей фашистской литературе, посвященной деятельности этого немецкого хищника, и, можно сказать, совершенно теряются в тех облаках фимиама, которые воскуряются перед «великим образом» северного герцога.

Со всей этой шумихой, поднятой вокруг деятельности Генриха Льва, в конечном итоге получился для фашистов большой скандал. Сами же они, внимательно разобравшись в его родословной, пришли к неожиданному и неприятному открытию, что их прославленный герой не немец, а настоящий итальянец из фамилии Эсте. Неприятность еще более увеличилась, когда, вскрыв недавно гробницу Генриха Льва, фашисты обнаружили, что он был человек небольшого роста, и притом с черными волосами, т. е., очевидно, обладал типичными признаками «западной» или «средиземноморской» расы. Итак, с точки зрения фашистской же теории, основоположник немецкого могущества на Востоке, человек, «положивший, по Розенбергу, первый краеугольный камень для будущей немецкой империи», оказался, согласно и историческим и антропологическим данным, непринадлежащим к «благородной» северной расе, т. е. к той расе, которая только и способна, по мнению фашистов, к творческой деятельности в истории!

Логически рассуждая, немецким фашистским «ученым» историкам остается принять одно из двух: или фашистская расовая теория неверна, или же Генрих Лев — не великий человек, и вся поднятая вокруг него хвалебная шумиха — лишь один из жульнических приемов фашистских «историков», запутавшихся в своих собственных противоречиях.

Для нас при суждении о Генрихе Льве и его столкновении с Барбароссой совершенно очевидно следующее: стремясь утвердиться в приэльбских областях, Генрих Лев руководствовался вовсе не какими-то «общенациональными» интересами германского народа, каковых тогда и не существовало, а своими узко личными княжескими интересами, и в этом смысле его политика за Эльбой решительно ничем не отличается от его политики в Саксонии. Недаром против Генриха поднялись соседние немецкие же князья, низвергшие совместно с императором могущество Вельфов. И если, как вынужден признать один современный немецкий автор[1], в этой борьбе было пролито больше немецкой крови, чем во всех итальянских походах Фридриха Барбароссы, вместе взятых, то вина за это кровопролитие падает на Генриха Льва ничуть не меньше, чем на его противников. Что касается императора, то для Барбароссы решительное выступление против Генриха Льва было настоятельной необходимостью в качестве последнего этапа борьбы против племенных герцогов, игнорировавших императорскую власть и даже прямо грозивших ее существованию. Раздробить обширнейшие владения Вельфов, как раздроблены были в свое время территории других племенных герцогов, представлялось Барбароссе делом принципиальной важности, так как самостоятельная политика саксонского герцога вела к прямому отрицанию власти императора в Германии. И в данном случае, конечно, ни мстительность Барбароссы, ни его южнонемецкое происхождение не играли никакой роли. Кстати, что касается происхождения, то выше уже было отмечено, что с точки зрения фашистской расистской теории Генрих Лев никак не может похвалиться большей «чистотой» крови, нежели Фридрих Барбаросса.

X

Выдвигая на первый план восточную политику и осуждая уклонение от нее ради политики итальянской, фашисты рассматривают с этой точки зрения деятельность ряда германских императоров и, осуждая одних, других всячески превозносят. Естественно, что они часто и подолгу останавливаются на деятельности Оттона I и его завоеваниях на Эльбе и за Эльбой. При этом, указывая на непрочность этих завоеваний Оттона, фашисты горько сетуют на то, что итальянская политика оторвала его от уси-

---

[1] Arthur Diederichs-Braunschweig. Albrech der Bär, «Vergangenheit und Gegenwart». H. 9. S. 477. 1937.

ленных действий на Востоке, «куда немцев манила новая земля, новые задачи и новые возможности выявления своих способностей». Есть, впрочем, среди фашистов и скептики, которые позволяют себе думать, что политика Оттона I на Востоке даже и без итальянских походов потерпела бы в конечном счете неудачу, так как нехватало человеческого материала, прежде всего, — немецкого крестьянства для закрепления побед императора. Есть и такое мнение у немецких «историков», что немцы, забравшись прежде времени на Восток, пожалуй, чего доброго, могли бы там ославяниться. Высокой похвалы фашистов удостаиваются императоры Конрад II и Лотарь III. Первый будто бы разбил польскую мощь и снова расчистил немцам дорогу на Восток, второй же — саксонец по рождению, будучи равнодушен к итальянской политике, посадил в пограничных областях сильных князей и «направил мощь немцев за Эльбу». В качестве неожиданного курьеза отметим похвалы, расточаемые фашистами императору Карлу IV, который, устремляясь на Восток, хотел якобы создать здесь мощную немецкую территорию с выходом к морю. Удайся этот план,— говорят фашисты,— Чехия была бы германизирована, и Германии не пришлось бы переживать неприятности, причиненные ей гуситами. Вместе с тем упрочена была бы граница на Востоке, и орден не остался бы здесь одиноким.

Все это предприятие, однако, провалилось, так как сын Карла IV — Венцель не понял его величия. Почему Чехия должна была германизироваться, если бы Люксембурги удержали в своих руках Бранденбург — решительно непонятно. А может быть, наоборот, эта старая славянская территория, будучи связана с Чехией, совсем стряхнула бы с себя немецкое влияние? Может быть, Чехия наделала бы немцам еще больше хлопот, если бы Бранденбург не ушел из рук Люксембургов? Ведь можно вообще без конца фантазировать по поводу тех исторических событий, которые «не случились»! Во всяком случае, «размышления» фашистов по поводу политики Карла IV не случайны: в них явно сказывается откровенное стремление Гитлера прибрать к рукам и германизировать современную Чехословакию, выступив таким образом в качестве «завершителя» того дела, которое в свое время будто бы начал Карл IV.

В свое время Гитлер, подчеркивая важность и актуальность для немцев изучения истории восточной колонизации, отмечал, что немцы уделяли ей слишком мало внимания, занимаясь прославлением ничего не стоящих авантюристических войн и фантастических подвигов героев. Фашистские приспешники Гитлера подхватили эту мысль, обвинив «цеховую немецкую науку» в игнорировании истории немецкого Drang nach Osten. В действительности в прошлом немцы много уделяли внимания вопросам восточной колонизации и в общих и в специальных работах. Много в данном случае написано было серьезного и заслуживающего

всяческого внимания, но много и такого, что продиктовано тупым самомнением, националистически-шовинистическими и империалистическими устремлениями. Фашисты усвоили из старой литературы то, что было в ней наиболее человеконенавистнического, окрасив все это нелепой расовой теорией и поставив свои измышления на службу захватническим вожделениям германского фашизма на Востоке. Исконность германских поселений и мифические германские «остатки» за Эльбой, мнимая «некультурность» славян, как представителей якобы «низшей» расы по сравнению с «высшей» германской расой, мнимая культурная миссия немцев, связанная с «искоренением», т. е. истреблением и онемечением туземцев, фантастическая «чистота» немецкой крови на территории позднейшего Бранденбургско-прусского государства, идеализация хищнической деятельности Тевтонского ордена и пограничных князей, обвинение папы и римско-католической церкви в крушении восточной колонизации, — все это фальшь и обман, все это чистые проявления «воинствующей фашистской псевдо-науки» как средства «политического воспитания» масс в духе звериного шовинизма. Совершенно антинаучная фашистская история немецкой колонизации пытается, во-первых, доказать «исторические права» немцев на восточные земли, во-вторых, представить Drang nach Osten в качестве планомерного «общенационального» движения немецких культуртрегеров в области, занятые людьми низшей якобы породы, «некультурными варварами», и, наконец, в-третьих, превознести деятельность таких заведомых грабителей, как орденские «братья» и Генрих Лев, изображая их разбои в виде заслуживающей всякого подражания «творческой деятельности» «героев немецкого народа». Все эти сплошь антинаучные измышления проникнуты боевым характером и пускаются в ход как средство подготовки новой германской агрессии на Востоке, для новых кровопролитных войн в целях отторжения ряда территорий от Советского Союза, порабощения Чехословакии и т. д. В этих кровавых войнах новейший германский империализм надеется найти выход из того безнадежного тупика, в который завело Германию пятилетнее господство фашизма.

Политика германского фашизма, направленная на завоевание восточных и других земель, чужда германскому народу, который стремится жить в дружбе со всеми народами и не желает проливать своей крови за интересы своих помещиков и капиталистов и их дипломированных разбойников — фашистских «фюреров».

Проф. А. И. НЕУСЫХИН

ИТАЛЬЯНСКАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ X—XIII вв. В СОВРЕМЕННОЙ ФАШИСТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

I

«Фашизм — это война».

Справедливость этой формулы неуклонно подтверждают современные мировые события: германская и итальянская интервенция в республиканской Испании; грубый захват германскими фашистами Австрии и наглое насилие гитлеровского правительства над волей австрийского народа; подготовка Германией вооруженного нападения на Чехословакию и ее расчленение; разбойничья война японских империалистов в Китае. Неся с собой войну и разрушение, фашизм, особенно немецкий, стремится найти историческое обоснование своим захватническим вожделениям. Представляя собою последнюю, обреченную на неизбежный крах попытку спасти капиталистический строй от неминуемой гибели, фашизм ищет и в прошлом таких форм общественного строя, ложная идеализация которых могла бы подкрепить его бешеную борьбу за сохранение капиталистической эксплоатации: в эксплоататорских формах общественных отношений прошлого он ищет образцов для настоящего.

Искажение событий прошлого производится фашистскими идеологами одновременно в двух направлениях: они пытаются, во-первых, «обосновать» фальсифицированными историческими примерами свои захватнические вожделения, а во-вторых — связать эту попытку с реакционной идеализацией эксплоататорских общественных формаций прошлого.

Немалое внимание уделяют при этом фашистские квазиисторики эпохе средневековой германской империи (особенно X—XIII вв.), которую они называют «Первой империей» и, в частности, итальянской политике этой империи.

Производимая ими фальсификация этого периода немецкой истории имеет двоякую цель: во-первых, они стремятся обосновать империалистические притязания современной фашистской Германии. Отсюда «переоценка ценностей» итальянской политики

германских императоров X—XIII вв. в связи с вопросом о том, в какой мере она мешала распространению немецкого народа на Восток и в какой — помогала формированию немецкой нации на юге, т. е. в Италии. Во-вторых, фашисты хотят показать мнимую благодетельность «сословного государства» средневековой империи для немецкого народа. Отсюда — розенберговский «миф» или, вернее, бред о «рыцарском государстве».

Разоблачению этой двойной фальсификации и будет посвящена наша статья.

Выдвигая лозунг «Третьей империи», нынешние фашистские заправилы Германии взывают к двум «империям» прошлого: к гогенцоллерновской Германии 1871—1918 гг. («Второй империи», по их терминологии) и к так называемой «Священной Римской империи германской нации», основанной при Оттоне I в 962 г. (по терминологии немецких фашистов — «Первая империя»). Самое название этой средневековой империи — громоздкое, неуклюжее и внутренне противоречивое — в общем верно отражает ее характер: она представляла собою попытку включения Италии и Германии в состав единого государства, предпринятую в ту эпоху, когда каждая из этих стран находилась в состоянии феодальной раздробленности,— которая в Германии еще усиливалась мощью отдельных герцогств, а в Италии — противоречием интересов папства, Византии, городов и герцогств. Эта империя называлась «священной» потому, что, по мысли своих творцов, она должна была строиться на союзе папской и императорской власти при фактическом подчинении первой второй (коронация императора папой, но вместе с тем требование присяги папы императору при Оттоне I); она считалась «римской» потому, что ее связывали с античной римской традицией и рассматривали как преемницу Западной Римской империи; и, наконец, это государство, стремившееся объединить Германию с Италией, должно было быть «империей германской нации»[1], т. е. указанное объединение должно было — по мысли германских императоров — принять форму господства Германии над Италией.

Однако германским императорам не удалось добиться успеха ни в одном из намеченных направлений: вместо союза с папством, с конца XI в. (при Генрихе IV) началась ожесточенная борьба папства и империи, закончившаяся во II половине XIII в. (после смерти Фридриха II) крахом имперских притязаний на господство над папством и полной победой папства над империей; прочного обладания Италией тоже достигнуть не удалось,

[1] Самое название вошло в обиход позднее, при Фридрихе Барбароссе (в XII в.), но его анализ вскрывает те цели имперской политики, ради которых империя и была основана.

и даже те части ее, которые Германия захватывала то на севере, то на юге, каждому германскому королю приходилось снова завоевывать, а с конца XIII в. империи пришлось фактически отказаться от серьезных притязаний на Италию; да и политический центр тяжести самой империи с XIV в. перемещается в придунайские и заэльбские области (в Австрию, Богемию, Бранденбург). Что же касается до идеи преемственности Западной Римской империи, то она изжила себя в ходе бесплодной борьбы за Италию.

Чего же ищут в империи X—XIII вв. современные идеологи немецкого фашизма?[1] Почему именно эту тень прошлого стремятся они облечь в плоть и кровь? Две стороны этой империи привлекают их внимание: во-первых, ее стремление к гегемонии в тогдашней Европе, т. е. самое противопоставление ею себя как «империи» остальным феодальным «королевствам» Западной Европы, и, во-вторых, ее феодальный строй, который создал условия для формирования и усиления немецкого рыцарства, этого идеала всех Розенбергов. Другими словами, в империи X—XIII вв. они ищут «исторического» подкрепления тех захватнических и эксплоататорских вожделений, о которых мы говорили в самом начале нашей статьи. Однако далеко не все в этой средневековой империи приемлют они в равной мере. Кроме борьбы за Италию и за господство над папством в эпоху так называемой «Священной Римской империи» шло и завоевательное движение на Восток, в заэльбские земли и Прибалтику,—столь любезный сердцу современных фашистских апологетов агрессии «Drang nach Osten». Но так как это движение исходило не столько от империи как политического целого, сколько от отдельных входивших в ее состав политических единиц (герцогств, рыцарских орденов, городов), то некоторые фашистские идеологи противопоставляют «полезное» и «успешное», на их взгляд, завоевание Востока бесплодной борьбе за Италию, в то время как другие, наоборот, стремятся оправдать итальянскую политику средневековых императоров с точки зрения интересов современного немецкого фашизма и «доказать», что она не мешала завоеванию Востока. Эта двойственность в оценке итальянской политики средневековой империи коренится еще в той постановке вопроса, которая имела место в старой немецкой буржуазной историографии середины XIX в. и вызвала знаменитый спор Зибеля и Фиккера и их сторонников. К сущности этого спора мы сейчас вернемся, а пока отметим, что фашистская его трансформация принципиально изменила самый его характер и лишила его каких бы то ни было признаков «научного» спора: фашист-

[1] Речь идет именно об империи X—XIII вв., ибо хотя она номинально продолжала существовать до 1806 г., но с XIV в. утратила свое былое значение.

ская постановка старого вопроса о роли итальянской политики средневековой империи в немецкой истории,— независимо от отрицательной или положительной оценки этой политики,— сводится к спору о том, в каких направлениях и условиях Германия могла в прошлом наиболее успешно вести ту захватническую политику, проведение которой является одной из основных задач фашизма.

Очевидно, что подобная постановка вопроса антиисторична и к науке никакого отношения иметь не может. В самом деле. Изучение итальянской политики германской империи X—XIII вв. возможно лишь в тесной связи с исследованием внутренней истории Германии за тот же период; в ней и коренятся причины итальянской политики. Однако фашисты занимаются не изучением причин этой политики, а оценкой ее последствий. Этот прием, вытекающий из указанных особенностей политической идеологии немецкого фашизма, искажает события и явления прошлого.

Но если такая фальсификаторская подмена изучения причин итальянской политики оценкой ее последствий характерна именно для идеологов фашизма, то частичное смешение того и другого восходит еще к немецкой историографии середины XIX в. Это смешение, в свою очередь, имело свои исторические причины: оно коренилось в политической истории Германии середины XIX в. и вызвано было борьбой так называемых «малогерманской» и «великогерманской» партий. С 30-х годов XIX в.,— с учреждения «Германского таможенного союза»,— вопрос о воссоединении Германии стал одним из самых актуальных вопросов политической жизни германских государств. Но решался он поразному: соперничество и борьба двух крупнейших германских государств того времени — Пруссии и Австрии — вызвали к жизни два варианта его решения. Сторонники одного из них предлагали объединить под покровительством Пруссии все германские государства за исключением Австрии (так называемая «малогерманская программа»), сторонники другого стояли за включение Австрии в новый союз, за ее гегемонию в Германии (так называемая «великогерманская программа»). Малогерманской ориентации придерживались, главным образом, северогерманские государства, великогерманской — южные. После поражения Австрии в австро-итальянской войне 1859 г. она выступила с проектом реформы Германского союза, учрежденного согласно решению Венского конгресса. Во главе этого союза должна была стать директория из Австрии, Пруссии и Баварии (1863 г.). Но этот проект провалился вследствие противодействия Пруссии, а поражение Австрии в австро-прусской войне 1866 г. привело к организации Северогерманского союза во главе с Пруссией и тем самым предрешило торжество малогерманской формы воссоединения Германии, которое и завершилось в 1871 г. Как раз

в 1859 г., в год поражения Австрии в австро-итальянской войне, сторонник малогерманской ориентации Зибель[1] выступил с академической речью, в которой, исходя из своего политического идеала «Малой Германии», пытался доказать пагубность итальянской политики для преуспеяния средневековой Германии, а сторонник великогерманской ориентации Фиккер[2], отвечая Зибелю, взял итальянскую политику под защиту, стремясь доказать, что она принесла средневековой Германии значительную пользу. Полемика Зибеля с Фиккером, возникшая в результате этих выступлений, разбила на продолжительный срок немецких историков средневековой Германской империи на два лагеря — сторонников итальянской политики и ее противников. Борьба этих лагерей несколько ослабела к концу XIX — началу XX в., утратив после объединения Германии свою остроту и политическую актуальность,— особенно в обстановке возникновения германского империализма и его колониальных притязаний, — но вновь вспыхнула после поражения Германии в мировой войне[3].

Это и понятно. Рост германского империализма снял с очереди те политические вопросы, с которыми связывалась та или иная оценка политики средневековой империи, т. е. вопросы о той или иной форме объединения Германии,— в виде «Малой» или «Великой» Германии. Поражение германского империализма в мировой войне вновь выдвинуло эти вопросы, но в сильно модифицированном виде: речь шла теперь не столько о будущем, сколько о том, правильна или неправильна была в прошлом восторжествовавшая в 1871 г. малогерманская форма объединения, принесла она пользу или вред Германии. Националистически настроенные немецкие историки послевоенного периода стремились осмыслить со своей точки зрения причины поражения Германии и задавались вопросом, не повинна ли в этом

[1] Sybel, H. von. Ueber die neueren Darstellungen der deutscken Kaiserzeit. München. 1859.

[2] Ficker, J. Das deutsche Kaiserreich in seinen universalen und nationalen Beziehungen. Insbruck, 1861. Ficker J. Deutsches Königtum und Kaisertum. Insbruck, 1862.

[3] Из нем. литературы XX в. по этому вопросу следует отметить книгу K. Hampe — Deutsche Kaisergeschichte zur Zeit der Salier und Staufer, вышедшую впервые в 1911 г., но неоднократно переиздававшуюся после войны, и две книги G. von Below'a: Deutsche Reichspolitik einst und jetzt, 1922, и особенно. Die italienische Kaiserpolitik des deutschen Mittelalters mit besonderem Hinblick auf die Politik Friedrich Barbarossas, Münch. u. Brl. 1927. Hampe продолжает фиккеровскую традицию, Below — зибелевскую,— конечно, в модифицированном виде. Hampe облекает свою защиту итальянской политики в форму сжатого изложения политической истории Германии XI—XIII вв. Below производит нападение на нее в форме разбора всех pro и contra, защищая право историка оперировать оценочными суждениями в самом ходе анализа объективных фактов (недаром его вторая книга носит подзаголовок: «Ein Beitrag zur Frage der historischen Urteilsbildung» — «К вопросу об образовании суждений в области истории»).

малогерманская форма ее объединения, а в связи с этим пытались подвергнуть пересмотру и переоценке и итальянскую политику средневековой Германии.

Победа фашистской диктатуры в Германии и фашизация германской исторической науки резко изменила самую постановку вопроса об итальянской политике средневековых германских императоров: идеологов немецкого фашизма не вдохновляет оправдание или порицание той или иной формы объединения Германии; исторические события средневековья призваны теперь прямо служить целям обоснования империалистических притязаний фашистской «Третьей империи» на господство над «низшими расами» на Востоке и Западе Европы. Вопрос об итальянской политике средневековой Германии трактуется ими под углом зрения ее полезности или вредности этим якобы основным и исконным целям немецкого народа. «Первая империя» оценивается положительно или отрицательно в зависимости от того, может ли она считаться исторической предшественницей «Третьей империи» и тем самым — носительницей исторической миссии немцев как представителей «северной расы». Анализ причин итальянской политики полностью подменен здесь оценкой ее последствий, и притом какой оценкой! Эта фальсификаторская подмена налицо уже в отдельных статьях, появившихся еще до фашистского переворота, но, несомненно, предвосхищающих некоторые излюбленные мотивы фашистской идеологии. Это не значит, однако, что точка зрения авторов этих статей на итальянскую политику стала после 1933 г. господствующей. Наоборот, в фашистской литературе царит полнейший хаос взаимно перекрещивающихся и друг друга исключающих оценок итальянской политики, представляющих собой фашистскую трансформацию старого спора Зибеля и Фиккера. Из этого хаоса, свидетельствующего об убожестве фашистских «исторических» построений, можно, однако, выделить два основных направления: одно, оценивающее итальянскую политику отрицательно и отдающее предпочтение перед ней колонизации славянского Востока; другое, приемлющее итальянскую политику как основу мощи и блеска средневековой империи. Первое направление имеет целью исторически обосновать фашистский лозунг «Drang nach Osten», второе хочет подкрепить идеологию «Третьей империи» соответствующей апологией ее средневековой предшественницы. Вместе с тем намечается и тенденция к слиянию обоих этих направлений в концепцию двустороннего характера миссии немецкого народа (в средние века и в настоящее время), призванного якобы и к колонизации Востока, и к господству над европейским Западом. Этот тезис, претендующий на роль официальной точки зрения и долженствующий ослабить противоположность отрицательной и положительной оценки итальянской политики, сводится к тому

утверждению, что эта последняя не мешала завоеванию Прибалтики и что оценка «Первой империи» отнюдь не зависит исключительно от той или иной оценки итальянской политики. Однако это утверждение не только представляет собою худший образчик фашистской политической демагогии, но и по существу насквозь противоречиво. Его демагогичность и противоречивость мы вскроем в следующих главах, а сейчас обратимся к критике построений, предвосхищающих намеченные выше направления, характерные для фашистской литературы по вопросам итальянской политики средневековой Германии.

II

Современная фашистская «литература», ставящая своей задачей обелить германский довоенный империализм и «доказать» его невиновность в развязывании мировой войны, опирается на писания пангерманистов. Точно так же «историческая» литература фашистов, обосновывающая восточную агрессию, имеет ряд предшественников.

Одним из таких представителей исторической литературы, несомненно предвосхитившим апологию «Drang nach Osten», именно в ее фашистской демагогической постановке, является Фриц Керн [1]. Этот «историк» занимается не столько изучением итальянской политики, сколько антинаучными рассуждениями на тему о том, что̀ было бы, если бы не было того, что в действительности было, и сожалениями о том, чего не было. Вопросы о добре и зле ему так же ясны, как и некоему носителю первобытной культуры, для которого добро и выгода, зло и невыгода были синонимами: добро — все то, что служит и могло служить цели порабощения Германией других народов; зло — все то, что мешает или могло помешать этой цели. С этой точки зрения итальянская политика — зло, ибо она мешала борьбе немецких королей со славянами и их германизации. По мнению Керна, немецким королям следовало прежде всего обратить внимание на антифеодальную внутреннюю политику, которая могла бы быть успешной в том случае, если бы короли, не отвлекаемые итальянской политикой, бросили все свои силы на завоевание Прибалтики, которое Керн называет «новой германизацией заэльбских территорий, оставленных германцами в эпоху переселения народов» [2].

Соблазн итальянской политики отвлек Оттона I и его преемников от этой задачи. С завистью цитирует Керн афоризм Лоньона: «Франция — создание ее королей» [3], и с явным недобро-

[1] Kern. F. Der deutsche Staat und Politik der Römerzüge, in Gedächtnisschrift für Georg von Below, S. 32—74. Berlin. 1928.
[2] Kern, Op. cit., S. 45.
[3] A. Longnon «Nationalité française».

желательством констатирует,— на основании вычислений одного из своих не в меру усердных коллег,— что Россия со времени Петра I в среднем ежедневно увеличивала свою территорию на 440 кв. км, т. е. за каждые 20 дней почти на величину целого Гессена, а Германия, увлеченная фантомом итальянской политики, в свое время упустила возможности расширения своей территории на восток. «А счастье было так возможно, так близко». Ведь, если верить Керну, Германия имела в X в. огромные преимущества перед Францией: вместо торжества феодальной атомизации во Франции, в Германии якобы сложился союз племен, который тем легче было превратить в единый народ и единое государство (Einheitsvolk-und-Staat), что племенному и герцогскому партикуляризму противостояла каролингская традиция. А между тем, восточная граница Германии, по мнению Керна, изуродована — все по вине злосчастной итальянской политики,— и большинство славян осталось славянами, не признав господства немцев... Тоска по «органической колонизации» сплошных, соседних с Германией территорий (в противоположность заморским колониальным вожделениям), характерная для пангерманизма, а также для складывающейся идеологии немецкого фашизма и попыток ее «геополитического» обоснования, столь сильно владеет Керном, что он считает эту заново написанную им страницу несостоявшегося хода немецкой истории гораздо менее фантастичной, чем «романтику империи и итальянской политики»[1] («Kaiserromantik»). Не было, но могло бы быть, и это «могло бы» реальнее того, что «было»... Сам Керн, повидимому, не чувствует, в какое жалкое, комическое положение он ставит себя своим утверждением о меньшей фантастичности того, чего не было, сравнительно с тем, что было! Комизм его положения усугубляется еще тем, что он начинает свою статью с претендующего на историзм заявления о недопустимости приписывать деятелям средневековья мотивы, доступные лишь нашим современникам, и на этом основании отказывается от «реальнополитических» объяснений походов германских императоров в Италию. Ergo: действительно имевшие место поступки средневековых политических деятелей нельзя объяснить современными нам мотивами, но их «несостоявшуюся» политику, по Керну, можно и должно трактовать так, точно это не Оттон I, а немецкий шовинист XX столетия за него «взвешивает» упущенные Оттоном возможности, которых этот шовинист не упустил бы и которые Оттон,— не способный, по мнению того же Керна, к современному политическому мышлению,— должен был видеть не хуже Керна, и притом сквозь его очки... Этот методологический фокус Керна ярко сказывается в его трактовке итальянской политики, ничего общего не имеющей с подлинным историзмом. О ней

[1] Kern, ibidem, S. 49.

он знает твердо лишь одно, что она — зло. Но как объяснить это зло?

Керн предпочитает вовсе отказаться от объяснения — якобы из страха перед модернизацией мотивов итальянской политики, а на самом деле для того, чтобы представить ее как нечто совершенно иррациональное и нелепое.

Отрицание Керном всяких «реальнополитических» мотивов итальянских походов Оттона приводит его к полному отказу от научного их объяснения, место которого занимает у него ссылка на якобы ослепившую Оттона каролингскую имперскую традицию: она впутала его в итальянские дела, повлекла за собой основание империи, а традиции этой последней шаг за шагом втягивали в итальянскую политику преемников Оттона. Этот принципиальный отказ от научного объяснения какого-либо исторического явления в тех случаях, когда это объяснение может опрокинуть тезис автора, продиктованный политической злобой дня,— черта, характерная для фашистской историографии, предтечей которой Керн является и в этом отношении.

С возражениями Керну выступил А. Бракманн[1], который, отчасти предвосхищая будущие фашистские попытки примирения хулителей и хвалителей средневековой империи, считает в корне неправильной самую постановку вопроса — итальянская политика или восточная политика — и отвергает эту альтернативу как современную конструкцию. По его мнению, «великая мысль о завоевании славянского мира» могла быть претворена в действие только с помощью папства: 2 февраля 962 г. Оттон Великий короновался императором в Риме, а 12 февраля того же года решено было основать архиепископство Магдебургское. Но итальянская политика Оттона объясняется, по Бракманну, не только необходимостью опереться на папство для стимулирования завоевания славянского Востока при помощи его христианизации: ему необходимо было предотвратить угрозу воссоединения Северной Италии и Бургундии, которое могло отрезать Германию от альпийских проходов, а обладание ими было очень важно для развития итало-германской торговли: «недаром,—говорит Бракманн, — история немецкого купечества начинается со времени Оттона I». Как видим, Бракманн, в отличие от Керна, не чуждается некоторых элементов причинного объяснения исторических явлений. Он готов даже признать,—конечно, в духе своей идеалистической концепции истории, — что средневековая империя погибла не из-за итальянской политики, а от того, что как носительница универсальной идеи она имела меньше прав

[1] Brackmann, A. Der Streit um die deutsche Kaiserpolitik des Mittelalters. Velhagen und Klassings «Monatshefte», 43 Jahrgang, 1928, 1929, S. 443—449, Juni 1929, (цитир. по Fr. Schneider, Neuere Anschauungen der deutschen Historiker zur Beurteilung der deutschen Kaiserpolitik des Mittelalters, S. 27—31. Weimar, 1934).

на политическое господство, чем универсальное папство. Однако его оценка итальянской политики исходит не из этих объяснений и не из этого признания, а из его политического credo. «Нет ничего опаснее для великого народа,— говорит Бракманн,— как стремление уяснить ему, что в величайшие эпохи его истории он шел по ложному пути»[1]. По его мнению, «объективный анализ положения вещей должен заменить немецкому народу самоосуждение радостной гордостью великим прошлым и твердой надеждой на лучшее будущее». Средневековая империя была немецкой, и уже по одной этой причине она не подлежит критике[2], — таков шовинистический антинаучный тезис Бракманна.

Так вот какой цели должны были служить бракманновские объяснения причин итальянской политики! Из этого объяснения причин он хочет вывести положительную оценку ее целей и последствий; от немецкого народа следует скрыть все минусы средневековой империи и подчеркнуть ее плюсы, ибо ее идеализированный в определенном духе образ может питать националистические настроения. И Бракманн не останавливается перед фальсификацией, заявляя, что итальянская политика была якобы причиной колоссального подъема во всех областях жизни и привела к тому, что немецкая культура средних веков достигла чуть ли не более высокого развития, чем итальянская. Статья Бракманна лишена заостренной политической аргументации Керна; и все же его мысль о тесной связи итальянской политики с колонизацией Востока и об отсутствии какого бы то ни было противоречия между тем и другим явлением, как мы увидим в дальнейшем, до известной степени предвосхищает одно из направлений фашистской «историографии».

У Керна и Бракманна еще отсутствует обоснование «национальной миссии» немцев при помощи расовой теории. Но это отравленное демагогическое орудие, как мы увидим ниже, не всегда пускают в ход при трактовке итальянской политики даже и подлинно фашистские «историографы» средневековой «Первой империи», пользуясь им лишь по мере надобности. А Керн и Бракманн ведь только их предтечи!

III

Но вот после фашистского переворота «предтечи» сменились «апостолами» фашистской демагогии в области истолкования прошлого. И у них, как мы уже упоминали, при всей противоречивости точек зрения по вопросу об итальянской политике можно наметить два основных направления — ее сторонников и противников,— причем эти направления, хотя и представляют собою

---

[1] Brackmann, A. Op. cit., S. 449 (цитир. по Fr. Schneider).
[2] Brackmann, A, Ibid., S. 444.

трансформацию старого спора Зибеля и Фиккера, но уже в явно фашистском духе. Характер этой фашистской трансформации старого спора так же, как и намечающаяся тенденция к примирению спорящих, определяется следующими двумя мотивами: с одной стороны, стремлением обосновать особую историческую миссию немецкого народа как представителя «высшей расы», якобы наделенного специфической способностью покорять народы низших рас таким образом, чтобы тем самым их облагодетельствовать; с другой стороны, — желанием доказать якобы исконную живучесть и силу немецкой государственности и с этой целью зачеркнуть период партикуляризма в немецкой истории и провести нить прямой преемственности между «Первой» и «Третьей» империями. Первый мотив в свою очередь служит обоснованию «порыва на Восток» («Drang nach Osten»), да «и... на Запад», второй — преследует несколько иную цель: показать пресловутую способность немцев к созданию «сильных», «организованных» государств и тем самым подкрепить политическими аргументами расовую аргументацию лживого тезиса о якобы покоряющем низшие народы немецком «очаровании» и, кроме того, подчеркнуть благодетельность фашистского «сословного государства» («Ständestaat»)[1] для самих немцев, а не только для покоряемых ими народов. Таким образом, первый мотив тесно связан с расовой теорией, а связь второго с этой последней может иногда сознательно затушевываться,—в зависимости от того, что нужно выдвинуть на первый план в истории средневековой Германии: колонизаторскую миссию немецкого народа, которую фашисты усматривают в завоевании Прибалтики, или «силу» немецкой «сословной» государственности.

Спор между указанными двумя направлениями фашистской историографии идет из-за того, что интересы немецкого народа в средние века совпадали, по мнению одних, с интересами тогдашней немецкой государственности, т. е. «Первой империи», а по мнению других — не совпадали. Таким образом, легко понять, почему тенденция к примирению спорящих исходит, как мы увидим ниже, именно от официальных представителей фашистской идеологии: ведь разрешение спора о природе «Первой империи» в фашистском духе помогло бы руководителям фашистской политики в их демагогическом стремлении доказать немецкому народу, что его национальные интересы найдут свое наилучшее осуществление в рамках «Третьей империи», подобно тому, как они осуществлялись в средние века в недрах «Первой

---

[1] В Германии издается даже особый журнал, посвященный пропаганде «сословного строя», «Ständisches Leben», под ред. О. Шпанна (Othmar Spann).

империи». Однако хотя эта тенденция и появилась уже в 1933 г., но она не сразу получила преобладание, и спор разных направлений продолжался и после прихода фашистов к власти.

IV

Любопытно, что в этом споре фашистские псевдоисторики,— следуя традициям буржуазной историографии, но приходя к совершенно фантастическим результатам,— попытались связать оценку итальянской политики германской империи с вопросом о каролингской традиции. Противники итальянской политики, пользуясь отчасти аргументами расовой теории, подвергли полной переоценке историческую роль империи Каролингов и вынесли ей суровый приговор: оказывается, эта империя — не национальная, и в этом ее коренной порок [1]. Именно поэтому она и вела такую жестокую борьбу с саксами и их национальным героем Видукиндом. А ведь саксы,— по мнению этих строгих судей политики Карла Великого,— представляли собою как раз основное ядро формировавшегося немецкого народа, задачей которого была консолидация сил на Востоке. От Видукинда якобы начинается та цепь германских «вождей» (Видукинд, Генрих Лев, Фридрих Бранденбургский, Фридрих II, Бисмарк), которая в наши дни завершилась Гитлером. «Ныне, в конце тысячелетия,— пишет Розенберг,— мы утверждаем, что если герцог Видукинд потерпел поражение в VIII столетии, то в двадцатом столетии он восторжествует в лице Гитлера». Карл ослабил саксов, и в этом его вина перед немецким народом. Такого взгляда держится, между прочим, Э. Рунднагель, автор статьи: «Миф о герцоге Видукинде» («Historische Zeitschrift», 1936—1937) [2], который тщательно собирает все сказания о Видукинде и посвященные ему художественные произведения с IX в. до наших дней, исходя из того глубокомысленного соображения, что «миф — историческая форма мышления народной души» и что поэтому миф о Видукинде позволяет нам судить о той «вечной (разрядка автора) жизни, которая суждена была саксонскому герцогу в немецкой

[1] Вопросу о связи Каролингской империи со средневековой германской и их обеих — с Римской империей посвящен ряд статей уже упоминавшегося выше A. Brackmann'a (ср. Brackmann, A. Der römische Erneuerungsgedanke und seine Bedeutung für die Reichspolitik der deutschen Kaiserzeit. Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Philosoph.-Histor. Klasse, Brl., 1932). Бракманн склонен объяснять итальянскую политику каролингской традицией.

[2] Rundnagel, Erwin. Der Mythos vom Herzog Widukind, «Historische Zeitschrift», 1936, B. 155, Heft 2, S. 233—277. 1937. Bd. 155, H. 3, S. 475—505.— «Als Karl der Grosse seinem übernationalen (подчерк. мной. А. Н.) Reiche als letzten germanischen Stamm die Sachsen eingliedern wollte, wurde der westfälische Edeling Widukind zum Führer seines Volkes», H. 2, S. 235. 1936.

душе»[1]. Какой миф о Видукинде творит современная фашистская (а не немецкая) «душа», можно усмотреть из сообщения Рунднагеля о курьезной «трагедии» Эдмунда Кисса «Веттекинд» (Edmund Kiss, «Wettekind»), в которой саксонский герцог изображается в качестве «спасителя чистоты северной расы», своей сдачей Карлу Великому расстроившего дьявольский план этого последнего, заключавшийся в том, чтобы собрать саксонских женщин и предоставить их отбросам средиземноморской расы и тем самым навеки уничтожить чистоту крови саксов[2].

Автор статьи, правда, делает вид, что сам он относится отрицательно к подобным эксцессам фашистского мифотворчества, жалуясь на то, что, в то время как Розенберг якобы ясно различает миф и историю, «псевдонаучная литература не учитывает значения этого различия». Но это порицание «псевдонаучности», как мы видим, нисколько не мешает Рунднагелю считать «мифотворческий», т. е. ничего общего с наукой не имеющий, метод самого Розенберга вполне научным[3], а его бред — откровением. Возвеличение Видукинда в историографии, художественной литературе и политической жизни (постановка памятника 4½ тысячам саксонских заложников, казненных Карлом Великим в Вердене, появление шовинистических драм — за один 1935 г. около тридцати! — романов и стихотворений, посвященных Видукинду) имеет нарочитую цель показать, что не от франков, а от саксов ведут свою родословную современные немцы.

Фашистская апология Видукинда тесно связана с отрицательной оценкой исторической роли Карла Великого и его империи как предшественницы «Священной Римской империи германской нации». Это неприятие империи Карла стало, повидимому, настолько распространенным в известных кругах фашистских «историков» и публицистов[4], что против него возникла реакция. Группа из восьми авторов, во главе со старым консервативным историком Хампе (Hampe),— сторонником итальянской политики,— издала особый сборник под названием: «Karl der Grosse oder Charlemagne?»[5], в котором авторы берут Карла под защиту и стремятся доказать, что франки — такие же немцы, как саксы, и что войны с саксами были исторически благотворны, так как проложили путь будущему немецкому завоеванию Прибалтики.

---

[1] Rundnagel, Op. cit., H. 2. S. 234.

[2] Rundnagel, Op. cit., H. 3, S. 505 .1937.

[3] Ibidem, S. 504.

[4] См. статью Lampe, Karl der Westfranke («Vergangenheit und Gegenwart», Lpz., 1934), где вопрос: Карл или Видукинд? назван «пробным камнем».

[5] «Karl der Grosse oder Charlemagne?» Acht Antworten deutscher Geschichtsforscher (S. H. Hampe, H. Naumann, H. Aubin, M. Lintzel, T. Baethgen, A. Brackmann, C. Erdmann, Wolfgang Windelband). (Probleme der Gegenwart). Berlin, Mittler und Sohn, 1936. 124 S.

Для доказательства этого тезиса авторы разбирают вопросы о личности, происхождении Карла, его германском национальном характере, подвергают рассмотрению саксонские войны и движение на Восток, взаимоотношение империи Карла с папством и роль слова «Charlemagne» в политике французской экспансии. Вывод всех восьми авторов один и тот же: Карл — немец «по всем статьям», а вовсе не «западный франк» (как утверждал Lampe и другие): такое истолкование личности Карла выгодно... лишь французам, которые хотят превратить его в своего национального героя и тем самым лишить немцев права гордиться тем фактом, что создатель империи, из которой потом выделилась Франция и Германия, был немцем. Авторы сборника настаивают на этой преемственности каролингской и средневековой германской империи, но,— в отличие от Керна и Бракманна,— не для того, чтобы положительно оценить первую и отрицательно последнюю, а, наоборот, чтобы из положительной оценки первой вывести положительную оценку второй. И еще один мотив звучит в их сборнике: стремление показать исконность организаторских усилий немецкого народа в деле сплочения народов европейского Запада и Востока в одну империю... Так контроверза «Карл — Видукинд», при «разрешении» которой фашиствующие «историки» безнадежно запутались в противоречиях, вновь возвращает нас к фашистским концепциям «Третьей империи» и ее мнимой средневековой предшественницы.

V

Отрицательная оценка итальянской политики этой империи, как уже было выше сказано, не случайно связана с расовой теорией и встречается большей частью у авторов обобщающих фашистских «компендиумов» по немецкой или мировой истории, которые в одном томе стремятся охватить историю Германии или даже всего человечества, изображая ее в фашистском духе и уделяя итальянской политике средневековой империи всего несколько страничек.

Один из таких авторов — Циммерман,— как явствует из предисловия, активный фашист, член национал-социалистической партии,— в своей книге «Немецкая история как расовая судьба» [1] делит всю историю Германии на совершенно фантастические периоды, которые он — при помощи плоской игры слов и произвольного словотворчества — обозначает, как «Urzeit» (первобытная эпоха), «Vorzeit» (предистория), «Frühzeit» (ранняя эпоха), «Hochzeit» (эпоха подъема), «Spätzeit» (поздняя эпоха) и т. д. В эпоху подъема—«Hochzeit» (от 600 до 1500 г.), попадает, между

---

[1] Zimmermann, Karl. Deutsche Geschichte als Rassenschicksal. 4. Aufl. S. 177. Leipzig, ohne Jahr. (I. u. II. Aufl. 1933).

прочим, и история средневековой империи, но только потому, что во времена империи «началось,— по мнению Циммермана,— самое значительное дело, послужившее основой всего дальнейшего развития и расцвета ценностей немецкой крови («deutscher Blutwerte»), а именно — немецкая колонизация Востока». «Римские же походы германских императоров—особенно Гогенштауфенов— представляются, в противоположность колонизации Востока, блужданием по ложным путям (Irrwege), на которых непрестанно приносилась в жертву лучшая немецкая кровь, и поэтому Генриха Льва мы сейчас, несмотря ни на что, предпочитаем Фридриху Барбароссе» [1]. «Расточение расовой мощи немцев в чужих интересах и для империалистических целей всегда наносит серьезный ущерб, который потом сказывается в борьбе за восточные территории и во внутренних раздорах» [2].

Приведенных цитат совершенно достаточно, чтобы увидеть, что автора этой дикой периодизации немецкой истории интересует вовсе не история и, в частности, не итальянская политика средневековой империи, а шовинистическая агитация в пользу завоевательных вожделений немецкого фашизма. Роль расовой теории в качестве демагогического орудия этой агитации совершенно ясна, так же, как и связь между неприятием итальянской политики и апологией Drang nach Osten. Самая периодизация Циммермана, совершенно произвольная и антинаучная, его попытка изобразить всю историю Германии на двухстах страничках, заполненных к тому же одними голыми рассуждениями в духе гитлеровской внешней политики и совершенно лишенных какого бы то ни было конкретно-исторического содержания, показывает, как мало общего с наукой имеет этот фашистский бред на квази-исторические темы. Авторы именно таких антинаучных памфлетов с псевдоисторическим содержанием большей частью (хотя и не всегда) отвергают итальянскую политику. Циммерману в этом отношении вторит другой активный фашист — Czech-Jochberg, который прямо заявляет в предисловии к своей книге, что он «должен и хочет не только мечтать о немецкой истории, но и черпать из нее материал для того, чтобы жить задачами великой немецкой политики» [3]. И для него тоже итальянская политика германских королей — зло постольку, поскольку она мешала завоеванию Востока; и он тоже считает политику Генриха Льва более дальновидной, чем итальянские походы Бар-

[1] Zimmermann, Karl, цит. соч., стр. 129.— Любопытно сопоставить это утверждение с распространенным среди фашистских же апологетов итальянской политики противопоставлением белокурого Барбароссы черноглазому и темноволосому Генриху Льву. (Ср. F. Schneider. Op. cit., S. 11 u. 43.) Подробнее см. статью Н. П. Грацианского, стр. 152—153.

[2] Zimmermann, ibidem, S. 129.

[3] Czech-Jochberg, Erich. Deutsche Geschichte national-sozialistisch gesehen, 344 S. Lpz, Ph. Reclam, 1933.

бароссы; и у него этот ход мыслей стоит в зависимости от тех же фашистских вождений: недаром с тех страниц его книги, которые посвящены средневековой империи, к читателям несется один и тот же, постоянно возобновляющийся вопль: Raum!.. Raum!..[1]. Генрих Лев и Альбрехт Медведь открывали новые «пространства» (Raum) для будущей Германии; политическая идея Генриха Льва была плодотворнее, чем политика Барбароссы, так как она формулируется одним словом: «Raum!». И автор не скупится на повторения этих излюбленных фашистских словечек: «Norden und Osten»... «Raum!». «Neuen Raum!».

Ведь демагогический лозунг борьбы за «новое пространство», в котором должно разместиться якобы избыточное население Германии, занимает центральное место в фашистском евангелии — «Моей борьбе» Гитлера. Выдвинутый для обоснования фашистской экспансии на Востоке и одурачивания миллионов безработных и деревенской бедноты, с невиданной быстротой пролетаризирующейся в фашистской Германии,— этот лозунг «обосновывается» затем на разные лады фашистскими публицистами и «геополитиками»[2]. Недаром фашистские квази-историки провозгласили Генриха Льва одним из «предтеч» Гитлера!

И все-таки, каким-то образом оказывается, что Германия всегда была спасительницей мира — и тогда, когда воевала за приобретение Италии, и когда терпела поражения в борьбе за нее... Да и полно, были ли это действительно поражения? Во всяком случае, далеко не всегда,— отвечает автор на этот вопрос: так, например, победителем в Каноссе был, оказывается, вовсе не папа Григорий VII, как до сих пор думали все буржуазные историки, а император Генрих IV, потому что он своим «формальным» подчинением папе отнял у него всякую «моральную опору» в дальнейшей борьбе с ним[3]. Как мы видим, весь этот вздор Czech-Jochberg'а так же далек от какой бы то ни было науки, как и исполненные несообразностей рассуждения Циммермана. Отрицательно расценивает итальянскую политику и Erbt[4], автор «Всемирной истории на расовой основе». И по его мнению, колонизация славянского Востока и завоевание Прибалтики создали предпосылки, необходимые для того, чтобы «немцы наших дней могли вновь найти путь к самим себе»![5]. Разница между позициями Erbt'а и Czech-Jochberg'а лишь в том, что Erbt вынужден признать факт поражения империи в борьбе с папством. Однако и среди фашистских авторов псевдоисторических обзоров, написанных под углом зрения расовой теории,

---

[1] Czech-Jochberg, цит. соч., стр. 40—45.

[2] См об этом статью акад. Е. В. Тарле в этом сборнике.

[3] Czech-Jochberg, цит. соч., стр. 42.

[4] Erbt, Wilhelm. Weltgeschichte auf rassischer Grundlage, 3 Aufl. Lpz. 1934. S. 83.

[5] Erbt. Op. cit., S. 158.

встречаются представители несколько иной точки зрения на итальянскую политику; их оценка этой политики полна двойственности и противоречивости, и притом не случайной, а, по-видимому, связанной с официальной позицией по этому вопросу. Именно поэтому мы будем говорить о них дальше. А пока обратимся к сторонникам итальянской политики в фашистской «литературе».

VI

Они существуют, несмотря на, казалось бы, столь безоговорочное осуждение этой политики представителями расовой теории. О них можно судить как по историографическим обзорам F. Schneider'a и H. Hostenkampf'a[1] (к последнему мы еще вернемся), так и по статье R. Schmidt'a[2] о Генрихе Льве в «Historische Zeitschrift» за 1936 г.

Хотя эта статья и посвящена Генриху Льву, но основная ее задача сводится к оправданию итальянской политики и к решению вопроса о том, виновен ли перед судом истории Генрих Лев,— как известно, отказавший в 1176 г. Фридриху Барбароссе в военной помощи против миланцев. При этом «нелицеприятный суд истории» сводится здесь к весьма пристрастному суду сторонника итальянской политики. Мотивы этой последней, по Р. Шмидту, можно определить следующим образом: 1) необходимость борьбы с языческими народами заставляла германских императоров продолжать теократическую традицию Карла Великого, а для этого нужен был союз с папством[3], 2) этот союз был полезен также и для укрепления власти императора внутри страны актом коронации, и 3) обладание Италией давало императорам такие ресурсы политической власти, которые могли помочь как раз делу разрешения задач внутренней политики Германии, ибо империи нужен был финансовый фонд, который могла предоставить в ее распоряжение средняя и северная Италия. Таким образом, Р. Шмидт, вопреки Керну, видит оправдание итальянской политики Барбароссы как раз в задачах его внутренней политики. Итальянские походы, по мнению Р. Шмидта, были призваны служить делу объединения Германии, в то время как славянская колонизация лишь распыляла силы немцев и тем самым увеличивала и без того недостаточную национальную сплоченность немецкого народа (Inkonsistenz des Volkstums).

---

[1] Hostenkampf, H. Die mittelalterliche Kaiserpolitik in der deutschen Historiographie seit v. Sybel und Ficker, S. 233. Brl., Ebering, 1934 (Historische Studien, Heft 255).

[2] Schmidt, R. Heinrich der Löwe, seine Stellung in der inneren und auswärtigen Politik Deutschlands. «Histor. Zeitschr.», Bd. 154., H. 2. S. 147—184. 1936.

[3] При этом Schmidt в сочувственных тонах приводит цитаты из охарактеризованного нами выше сборника: «Karl der Grosse oder Charlemagne?»

Как мы видим, в своей попытке решения альтернативы «итальянская политика или восточная колонизация?» Р. Шмидт предлагает читателям нечто вроде перевернутой концепции Керна; в самом деле, и для Керна, и для Шмидта высшим критерием оценки является «национальное сплочение немецкого народа». Только первый полагает, что этой цели наилучшим образом служила колонизация Востока, в то время как второй склонен считать более пригодным средством для достижения той же цели завоевание Италии. Такое резкое расхождение в оценке средств объясняется тем, что и самая цель понимается обоими авторами не совсем одинаково: для Керна «национальное сплочение немецкого народа» означает создание сильного национального королевства (наподобие Франции времен абсолютизма), в то время как Шмидт представляет его себе в виде «сверхнациональной» империи. Поэтому он полагает, что славянская политика Генриха Льва была полезна не сама по себе, не вопреки политике императоров, а как раз наоборот — теми выгодами, которые она доставляла империи как целому. По той же причине он думает, что Генрих Лев вряд ли мог быть принципиальным противником итальянской политики. Характерно для лженаучных исследовательских приемов Шмидта, что эту мысль он подкрепляет ссылками на национальное происхождение Генриха Льва! Используя результаты своеобразных «раскопок» гробницы саксонского герцога и его жены в Брауншвейгском соборе, произведенных в июле 1935 г. и обнаруживших, к огорчению немецких расистов, что Генрих Лев был почти черноволосым[1], т. е. явно не принадлежал к «нордической» расе,— Шмидт сопоставляет их с генеалогией Генриха Льва и приходит к выводу, что роду Вельфов свойственны космополитические черты[2]. Шмидт посвящает этому «вопросу» особую главу, которая носит название: «Положение в Германии ко времени выступления Генриха Льва на арену политической жизни», но в этой главе нет ни звука о положении в Германии, ни о ее политической жизни, ибо вся она сплошь заполнена генеалогическими изысканиями. Шмидт подчеркивает, что Генрих Лев со стороны отца—итальянского происхождения, так как его дед Генрих Смуглый (Heinrich der Swarze) (это прозвище поставлено Р. Шмидтом в связь с результатами обследования гробницы Генриха Льва) — внук Alberto Azzo II (996—1097), представитель падуанского рода Эсте. Итальянское происхождение Генриха Льва должно было, по мнению Р. Шмидта, сделать его скорее сторонником, чем противником итальянской политики[3]. Почему же он в критический момент отказал Фридриху Барбароссе? Чтобы найти какой-нибудь выход из не-

[1] Schmidt, R. Op. cit. S. 266, Anm.
[2] Ibidem, S. 246.
[3] Schmidt. Op. cit. S. 247.

приятного положения, в которое ставит Шмидта необходимость дать ответ на этот вопрос, этот псевдоисторик пускает в ход новые, еще более смехотворные объяснения. Генрих Лев не помог Барбароссе, во-первых, потому, что подпал под влияние англичан и в особенности «порочного» Генриха II Плантагенета, на дочери которого Матильде он женился в 1168 г. (Шмидт не щадит красок для изображения порочности Плантагенетов), а, во-вторых, вследствие ряда «печальных недоразумений». Другими словами, в объяснении истинных причин разрыва Генриха Льва с Фридрихом Барбароссой Шмидт так же бессилен, как Керн в объяснении причин итальянских походов Оттона I. Да это и понятно: всякая попытка подлинно научного объяснения вынудила бы Р. Шмидта признать, что в лице Генриха Льва, совершенно независимо от цвета его волос, национального происхождения и брачных связей с Плантагенетами, мы имеем как раз одного из первых крупных представителей княжеского партикуляризма, раннего предтечу территориальных князей, политика которого была направлена именно к созданию сильного территориального княжества, а вовсе не к сплочению немецкого народа или государства в единое целое. Но Шмидт хочет доказать обратное, а именно,— что выгодность итальянской политики для Германии как целого была будто бы очевидна и ясна всем, в том числе самому Генриху Льву; поэтому он ссылается в объяснении разрыва его с Барбароссой на «печальные недоразумения» — взаимное непонимание и происки англичан (сначала Генриха II Плантагенета, а после его смерти и смерти Барбароссы — Ричарда Львиное Сердце). Националистические устремления, а также псевдонаучная и беспомощная «генеалогическая» аргументация Р. Шмидта свидетельствует о том глубочайшем упадке, до которого дошла германская историография при «Третьей империи».

В своем фашистском «оправдании» итальянской политики германских императоров Шмидт не одинок. В упомянутых историографических обзорах Schneider'а и Hostenkampf'а имеются данные о других фашистских его соратниках в деле прославления средневековой империи. Так, член австрийской национал-социалистической партии Suchenwirt, по словам Hostenkampf'а в книге «От Первой к Третьей империи» [1], преклоняется перед величием «Священной Римской империи германской нации», несмотря на все ее слабые стороны [2]. Точно так же и Heimpel, к которому мы еще вернемся, в речи, произнесенной им во Фрейбургском университете в 1933 г. в качестве одной из целой серии лекций на тему «Задачи духовной жизни в национал-социалистском государстве», берет под свою защиту итальянскую политику как

[1] Suchenwirt, R. Vom Ersten zum Dritten Reich. Lpz. O. J. (1933).
[2] Его же. Zwölf Schicksalsgestalten der deutschen Geschichte. Lpz. O. J. (1933), у Hostenkampf, Op. cit. S. 55—58 und XXI.

«проявление юношеской силы немецкого народа» и трактует Генриха Льва как мятежника против государства (Reichsrebelle)[1]. Сопоставление их точек зрения со взглядами Р. Шмидта позволяет нам отнести всю эту группу авторов к числу фашистских сторонников итальянской политики, трансформирующих в духе фашизма старое фиккеровское направление.

VII

Однако наряду с трансформацией «зибелевского» и «фиккеровского» направлений в фашистской литературе, как уже выше было указано, намечается тенденция к ослаблению остроты спора между противниками и сторонниками итальянской политики. Эта тенденция, стремящаяся совершенно снять с очереди альтернативу — «итальянская политика или восточная агрессия?» и тем самым продолжить линию, намеченную еще Бракманном, заслуживает особенно внимательного критического рассмотрения с нашей стороны, так как она, повидимому, ближе всего к официальной политической позиции немецкого фашизма. Эта тенденция ясно сквозит в заключительных главах неоднократно упоминавшегося историографического обзора Hostenkampf'a[2]. Перечисляя отрицательные (с точки зрения немецкого шовинизма) последствия итальянской политики, отмечаемые ее противниками,— ослабление колонизации Востока, недостаточную активность немцев на западной границе, вмешательство папства во внутреннюю жизнь Германии и раздробление центральной власти,— Hostenkampf отказывается возлагать ответственность за усиление территориальных княжеств в Германии всецело на итальянскую политику[3]. Вместе с тем он подчеркивает «положительные» результаты этой политики, вскрытые ее сторонниками; это прежде всего — «обеспечение национального единства» (в противоположность точке зрения Керна и в согласии со Шмидтом); затем — «культурно-историческая роль империи», ее влияние на создание романской национальности на почве Италии (т. е., вопреки «теории» Керна,— германизаторская и колонизаторская миссия не только на востоке Европы, но и в Италии); универсально-историческое значение империи как фактора борьбы с церковью (опять-таки, вопреки Керну) и, наконец, финансовые и хозяйственные выгоды, извлеченные Германией из господства над Италией[4]. Подводя баланс этим аргументам сторонников и противников итальянской политики, Hostenkampf отмечает, «что

---

[1] Heimpel, H. Deutschlands Mittelalter, Deutschlands Schicksal, Freiburg, 1933, у Hostenkampf, Op. cit., S. 56—57.

[2] Hostenkampf. Die mittelalterliche Kaiserpolitik in der deutschen Historiographie seit v. Sybel und Ficker. Berlin, Ebering, 1934. 253 S.

[3] Hostenkampf, Op. cit., S. 142—163, особенно 153—154.

[4] Ibidem, S. 163—180.

позиция ее друзей предстает перед нами теперь в более благоприятном свете»[1]. Сам он, однако, стремится занять в этом споре примирительную позицию. По его мнению, «средневековая универсальная империя — учреждение, столь сильно связанное своими корнями с античностью и с миром христианских идей, что обладание ею было бы величайшей ценностью для всякого средневекового народа. Она требует и от нас почтительного преклонения (Ehrfurcht),— хотя бы уже по одной этой причине, но, кроме того, еще и потому, что это была империя немецкой нации»[2]. Он с явным сочувствием приводит тот аргумент сторонников итальянской политики, что поражение империи якобы еще не означало ее гибели и что оно само по себе не является достаточным основанием для ее осуждения. Пусть империя потерпела поражение, но «250 лет ее существования содержат такие достижения, которые принадлежат к самому значительному из всего, что когда-либо было создано немцами (Deutschtum) не только в смысле проявления их мощи, но и в сфере культурных ценностей»[3]. Настаивая на необходимости прекращения векового спора о «Первой империи» и прямо подчеркивая, что в задачу его историографического обзора входило проложить путь к его окончательному разрешению[4], Hostenkampf ставит перед собой вопрос о том, как следовало бы подойти к новой разработке старой проблемы итальянской политики германской империи. Отвечая на этот вопрос, Hostenkampf следует официальной точке зрения, высказанной в излагаемых им «Richtlinien für die Geschichtslehrbücher» («Руководящие линии для учебников истории»), изданных национал-социалистским министром Фрикком в 1933 г.[5], и упрекает Циммермана в том, что он характеризовал итальянскую политику как «блуждание по ложным путям» (Irrwege), несмотря на то, что к моменту выхода второго издания его книги он уже успел ознакомиться с содержанием «Richtlinien»[6]. А между тем, оно, по словам Hostenkampf'а, вовсе не дает оснований для такой характеристики[7]. Ударение, делаемое Фрикком на расовой и национальной идее в противоположность сверхнациональной, не должно, по его же собственному официозному разъяснению, приводить к несправедливой оценке средневековья. «Правда, в качестве величайшего деяния этого

[1] Hostenkampf, ibidem, S. 180.
[2] Ibidem, S. 239—240.
[3] Ibidem, S. 180.
[4] Ibidem, S. 244.
[5] Ibidem, S. 54—55; 242—244.
[6] Ibidem, S. 55.
[7] Zimmermann, повидимому, держится на этот счет противоположного мнения: по крайней мере, в предисловии ко второму изданию своей книги он заявляет, что хотя первое ее издание вышло до его ознакомления с «Richtlinien», но развиваемые им взгляды целиком совпадали с ними. Ссылка на «Richtlinien» имеется и в предисловии к книге Czech-Jochberg'а.

отрезка немецкой истории выдвигают,—в духе современного национального идеала,—новое освоение утерянных заэльбских территорий. Но понимание исторической роли тогдашней —скорее универсальной, чем национальной,— империи,— заявляет Hostenkampf,—звучит [у Фрикка] не только в подчеркивании того, что средневековье было эпохой величайшего развития немецкой мощи, но и в замечании [Фрикка], что основание национальных государств в то время не удавалось ни в одной европейской стране». (Вспомним противоположную точку зрения Керна, противопоставлявшего как раз в этом отношении «германскую империю» средневековой Франции!—**А. Н**.). «И кроме того,—продолжает Hostenkampf,—осуждать средневековых императоров за их универсально-национальную политику и за их великие деяния, стоящие в связи с нею, значило бы противоречить тому принципу героизма, который сейчас как раз требуется» [1]. «Универсально-национальная политика!»—«ужели слово найдено?» Разве не к тому направлены усилия фашистских идеологов, чтобы втолковать немецкому народу, что его «национальные интересы» как раз совпадают с империалистическими вожделениями немецкого фашизма на Востоке и на Западе или — выражаясь «высоким стилем» — с «универсальными идеалами Третьей империи»? И разве «Первая империя» — не демагогическое оружие в их руках? Правда, его притупила вековая критика самих немцев и противопоставление империи колонизаторской деятельности саксонских герцогов на Востоке; да и без того оно было не достаточно острым: слишком уж поверхностным был «блеск» империи, слишком явным провалом закончились ее универсалистские притязания! Но как не попробовать вновь заострить его? Уж очень велик для фашистов соблазн «свести концы с концами» и связать проповедь завоевательной политики на Востоке и Юго-Востоке, как первой стадии новейшей экспансии германского империализма, с апологией такой же захватнической политики на Западе, как второй стадии этой экспансии, а затем то и другое — с идеализацией имперской государственности, покоящейся на сословном строе! Конечно, это лишь соблазны, приводящие фашистских идеологов только к бесконечным и плоским противоречиям друг с другом и с самими собой,— как мы еще надеемся это показать на примере Розенберга и Пауля. Hostenkampf полагает, что национал-социализм со своим лозунгом «Blut und Boden» не противоречит универсализму и что, если он и не склонен вести имперскую политику наподобие средневековой, то он все же способен понять ее [2]. Ибо «национал-социализм,—по мнению Hostenkampf'a, — не только свободен от ограниченного и суживающего кругозор малогерманского мышления; ему свойственно не только

[1] Hostenkampf, ibidem, S. 54—55.
[2] Hostenkampf, Op. cit., S. 243—244.

чутье к вопросам роста немецкой мощи в их геополитической постановке» (читай: не только к «Drang nach Osten».— **А. Н.**). «Создание национального правительства весьма ослабило противоположность между малогерманским унитаризмом и великогерманским федерализмом» [1]. Каждое новое — и притом все большее и большее—приближение к «единому государству» (Einheitsstaat) должно, по мнению Hostenkampf'а [2], предостеречь от преувеличения недостатков государственного строя средневековой Германии, столь резко подчеркиваемых якобы националистическими противниками «Первой империи» [3]. Из этой тирады ясно, что примирительная позиция этого автора преследует именно ту двойную цель, которая уже была охарактеризована выше: обосновать псевдоисторическими аргументами не только завоевательные планы немецкого фашизма (на Востоке, Юго-Востоке и Западе), но и его демагогическую концепцию «тотального государства», не только его внешнюю, но и внутреннюю политику. Итальянская политика германских императоров — только один из предлогов для «обоснования» новейших притязаний германского империализма и усиления неравенства и эксплоатации в фашистском государстве. Hostenkampf сочувственно цитирует «афоризм» Heimpel'а, который, — презрительно обходя молчанием «хор утопистов» и «антихор реалистов», — видит в политике императора их трагическую судьбу, но не их вину и восклицает: «Тем самым, что мы преодолеем наше средневековье, мы станем достойны его!» [4]. («Indem wir unser Mittelalter überwinden, werden wir unseres Mittelalters würdig sein!»). А ведь это значит, что если средневековая империя имела свои «недостатки» с точки зрения фашистских идеологов, то они стремятся к их исправлению, а не к отказу от «имперской традиции».

В чем же видят те из них, которые являются противниками средневековой империи, эти «недостатки»? В раздроблении центральной власти, в недостаточной силе империи вовне и внутри; их устранение в фашистском «исправленном издании» «Первой империи» должно, — по мнению тех фашистских идеологов, которые стремятся сочетать «универсальное с национальным», — привести к созданию сильного «тотального государства» на основе сословного строя. Пусть противники «Первой империи» видят корень зла в самом факте ее существования, как таковой: это не мешает Heimpel'ю, Hostenkampf'у и им подобным полагать, что ее пороки могут быть исправлены не путем отказа от самой идеи империи, а путем создания новой империи, «лучшей», с фашистской точки зрения, чем средневековая, т. е. еще более воинственной и представляющей собой еще более резко выраженное

---

[1] Hostenkampf, ibidem, S. 243.
[2] Вехами этого «приближения» он считает 1870 и 1933 гг.
[3] Hostenkampf, ibidem, S. 243.
[4] Heimpel. Op. cit. (цитир. по Hostenkampf. S. 56—57 и S. 244).

«сословное государство», располагающее в эпоху финансового капитала такими мощными ресурсами угнетения и эксплоатации широких масс населения, каких не имела в своем распоряжении сравнительно примитивная феодальная империя Оттона или Барбароссы... «Третья империя» должна продолжить традиции «Первой», но стать «лучше» ее в только что указанном смысле, — вот основной тезис фашистских идеологов, которые хотят «примирить» противников и сторонников «Первой империи». Правильно ли уловил сам Hostenkampf — их интерпретатор и единомышленник — их затаенное намерение? Утвердительный ответ на этот вопрос дает как готовность Hostenkampf во имя «национального этоса» последовать за возможными изменениями национал-социалистских оценок итальянской политики в отрицательную сторону [1], так и его указание на то, что в эпоху вооружения немецкого народа и острой борьбы с пацифизмом нельзя отвергать империю только из-за осуждения ее итальянской политики [2]. Сопоставление этих обоих утверждений до конца разоблачает сущность фашистской позиции по вопросам итальянской политики. Фашизм может при случае отказаться от идеализации итальянской политики, если это, например, понадобится для укрепления «оси Берлин—Рим» (предвидением таких или аналогичных им возможностей и продиктована, может быть, готовность Hostenkampf'а к переоценкам итальянской политики), но он не хочет отказаться от традиций империи. Империя и итальянская политика были связаны друг с другом в прошлом, но они не связаны между собой сейчас. Эту «универсальную империю» на «национальной» или «сверхнациональной» основе — в виде «тотального государства» с «сословным строем», — этот фашистский фантом, созданный для эксплоатации немецкого народа, германские квази-историки пытаются обосновать с помощью соответствующего искажения исторической действительности, чтобы подкрепить строй «Третьей империи» ссылками на средневековую империю, якобы являющуюся ее прообразом. Таковы намерения фашистских «примирителей» двух сторон, спорящих о средневековой империи... Но каковы плоды этих намерений? Конечно, примирения спорящих и разрешения контроверзы фашистским фальсификаторам истории добиться не удалось. Да как бы они и могли этого добиться?

VIII

Эти бесплодные попытки примирения непримиримого восходят к появившейся еще в 1930 г. книге А. Розенберга: «Миф XX столетия», которую правильнее было бы назвать «Бред о XX столетии». В этой книге один из столпов фашистской демагогии, признанный «идеолог» гитлеризма, мастер притворного кликушества

[1] Hostenkampf, S. 244.
[2] Ibidem, S. 55.

и истерической лжи и ярый апологет «Drang nach Osten», распространяет свое бредовое мифотворчество и на предыдущие столетия, касаясь, между прочим, и средневековой германской империи. По поводу ее итальянской политики он высказывает два ряда одинаково безапелляционных, но резко противоречащих друг другу суждений. С одной стороны, итальянские походы — «безумие» («Wahnsinnsfahrten»)[1], идея империи лишена почвы («erdgelöste Kaiseridee»)[2], а сама империя — «тело, лишенное органичности» (Gebilde unorganischer Art)[3] — злосчастная, не имеющая расовых корней государственная система (das unglückselige System des rasselosen... Reiches)[4]; пытаться в настоящее время воскрешать миф о ней равносильно государственной измене и преступлению по отношению к немецкому народу[5]. Одним словом, Розенберг не находит достаточно сильных слов, чтобы заклеймить этот «ложный миф» и «дурной сон», которому он противопоставляет «истинный миф» и «хороший фашистский сон» о продвижении на Восток. В соответствии с этим, его исторические герои — это те, которые это движение осуществляли: Видукинд (противопоставляемый им Карлу Великому как «борец за свободу всех народов северной расы»)[6], Генрих I Птицелов и особенно Генрих Лев, который якобы потому отказал в помощи Барбароссе, что «всеми силами своей мощной индивидуальности пытался создать сдерживающее начало безумным походам в Италию», и который «начал колонизацию Востока, заложив тем самым фундамент будущего немецкого государства»[7]. Но, с другой стороны, несмотря на все эти «крепкие слова» по адресу средневековой германской империи, Розенберг неожиданно и без всяких объяснений столь внезапного перехода признает за ней и немалые заслуги: она оказывается кульминационным пунктом в развитии немецкого рыцарства, которое воплотило идею божией благодати в «мужском союзе» (Männerbund) иного типа, чем римское духовенство[8]. А между тем, рыцарство—носитель всех высших качеств немецкого народа, и оно резко противопоставляется у Розенберга монашеству: первое выработало понятие рыцарской чести, второе создало «учение об изнеживающей и размягчающей любви»[9].

Все эти явно противоречащие друг другу утверждения Розенберга служат вполне определенным политическим целям (как и

---

[1] A. Rosenberg. Der Mythus des XX Jahrhunderts. 2 Aufl., München, 1931.
[2] Ibidem, S. 494.
[3] Ibidem, S. 451.
[4] Ibidem, S. 452.
[5] Ibidem, S. 452.
[6] Ibidem, S. 176.
[7] Ibidem, S. 452.
[8] Ibidem, S. 464—465.
[9] Ibidem, S. 175.

вся его книга), а об их согласовании автор не заботится. Резкое неприятие итальянской политики и средневековой империи продиктовано фашистской мечтой о завоевании Востока, т. е. захвате Прибалтики, отторжении от СССР Белоруссии, Ленинграда, Украины и др. А неожиданное восхваление империи как «рыцарского государства» вызвано стремлением навязать современным немцам господство своеобразного фашистского «рыцарства», во всяком случае чуждого «изнеживающей любви» к немецкому народу. Как мы видим, Розенберг хочет любым путем «исторически обосновать» и внешнюю, и внутреннюю политику фашизма. А неожиданных поворотов мысли он не страшится: они придают только бо́льшую цельность «стилю» его книги, одним из характерных признаков которого является принципиальный и сознательный отказ от какой бы то ни было логической связи между главами и даже отдельными мыслями и фразами. В этом смысле он в совершенстве постиг «идеал» превращения истории в «мифотворчество», о котором мечтают фашистские «социологи» и «философы». Так, борьба папства и империи сводится у Розенберга к борьбе «монашества» и «рыцарства»; все лучшее в области немецкой культуры эпохи империи создано рыцарством, между тем как монашеством были выдвинуты принципы клюнийского движения[1] с его обетами молчания, отказа от радостей жизни и пр.; эти «противоестественные» принципы, эту «духовную болезнь» Розенберг приписывает влиянию лигурийско-восточноевропейской «расы» (ligurisch-ostische Rasse), «которая населяла до прихода представителей северной расы между прочим и южную Францию», где как раз распространено было клюнийское движение[2].

Итак, казалось бы, Розенберг твердо убежден в том, что это движение — зло. Но вот оказывается, что моральному разложению папства в X—XI вв. положило предел благодетельное вмешательство императора Генриха III[3], «который вытащил папство

---

[1] Клюнийское движение получило свое название от аббатства Клюни, в верхней Бургундии, основанного в 910 г. В XI в. Клюнийскому аббатству был подчинен целый ряд монастырей во Франции и Германии. Из среды клюнийских монахов исходила программа реформы церкви, известная под именем «клюнийского движения». Программа эта заключалась в следующих требованиях: установление безбрачия духовенства, отмена симонии (продажи церковных должностей) и уничтожение светской инвеституры духовных лиц. Церковная инвеститура при Оттоне I и его преемниках заключалась в том, что император производил посвящение епископов в сан (путем символического обряда вручения кольца и посоха), после чего посвященный приносил клятву вассальной верности императору (homagium). Теоретики клюнийского движения (в особенности Гумберт) приравнивали такую инвеституру к симонии, к торговле «дарами св. духа», так как, по их мнению, епископ, принимавший из рук императора «благодать» (посвящение в сан), платил за это императору присягой вассальной верности.

[2] Rosenberg, ibidem, S. 183—184.

[3] Ibidem, S. 182.

из болота, создал церкви подобающее ей положение и облагородил ее служителей[1]. Но ведь все эти прекрасные и похвальные, с точки зрения Розенберга, деяния Генрих III совершил в значительной мере при поддержке сторонников клюнийского движения, которое сыграло огромную роль в деле возвышения папства и впоследствии (после смерти Генриха III) подготовило выступление папы Григория VII с его универсалистскими притязаниями. На самом деле поведение Генриха III по отношению к церкви, с точки зрения политических задач империи, было, конечно, неудачно, ибо оно содействовало подготовке тех условий, которые при Генрихе IV вызвали ряд поражений империи в борьбе с папством. Но какое дело Розенбергу до этого? Он без всяких колебаний заставляет Генриха III облагораживать и оздоровлять церковь при помощи «духовной болезни», при этом ни единым звуком не давая понять своему читателю об указанной выше и общеизвестной связи явлений, изображаемых им в столь извращенном, фальсифицированном виде. Но Розенберг идет дальше в том же направлении: папство отплатило империи черной неблагодарностью. Папство (к которому Розенберг вообще относится резко отрицательно), по его мнению, предавало казни всех честных людей (ehrenhafte Männer), предостерегавших его от порчи церкви. Так поступил, например, папа Адриан IV с Арнольдом Брешианским. Пример был бы убедительнее, если бы всем, кроме Розенберга, не было известно, что Арнольда Брешианского выдал папе не кто иной, как «голубоглазый» Фридрих Барбаросса. Но зачем Розенбергу знать все это? «Что ему Гекуба»? Да и стоит ли что-либо доказывать в книге, которая вся проникнута стремлением приказывать и написана в надежде это стремление осуществить!

Безнадежную путаницу писаний Розенберга воспринял и несколько модифицировал фашистский «расовик» Г. Пауль[2]. По его мнению, — с точки зрения «расовой» и «геополитической», — итальянская политика, как это кажется на первый взгляд, подлежит безусловному осуждению: она не принесла никаких прочных территориальных приобретений в Италии и лишь помешала движению на Восток, а массовое истребление немецких воинов в Италии, по мнению Пауля, наносило ущерб «северной» расе, в то время как поселение немецких рыцарей в этой стране приводило к потере северной крови[3]. И, однако, такое безусловное осуждение итальянской политики было бы, с точки зрения Пауля, все же неправильным: оказывается, немецкая молодежь из рядов знати и министериалитета находила в Италии широкую арену деятельности во всех областях культуры, и это помогло ей, «выра-

[1] Rosenberg, ibidem, S. 184.
[2] Paul, Gustav, Rassen und Raumgeschichte des deutschen Volkes, München. 1935.
[3] Ibidem, S. 478.

жаясь словами Шпенглера, сформироваться» (in Form zu kommen)[1]. «Для формирования типа северной расы» (für die Typenbildung der nordischen Rasse)...[2] эта возможность (предоставленная немецкой знати в Италии. — **А. Н.**) и ее осуществление имели огромное значение». Как мы видим, и Пауль, подобно Розенбергу и Hostenkampf'у, строит свое оправдание итальянской политики на классовых аргументах (формирование знати и создание предпосылок сословного государства), придавая им расовую формулировку и нисколько не заботясь о том, что одни и те же «расистские» соображения (о процветании северной расы) служат ему аргументом и за, и против итальянской политики. Нет, никак не удается фашистам связать «концы с концами» в своих оценках средневековой империи!

IX

Противоречия в оценке итальянской политики ее противниками и сторонниками при попытке их согласования в фашистской литературе привели к резкой противоречивости построений одних и тех же авторов, тем более, что одновременно с этими попытками согласования немецкая «историческая» и «публицистическая» литература по данному вопросу теряла один за другим даже свои псевдонаучные аргументы.

В самом деле, до «примирения спорящих сторон» одни утверждали, что колонизация Востока сплачивала немецкий народ, а итальянская политика распыляла его силы (Керн), другие, наоборот, — что итальянская политика содействовала образованию единого немецкого государства, в то время как восточная колонизация распыляла силы немецкого народа (Р. Шмидт); по мнению одних, империя принесла пользу разве только папству (Керн), по мнению других — она сама была могучим фактором борьбы с папством (Hostenkampf); для одних герои немецкого средневековья это — Видукинд, Генрих I Птицелов, Генрих Лев и Альбрехт Медведь (т. е. представители племени саксов и завоеватели Востока), для других это — Карл Великий, Оттон I и Фридрих I Барбаросса (т. е. основатели Каролингской и Священной Римской империи и деятели этой последней).

Как только наметилась тенденция к согласованию обоих течений, так началось перенесение указанных противоречий в «обобщающие концепции», ставящие своей целью исказить и фальсифицировать историю средневековой Германии применительно к политическим требованиям фашизма. Розенберг и Пауль единым духом и превозносят, и порицают империю, пользуясь и в хуле, и в хвале одними и теми же аргументами пресловутой «расовой»

[1] Ibidem, S. 337.
[2] Ibidem, S. 337 (курсив Пауля).

теории; Heimpel и Hostenkampf стараются убедить и себя, и других в том, что «универсальная» империя не противоречит «национальной» (конечно, имея в виду фашистскую трактовку этих понятий) и что завоевание Прибалтики и Италии не мешало одно другому.

Вместе с тем даже за время от Керна до Пауля (с 1928 по 1935 г.) чрезвычайно понизился уровень научной аргументации в немецкой исторической литературе: если Керн, несмотря на свой отказ от научного объяснения причин итальянской политики, все же оперирует такими понятиями, как политический строй феодального государства; если Бракманн готов анализировать, хотя бы частично, причины итальянских походов германских императоров, то Циммерман, Czech-Jochberg, Пауль и прочие, как мы видели, не утруждают себя никакими научными или даже наукообразными доказательствами. Эта деградация происходит в двух направлениях: во-первых, в прежнюю буржуазную немецкую науку влился широкий мутный поток антинаучной памфлетной и фельетонной литературы, «гвоздем сезона» которой является «расовая теория»; во-вторых, некоторые представители старой, консервативной и либеральной, историографии и некоторые специалисты младшего поколения в обстановке фашистской диктатуры принесли в жертву этой последней свои научные идеи и интересы и присоединили свои голоса к хору бесцеремонных фальсификаторов подлинной истории. К представителям первой группы фашистских историографов относятся (из числа упомянутых) Пауль, Циммерман, Czech-Jochberg, Erbt, ко второй группе — Р. Шмидт, Hostenkampf и некоторые старые немецкие ученые. Один из них — Aloys Schulte, в своем новом произведении[1] занимается вычислениями (с точностью до одной десятой) сравнительной продолжительности царствования французских и немецких королей до 1328 г. и, подменяя историю этой династической и генеалогической арифметикой, приходит к тому выводу, что... к великому ущербу для немецкого народа и государства — царствование немецких королей было в среднем гораздо менее длительным (19.3 года), чем правление королей Франции... (28.4 года). Hofmeister и Brandt уже в 20-х гг. текущего столетия потратили немало труда на выяснение злосчастных последствий неудачной «политики браков» (Ehepolitik), которая притоком романско-французской крови якобы приносила вред мощности немецких династий, к тому же очень часто сменявшихся по сравнению с французскими[2] (с X по XIII в. в Германии сменилось

---

[1] Schulte, Aloys. Der deutsche Staat. Verfassung, Macht und Grenzen 919—1914. Stuttgart-Berlin. 1933 (цитир. по Fr. Schneider).

[2] Hofmeister, A. Die nationale Bedeutung der mittelalterlichen Kaiserpolitik. Greifswald, 1923; Brandt. Erbrecht u. Wahlrecht. Hist. Ztschr. Bd. 123, 1921 (цитир. по Schneider. Op. cit., 35—36, 49).

3 династии — саксонская, франконская, или салическая, и швабская, или Гогенштауфенов, — между тем как Францией все это время продолжала управлять одна и та же династия Капетингов). А чего стоит невероятно раздутый интерес к гробницам представителей этих династий![1] Им и поклоняются как «священным гробам», и в них же ищут ответа на «проклятые вопросы» современности: могла ли быть ложной политика императоров саксонской и франконской династии, если их останки подтверждают свидетельства современников о том, что они были настоящими «северными исполинами»? («Riesengestalten»). Не объясняется ли излишнее внимание к нуждам церкви у Генриха III тем, что он — единственный из салических императоров, который был черноволосым? (Вспомним Генриха Льва!). Или его следует признать истинным германским императором, несмотря на неподходящий цвет волос? Вся эта «проблематика», представляющаяся всякому человеку, наделенному простым здравым смыслом (common sense), сплошным безумием, связана с так называемой «расовой теорией».

Однако, будучи совершенно антинаучной, эта пресловутая теория представляет собой одно из демагогических орудий немецкого фашизма, прямо и непосредственно связанное с его практической политической программой. Поэтому немецкие «историки», стоящие на «расистской» позиции, не прилагают особых усилий к тому, чтобы придать ей хоть сколько-нибудь наукообразный вид, и не помышляют о том, чтобы освободить ее хотя бы от слишком уж бросающихся в глаза противоречий. Вспомним еще раз те три направления, которые мы наметили: противников итальянской политики, ее сторонников и примирителей спорящих «сторон». Писания представителей всех этих трех направлений стоят в тесной связи с политической программой фашизма, и разница между ними только в том, какую сторону этой программы они стремятся подкрепить историческими «сочинениями»: противники итальянской политики делают ударение на колонизации Востока в целях квази-исторического оправдания Drang nach Osten; ее сторонники — на идее империи, которая служит в их руках орудием псевдоисторического обоснования захватнических стремлений современной гитлеровской Германии к гегемонии в Юго-Восточной и Западной Европе; а «примирители» в этом споре не хотят упустить из виду ни одной из этих заманчивых целей и к тому же не забывают и о внутренней политике, о поисках средневековых аналогий «сословному государству», мечтающему под флагом «национал-социализма» учредить и увековечить нечто вроде капитализма в феодальной маске, призванного сочетать эксплоататорские методы двух классовых общественных формаций...

[1] Ср. Schneider. Op. cit., S. 36—39.

И те, и другие, и третьи иногда пользуются расистскими аргументами, иногда и нет, — и при этом пользуются часто одними и теми же аргументами для обоснования диаметрально противоположных мыслей: вспомним Пауля, для которого смешение немцев с жителями Италии в результате итальянских походов и портило чистоту крови немецкой национальности, и в то же время формировало ее!

Над хаосом противоречий, путаницы и лжи у фашистских демагогов от истории царит явное стремление использовать в итальянской политике все то, что может, — как им это кажется в их ослеплении идеологов обреченного на гибель класса, — послужить идеологическим орудием усиления классовой эксплоатации внутри страны и захватнической агрессии вовне. Политическое лицо немецкого фашизма определило трактовку средневековой итальянской политики его представителями в области квази-научного, псевдоисторического ее истолкования; оно же придало этой трактовке, несмотря на всю внутреннюю противоречивость фашистских оценок и толкований, резко выраженный характер фашистской политической демагогии на «научные» темы.

Проф. С. Д. СКАЗКИН

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ 1525 г. В ФАШИСТСКОЙ «ИСТОРИОГРАФИИ»

«Пересматривая» историю немецкого крестьянства, фашистские «историки», прежде всего, должны были заняться Великой крестьянской войной в Германии, этой «самой величественной революционной попыткой немецкого народа» [1].

Они должны были вспомнить о ней, во-первых, потому, что во всей истории Германии трудно найти другой момент, в котором с такой яркостью сказалось бы величие немецкого народа и который у последующих поколений революционеров превратился, по словам Энгельса, в славную «революционную традицию» [2]. Они должны были заняться ею, во-вторых, потому, что свой приход к власти в 1933 г. они демагогически нагло назвали «немецкой революцией», прибавляя к тому громкому и обязывающему наименованию еще одно слово: «победоносная». Они должны были заняться ею потому, что они, эти оголтелые враги пролетариата, пролетарской революции и всего демократического и прогрессивного человечества, гнусные душители своего народа, желающие повернуть колесо истории вспять, пытались и пытаются еще и сейчас поставить на службу финансовому капиталу немецкое крестьянство, сделать его пушечным мясом для будущей империалистической бойни и в то же время создать из него оплот, о который должны «разбиться» революционные волны. Они должны были, наконец, посчитаться с нею еще и потому, что в революционной традиции немецкого народа и, мало этого, в общеевропейской революционной традиции Крестьянская война XVI века в Германии нашла свою законченную научно-историческую и политическую интерпретацию в маленькой, но мудрой книге Энгельса. Эта книга, как эхо революции, тревожит сознание тех, кто ее фальсифицирует и демагогией прикрывает хищные лица диких контрреволюционных палачей немецкого народа. Расправляясь с ним, они должны были расправляться и с его историей. Они это сделали в псевдоученейшем труде, в толстой книге, принадлежа-

---

[1] Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. М. и Э. Соч. т. VIII, стр. 193.

[2] Там же, стр. 115.

щей перу Гюнтера Франца («Крестьянская война в Германии 1525 г.»). Тем актуальней становится задача вскрыть эту тонкую, подчас просто неуловимую, фальсификацию истории и показать то, что так искусно хочет скрыть ее «ученый» автор: лицо врага, надевшего личину благодетеля крестьянства; лицо подлинного духовного преемника тех палачей, которые некогда потопили в крови великое восстание; ученого лакея современных варваров, пытающихся изобразить себя завершителями неудавшейся немецкой революции XVI века.

* * *

«Было время, когда Германия выдвигала характеры, которые можно поставить рядом с лучшими революционерами других стран, когда немецкий народ развивал такую энергию и выдержку, которые у централизованной нации привели бы к самым блестящим результатам, когда у немецких крестьян и плебеев зарождались идеи и планы, которые довольно часто приводят в содрогание и ужас их потомков» [1],— писал вскоре после революции 1848 г. Энгельс в предисловии к «Крестьянской войне в Германии».

Воюющий с марксистами Энгельсом и Бебелем фашистский «историк» Гюнтер Франц не может прямо отвергнуть эту характеристику. Позиция демагога и мнимого благодетеля крестьянства заставляет его не раз давать вождям и событиям крестьянской войны оценки, подозрительно совпадающие с характеристиками Энгельса. Вся его интерпретация покрыта сусальным золотом вынужденного преклонения перед крестьянской революцией, история которой изложена гнусавым языком протестански-евангелического ханжества и рассматривается им как «борьба за божественное право».

Франц демагогически хочет уверить читателя, что в 1933 г. произошла «первая победоносная немецкая революция» и что крестьянин, наконец, занял в жизни нации то положение, к которому он стремился в 1525 г. Вот почему теперь-то именно и настало, по его мнению, время показать истинную сущность крестьянской войны.

Франц недоволен историками последних десятилетий. Они собрали толстые тома источников, писали трудолюбивые докторские диссертации и усидчиво корпели над локальными исследованиями, но так и не дали ни одной общей картины событий. Последним обобщающим опытом в этом направлении еще и до сих пор остается «История великой крестьянской войны» Циммермана, которой в свое время пользовался Энгельс, но она, по мнению «ученейшего» Франца, не столько научная работа, сколько политический памфлет и даже для своего времени далеко якобы

[1] Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. ИМЭЛ — Госполитиздат, 1939, стр. 23.

не стояла на уровне научного исследования. В настоящее же время она полностью утратила свое значение.

Фашиствующий автор претендует на то, чтобы вместо Циммермана дать обобщающую концепцию крестьянской войны 1525 года. Франц написал огромный том в 494 страницы с бесконечным количеством приложений, примечаний и справок, с «ученым» аппаратом и огромным указателем источников и литературы, — словом все, как полагается. Но все это было мобилизовано для искажения подлинных событий. Его история крестьянской войны может служить образцом того, как фальсифицируют действительную историю фашистские псевдо-ученые.

Путем величайших и грубейших насилий над историческими фактами Франц тщетно пытается показать, будто революционная действительность великого крестьянского мятежа начала XVI в. нашла свое завершение... в фашистской «революции» 1933 г. Демагог, находящийся на службе у реакционнейшей в мире террористической диктатуры империалистической буржуазии, духовными предками которой были головорезы и палачи немецкой революции XVI в., надевает на себя личину революционера, якобы усыновленного ее славными вождями и сподвижниками. Наводненную в настоящее время суррогатами и фальсификациями Германию фашистский «историк» хочет заставить проглотить и эту подделку.

Крестьянская война в Германии,— полагает Франц,— не может рассматриваться как изолированное явление. Она лишь самое крупное, но не единственное крестьянское движение. Ей предшествовали многочисленные восстания XV в. в самой Германии; от крестьянских восстаний содрогалась в XIV в. вся остальная Европа. Но все это разнообразие и местных и более общих крестьянских революций легко укладывается по своему историческому значению в две основных тенденции, осуществляющихся в этих революциях. Они были либо «борьбой за старое право», за «старую правду», как говорили восставшие в XV в. каринтийские крестьяне, славяне по происхождению, либо борьбой за более общее, более широкое «божественное право». Крестьянская революция как борьба за «божественное право», как более высокая и совершенная форма крестьянской революции, — это результат векового опыта крестьянских восстаний, результат расширяющегося количественно революционного движения, это плод более позднего времени, плод общей идеологической подготовки, которая позже совершилась в умах крестьянства, главным образом под влиянием реформационных идей, как Виклефа в Англии, Лютера и Цвингли в Германии. «Крестьянин, который ссылается на «божественное право», — говорит Франц, — думал не только восстановить попранное право и порядок. Независимо от существующих отношений он представлял себе новый идеальный правопорядок, который должен был основываться на «есте-

ственном праве», т. е., в конечном счете, на священном писании. Борьба за старое право, — говорит он, — должна была по необходимости ограничиваться правами отдельных, часто очень мелких сеньорий; лишь при полном совпадении правовых условий возможен был союз между подданными разных сеньоров. Борьба за естественное право обращена была ко всему крестьянству вне зависимости от границ отдельных территорий. Ее целью было «всеобщее освобождение крестьян».

«Отдельные эпизоды борьбы за старое право были почти всегда стихийно возникавшими массовыми движениями, к которым присоединялось все крестьянство данной территории, захваченное волнениями момента. Носителями такого движения были не отдельные вожди или заговорщики, но безликая толпа. Восстание всегда заставало власти врасплох. После зачастую длительных и опасных боев беспорядки кончались обычно не насильственным подавлением восставших, но третейским посредничеством и формальной мировой сделкой, которой признавались справедливые требования крестьян». «Борьба за божественное право, — повествует Франк, — протекала, наоборот, в форме заговоров, в которых принимала участие лишь небольшая часть наиболее радикально настроенных крестьян. Эти тайные союзы месяцами подготовляли восстание, но каждый раз находились предатели, которые изменяли общему делу еще до начала восстания и делали возможной кровавую расправу. Еще и теперь документально можно установить состав большинства участников этих восстаний, тогда как о борцах за «старое право» (если не считать некоторых вождей «Бедного Конрада») нам ничего не известно» (стр. 73).

Нелепость подобного разграничения крестьянских восстаний очевидна. С точки зрения Франца, сама крестьянская война подходит скорее под первую, а не под вторую категорию, т. е. под понятие «борьбы за старое право», ибо она вспыхнула именно «спонтанно» на разных территориях и в разное время и уже потом продолжалась более организованно, получила вождей и евангельское обоснование своих требований. Но ясность определений и не нужна Францу. Читатель сразу чувствует, что дело здесь не в крестьянской войне, а в другой, отнюдь не крестьянской «революции», которая, как известно, масс не всколыхнула, а была заговором, созревшим в голове определенных, отнюдь не революционно настроенных «вождей» и заключалась в осуществлении того «идеального состояния», которое наступило в Германии с установлением фашистской террористической диктатуры Гитлера.

Доведем мысль Франца до конца. Крестьянская революция как борьба за «божественное право» нашла, по мнению автора, свое славное осуществление и завершение в диктатуре Гитлера. Поистине, новое «царствие божие!».

Посмотрим же, чем живут его праведники. «Der Kampf um das göttliche Recht», т. е. борьба за божественное право, стоит в заголовке второго отдела книги Франца (стр. 73). Под ним красуется подзаголовок: I. Die Judenverfolgungen. Гюнтер Франц делает здесь поразительное «научное» открытие: борьба за божественное право прежде всего и раньше всего хронологически получила, видите ли, выражение в ... еврейских погромах. «Первые крестьянские восстания на немецкой почве, которые не носили только локальный характер и не ограничивались требованиями, обоснованными старым правом, хотя они еще и не употребляли лозунга божественного права, были гонениями на евреев» (стр. 74). С большим «знанием дела» и подробностями ученый погромщик рассказывает о «религиозном и крестоносном воодушевлении», с которым громили евреев в ранние времена. Совершенно ясно, зачем этому ярому антисемиту понадобилось усмотреть в кровавых преследованиях евреев в средние века борьбу за «божественное право»: надо же обосновать еврейские погромы в гитлеровской Третьей империи и оправдать политику «фюрера»!

Спохватившись, что это как будто не на тему, автор оговаривается: это «революционное движение» получило свое начало не столько в деревне, сколько в городе, но это было только начало. В дальнейшем и деревня «приняла крест». Конечно, стыдливо прибавляет он, причиной этого было не только религиозное усердие, но и экономическое основание: борьба против ростовщиков. Таково, например, крестьянское восстание, связанное с предприятием императора Сигизмунда в 1431 г. Чтобы добыть денег для своего римского похода, сей император пригрозил евреям г. Вормса, что освободит всех их должников от уплаты долгов и процентов. Получив с них хорошую сумму за отказ от исполнения своей угрозы, он на этом и успокоился. Старый император, наверное, не подозревал, что в политиках и вождях Третьей империи он найдет способных учеников и последователей, которых в этом отношении не так-то просто успокоить.

Но крестьяне, уповавшие на освобождение от долгов и обманутые непоследовательностью императора, решили освободиться своими силами. Они собрали рать и подступили к городу, требуя выдачи евреев-ростовщиков. Франц вынужден признать, что по сути дела крестьяне собирались грабить не только богатых евреев, но и богатых клириков, что среди них и среди их последователей на других рейнских территориях распространялась «богемская ересь», т. е. гуситские идеи, и, следовательно, дело шло и о борьбе против ростовщиков и против всего социального строя, который, между прочим, порождал и ростовщичество.

Повествуя о начале крестьянской войны в Эльзасе в 1524 г., Франц сам поневоле признает: «несомненно, корни восстания в Эльзасе базировались на Евангелии (т. е. реформации). Горожане и крестьяне поднялись на защиту нового учения и ради на-

казания католического клира. Но ненависть к попам соединилась с ненавистью к евреям. Однако, чем больше ширилось движение, тем радикальнее оно становилось. На сцену выступила ненависть против всякой власти. Разгромлены были не только монастыри, но и замки сеньоров...» (стр. 234—237).

Совершенно верно, г. ученый черносотенец! Только темнота и неорганизованность крестьянства могли на первых порах толкнуть его на борьбу только против ростовщиков-евреев. Революция сразу просветила крестьянство насчет истинного его врага и причин ростовщичества, против которых оно и обратилось. Так было в Эльзасе в XIV в., так было и на Рейне в XVI в. А вот фашистский немецкий «историк» Гюнтер Франц обходит молчанием проявление этой темноты и видит в лозунге «бей евреев» выражение «божеского права».

Итак, несколько перефразируя самого Франца, скажем, что, по его мнению, первым лозунгом борьбы за «божественное право» было: «man soll die Juden schlagen!». Вспомним, что антисемитизм этот, по меткому выражению Маркса — «социализм дураков», приобрел уже у русских черносотенцев царской России характер до известной степени тоже «национал-социализма».

Если упомянутый выше лозунг относится, по Францу, так сказать к старозаветному иудейско-библейскому периоду «борьбы за божественное право», то второй лозунг — «man soll die Pfaffen schlagen»! — т. е. «бей католических попов» — несомненно является лозунгом евангельским. Франц в полном восторге от «божественности» этого «права». В «тоталитарном» царстве Гитлера католическая церковь с ее «вселенскими» тенденциями и внегерманским международным центром, с ее влиянием именно на отсталые крестьянские массы, с попытками создать собственные организации, которые, как показывают события, становятся неожиданными проводниками недовольства обманутых гитлеровцами крестьян и городских мелких буржуа, — церковь, подчас сомневающаяся в ценности гитлеровского «царства божественного права» — сидит бельмом на глазу фашистских «вождей» и политиков. И Франц не щадит своего усердия и профессорской эрудиции, чтобы подробно осветить, где, когда и какими евангельскими дубинами били католических попов одновременно с евреями (стр. 78—92). Это избиение не ограничивалось локальными вспышками; оно было повсеместным, оно было гусистским, стало лютеранским и цвинглистским, но везде и всюду оно было истинным выражением «борьбы за божественное право». «Вот, — смакует Франц, — в год чумы и еврейских погромов — 1348, дело дошло до того, что несчастные клирики принуждены были замазывать навозом тонзуру, чтобы их не узнали» (стр. 78). И все же он должен признать, что в Великую крестьянскую войну случаи убийства крестьянами своих противников были редки, что крестьяне, как правило, расправлялись с замками и имуществом духовных и

светских сеньоров, жгли их архивы, в которых хранились документы, обосновывавшие крестьянские повинности, заставляли сеньоров присоединяться к «двенадцати статьям», принимать крестьянские требования. До какой степени эти «темные» крестьяне XVI в. кажутся просвещенными и культурными по сравнению с ученым мракобесом XX в. из фашистской своры!

Дальнейшее содержание лозунга «борьбы за божественное право» становится менее уловимым, но не менее определенным.

Это — протест крестьянского правосознания против «капиталистического мышления» с его признанием процента (стр. 62); это — стремление крестьян установить свободное наследственное право на землю против посмертного сбора (Todfall) с обоснованием и того и другого Библией и Евангелием (стр. 109); это — требование отмены личной зависимости, выдвинутое еще в движении Башмака и повторяемое потом почти во всех крестьянских требованиях (стр. 114) и основывающееся тоже на священном писании (стр. 136). Это — требование свободы охоты и рыбной ловли, свободы пользования лесами и водами, ибо бог сотворил все это для всех (стр. 136). Это, следовательно, прежде всего, обоснование требований на Евангелии, без ссылки на старые обычаи (стр. 175, 184). Это, следовательно, форма обоснования, в силу которой самое содержание приобретает общий характер, теряет свою локальную ограниченность и превращается, как подчеркивает Франц, в борьбу «за идеальное состояние», за новый евангельский правопорядок.

Мы видели уже, как путается Франц в определении существа обоих направлений. Это сказывается у него и в дальнейшем. Сама крестьянская война становится у него переплетением обоих принципов — борьбы за «старое» и борьбы за «божественное» право. Иногда автор и вовсе отказывается от обоснования крестьянских требований на том или другом принципе. Форшгеймские статьи, оказывается, отличаются тем, что они избегают всякого обоснования. Они не взывают ни к старому, ни к божественному праву (стр. 153). Сами пресловутые «12 статей» — общий манифест крестьянской войны — оказываются сочетанием требований, основанных и на старом и на божественном праве (стр. 201).

Это деление крестьянских восстаний на борьбу за «старое» и «божественное» право до последней степени нелепо. И Францу оно понадобилось, как мы сейчас увидим, вовсе не как обобщающий момент, вытекающий из добросовестного изучения исторической реальности, а по совершенно другим соображениям, отнюдь не теоретического характера. По сути дела во всех крестьянских движениях позднего средневековья шла борьба не за «старое» или за «божественное» право, а за землю.

В распадающемся феодальном обществе, в котором новые хозяйственные отношения впервые дали почувствовать осязательную разницу между арендной платой и феодальной рентой, между

феодальной собственностью и буржуазной собственностью, началась упорная борьба между сеньором и непосредственным производителем — крестьянином, связанными некогда неразрывными узами в процессе феодального способа производства. Содержанием этой борьбы было решение вопроса: кому будет принадлежать частная собственность на землю—сеньору или крестьянину? В этой борьбе важна была не форма требований, а сами требования. Ссылался ли крестьянин на «старое право» или на «божественное», для него было важно занять в борьбе за землю такие позиции, которые обеспечивали ему наиболее благоприятный исход этой борьбы.

Стремление крестьянина восстановить «старые обычаи», ссылки его на «божественное» право, все это были проявления борьбы за землю, борьбы за установление буржуазной собственности. Ссылавшийся на «старое» или на «божественное» право крестьянин хотел «свободной частной собственности». Стремившийся усилить феодальные поборы и крестьянскую зависимость, сеньор хотел лишь довести уровень феодальных повинностей до уровня арендной платы, т. е. фактически превратить феодальную собственность в свою «свободную частную собственность» на землю. Как ни были сложны поземельные отношения, как ни были они неясны для самих участников борьбы за землю, ее объективное значение, тенденция, пронизывающая каждый акт этой борьбы, определила исторический смысл всего общественного движения в Германии XVI в. — неудачной попытки буржуазной революции и установления буржуазных общественных отношений. Но фашисту Францу эту основную сущность крестьянского движения невыгодно вскрыть, это ему нужно меньше всего. Для него важнее форма, чем содержание борьбы крестьян за землю. Франц хочет показать, что истинная революция — это борьба за «идеальное состояние» общества, «борьба за божественное право», и убедить читателя, что эта «борьба за божественное право» завершается в «тотальном» государстве гитлеровской диктатуры, которая якобы и носит в себе черты уже осуществившегося «божественного права». Он хочет показать, наконец, что только отходя от частных требований, забывая локальные и индивидуальные крестьянские нужды, только пренебрегая «жалкой реальностью» и повседневностью, общество может совершить подлинную «революцию».

Теперь мысль Франца становится для нас более ясной: крестьяне XVI в., — вещает он, — отказываясь от «борьбы за старое право», борьбы разрозненной, местной, борьбы, по мнению Франца, мелкой и «эгоистичной», а мы скажем — от подлинно классовой борьбы, — и восходя к борьбе за некое «идеальное» состояние общества в целом, только в этом последнем случае совершали, но не осуществили «истинную» революцию. Ее якобы зато осуществила «первая победоносная революция 1933 г.».

Во всех этих досужих «рассуждениях» совершенно ясны три продуманные, но тщательно замаскированные автором положения: 1) мнимое отсутствие связи между повседневной борьбой, вытекающей из реальной обстановки, и политической программой подлинной революции; другими словами — отрицание классовой борьбы, как содержания революции; 2) устранение из революции ее главного содержания — борьбы крестьян за землю и подчеркивание формы социально-политического движения; 3) прошлое содержание борьбы крестьян в XVI в. подменяется настоящим «идеальным состоянием» гитлеровского «тоталитета». Мы уже видели, что вся псевдо-научная концепция Франца резко противоречит фактам. Защищая свои локальные интересы, крестьяне делали общее дело, как бы ни были разрознены их силы; борясь за свои классовые интересы, они делали общее дело буржуазной революции. Фальсифицируя это обстоятельство, фашист Франц не может свести концы с концами в своей «ученой» работе и все время принужден признавать, что и в крестьянской войне, в крестьянских программах «борьба за божественное право» переплеталась с «борьбой за старое право».

Спрашивается, какой же смысл всей этой жульнической операции, насилующей историческую реальность и загоняющей ее в узкое русло чисто формальных различий и явно противоречивых определений?

Франц намеренно хочет отделить форму движения от ее содержания, хочет сказать, что можно создать императивную форму, в которую можно влить затем любое содержание. Он все время говорит об «идеализме», о «религиозном фанатизме» вождей крестьянской революции, и все это в его устах вовсе не порицание, а «похвала». Целью вождей было, видите ли, идеальное состояние общества, они боролись за идеал всеобщего переустройства общества и не занимались классовой борьбой; «вели» массы, а вовсе не поддавались «спонтанным побуждениям масс», вытекавшим из их непосредственных потребностей. В данном случае Франц не боится даже раскрыть это «идеальное состояние общества», потому что в конечном счете в XVI в. дело шло ведь не больше и не меньше, как о буржуазном обществе, и именно это обстоятельство и помогает ему с таким треском становиться демагогически на сторону крестьянской революции XVI в. и уверять нынешних германских крестьян, что революция 1525 г. нашла подлинное завершение в «первой победоносной немецкой революции 1933 г.». Но он забывает, что «спонтанное движение масс» (стр. 73), даже тогда, когда оно выливалось пусть в близорукое стремление крестьян добиться от сеньора временных уступок и на том успокоиться, шло в том же направлении, в каком вели эти массы крестьянские вожди, но более последовательно и систематически, — вожди, понимавшие лучше, чем рядовые крестьяне объективный смысл революционных событий. Но не того хочется

Францу. Его «идеальное состояние общества» нужно ему не как последовательный и ясный вывод из тенденций объективной реальности, не как определение смысла реального движения истории, не как сознание, лишь формирующее классовую борьбу, содержание которой определяется социально-экономическими условиями существования данного общества. Нет. «Идеальное существование общества» нужно ему как самая форма политического идеализма, через который можно протащить, прикрываясь революционными лозунгами и высокой «проницательностью», отнюдь не идеальное и не революционное содержание. В действительности, как истый низкопробный демагог и политический жулик, Франц больше всего боится «стихийного движения масс». В нем Францу чудится призрак иной по содержанию революции, чем революция 1525 г. И весь его «идеализм» служит одной цели: не дать этой революции вспыхнуть. Крестьянский «доброжелатель» вдруг показывает свое истинное звериное лицо, лицо самого заклятого врага революционного крестьянства.

Это сказывается и в деталях его «произведения». Подводя итоги целому периоду крестьянской войны XVI в., Франц резюмирует: «так повсюду теснейшим образом связывались социальное и евангелическое движения, р е а к ц и я (разрядка моя.— **С. С.**) и реформация, борьба за старое и за божественное право». Социальное движение, борьба за старое право, т. е. «стихийное движение масс», скажем просто: классовая борьба — оказывается у него реакцией. И это не обмолвка. В душе он смертельно боится движения масс и ненавидит революционное крестьянство. О движении в Швейцарии, которое, по его мнению, носило «чисто евангельский» характер «борьбы за божественное право» (стр. 248), он откровенно говорит: «Однако, как и в Германии, в Швейцарии отсутствовала крепкая власть, которая была бы в состоянии подавить беспорядки в самом зародыше, не допустить крестьян даже и к мысли о восстании» (стр. 244). Так может говорить только заядлый реакционер-насильник, позабывший, что он только что надел на себя личину «завершителя» крестьянской революции 1525 г.

А вот другой пример. В июле 1525 г.,—рассказывает Франц,— крестьяне осадили город Винтертур и Тосский монастырь (Швейцария). Но отцы города и нонны монастыря сумели утопить это восстание в пьянке (Trinkgelage). Опьяневшие крестьяне разбрелись на следующий день по домам, ничего не решив и не сделав. «Умная политика», — замечает по этому поводу Франц. Все это может сказать только злейший враг народа и человеконенавистник, которого, как говорится, прорвало, несмотря на всю его осторожность.

Для чего же понадобилось Францу это нарочитое отделение формы борьбы крестьян от политического ее содержания? На этот вопрос не трудно ответить. Когда политическая теория есть

лишь осознание растущей и крепнущей, а следовательно, и разумной действительности, теория и практика существуют неразрывно, сама политическая теория, именно в силу своей связи с жизнью, идеальна и этична и не боится заниматься мелочами жизни, практическими вопросами человеческого существования, потому что в каждой «мелочи», в каждом индивидуальном требовании революционного класса отражается содержание революции в целом. Когда же политическая теория прикрывает бессильное бешенство отживающего и уходящего класса, она превращается в лучшем случае в реакционную романтику, порождающую фантастов и мечтателей, в худшем — в политическое жульничество, плодящее политических мракобесов и шарлатанов.

В гитлеровском «тотальном» государстве последнее как раз и происходит. Террористическая диктатура самой реакционной, самой озверелой части империалистической буржуазии ставит своей целью задушить классовое сопротивление трудящихся масс и бросить все силы в новую империалистическую бойню в надежде на новый передел мира в свою пользу. Для этого она использует два средства идеологического обмана масс: теорию рас и теорию корпоративно-сословной организации общества и государства. Первая имеет своей целью доказать, что среди наций, превращенных фашистской теорией в «зоологические расы», одни имеют преимущественные свойства властвовать над другими и среди них на первом месте стоит «северная», или германская раса. Из-под идеологических покровов этой теории выглядывает пасть «обиженного» империалистического хищника, рассчитывающего урвать львиную долю в новой свалке за передел мира. Вторая теория пытается замаскировать классовое неравенство, чтобы заставить трудящихся беспрекословно итти на бойню за интересы, которые большинству их не только чужды, но и прямо враждебны. Она предназначена больше всего для тех, кто своею жизнью и кровью должен добывать империалистическому капиталу новые барыши: для крестьянства и пролетариата. Она хочет вбить в голову этим слоям населения, составляющим основную массу народа, что не было, нет и не может быть классовой борьбы, которую якобы «выдумали» марксисты, что есть лишь одна «абсолютная ценность» — общество и государство как целое («тотальность»), в котором каждое «общественное сословие» должно выполнять определенную функцию во имя целого, и с точки зрения этого целого получает моральное оправдание своему существованию. Фашизм хочет исторически обосновать эти требования. Первое есть будто бы лишь дальнейшее развитие национальной идеи, создавшей национально-единые государства XIX в., второе—воскрешение традиций старого средневекового сословно-корпоративного, «органически слитного» общества и государства, «разложившегося» в результате буржуазного индивидуализма и «все растлевающей свободы буржуазного общества».

Все это сплошная ложь. Идея национального воссоединения была стремлением нации, связанной единством языка, экономических связей и культуры, создать единое общество и государство там, где последнего не было. Буржуазия нуждалась в сплоченном государственном существовании для своего дальнейшего развития. Средневековая идея, идея корпоративно-сословного общества была лишь оправданием действительности, классовой структуры феодального общества вообще, без различия национальностей. Его идеологическим выражением было учение католической церкви о богом установленном порядке, в котором каждое сословие, каждая организованная корпорация есть часть целого «тела христианского мира» (corpus christianum), часть, выполняющая определенную функцию и, вследствие «богоустановленности» этого порядка, долженствующая подчинить свою индивидуальную деятельность указанному ей богом месту в социальном космосе (понятие «officium»). Это религиозное учение было исторической формой, в которой отразились длительность и прочность феодальной формации.

У фашистов идея нации служит вовсе не прогрессивной цели внутреннего сплочения буржуазного государства. Нация жульнически подменена у них расой, понятие культурного единства сведено к воображаемой «общности крови», к зоологическому типу, наделенному, — поскольку дело идет о высшей расе, «северной»,— свойствами повелевать и властвовать; этот тип возведен в абсолютную ценность, морально обосновывающую человеческое поведение, в конечном счете направленное к подготовке бойни за передел мира.

Католически-средневековая идея вселенского общества как упорядоченного в божественном плане социального космоса сужена до пределов одной нации, в которой ради «целого», т. е. интересов германской империалистической буржуазии, должны быть принесены в жертву интересы и жизнь наиболее многочисленных классов общества: пролетариата и крестьянства. Действенность идеи национального единства и католической идеи единого христианского организма была сильна до тех пор, пока они отражали прогрессивное движение в процессе всемирно-исторического развития. Фашизм, наоборот, хочет задержать «неизбежный ход вещей», прикрыть и оправдать самой высокой «принципиальностью» и самым принципиальным «идеализмом» упадочную форму общественного существования, закат буржуазии, ее загнивание в эпоху империализма, духовную нищету самой оголтелой реакции. Кошелек империалистического хищника возведен в ранг всеобщей национальной ценности, — таково подлинное содержание стремящейся к превращению в самоцель фашистской общественной «тотальности». Это самый чудовищный обман, самое крупное в истории человечества жульничество. Речи «вождей» «Третьей империи», произносимые перед массами —

это напыщенная декламация, настоящие проповеди, в которых «мораль» упоминается через два слова на третье, во всяком случае не реже, чем упомянутый мною выше лозунг «борьбы за божественное право»: man soll die Juden schlagen! Фашисты уповают не столько на силу своих идей, сколько на прямое насилие, на террор. Последнее есть невольное признание своей слабости, своего неизбежного краха.

Так вот в чем заключается то «идеальное состояние» общества, в котором якобы нашла свое завершение борьба крестьянства XVI в. за «божественное право», «самая величественная революционная попытка немецкого народа!»

Скажем раз и навсегда: крестьянская революция XVI в., это «спонтанное движение масс», могла быть и должна была стать в тот период истории только буржуазной революцией. Нынешняя революция в Германии может быть и должна стать только пролетарской революцией и привести в конечном счете к установлению бесклассового коммунистического общества. Наследником революционного крестьянства XVI в. может быть только современный пролетариат, который вместе с трудящимися массами крестьянства совершит (а в шестой части света уже и совершил) пролетарскую революцию и вместе с нею покончит и со всем этим моральным зловонием «идеального состояния» фашистского «тоталитета». Такова единственно возможная ступень всемирно-исторического развития. Понятно поэтому, что роль фашизма в период пролетарских революций, стремящегося парализовать эту подлинную революцию, вполне соответствует роли палачей великой крестьянской войны в Германии в XVI столетии.

Из рассчитанного на обман масс толкования Францем значения крестьянской войны в Германии вытекают и все прочие особенности его «интерпретации» ее истории.

Мы уже видели, какое значение приписывают фашисты «крестьянскому сословию» в «тотальном» государстве. Пролетариат,— эта «чума нынешнего общества», как любят говорить фашистские демагоги, — не надежен, и очень хорошо, по мнению Франца, что его в XVI в. еще не было (стр. 40). Все упования фашистов перенесены на наиболее имущественно крепкую и консервативную часть крестьянства — на кулачество. «Революционность» последнего якобы доказана крестьянской войной 1525 г., так же, как доказано и его отвращение к коммунизму. Франц везде и всюду подчеркивает, что в крестьянской войне и вождями и главными агентами движения были якобы «крепкое» крестьянство в деревне, «крепкое» цеховое ремесленничество в городе, одним словом — кулачок в деревне и «кулачок» в городе или, выражаясь его терминами: «Blut und Boden — в одном случае и корпоративно сплоченная «демократия» — в другом. И в том и в другом случае они выступали, по

Францу, против денежных людей: ростовщиков, купцов-толстосумов, евреев, городских патрициев, одним словом — «капиталистов». Тут этот псевдо-ученый фашист попадает поистине в безвыходное и незавидное положение: ведь ему приходится спорить не только с новейшими историками, но и с ясными показаниями современных событию документов, которые наглядно разоблачают его наглую фальсификацию истории крестьянской войны 1525 г. Свидетельство Веймерлинга о том, что кадры «Башмака» состояли из разоренных тяжелыми поборами крестьян, не соответствует — совершенно голословно утверждает он — действительности (стр. 98). Утверждение хроники города Фрейбурга, что в движении «Башмака» 1502 г. принимал участие «aller arm verdorben Pursleut» — «бедный погибший люд», он сопровождает блудливой фразой: «во всяком случае не он один» и т. д. Все это чрезвычайно характерно: опыт XIX в. показал, что кулацкое крестьянство и цеховщина в городе были наиболее консервативными силами, в которых реакция не без основания видела свой оплот и свое спасение от революционного пролетариата города и деревни. Цеховщина — уже в прошлом; она в большей степени плод реакционно-романтических мечтаний, чем действительность, зато кулачество еще существует. Оно-то, по замыслу фашистов, и должно быть той силой, которая будет бороться за сохранение власти помещиков, капиталистов, финансового капитала. Только поэтому Франц и расшаркивается перед крестьянской революцией XVI в. Он много заимствует в своих характеристиках из радикальных оценок крестьянской войны и ее героев, многое берет у того же самого Циммермана, работу которого он оценивает как «ненаучную публицистику». Безнадежная, жульническая попытка установить революционных предшественников «первой победоносной немецкой революции 1933 г.» и роль, которую должно сыграть, по мысли фашистов, крестьянство в гитлеровском «тоталитете» не позволяют Францу деквалифицировать немецкое крестьянство и рассматривать его как неполноценную часть нации. Поэтому бредовая расистская теория проявляется в его работе только там, где он говорит о еврейских погромах, и в этом отношении он оказывается по-своему более дальновидным, чем его поклонник Фалькнер, который в предисловии к новому фашистскому изданию «Истории великой крестьянской войны» Циммермана сводит французскую «Жакерию» к борьбе между кельтами и франками.

Что можно сказать обо всем остальном содержании пухлой «работы» Франца?

Она посвящена суммарному описанию всех и каждого района крестьянской войны не только собственно в Германии, но и в Швейцарии и в славянских землях Габсбургской монархии. Но в этой части своей работы Франц не оригинален. Он лишь суммирует те локальные исследования, которые были накоплены немец-

кой эмпирической наукой второй половины XIX в. Мысли и выводы их принадлежат не Францу, фактический материал в огромной своей части собран тоже не им. Ему и только ему принадлежит освещение, трактовка, «синтез» всего этого материала, то клейкое и дурно пахнущее вещество, которое Франц собрал на задворках истории, копаясь в отбросах культуры.

Всякое учреждение,— говорит в одном месте Франц по поводу церковных судов и их значения в средние века,— переживает свой расцвет и затем клонится к умиранию. «Тени становятся длиннее и меркнет свет». Эти слова целиком приложимы к работе Франца. Некогда буржуазия осветила пламенем своей революции всю вселенную. Но время ее клонится к закату. Тени становятся длиннее, и из самых темных углов выползают гады, боящиеся света и питающиеся нечистотами.

Н. М. СЕГАЛЬ

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНСКОГО ФАШИЗМА И КРЕСТЬЯНСТВО

В своей лихорадочной подготовке к новой захватническо-грабительской войне, в своей мобилизации страны для новой империалистической бойни — германский фашизм отводит исключительно большое место сельскому хозяйству и крестьянству.

Аграрная политика фашистских диктаторов за истекшие пять лет, их мероприятия в области земельного вопроса, «регулирования» сельскохозяйственных рынков, в области сельскохозяйственного кредита и т. д. прежде всего преследуют цель заблаговременной организации тыла — обеспечения страны продовольственными ресурсами и сельскохозяйственным сырьем для нужд предстоящей войны, подготовка к которой ведется бешеными темпами фашистской Германией.

При том огромном значении, которое сами фашисты придают своей аграрной политике, при тех глубочайших изменениях в экономике сельского хозяйства страны, в социальных отношениях в германской деревне, которые вносят эти аграрные мероприятия, вполне понятно стремление фашистских диктаторов дать широкое «историческое» обоснование своей аграрной политике, найти ее «корни» в историческом прошлом, показать историческую преемственность своих мероприятий в области сельского хозяйства, их связь с прошлым. Современную губительную и катастрофическую, как мы покажем ниже, для широких масс германской деревни аграрную политику германский фашизм пытается увязать с историческим прошлым германского крестьянства.

«Если мы изучаем изменчивую судьбу германского крестьянства, то мы делаем это не из романтической любви к истории, но из ясного сознания того, что понимание исторического прошлого является превосходным средством для понимания задач настоящего и будущего», — пишет К. Моц [1].

Для выполнения означенного «заказа» — дать «историческое» обоснование гитлеровского кровавого режима в отношении кре-

---

[1] K. Motz. Der Freiheitskampf der deutschen Bauern. «National-Sozialistische Monatshefte», H. 48, S. 213, 1934.

стьянства — ученые фашистские лакеи из историков не останавливаются перед самой грубой, самой беззастенчивой фальсификацией прошлого германского крестьянства.

Для оправдания современной фашистской аграрной политики фальсифицируется вся аграрная история Германии, искажаются и тенденциозно освещаются важнейшие эпохи и события прошлого германского крестьянства.

Показать хотя бы в самых общих чертах всю лживость фашистской историографии, вскрыть и разоблачить действительный классовый характер современной аграрной политики германского фашизма, ее демагогические цели — такова основная задача настоящей статьи.

I

Фашисты утверждают, что одно лишь крестьянство, как носитель расовой чистоты, является причиной крупнейших исторических переворотов, смены цивилизаций, их возникновения и падения. «Изучение истории с национал-социалистической точки зрения, — пишет Рюбенбах, — приводит нас к выводу, что все мировые перевороты всегда зависели от благоденствия или неблагополучия крестьянского сословия. Всякий раз, когда общая политика пренебрегала интересами крестьянства, дело доходило не только до хозяйственной катастрофы, но изменялись, разрушались, даже революционизировались все основы государства. В основе всякой настоящей революции постоянно лежит революционизирование крестьянства» [1].

Эта «крестьянская» философски-историческая концепция, на ряду с расовой, является господствующей в новейших работах фашистских «историков». В статье «Крестьянство как носитель германской культуры» некий Штробель старается доказать, что история германского народа — это «история крестьянского народа и крестьянской культуры» [2]. О том же пишет Мертель в теоретическом журнале Дарре «Odal»: «Тем обстоятельством, что мы до сих пор сохранились еще как немцы, мы обязаны исключительно крестьянству, которое, несмотря на все превратности своей судьбы, в течение 1500 лет не отклонялось от того пути, который предначертала ему его кровь».

«Если историю действительно желают сделать нашим учителем, то следует изучать судьбы германского крестьянства; ибо его судьба — судьба народа! Вот почему мы приходим к требованию, чтобы изучение судеб крестьянства стало руководящей

---

[1] Rübenbach. Der Reichsnährstand — das Fundament des völkischen Sozialismus, S. 140. *In*: «National-Sozialismus in Staat, Gemeinde und Wirtschaft». Berlin, 1934.

[2] Strobel. Das Bauerntum als Träger deutscher Kultur, S. 192. *In*: «Der Bauer im Umbruch der Zeit». Hrsg. v. W. Glauss. Berlin, 1935.

линией немецкой историографии и исторического исследования»,— пишет этот фашистский «историк»[1].

«Крестьянский вождь» Дарре объявил «гениальным» Руланда, который в своем труде «Система политической экономии» рассматривает всю человеческую историю с древнейших времен до наших дней, историю отдельных народов (английского, французского, немецкого и других) с точки зрения судеб кулацкого крестьянства. Руланд сделался форменным властителем дум германских фашистов.

Эту «крестьянско-расовую» историческую концепцию, наконец, освятил и узаконил как официальную идеологию фашизма «сам» Гитлер, который провозгласил: «Третья империя будет крестьянским государством или она погибнет, как империя Гогенштауфенов или Гогенцоллернов».

Не подлежит, конечно, никакому сомнению, что в разные исторические эпохи, особенно в древнем мире и в средневековье, движения и выступления крестьянства сыграли крупнейшую роль в истории отдельных стран. Но, говоря о крестьянстве, фашисты, конечно, имеют в виду не его эксплоатируемую часть, не многомиллионные беднейшие слои деревни, находящиеся в кабале у помещиков, капиталистов и государства, а его крепкую верхушку — кулацкое крестьянство, как опору, носительницу древних традиций и консерватизма[2].

Вся их «крестьянская» концепция всемирноисторического процесса служит только лишним доказательством всего убожества теоретической мысли в «Третьей империи»; ее задача и цель — одурачить, обмануть крестьянские массы германской деревни. Демагогический характер этой болтовни о роли «крестьянства» ясно виден при сопоставлении программных обещаний крестьянам со стороны германского фашизма до его прихода к власти и его современной политики в отношении широких крестьянских масс.

Германские фашисты до своего прихода к власти самыми мрачными красками изображали положение крестьянства в Веймарской республике. В демагогических целях они возмущались малоземельем и земельным голодом крестьянских масс, концентрацией земли у помещиков, громадной задолженностью крестьян, их эксплоатацией «финансовой верхушкой» («процентное рабство»), низкими ценами на сельскохозяйственные продукты, «неэквивалентным обменом» и т. д.

«Третья империя», — демагогически утверждали фашисты, —

---

[1] H. Mörtel. Die bäuerliche Leitlinie der deutschen Geschichte. «Odal», H. 8, S. 621, 1937.

[2] «В течение многих столетий в Европе за власть борются два мира: мир земли (Ackerboden) и мир асфальта; иначе говоря, мир культуры и мир цивилизации»,— пишет Мертель в статье «Urformen bäuerlicher Geschichtüberlieferung», «Odal», N. 4, 1935, причем, по мнению автора, мир культуры воплощается в крестьянстве.

будет эпохой пышного экономического, политического и культурного расцвета крестьянства. Крестьянство, — говорили они, — вновь станет «позвоночным столбом» («Rückgrat») и гегемоном нации, каким оно якобы было в историческом прошлом. Приход фашизма к власти, — говорили они, — будет иметь своим результатом наделение малоземельных землей, создание десятков тысяч новых крестьянских хозяйств, освобождение крестьянства от тяжкого бремени долгов и «процентного рабства», установление «справедливых цен», словом — осуществление для крестьян «немецкого социализма» («Deutscher Sozialismus»).

При фашизме, — возглашали гитлеровские демагоги, — крестьянство получит все то, за что оно безуспешно боролось в течение многих столетий; с опозданием на 400 лет будут осуществлены мечты и стремления немецкого крестьянства эпохи Великой крестьянской войны. Фашизм осуществит все то, что желал, но не в состоянии был выполнить «крестьянский канцлер» Штейн («Bauerkanzler»).

Такова была фразеология германского фашизма.

Посмотрим, что в действительности дал фашизм германскому крестьянству.

В результате массовой экспроприации и захвата в прошлом крестьянских земель, в Германии громадное количество земли находится в руках крупных земельных магнатов, при наличии миллионов малоземельных и безземельных крестьян.

По данным переписи 1933 г., всего в Германии числилось 5867 тыс. сельских хозяйств с общей площадью 42 059 тыс. га. Из них 3640 тыс. карликовых, парцеллярных и мелких хозяйств размером 0.05—2 га, с общей площадью 1443 тыс. га, т. е. 64.2% всех хозяйств владеют лишь 3.4% всей площади; далее 788 тыс., или 13.4% всех хозяйств, размером 2—5 га (малоземельные) владеют 2582 тыс. га, т. е. 6.2% всей площади; а 34 тыс. помещичьим, крупным хозяйствам, от 100 га и выше, принадлежит земельная площадь в 15 761 тыс. га, или 37.5% всей площади. В Германии до сих пор сохранились громадные помещичьи латифундии в десятки тысяч га земли. Так, например, бывшему императору Вильгельму принадлежит 97 000 га земли в разных районах страны, князю Гогенлоэ-Эрингену принадлежит 48 000 тыс. га и т. д.

На фоне такого «распределения» землевладения в Германии все время шла то скрытая, то явная классовая борьба за землю между многомиллионным безземельным и малоземельным крестьянством, с одной стороны, и немногочисленной группой «благородных лендлордов» и кулаками — с другой.

Земельный голод и земельная нужда крестьян особенно обострились в связи с аграрным кризисом последних десятилетий.

Положение широких крестьянских масс, их вековую тягу к земле, их мечты о разделе юнкерских латифундий прекрасно

учли и использовали в своих целях фашисты. Демагогическими обещаниями о разделе помещичьих земель, об отчуждении поместий, о наделении крестьян землей, посулами о так называемой «Aufstiegsmöglichkeit» им удалось обмануть часть крестьянства и даже сельскохозяйственного пролетариата.

Первоначальные программные требования фашистов в области земельных отношений сформулированы в знаменитом § 17 их программы, который гласит:

«Мы требуем земельной реформы, отвечающей нашим национальным потребностям, издания закона о безвозмездном отчуждении земли для общеполезных надобностей, упразднения процентов по земельным долгам и прекращения всякой спекуляции землей» [1].

При всей неясности и туманности этого важнейшего пункта аграрных требований наивные люди могли предполагать, что фашисты будут отстаивать отчуждение латифундий и крупного землевладения.

Так как этот пункт вызвал беспокойство со стороны юнкеров, то Гитлер выступил с «разъяснением» этого пункта программы.

«В виду ложных толкований § 17 программы NSDAP со стороны наших противников, представляется необходимым установить следующее:

Так как NSDAP стоит на почве признания собственности, то вполне понятно, что выражение «безвозмездное отчуждение» имеет в виду создание законных возможностей отчуждать земли, которые приобретены незаконным путем, или которые управляются не с точки зрения национального блага. Это, таким образом, в первую очередь направлено против еврейских обществ, спекулирующих землей» [2].

Итак, речь уже идет о безвозмездном отчуждении не всяких земель, а только земель, находящихся в еврейских руках.

Так называемая аграрная декларация фашистов от 6 марта 1930 г. знаменовала собой дальнейший отход от первоначальных программных требований и дальнейшие уступки аграриям в области земельного вопроса. Здесь речь шла уже об отчуждении «за подобающее вознаграждение» лишь земель «недействительных немцев», лишь «части владений несамостоятельно действующих крупных землевладельцев», «земель, необходимых для общенародных нужд», т. е. земель не только крупных землевладельцев, но и мелких крестьян. (Именно последнее, как мы покажем ниже, фашизм широко практикует.)

Придя к власти, фашисты сбросили всякие маски, все свои демагогические обещания и открыто заявили себя защитниками священной собственности юнкеров: «Я пальцем не трону ни од-

[1] Das Programm des NSDAP.
[2] Ibid.

ного поместья, как бы оно велико ни было (и я знаю, что я говорю это в полном согласии с мнением рейхсканцлера), если только оно здорово в экономическом отношении и может продержаться собственными силами. Я также не допущу нарушения прав собственности задолженных крупных земельных владений», — грозно заявил крестьянский «вождь» Дарре[1]. Кулацкое лицо фашизма выражено, таким образом, более чем ясно. Никакого отчуждения,— ни безвозмездного, ни с выкупом,— никакого «нарушения прав собственности крупного землевладения»!

Все обещания фашистов о разделе крупных имений и наделении крестьян землей оказались обманом. Наоборот, вся земельная политика германского фашизма явно направлена к укреплению и усилению крупного и кулацкого землевладения в германской деревне за счет мелкого крестьянского землевладения.

Этой цели служит так называемый «Имперский закон о наследственных хозяйствах» («Reichserbhofgesetz), изданный 29 сентября 1933 г.

Закон о «наследственных хозяйствах» вносит в социальные отношения германской деревни столь коренные изменения и будет иметь такие глубокие социально-политические последствия, что вполне естественно стремление фашистских диктаторов дать ему «историческое» оправдание.

В этих целях закон о «наследственных хозяйствах» снабжен вводной частью, которая должна служить его историческим и политическим обоснованием.

«Имперское правительство, основываясь на старинном германском праве наследия, стремится сохранить крестьянство как источник крови немецкого народа. Крестьянские хозяйства должны быть защищены путем наследования от перезадолженности и возможности дробления, для того чтобы они как родовое имущество могли переходить во владение свободных крестьян»[2].

Действующее в настоящее время наследственное и земельное право признается продуктом римского, «торгашеского» духа, и ему противопоставляется извлекаемое из археологической пыли раннего средневековья древнегерманское родовое земельное право («Deutsches Bodenrecht»).

Вкратце суть закона такова:

К «наследственным хозяйствам» относятся сельские хозяйства, размером не менее одного «акернарунга» (Ackernahrung), т. е. такого участка, который необходим для того, чтобы «семья, независимо от рынка и общего экономического положения, могла питаться, одеваться, а также поддерживать свое хозяйство» (§ 2).

[1] «Völkischer Beobachter», 10/VII 1933.
[2] «Reichserbhofgesetz», «Deutsche Agrarpolitik», Oktober 1933.

Закон не устанавливает минимального размера акернарунга, но принято считать 7.5 га за минимум, и в данном случае фашисты ищут «исторические корни» своих настоящих мероприятий. Акернарунг в целом соответствует древнегерманской гуфе, которая занимала площадь в 30—40 и более моргенов. Максимальный размер наследственного хозяйства — 125 га.

Так как этот максимальный размер наследственных хозяйств лишил бы 27 000 помещиков, владеющих площадью свыше 125 га, права пользоваться теми привилегиями и материальными льготами, которые, как мы увидим ниже, закон предоставляет наследственным хозяйствам, то в законе имеется ряд существенных оговорок в пользу крупного землевладения.

Помещикам предоставляется право дробить свои имения на несколько частей (§ 4) и создавать таким образом (фиктивно, конечно!—**Н. С.**) несколько полноправных наследственных хозяйств. По специальному разрешению министра допускается превышение максимума для юнкеров, имеющих особые «заслуги» перед родиной, или же — по почвенным и климатическим условиям и т. п. Исключения в общем столь многочисленны и столь расплывчато формулированы, что все крупные помещичьи владения не трудно подвести под одну из рубрик.

Общее количество наследственных хозяйств, т. е. хозяйств с площадью 7.5—125 га, составляет по примерным подсчетам 700 тыс., т. е. 13.6% всего числа хозяйств. Если исключить 27 тыс. латифундий размером свыше 125 га, то 5140 тыс. мелких и малоземельных хозяйств, или 86% всех сельских хозяйств страны, не считаются «наследственными» и не могут пользоваться предоставленными им льготами. Более того — и это самое знаменательное во всем этом законодательном акте — малоземельное, частично даже середняцкое крестьянство объявляется как бы вне закона.

Закон о наследственных хозяйствах далее гласит: «Лишь владелец наследственного хозяйства называется крестьянином (Bauer). Собственники или владельцы других сельскохозяйственных или лесных владений носят название сельских хозяев (Landwirt). «Крестьянством», таким образом, оказываются лишь крепкие мужички, кулаки и крупные землевладельцы и небольшая верхушечная прослойка середняков — только 14% всего многомиллионного сельского населения страны.

«700 000 крестьянских семейств составляют исходный пункт народа в будущем. Каждое из этих крестьянских семейств является звеном великой цепи», — пишет М. Буссе в статье «Немецкие наследственные хозяйства» [1]. Миллионы мелких крестьян-бедняков, по мнению фашистов, являются крестьянами второго ранга.

[1] M. Busse. Die deutschen Erbhöfe. In: «Der Bauer im Umbruch der Zeit». Hrsg. v. Clauss. Berlin, 1935.

«Крестьянская идеология», которой германская историография старается придать характер общей философско-исторической концепции, оказывается, таким образом, чисто «кулацкой» идеологией.

Только крепкие мужички, кулаки составляли «источники крови северной расы», только они — «исходный пункт в будущем», только судьба этого «дворянства земли и крови» интересует фашистских диктаторов.

Вполне понятно, что «крестьянином» по закону может быть лишь стопроцентный «ариец», чистокровный немец или человек родственной крови, которые в состоянии доказать «чистоту своей крови», начиная с 1 января 1800 г. (эта дата взята потому, что до этого времени браки немцев с евреями были запрещены).

Для того, чтобы избегнуть раздробления земли столь ценного «племенного материала», каким являются наследственные Bauer'ы для арийской расы, вводится своего рода «крестьянский феодализм». В крестьянском хозяйстве наследование производится не по общему порядку, установленному гражданским кодексом, а принят (§ 20) особый, специальный порядок наследования. Вкратце порядок наследования таков: сыновья наследователя, отец наследователя, братья наследователя, дочери наследователя. Жена крестьянина никогда не может стать наследницей хозяйства. Остальные дети «крестьянина» до совершеннолетия получают «посильное для наследственного хозяйства» профессиональное образование и в случае крайней нужды, наступившей без их вины, им предоставляется право убежища (Heimatszuflucht) и содержание, которое они должны отрабатывать, т. е. они фактически будут эксплоатироваться более счастливым своим родственником. Наследственное хозяйство является родовым имуществом. Оно неотчуждаемо (§ 37, раздел 4); оно не может быть принудительно продано за долги; оно пользуется рядом налоговых привилегий, а лежавшие на наследственных хозяйствах долги (в общей сумме до 8 млрд.) правительство Гитлера старается (правда, пока безуспешно) конвертировать в рентные обязательства. Таким образом, задолжавшееся до нитки крупное землевладение освобождается при фашизме от своих назойливых кредиторов.

«Наследственные» как «знать земли и крови» имеют свою собственную юрисдикцию, сеть специальных судебных учреждений (Anerbegericht, Erbhofgericht, Reichserbhofgericht) с тайным процессуальным производством, при участии «крестьян». Для «наследственных» установлен специальный кодекс чести; от него как от «дворянина крови» требуется особое чувство чести (Ehrbarkeit); за неблаговидный поступок, за неумелое хозяйствование суду предоставлено право лишения «наследственного» его хозяйства и передачи другому, более «достойному», а главное — более «благонадежному» с фашистской точки зрения.

Классовый смысл имперского закона о наследственных хозяйствах совершенно ясен. Фашистская диктатура естественно старается создать себе социальную базу в германской деревне. Этой базой не может служить многомиллионная масса бедняцкого крестьянства, которая обречена в условиях фашистского режима на жалкое полуголодное существование. Поэтому фашизм пытается опереться на капиталистические слои германской деревни — на кулаков, юнкеров, старается укрепить их экономические позиции. Фашизм образует из них привилегированный слой, феодальную знать, жертвуя интересами миллионов мелких крестьян, ускоряя при этом расслоение внутри крестьянства и обостряя противоречия в германской деревне.

«Наследственные крестьяне», «сельские хозяева» и прочее сельскохозяйственное население включены в организованное фашистами «имперское сельское сословие» — так называемый «рейхснерштанд», руководителям которого, как мы покажем ниже, предоставлена громадная дисциплинарная и полицейская власть над наследственными и в особенности над «сельскими хозяевами». Закон о «рейхснерштанде», изданный 13 сентября 1933 г., составляет, по утверждениям фашистов на ряду с законом о наследственных хозяйствах краеугольный камень всей их аграрной политики.

«Законы о наследственных хозяйствах и сельском сословии — основа всего аграрно-политического законодательства. Без этих законов регулирование сельскохозяйственного рынка было бы невозможно», — пишет Рюбенбах в статье «Рейхснерштанд — фундамент народного социализма» [1].

Вместо многочисленных организаций — экономических, культурных, сельскохозяйственных обществ, профессиональных союзов сельскохозяйственных рабочих и т. д., образуется для всех лиц, причастных в той или иной мере к сельскому хозяйству, единое имперское сельское сословие. В имперское сословие входят «крестьяне», «сельские хозяева», сельскохозяйственные рабочие, предприниматели, перерабатывающие сельскохозяйственное сырье (мельники, сахарозаводчики и т. д.), словом,— примерно до 12 миллионов населения.

Имперское сельское сословие — это не частноправовой, а политический, государственный институт с принудительным членством. Это строго централизованная организация, где не только руководящий, но и низовой аппарат не выбирается, а назначается фашистской властью. «Рейхснерштанд» должен, по мнению фашистов, представлять интересы сельского населения в «сословном государстве», каким является «Третья империя», и служить проводником фашистской политики в германской деревне.

[1] Rübenbach. «Der Reichsnährstand — das Fundament des völkischen Sozialismus». *In:* «National-Sozialismus in Staat, Gemeinde und Wirtschaft». Berlin, 1934.

«Рейхснерштанду» фактически принадлежат неограниченные права над сельским населением страны. Его районные крестьянские «вожди» (Ortsbauernführer), провинциальные «вожди» (Landesbauernführer) и, наконец, имперский крестьянский «вождь» (Reichsbauernführer) наделены обширными административными, полицейскими и судебными функциями. Специальные судебные учреждения, как уже указано было выше, изъяты из ведомства юстиции и переданы этому сословному органу — «рейхснерштанду». «Рейхснерштанд» имеет право налагать штрафы, заключать провинившихся в тюрьму, лишать «крестьянина» его наследственного хозяйства.

«Рейхснерштанд» регламентирует все производство крестьян, их потребление, продукцию; он определяет сбыт, торговлю сельскохозяйственными продуктами, устанавливает на них цены, устанавливает количество и качество продуктов, которые крестьянин обязан сдавать государству, словом — опутывает крестьянское хозяйство сложнейшей системой принудительных мер в не меньшей степени, чем это делали цехи городских ремесленников в эпоху феодализма.

Весь этот неограниченный контроль за производством, ведением и потреблением крестьянского хозяйства, вся организация сельскохозяйственных рынков внутри «рейхснерштанда» принадлежат так называемым рыночным союзам (Marktverbände), которые охватывают всех причастных к сельскому хозяйству в данном районе, и хозяйственным объединениям (Wirtschaftliche Vereinigung), представляющим собой объединение районных и окружных союзов.

В эти хозяйственные объединения входят отраслевые объединения предприятий, перерабатывающие сельскохозяйственные продукты, принудительно созданные фашистами промышленные картели сахарозаводчиков, мельничных, консервных, маргариновых предприятий, крупных оптовых фирм и т. д., тесно связанные с банками. Именно эти картели играют руководящую роль во всех хозяйственных вопросах; именно они контингентируют производство, контролируют обращение, устанавливают цены на продукты. Руководимые фашистскими чиновниками, они являются фактическими вершителями всей экономической политики фашистской диктатуры в области сельского хозяйства страны. Как и следовало ожидать, эти монопольные предприятия используют свое преимущественное положение в своих собственных интересах.

«Практика показала,— пишет «Der deutsche Volkswirt»,— что хозяйственные объединения, которые имеют много общих черт с частными хозяйственными картелями, использовали свое преимущественное положение в отношении установления цен в своих собственных интересах» [1]. Фашисты лживо утверждают, что в ли-

[1] «Der deutsche Volkswirt», № 42, 1935.

це «рейхснерштанда» германское крестьянство получило свой орган, который будет защищать интересы крестьянства. В действительности классовая задача закона о «рейхснерштанде», конечно, совершенно иная.

Законом о наследственных хозяйствах закреплено незначительное привилегированное кулацкое меньшинство, которое должно служить социальной базой фашистской диктатуры. В лице «рейхснерштанда» фашизм создал сословный орган, которому поручено оберегать и защищать интересы этого кулацкого меньшинства. Он должен укреплять экономические позиции «наследственных», т. е. кулаков и крупного землевладения в германской деревне, и в то же время держать их в своем повиновении. Имперское сельское сословие ограничивает в интересах кулаков и крупных помещиков, которые являются главными производителями товарной продукции, рыночную торговлю и свободу распоряжения своей продукцией миллионов мелких крестьян.

С другой стороны, «рейхснерштанд» должен укрепить и обеспечить господство в сельском хозяйстве финансового капитала, который вложил туда огромные средства и издавна стремился к контролю над сельскохозяйственными рынками страны.

Важнейшей, даже определяющей, задачей сельского сословия является заблаговременная подготовка и мобилизация сельского хозяйства для нужд предстоящей войны и милитаризация в этих целях всего крестьянства. Опыт минувшей империалистической войны показал германскому монополистическому капиталу громадную важность самой строгой централизованной организации сельского хозяйства и продовольственного фронта. С этой целью германский фашизм, готовясь к войне за новый передел мира, уже заблаговременно вводит строгую дисциплину среди крестьянства и приспособляет сельское хозяйство для своей империалистической политики. Образуется своего рода принудительное хозяйство, «Zwangswirtschaft» военного времени, военно-монопольное хозяйство, где все регулируется: производство, потребление, сбыт продукции. Создание такого «Zwangswirtschaft» для будущей войны составляет основную задачу «рейхснерштанда», на который возложено все «регулирование» сельского хозяйства страны. «Рейхснерштанд», считают фашисты, будет в военное время держать в своих руках и распоряжаться всеми хлебными и другими сельскохозяйственными ресурсами страны.

Чтобы отвлечь внимание крестьянских масс от истинных причин их тяжелого экономического положения, фашисты уверяют, что причиной такого положения крестьянства является торговая спекуляция. Путем «регулирования» рынков при посредстве, как фашисты выражаются, «Geordnete Marktwirtschaft» они демагогически обещают создать соответствие между спросом и предложением, обеспечить германскому крестьянству обещан-

ную ему «справедливую цену» («Gerechte Preis») и улучшить экономическое положение крестьянства[1].

Фашистские историки, вполне понятно, и здесь готовы притти на помощь своим хозяевам и найти корни фашистского «регулирования» рынков еще в отдаленном прошлом.

«В ясном сознании того, что благоденствие всякого народа тесно зависит от крестьянства, великие Гогенцоллерны постоянно уделяли крестьянам особенную заботу. Короли-солдаты (Soldaten-Könige) Фридрих Вильгельм I и Фридрих Великий были в некотором роде нашими предшественниками в нашей организации рынков. Они вели планомерное государственное накопление запасов зерна и регулировали цены в интересах крестьян и потребителей», — пишет Рехенбах в статье «Крестьянство как носитель германской крови»[2]. Эта историческая ссылка верна только в той части, что регулированием производства и сельскохозяйственных продуктов и распределением их запасов фашистская власть преследует цель подготовки войны; этой же цели служили те запасы, которые собирал Фридрих Великий, ведя бесконечные войны.

Фашистскому «регулированию» подверглись абсолютно все отрасли сельского хозяйства — зерновая, животноводство, садоводство, лесной рынок и пр.

Вкратце система «регулирования» рынков заключается в следующем.

На все продукты сельского хозяйства — зерновые, кормовые, животноводческие и т. д. установлены твердые цены. Так, на пшеницу, рожь установлены цены, дифференцированные по районам и по месяцам. Классовое содержание этого «регулирования» ничем не прикрыто. В начале сельскохозяйственного года, когда хлеб на рынок обычно выбрасывают мелкие крестьяне, установлены пониженные цены; в конце года, когда на рынках обращается главным образом зерно крупных производителей, установлены повышенные цены. Бедняцкое и середняцкое крестьянство, продав в начале года свой хлеб по низким ценам, вынуждено затем покупать его по высокой цене. На особенно высоком уровне фиксированы цены на ячмень и другие кормовые культуры,

[1] «Справедливая цена» играла и играет в социальной демагогии фашизма большую роль. Исторически фашисты стараются увязать ее не то с каноническим «equivalitas valoris», не то с «justum pretium» Фомы Аквинского, хотя, конечно, «справедливая цена» фашистов ничего общего не имеет ни с той, ни с другой.

«Справедливая цена» на практике должна обеспечить аграриям и кулакам капиталистическую прибыль во время кризиса. Так, благодаря «справедливой цене» на зерно аграрии переложили в свои карманы в 1933 г., в год большого урожая, сотни миллионов марок за счет ограбления потребителей.

[2] Rechenbach. Das Bauerntum als Träger des deutschen Blutes, S. 68. *In:* «Der Bauer im Umbruch der Zeit». Hrsg. v. Claus, Berlin, 1935.

главными производителями которых являются крупные хозяйства, а покупателями — мелкие животноводческие хозяйства.

Зерно (пшеницу, рожь, ячмень, овес и др.) крестьянские хозяйства не имеют права свободно продавать на рынке, а должны сдавать по твердым ценам рыночным союзам «рейхснерштанда», причем контингенты обязательной сдачи таковы, что у мелких и середняцких хозяйств часто не остается хлеба на собственное пропитание и на семена.

Такой же в основном характер носит «регулирование» животноводческих продуктов. Крестьяне не имеют права продавать молоко, яйца и другие продукты животноводства непосредственно потребителю, а должны сдавать молоко маслобойным заводам, яйца — специальным крупным заготовительным фирмам; крестьяне обязаны сдавать свой скот на определенных пунктах по твердым, часто убыточным для них ценам. То же самое в отношении других сельскохозяйственных продуктов (овощные и огородные, садоводческие, шерсть, хмель и др.). Чтобы обеспечить крупному землевладению и кулакам — главным поставщикам товарной продукции — повышенные цены внутри страны, фашистское правительство резко повысило пошлины на импортные сельскохозяйственные продукты и частично совсем запретило ввоз их в страну. Фашистское регулирование лишило мелкого крестьянина права свободного распоряжения продуктами его труда, зажало его в тиски твердых цен и обязательных сдач, усилило роль крупных производителей сельских продуктов и крупных оптовиков за счет устранения мелких крестьян с сельскохозяйственных рынков посредством многочисленных стеснительных для мелкого производителя правил о стандартизации, о качестве продукции, о сдаче большими партиями, о запрещении разносной торговли с непосредственным потребителем и т. д. Так, например, вследствие сдачи в обязательном порядке молока маслобойным заводам и поддержки, которую им оказывает правительство, деревенское масло, которое в 1932 г. составляло 47% всей валовой продукции масла в стране, в 1935 г. составляло 29.6, а в 1936 г. всего 13.5%.

Весь комплекс аграрных мероприятий правительства Гитлера за истекшие пять лет в конечном итоге преследовал задачу укрепления и усиления кулацких элементов и крупного землевладения, которые фашизм рассматривает как главную социальную базу своей диктатуры в германской деревне, за счет ограбления бедняцкого и середняцкого крестьянства, лишенного им даже права именоваться крестьянами.

Это особенно ярко сказалось в той экспроприации земли мелких крестьян, которая под разными предлогами проводится фашистскими властями. В то время как принудительные продажи крупных хозяйств резко сократились, продажи мелких крестьянских участков из года в год возрастают. Так, в 1933 г. число принудительно проданных хозяйств до 2 га составляло 662;

в 1934 — 834, в 1935 — 1261, в 1936 — 1070, а число крупных хозяйств от 100 га, соответственно,— 57, 61, 53, 41; в первом случае увеличение на 61.6%, во втором — снижение на 29.1%. Далее, под видом ликвидации чересполосицы, весьма распространенной в сельском хозяйстве Германии, особенно в мелких хозяйствах, государство за производимое округление владений отчуждает у собственников 7.5% земли. Земельный фонд, полученный в результате этого отчуждения земли у мелкого крестьянства, идет на образование кулацких наследственных хозяйств.

Под предлогом интенсификации сельского хозяйства в фашистской Германии отменено право пользования общинной землей (общинные пастбища и луга), которая до сих пор давала сотням тысяч мелких крестьян возможность содержать в своем хозяйстве скот.

Прямую экспроприацию мелкого крестьянства представляет закон от 24 марта 1935 г. о создании земельных фондов для военного дела (Gesetz über Landbeschaffung für Zwecke der Wehrmacht). Достаточно хорошо известно, что фашистское правительство, готовясь к войне, строит многочисленные автострады, аэропорты, прокладывает стратегические дороги и т. д. Все это требует большого количества земли для «общественных нужд». Фашистское государство без конца производит отчуждение и конфискацию земли для этих военных целей[1]. Но характерно следующее: в то время как «наследственные хозяйства» взамен отчуждаемых получают другие равноценные участки, мелким крестьянам новые участки не предоставляются. Им за конфискованную землю выплачиваются деньги по официальной, конечно, очень низкой оценке.

Наконец, закон от 26 января 1937 г. окончательно лишает крестьян права свободного распоряжения своей землей. Отныне в фашистской Германии всякая свободная продажа земли без предварительного разрешения запрещена. Раубер в статье, помещенной в официальном органе «рейхснерштанда», констатирует колоссальную спекуляцию землей в Германии, рост цен на землю и арендной платы вследствие земельного голода крестьян. Автор отмечает, что высокие цены на земельные участки полностью закрыли («versperrt»,— буквально выражается он) для крестьян возможность получения земли.

«Die deutsche Volkswirtschaft» (№ 30, 1936 г.) сообщает, что цены на землю поднялись в Восточной Пруссии за период 1934—1936 гг. в 3—3.5 раза.

Фашизм, таким образом, усиленно продолжает ту политику массовой экспроприации и грабежа мелких крестьянских земель

[1] «Нужда в земле до сих пор чрезвычайно велика: интересы военной промышленности и организации транспорта требуют от государства обладания значительными земельными угодьями» («National-Sozialistische Landpost», 11/II 1936).

в пользу крупного кулацкого землевладения, которая имела место на протяжении всей истории германского крестьянства [1].

Полное крушение потерпела и переселенческая политика фашистов. Фашисты демагогически обещали ежегодно создавать десятки тысяч новых поселений, наделять 120 тыс. сельскохозяйственных рабочих землей, обещали усилить так называемые «прирезки». Фактически же число поселений из года в год снижается. Если в период 1929 — 1932 гг. ежегодно в среднем образовывалось 8500 новых поселений (7441 в 1930 г., 9082 в 1931 и 9046 в 1932 г.), то положение за период фашистской диктатуры представляется в следующем виде: в 1933 г. было образовано 4914 новых поселений, в 1934—4931, в 1935—3905, в 1936 г.— 3308. Сами фашисты признают, что в связи с законом о наследственных хозяйствах и законом об их неотчуждаемости, в связи с санацией крупного землевладения, дело с внутренней колонизацией и получением земельных фондов для новых поселенцев оказалось в тупике.

В общем фашизм не только не произвел отчуждения помещичьих земель, не только не разрешил земельного вопроса для миллионных крестьянских масс, но, наоборот, чрезвычайно обострил земельный голод в стране; аграрное законодательство укрепило крупное землевладение и кулацкие элементы и оказалось роковым для мелкого крестьянства, для «сельских хозяев» (по терминологии фашистов), земли которых под разными предлогами экспроприируются и конфискуются.

Обманом и явной демагогией оказались также обещания фашизма об освобождении крестьян от их громадной задолженности банкам (от так называемого «процентного рабства»), которое фашисты провозглашали в качестве «центральной оси» своей аграрной программы.

Свыше пяти лет господствуют фашисты в Германии, но многомиллиардное бремя задолженности (по примерным подсчетам— 11 млрд. марок; точных данных фашисты, конечно, не публикуют) все еще тяготеет над сельским хозяйством и германским крестьянством. Некоторое небольшое снижение (несколько сотен миллионов марок), которое имело место, пошло исключительно в пользу крупного землевладения и кулаков, наследственных крестьян и покрыто государственным бюджетом, т. е. из кармана налогоплательщиков. Задолженность мелкого крестьянства даже возросла. Отчет «Рентенкредитанштальт» приводит следующие данные о задолженности крестьянства банкам в марках на га сельскохозяйственной площади [2].

---

[1] По вынужденному признанию фашистов, в течение одного только столетия к крупному землевладению в Восточной Пруссии перешло около 4 320 000 моргенов крестьянской земли.

[2] Die Kreditlage der deutschen Landwirtschaft im Wirtschaftsjahre 1934/35. Hrsg. v. d. «Deutschen Rentenbank Kreditanstalt».

Группы хозяйств	1932 г.	1935 г.	1935 г. в % к 1932 г.
Мелкие	569	574	100.9
Средние	625	589	94.2
Крупные	768	709	92.2

В то время, как задолженность мелких хозяйств повысилась в среднем на 5 марок, задолженность крупных снизилась на 59 марок.

Вся кредитная политика фашистского государства направлена на поддержку «наследственных», все многочисленные дотации и субсидии попадают в карманы крупного землевладения и «наследственных», минуя широкие крестьянские массы.

Это можно ясно проследить на отношении фашистов к так называемой «Помощи Востоку» («Osthilfe») и на их последних мероприятиях в области сельского хозяйства, в связи со вторым четырехлетним планом.

В свое время, до прихода к власти, германские фашисты вели бешеную демагогическую кампанию против системы огромных субсидий и дотаций (так называемых Subventionen), которые последние правительства Веймарской республики выдавали крупным землевладельцам. Особенно яростной критике и нападкам со стороны фашистов подвергалась многомиллиардная «Помощь Востоку» по закону от марта 1931 г.

Фашисты, в частности граф Ревентлов, преследуя демагогические цели, не уставали «разоблачать» антикрестьянский характер «Помощи Востоку». Они лицемерно указывали на то, что субсидии попадают в карман одних лишь юнкеров за счет мелких крестьян, они обвиняли руководителей «Остгильфе» в коррупции, кричали о «новой Панаме», требовали суда и следствия и т. д.

«Брюнинг хотел при помощи «Остгильфе» оживить крупное землевладение. Его преемник фон-Папен при помощи «Остгильфе» санировал и укреплял крупное землевладение, так что стало мало земли для поселения», — лицемерно возмущался видный фашист Шмидт в книге «Германское поселение в I, II и III империях». Придя к власти, фашисты очень скоро «забыли» свои выступления против субсидирования крупного землевладения и свои «обещания» помощи крестьянам. Наоборот, они резко увеличили выдачу дотаций по закону об «Остгильфе» именно крупным помещичьим хозяйствам и латифундиям. Фашисты, конечно, скрывают действительные размеры и распределение выдаваемых субсидий и кредитов между различными группами хозяйств. Но те немногие данные, которые имеются, в достаточной степени рисуют действительную политику фашистов в этом вопросе. Так, по данным за 1934 г. 2200 крупных юнкерских хозяйств, раз-

мером площади от 125 га, получили в виде субсидии от правительства Гитлера 213 000 000 марок. Каждое хозяйство получило, таким образом, 100 000 марок. Цифры эти достаточно красноречивы. Демагогия германского фашизма в отношении крестьянства, его обман и одурачивание широких крестьянских масс ярко сказались также в последних мероприятиях фашистской власти в области сельского хозяйства, в так называемом 4-летнем плане Геринга.

Геринг в своей известной речи, произнесенной 23 марта 1937 г., с помпой объявил мероприятия, запроектированные фашистской властью в области сельского хозяйства на ближайший четырехлетний период (так называемый «план Геринга»). Вкратце содержание этого 4-летнего «плана» таково.

Правительство Гитлера ассигнует на 4-летний срок миллиард марок на проведение обширных мелиоративных работ осушения заболоченных, маршевых и пр. земель, для превращения луговых и пастбищных земель в пашню и увеличения площади пропашных культур, для ускорения процесса уничтожения чересполосицы, снабжения сельского хозяйства сельскохозяйственными машинами и оборудованием. Далее, по плану Геринга отпускаются десятки миллионов марок на строительство жилищ для сельскохозяйственных рабочих, на повышение цен на отдельные сельскохозяйственные продукты (напр., рожь, картофель), на выдачу сельским хозяйствам дотаций в связи с повышенными издержками и в целях стимулирования производства нерентабельных культур, на снижение цен на удобрения и т. д.

Возникает вопрос: в чьи карманы попадут эти огромные средства, которые фашистское правительство при посредстве налогового пресса будет выжимать у населения страны? Парцеллярные и мелкие хозяйства Германии, испытывающие страшнейший земельный голод, давно уже превратили все свои пастбищные и луговые угодья в пашню. По данным на 1933 г., у 3.6 млн. парцеллярных и мелких крестьянских хозяйств числилось всего 32 тыс. га пастбищной земли и 210 тыс. га луговой земли, в то время как 34 тыс. крупных землевладельцев владели 716 тыс. га пастбищной и 618 тыс. га луговой площади. Вполне понятно, что все эти огромные субсидии на мелиорацию, на превращение пастбищных и луговых угодий в пахотноспособные земли (для последней цели ассигнуется около 100 марок на га, т. е. помещики получают около 150 000 000 марок на превращение пастбищ и лугов в пашню!) попадут юнкерам, повысят ценность их латифундий, укрепят и «санируют» крупное землевладение. Геринг со свойственной ему циничной откровенностью совершенно ясно высказал, что его 4-летний план в области сельского хозяйства преследует усиление позиции восточноэльбских юнкеров.

«Для меня представляется весьма важным разгрузить слабые плечи отдаленных от рынков и сидящих на плохой земле хо-

зяйств Восточной Пруссии за счет крепких хозяйств средних и западных областей Германии»,— говорил он. «Der deutsche Volkswirt» в № 26 от 25 марта 1937 г. полностью одобряет это «выравнивание» (Ausgleich) положения сельских хозяев Восточной Пруссии (т. е. юнкеров) с положением западных.

Повышение цен на картофель и другие культуры означает прямое ограбление широких потребительских масс населения в интересах помещиков, главных производителей товарного картофеля. При помощи этих мероприятий в карманы «нуждающихся» юнкеров перепадут лишние сотни миллионов марок.

За счет государства, т. е. в конечном итоге за счет широких трудящихся масс населения, восточнопрусские помещики будут проводить жилищное строительство для своих сельскохозяйственных рабочих, будут производить новые инвестиции в свои имения, повысив ренту своих земель. Весь 4-летний план Геринга в области сельского хозяйства, проводящийся под демагогическим лозунгом повышения производительности сельского хозяйства и продовольственной независимости Германии, представляет собой прямую субсидию крупному землевладению за счет широких крестьянских масс, с одной стороны, и ограбления миллионов потребительских масс — с другой.

В результате всей фашистской аграрной политики мелкое сельское хозяйство в современной Германии постепенно деградирует, а экономическое положение широких трудящихся масс непрерывно ухудшается.

Никогда еще мелкому крестьянству не наносили таких тяжких ударов, как при фашистской диктатуре, никогда будущее германских трудящихся масс не стояло перед такими тяжкими испытаниями, как в настоящее время.

За время фашистской диктатуры в Германии посевная площадь сокращается из года в год. Так, посевная площадь составляла в 1933 г. 20 471 тыс. га, в 1934 — 20 412 тыс. га, в 1935— 19 396 тыс. га, в 1936 г. — 19 413 тыс. га, в 1937 г. — 19 400, т. е. за пять лет посевная площадь сократилась на 5.2%. Все время падает также урожайность культур.

«Необходимо задуматься над тем, что урожайность за последние годы все еще отстает от довоенной»,— писал журнал «Die deutsche Volkswirtschaft» в январе 1937 г.

Это явление, конечно, вполне естественно, так как крестьянство, которому запрещается свободное распоряжение продуктами его труда, саботирует и не заинтересовано в интенсивной обработке земли.

По данным очень солидного американского источника «Wheat Studies» (сентябрь 1937 г.), сбор пшеницы в Германии снизился с 205.9 млн. бушелей в 1933 г. до 157.4 млн. бушелей в 1937 г., т. е. на 23.6%. Так же обстоит дело и с животноводческими продуктами.

Материалы, освещающие истинное положение в германской деревне и положение мелкого крестьянства при фашистском режиме, конечно, весьма скудны. Лишь по отдельным отрывочным сообщениям, проскользнувшим через суровую фашистскую цензуру, можно судить о той горькой нужде, которая царит в германской деревне, и о том разорении, до которого довела трудящееся крестьянство аграрная политика Гитлера.

Вот что, например, писала газета «Berliner Börsenzeitung» 6 августа 1935 г. о положении крестьянства в Баварии:

«Когда говорят, что область бедна и терпит нужду, то это не дает даже приблизительного представления о действительности. Яркий луч на жизнь крестьян в этой области бросает тот факт, что в ней недобор новобранцев в результате недоедания составляет 70% общего числа призывников.

Крестьяне сильно экономят на питании. Бо́льшая часть населения живет почти без мяса. Жилищные условия так же плохи, как и питание. Трое детей на одной кровати и дождь, проникающий через дырявую крышу,— совсем не редкость.

В одной из беднейших деревень округа Вильдмюнхен шестнадцать семейств, состоящих из 94 душ, имеют лишь 22 кровати и ни одной пары хороших сапог. Доход от полей вместе с субсидией составляет 254 марки в месяц. Эти люди бродят по району, выпрашивая хлеб и картофель. Из всех деревень, насчитывающих 500 человек, только 10 семейств в состоянии прокормиться урожаем своих полей».

В «Rundschau» помещено письмо крестьян из Шлезвиг-Голштинии, которое представляет собою форменный стон, крик отчаяния находящихся на краю бездны и гибели людей. Приводим в сокращенном изложении этот интересный человеческий документ:

«Как тяжело нас давит бремя процентного рабства, можно видеть из того, что под давлением фактов «Schleswig-Holsteinische Landeszeitung» в номере от 28 августа за 1937 г. вынуждена была опубликовать статью «Необходимо покончить с ростовщическими процентами», а 12 августа 1937 г. газета писала: «еще до сих пор проценты и стоимость кредитов, включая административные расходы, комиссионные и т. д., достигают 8—10%...» Это показывает лучше всего, что банки и кредитные учреждения в настоящее время, как и раньше, зарабатывают на немецких крестьянах колоссальные суммы...

Уменьшились ли налоги? Нет! Бремя налогов теперь сильнее, чем прежде. Без конца производятся экстраординарные сборы и поборы. Бесконечные сборы надоели нам до смерти...» По данным «Schleswig-Holsteinische Landeszeitung», цены на корма в первой половине 1937 г. опять сильно возросли, не говоря уже о росте цен на машины, инвентарь, удобрения, горючее, смазочные материалы и семенной материал. По офици-

альным данным, индекс цен на сельскохозяйственные продукты 104.5, а на промышленные — 132.9. Индекс цен на растительные продукты в течение первой половины 1937 г. был 115.1, а индекс на убойный скот — 87.4. Крестьянин-скотовод в настоящее время должен отдавать за промышленные товары в два раза больше своей продукции, чем до войны.

Лозунгом праздника урожая 1937 г. был: «мы производим для Германии»; мы, крестьяне, без сомнения, охотно готовы это делать. Но, спрашивается, действительно ли мы, крестьяне, трудимся для народа, когда свинину, которую нас вынуждают сдавать за 0.48 марок за фунт живого веса, в городе продают населению за 1.10—1.50 марок за фунт.

Крестьяне! в карманы ненасытных бюрократов (Bonzen) попадает труд наших хозяйств.

Лучше ли нам живется? Нет, нам живется хуже! В 1932 г. мы имели в Шлезвиг-Голштинии около 1 млн. голов свиней; в 1937 г., после почти пяти лет власти национал-социалистического правительства, мы имели в Шлезвиг-Голштинии лишь 750 тыс. голов свиней... Мы вновь должны себе поставить вопрос о том, являемся ли мы, в конце концов, хозяевами своей земли? Раньше банки при посредстве принудительных продаж забирали у нас наши хозяйства. В настоящее время это выполняют бюрократы наследственных хозяйств, которые путем сомнительных средств лишают честных и трудящихся крестьян их владений. Между крестьянством и народом встал совершенно чуждый сельскому хозяйству слой бюрократов, который увеличивает цены продуктов и лишает нас самых элементарных прав. Мы требуем сокращения бюрократического аппарата (Abbau der Bonzen), прав на собственное управление. Мы, крестьяне, требуем предоставления нам свободы в нашем хозяйстве»[1].

Под демагогическими лозунгами «спасения крестьянства от оков капитализма» и власти рынка фашизм создал привилегированное положение кулацкого меньшинства за счет большинства крестьянства, создал замкнутую в себе касту («наследственные»), свободный прием в которую вследствие генеалогических требований почти совершенно исключается, объявил их земли «неотчуждаемыми» и по сути связал их круговой порукой. В жертву этому меньшинству принесены не только миллионы мелких крестьян («сельские хозяева»), но и дети «наследственных», лишенные прав наследования. Даже буржуазные ученые (напр., проф. М. Зеринг) были вынуждены признать, что эти дети «наследственных» окажутся в полукрепостной зависимости от наследника.

---

[1] «Rundschau über Politik, Wirtschaft und Arbeiterbewegung», № 5, 155, 1938.

Германский фашизм, который демагогически провозглашал «kein Bauernproletariat!», своими мероприятиями ускоряет пролетаризацию германской деревни, усиливает процесс обезземеливания крестьянских масс, превращает в безземельных сотни тысяч детей «наследственных».

Отказ фашистской власти от отчуждения крупного землевладения, запрет свободного обращения с землей, крах переселенческой политики лишили миллионное малоземельное крестьянство всяких перспектив, малейших надежд на получение земли при фашистской диктатуре.

Если пролетаризация — удел огромного большинства «сельских хозяев» при фашизме, то нужда, нищета, снижение жизненного уровня — судьба германского крестьянства в целом, за исключением его верхушечной части. Фашистское правительство, которое довело страну до острого продовольственного кризиса, ограничивает потребление не только городского населения, но и крестьянских масс. Так, контингентирован домашний убой свиней крестьянами для своего личного потребления. Убой может производиться лишь после специального разрешения местного крестьянского «вождя», и далеко не всеми хозяйствами.

Далее, рост цен на продукты широкого потребления, как одежда, обувь, посуда и т. д., огромный рост налогов и податей в связи с военной подготовкой резко снизили и без того низкий жизненный уровень крестьянских масс. Никогда еще крестьянину не приходилось так «туго затягивать ремень на животе» («Das Engerschnüren des Leibgürtels»), как именно при фашистской власти.

«Никогда в течение последнего столетия экономическое положение германского крестьянства не было столь нездоровым, политически крестьянство не было так угнетено и столь оппозиционно настроено, как теперь, спустя 4 года после прихода фашистов к власти» [1].

Пролетаризация, разорение, деградация, голод и нужда — таков удел миллионных крестьянских масс при фашизме.

---

[1] H. Behrend. Vier Jahre nach Hitlers Machteintritt. Eine traurige Bilanz «Rundschau», № 4, 1937.

Т. В. МИЛИЦИНА

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ ТРЕТЬЕЙ РЕСПУБЛИКИ

(О книге фашиста Франка: «Национализм и демократия во Франции в период Третьей Республики»)

I

Фальсификация истории — специальность фашистских «историков». Г-н Вальтер Франк, претендующий на роль главы «исторического фронта» в фашистской Германии, решил продемонстрировать свои способности в этой области в объемистой книге, посвященной проблемам «национализма и демократии» во Франции в годы Третьей Республики [1]. Что же, проба получилась вполне «удачная»: г-н Франк блестяще доказал, что роль фашистского фальсификатора истории ему как раз по плечу. Истории Третьей Республики читатель в толстой книге Франка, правда, не найдет, да и бесполезно ее там искать, но зато фальсификацию ее истории найдет в достаточно полном объеме.

В предисловии сам г-н Франк усиленно отмежевывается от историков-специалистов, которые занимаются скучными и устаревшими проблемами, далекими, по его мнению, от жизни. В отличие от них г-н Франк решил посвятить свое перо «актуальным» политическим задачам: решил верой и правдой служить фашизму, помочь ему в деле одурачивания масс, ибо, как заявляет он в предисловии, послевоенный период показал роль масс в политике, показал, что захватить власть в свои руки фашисты могут, только подчинив массы.

Хотя Франк писал свою книгу еще до прихода фашизма к власти, книга его свидетельствует о том, что в основном методы фашистской демагогии были уже тогда им хорошо усвоены. Книга полна самой безудержной демагогии в стиле национал-«социализма». Пресловутой «антикапиталистической» болтовни в ней сколько угодно. Вполне достаточно «выпадов» по адресу «финансового капитала», «продажной прессы», «коррупции»

---

[1] W. Frank, Nationalismus und Demokratie im Frankreich der Dritten Republik (1871 bis 1918). Hamburg. 1933.

и т. д. «Философия истории» фашизма налицо: все зло в ссудном капитале, который якобы неразрывно связан с демократией, а представителями его являются будто бы одни евреи.

Францию фашист Франк изображает как типичную страну «демократии» и «процентного капитала». Франк употребляет даже особый термин: «парламентско-капиталистическая Франция»[1]. Итак, «капиталистической» является только та страна, в которой имеется парламент, происходят выборы, а следовательно, по выражению г-на Франка, царит «демагогия избирательной системы»[2]. Все зло — именно в наличии избирательной системы, которая ведет к господству парламента, а парламент — это и есть демократия. В такой стране царят коррупция, продажность, беспринципность, власть денег.

Фашисту Франку надо доказать массам, что демократия—зло. Чтобы доказать это, применяется нехитрый трюк из демагогического репертуара фашистов и доказывается, что только при парламентском режиме возможно господство угнетающего массы финансового капитала. Чтобы продемонстрировать, как это делается, мы приведем цитату из книги г-на Франка: «За миром парламентаризма, за избирательными кампаниями, в которых принимают участие массы, за партийными группировками возвышается новый феодализм, скрытый от неискушенных глаз зависимыми от него кадрами журналистов и краснобаев, феодализм, для которого крепостное право еще не уничтожено. Крупный денежный капитал, находящийся в руках стоящих вне поля зрения международных деловых людей, подчиняет себе государство, которое, благодаря системе выборов и партий, лишалось своей мощи и своего авторитета. Он покупает политиков, как крепостных»[3].

Итак, вот какова «демократия»! Фашисты полагают, что столь «убедительное» доказательство подействует и массы не догадаются о том, что дело тут не в «демократии», а в капиталистическом строе общества, и что, помимо буржуазной демократии, существует пролетарская демократия, осуществленная в СССР, строящаяся на совершенно иных основах, покоящаяся на политической активности миллионов, на доверии и поддержке широкими трудящимися массами правительства и партии, проводящая свои выборы в обстановке свободного, подлинно демократического выражения воли народа. Трудящиеся массы, как они надеются, не поймут якобы и того, что та же буржуазная демократия, дающая известные возможности развития организаций трудящихся и защиты их интересов, является ценным завоеванием масс, тогда как фашистская диктатура сулит им лишь самую жестокую эксплоатацию, полное подавление их свободы и кровавые расправы.

---

[1] Op. cit., S. 170.
[2] Ibidem, S. 138.
[3] Ibidem, S. 272.

Но мы знаем, что массы не столь уж легковерны, как думает г-н Франк. Гнусная демагогия фашизма, суть которой разоблачается всей политикой фашистских правительств там, где им путем обмана и насилия удалось притти к власти, — становится все более и более ясной для трудящихся масс капиталистических стран, и они с презрением отворачиваются от нее.

Чтобы «нагляднее» обосновать свой тезис о том, что коррупция свойственна только демократии, г-н Франк нарочито подбирает факты подкупа депутатов и министров во Франции, с упоением смакует эти факты и явно преувеличивает роль финансистов и дельцов-мошенников, превращая их в некоронованных королей республиканской Франции. Так, поочередно в роли этих «некоронованных королей» выступают барон Жак Рейнак, Корнелиус Герц, Жозеф Рейнак. Франк щедро использует антисемитскую демагогию, стремясь отождествить «финансовый капитал» с «еврейским капиталом». Как известно, это обычный прием фашистских демагогов.

Рассуждений о «северной расе» у Франка немного. Только изредка он с умилением отмечает пресловутые признаки этой «благородной» расы: белокурые волосы, высокий рост, широкая грудная клетка и т. д. Зато, на ряду с евреями, достается южанам, жителям юга, без точного обозначения их национальности. «Южанин», как и еврей, для фашиста Франка — существо низшей породы. Если он, выводя на сцену новое действующее лицо, определяет его как «южанина», то можете быть уверены, что это лицо окажется безнравственным, беспринципным, продажным, связанным с еврейскими кругами и т. д. Исключение делается лишь для отца оппортунизма Гамбетты, который, хотя и является самым несомненным «южанином», все же заслужил лестную оценку со стороны г-на Франка.

Г-н Франк готов демагогически нарядиться в маску «защитника» трудящихся масс от угнетающего их финансового капитала. Массы французского народа, — заявляет Франк, — были недовольны буржуазно-парламентским режимом, видели плутни депутатов, но, занятые своими личными делами, закрывали глаза на все и в день выборов нередко снова отдавали свои голоса тому самому депутату, который только что был разоблачен как продажный делец. Такого рода откровенные выпады против трудящихся масс Франк обычно прикрывает «авторитетом» какого-нибудь французского реакционера и националиста: Мельхиора де Вогюэ, Мориса Барреса, Леона Доде и т. п.[1].

Пытаясь доказать, что массы не способны к активной роли в политике, Франк делает из своих (скорее, «чужих», ибо это

[1] См., напр., Op. cit., SS. 308—310, где рассуждения по поводу того, как массы избирателей реагировали на панамский скандал, «подкрепляются» цитатами из Вогюэ.

плагиаты из сочинений разных реакционных авторов) рассуждений следующий откровенно циничный вывод: поскольку массы все равно обречены на то, чтобы подчиняться чьей-либо тирании, то они должны предпочитать открытую тиранию скрытой, т. е. фашизм — буржуазной демократии. Война, — заявляет он, — наглядно доказала это. Кризис демократии (буржуазной, добавим мы — **Т. М.**) в Италии «разрешился», по его словам, установлением диктатуры фашизма, которую Франк имеет наглость называть «выросшей из народа» [1].

Доказывать читателю лживость подобных утверждений излишне. Общеизвестно, что народные массы Италии, Германии и других фашистских стран ненавидят фашистскую диктатуру и борются против нее.

Фашистская диктатура, которая в действительности является открытой террористической диктатурой финансового капитала, не вырастает из народа, а тиранически обрушивается на народ и силой, кулаком (о котором с умилением не раз упоминает Франк), грубым насилием навязывается народу.

Книга Франка, хотя она и содержит в себе 630 страниц большого формата, посвященных Третьей Республике во Франции, менее всего может рассматриваться как история (хотя бы и реакционная) Третьей Республики. Это не история, ибо из нее целиком выброшены основные вопросы экономической и политической жизни.

Книга построена под определенным углом зрения: показать националистические группировки во Франции конца XIX—начала XX вв., выявить «героев», пытавшихся совершить во Франции реакционный государственный переворот (или таких, которые хотя и не пытались, но могли бы при известных обстоятельствах такой переворот совершить), а также тех «мыслителей»-реакционеров, которые своими писаниями пытались расчистить путь установлению реакционной диктатуры.

«Героями» книги являются «солдаты» (т. е. представители реакционной военщины или близкие к ним типы) и «Иоанны-крестители», расчищающие первым путь и подвизающиеся на благородном поприще реакционной демагогии.

Вся книга дышит преклонением перед реакционной военщиной. «Солдат» — любимый герой Франка. На «солдата» возлагается ответственная историческая роль — стать «мессией», «спасителем» масс от скрытой тирании финансового капитала и парламентских кругов «посредством установления открытой тирании», т. е. фашистской диктатуры. Франк тщательно выискивает всех претендентов на эту роль, и крупных и мелких: Шамбор, Мак-Магон, Гамбетта, Буланже, Деруле, Кавеньяк, Герен, Сиветон — все они один за другим проходят перед читателем как

[1] Ibidem, S. 308.

носители «возвышенного» националистического идеала. Это и есть плеяда «солдат». Как мы видим, большинство из них (за исключением Буланже и Мак-Магона) к категории военных вовсе не принадлежат, но поверим Франку, что «в душе» они в той или иной степени являлись «солдатами».

Помимо «солдат» в книге фигурирует другая плеяда «героев»: Дрюмон, Морис Баррес, Шарль Моррас. Это — «Иоанны-крестители», предтечи фашизма.

Франк подробно расписывает все попытки совершить государственный переворот во Франции, имевшие место за период от падения Коммуны до дела Дрейфуса. Но все эти попытки, как известно, кончились полной неудачей. В чем же ее причина? Тщетно стали бы мы искать у Франка какой-либо последовательности в ответе на этот вопрос. Мы наталкиваемся здесь на целую кучу противоречий, выхода из которых не видит и сам Франк. Как правило, причину неудачи он видит в личных свойствах «героя», который оказывается недостаточно решительным и энергичным человеком; ему нехватает волевого начала, он упускает благоприятный момент, и все дело рушится.

Может быть, все дело, действительно, и заключалось в том, что большинство претендентов только хотели быть «солдатами», не являясь таковыми в действительности? Но вот Дерулед — уж если его бог умом обидел, то «энергии» и «смелости» у него было хоть отбавляй: и генеральскую лошадь под уздцы хватал, и на заседании суда кулаком по столу стучал, а дело все-таки не вышло.

Гамбетта, с точки зрения Франка,— герой, обладавший если не всеми, то большей частью необходимых для «героя» свойств, но и ему не удалось стать диктатором. Тут уж сам Франк признает, что дело не в личных свойствах, а в объективных обстоятельствах: оказывается, «демократия» не дала Гамбетте возможности развернуться, погубила его, противопоставив ему посредственных деятелей. Но ведь он как «герой» должен был суметь победить «демократию», обеспечить переход от «скрытой тирании к открытой». Но Франк и не пытается связать концы с концами.

В полном соответствии с избранными «героями» находится и метод, и характер изложения материала, и стиль книги.

Основной тон Франка — это, если можно так выразиться, примитивный психологизм. Он пытается все время давать «психологические зарисовки» двух типов — «солдата» и его противника — буржуазного парламентария и финансиста-дельца (конечно, еврея!). Характеристики — самые примитивные. «Солдат» — открытая, честная душа, бравый вояка, чуждый ухищрений и интриг; парламентарий, и особенно «еврей», напротив, интриган, карьерист, полон задних мыслей, находится в сношениях с адом

и является прямым его исчадием. «Солдат», как правило, сентиментален, он любит в случае неудачи проливать слезы, сокрушаясь о том, что его «высокая миссия» осталась невыполненной (у Франка все реакционеры в подобных случаях горько плачут). «Еврей», напротив, сух, холоден, расчетлив, его не так легко растрогать, и он хладнокровно обманывает бедного «солдата».

В соответствии с методом находится и стиль: он поистине «солдатский». В лексиконе г-на Франка излюбленные слова — «солдат» и «девка».

Внешне г-н Франк бьет на «ученость» — к книге приложен длиннейший список использованных источников. Но это только внешняя сторона, отнюдь не соответствующая действительному содержанию книги. Не говоря уже о явно антинаучной фашистской методологии автора, книга не дает никаких новых и фальсифицирует хорошо известные факты; из приложенного списка источников использованы (и до отвращения обильно!) почти исключительно французские реакционные писатели (Л. Доде, Вогюэ, Моррас, Баррес), либо реакционные немецкие дипломаты, посылавшие Бисмарку донесения из Парижа; остальные источники едва-едва затронуты. Поражает полное отсутствие оригинальности: все заимствовано — вплоть до терминов, до «остроумных словечек». Впрочем, чему же тут удивляться? Г-н Франк уже в предисловии объявляет, что не хочет быть «цеховым» историком, он предпочитает ученому-историку «солдата» как воплощение «национальной души». Чего же можно требовать от бравого фашистского вояки, орудующего пером!

Посмотрим, как «разрешает» Франк отдельные проблемы истории Третьей Республики.

II

Первая глава книги Франка называется «Гамбетта и Бисмарк. Поединок». В ней рассматривается положение Франции после падения Коммуны, происки монархистов и образование Республики.

Франк старается доказать, что республика во Франции установилась не потому, что этого хотело трудящееся население Франции, а в силу того, что претенденты на французский трон (или те, которые могли бы им помочь в деле реставрации, которые могли бы сыграть роль генерала Монка) не обладали необходимыми для «вождя» качествами, что между монархистами существовали разногласия, и Бисмарк противился реставрации монархии во Франции. Первая часть этого тезиса целиком совпадает с точкой зрения французских реакционеров — как историков, так и политических деятелей,— которые в своих мемуарах пытаются доказать, будто вся «беда» заключалась в том, что монархисты во-время не договорились между собой, голосовали недружно и своими разногласиями провалили дело реставрации (см. мемуа-

ры Шенлона, книжки Бенвилля, Р. Давида и др. французских реакционеров). Троцкисты, эти подлые агенты фашизма, в своих писаниях проводят, как мы покажем ниже, ту же точку зрения.

На самом деле установление Третьей Республики во Франции объяснялось, конечно, не ошибками монархистов и их взаимной грызней, а тем, что массы французского народа защищали демократию и не хотели монархической реставрации. Маркс и Энгельс указывали на то, что за монархистами не стоит никакой класс, что это — кучка совершенно оторванных от народа реакционеров и что, если массы во время выборов будут держаться стойко, то они легко покончат с попытками монархического переворота. Вскоре после неудачной попытки Мак-Магона совершить контрреволюционный переворот, 27 мая 1877 г., Энгельс писал Марксу: «Если французы будут на этот раз стойко держаться, будут организованно голосовать, хотя бы не хуже, чем в последний раз, то, вероятно, они покончат раз навсегда с этого рода реакцией» [1].

Массы французского народа действительно держались стойко и на выборах провели из 363 кандидатов республиканского списка 327.

Энгельс в том же письме писал о том, что «дело протекает в высшей степени благоприятно» и не похоже, что избиратели «на этот раз позволят префектам и пр. обращаться с собой, как с голосующей скотиной» [2].

В ответном письме от 31 мая Маркс писал Энгельсу, что даже буржуазия, по его мнению, не хочет монархической реставрации: «Во Франции оправдывается то, в чем я давно и тщетно убеждал Лиссагорэ (теперь он снова видит это в слишком розовом свете), а именно, что настоящая промышленная и торговая буржуазия настроена республикански, как это на самом деле ясно показали события — ever since Thiers régime (со времени тьеровского режима) и что «hommes de combat» («боевые люди») представляют лишь beaux restes professional politicians (жалкие остатки профессиональных политиков) старых партий, но—никакого класса» [3].

Последующие события вполне оправдали оценку Маркса и Энгельса: большинство французского населения как городского, так и сельского поддерживало республику и было решительно настроено против монархического переворота. Как известно, парламентские выборы (даже самые неблагоприятные, как, напр., в 1885 г.) неизменно давали перевес республиканцам, несмотря на то, что буржуазная республика не могла удовлетворить требований масс. Напрасно Франк пытается убедить читателя в том,

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 472—473.
[2] Там же, стр. 473.
[3] Там же, стр. 474.

что не заболей, мол, депутат Малльвернь перед голосованием статьи о форме государственного устройства, и во Франции не было бы республики[1]. Впрочем, даже Франк вынужден признать, что в тот момент широкие круги населения поддерживали Гамбетту именно как представителя республиканской идеи в противовес реакционным зубрам Национального Собрания[2].

Бо́льшая часть французского населения еще до окончательного оформления республиканского строя была настроена республикански и враждебно по отношению к правившей монархической группе. Режим Мак-Магона и герцога Бройльи отнюдь не пользовался популярностью. Префекты — ставленники правительства — повсюду вели борьбу с муниципалитетами, избранными населением и состоявшими в значительной степени из республиканцев.

Боясь демонстраций в республиканском духе, правительство пыталось заставить население отказаться от всяких коллективных выступлений. Так, например, новобранцам запрещалось петь, так как они пели республиканские песни. Населению запретили даже праздновать освобождение территории от немецких оккупационных войск, так как опасались республиканских манифестаций. Население выражало свой протест теми средствами, которые оставались в его распоряжении. Такой характер носили, например, гражданские акты, которым придавался светский характер: гражданские похороны и гражданские браки. Этим актам придавали нарочито торжественный характер в знак протеста против разнузданной католической реакции, действовавшей под покровительством правительства. В некоторых местах население воздвигало статуи Марианны (символ республики).

Даже весьма консервативно настроенные современные французские историки вынуждены признать тот факт, что население Франции отнюдь не сочувствовало монархистам, стоявшим у власти. Историк Д. Галеви, выпустивший в 1937 г. книгу по истории Франции в 70-х гг. XIX в. под названием «Республика герцогов», перечисляет ряд интересных фактов, подтверждающих республиканские настроения большинства французского населения.

В качестве эпиграфа Галеви приводит (на стр. 39) грустное признание виконта де-Мо, одного из видных представителей монархической правой: «Мы, но не народ, были монархистами»[3].

Установление республиканского строя во Франции было обусловлено всем предшествовавшим развитием страны, долголетней борьбой трудящихся Франции за демократию, за политические права, за республику. Ленин неоднократно подчеркивал, какое значение для последующей истории Франции имела борьба масс

[1] Frank, op. cit., S. 39.
[2] Ibidem.
[3] D. Halévy. La république des ducs, p. 39. Paris. 1937 (о республиканских настроениях населения см. стр. 15—17, 33—38 и др.).

за демократию в ходе Первой буржуазной революции во Франции, а также в дальнейших революционных боях.

В статье «Принципиальные вопросы избирательной кампании», разоблачая оппортунистические установки Мартова, Ленин писал: «Задачей демократии было создание вовсе не буржуазной монархии, как прекрасно знает Мартов. И демократия Франции, с рабочим классом во главе, вопреки колебаниям, изменам, контрреволюционному настроению либеральной буржуазии, создала после долгого ряда тяжелых «кампаний» тот политический строй, который упрочился с 1871 года. В начале эпохи буржуазных революций либеральная французская буржуазия была монархической; в конце долгого периода буржуазных революций — по мере увеличивающейся решительности и самостоятельности выступлений пролетариата и демократических буржуазных («левоблокистских», не во гнев будь сказано Л. Мартову!) элементов — французская буржуазия вся была переделана в республиканскую, перевоспитана, переобучена, перерождена. В Пруссии, и в Германии вообще, помещик не выпускал из своих рук гегемонии во все время буржуазных революций и он «воспитал» буржуазию по образу и подобию своему. Во Франции гегемонию, раза этак четыре за все восьмидесятилетие буржуазных революций, отвоевал себе пролетариат в разных сочетаниях с «левоблокистскими» элементами мелкой буржуазии, и в результате буржуазия должна была создать такой политический строй, который более угоден ее антиподу»[1].

Маркс и Энгельс, как известно, неоднократно подчеркивали, что общественные отношения во Франции в конце XIX в. были гораздо более прогрессивными, нежели в Германии, и указывали на то, какое значение имело установление республики во Франции.

Массы французского народа вовсе не относились пассивно к судьбе республики, как это пытается утверждать Франк[2], а, наоборот, готовы были защищать ее.

Франк тщетно пытается объяснить неудачи монархической реставрации личными свойствами Шамбора, Мак-Магона и тому подобных лиц.

Мак-Магон — «солдат», храбрый вояка и крайний реакционер, — мог бы, по мнению Франка, сыграть роль Монка или сам стать диктатором. От первой роли, как известно, «баярд» реакции уклонился, вторая ему не удалась. В чем же причина этого? Франк видит ее в личных свойствах Мак-Магона: Мак-Магон — личность незначительная, умом не блистал, в «герои» не годился — стало быть, он и не мог совершить переворота.

Франк пытается, однако, незадачливого Мак-Магона превратить в героя трагедии. Мак-Магон, видите ли, когда должен был

---

[1] Ленин. Соч., изд. 2 и 3, т. XV, стр. 342—343.
[2] Frank, op. cit., стр. 35.

сменить Тьера, переживал настоящую душевную трагедию: как солдат он был поклонником твердой дисциплины и полон был уважения к гражданской власти. Занять место Тьера ему казалось фактом проявления непочтения к нему, и его с трудом уговорили сделать это. Мак-Магон, по Франку, — нежная и чувствительная душа: когда его постигает неудача, он плачет [1].

Мак-Магон, по мнению Франка, мог бы совершить государственный переворот, вторично распустив палату, но он не решился на такой шаг. И Франк вздыхает: это одна из упущенных возможностей реакционного переворота во Франции.

С совершенно предвзятой целью г-н Франк, фальсифицируя факты, преувеличивает степень зависимости внутренней и внешней политики Франции от Германии.

Конечно, после франко-прусской войны Франция оказалась в тяжелом положении, и вопрос о том, какую позицию по отношению к ней займет в ближайшие годы Германия, имел для побежденной страны большое значение. Как известно, Энгельс цифровыми данными доказал, что в военном отношении Франция в 70-х гг. была слабее Германии; известно также, что провокационная политика бисмарковской Германии не могла не тревожить французское правительство [2]. Но отсюда вовсе не следует, что малейшего мановения руки из Берлина было достаточно для того, чтобы заставить Францию танцовать так, как захочет г-н Бисмарк. Когда, например, в 1875 г. Бисмарк, избрав в качестве предлога закон о пополнении военных кадров во Франции, пытался спровоцировать войну, министр иностранных дел Франции Деказ дал германскому послу Гогенлоэ спокойный и решительный ответ. Известно также (этого не может скрыть и Франк), что провокационная позиция Бисмарка в эти дни встретила отпор со стороны России и Англии, у которых Франция искала опоры против Германии, и Бисмарк потерпел серьезное дипломатическое поражение.

Вмешательство России сыграло очень большую роль; можно прямо сказать, что оно спасло в этот момент Францию.

Разумеется, Франк пытается доказывать, что Бисмарк вовсе не хотел войны, даже превентивной, что он хотел только «образумить» Францию, вооружения который якобы пугали его. Если уж кто хотел войны в Германии, так это военные круги (Мольтке и военный министр Камеке), но, во всяком случае, не Бисмарк, заявляет Франк [3].

Ну, конечно, Бисмарк был чист, как голубь, и всегда искренно стремился к сохранению мира в Европе!

В статье «Официозный вой о войне», написанной как раз по поводу провокационной кампании, поднятой немецкими газетами

---

[1] Frank. Op. cit., S. 70.

[2] См. об этом: Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XV, ст. Энгельса «Официозный вой о войне» и др.

[3] Op. cit., S. 48—49.

в 1875 г., Энгельс писал: «Рептильная пресса Германской империи вновь получила приказ трубить в военные трубы. Безбожная, вырождающаяся Франция ни за что не желает оставить в покое богобоязненную Германию, так пышно расцветающую под господством биржевой спекуляции, грюндерства и краха. Франция вооружается в огромнейших размерах, и та крайняя поспешность, с какой производятся эти вооружения, является лучшим доказательством того, что она намерена по возможности уже в будущем году напасть на невинную миролюбивую империю Бисмарка, которая, как известно, никогда и водички не замутит, которая непрерывно разоружается и о которой только враждебная империи пресса распространяет клевету, будто она законом о местном ополчении только что превратила два миллиона граждан в солдат запаса» [1].

Сопоставляя, далее, военные силы Франции и Германии, Энгельс приходит к выводу, что Германия располагает гораздо бо́льшими возможностями, нежели Франция. Германский военный министр, — указывал Энгельс, — имеет в своем распоряжении около 4 000 000 людей, огромное большинство которых состоит из вполне подготовленных солдат. Франция лишь через 20 лет могла бы сформировать подобную армию. И это по данным официозных немецких газет! Отсюда Энгельс делает вполне справедливый вывод: «Мы видим, что истинной представительницей милитаризма является не Франция, а Германская империя прусской нации» [2].

Французский историк А. Мевиль так определяет политику Бисмарка по отношению к Франции: «Он то пытается усыпить Францию обманчивыми словами, то, некоторое время спустя, грубо угрожает ей. Но цель, которую он преследует, не изменяется. Она состоит в том, чтобы не дать великой побежденной в 1870 г. (нации — **Т. М.**) оправиться, найти союзника в Европе и заставить ее погибнуть в ходе беспощадной войны, которая навеки сотрет ее с карты Европы. Если эта цель не была достигнута Бисмарком, то лишь потому, что обстоятельства не позволили ему сделать этого» [3].

Бисмарк вел не миролюбивую, как пытается доказать Франк, а агрессивную и провокационную политику, и не его вина, что в середине 70-х гг., а также и впоследствии в 80-х гг. в Европе не вспыхнула вновь война.

Франк утверждает, что Бисмарка действительно тревожили вооружения Франции, а также возможное вступление ее в союз с другими европейскими державами, с Россией, Италией, Австрией, и что желание избежать войны заставляло его прибегать

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 205.

[2] Там же, стр. 212.

[3] A. Mévil, De la paix de Francfort à la conférence d'Algesiras. Avant-propos, p. 11. Paris, 1909.

к очень тонким дипломатическим комбинациям. В связи с этим Франк довольно подробно останавливается на вопросе о связях Гамбетты с панславистскими кругами России, на выступлениях Скобелева, намеренно раздувая его политическую роль и изображая его чуть ли не фактическим диктатором России [1]. Это все та же, хорошо знакомая нам, явно фальсификаторская тенденция изобразить зарождение франко-русского союза как угрозу миру, как агрессивную комбинацию.

На самом деле, как известно, шовинистическая агитация панславистов не определяла собой внешнеполитический курс русского царизма. Что касается Франции, то реваншистские настроения разделялись лишь незначительными кругами, население в массе было против войны. Правящая буржуазная партия войны не хотела, опасаясь внутренних потрясений. Напротив, внешняя политика Бисмарка была явно провокационной, вызывающей, бесцеремонной.

Франко-русский союз, до которого, кстати сказать, в конце 70-х и в начале 80-х гг. было еще далеко, вырос не из одних агрессивных планов Франции и России. Он был предопределен условиями мирного договора 1871 г., аннексией Эльзас-Лотарингии и всей последующей агрессивной и провокационной политикой Германии. Хотя об этом писалось уже много раз, но нам представляется здесь не лишним напомнить пророческое заявление Маркса о том, что аннексия Эльзас-Лотарингии таит в себе явную угрозу европейскому миру и неизбежно влечет за собой заключение франко-русского союза в противовес агрессивной политике германского милитаризма [2]. Стремясь изолировать Францию, Бисмарк пытался всеми средствами помешать франко-русскому союзу. Вот что пишет по этому поводу уже цитировавшийся нами выше французский историк Мевиль:

...«в течение 20 лет Германия преследовала лишь одну цель: изолировать Францию для того, чтобы вернее уничтожить ее в подходящий для этого момент. Так как с ее (Германии. — **Т. М.**) точки зрения наиболее верным средством достигнуть этой цели было помешать сближению между Россией и Францией, она пыталась пустить в ход все для того, чтобы эта возможность не была реализована» [3].

Специальное внимание Франк уделяет взаимоотношениям Бисмарка и Гамбетты.

Франк утверждает, что Гамбетта старался во всем подражать Бисмарку, что он одновременно и боялся его и восхищался им, что Бисмарк являлся для него идеалом политического деятеля.

---

[1] Frank, op. cit., S. 120, 123.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 385; см. также К. Маркс, Избр. произв., т. II, стр. 363—369. М. 1933.

[3] A. Mévil. Op. cit., Avant-propos, p. X.

Франк видит в Гамбетте наилучшего кандидата на пост диктатора Франции.

В виде исключения он изображает Гамбетту как сильную волевую личность, как энергичного и смелого человека с «солдатской душой», умеющего воздействовать на массы, в отличие от своих политических противников: Брольи, Греви, Ферри и других. Г-н Франк готов великодушно приписать Гамбетте все «качества», необходимые для национал-социалистического «фюрера»: и умение прибегать к самой безудержной демагогии, и умение пустить в ход грубую силу, и антисемитизм. Он готов превратить Гамбетту в борца против «капитализма». Гамбетта, видите ли, боролся против железнодорожных магнатов и еврейских финансистов [1].

«Трагедия» Гамбетты заключалась якобы в следующем: он сам вышел из рядов демократии, он апеллировал к ней в начале своей карьеры, он «распустил» ее, а когда захотел ее «укротить», она восстала против него и в союзе с еврейскими финансистами погубила его [2].

Напрасно Франк жульнически пытается превратить Гамбетту в принципиального противника капитализма и на этой почве противопоставить ему Греви, Фрейсине и Ферри. Ничего из этого не выходит: и Греви, и Фрейсине, и Ферри, и Гамбетта принадлежали в основном к одному и тому же лагерю, все они были буржуазными политиками, все они отражали интересы крупной буржуазии, и их разногласия по ряду вопросов внутренней и внешней политики не могут затушевать этого факта. Диктаторские замашки Гамбетты пугали его соперников и заставляли их сплачиваться против него, но отнюдь не потому, что они были «за капитализм», а Гамбетта «против капитализма».

Когда Гамбетта отказался от своей прежней программы, когда его истинное лицо стало ясно, его прежние избиратели из Лелльвилля встретили его, как известно, возгласами протеста и порицания. Франк описывает эту сцену, но, разумеется, дает ей совсем иное истолкование: такова, заявляет он, благодарность демократии к ее избранникам; она выдвинула Гамбетту, но она же и погубила его.

Мораль фашистской басни такова: не доверяй демократии, не доверяй массам, старайся обмануть их и держать их всегда под угрозой кулака. На самом же деле Гамбетту погубила не «демократия» (он сам порвал с демократией), а его собственная политика.

---

[1] Frank, op. cit., S. 116—117.
[2] Ibidem, S. 112.

III

Тщательно выискивая всех возможных и невозможных претендентов на пост «спасителя» якобы «разлагавшейся» республиканской Франции, Франк находит после смерти Гамбетты еще парочку «претендентов» в лице принца Жерома Бонапарта и графа Парижского. Претенденты — опять-таки, по грустному признанию Франка, неудачные. В отношении принца Жерома Бонапарта все дело сводится к личным свойствам: принц «Je m'en fiche» (мне наплевать на это) для роли диктатора безусловно не годился.

С графом Парижским дело обстоит серьезнее: ему ставится на вид его «буржуазное» окружение, его связь с еврейскими финансистами, в частности — с Ротшильдом. Мы уже отмечали, что фашист Франк весьма охотно прибегает к «антикапиталистической» демагогии, обильно приправленной антисемитизмом. Пригодилась она и на сей раз для критики Орлеанского дома: связанные с еврейскими финансовыми кругами Орлеаны с презрением вычеркиваются из списка «достойных». Граф Парижский, видите ли, и сам разложился, стал чересчур «буржуазным».

Но вот на сцене появляется генерал Буланже, и фашист Франк переносит все свое внимание на него. Какой благодарный объект для национал-фашистской демагогии! Бравый генерал на горячем коне, солдат с белокурой бородой, кумир лавочников, дам света и полусвета, ну как не заняться им! Господин Франк объявляет буланжизм «массовым народным движением»; он заявляет, что «широкие массы народа ожидали от Буланже спасения от парламентаризма» [1]. Став военным министром, Буланже, — как заявляет Франк, — еще не стремился к диктатуре, но — «эпоха, нация взывали к диктатуре» [2]. Массы, видите ли, «испытывали глухую потребность в вожде», и глаза народа в поисках такового с радостью остановились на красивом генерале.

Изображение буланжизма в качестве массового народного движения, конечно, является самой беззастенчивой фальсификацией истории Франции, и в этой области г-н Франк не одинок. Фашистская агентура — троцкисты изо всех сил старались в том же уверить советского читателя. Троцкистский последыш Красный, фальсифицировавший в так называемой «Книге для чтения по истории нового времени» историю Третьей Республики во Франции, также пытается рисовать буланжизм как «массовое народное движение». Он развязно заявляет, что широкие массы французского народа мечтали о «цезаре».

Здесь, конечно, мы имеем дело с фальсификацией, преследующей определенную политическую цель. Буланжизм был связан с шовинистской агитацией. Если признать его массовым народ-

---

[1] Frank, op. cit. S. 192.
[2] Ibidem, SS. 152—156, 182—183.

ным движением, то окажется, что широкие массы французского народа были настроены шовинистически, что Франция действительно являлась угрозой для европейского мира, а это и требовалось доказать господам фашистским мракобесам.

На самом деле, буланжизм никогда не являлся народным движением. Кратковременный и к тому же чрезвычайно раздутый успех Буланже вовсе не является доказательством «массовости» движения. Как известно, вокруг Буланже толпилась весьма пестрая публика. Вначале его поддерживали радикалы, которые и выдвинули его на пост военного министра. В это время радикалы еще не знали о его прежних связях с монархистами. Позднее, когда популярность бравого генерала (которой способствовали его демагогические выступления по вопросам внутренней и внешней политики) стала приобретать опасный характер, бóльшая часть радикалов отвернулась от него. Порвал с ним, в частности, и Клемансо, который, собственно говоря, и вывел его на политическую арену, рекомендовав его на пост военного министра. Только незначительная кучка радикалов-отщепенцев (Лагерр, Лезан и др.) осталась верной Буланже и продолжала вести буланжистскую агитацию.

Зато укрепились связи Буланже с реакционно-монархическими кругами, которые стремились использовать популярного генерала в качестве орудия для совершения государственного переворота. Эти-то круги и финансировали буланжистскую агитацию, которая приобрела чрезвычайно шумный характер. Платные агенты превозносили бравого генерала, распространяли его портреты, которые печатались на обертках мыла и папиросных коробках. Члены «Лиги патриотов» рекламировали Буланже как «генерала-реванш», который рано или поздно вернет Франции утерянные в 1871 г. провинции. Таким образом, вокруг Буланже создавалась легенда.

Буланжистские лозунги охотно подхватывались завсегдатаями кафе и пивных. В отдельных кругах мелкой буржуазии, все более и более разорявшейся, а потому недовольной и склонной к восприятию демагогических лозунгов, буланжистская агитация находила отклики, но о подлинном массовом движении, разумеется, и речи быть не может.

Пестрая толпа буланжистов — это не народные массы. Господа «граф» Диллон, Артур Мейер, Дерулед, Лагерр, Лезан — это далеко не французский народ!

О том, что буланжизм не был массовым движением, свидетельствует и то, как быстро правительству удалось обезвредить беспокойного генерала. Достаточно было пригрозить ему арестом, чтобы он поспешил бежать в Бельгию, не решившись обратиться за поддержкой к массам. Популярность его быстро растаяла, успехи буланжистов на выборах 1889 г. были ничтожны. Если даже парижская выставка 1889 г. смогла отвлечь внимание

населения от буланжизма, то это только еще раз показывает, что популярность бравого генерала в некоторых кругах отнюдь не свидетельствовала о подлинных симпатиях к нему со стороны широких масс.

Но фальсификатору истории Франку, который объявляет Буланже «народным избранником», надо каким-нибудь образом объяснить, почему же такое бурное, «массовое» движение потерпело столь позорный крах.

И у Франка готово его традиционное «объяснение»: Буланже не годился для той роли, на которую выдвигали его массы, у него не было качеств, необходимых для «вождя». Этот человек любил хорошо пожить, поухаживать за женщинами, он был храбр в бою, но терял мужество перед лицом политических событий. Когда его уговаривали совершить государственный переворот, он вежливо выслушивал своих собеседников, но не предпринимал никаких шагов.

Франк меланхолически подсчитывает, сколько было упущено возможностей для совершения государственного переворота: инцидент Шнебеле, отъезд Буланже в Клермон-Ферран, день, когда Буланже был избран в Париже, и т. д.

По этому поводу Франк преподносит нам очередную «трагедию солдатской души». Как истый «солдат», Буланже боялся нарушить легальность, он полон был, по уверениям Франка, истинного уважения к существующим властям, а потому и не решался выступить против них.

Здесь Франк снова впадает в безвыходное противоречие с самим собой: на всем протяжении книги он рекламирует «солдата» как мужественного «героя», как наилучшего претендента на пост диктатора, а, между тем, оказывается (и на примере Мак-Магона, и на примере Буланже), что «солдат» слишком пропитан духом дисциплины и почтения к властям и отступает перед решительным шагом в области политики. Опять не сведены концы с концами у г-на Франка!

Для читателя ясно, что если Буланже действительно не обладал качествами, необходимыми серьезному политическому деятелю, то все же не в этом заключается главная причина провала его авантюры. Со времени переворота 2 декабря 1851 г. рабочее движение во Франции сильно развилось, а вместе с тем изменилось и настроение крестьянства: бонапартистские иллюзии были изжиты. Это выяснилось уже во время попытки Мак-Магона совершить государственный переворот. Крестьяне голосовали за республиканцев, они отказали в своей поддержке реакционерам. То, что было возможно в 1851 г., оказалось невозможным в 1877 и 1889 гг. И дело здесь, конечно, не в том, что Наполеон Малый обладал такими свойствами, каких не было у Мак-Магона и Буланже. Достаточно вспомнить классическую характеристику

Маркса, чтобы ясно представить себе, какой ничтожной личностью был «Бустрапа», а между тем ему удалось то, что не удалось Буланже.

Франк демагогически пытается доказать, что существование республики во Франции зависело от расположения финансиста Ротшильда[1]. Это, конечно, наглая клевета реакционера. Нет, не Ротшильды являлись плотиной против цезаристской реакционной диктатуры, а народные массы, те самые массы, от имени которых всуе пытаются говорить господа фашисты.

Буланжистская агитация была связана с проблемами внешней политики. Как известно, Бисмарк и его присные сознательно пытались раздувать значение буланжизма и изображали его движением, делавшим неизбежной войну между Францией и Германией. Тщетно пытался возражать Бисмарку германский посол в Париже граф Мюнстер, доказывавший, что буланжизм серьезной опасности для Германии не представляет. Бисмарк, который намеренно искал предлога для конфликта, заставил Мюнстера изменить тон донесений[2]. Фашист Франк, останавливаясь на разногласиях Бисмарка и Мюнстера в этом вопросе, естественно находит, что прав был Бисмарк, а не Мюнстер[3].

Троцкисты — эти фашистские агенты и подголоски — пытались протащить это утверждение и в советскую историческую литературу. Троцкист — террорист Фридлянд в статье о буланжизме пытался защищать бисмарковский тезис об опасности буланжизма для дела мира, об угрозе франко-германской войны. В этом свете ставился и вопрос о франко-русском союзе. Фашисты и их троцкистская агентура всячески доказывали, что французский союз означал угрозу миру, что Германия должна была защищаться и т. д. Словом, они выполняли ту же роль, которую, по заказу Бисмарка, играла в свое время его рептильная пресса, жестоко высмеянная в свое время Энгельсом. С нарочитой целью раздувалось при этом значение панславистской пропаганды в русских реакционных кругах и значение связей Буланже с этими кругами. Такого рода фальсификаторские утверждения мы находим как у фашиста Франка[4], так и у его подголоска Фридлянда.

Фашист Франк в этом вопросе опять-таки впадает в явное противоречие с самим собой. Он выдвигает тезис Бисмарка о том, что буланжизм являлся реальной опасностью для Германии, что волна шовинизма, особенно в связи с инцидентом Шнебеле, поднималась во Франции все выше и выше. В дни инцидента Шнебеле,— заявляет Франк,— дело мира «висело на шелковой нити»,

---

[1] Frank, op. cit., S. 230—231.
[2] См. об этом ст. Ф. И. Нотовича в № 2 «Историка-марксиста». 1937.
[3] Frank, op. cit., S. 165—167.
[4] Frank, op. cit., S. 158.

и мир был спасен Бисмарком, который «великодушно» уступил Франции, освободив Шнебеле [1].

Но, вместе с тем, Франк признает, что политические партии во Франции были против войны: монархическая правая, оппортунисты и большая часть радикалов войны не хотели. Что же касается Бисмарка, то отнюдь не «великодушие» двигало им, когда он отступил в деле Шнебеле и освободил его. Самый инцидент служил уж слишком явным доказательством агрессивной политики Германии. Бисмарк понял, что в случае вооруженного конфликта всем стало бы ясно, кто истинный виновник его, и вынужден был отступить, тем более, что французское правительство проявило большое миролюбие и удовлетворилось освобождением Шнебеле, не потребовав даже извинения со стороны Германии [2].

Характеристика буланжистского движения и внешнеполитических проблем, связанных с ним в книге фашиста Франка,— это грубая, бесцеремонная и явно тенденциозная фальсификация истории Франции и истории международных отношений 80-х годов.

IV

Выше уже указывалось, что г-н Франк рассматривает историю Третьей Республики под весьма своеобразным углом зрения: его интересуют лишь действия националистов и факты, свидетельствующие о продажности республиканских политических деятелей. С этой точки зрения, его внимание, конечно, привлекает Панамское дело. Какой благодарный объект для фашистской демагогии! Ну, как не попытаться доказать, что коррупция свойственна только республиканско-парламентскому режиму и является одним из болезненных симптомов, свидетельствующих против подобного режима! Ну, как не прибегнуть к национал-социалистской демагогии, к выкрикам о гнилости «парламентско-капиталистического строя», о «губительной роли еврейского финансового капитала»! Факты ни в какой мере не подтверждают того, что коррупция свойственна только республиканским странам с парламентским строем, но стоит ли считаться с фактами там, где дело идет о создании фашистской исторической «концепции». Для этого скромно обходится молчанием то, что история капиталистической Германии и других буржуазных стран с монархическим режимом не менее богата фактами коррупции и подкупа буржуазных деятелей, грязными сделками, совершавшимися часто с ведома и под покровительством правительства.

Достаточно вспомнить о том, какие грязные спекулятивные и мошеннические операции совершались в Германии в годы так

[1] Frank, op. cit., S. 173.

[2] См. об этом в упоминавшейся выше ст. Ф. Нотовича.

называемого «грюндерства», т. е. в годы, следующие за франко-прусской войной. Какие только грязные дела не творились в эти годы с ведома и под покровительством того самого князя Бисмарка, которого Франк пытается изобразить как идеального политического деятеля!

В статье «Социализм г-на Бисмарка» Энгельс описывал ту спекулятивную горячку, которая охватила германскую буржуазию в 70-х гг., чему не мало способствовали, как известно, полученные от Франции миллиарды. «Это была горячка организации акционерных или командитных обществ, банков, учреждений поземельного кредита и кредита под движимое имущество, компаний по постройке железных дорог, всякого рода заводов, судостроительных верфей, компаний, спекулирующих землями и постройками, и других предприятий, для которых внешняя форма промышленных предприятий была на деле только предлогом для самого бесстыдного ажиотажа. Так называемая общественная потребность в торговле, путях сообщения, средствах потребления и т. д. служила только прикрытием для испытываемой биржевыми хищниками безудержной потребности пустить в оборот миллиарды, пока они были под рукой» [1].

Энгельс указывает, какие мошеннические операции производились господами грюндерами и, в частности, разоблачает махинации банкового капитала с железнодорожными акциями, которые банки в момент кризиса постарались сплавить правительству. Акции железных дорог мошенническим путем вздувались, пускались в ход акции таких дорог, которые стояли на грани банкротства, бесследно исчезали деньги, предназначенные для постройки железнодорожных линий, строительство которых оставалось на бумаге.

И эти мошеннические операции проделывались не только финансистами: в них были заинтересованы и принимали непосредственное участие члены парламента и правительства, в том числе и г-н Бисмарк. Вот что писал об этом Энгельс: «Проект концентрации всех железных дорог в руках имперского правительства имеет своим исходным пунктом не общественное благоденствие страны, а индивидуальное благоденствие двух несостоятельных банков. Провести проект было не слишком трудно. В новых компаниях «заинтересовали» значительное число членов парламента и таким способом прибрали к рукам национал-либеральную и умеренно-консервативную партии, т. е. большинство. Высокие сановники империи, прусские министры, приложили руку к махинациям, с помощью которых основаны были эти компании. В конце концов, банкиром и финансовым factotum (правой рукой) Бисмарка был Блейхредер. В средствах, стало быть, недостатка не было» [2].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 485—486.
[2] Там же, стр. 489—490.

В связи с этим Энгельс указывает и на крупные мошеннические операции с так называемым фондом инвалидов[1]. Все эти факты приводят Энгельса к следующему выводу: «Ясно: германская империя в такой же степени находится под ярмом биржи, как и французская империя во времена ее существования. Именно биржевики изготовляют проекты, которые — на благо их карманов — должно провести правительство. Но в Германии есть еще одно преимущество, которого нехватало бонапартистской империи: когда имперское правительство встречает сопротивление со стороны мелких государей, оно превращается в прусское правительство, которое, конечно, уж не встретит никакого сопротивления со стороны своих палат, подлинных филиальных отделений бирж»[2].

Энгельс вскрыл также плутовство со знаменитым «гвельфовским фондом», питавшим рептильную прессу Бисмарка. Как известно, заполучив в свои руки этот фонд после ликвидации Ганноверского королевства (в 1868 г.), Бисмарк щедро использовал его для подкупа прессы, для создания рептильных органов, которые, по его команде, вели кампании в защиту реакционной внутренней политики и агрессивной и провокационной внешней политики Германии.

О «гвельфовском фонде» Энгельс упоминает в связи с разоблачением мошеннических операций финансового капитала в Италии, которые, по аналогии с Панамским делом во Франции, называли итальянским «панамино». В 1893 г., т. е. почти одновременно с панамским скандалом во Франции, во время обсуждения в итальянском парламенте законопроекта о продлении привилегий для эмиссионных банков, выяснилось, что правительство в течение нескольких лет скрывало отчет о ревизии одного из этих банков, отчет, в котором разоблачались весьма грязные финансовые махинации. В этих махинациях были замешаны и члены правительства и депутаты. Выяснилось, — как указывает Энгельс, — что «мало-помалу почти все журналисты и не менее с т а п я т и д е с я т и ч л е н о в т е п е р е ш н е й п а л а т ы д е п у т а т о в, люди по большей части заведомо неплатежеспособные или даже живущие одними долгами, стали фигурировать в качестве должников в книгах банка»[3]. В числе скомпрометированных лиц оказались также два министра — члены правительства Джиолитти, стоявшего у власти в 1893 г. Итак,— указывал Энгельс, — «la bella Italia всячески старается доказать, что она в этом отношении не уступает ни la belle France, стране Панамы, ни целомудренной Германии, стране богобоязненности, благочестия и гвельфовского фонда»[4].

[1] К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, соч. т. XV, стр. 490—491.
[2] Т а м ж е, т. XV, стр. 492.
[3] Т а м ж е, т. XVI, ч. II, стр. 330.
[4] Т а м ж е, стр. 328.

Энгельс напомнил слова Бисмарка: «Мы берем деньги там, где мы их находим». «А *где* мы их находим,— это мы только что видели», добавляет Энгельс [1].

«Какова же мораль всей этой истории?» — спрашивает Энгельс — и отвечает: «И Панама, и панамино, и гвельфовский фонд доказывают, что вся современная буржуазная политика,— и прелестная склока буржуазных партий между собою, и их совместное сопротивление натиску рабочего класса,— не может проводиться без колоссального количества денег; эти огромные деньги расходуются на нужды, о которых нельзя говорить публично; и правительства из-за скупости господ буржуа все больше оказываются вынужденными для этих невыразимых целей добывать средства невыразимыми путями» [2].

На многочисленных проявлениях коррупции в Германии в годы грюндерства останавливался в своей известной работе: «Die politischen Gründer und die Korruption in Deutschland» Рудольф Мейер [3].

Но коррупция в Германии, разумеется, не исчерпывается «подвигами» господ грюндеров и их покровителей. Позднейшая история Германии также знает не мало подобных фактов. Еще больше всевозможных грязных мошеннических операций совершается и в настоящее время — в фашистской Германии и фашистской Италии. Хотя итальянский и немецкий фашизм всячески пытаются скрыть эти грязные операции под покровом тайны, однако коекакие факты из этой области, происходящие в фашистских странах, все же становятся известными. Вот что сообщают, например, газеты «Deutsche Volkszeitung» и «Sozialdemokrat»: окружной начальник гитлеровских охранных отрядов в Тюрингии Шпенгель растратил 650 000 марок. Он был отдан под суд и присужден к тюремному заключению, но Гитлер распорядился выпустить его и назначил бургомистром города Нордгаузен.

В Дюссельдорфе руководитель местной фашистской организации и начальник налогового управления округа растратил миллион марок.

Директор городской сберегательной кассы в Любеке похитил 450 000 марок. Таковы «деятели» фашистской Германии, подручные г-на Гитлера! [4]

Стремление Франка доказать, что коррупция свойственна только республиканским странам с парламентским режимом, по меньшей мере смешна. Да он и не «доказывает», а по своему

---

[1] Там же, стр. 334.

[2] Там же.

[3] Rudolf Meyer, Die politischen Gründer und die Korruption in Deutschland. 1879.

[4] См. «Правду» от 27 апреля 1938 г.

обыкновению ограничивается инсинуациями и замалчиванием тех фактов, которые для него невыгодны.

Надо отметить, что в своей оценке роли политических партий и отдельных деятелей во время панамского скандала Франк целиком руководствуется теми данными, которые можно найти в книгах французских реакционеров. Франк, как уже неоднократно отмечалось, руководствовался материалами Мельхиора де Вогюэ, Барреса и К°. Можно прибавить к этому, что современные французские историки и публицисты реакционного направления, например, Дансетт, дают этому факту те же оценки [1]. В своей книжке, посвященной Панамскому делу, Дансетт старается доказать, что только республиканцы замешаны были в панамском скандале, монархисты же были совершенно «чисты». Однако тот же Дансетт вынужден признать, что правый депутат Дюге де ля Фоконнери был подкуплен. Он был, конечно, не единственным реакционером, замешанным в скандале. Энгельс в письме к Зорге указывал, что и буржуазные республиканцы и реакционеры одинаково были скомпрометированы в Панамском деле: «Роялисты и клерикалы сбывали панамские лотерейные билеты кучами, вообще тесно связали себя с этой историей»... [2] Тщетно г-н Франк пытается доказать, что «честь» правых осталась незатронутой, и они могли выступать в качестве обвинителей. Это ему не удается. Он только запутывается при этом в целом клубке противоречий.

То он утверждает, что радикалы и оппортунисты одинаково были замешаны в скандале и потому держались солидарно, то оказывается, что радикалы, менее скомпрометированные, пытались утопить оппортунистов [3]. То он утверждает, что реакционеры не были замешаны, то оказывается, что их попытки выступить с разоблачениями были парализованы тем, что у них самих было рыльце в пушку.

Что же касается «разоблачений» этих господ, то Франк вынужден признать, что они самым бесцеремонным образом прибегали к фальшивкам. Правый депутат Мильвуа пытался использовать против Клемансо так называемые «документы» Нортона, которые якобы свидетельствовали о том, что Клемансо был подкуплен Англией. Эти «документы» оказались фальшивыми.

Пытаясь разыграть добродетельное негодование по адресу панамистов, Франк, однако, делает между ними различие, выделяя наиболее, с его точки зрения, «симпатичных», хотя бы о них и было достоверно известно, что они были подкуплены. Такое исключение делается для Рувье, которого Франк, очевидно, рассматривает как «человека сильной руки» и к тому же как герма-

---

[1] Dansette, Les Affaires de Panama. Paris. 1934.
[2] Письма Маркса и Энгельса к Зорге, стр. 392. Изд. 1908 г.
[3] Frank, op. cit., S. 286—288.

нофильски настроенного деятеля. В 1905 г. г-н Рувье под давлением Бюлова пожертвовал своим министром иностранных дел Делькассе, как в наши дни Чемберлен пожертвовал Иденом.

Но особенные симпатии проявляет Франк по адресу Деруледа, этого «героя» реакции. Дерулед ложно противопоставляется «панамистам» как добродетельный человек, который стремился очистить Францию от коррумпированных политических дельцов. На деле «рыцарь» реакции Дерулед, может быть, и мог вдохновлять националистов типа Барреса или молодчиков из среды реакционно настроенного студенчества [1], но масса французского народа не собиралась следовать за ним, не последовала и тогда, когда он в дни похорон Феликса Фора пытался совершить государственный переворот.

Выводы, которые Франк пытается сделать из Панамского дела, так же противоречивы, как и все его изложение. Ссылаясь на донесения германского посла графа Мюнстера, он стремится доказать, что возмущенное скандалом общественное мнение видело возможность спасения лишь в государственном перевороте, связанном с разгоном коррумпированного парламента. При этом Мюнстер прибавлял, что правящая партия, возможно, попытается найти выход из положения путем внешнеполитических осложнений, путем войны с Германией. Это все та же, уже отмечавшаяся выше тенденция изобразить Францию как нарушительницу европейского мира, что ставится в связь с ее внутренним режимом. Отметим, кстати, что у Мюнстера имеются и иные оценки, но Франк умышленно о них умалчивает.

Приводя донесения Мюнстера, Франк делает из них следующий вывод: «Казалось, что все положение французской республики толкало к революционному перевороту. И, однако, подобный переворот не произошел» [2]. И здесь мы наталкиваемся на одно из бесчисленных противоречий, которыми наполнено объемистое сочинение Франка.

На всем протяжении книги он пытается доказать читателю, что французский народ, разочарованный в республиканском режиме, стремился к государственному перевороту. «Казалось», по мнению Франка, что в дни разоблачения панамской аферы переворот назревал. Однако он не произошел потому, что французский народ... не хотел переворота. Население Франции было разочаровано, — говорит Франк, — недавним провалом буланжистской агитации. Взрыв негодования перешел в пассивное презрение по адресу продажных политиканов; население, отказавшись от активного выступления, ожидало, что над мошенниками разразится удар

[1] См. об этом в книжке реакционного историка Жана Эритье: «Histoire de la Troisième Républigue», т. I, р. 212. Эритье заявляет о том, что в молодости он был поклонником Деруледа, в котором видел национального героя.

[2] Frank, op. cit., S. 293. Под словами «революционный переворот» здесь подразумевается, конечно, переворот контрреволюционного характера.

с неба. Чтобы как-нибудь «обосновать» свои «теории», фальсификатору Франку остается пустить в ход «расовые» бредни. Ведь доносил же граф Мюнстер в Берлин о том, что французы — «легкомысленный» народ, что они уже примирились с Панамой и занялись своими делами, посмеиваясь над проявлениями коррупции, которые Вильгельм II в замечаниях на полях назвал «еврейской моралью».

Возмущение масс панамским скандалом было, конечно, велико, но революционная ситуация тогда во Франции еще не сложилась, а к контрреволюционному перевороту французский народ и в то время относился отрицательно, как и в дни буланжистской агитации, как и в дни дела Дрейфуса, как и в 1934 г., как и в наши дни.

V

Отдельная (и самая большая) глава в книге Франка посвящена делу Дрейфуса. Это вполне понятно: знаменитое «дело» естественно должно было привлечь к себе внимание фашиста и антисемита Франка. Но попытка его сделать из анализа этого дела выводы в духе фашистской антисемитской демагогии потерпела полный крах. Предшественники г-на Франка не мало потрудились над тем, чтобы затемнить дело Дрейфуса. Несмотря на это, суть его вполне ясна.

Около 45 лет тому назад кучка реакционных офицеров, клерикалов и антисемитов обвинила в государственной измене офицера-еврея Дрейфуса, который на самом деле был невиновен и никакого отношения к шпионажу не имел. Господа реакционеры преследовали при этом цель скомпрометировать режим парламентской республики, который якобы способствовал шпионажу и изменам. В ход была пущена антисемитская демагогия. Реакционеры надеялись увлечь за собой мелкую буржуазию и, раздув путем демагогической пропаганды реакционные страсти, подготовить контрреволюционный государственный переворот. Но это им не удалось. На защиту принципов демократии выступили народные массы и лучшие представители буржуазной интеллигенции.

Ожесточенная борьба продолжалась несколько лет. За это время выяснилось, что реакционеры, чтобы доказать виновность Дрейфуса, прибегали к самым бессовестным махинациям, к подделке документов, к лжесвидетельству, к всевозможным низким интригам. Выяснилась полностью невиновность Дрейфуса, и виновность другого офицера — графа Эстергази, который и был шпионом на службе у Германии. Если в 1894 и в 1899 гг. Дрейфус был осужден военным судом, то в 1906 г., после вторичного пересмотра его дела, он был оправдан, восстановлен на военной службе и получил орден почетного легиона.

Вылазка монархистов и реакционной военщины была отбита.

В 1930 г. вышли в свет мемуары Шварцкоппена, который во время дела Дрейфуса был германским военным атташе в Париже. Шварцкоппен целиком и полностью подтверждает в своих мемуарах невиновность Дрейфуса и виновность Эстергази. Надо, впрочем, отметить, что Шварцкоппен еще в дни дела Дрейфуса не раз давал понять, что Дрейфус невиновен, что он никогда не имел с ним никаких дел и даже не знал его имени до того момента, когда известие об его аресте появилось в газетах. Но заявления Шварцкоппена не носили вполне определенного категорического характера. Это объяснялось тем, что берлинские имперские власти — штатские и военные — запрещали ему выступить с исчерпывающим разъяснением и указать на действительного виновника. Германский посол в Париже граф Мюнстер считал необходимым внести полную ясность в это дело и доказать французскому правительству, что германское посольство никаких отношений с Дрейфусом не поддерживало. В этом духе Мюнстер неоднократно посылал донесения в Берлин и одновременно делал соответствующие заявления французским властям. Но Мюнстер не знал всей правды: он, в частности, долгое время не знал о том, что действительным шпионом являлся Эстергази. Это снижало эффективность его заявлений. Узнав позднее истину в полном объеме, Мюнстер писал Жозефу Рейнаку, который вел кампанию в защиту Дрейфуса, что действительным шпионом является Эстергази.

Вопрос, таким образом, давно уже решен, и решен не в пользу антисемитских демагогов.

Трудновато поэтому г-ну Франку доказать обратное давно доказанному. Он и сам знает это. Излагая ход дела, он вынужден косвенно признавать невиновность Дрейфуса, ибо факты утверждают это с полной очевидностью. Тщетно Франк пытается ссылаться на германские дипломатические документы, как опубликованные, так и не появившиеся еще в печати. Он фальсифицирует их, выдергивает отдельные высказывания германских дипломатов, опуская то, что говорит не в его пользу. Но все фальсификаторские махинации не приводят к желательному результату. Наоборот, германские дипломатические документы доказывают противоположное. Вот к какому выводу приходит по этому вопросу немецкий историк Бруно Вейль, который написал небольшую специальную работу о деле Дрейфуса на основании тщательного изучения французских источников и, главным образом, германских публикаций: «Итак, германские документы доказывают с абсолютной очевидностью невиновность Дрейфуса» [1].

---

[1] B. Weil, L'Affaire Dreyfus, p. 258. Librairie Gallimard, Paris (пер. с нем. изд.).

Но храбрый «рыцарь» от фашизма и антисемитизма не сдается. Он придумывает «гениальный» трюк: если нельзя доказать, то надо создать впечатление. Надо прибегнуть к «психологическому» методу. Побольше «психологии», побольше демагогии и, может быть, удастся внушить доверчивому читателю, что, хотя все факты говорят обратное, все-таки Дрейфус виновен, потому что он — еврей.

Собрать побольше фактов, которые рисовали бы Дрейфуса в самом черном свете, подтасовать факты, клеветать, и тогда есть надежда, что хоть что-нибудь да останется. Таков «метод» Франка.

Он действительно тщательно собирает все факты, которые могли бы создать неблагоприятное впечатление о Дрейфусе, его родных и друзьях, а также о тех лицах, которые, не будучи лично с ним связаны, выступали, однако, в числе его защитников. Источник, которым для этой цели пользуется г-н Франк, все тот же: писания французских реакционеров.

Франк полагает, что, опозорив с помощью фальсифицированных или просто вымышленных фактов Дрейфуса и дрейфусаров, можно сослужить службу реакционерам-антисемитам сегодняшнего дня. И он не щадит сил для достижения этой «достойной» цели.

Помимо этого, у Франка остается про запас и еще один прием. Офицеры, дважды судившие Дрейфуса (в 1894 и в 1899 г. — при пересмотре дела), как представители кастовой военщины, среди которой сильны были антисемитские настроения, относились к подсудимому пристрастно. Они не имели никаких доказательств его виновности, но склонны были, тем не менее, считать его виновным. К тому же на них оказывали определенное давление высшие военные круги, военное министерство и генеральный штаб. Господа офицеры не сопротивлялись этому давлению и, несмотря на отсутствие доказательств, дважды осудили Дрейфуса. На них-то и хочет опереться Франк, чтобы доказать недоказуемое. Приведя ряд фактов, которые явно говорят в пользу Дрейфуса, он с тупым упорством повторяет: «Но судьи думали иначе». Это своеобразное «доказательство» повторяется чуть ли не на каждой странице.

Таков «метод» и таковы фальсификаторские приемы г-на Франка.

Разумеется, в главе, посвященной делу Дрейфуса, можно широко пустить в ход расовую демагогию, антисемитизм. Г-н Франк не упускает этой возможности: вся глава пропитана антисемитизмом, сдобренным, как полагается, самой беспардонной демагогией в «антикапиталистическом духе».

Он с удовольствием расписывает ту антисемитскую атмосферу, которая царила в некоторых кругах французской военщины:

офицер, который открыто разгуливает с «Libre parole» в руках, какое отрадное зрелище, не правда ли?

Характерно, что те самые господа, которые с гордостью называли себя «патриотами» и «националистами», на самом деле сознательно и намеренно раздували дело, которое могло вызвать для Франции серьезные внешнеполитические осложнения. Как известно, правительство (и в том числе даже военный министр Мерсье, ярый реакционер и антисемит) хотело вначале замять дело, опасаясь осложнений, но разнузданная кампания «Libre parole», которой офицеры-антисемиты доставляли материал, заставила правительство изменить тактику и предать Дрейфуса суду.

Франк и тут пытается противопоставить друг другу два лагеря: «солдат», т. е. военщину, генштаб, военное министерство,— и «торговцев», т. е. штатские круги вообще и, в частности, само государство, ненавистную республику, которая объявляется воплощением «торгашеского» духа. За французской республикой стояла поддерживавшая ее мощная интернациональная финансовая организация,— заявляет Франк. «Сама парламентская республика являлась уже доменом злата. Армия представляла собой последний оплот консервативно-почвенных сил» [1].

Так пускается в ход «почвенная» демагогия. Отметим, кстати, что и в этом противопоставлении «солдат» «торговцам» Франк отнюдь не оригинален: это сравнение заимствовано у небезызвестного Максимилиана Гардена [2].

Итак, два мира: «солдаты» — носители чистой благородной морали, носители «мужской чести», прямодушные рыцари с открытой душой — и «презренные торгаши», которым чуждо понятие чести, которые заботятся только о деньгах, о прибыли, все расценивают на деньги, в том числе и самую честь. «Торгаши» в отличие от «солдат» способны на всякие махинации, они действуют не под влиянием благородных импульсов мужественного сердца, а по соображениям холодного расчета. Конечно, Альфред Дрейфус — истый торгаш, «сын торгаша и сам в душе торгаш». Как не возмутиться благородным воинам, когда он попадает в их среду! Недаром они так единодушно и сразу уверились в его виновности, а до того, как им указали на него, они готовы были верить в виновность другого еврея — Мориса Вейля, связанного с генералом Соссье [3].

Между двумя столь противоположными лагерями, естественно, должна происходить ожесточенная борьба. Да,— охотно под-

---

[1] Frank, op. cit.

[2] Ibidem, S. 430. Гарден (1861—1927) — немецкий буржуазный публицист, пользовавшийся одно время довольно значительным влиянием в буржуазных кругах.

[3] Ibidem, S. 357.

тверждает Франк,— борьба действительно происходила. Военщина старалась во-всю. Все пускалось в ход, чтобы опозорить и поставить в неловкое положение ненавистных штатских! Впрочем, дело шло, конечно, о вещах более серьезных: шла борьба за власть, и клерикально-монархическая военщина не останавливалась ни перед чем, чтобы вырвать государственный руль из рук правившей республиканской партии.

Между военным министерством и министерством иностранных дел шла ожесточенная борьба. Еще ожесточеннее была, однако, борьба между охранным отделением (Sûreté générale) и 2-м бюро генштаба (контрразведкой). Франк вынужден признать, что 2-е бюро отнюдь не ограничивалось своими прямыми задачами и не столько, может быть, обращало внимание на борьбу с иностранными разведками, сколько на борьбу со своей соперницей — Sûreté, ведя наблюдения за руководящими политическими деятелями и стремясь превратиться в своего рода государство в государстве [1].

Это обстоятельство отнюдь не помешает впоследствии реакционерам поднять страшный крик, когда станет известно, что республикански настроенный военный министр в правительстве Комба, генерал Андре, установил наблюдение за поведением офицеров.

Противопоставляя реакционную военщину штатским деятелям, Франк противопоставляет, в частности, судей военных судьям штатским. Первые как истые солдаты осудили Дрейфуса, их «внутренний голос» якобы не позволил им вынести иное решение. Так поступили судьи в 1894 г., так же поступил и реннский суд. Жаль только, что военный министр Кавеньяк отказался от тезиса, заключавшегося в том, что дело, решенное на основании внутреннего убеждения судей-солдат есть «causa judicata», и вздумал приводить на заседании парламента новые «доказательства», которые, как известно, оказались фальшивыми. Этим Кавеньяк, по мнению Франка, погубил все дело [2].

Да, симпатичные люди были эти «солдаты»! К сожалению, оказывается, что в их среду проникали лица, которые хотя и носили офицерскую форму, но были образованными, умными и развитыми людьми. Такие люди в среде тупой военщины были явно не ко двору, и она всячески старалась их изгнать. Таков, например, Пикар, сыгравший, как известно, видную роль в установлении невиновности Дрейфуса. Франк все время противопоставляет Пикару Анри. Анри — истинный «солдат», т. е. подлинный представитель реакционной военщины, тогда как Пикар — человек культурный — объявляется недостойным носить имя «солдата».

Но не один Пикар возмущался несправедливым осуждением

[1] Frank, op. cit., S. 500.
[2] Ibidem, S. 443—445.

Дрейфуса. Помимо него, среди офицеров были люди, которые постепенно пришли к мысли о том, что Дрейфус невиновен, что необходимо бороться за пересмотр его дела и отмену несправедливого приговора. К такому выводу пришел, например, молодой офицер Мессими, впоследствии видный военный и политический деятель, военный министр в дни объявления войны 1914 г., а затем участник военных действий. В своих «Воспоминаниях» Мессими рассказывает о том, какое впечатление произвела на него сцена разжалования Дрейфуса. Неоднократные заявления Дрейфуса о том, что он невиновен, заставили молодого офицера задуматься, действительно ли Дрейфус шпион. После того как был вынесен приговор, он счел себя не в праве сомневаться. Но полной уверенности у него все же не было. Когда появилось письмо Золя, Мессими окончательно убедился в том, что по отношению к Дрейфусу совершена величайшая несправедливость. Он пытался доказать это другим офицерам, но они с презрением отвернулись от него. Тогда, некоторое время спустя, он подал в отставку. Он поставил перед собой задачу стать депутатом, чтобы в парламенте бороться за проведение необходимых реформ по линии военного ведомства. Он хотел, по его выражению, «примирить армию с народом» [1].

Противопоставляя один другому два лагеря — «солдат» и «торговцев», Франк пытается охарактеризовать лагерь реакционной военщины патриотами-идеалистами, но приводимые им же самим факты показывают, что на деле это была грязная клоака, центр всевозможных интриг и мошенничеств, фабрика фальшивок. Это ясно даже мало знакомому с историей Дрейфуса читателю.

К каким только интригам не прибегали «рыцари» генштаба», и особенно офицеры из 2-го бюро! Каких только «свидетелей» они не подыскивали против Дрейфуса! Взять хотя бы Чернусского, которого Франк пытается объявить сумасшедшим, чтобы не быть вынужденным признать его мошенником [2]. Тщетно Франк утверждает, что генштаб не подкупал Чернусского,— это вполне доказано. И совершенно напрасно Франк «возмущается» тем, что «чистым душам» из генштаба, по проискам Рейнака, как он заявляет, приходилось иметь дело с грязными лицами из подонков шпионского мира — со всякими Пржиборовскими, Весселями и Матильдами Беймлер. На деле генштаб совсем не гнушался этими людьми, напротив,— он весьма охотно вступал с ними в сношения, и сам Франк рассказывает о том, как генштаб, при посредстве националистических и реакционных органов, с которыми он был связан, пытался использовать тех же Пржиборовских против пра-

[1] Général Messimy, Mes souvenirs, p. 15. Paris. 1937.
[2] Frank, op. cit., S. 501.

вительства Вальдека-Руссо [1]. Генштаб делал попытку организовать против министерства Вальдека-Руссо, которое считалось «дрейфусарским», настоящий заговор.

Франк вынужден также признать, что «рыцари» генштаба трепетали от страха при мысли о том, что их грязные делишки могут открыться и привести их на скамью подсудимых [2].

А заговор против Пикара, организованный заправилами генштаба, в частности офицерами из 2-го бюро? Ведь Пикара, как только стало ясно, что он хочет сказать правду и спасти ни в чем не виновного Дрейфуса, стали травить, сослали в африканские колонии и всячески старались погубить и опозорить. Сам же Франк рассказывает о том, что во время суда над Эстергази военщина судила не столько обвиняемого, сколько свидетеля Пикара, причем генерал Пеллье, присутствовавший в зале суда, так неприлично вел себя, что председатель вынужден был призвать его к порядку [3].

Франк не скупился на «портреты» отдельных антидрейфусаров, которым он «симпатизирует», несмотря на вынужденное признание того, что они занимались всевозможными грязными делами. Особые симпатии Франка направлены в сторону Анри — фальшивых дел мастера из 2-го бюро генштаба. Рисуя «портрет» Анри, Франк не скупится на самую бесцеремонную демагогию. Анри, видите ли, «крестьянский сын», «почвенная натура», «великан с серо-голубыми глазами!»

Еще хуже дело обстоит с другим «героем» — дю Пами дю Клямом. Этот субъект, который на каждом шагу кричал о своей дворянской и офицерской «чести», был замешан вместе с Анри и Эстергази в самых грязных интригах и не брезгал никакими средствами, чтобы погубить Дрейфуса и Пикара.

Третий «герой» Франка — генерал Мерсье, бывший военным министром в те дни, когда началось дело Дрейфуса. Этот реакционер, интриган и лжец, прикрывавший фальшивых дел мастеров из генштаба и травивший честных людей, также изображается Франком как «истый солдат».

Что касается Эстергази, то Франк дает ему отрицательную характеристику, признавая, что это был порочный, грязный, вконец изолгавшийся и продажный субъект. Но это делается с определенной целью: надо доказать, что Эстергази был не агентом генштаба, а подставным лицом дрейфусаров (homme de paille), человеком, который «принял на себя преступление», совершенное Дрейфусом, потому что был подкуплен его родней. Это старый тезис французских реакционеров, писавших о деле Дрейфуса, на-

---

[1] Frank, op. cit., S. 503—508.
[2] Ibidem.
[3] Ibidem. S. 421—422.

пример, авторов, скрывавшихся под псевдонимом Dutrait-Crozon [1].

Франк, конечно, вполне разделяет этот смехотворный тезис, несмотря на то, что факты противоречат этому утверждению.

Что Эстергази действительно является автором пресловутого «бордеро» [2], это, как известно, полностью доказано. Шварцкоппен признал это, как признал и то, что Эстергази вообще был шпионом. Франк знает это, но он пытается опорочить показания Шварцкоппена, указывая на то, что германский военный атташе вел широкую жизнь и сам вынужден был прибегать к услугам еврейских финансистов.

Если Франк, явно фальсифицируя факты, пытается изобразить представителей антидрейфусарского лагеря в самом розовом свете, то для представителей противоположного лагеря он не жалеет темных красок. Здесь Франк опять-таки попросту повторяет те измышления, которые французские реакционные периодические органы распространяли по адресу дрейфусаров. Так, он полностью присоединяется к утверждению французских реакционеров о существовании особого международного «синдиката», якобы финансировавшегося еврейскими капиталистами и ставившего своей целью любыми средствами спасти Дрейфуса.

С этим тесно связано лживое утверждение о том, что во Франции к лагерю дрейфусаров принадлежали лишь евреи, протестанты и масоны, «истинные» же французы находились в противоположном лагере. Это — наглая ложь. В лагере дрейфусаров находились представители широкого французского общества, в числе которых были и французы-католики (по официальной религиозной принадлежности или по убеждению) и французы-протестанты, и евреи, и масоны и не масоны и, в первую очередь, передовые представители человечества. Достаточно напомнить имена Анатоля Франса, Жореса, Золя, к которым можно прибавить ряд других выдающихся имен. Это были лучшие французы своего времени, принимавшие участие в движении, охватившем широкие слои населения и направленном против попыток реакции укрепить свои пошатнувшиеся позиции с помощью разнузданной антисемитской демагогии и захватить власть в свои руки.

Видные дрейфусары из реакционного лагеря, которых также было не мало, изображены как жертвы или как карьеристы, честолюбивые или продажные люди. Эксперт Гобер, который сомневался в том, что бордеро было действительно написано Дрейфу-

---

[1] Dutrait-Crozon. Précis de l'affaire Dreyfus. Paris. У Франка см. стр. 411 и сл. 451.

[2] Под именем «бордеро» был известен документ, на основании которого был осужден Дрейфус. В этом документе содержался перечень тех сведений, которые предатель Эстергази сообщил германскому военному атташе Шварцкоппену.

сом, разумеется, был подкуплен дрейфусарами [1]. Форцинетти (заведывавший тюрьмой, где в дни первого процесса сидел Дрейфус), считавший Дрейфуса невиновным, конечно, был продажным и аморальным человеком, которого обработали дрейфусары [2].

Но особенно тяжелым представляется для Франка случай с сенатором Шерер-Кестнером. В самом деле, человек, который был эльзасцем, носил немецкую фамилию и, более того, имел ярко выраженную «арийскую» наружность, оказался вдруг в стане дрейфусаров! Не обидно ли это?

Разумеется, Франк не жалеет черной краски и для портрета самого Дрейфуса. Франк всячески старается создать мнение, что все лица, сталкивавшиеся с Дрейфусом, были о нем отрицательного мнения, — в особенности же его коллеги-офицеры. Даже те, кто встал на его защиту, впоследствии отвернулись от него (Клемансо, Пикар, Лабори).

Франк старается доказать, что в ходе разбирательства своего дела Дрейфус вел себя не так, как должен был вести себя истинный «солдат». Но все изложение Франка доказывает как раз обратное.

Как известно из обширной литературы, посвященной знаменитому «делу», Дрейфус был именно типичным офицером, вполне разделявшим дух той касты, в которую он вступил. Не раз указывалось, что будь на месте Дрейфуса какой-нибудь другой офицер, сам Дрейфус, несомненно, оказался бы среди антидрейфусаров и требовал бы расправы с «изменником» [3]. Он очень дорожил своей «честью» и старался вести себя, как истый «солдат», проявляя крайнюю почтительность к своим судьям, стремился даже в самые тяжелые моменты сохранять воинскую дисциплину. Все это такие качества, которые, Франк приветствовал бы в любом «арийце». Но в еврее Дрейфусе эти качества возмущают его.

Дрейфус держится стойко на суде, старается как истый «солдат» отвечать лаконично, не повышая и не понижая голоса; Франк видит в этом доказательство того, что он ничуть не растроган, что он холодный и расчетливый человек, человек без души.

Дрейфуса лишают военного звания на глазах у враждебно настроенной публики, его лишают чести, а он заботится только о том, как бы шагать в ногу!

Но вот он очутился на Чортовом острове, он страдает и физически, и морально, он горюет как раз о том, что у него отнята честь, и пишет жене, что он стремится во что бы то ни стало восстановить свое честное имя и передать его своим детям. Конечно, если бы это написал офицер-ариец, Франк умилился бы, но

---

[1] Frank, op. cit., S. 337.

[2] Ibidem, S. 359, 383.

[3] См. хотя бы «Воспоминания» Л. Блюма о деле Дрейфуса (L. Blum, Souvenirs sur l'affaire. 1935).

это пишет еврей Дрейфус, и Франк возмущается тем, что «еврей» хочет передавать своим детям честь по наследству, как передают имущество, деньги [1].

Если Франку никак не удается доказать, что Дрейфус был немецким шпионом, то этот присяжный фальсификатор истории пытается зато объявить его... русским шпионом! Никаких доказательств он, конечно, не приводит. Единственным «доказательством» является указание на то, что такого рода версия циркулировала одно время в дипломатических кругах и Вильгельм II склонен был считать ее правильной [2].

Фальсифицируя историю дела Дрейфуса, Франк утверждает, что широкие массы французского народа якобы были настроены антисемитски и антидрейфусарски и что только кучка интеллигентов поддерживала Дрейфуса. В качестве доказательства приводится, например, процесс Золя, когда в Париже реакционерами организованы были враждебные Золя демонстрации, и однажды ему пришлось даже спасаться от разъяренной толпы. Все это, однако, отнюдь не доказывает, что массы были настроены антисемитски и поддерживали антидрейфусаров. Надо учесть, что в ход пускалось все, чтобы разжечь страсти, что людям малосознательным старались внушить, будто Золя хочет погубить французскую армию. Не мало было, конечно, платных агентов и крикунов. В этих условиях не трудно было организовать «враждебную демонстрацию».

Самый процесс велся чрезвычайно пристрастно: защитникам и самому Золя не давали говорить; свидетели офицеры запугивали присяжных. И хотя Франк, указав на наглое заявление Буадеффра о том, что высшее командование армии уйдет в отставку, если Золя будет оправдан, прибавляет к этому: «Со звоном упал меч солдатского авторитета на чашу весов правосудия» [3], — ясно, что правосудия тут было меньше всего.

Что массы в действительности не были на стороне реакции, это, в сущности, при описании лонгшанской демонстрации, признает и сам Франк. Парижское население, узнав о наглой вылазке барона Кристиани, ударившего президента Лубе (избранного буржуазными республиканцами и считавшегося дрейфусаром), тотчас выступило против реакционеров и, как пишет Франк, социалистам удалось «повести массы своих избирателей на бой против милитаристической и националистической партии» [4].

Так, снова и снова противоречит самому себе фашист Франк. Доказать, что массы были на стороне реакции, он никак не может.

---

[1] Frank. op. cit., S. 384.
[2] Ibidem, S. 483—484
[3] Ibidem, S. 437.
[4] Ibidem, S. 474.

В связи с этим уместно остановиться на характеристике течений «дрейфусизма» и «антидрейфусизма». Буржуазные и особенно фашистские «историки» типа Франка запутали этот вопрос. Не пытаясь показать, какие классы и партии примыкали к тому или другому направлению и какие цели и задачи они ставили перед собой, буржуазные историки нередко все дело сводят к вопросу о личной судьбе Дрейфуса.

Говоря о лагере дрейфусаров, надо различать в нем три группы участников. Во-первых, была, конечно, группа лиц, которых можно назвать дрейфусарами в самом узком смысле слова: родные и друзья Дрейфуса и, может быть, отдельные группы французских евреев, которые стремились в первую очередь спасти самого Дрейфуса.

Многие евреи могли стремиться к реабилитации своего соотечественника по определенным политическим соображениям, предвидя, какие тяжелые последствия для евреев и во Франции, и в других странах могло иметь его осуждение.

Ту цель, которую ставила перед собой данная группа лиц, — особенно ее более узкое ядро: родные Дрейфуса, — буржуазные и особенно фашистские «историки» пытаются приписать всему лагерю дрейфусаров; они стремятся, так сказать, «унифицировать» всех дрейфусаров, изобразить их как одно целое. С этой точки зрения Франк, например, рисует министерство Вальдека-Руссо как правительство, главной задачей которого являлось спасение Дрейфуса и которое вело ожесточенную борьбу против клерикально-милитаристической реакции. В этом Франк опять смыкается с французскими реакционными историками. Жан Эритье, например, в своей «Истории Третьей Республики» также пытается изображать министерство Вальдека как чуть ли не революционное правительство, которое вело борьбу с реакцией и занималось «якобинской» чисткой реакционных учреждений. Это определенно фальсификаторская оценка. Правительство Вальдека-Руссо отнюдь не было якобинским; если оно и вело борьбу с реакционными клерикальными и военными кругами, то только потому, что происки этих крайних реакционных кругов были направлены против республиканского режима и угрожали резким обострением классовых противоречий.

Желая избежать общественного потрясения, Вальдек-Руссо пытался смягчить нарастающую остроту классовой борьбы. Для этого необходимо было поскорее закончить затянувшийся вопрос о Дрейфусе и в связи с этим необходимо было хоть до некоторой степени призвать к порядку распоясавшуюся реакцию. В этом смысле слова Вальдек-Руссо был «дрейфусаром». Его, конечно, гораздо меньше интересовала личная судьба Дрейфуса, чем необходимость (с его точки зрения) предотвратить возможное столкновение враждебных классов и упрочить республиканский буржуазный режим во Франции.

Вальдек-Руссо и ряд других буржуазных деятелей примкнули к лагерю дрейфусаров не из сочувствия к Дрейфусу, а из определенных политических соображений.

Наконец, к «дрейфусарам» примкнули рабочие, представители мелкой буржуазии и интеллигенции. Рабочие примкнули прежде всего потому, что они хотели дать отпор все более и более наглевшей клерикально-милитаристической и монархической реакции, а вместе с тем и потому, что сочувствовали невинно осужденному человеку.

Любопытно отметить факт, на который указывает в своих воспоминаниях Лео Блюм, что многие евреи вовсе не были дрейфусарами, считая более «благоразумным» отмежеваться от «изменника», отречься от всякой солидарности с ним [1].

Конечно, в связи с делом Дрейфуса Франк опять имеет возможность выделить целый ряд претендентов на роль диктатора. Дерулед, Герен, Бюффе, Сиветон, Кавеньяк — сколько приятных для фашистского автора лиц и сколько разочарований — «упущенных» возможностей реакционного переворота (похороны Феликса Фора, дни осады «форта Шаброль», одобрение парламентом антидрейфусарской речи Кавеньяка и т. д.)! И все-таки ничего не получилось. Почему? Да потому,— заявляет Франк, ссылаясь на Дрюмона, — что не было подходящего генерала, который взял бы на себя роль руководителя, а штатские, даже Дерулед, не годились для этой роли. Дерулед, не щадя своих сил, уговаривал генералов и словом и примером пытался повлиять на них, но неудачно.

Действительной причиной неудачи являлось, конечно, не отсутствие подходящего генерала, а то, что широкие массы французского народа были против реакционного переворота, и попытка произвести его привела бы к гражданской войне, для ведения которой у реакционеров не было сил.

Закончив изложение дела Дрейфуса, Франк так и не решается сделать свой вывод: он не говорит, был ли, по его мнению, Дрейфус виновен или нет... Он не может прямо сделать другой вывод, кроме того, который сделан уже давно и в настоящее время разделяется всеми, кроме кучки оголтелых реакционеров. Для Франка этот вывод неприятен, поэтому он и молчит. Его умолчание не менее жульнический прием, чем его «психологические» экскурсы. Франк надеется таким путем запутать неискушенного читателя и помешать ему сделать правильный вывод из дела Дрейфуса.

Но г-н Франк не только бессилен доказать, что Дрейфус был виновен в шпионаже; он не может доказать и основной свой «тезис». Он поставил перед собой задачу доказать, что французский народ давно уже разочаровался в демократии, что он с нетерпе-

---

[1] L. Blum, Souvenirs sur l'affaire, pp. 24—27. Paris, 1935.

нием ожидает свержения республиканского строя и установления фашистской диктатуры.

Для обоснования этого г-н Франк и выискивал всевозможных претендентов на пост диктатора, которых не мало появлялось за годы Третьей Республики во Франции. И каждый раз, констатировав неудачу очередного претендента, Франк мотивирует это главным образом личными свойствами незадачливого «диктатора». Этим неудачникам он пытается противопоставить удачливых «фюреров». Особенными симпатиями его пользуется Муссолини, которого он неоднократно рекомендует французским реакционерам в качестве «образцового» представителя фашизма.

Таким образом, фашист Франк пытается доказать, что будь во Франции свой Муссолини, все пошло бы иначе и вместо Третьей Республики давно уже установился бы тот режим фашистской диктатуры, который ныне царит в Германии и Италии.

Все это — наглая ложь, все это — бессовестная фашистская демагогия.

Причина неудачи французских реакционеров лежит не в личных свойствах их предводителей, так же как причина «успеха» «фюрера» и «дуче» лежала не в их личных качествах (каковы эти «качества», знает весь цивилизованный мир), а в тех особых экономических и социально-политических условиях послевоенной Германии и Италии, которые достаточно хорошо известны и на которых мы здесь останавливаться не можем.

Происки реакции во Франции потерпели поражение потому, что народные массы каждый раз давали реакционерам решительный отпор. Демократические традиции во Франции стали прочным достоянием народных масс.

Акад. Е. В. ТАРЛЕ

«ВОСТОЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО» И ФАШИСТСКАЯ ГЕОПОЛИТИКА[1]

I

В настоящей статье я хочу обратить внимание советского читателя на ту центральную, все собою определяющую роль, которую в политическом мышлении современного германского фашизма играет «порыв на Восток», т. е. мечта, или, лучше сказать, навязчивая идея о захвате территорий, лежащих к востоку от Германии. В связи с этим я отмечу, как эта идея одухотворяет целую наукообразную дисциплину, с таким жаром культивируемую в настоящее время в Германии: пресловутую «геополитику» в том виде, как ее подают читателям и преподают студентам.

Эту связь решительно необходимо отметить: идеологию врага следует знать, как можно отчетливее.

Один из наиболее литературных, или, — как предпочитает о них выражаться Генрих Манн, — «наименее безграмотных» гитлеровских публицистов Эрих Цех-Иохберг в своей книге «Германская история»[2], вышедшей в сентябре 1933 г., вполне точно и правильно выразил истинное отношение свое и своих хозяев к истории: «пишите не историю просто, и не историю политики, а политику истории». Они и пишут так «историю», чтобы она давала необходимые справки к очередным политическим вопросам и, вместе с тем, чтобы она сама «делала политику», аргументировала в пользу непосредственных действий, затеваемых нынешними германскими правителями.

«Если вам нравится чужая провинция и вы имеете достаточно силы, занимайте ее немедленно: как только вы это сделаете, вы всегда найдете достаточное количество юристов, которые докажут, что вы имели все права на занятую территорию». Таково было одно из любимых выражений Фридриха II.

Историки и «геополитики» в гитлеровской Германии с большим успехом заменяют, а во многом и превосходят юристов Фридриха, тем более, что масштабы и аппетиты в XX столетии — не

[1] Данная статья была напечатана с согласия автора и редакции сборника во второй книге «Историка-марксиста» за 1938 г.

[2] Czech-Jochberg, Deutsche Geschichte. Leipzig, 1933.

чета фридриховским, и любой из юристов, которые в свое время мгновенно доказывали «исторические права» прусского короля на Силезию, все-таки несколько затруднился бы доказать прусские «исторические права» на Украину и Урал.

Да это и не требуется. Гитлер уже давно, задолго до своего прихода к власти, выставил совершенно определенный и категорически формулированный тезис, основной тезис не только ж е л а т е л ь н о й, но, по его убеждению, единственно правильной внешней политики Германии в настоящем и предвидимом будущем. В с я германская историография последних лет в той или иной степени отразила в себе этот тезис. И нет ни малейшей надежды понять эту историографию, эту «политику истории», не усвоив вполне ясно, в чем состоит этот тезис и каковы его идеологические корни.

Дело идет о «приобретении европейского Востока» — не более и не менее. Это — факт общеизвестный. К сожалению, не все отдают себе отчет в том, какое всеопределяющее значение он имеет для всего политического мышления современной Германии.

«Предисторию» планов и установок Гитлера и гитлеровских «историков», геополитиков и просто политиков о «приобретении восточного пространства» (Ostraum) следует начинать издалека.

«Отец германского протекционизма», знаменитый Фридрих Лист (покончивший самоубийством в 1846 г.), первый из немецких экономистов обратил внимание на то, что «Германии удобнее, легче, безопаснее искать рынков сырья и сбыта, а также земли для колонизации не за морем, а на Балканском и Малоазийском востоке, т. е. на суше, непрерываемой от Германии до Персидского залива ничем, никакой «водяной преградой» («морская река» Босфор в счет не идет, конечно). Создание объединенной германской империи в 1871 г., последовавший вскоре тесный экономический и военно-политический союз с Францем-Иосифом, который всенародно объявил себя «часовым у палатки Гогенцоллернов», усиленное внедрение германского капитала в Турцию,—все это дало стародавней идее Фридриха Листа новое содержание и чрезвычайно конкретный характер. Через шестьдесят лет после смерти Фридриха Листа его мысль была подхвачена и подробно развита Науманом (в нашумевшей книге о «Серединной Европе») и его последователями.

А когда родившаяся 8 апреля 1904 г. франко-английская Антанта превратилась в августе 1907 г. в «Тройственное Согласие» путем включения в Антанту еще Российской империи, — то мечты о «Серединной Европе» породили в кругах германского теоретического и практического империализма совершенно определенное, четко обозначившееся разногласие. В самом деле. После заключения англо-русского пакта в августе 1907 г., после свидания короля Эдуарда VII с царем в Ревеле весной 1908 г., в Германии укреп-

ляется мысль, что Англия, с опозданием в 55 лет, решила ответить на предложения, сделанные в 1852 г. Николаем Павловичем лорду Сеймуру, — предложения, сводившиеся к разделу турецких владений между Англией и Россией. Тогда Англия ответила на это предложение Крымской войной, теперь наследники королевы Виктории и лорда Пальмерстона — король Эдуард VII и его министры — ответили полным согласием. Это было противопоставление, усердно повторявшееся в германской империалистской публицистике накануне мировой войны.

Раздел Турции стал, следовательно, только вопросом времени. Факты, как утверждали Рорбах, Ревентлов и др., не замедлили подтвердить это опасение. Разрушение Оттоманской империи,— говорили они,— по сигналу Антанты, уже началось в 1911 г. нападением Италии на Триполитанию, продолжалось нападением союза всех балканских держав на Македонию, на Албанию, на подступы к Константинополю в 1912—1913 гг. С указанной германской точки зрения было ясно, что из трех стран Антанты от раздела Турции выиграют больше всего Англия и Россия, но вовсе не Франция, вложившая также огромные фонды в Турцию, и что Франция довольно холодно относится к идее этого раздела. Но еще яснее было и то, что уж, конечно, не Франция будет помогать Германии в чем бы то ни было против России и Англии. Что же делать Германии? Спасать Турцию? Но для этого нужно круто перестроить всю свою политику, отказаться от мечтаний о великих заморских колониях. Бросить Турцию на произвол судьбы и изо всех сил продолжать строительство флота и погоню за африканскими и островными колониями? Сил на то и другое хватить не могло. Нужно было выбирать. И вот тут-то в военной и общей литературе вильгельмовской Германии поднялась полемика, которой тогда же было дано ходячее название: «Мольтке против Мэхэна» («Moltke gegen Mahan»).

Поясним это на первый взгляд непонятное выражение.

Дело в том, что еще в 1893 г. вышло первое (обработанное и полное) издание двухтомной книги американского военно-морского историка Мэхэна под названием «Влияние морской силы на французскую революцию и империю»[1]. Эта книга произвела уже в момент своего появления чрезвычайно сильное впечатление. Она много раз переиздавалась и с каждым новым изданием приобретала все более и более злободневный интерес именно для Германии.

Пресса адмирала фон Тирпица и основанный им «флотский союз» широко использовали сочинения Мэхэна для пропаганды необходимости спешной постройки первоклассного флота. Основная мысль книги Мэхэна заключалась в том, что если Англии

---

[1] A. T Mahan. The influence of Seapower upon the French Revolution and Empire. London, 1893.

удалось в конце концов одолеть Наполеона, то исключительно потому, что у Англии был флот, а у Наполеона после Трафальгарской битвы 21 октября 1805 г. флота не было и выстроить новый ему не удалось.

Весьма понятно, что Мэхэн мог стать одним из идеологических вдохновителей тирпицевской пропаганды в пользу флота. Но что же должен был обозначать этот новый лозунг: «Мольтке против Мэхэна», или, переводя на более понятный язык, «Мольтке против Тирпица»? Этот лозунг и давал точное выражение тому раздвоению мысли, которое возникло среди германских империалистов примерно между 1901 и 1914 гг. и которое не окончилось даже и теперь, хотя Гитлер и гитлеровцы полагают, что спор, по крайней мере — чисто теоретический, по этому вопросу окончен.

Раздвоение мысли заключалось в следующем. Одни (во главе с Тирпицем и Бюловым, а потом Бетман-Гольвегом) продолжали всецело держаться теории Мэхэна: нужно строить большой флот, чтобы не повторить ошибки Наполеона в его борьбе с Англией. Другие, — представленные в рейхстаге частью консерваторов, считавших себя наследниками заветов Бисмарка, — заявляли, что с Англией ссориться незачем, что она все равно не даст никогда перегнать себя в судостроении и что заводить заморские колонии и трудно и не имеет ни малейшего смысла: все равно связь этих новых владений с метрополией будет подобна тоненькой ниточке, которую британский флот перережет в любой момент, по своему желанию. Нужно поэтому все те огромные суммы, которые тратятся на бесполезный флот, обратить на усиление армии, нужно, подкрепив и увеличив таким путем свои сухопутные силы, еще теснее соединиться с Австрией, установить свой политический и военный контроль над Балканским полуостровом, реорганизовать турецкую армию, в конечном счете, — если понадобится, — вооруженной рукой отбить Россию, когда она будет покушаться на уничтожение Турецкой империи. Так сделал бы старый Мольтке, — говорили приверженцы этого взгляда, — старый фельдмаршал, который, подобно Бисмарку и в противоположность Вильгельму II, считал, что будущее Германии не «на воде», но на суше, и только на суше.

Мэхэн прав насчет Наполеона, — говорили приверженцы этого взгляда, — но почему? Потому, что Наполеон воевал одновременно против континента и против Англии, «против суши и против моря», но к Германии, если она не повторит этой ошибки Наполеона, теория Мэхэна не применима. Австрия, «Средняя Европа», Малая Азия — сплошная «суша», и от Гамбурга до Багдада можно проехать и провести товары, ни разу не встретившись с англичанами и забыв о существовании британского флота. «Армия, а не флот, Мольтке, а не Мэхэн, европейский и ближнеазиатский Восток, а не заморские колонии!» таков был лозунг части германских империалистов уже накануне мировой войны.

К величайшему сожалению Гитлера (высказанному им в книге «Моя борьба»), когда в начале XX столетия стала дилемма: «сохранение германской нации — или сохранение всеми мерами мира», германская дипломатия предпочла второе.

Читатель спросит: как же она «предпочла» сохранение мира, когда налицо документы за июль и август 1914 г., не говоря уже о более ранних. Гитлера это ничуть не смущает: Германия, по его мнению, конечно, неповинна в войне! На нее напали! Ее обманули! Ее окружили! и т. д.

Вся вереница этих навязших в зубах лживых разглагольствований пропагандируется Гитлером как самая непреложная истина.

Глазам не веришь, знакомясь с этой сплошной, вполне сознательной ложью о германском разгроме 1918 г. Победа Германии совсем уже была якобы в руках, — но вот марксистско-европейские заговорщики, боявшиеся этой победы, все испортили, разложили «непобедимую» армию и привели к версальскому позору. Вся эта наглая фантасмагория преподносится в обычных для книги «Моя борьба» пошло-сентиментальных и театрально-гневных тонах. Человеку хотя бы с минимально развитым эстетическим вкусом читать это произведение противно [1]. Все дело было в том, что «император Вильгельм II протянул руку примирения вождям марксизма, не понимая, что у мошенников нет чести. Держа императорскую руку в своей, они другой рукой уже искали кинжал» (I, 217).

Первые успехи германского оружия во время мировой войны, хотя и прерывавшиеся уже тогда весьма чувствительными поражениями (первая Марна, занятие Львова русскими войсками и т. п.), весьма окрылили германскую крупную и среднюю буржуазию, и 20 мая 1915 г. канцлеру Бетман-Гольвегу была подана знаменитая записка «шести хозяйственных объединений» (центральный союз германских промышленников, промышленный союз, германско-имперский союз среднего сословия, союз сельских хозяев, германский крестьянский союз, правление христианских крестьянских союзов).

В этой записке требовались и обширные аннексии на западе за счет Бельгии и Франции, и колонии, и обширнейшие присоединения земель Российской империи. Имелось в виду не только оторвать от России наиболее хлебородные области, но и установить протекторат (!!) над немецкими колонистами на юге России и по Волге: «...установить связь бесправных германских крестьян в России с германским имперским хозяйством и (этим) значительно повысить численность пригодного к обороне населения».

Эта «программа шести союзов» дополнялась такой же щедрой программой колониальных завоеваний в Африке, Индонезии и т. д. Все это писалось в 1915 г.

---

[1] «Mein Kampf», Bd. I, S. 204—220.

Но вот грянули Февральская, а затем и Октябрьская социалистическая революции в России; вместе с тем обнаружилось, что после вступления Соединенных Штатов Америки в войну надежды на окончательное сокрушение Англии весьма и весьма потускнели.

И тогда-то, в дни Брест-Литовского мира и в весенние и летние месяцы 1918 г., с новой силой воскресает лозунг: «Мольтке против Мэхэна», а осенью, — в особенности после катастрофы германской армии 8 августа между Анкром и Авром, — этот лозунг в исправленном и дополненном виде превращается в довольно стройную систему новой тактики германской дипломатии с целью добиться приемлемого мира.

О колониях уже ничего не говорится, и когда не весьма щедро одаренный умственными способностями Пауль Рорбах, засидевшийся в гостях у «гетмана» Скоропадского в Киеве, заикнулся о том, что французам следует предложить отказаться от Марокко и Алжира, то ему велено было из Берлина немедленно умолкнуть.

Нет, не в колониях дело: все уступим Англии и Франции на западе и за морями,— лишь бы они дали нам «свободу рук на Востоке» («frei Hand im Osten»).

Размеры статьи не позволяют привести образчики поистине бредовых фантазий, возникавших в германской буржуазной прессе в последние месяцы пред окончательной капитуляцией и разгромом Германии. Даже распределялись уже электростанции между Сименс-Гальске и другими фирмами: кому взять Томск, кому электрифицировать Ташкент. Уже высчитывалась нагрузка рельсопрокатных заводов Германии в виду близкой необходимости дублировать сибирскую железную дорогу и т. д.

Кратковременное занятие русских территорий весною и летом 1918 г. имело поистине роковое значение для психологии вождей буржуазных партий Германии вообще, а реакционно-монархических и фашистских группировок в особенности: бо̀льшая часть их крепко и надолго уверовала в полную будто бы легкость аннексий на Востоке и в дальнейшем будущем.

Но наступает страшная для Германии осень 1918 г.: отпадение Болгарии, отпадение Австрии и Венгрии, разгром Турции — и, наконец, полная сдача самой Германии на милость победителей. Германские войска эвакуируют Украину, Польшу, балтийские земли, Литву. Затем 28 июня 1919 г. подписывается ужасающий для Германии Версальский мир. Отражается ли вся эта неслыханная катастрофа на отмеченной только что иллюзии? Нисколько! Буквально на другой день после поражения Людендорф пресерьезно выступает со своим знаменитым предложением, переданным Жоржу Клемансо: он предлагает совместный поход французских и германских войск в Россию для низвержения Советской власти; верховным главнокомандующим пусть будет маршал Фош, а он, Людендорф, любезно берется быть начальником штаба. Этот план

Клемансо назвал «бредом помешанного». Старому французскому «тигру» показался бессмысленным расчет Людендорфа на глупость французов, на то, что французы могут не понять, куда метит Людендорф! А мысль Людендорфа была весьма прозрачна: в награду за «спасение Европы от большевизма» Германии было бы позволено взять любые территориальные компенсации за счет земель Советского Союза. Эта глубокомысленная идея не прошла! Но прочно засевшая во многих головах мысль продолжала жить в Германии...

Да не подумает читатель, что эта мысль совершенно исчезла в годы после Рапалло, в годы руководства Штреземана внешней политикой и исправного действия Веймарской конституции. Когда Штреземан скончался, то в некоторых некрологах его похвалили за попытки «доверительно» убедить Бриана в необходимости «компенсировать» Германию на Востоке и этим создать возможность и предпосылки к «чистосердечному франко-германскому примирению».

Но для кого мысль о возможности и легкости захватов на Востоке сделалась в самом деле какой-то патологической «неподвижной точкой», — это для Гитлера и гитлеровцев, еще задолго до их воцарения в Германии.

Для «национал-социалистов» эта идея была тем более заманчива, что надежда на территориальные приобретения тут сопрягалась с упованием на сокрушение ненавистного Советского строя.

Известно, до какой небывалой по наглости и наивности выходки дошел германский фашизм в эти первые «медовые» месяцы своего существования. Летом 1933 г. в Лондоне собирается конференция держав по вопросу об экономической ситуации и о способах ее поправить.

И здесь, в присутствии представителя Советского Союза, Гугенберг развивает мысль о необходимости «предоставить» Германии экономическую «свободу рук»... на Украине. После его выступления английские газеты писали, что участники конференции, по их собственному позднейшему признанию, ушам своим не верили, слушая Гугенберга. Ему дали, конечно, понять, что после его изумительной выходки дальнейшее его пребывание в Лондоне не является необходимым для конференции. Гугенберг вылетел из Лондона на самолете — и улетел безвозвратно: Берлин поспешил лживо удостоверить, будто его выступление произошло по личному вдохновению. Конечно, это была не первая и не последняя официальная ложь германского фашизма.

Гугенберг только громогласно выразил сто раз повторенное западноевропейским державам «скромное» предложение гитлеровцев: немцы берут на себя вооруженную борьбу против «большевизма», а в награду просят Украину.

«С Англией — против России!» «По следам тевтонских рыцарей, вперед, на Восток!» «Если искать почвы в Европе, то это

можно осуществить только за счет России!» (I, 147). Таковы нагло-откровенные призывы Гитлера.

Для подобной политики, — глубокомысленно пишет Гитлер, — у Германии в Европе есть лишь один возможный союзник, это — Англия. Гитлер с отчаянием вспоминает об «ошибке» германской дипломатии, отвергнувшей союз с Англией (в 1899—1900 гг.). «Мы в 1904 г. в десять раз сэкономили бы кровь, пролитую в 1914—1918 гг.», если бы Германия «взяла на себя роль Японии» (т. е. тогдашнего союзника Англии) против России.

Но вот англичане, например, никак не могут взять в толк, что если они не хотят отдать Германии колонии, то, по крайней мере, должны одобрить нападение на Чехословакию, Литву и Советский Союз. «Что делает разговор с англичанами таким бесконечно трудным (unendlich schwer), это основное свойство их пуританской натуры — все на свете события ставить перед судом своей совести. Вследствие этого свойства дискуссия постоянно отвлекается от деловых вещей к моральным оценкам,—так жалуется Зонненголь на англичан, не понимающих, что нужно же Германии дать время усилиться за счет «европейского Востока» раньше, чем Гитлер «всерьез» заговорит о возвращении колоний [1]. Самое любопытное, что гитлеровская публицистика несколько раз с обезоруживающей откровенностью объясняла печатно своим читателям явное и вопиющее противоречие, существующее между отчетливо выраженной мыслью Гитлера о несвоевременности для Германии активной погони за заморскими колониями и постоянно повторяемым теперь предъявлением к Англии требования возврата африканских колоний Германии. Оказывается, никакого противоречия нет, а это просто — «тактический прием»: чем чаще беспокоить Англию напоминанием об африканских колониях, тем легче последует со стороны Англии согласие, хотя бы молчаливое, на «приобретение восточного пространства» Германией в Европе, начиная с Австрии, продолжая Мемелем, Судетской Чехией и кончая Украиной.

Повторяя на все лады мысль об единоспасающем значении завоевания «европейского Востока», Гитлер не забывает, конечно, об этом и в своем «политическом завещании» (politisches Testament), которое он заблаговременно составил, — хотя отнюдь не собирается еще умирать! — и для пущей торжественности напечатал разрядкой во втором томе своей книги [2]: «Заботьтесь о том, чтобы сила нашего народа покоилась не на основе колоний, но на почве европейского отечества. Не считайте никогда государство обеспеченным, если оно не может на столетия вперед обеспечить каждому отпрыску нашего народа собственную земельную недвижимость. Никогда не забывайте, что священнейшее право на

---

[1] «Die Tat», Abteilung «Deutsch-englische» Gespräche, S. 347, August 1937.

[2] «Mein Kampf», Bd. II, S. 327—328.

свете — это право на землю, которую человек желает обрабатывать сам, а священнейшая жертва — это кровь, которую человек проливает за землю». И тут же эти слова, ни в малейшей степени не нуждающиеся в комментариях, поясняются с той назойливой многословной манерой, которая так характерна для самовлюбленного самоучки, впервые взявшегося за перо, если он располагает крайне ограниченным запасом основных мыслей. И снова многозначительная разрядка: «Не западная и не восточная ориентация должна быть будущей целью нашей политики, но восточная политика в смысле приобретения необходимой земельной площади» (II, 330).

В 1936 г., в своей знаменитой речи в Нюрнберге на сентябрьском съезде национал-социалистической партии, Гитлер уточнил свою мысль. Оказалось, что если бы «приобрести» Украину, Урал и Сибирь (по другой версии — Украину, Урал и Кавказ), то «всякая германская хозяйка почувствовала бы, насколько ее жизнь стала легче». Следует, впрочем, заметить, что география вожделенного «европейского Востока» никогда не была самой сильной стороной, вообще говоря, скромной эрудиции фюрера. Достаточно указать, например, на тот пересчет мест «кровавых сражений мировой войны», который он дает (II, 336): «Сомма, Фландрия, Артуа, Варшава, Нижний Новгород, Ковно и Рига». Нижний Новгород влетел сюда внезапно, как плод того же освобожденного от всяких пут вдохновения, которое заставило Урал поставить рядом с Украиной и тем самым указало германскому народу еще на одну заманчивую и обширную цель: овладение также территорией, отделяющей Украину от Урала, ибо иначе как же обеспечить сообщение между этими частями будущей «Великогермании» (Grossdeutschland)?

А создать эту «Великогерманию», — проповедуют германские фашисты, — и необходимо, и неизбежно: в этом начало германской миссии, германского «посланничества» на земле.

В 1933 г. в Лейпциге вышла книга под любопытным названием: «О смысле современности. Книга о германском посланничестве».[1].

Книга полна той псевдоглубокомысленной мессианистской болтовни о призвании германского народа, которая успела так жестоко навязнуть в ушах всех слушающих, например, «радиодиффузию» Альфреда Розенберга, Адольфа Гитлера, Геббельса и прочих. Припев, конечный вывод всегда один и тот же — и в толстых книгах, и в скоропалительном радиовещании: «дорога к «Третьей империи» ведет через Ближний Восток. К этому приурочивается германская политика своими ближайшими задачами» [2].

---

[1] Hans Eibl. Vom Sinn der Gegenwart. Ein Buch von deutsher Sendung. Leipzig, 1933.
[2] Op. cit., S. 368.

«Ближний Восток» — это, конечно, Рига, Ревель, Ковно, Киев — для начала. А там видно будет, где именно кончается «ближний» Восток и начинается более дальний. Судя по речи Гитлера в Нюрнберге в сентябре 1936 г., Урал, повидимому, тоже входит в «ближний» Восток, и именно — подлежащий особому использованию со стороны «немецких хозяек» (die deutsche Hausfrauen).

Историк Эйбль много философствует о таинственном, провиденциальном значении слова: «Австрия», Oesterreich. Его восхищает то, что в самом этом слове есть что-то от востока (Ost, Osten). Австрия — это «восточная марка» «Третьей империи», это плацдарм и исходный пункт для овладения «Ближним Востоком». Это-то и делало вопрос об аннексии Австрии таким жгучим для всех гитлеровских политиков, историков и государствоведов.

С Австрии начато. А чем же кончить? Это будет видно. Зачем стеснять себя заранее?

Вообще неопределенность будущих границ «Третьей империи» является в сущности счастливейшим открытием гитлеровских «историков» (с их точки зрения). В самом деле, извольте, например, остановить германскую экспансию, если «вождь» пожелает «воссоединять» германские племена согласно, скажем, требованиям популярнейшего сейчас в Германии историко-археологического трактата Густава Коссины! [1]

Оказывается, что германцы «влияли» и своим оружием, и своими черепами (sic!) на финские племена, которые в начале книги понемножку начинают уже величаться «финно-индогерманскими», а к концу оказываются как две капли воды похожими на германцев. А так как некоторые филологи нашли финское влияние даже в звуке и составе слова «Москва», — то вот и начало научного обоснования прав «Третьей империи» на Москву. О балтийских странах и Финляндии — нечего и говорить! Сам Коссина о Москве, правда, не поминает, но о Балтике и Финляндии говорит определенно; так же, как—уж кстати!—и о Чехии. Москва лишь подразумевается: читателю самому предоставляется сделать вывод из «финно-индогерманских» расселений на Востоке. А чтобы облегчить читателю эту работу мысли, автор печатает перед титульным листом книги фототипию (во всю страницу), изображающую Гинденбурга в 1915 г. на Мазурских озерах. А заключает он свою книгу изречением того же Гинденбурга, сказанным там же, по поводу раскопок этого патриотического археолога: «При взгляде на высоко стоящую старогерманскую культуру мы снова должны уяснить себе, что мы только тогда сможем остаться немцами, если мы всегда будем сохранять остроту нашего меча и блюсти боеспособность нашей молодежи». Эти слова маститого

---

[1] G. Kossinna, Ursprung und Verbreitung der Germanen in vor- und frühgeschichtlicher Zeit. Leipzig, 1934.

генерала-от-инфантерии напечатаны в конце последней страницы и являются окончательным и главным выводом всего названного «труда» по доисторической археологии.

Подобно всем дилетантам, Гитлер и его «историки» и «социологи» крайне охотно и без малейших затруднений оперируют «тысячелетиями». Гитлер пишет: «Еще никогда в отношении размеров территории и числа народонаселения Германия не была в таких невыгодных условиях сравнительно с другими нациями, как в начале нашей истории, — две тысячи лет тому назад, — и вот теперь, в настоящее время» [1].

Первое тысячелетие истории германского народа гитлеровские историки начинают с кимвров и тевтонов, напавших на римскую империю (и, кстати сказать, —о чем эти историки забывают упомянуть! — жестоко поколоченных Марием). Второе тысячелетие начинается с избрания в 919 г. герцога саксонского Генриха I на германский престол. Наконец, третье тысячелетие «начинается с одного имени, с имени Адольфа Гитлера» [2].

Первое тысячелетие дало, видите ли, «язык, народность и, по меньшей мере, представление о политической общности (Gemeinheit)»; второе тысячелетие принесло «политическое единство и высшую степень культуры». Но это единство было незавершенным.

И вот наступило «германское чудо»: появился вышеназванный Адольф, который и употребит начинающееся третье тысячелетие (автор Франц Людтке тут несколько запутался стилистически и явно заврался) на великие дела, и прежде всего юношеский германский народ «разобьет свои цепи, создаст пространство на Востоке (den Ostraum gestalten) и осуществит «Великогерманию» (Grossdeutschland).

Я привожу Людтке потому, что, во-первых, он необычайно типичен и, во-вторых, потому, что эта типичность сказывается именно в выпячивании проблемы военного захвата и экономического использования «европейского Востока» (читай: территории СССР) — в теоретических и исторических фашистских работах, какой бы общий характер они ни носили.

II

Таков строй идей, породивший излюбленное чадо теоретизирующей фашистской мысли — геополитику.

Термин «геополитика» первым пустил в оборот шведский профессор Челлен (Kjellen), а популяризировал его Адольф Геттнер в своей книге «География. Ее история, ее существо и ее методы». Один из «теоретиков» новейшей «геополитики» Курт Фовинкель

[1] «Mein Kampf», Bd. II, S. 305.

[2] «Aufbruch in das dritte Jahrtausend deutscher Geschichte» von Franz Lüdtke (Nationalsozialistische Monatshefte. № 39, S. 276—280).

с гордостью признает, что он и его друзья занимаются не столько географией, сколько именно политикой, учением о государстве (Ja, wir treiben Staatskunde)[1].

Фовинкель дает с полной готовностью все уточнения, которые ни Челлену, ни даже Геттнеру и в голову не приходили: «Внешняя форма государства определяется жизненными проявлениями в недрах народного тела, выражением которых является история и культура, — а также она определяется данными того пространства, в котором государство имеет свои корни, и расовой волей, олицетворенной в личности вождей»[2]. И тут же — восторженная цитата из Гитлера. Суконный язык Фовинкеля все-таки нисколько не затемняет основной мысли автора: геополитика есть учение о том, почему современному германскому фашизму желательно урвать у соседей данные территории, какие из них следует урвать в первую, а какие — во вторую очередь, и как наиболее ловко и целесообразно подготовить идеологическую почву и благоприятную атмосферу для успешного проявления этой «расовой воли» к ограблению соседей.

«Геополитика» в ее нынешнем, фашистском значении — это один из многочисленных псевдонаучных терминов, которые с давних пор применялись с бо́льшим или меньшим успехом германской националистической наукой. Эта манера была в ходу очень задолго до Гитлера. Достаточно вспомнить знаменитых «индо-германцев», под которыми, к изумлению французских, английских и других ученых, в один прекрасный день стали в Германии понимать индо-европейцев. «Геополитика» возникла, как и «индо-германцы», еще до Гитлера. Но только сейчас, в гитлеровской Германии, этот термин приобрел такое боевое политическое значение. По точному смыслу двух греческих слов, входящих в этот термин, геополитика есть политика, связанная с землей, т. е. с земельными приобретениями, с вопросом об овладении новой землей и заселением этой земли.

В понимании современных германских «геополитиков» этот термин не охватывает собой, например, всю колониальную политику, как следовало бы ожидать по прямому смыслу термина, — но, напротив, обыкновенно противополагается колониальной политике если не в теоретических трудах, то в практическом словоупотреблении. В просторечии — «геополитика» — это «наука» о политике, направляющейся к захвату «германской расой» земли по преимуществу в Европе, а не в заморских странах. Генрих I, потом Генрих Лев, потом Фридрих «Великий» прусский — вот светила «геополитики» в прошлом. Альфред Розенберг и Адольф Гитлер — вот корифеи «геополитики» в настоящем. Их геополитика гармонически соединяется со смелым нова-

[1] Zeitschrift für Geopolitik, 1936, № 10. Oktober, S. 668; Vowinkel, Geopolitik und politische Geographie.

[2] Op. cit., стр. 690.

торством: они полагают, что истинный «геополитик» должен стремиться к овладению именно только землей, а вовсе не населением, которое на этой земле живет. Это население должно быть без потери времени выведено в расход, ибо оно может в дальнейшем лишь испортить чистоту расы северных долихокефальных, светлокудрых германских победителей. Лозунг «ausrotten» («искоренить») автохтонов сопрягается с другим, многократно уже высказывавшимся лозунгом: «не колонизова́ть, а заселить завоеванные (в будущем) земли».

Эти будущие завоевания должны быть не «колониями», а прямым продолжением Германии. Университетские преподаватели «геополитики» не перестают настаивать, что «геополитика» не только наука, но и искусство, — нечто вроде стратегии. И прежде всего это искусство должно быть испробовано «светлокудрыми Зигфридами» на Востоке. Для начала — в Прибалтике, Литве и на Украине, а там видно будет! Да не выступит против Зигфрида злобный карлик Гаген, der grimme Hagen! И да не положит он предела его подвигам на Востоке!

Чтобы вникнуть в «дух» геополитического мышления, достаточно вглядеться в самое построение «политико-географических» курсов и учебников послевоенного времени. Возьмем одну из ранних книг этого типа, вышедшую в свет еще за одиннадцать лет до окончательной гитлеризации германской науки и являющуюся одним из самых объемистых и по-своему содержательных трудов этого типа. Я говорю о фашистской «Политической географии» Артура Дикса [1]. Она дала фактический материал почти всем популярным книгам по политической географии, вышедшим в Германии в 1933—1937 гг., и уже поэтому заслуживает внимания. Вся эта книга (как подавно и все нынешние ее популяризации) построена больше как программа будущих желательных активных действий германской внешней политики, чем как систематическое изложение того, что существует на самом деле. У Артура Дикса и популяризирующих его маленьких Артуров Диксов работа мысли протекает, — если применить к ним философские термины, — не в категории действительности, а в категории долженствования. Достаточно привести самые характерные названия глав этой основоположной книги: «Стремление к источникам пропитания. Стремление к источникам сырья. Стремление к рынкам сбыта. Стремление к местам вложения капитала. Стремление к господству над бассейнами рек. Стремление к морю. Стремление к морским подступам. Стремление к заморским странам. Стремление к пространственному расширению могущества. Стремление к этнографической связанности. Стремление к мировому государству. Стремление к обеспечению могущества. Учение о границах».

[1] A. Dix, Politische Geographie. Weltpolitisches Handbuch, S. 60?. München und Berlin, 1922.

Слово «стремление» (das Streben) начинает собой целый ряд самых характерных глав, а «учение о границах» сводится после долгих рассуждений к тому, что «естественные», т. е. стратегически наилучше защитимые границы Германии, к сожалению, запутаны этнографически, выражаясь яснее — они лежат в чужих государствах и далеко не совпадают с более скромными, фактически существующими границами Германии. Вывод ясен для самого недогадливого читателя.

«Геополитика» нынешней Германии есть лженаучная пропаганда целей, к которым германскому фашизму надлежит стремиться в области установления новых, широчайше отодвинутых во все стороны, но особенно — на восток, границ и в области захвата новых территорий в Европе и Азии. Африка и острова сравнительно очень мало интересуют «геополитиков».

Не столько учить тому, что было или что есть, сколько возбуждать стремление к тому, что желательно, — вот весь смысл этих книжонок по псевдоистории и псевдогеографии. А желательно прежде всего захватить, проявляя максимальную ловкость рук, соседние земли, которые окажутся «плохо лежащими». Захватить какими угодно средствами: разжигая внутреннюю рознь в этих странах, наводняя их шпионами, взрывая склады, создавая подсобные вооруженные банды из подходящих местных жителей (прежде в Австрии, теперь в Чехословакии, напр.), убивая министров, устраивая диверсии и, когда подвернется удобный случай, учиняя внезапные военные налеты и вторжения.

Ту же мысль о геополитике как о «науке», которая больше думает о *будущей* географии, чем о настоящей, о *будущих* «пространствах», которые «завоюет германский меч», а не о скромном «пространстве» нынешней Германии,—повторяют все, без единого исключения, нынешние «корифеи» этого любопытного псевдонаучного разветвления геббельсовской пропаганды, которое называется геополитикой.

Коллективный труд Гаусгофера, Отто Мауля и др. «Bausteine zur Geopolitik», бывший как бы манифестом новейшей фашизированной геополитики, вышел в 1928 г., еще за пять лет до официального установления диктатуры фашизма. Но только с 1933 г. геополитика была официально признана «*миросозерцанием* национал-социалистического государства» [1]. И время от времени Гаусгоферу поручается затевать научно-дипломатические переговоры с иностранными державами, и его статьи именно вследствие их «высокоофициального» происхождения, которое ни для кого не тайна, обыкновенно внимательно обсуждаются в политической прессе на Западе.

Временем заложения основ боевой геополитики был конец

[1] «Sie (die Geopolitik) ist seine (des nationalsozialistischen Staates)... Anschauung der Welt»,— в Zeitschrift für Geopolitik», № 6, 1935. Paul. *Hartig*. Geopolitik und Kulturkunde, S. 386.

1933 и особенно 1934 год. В 1935—1938 гг. только развивались, варьировались, конкретизировались общие принципы, высказанные в 1933—1934 гг.

Этот, по-своему, любопытный, очень темпераментный генерал-майор Карл Гаусгофер, сверхзаведующий всей фашистской геополитикой и ответственный редактор-издатель центрального казенного журнала «Zeitschrift für Geopolitik», установил деление всех держав земного шара на две категории: державы обновления (die Mächte der Erneuerung) и державы упорствования (die Mächte des Beharrens). Эти достойные порицания «упорствующие» державы (Англия, Франция, Соединенные Штаты Америки) именуются также «державами застоя и безопасности, покупаемой любой ценой»[1]. Именно прискорбное с точки зрения бравого генерал-майора пристрастие нефашистских держав к «застою» и миру и мешает гитлеровской «державе обновления» «обновить» свои границы на востоке. Особенную досаду этого «фельдфебеля в Вольтерах» возбуждает Англия, именно потому, что она иной раз, кажется, вот-вот готова отказаться от «упорствования» и дать Гитлеру «свободу рук» на Востоке, и смотришь — опять погрузилась в свой «застой» и не желает слышать об обновлении германской восточной границы.

Тот же генерал-майор-от-геополитики —в своем большом манифесте «Простор для дыхания, пространство для жизни, равноправие на земле!» торжественно обращается к четырем «крупным землевладельцам» на земном шаре: к двум «колониальным державам старого стиля» (т. е. к Англии и Франции), к Соединенным Штатам Америки и Советскому Союзу. Он грозит этим четырем владельцам земли (die Grossgrundbesitzer der Erde, как он их настойчиво называет), что «так или иначе, принудительно, или добром, из соображений справедливости, или из политической дальновидности» — но Германия должна получить новое «пространство», а поэтому следует, не теряя золотого времени, приступить к «новому разделу (die Neuverteilung) земного пространства в зависимости от производительности труда и жизнеспособности»[2].

Геополитики то прямо, то косвенно, но очень настойчиво предлагают трем «крупным владельцам» земного шара отвести от себя грозу, пожертвовав — уж так и быть! — четвертым владельцем, т. е. Советским Союзом. В этом и заключается вся дипломатическая мудрость геополитических теоретиков и национал-социалистических практиков. Дальше этого они не шагнули ни в 1935, ни в 1936, ни в 1937, ни в 1938 году.

«Основа для работы и задач геополитики как науки... опреде-

---

[1] K. Haushofer. Weltpolitik von heute, 1934, и его же, Fern-Ost und Naher Westen, в XII Bd. «Zeitschrift für Geopolitik». 1934.

[2] K. Haushofer. Atemweite, Lebensraum und Gleichberechtigung! (восклицательный знак принадлежит Гаусгоферу). «Zeitschrift für Geopolitik». Januar 1934.

ляется тем фактом, что добываемые ею познания (ihre Erkentnisse) не останавливаются на настоящем, но ведут в будущее» [1].

Идея патриотической «геополитики» настолько затейлива, что ее очень затруднительно выразить в нескольких точных определениях. Чтобы ее понять, нужно аккуратно читать любопытный «центральный орган» этой новой дисциплины: «Zeitschrift für Geopolitik», издающийся в Мюнхене уже поминавшимся профессором и генерал-майором Карлом Гаусгофером.

Самое характерное тут — это упорная и с жаром повторяемая мысль о том, что в географии не так важна статика, как динамика. Например, казалось бы, что можно себе представить более «статического», чем стенные географические карты в школах? Но нет! И карты обязаны быть «динамичными». Не многое приходилось мне читать с таким любопытством, как статью одного из нынешних геббельсовских маститых геополитиков, Вальтера Янтцена «Отпечаток германского народа на геополитических стенных картах», появившуюся в августовской книге только что названного журнала за 1937 г. [2] Вот обозначение, которое дает автор: «Геополитическими стенными картами называются такие, которые выходят за пределы одного только изображения фактического положения—статика—и хотят обозначить движение и события в пространстве—динамика». Так как неискушенному читателю эта фраза может показаться очень похожей на галиматью, то ее автор поясняет дальше эту основную геополитическую идею заостренными критическими экскурсами и примерами. Вот, например, вышла в Лейпциге в средине 1937 г. стенная географическая карта профессора Макса Георга Шмидта. Вальтер Янтцен был бы ею доволен, если бы не некоторые досадные «оплошности» Макса Шмидта. Например, от Балтийского до Черного моря тянется громадная полоса, зачерченная сплошной зеленой краской, которая обозначает славянскую расу! «Не принят во внимание столь важный для германской истории мотив племенной, языковой и культурной пестроты (Buntheit) восточной и юго-восточной европейской зоны». Это ведь важно именно для «исторической динамики», если бы германская раса пожелала воспользоваться при случае балтийской и украинской «пестротой». Или, например, зачем Испанию обозначать как романскую страну, родственную Франции? Известно ведь, что генерал Франко нашел, что Испания ничего общего с Францией не имеет! Таким образом, подчеркивать на геополитической карте романский характер Испании сейчас «едва ли актуально», kaum aktuell [3].

«Геополитик» Гайн строит свою книгу «Германское простран-

---

[1] Schepers, Geopolitische Grundlagen der Raumordnung im Dritten Reich. «Zeitschrift für Geopolitik», № 1, 18 Januar 1936.

[2] «Zeitschrift für Geopolitik», № 8, S. 670, 1932; W. Jantzen. Das Gepräge des deutschen Volkes auf den geopolitischen Wandkarten.

[3] Op. cit., S. 671.

ство» (der deutsche Raum, 1935) как доказательство тезиса о будущем Германии на Востоке; другой геополитик, уже цитированный мною Шеперс, пишет: «Разрешение германских восточных вопросов принадлежит к жизненным задачам «Третьей империи», и в этом разрешении самая существенная основа для возрождения и величия после векового упадка»[1].

Геополитика агитирует в пользу крепкого хозяйственного немецкого мужика-кулака, который призван завоевать и заселить «Восток»: «...полем политической силы снова должна будет сделаться колониальная почва на Востоке», а «крестьянская сила» и будет орудием этой «колонизации»: die alte kolonisatorische Bauernkraft[2].

Ставка на «хозяйственного» крестьянина, крепко держащегося за свою землю, как хранителя «чистоты расы» — вообще характерная черта германского фашизма. Мужик-кулак противопоставляется ненавистному, «выросшему на асфальте» пролетарию города.

Борьба против увеличения городов, против усиления городского элемента, борьба за «сохранение германского коренного крестьянства» и против дальнейшего превращения сельского населения в горожан (die Verstädterung) — один из основных лейтмотивов германских публицистов и квази-историков, прикрывающих и обосновывающих всю нагло-захватническую политику современных властителей Германии[3].

Так мыслит и сам великий философ от гитлеризма Альфред Розенберг.

«Наша историческая философия, наша историческая наука, наша социология — все это в пророческом творении Альфреда Розенберга!» — с восторгом вещал не так давно по радио некий Фрик из Мюнхена. Он имел в виду в самом деле крайне характерную для всей идеологии гитлеровщины работу Розенберга «Кризис и возрождение Европы», которая еще в 1933 г. была послана Розенбергом в Рим на «Европейский конгресс», затеянный по инициативе Муссолини Итальянской Академией Наук[4]. Эта «историческая философия», — соединяющаяся, как всегда, у гитлеровских «историков» с вдохновенно-кликушескими прорицаниями о ближайшем будущем, — крайне ясна и проста для понимания. Европа должна соединить все свои разнохарактерные расовые силы и противостать африканским и азиатским расам, возглавляемым «большевизмом». Какие же это разнохарактерные европейские силы? Их ровным счетом четыре, и каждой из них

[1] Schepers. Geopolitische Grundlagen, S. 23.

[2] Ibidem, S. 31.

[3] Astel. Rassendämmerung etc., в «Nationalsoz. Monatshefte», № 60. S. 209, 1935.

[4] «Krisis und Neugeburt Europas», в F. T. Harf, Alfred Rosenberg. Der Mann und sein Werk.

Альфред Розенберг великодушно отводит поле действий в будущем и добычу при победе над указанными африканско-азиатско-большевистскими супостатами: Италия пусть распространяется на юго-восток и восток, Великобритания — «на морях» и за морями (über die Meere, без пояснений, что это означает!), Франция — на юг, а Германия, естественно, — на восток и на северо-восток. При этих условиях «четыре великих народа» устремят свои «мощные потоки» не друг против друга, а в разные стороны, и не только не передерутся на радость африканцам, азиатам и большевикам, но, напротив, будут еще помогать друг другу и будут общими усилиями превозмогать препятствия, которые возникнут пред любой из этих четырех наций. В этом и будет заключаться истинное единство Европы!

Кто мешает Германии в ее успешной гитлеризации, тот помогает враждебным Европе силам не только на Рейне, но и в Сингапуре и Калькутте[1]. Такова проблема европейского «белого человека» и его спасения от цветных рас и от, — правда, тоже белого, но более опасного, чем все цветные, вместе взятые! — большевика.

Заметим, что здесь — уже некоторое отклонение от «первоучителя»: ибо сам Гитлер полагает, что Франция уже слишком негризировалась и признает удобным поэтому ее уничтожить. Розенберг, так и быть, включает Францию в Европу и дает этим ей возможность еще познать свои заблуждения и исправиться. Но ясно, что если она попрежнему будет держаться за франко-советский пакт, то пусть пеняет на себя.

Восторженный биограф Розенберга Гарт заверяет читателя честным словом, что все эти счастливые «открытия» Розенберга основаны «на познаниях, почерпнутых из исторических исследований», каковые познания сделали Розенберга, однако, не «копающимся в мелочах ученым, но действующим политиком».

«Не Карл Великий, а Видукинд, не Фридрих Барбаросса, а Генрих Лев!», — восклицает Альфред Розенберг (именно он, Розенберг, первый дал этот тон современной гитлеровской медиевистике!). И не Габсбурги, а Фридрих II является предтечей спасения германской души, — окончательно «спасенной», как известно, Адольфом Гитлером 30 января 1933 г.[2]

Все это стоит в теснейшей связи с основным мотивом: и в прошлом, и в настоящем, и в будущем Германии дороги и нужны люди, которые вели ее на Восток, на завоевание «восточного пространства». И «душевная субстанция» германского народа

[1] F. T. Harf. Alfred Rosenberg, Der Mann und sein Werk, Krisis und Neugeburt Europas, S. 95.

[2] Op. cit., S. 85: «Deutschland stellt heute nicht Karl den Grossen, sondern seinen Gegner Herzog Widukind hin als den Wahrer seiner alten Art... hält dieses Deutschland nicht zu Barbarossa, sondern zu Heinrich dem Löwen. Es hat sich vom Hause Habsburg losgesagt, erblickt dafür im friederizianischen Preussen den Retter seiner seelischen Substanz».

самоутверждалась, как вещают нам фашистские «геополитики», и в будущем должна самоутверждаться именно в процессе «веселой, свежей, благочестивой войны против Востока» (ein frischer, frommer, fröhlicher Krieg). Именно такой войной и была, по гитлеровским историкам, война тевтонских рыцарей в Прибалтике. И может ли такая война не быть даже и юридически вполне справедливой и правомерной? Ответ и на это уже дан.

В апрельской книге Nat.-soz. Monatshefte за 1936 г. напечатана руководящая для всей гитлеровской «юриспруденции» курьезнейшая статья доктора юридических наук Эрнста-Германа Бокгоффа под вопросительным названием: «Является ли Советский Союз субъектом международного права?» («Ist die Sovjet-Union ein Völkerrechtssubjekt?»). Ответ дается, конечно, отрицательный. Нет никакой надобности подробно останавливаться на этом наглом выпаде против СССР. Стоит только отметить вывод этого «доктора» гитлеровских наук: «Относительно Советского Союза не может существовать понятия о неправомерной интервенции».

«Всякая война против Советского Союза, — кто бы и почему бы ее ни вел, — вполне законна».

Таково новейшее «достижение» германского «международного права»!

Нечего и говорить, что и в прошлом войны Германии всегда были и «правомерны» и «геополитически необходимы». Взять хотя бы мировую войну 1914—1918 гг.

«С геополитической точки зрения мировая война была обороной средней Европы от западной и восточной Европы», — глубокомысленно формулирует один из самых видных гитлеровских «геополитиков», Густав Пауль [1]. Вся пустейшая болтовня, все ненужные тавтологии, вся философия вокруг выеденного яйца, — все эти характерные черты фашистской «геополитики» представлены с особой полнотой в тех частях этой, с позволения сказать, литературы, которые относятся к современному положению Германии, к ее истории во время и после мировой войны. Нас интересует вывод. В мировую войну произошло будто бы величайшее событие, подобное которому геополитические профессора усматривают только в спасении Европы в 1241 г. от монгольского завоевания. Это событие — битва под Танненбергом в августе 1914 г. Правда, спаситель «тевтонской расы» и земли ген. Людендорф на сей раз, по справедливости, должен был бы разделить славу с Ренненкампфом и особенно с полковником Мясоедовым, но не в этом дело: «геополитики» усматривают в этой победе капитальное по своим последствиям событие: спасение Германии от «монголизации». Но все-таки «геополитические» результаты мировой войны были плачевны для Германии: во-первых, именно «северные элементы» Германии, наиболее «радостно идущие

[1] G. Paul. Rassen und Raumgeschichte des deutschen Volkes, S. 457. München, 1935.

в бой», больше всего и потерпели. Гвардейские полки потеряли 43—48% состава, студенчество потеряло 16 тысяч убитыми и т. д. Почему гвардейцы и студенты более «северная раса», чем другие части германского народа, — это тайна геополитических магов. Но даже и это, с их точки зрения, не так горестно, как уменьшение того самого «пространства», в обладании которым и геополитики и прочие политики гитлеровской Германии видят главный смысл и высшую цель истории: «Были потеряны: приобретения восточно-германской колонизации, как, например, части Верхней Силезии и завоевания Германа фон Зальца в восточной Пруссии; затем — приобретения Фридриха Великого по первому разделу Польши в 1772 г. (Познань и Западная Пруссия) и Фридриха Вильгельма II по второму разделу Польши в 1793 г. (Данциг и Торн). Потеряны были «обратные приобретения» (Rückgewinne) Бисмарка, «вернувшего» Германии ее былые земли: северный Шлезвиг и Эльзас-Лотарингию. Были потеряны еще Эйпен и Мальмеди и все колонии» [1].

Но из всех «потерь» самые горестные—это потерянные земли на Востоке, и самое великое упование в будущем—это тоже приобретение земли на Востоке.

Любопытно отметить, что в этом хоре гитлеровских «историков», «географов», «геополитиков», «юристов» и т. д., на все лады доказывающих и историческую обоснованность, и географическую необходимость, и «геополитическую неизбежность», и юридическую правомерность захвата «восточного пространства» — меньше всего звучит голосов из лагеря военных ученых. Ни для кого не тайна, что многие ученые генералы рейхсвера с большим неудовольствием и нескрываемой тревогой относятся (и всегда относились) к безответственной болтовне фашистских газетных клоунов «о войне против Коминтерна» и о походе, совокупно с польскими друзьями, на Украину. Польских друзей берлинский генштаб расценивает еще дешевле, чем друзей итальянских. Это было известно уже задолго до истории с генералом фон Бредовым (его имя, собственно, произносят: фон Бредау). В американской, а потом и в европейской прессе появились несколько времени назад известия о мнении германского генерала фон Бредова касательно наиболее вероятного результата столкновения один-на-один Советского Союза с Германией. Оказалось, что фон-Бредов определенно полагает, что поражение Германии— гораздо более вероятно, чем ее победа. Это известие обратило на себя внимание и вызвало даже не весьма ясное и не очень уверенное опровержение: фон Бредов этого в точности, собственно, не сказал, а если говорил, то вовсе не так; и, может быть, даже вообще ничего никогда не говорил; и, может быть, и генерала такого вовсе нет; а если он есть, то он вовсе не такой, но напро-

---

[1] G. Paul. Op. cit., S. 458.

тив — он известный патриот. Словом, после этого опровержения Америка и Европа окончательно удостоверились в правдивости первоначального сообщения. Не подлежит сомнению и общеизвестно (об этом печаталось черным по белому в германской прессе), что германские генштабисты считают Красную Армию несравненно более могущественной чем была армия царской России. Не менее известно, какие тревожные выводы были сделаны в берлинских военных кругах из того факта, что японцы не осмелились напасть на Монголию, как они первоначально собирались это сделать. Крепость советских вооруженных сил, защищающих наш Дальний Восток, смело можно сказать, была учтена в Берлине ничуть не меньше, чем в Токио. Это не значит, что от той политической «главной квартиры», в которой начальниками штабов и генерал-квартирмейстерами являются Розенберги и Геббельсы и прочие люди «внезапного образа мыслей», нельзя ожидать самых изумительных сюрпризов.

Будем чаще вспоминать предостерегающие слова Иосифа Виссарионовича Сталина о том окружении, в котором в настоящее время живет Советский Союз. Слова эти были повторены в феврале 1938 года...

Ф. НОТОВИЧ

ФАШИСТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О «ВИНОВНИКАХ» МИРОВОЙ ВОЙНЫ

I

Не происходит ни одной войны, причины возникновения которой не были бы представлены правительством нападающей стороны своему народу и мировому общественному мнению в совершенно извращенном и фальсифицированном виде. Так было во время франко-прусской войны 1870—71 гг., то же произошло и во время мировой войны. Тогда Бисмарк сфальсифицировал «эмскую депешу» и этим спровоцировал Наполеона III на войну, в которую тот, между прочим, и сам рвался. В 1914 г. австро-германский империализм намеренно развязал мировую войну, а правительства обеих стран представили собственному и мировому общественному мнению измышленную ими легенду о нападении царской России и Франции на «оборонявшиеся» Германию и Австро-Венгрию, отразить которое являлось «священной» обязанностью их народов.

«Фашизм,— говорит тов. Димитров,— это безудержный шовинизм и захватническая война». Готовя новую империалистическую войну за передел мира и, в первую очередь, против СССР — родины социализма, фашизм разжигает шовинистические чувства германского народа посредством лживых и извращающих истину рассказов об истории подготовки и развязывания мировой войны: росказнями о том, что в возникновении войны не виноваты ни германские империалисты, ни финансовый капитал, ни юнкерство, ни прусская военщина, ни пангерманизм; что всю ответственность за возникновение войны несут исключительно царская Россия и Франция, что у германского империализма «неправильно» отняли захваченное полуторастолетним грабежом Пруссии — польскую Познань и Верхнюю Силезию, датский Шлезвиг, французскую Эльзас-Лотарингию, колонии и т. п.

Чтобы придать этим измышлениям историческое правдоподобие, германский фашизм мобилизовал и подготовил колоссальные по количеству кадры фальсификаторов истории мировой войны, которые вместе с историками-националистами и пангер-

манистами вот уже около двадцати лет долбят германскому народу: во всем твоем горе, нищете и безработице виноваты французы, русские, отчасти англичане и все прочие, которые «напали» на невинную Германию в 1914 г., заставили ее четыре года истекать кровью, а в заключение — ограбили. Только новая война может исправить причиненную «несправедливость», дать германскому народу обширные земли для поселения и накормить его досыта, дать промышленности недостающее ей сырье.

Известный консервативный историк Ганс Дельбрюк писал: «Когда мы были побеждены и разоружены, наши враги не только изувечили нашу родную землю и ввергли нас на непредвиденное время в экономическое рабство, но попытались также опозорить нашу национальную честь и представить нас в кругу культурных народов как народ преступников» [1].

«Особый долг чести народа и каждого отдельного человека, в частности, — говорил Герман Онкен по радио в десятилетнюю годовщину подписания Версальского договора, — состоит в том, чтобы никогда не дать потухнуть борьбе против 231 статьи Версальского договора, которая хотела возложить на Германию ответственность за мировую войну... Мы как народ не хотим быть отягченным пороком, который нас не касается, а будущие поколения нашего народа не должны воспитываться в ошибочной вере, что их отцы возложили на себя всемирноисторический грех, который они сами должны искупить до четвертого поколения... Вопрос касается чести и интересов всего народа». (Hermann O n k e n. Nation und Geschichte. 1935. S. 99 und 100).

Организованная германскими империалистами пропаганда утверждала и доказывала, что национальная честь требует смытия этого пятна, что во всем были виноваты Россия и Франция, а вильгельмовская Германия была чиста как жертвенный голубь.

Для того, чтобы привлечь на свою сторону народные массы в борьбе «против Версаля» ученая гвардия Гогенцоллернов и фашистская демагогия ни перед чем не останавливались.

Тов. Димитров правильно отметил демагогические приемы германского фашизма. «Фашизм действует, — говорил тов. Димитров на VII конгрессе Коммунистического Интернационала,— в интересах крайних империалистов, но выступает он перед массами под личиной защитника обиженной нации и взывает к оскорбленному национальному чувству, как например, германский фашизм, увлекший за собой массы лозунгом «против Версаля» [2].

Демагогическая пропаганда против Версальского договора сыграла выдающуюся роль в создании Гитлером кадров для

---

[1] Hans D e l b r ü c k, Der Frieden von Versailles, S. 5, Berlin, 1930.

[2] Д и м и т р о в Г. В борьбе за единый фронт против фашизма, стр. 8, Москва, Партиздат, 1937.

национал-социалистской партии. Первые публичные выступления Гитлера в 1919 г., как он сам рассказывает, носили название: «Версальский мирный договор».

«Мне самому тогда было ясно, — пишет Гитлер, — что для небольшого основного кадра, из которого в начале составлялось движение, вопрос об ответственности за войну должен был быть очищен, и очищен в духе исторической правдивости. В том, что наше движение ознакомило широчайшие массы с мирными договорами, — говорит он, — заключалась предпосылка успеха движения в будущем»[1].

Следует с самого начала подчеркнуть, что в вопросе «очищения» «в духе исторической правдивости» господствующих классов довоенной Германии от всякой ответственности за происхождение мировой войны и ее развязывание как и в вопросе переложения всей ответственности на Россию и Францию,— пангерманцы, националисты всех оттенков и фашизм шли рука об руку, имели единую программу действий, пользовались одними и теми же лозунгами, общим пропагандистским центром, хотя по многим другим вопросам их точки зрения не совпадали. До самого прихода Гитлера к власти пангерманцы в лице, главным образом, дейчнационалов поставляли свои научные кадры историков и публицистов для перетряхивания истории международных отношений с 1871 по 1914 гг. и истории непосредственного развязывания первой империалистической войны с целью доказать, что германский империализм абсолютно не виноват ни в том, ни в другом, что виноваты лишь его империалистические противники.

Результаты «научной» обработки истории международных отношений историками из пангерманского лагеря были искусно использованы для политической пропаганды пангерманскими организациями, немецкими националистами и фашистами. По мере развития и усиления национал-социализма в Германии фашизм еще теснее сплачивается и переплетается с пангерманским движением, начертавшим на своем знамени лозунг Гитлера: очищение истории подготовки и развязывания мировой войны «в духе исторической правдивости».

Если нелегко разграничить политическую пропаганду пангерманцев и фашистов «против Версаля», то еще труднее это сделать в области историографии. Здесь вначале господствовали пангерманцы, которые предоставили все свои научные кадры служению гитлеровской «исторической правдивости». Фашисты тем охотнее пользовались результатами «научных» исследований пангерманских историков, что по этому вопросу у них не было никаких разногласий.

Как пангерманцы и фашисты «очистили» вопрос об ответ-

[1] Hitler A. Mein Kampf. Bd. 2, Auflage 11, S. 105, München. 1929.

ственности за войну «в духе исторической правдивости», это мы постараемся показать на конкретных примерах.

Чтобы провести эту «очистительную работу», пришлось принять чрезвычайные организационные мероприятия. Это вызывалось тем, что массы совсем не были склонны понимать «историческую правдивость» в духе Гитлера, его хозяев и приверженцев. «Когда оратор выступал в 1920 г.,—рассказывает Гитлер,— не на мещанском, а на пролетарском собрании с темой «Версальский мирный договор», то его всегда прерывали возгласами: «А Брест-Литовск»? Эти возгласы повторялись так часто и бурно, что оратор не мог продолжать своей речи. Публика не хотела слушать оратора и понять, — жалуется Гитлер, — что Версаль — это позор и унижение, что этот навязанный силой договор означает неслыханное ограбление нашего народа».

Отрицательное отношение широких кругов германского общества к Брестскому миру, который, по их правильному заключению, способствовал усилению тяжести условий грабительского Версальского договора, заставило Гитлера перестроиться на ходу и изменить тему своего доклада. Вместо «Версальский мирный договор», он начал выступать на собраниях с докладом «Брест-Литовский и Версальский мирные договоры», так как широкая публика, читаем мы в его книге, считала Брест-Литовский договор «одним из позорнейших насильственных актов в мире» [1].

Народные массы, к которым фашизм и пангерманизм обращались на второй день после Версаля за поддержкой против этого тяжелого и насильственного договора, прекрасно помнили не менее грабительские условия Брестского договора, навязанного германским империализмом молодой Советской республике. Они и слушать не хотели представителей тех классов, которые несли главную ответственность за оба позорных договора.

«Невероятно, неслыханно тяжело подписывать несчастный, безмерно тяжелый, бесконечно унизительный мир» [2], — говорил тов. Ленин по поводу Брестского договора. О германском империализме, навязавшем молодой Советской республике этот договор, Владимир Ильич писал:

«И в несколько дней нас бросил на землю империалистский хищник, напавший на безоружных. Он заставил нас подписать невероятно тяжелый и унизительный мир — дань за то, что мы посмели вырваться, хотя бы на самое короткое время, из железных тисков империалистской войны. Хищник и давит и душит и рвет на части Россию...

Мы вынуждены были подписать «Тильзитский» мир. Не надо самообманов. Надо иметь мужество глядеть прямо в лицо неприкрашенной горькой правде. Надо измерить целиком, до дна, всю

[1] Hitler. Mein Kampf. Bd. 2. S. 109.
[2] Ленин. Соч., т. XXII, стр. 287.

ту пропасть поражения, расчленения, порабощения, унижения, в которую нас теперь столкнули»[1]. Так оценивал Ленин Брестский мир и германский империализм и призывал народ к дисциплине и выдержке, видя в них средство «подняться снова от порабощения к самостоятельности»[2].

В. И. Ленин давал очень суровую оценку и Версальскому договору. Сравнивая условия обоих договоров, В. И. Ленин говорил о «союзниках», что они «являются такими же грабителями, как немецкие империалисты»[3]. Из этого видно, что В. И. Ленин одинаково оценил жадность и грабительские инстинкты союзнической и германской буржуазии, насильно навязавшие побежденным кабальные договора.

Какую же интерпретацию дает обоим договорам Гитлер? Это имеет чрезвычайно большое значение для нашей темы. «Сопоставив оба мирных договора, я сравнивал их по пунктам, — пишет Гитлер,—показывал почти безграничную гуманность одного договора в противоположность бесчеловечной жестокости второго, и результат был потрясающим»[4].

Эту тему Гитлер считал наиболее важной и повторял свой доклад десятки раз в разных вариациях до тех пор, «пока не было создано определенное, ясное и единое мнение по этому пункту среди людей, из которых движение вербовало своих первых членов»[5].

Таким образом, Брестский мир, по толкованию Гитлера, — дело было в 1920 г. — являлся «почти безгранично гуманным». Чтобы придти к таким выводам на основании «сравнения обоих договоров по пунктам», да чтобы эти выводы были еще усвоены в качестве определенной руководящей линии, необходимы были два условия: 1) чтобы сами «пункты» были фальсифицированы; 2) чтобы «людям, из которых движение вербовало своих первых последователей», была выгодна такая интерпретация, глашатаями и пропагандистами которой они сделались.

Если бы мы не знали внешнеполитической программы германского фашизма, если бы мы не знали его завоевательных целей и устремлений, по речам его руководителей, по их программным заявлениям, литературным упражнениям и по их действиям, то одной оценки, данной Гитлером Брестскому договору, было бы достаточно для того, чтобы ясно представить себе участь народа, который когда-нибудь допустил бы победу фашизма над собой на поле брани.

С первых дней своего возникновения и развития, германский

---

[1] Ленин. Соч., т. XXII, стр. 376.
[2] Ленин. Там же, стр. 376.
[3] Ленин. Соч., т. XXIII, стр. 287.
[4] Hitler. Mein Kampf. Bd. 2. S. 109. (Разрядка моя.— Ф. Н.).
[5] Ibidem, S. 110.

фашизм широко использовал Версальский договор, — пишет Гитлер, — «в качестве средства для возбуждения национальных страстей до точки кипения»[1]. Широко поставленная пропаганда шла по двум направлениям: 1) полная унификация пропаганды и оправдание, с помощью фальсификации исторических событий и фактов, германского империализма, германских господствующих классов, правительства, военщины и кайзера в преступлениях, ускоривших и развязавших мировую бойню и переложение всей ответственности за развязывание войны на страны и правительства Антанты и 2) возбуждение шовинистических и низменных инстинктов в широких массах для того, «чтобы поднять народ от равнодушия до возмущения и от возмущения до священной ярости»[2]. Для достижения этих целей все средства были хороши. Разрабатывая планы пропагандистской кампании для обеления германского довоенного империализма, милитаризма, юнкерства и пруссачества, Гитлер предложил выжигать в мозгу германского народа каждый пункт Версальского договора «до тех пор, пока, наконец, ощущаемый всеми стыд и общая н е н а в и с т ь не превратятся в головах шестидесяти миллионов мужчин и женщин, в единое пылающее море, из огня которого поднимется твердая как сталь воля и вырвется единый крик: «Мы снова хотим оружия!»[3].

Трудно выразить более точно и ясно политические цели разбитых, но не побежденных окончательно господствующих классов Германии на второй день после Версаля и революции. Стремление к возрождению военной мощи для нового передела мира,—это было единственной причиной, заставившей господствующие классы разбитой гогенцоллерновской Германии искать прибежища у исторической науки и выступать в неподходящей для них роли защитников «исторической правдивости». В кампании за «историческую правдивость», т. е. за возрождение германского милитаризма, за подготовку новой войны, послевоенный германский империализм, крайним варварским выразителем интересов которого явился фашизм, использовал все средства науки, техники и искусства. Печатный станок, ораторское и изобразительное искусство — все было использовано для возбуждения человеконенавистнических инстинктов в германском народе, для фальсификации и извращения исторической действительности. От детских букварей до газет и журналов, — театры и кино, столбы для афиш и стены зданий — все было мобилизовано и отдано в распоряжение организованного финансовым капиталом и им оплачиваемого «историко-очистительного» движения, которое поставило себе определенную политическую цель: добиться того, чтобы весь народ, от мала до велика, постоянно повторял молитву, сочиненную для него Гитлером: «Всемогущий господь! Благо-

[1] Ibidem, S. 290.
[2] Ibidem, S. 290.
[3] Ibidem, S. 290.

слови наше оружие в будущем; будь правдив, как всегда; реши сейчас, заслуживаем ли мы теперь свободы: господи, благослови нашу борьбу!» [1].

Борьба «против Версаля» за «обеление» германского довоенного империализма и за переложение всей ответственности за войну на двойственный союз и особенно на мертвеца, на царскую Россию, началось одновременно с подготовкой союзниками Версальского договора. Уже в меморандуме «четырех профессоров» [2] вся проблема «виновников» войны и ее развязывания была жульнически сведена к следующим основным причинам:

1. Россия и Франция обладали превосходными по сравнению с Германией и Австро-Венгрией вооруженными силами.

2. 5 и 6 июля 1914 г. Германия одобрила предложение Австро-Венгрии предпринять карательную экспедицию против Сербии, так как Сербия не выполнила взятых на себя ранее обязательств. Цели экспедиции не были сообщены подробно в Берлин, «однако они были точно ограничены и не содержали в себе никаких аннексионных планов». «Берлин и Вена... не составляли комплота для уничтожения Сербии».

3. Мир сейчас тоскует по Лиге наций, при которой большие и малые, сильные и слабые государства будут пользоваться равными политическими и экономическими правами. Действующее международное право признает войну как средство разрешения споров между государствами. Действия Австро-Венгрии не находились в противоречии с применявшимися тогда другими государствами мероприятиями: «Они, кроме того, были задуманы в искреннем убеждении, как мероприятия, направленные на устранение причины конфликта, издавна таившего в себе опасность мировой войны».

4. В развязывании мировой войны виновата Россия, объявившая первой всеобщую мобилизацию. Доказательством этого служат слова французского генерала Буадефра, заявившего царю 18 августа 1892 г., на второй день после подписания русско-французской военной конвенции: «мобилизация равносильна объявлению войны» (la mobilisation c'était la déclaration de guerre).

5. Германское правительство своими действиями в прошлом не способствовало созданию положения длительной военной угрозы, под которой страдала Европа в течение ряда лет. Оно не добивалось также никаких политических и экономических целей, которые могли бы быть осуществлены лишь посредством войны.

6. Среди великих держав Европы была одна держава, цели которой, преследуемые ею долгие годы, могли быть достигнуты исключительно посредством агрессивной войны и которая, по-

---

[1] Hitler. Mein Kampf. Bd. 2. S. 291.

[2] Меморандумом «четырех профессоров» называют записку за подписью Ганса Дельбрюка, Макса графа Монжеля, Макса Вебера и Альбрехта Мендельсона-Бартольди, представленную 27 мая 1919 г. Версальской мирной конференции.

этому, сознательно к ней стремилась: русский царизм в союзе с теми очень влиятельными кругами России, которые были втянуты в ее политику... В этом пункте — действительная причина возникновения мировой войны [1].

О Франции в меморандуме говорится не как о главной виновнице войны, а лишь как о соучастнице, которая не препятствовала «враждебному миру поведению России». Вина Франции, по мнению авторов меморандума, состояла в том, что ее правительство не отказалось категорически от мысли о возвращении Эльзас-Лотарингии, хотя оно знало, что этого можно было достигнуть лишь посредством войны. Французскому правительству, кроме того, ставилось в вину и то, что оно не давало царской России советов, которые отклонили бы последнюю от воинственных намерений [2].

Говоря об ответственности Англии, «четыре профессора» выражали сожаление, что «не было найдено пути для устранения недоверия» между нею и Германией, хотя это было «несомненно одной из главных причин напряженного положения в Европе» [3]. Основные мысли и положения меморандума «четырех профессоров», как мы увидим ниже, целиком вошли в «очистительную» «историческую» литературу, которая была создана несколько позже при деятельном участии двух соавторов меморандума: историка Ганса Дельбрюка и генерала Монжеля.

Германскому народу пришлось испить горькую чашу лишений за то, что он у себя позволил империализму развиться в столь могущественную разрушительную силу, что допустил столь долгое время злоупотреблять его знаниями, способностями, техническими, научными и культурными достижениями в интересах ненасытной империалистической жадности и властолюбия, за то, что он не сумел покончить со своим империализмом раз навсегда, когда силы последнего были надломлены в борьбе за мировое господство. Разбитые, политически скомпрометированные, временно ушедшие за кулисы политического руководства, но не уничтоженные революцией, сохранившие в своих руках все богатства и экономические позиции страны, господствующие классы гогенцоллерновской Германии, финансовый капитал и юнкерство, тотчас же принялись за реорганизацию и перестройку распущенных революцией пангерманских и иных шовинистических союзов и объединений; они приспособили их к новым политическим требованиям и возобновили свою темную деятельность под видом «защитников» попранного в Версале права и справедливости и борцов за «историческую правдивость». Мирный договор

[1] Das deutsche Weissbuch über die Schuld am Kriege mit der Denkschrift der deutschen Viererkommission zum Schuldbericht der Alliierten und Assoziierten Mächte. SS. 56, 57, 61, 63, 64, 65, 66. Charlottenburg, 1919.

[2] Ibidem, S. 66.

[3] Ibidem, S. 67.

еще не был подписан, а германская националистическая печать уже призывала к невыполнению его условий и угрожала правительству, которое осмелится его подписать. 28 мая 1919 г., за месяц до подписания Версальского договора, полковник генерального штаба Альфред фон-Вегерер писал в газете «Der Tag»:

«Ясно одно: каждое правительство, которое захотело бы подписанием этого сатанинского творения (Satansstück) придать ему (мирному договору) видимость священного права, будет рано или поздно сметено... Лозунгом дня является: борьба до последнего вздоха, объединение всех немцев для оказания помощи нашему народу, для поднятия нашего мирового престижа, для победы и обеспечения новой жизни».

Другой полковник генерального штаба, Бернгардт Швертфегер, через 8 дней после подписания Версальского договора призывал также к невыполнению его условий «во имя возобновления тяжбы в вопросе виновности за войну» [1].

На историографию этого рода особое влияние оказала выпущенная в 1921 г. книга генерала от инфантерии фон-Куля: «Der deutsche Generalstab in Vorbereitung und Durchführung des Weltkrieges». Генерал фон-Куль занимал до мировой войны ответственные должности в германском генеральном штабе, а в начале войны был начальником штаба одной из армий, а затем начальником штаба группы армий баварского кронпринца Рупрехта. Книга фон-Куля является защитой германского генерального штаба от обвинений его в сознательном провоцировании войны накануне 1914 г. В ней доказывается, что Германия никогда не была «оплотом милитаризма». Фактам наперекор, фон-Куль нагло утверждает: «выражение «милитаризм», поскольку оно вообще может быть употреблено, можно с бóльшим правом отнести к Франции, чем к Германии». Он далее утверждает, что: «Германия не стремилась к тем военным целям, которых домогались Англия, Франция и Россия. Громадный хозяйственный подъем Германии настоятельно требовал для своего полного развития мира». Представитель наиболее реакционных шовинистических и агрессивных кругов прусского юнкерства и военщины, фон-Куль, защищая генеральный штаб, лживо утверждает в этой книге, что «генеральный штаб не вовлекал в войну», а как раз наоборот. Накануне войны 1914—1918 гг.,— пишет фон-Куль,— «почти во всех европейских странах стала царить повышенная военная деятельность. Все стали готовиться к великой войне, которую все равно рано или поздно ждали. Только Германия и союзная с ней Австрия не принимали участия в этих приготовлениях» [2].

---

[1] «Deutsche Allgemeine Zeitung», 6 Juli 1919.

[2] Ганс Куль. Германский генеральный штаб и его роль в подготовке и ведении мировой войны. 2-е издание, стр. 7, 20, 115 и 121. Москва, 1936.

Эта лживая, агрессивная и фальсифицированная «исповедь» генерала вильгельмовского генерального штаба сделалась отправным пунктом и для «гражданских» историков причин мировой войны, в большинстве своем бывших работников того же генерального штаба, среди которых первые места занимают генерал Макс Монжеля, полковники Швертфегер и А. Вегерер. Это особенно необходимо подчеркнуть после того, как старый генеральный штаб с его старыми работниками Гитлером восстановлен.

Воссозданные пангерманские, юнкерские и военные организации, под видом «беспартийных» и «независимых» объединений и союзов, немедленно ринулись в борьбу за «историческую правдивость», т. е. за восстановление утраченных политических привилегий, за право вооружения и т. д. Другими словами, старые боевые пангерманские объединения переменили свои вывески, подхватили популярный лозунг «против Версаля» и включились в борьбу за «историческую правдивость».

Чтобы придать всему движению организованный характер, принц Макс Баденский, последний канцлер старого режима, выступил весной 1921 г. в печати с призывом создать единый центр «идеологической» борьбы против обвинений довоенных германских правителей в сознательном и намеренном провоцировании войны в 1914 году. Призыв Макса Баденского был подхвачен всей правой печатью и поддержан рейхсвером.

В апреле 1921 г. был создан центральный орган, объединивший все бывшие пангерманские и юнкерские боевые организации, все те же 25 000 пангерманцев, которые до войны и во время войны требовали завоевания целых континентов. Созданная новая центральная организация, — Ausschus der deutschen Verbände [1], — во главе которой были поставлены бывший губернатор германской Западной Африки, доктор Шнее, и фашист Ганс Дрегер, основала свой собственный орган печати, ежемесячник «Der Weg zur Freiheit» и собственное издательство. Одновременно был создан другой центр пропаганды для чисто «научной» обработки исторической общественности и духовной аристократии в Германии и особенно за границей. Мы имеем в виду: Die Zentralstelle für Erforschung der Kriegsursachen — центр для исследования причин войны, под руководством Альфреда фон-Вегерера. Этот центр исторической фальсификации начал с 1923 года издавать журнал «Die Kriegsschuldfrage», о котором речь будет ниже, и имеет свое собственное издательство. Между обоими центрами фабрикации лжи и подготовки новой войны функции разграничены. Ведомство фон-Вегерера занималось преимущественно «перетряхиванием истории», а ведомство Дрегер бросает в более широкие массы его «научные» достижения.

[1] Комитет немецких объединений (ниже называем для краткости КНО).

Начиная свою деятельность по «очищению» германского империализма, КНО обратился с воззванием к германскому народу, в котором, между прочим, говорилось: «Версальский договор и ультиматум Антанты от 16 июня 1919 г. выдвигают против Германии чудовищные обвинения, будто она в течение десятилетий сознательно подготовляла агрессивную войну... До тех пор, пока эта ложь будет существовать, до тех пор, пока всякое «право», навязанное сейчас миру, будет зависеть от наигрубейшего бесправия, которое когда-либо знала история, все надежды на эффективное успокоение мира будут разрушены... Разъяснительная работа требует объединения всех сил» [1].

В другом документе КНО расшифровал, что он понимает под «исторической правдивостью», за которую он призывал бороться весь германский народ: восстановление старых границ (для начала), восстановление прусской военной системы, восстановление права на вооружение, возвращение колоний, восстановление «чести», т. е. права истреблять туземцев в Африке. Этих политических целей КНО не считал нужным даже скрывать. В одном из воззваний КНО говорится:

«Германия честно разоружилась; другие народы этому примеру не последовали. Вопреки сильным возражениям населения Севера, Востока и Запада (имеется в виду Шлезвиг, бывшая прусская Польша, Верхняя Силезия и Эльзас-Лотарингия. — **Ф. Н.**) у германского народа отняты ценные части территории. При помощи лжи о колониальной вине у нее отняли (ограбили) все заморские владения... Мы требуем восстановления нашей свободы и нашей чести, мы требуем престижа и равноправия в мире» [2].

Устами КНО — боевой и идеологической организации реакции — германский империализм заявлял, что он не даст успокоиться всему миру до тех пор, пока ему не возвратят свободы вооружаться, не возвратят колоний, не восстановят старых границ в Европе, т. е. права угнетать польские, французские, датские и иные национальные меньшинства. Почти в одних и тех же словах Геббельс выразил значение возвращенного себе Гитлером «права» на превращение Германии в сплошной военный лагерь, что было категорически запрещено Версальским договором. «Не вооруженная, но безоружная Германия беспокоила Европу» [3],— заявил он 23 марта 1935 г. на митинге в Ганновере (Nicht das bewaffnete, sondern das unbewaffnette Deutschland habe Europa beunruhigt). Насколько Европа и весь мир пришли в состояние покоя после вооружения германского фашизма доказывает «Ось Берлин—Рим—Токио», фашистская интервенция

[1] Цитировано по тексту, воспроизведенному в «Der Weg zur Freiheit», April — Mai № 4/5, 1937, S. 28—29.

[2] «Der Weg zur Freiheit». April — Mai 1937, № 4/5, S. 23.

[3] «Deutsche Allgemeine Zeitung» № 139 — 140, 24 März 1933.

в Испании, тройственный «антикоминтерновский» союз, аннексия Австрии и превращение в клочки бумаги международного договора о признании и гарантии независимости этой страны, которую сама Германия дважды обязалась уважать, — в последний раз это обещание дано самим Гитлером 11 июня 1936 г.,— расчленение Чехословакии и нависшая над другими соседними с Германией странами угроза захвата их Гитлером и т. д.

Таковы были политические цели, которые поставила перед собой эта боевая организация германской реакционной буржуазии и юнкерства, действовавшая в полном контакте с партией Гитлера.

II

Чтобы «доказать», что германский империализм ни в чем «неповинен», не несет никакой ответственности за войну и за ее развязывание, необходимо было произвести чудовищную фальсификацию истории. С этой целью КНО и историко-пропагандистский центр под руководством фон-Вегерера «унифицировали» всю исследовательскую работу о причинах происхождения мировой войны и об июльском кризисе 1914 г. По его заказу были написаны специальные «руководства», которые легли в основу дальнейшей исследовательской работы. С момента своего возникновения КНО стал колоссальной фабрикой лжи, фальсификации и извращения истории международных отношений.

Кто осмеливался иметь в Германии свое мнение о проповедуемых КНО «истинах», того шельмовали как «предателя», «изменника» общенациональному германскому делу. Германские правительства в период 1921—1929 гг. не были в состоянии поднять борьбу против Версаля официальным путем. Эту задачу взяли на себя «независимые общественные организации», которые возглавил КНО. По мере усиления организационного аппарата КНО, вся политическая и идеологическая работа в Германии и за границей по борьбе «против Версаля» была централизована в руках КНО и «Die Kriegsschuldfrage». С 1921 г. история международных отношений за 1870—1914 гг., все, что имеет какое-либо отдаленное отношение к «виновникам войны» и к любому историческому событию за этот сорокапятилетний период, освещалось в духе изготовленных «историками» КНО рецептов. Вся правая ежедневная германская печать, концерн Гугенберга и его телеграфные агентства, значительная часть левобуржуазной печати, почти вся профессура, почти все историки включились в эту борьбу. Кто стоял за спиной этой всемогущей организации по массовой фабрикации лжи, фальсификации и клеветы? Кто финансировал ее деятельность? Гугенберг, концерн Круппа, Стиннес, Тиссен, вестфальско-рейнские магнаты угля и железа, Вестарп, Ревентлов. Иначе говоря, все те же руководители хозяйственных и иных организаций, которые до войны и во время войны

требовали для установления их «правды», как ее понимал германский империализм, завоевания целых континентов и порабощения целых народов.

Какую чудовищную централизованную машину идеологической обработки, какой квалифицированный рассадник лжи, клеветы и фальсификации, снабженный всеми средствами новейшей техники и искусства, представлял собой КНО уже в 1925 г.— видно из отчетного доклада Ганса Дрегера, одного из его бессменных руководителей.

Согласно этому официальному отчету, КНО является беспартийной, вернее, «надпартийной» организацией. Уже в 1925 г. он объединял около 700 различных «беспартийных» союзов и объединений. Головка КНО состояла из «парламентариев всех партий, известных руководителей крупных народных объединений, выдающихся представителей науки, церкви и так далее».

КНО оплел своей паутиной не только так называемые частные организации. Он наложил свою печать лжи и фальсификации на официальные учреждения и правительства. В названном отчетном докладе говорится: «в настоящее время сеть наших связей распространилась на все народные группы и на все партии в Баварии, в Вюртемберге, Бадене и Гессене. Особенно счастливых результатов достигла наша совместная работа с южногерманской прессой».

Главными орудиями формирования унифицированной «науки» о «виновниках» мировой войны сделались, помимо издававшихся КНО журналов, книга графа Монжеля: «Руководство по вопросу о виновниках мировой войны» («Die Leitfaden zur Kriegsschuldfrage»), которая явилась дальнейшим развитием положений, грубо и по-солдатски намеченных фон-Кулем, в упомянутой выше его книге, и книга Фридриха Штиве по истории международных отношений — «Германия и Европа в 1890—1914 гг.», вышедшая в 1926 г. и распространенная КНО бесплатно в сотнях тысяч экземпляров. Главные «историки» КНО—Монжеля, Штиве, полковники Вегерер, Швертфегер и масса других, оказавшихся не у дел, майоров, полковников и генералов. Деятельное участие в кампании КНО принимал вплоть до своей смерти профессор Дельбрюк и целый ряд других, о которых речь будет ниже.

Чтобы получить хотя бы некоторое представление о чудовищной работе КНО в области фальсификации истории происхождения и развязывания империалистической войны, достаточно ознакомиться с его агитационной и издательской деятельностью, с обликом «историков», которых вдохновлял КНО. КНО заказывал, издавал в массовых тиражах книги и брошюры, листовки, календари и прочую «историческую» литературу о «виновниках» войны и распространял ее большей частью бесплатно. В 1925 г. КНО организовал 1456 докладов. Он поддерживал связь с 1500 газетами в Германии и с 170 газетами и журналами

за границей[1]. КНО, в частности, рьяно распространял писания фашистского историка — фальсификатора Фридриха Штиве, прежнего и нынешнего крупного чиновника министерства иностранных дел, специально ведающего вопросом о «виновниках» войны. Этот господин, один из главных «историков» КНО, написал целый ряд «трудов», являющихся сплошной пангерманской и фашистской фальсификацией. Он, кроме того, опубликовал также документы в 7 томах под названием «Переписка Извольского» (Izwolski's Schriftwechsel). Это издание составлено из части документов, в свое время изданных советским правительством. Другая часть была добыта германскими агентами у белогвардейских блюстителей архивов русского посольства в Париже еще до установления дипломатических отношений между Францией и СССР. Издание это поистине «великолепно» только в одном: в пропусках, произвольных включениях «нужных» и опускании «ненужных» документов. Всю обширную литературную продукцию Штиве КНО распространял по всей стране и за границей бесплатно.

Помимо графа Монжеля и Фридриха Штиве, не менее кипучую деятельность развивал и по сей день развивает фон-Вегерер, руководитель Центра по изучению происхождения причин мировой войны и редактор со дня основания (с 1923 и до 1936 г. включительно) боевого журнала «Berliner Monatshefte» (ранее называвшийся «Die Kriegsschuldfrage»). Этот руководитель исторического фронта борьбы за гитлеровскую «историческую правдивость» является бесспорным «авторитетом» в Германии, как и за границей в тех кругах, которые стоят на такой же точке зрения. Фон-Вегерер очень плодовитый «историк» с боевым публицистическим темпераментом. Его перу принадлежат несколько объемистых работ, десятки брошюр, сотни журнальных и газетных статей, доказывающие невиновность германского империализма в мировой войне и в ее развязывании и «доказывающие» полную виновность в том и в другом стран Антанты. Этот господин не останавливается даже перед измышлением документов, чтобы доказать то, что ему надо. Его книга «Der entscheidende Schritt

---

[1] Среди распространенных бесплатно книг находились такие «сокровища» исторической науки, как например, «Катехизис к вопросу об ответственности за войну» Шаера; «Обвинение и опровержение» — Ганса Дрегера; «Что Германия потеряла в своих колониях» Дикса; «Безопасность Германии — право разоруженных» в 100 т. экз.; К а р о, «Die Grundzüge der Kriegsschuldfrage», «Merkblatt zur Kriegsschuldfrage» в 500 тыс. экз., «Kalender für Freiheit und Ehre» в 100 тыс. экз. КНО распространил в Германии и за границей все писания графа Монжеля, Ганса Дельбрюка, Швертфегера, Альфреда Вегерера, Фридриха Тимме и всех видных «историков», которые, в меру своих сил и способностей, «обеляли» германский империализм. Эти произведения переведены заботами КНО на французский и английский, а некоторые, как, например, работы Штиве, также и на испанский языки.

in den Weltkrieg» написана на основе выдуманных им двух телеграмм Сазонова.

Полковник Швертфегер не менее плодовитый историк-публицист и «борец» за «историческую правдивость». Десятки книг и брошюр, сотни журнальных и газетных статей написаны им в защиту «невиновности» германского империализма. Швертфегер, кроме того, является еще издателем и комментатором бельгийских дипломатических документов [1]. Будучи во время оккупации Бельгии директором захваченных в Брюсселе и других городах бельгийских архивов, полковник Швертфегер начал свою издательскую и «очистительную» деятельность еще в начале войны. Об этой деятельности необходимо рассказать, так как она имеет прямое отношение к нашему предмету.

На второй день после вторжения германской армии в Бельгию, Бетман Гольвег 4 августа 1914 г. заявил при торжественной обстановке в рейхстаге: «Мы были принуждены не обратить внимания на справедливый протест люксембургского и бельгийского правительств. Несправедливость — я говорю это открыто — несправедливость, которую мы этим совершили, мы попытаемся исправить как только наша военная цель будет достигнута» [2]. Торжественное признание правоты Бельгии и неправоты Германии и данное обязательство устранить несправедливость с первых же дней войны стояли поперек дороги планам финансового капитала и юнкерства, требовавших аннексии Бельгии. Они и слышать не хотели об «устранении несправедливости». С октября 1914 г. официоз германского правительства «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» начал печатать изложение документов и текст некоторых документов из бельгийских архивов. Чтобы доказать «ответственность» Бельгии за нападение на нее Германии, там было напечатано письмо бельгийского начальника генерального штаба Дюкарна бельгийскому военному министру, с изложением беседы с английским военным атташе, полковником Бернардистоном от 10 апреля 1906 г. Из публикации явствовало, что между Бельгией и Англией уже в 1906 г. существовала формальная договоренность о высадке английской армии в определенных пунктах Бельгии в случае войны Англии с Германией. Это

---

[1] Из наиболее крупных его работ (по объему, конечно) о «виновниках» и против «версальской лжи» (Швертфегер является одновременно и военным историком) следует отметить: 1) двухтомный комментарий к изданным им «Бельгийским документам к предистории мировой войны», составлен в 1921 г. «Erster Kommentarband. Der Fehlschlag von Versailles. Deutschlands Vorkriegspolitik. Dargestellt auf Grund der Belgischen Gesandtschaftsberichte. Zweiter Kommentarband. Der Geistige Kampf um die Verletzung der belgischen Neutralität. Dargestellt auf Grund deutscher und belgischer amtlicher Akte und 2) Der Weltkrieg der Dokumente, 1929.

[2] Verhandlungen des Reichstags. Stenographische Berichte. Bd. 308, S. 7, Berlin, 1916.

«разоблачение» произвело большое впечатление за границей. Однако позже выяснилось, что при публикации документов были произведены подтасовки и прямая фальсификация. Так, например, при печатании упомянутого выше письма в специальном приложении к «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» от 25 ноября 1914 г. была проделана следующая жульническая операция. Заключительный абзац письма Дюкарна гласит в подлиннике: «Après avoir exprimé sa satisfaction au sujet de mes déclarations mon interlocuteur insista sur le fait que: notre conversation était absolument confidentielle etc...», что означает в переводе:

«Выразив свое удовлетворение по поводу моих заявлений, мой собеседник настаивал на том, чтобы наша беседа оставалась абсолютно конфиденциальной» и т. д.

Выражение «наша беседа» («notre conversation») в этом абзаце было переведено в официозе по «немецки» «Unser Abkommen», т. е. **наша конвенция** или наше соглашение. В результате **беседа** о возможной высадке английских войск **после нападения Германии на Бельгию** была превращена в конвенцию о высадке английских войск в Бельгию вообще, возможно и для совместного нападения на Германию. Хотя эта фальсификация была вскоре разоблачена и ее острие было обращено против самих «разоблачителей», однако, германский народ узнал об этом лишь после войны.

«Опираясь» на подобные «документы», 93 германских представителя интеллигенции, науки, техники и искусства выступили в октябре 1914 г. с манифестом — протестом «против лжи и клеветы, которыми наши враги стараются загрязнить правое дело Германии, навязанное ей тяжелой борьбой за существование». В этом манифесте они писали:

«**Неправда**, что мы нагло нарушили нейтралитет Бельгии: Доказано, что Франция и Англия сговорились об этом нарушении. Доказано, что Бельгия на это согласилась. Было бы самоуничтожением не предупредить их в этом»[1].

Упомянутая книга Штиве «Германия и Европа в 1890—1914 гг.», написанная в духе пангерманского и фашистского толкования истории войны, является и по сей день основным руководством для всех фашистских историков, учителей, журналистов, профессоров. Вся разработка истории международных отношений проводилась и проводится в Германии еще и до сих пор в духе Штиве. Разлагающая и отравляющая общественное сознание деятельность КНО вскоре проявилась и за границей в виде статей, брошюр и целых «историй», в роде «Истории происхождения мировой войны» американского профессора Эльмара Бернса (Barnes), представляющая собой смесь фальсификаций из произведений Штиве, Монжеля и других «историков» из КНО.

[1] **Schulthess**. Europäischer Geschichtskalender, erste Hälfte, S. 402 1914.

Разлагающая псевдо-научная «унифицированная» деятельность «историков», писавших по заданиям КНО, оказала тлетворное влияние и на небольшую группу французских историков, публицистов и литераторов, основавших в 1926 г. свой журнал «Evolution». Эта группа распалась, а журнал, являвшийся по сути дела французским изданием, «Die Kriegsschuldfrage» был закрыт лишь после прихода к власти Гитлера. Из наиболее крупных деятелей этой группы «пацифистов» следует назвать историков Демартиаля, Мишона, Шарпантье; публицистов Морхардта и писателя Виктора Маргерит.

Фальсификацию, изготовленную германской «унифицированной» историографией о «виновниках» войны, распространяли у нас право-троцкистские выродки в роде террориста Фридлянда, Дубровского и др. Приходится констатировать, что выводы «унифицированной» германской историографии некритически воспринимались и М. Н. Покровским и его незадачливыми последователями. По этой причине большая часть того, что писалось у нас (за единичными исключениями) о развязывании мировой войны вплоть до 1936 г., носит на себе отпечаток некритического восприятия готовых выводов о «невиновности» или меньшей виновности германского довоенного империализма в мировой бойне. Этим также объясняется тот факт, что единственной из переведенных на русский язык работ о войне оказалась двухтомная германофильская книга американского профессора Сиднея Фея «Происхождение мировой войны».

Обладая огромными материальными и техническими средствами и кадрами, КНО сделался непререкаемым «авторитетом» в вопросе о «виновниках» войны. В Германии могла выйти в свет только та статья, брошюра или книга, которая была написана в духе «исторической правдивости» и «очищения» германского империализма от ответственности за войну и одобрена КНО. Чтобы дать представление о терроре КНО, я приведу один только пример. В 1928 г. германская национальная (дейчнационале) партия внесла в рейхстаг законопроект, согласно которому всякий, кто публично будет говорить о виновности Германии в войне, подлежит тюремному заключению сроком на три месяца и лишению политических и гражданских прав. Генерал-майор барон фон-Шенайх, враждебно относившийся к «очистительной» пропаганде КНО, отправил в «Kreuzzeitung» Гугенберга, где законопроект был впервые напечатан, письмо с некоторыми критическими замечаниями. Редакция «Kreuzzeitung» вернула письмо автору. Он его послал в редакцию другой газеты — тот же успех. Ни одна буржуазная газета не напечатала этого письма [1].

Тесная связь между национал-социалистской партией Гитлера и КНО была установлена с первых дней их зарождения. На про-

[1] «Der Krieg». Juni 1929, № 18, S. 81.

тяжении всех 12 лет до прихода Гитлера к власти, когда КНО еще выступал в качестве якобы «независимой внепартийной организации», его головка работала во внешнеполитическом отделе гитлеровской партии, а средние и низшие звенья состояли членами местных организаций фашистской партии и дейчнационале.

По поводу конференции КНО о международном разоружении «Völkischer Beobachter» писал 8 декабря 1931 г.:

«...Мюнхенская конференция этого года открылась в университете публичным докладом доктора Ганса Дрегера на тему «Ревизия или святость мирных договоров». Мы особенно отмечаем здесь тезис докладчика о том, что никакой мирный договор не может представлять собой что-либо вечное, и меньше всего навязанный силой мирный договор, вредность которого оправдывает его устранение» [1].

Уже через месяц после прихода фашизма к власти КНО оформил свои отношения к новому правительству и стал своего рода «советником» в определенных вопросах политики и школьного воспитания. В письме от 27 февраля 1933 г. КНО просил имперского министра внутренних дел Фрика ввести обязательное преподавание во всех школах предмета «о виновниках мировой войны». В ответном письме от 28 февраля Фрик обещал снестись с местными правительствами и предложить им поставить изучение этого предмета «в центре исторических, государственных, гражданских наук в начальных школах, в школах повышенного типа и в университетах» [2]. «Научная» деятельность КНО [3] и обслуживающей его профессорской лейбгвардии была «моральной» подготовкой для одностороннего расторжения Гитлером Версальского договора. Едва фашизм пришел к власти, как все руководители КНО были вознаграждены за патриотическую «деятельность» [4].

В марте 1937 г. Гитлер обратился к руководству КНО и ко всем входящим в его состав организациям с письмом, в котором он «выражал свою благодарность и признательность за проделанную работу по восстановлению чести германского народа» [5].

Из сказанного выше видно, что «Комитет германских объединений» был с первых дней своего основания тесно связан с германским фашизмом, в процессе работы стал филиалом на-

[1] Цитировано по «Der Weg zur Freiheit». Februar — März. № 2—3, S. 38. 1937.

[2] Цитировано по «Der Weg zur Freiheit», Mai. № 4—5, S. 39. 1937.

[3] Германские университеты еще до прихода Гитлера к власти присудили руководителям КНО Дрегеру, Вегереру, Швертфегеру и др. за их лживую и фальсифицированную «науку» ученую степень почетного доктора исторических наук.

[4] Так, например, Дрегер был тотчас назначен в отдел печати Министерства иностранных дел руководителем по «изучению антигерманской пропаганды за границей».

[5] «Der Weg zur Freiheit», April — Mai, № 4—5. 1937.

ционал-социалистской партии Гитлера и, наконец, передал ей все свои кадры, слился с нею, сделавшись частью аппарата фашистского государства. Таким образом, фашистская историография глубоко уходит своими корнями в пангерманскую историографию.

III

Было бы, однако, неправильно утверждать, что вся буржуазная историография плясала под дудку германских пангерманцев и фашистов. Среди германских буржуазных историков и публицистов было и другое течение, — правда, очень слабое, — более объективно освещавшее вопрос о причинах мировой войны. Из более крупных имен можно назвать профессора Кантаровица и Генриха Каннера, которого германские цеховые историки не признавали историком, а считали публицистом. Была группа пацифистов, которая в журнале «Die Friedenswarte» выступала против унифицированной фальсификации и лжи. Журнал Осецкого «Die Weltbühne» вел мужественную борьбу с течением, возглавлявшимся КНО. Однако все эти выступления не носили систематического характера, велись с неправильных пацифистских позиций и они не могли оказать достаточного противодействия целым Гималаям фальсифицированных измышлений, создаваемых в плановом порядке по заданиям боевой организации германской империалистической буржуазии — КНО.

Германская социал-демократия официально разделяла точку зрения, выраженную в книге Каутского: ответственность за развязывание войны несут германское правительство и кайзер Вильгельм II. На этой точке зрения стояло и «Германское общество мира». Официально и веймарская коалиция, по тактическим соображениям, признавала частичную ответственность за войну германского довоенного правительства, но участники той же веймарской коалиции, как «частные» лица, состояли в организациях КНО и выступали устно и в печати в духе «исторической правдивости». Не только буржуазная часть веймарской коалиции, но и социал-демократическая партия не вела активной борьбы против пангерманской и фашистской историографии и публицистики. Последние имели одного опасного противника в лице Генриха Каннера, жестоко разоблачавшего все их жульнические проделки на страницах основанного им в 1928 г. и просуществовавшего до начала 1930 г. тощего ежемесячного журнала «Der Krieg»[1]. Борьба против критиков и разоблачителей пангерманской отравы началась одновременно с самим зарождением движения за «историческую правдивость». Уже в 1919 г. Фридрих Тимме выступил с памфлетом против Максимилиана Гардена, обвиняя последнего

[1] Из работ Генриха Каннера, помимо статей в журнале «Der Krieg» следует выделить: «Kaiserliche Katastrophenpolitik», «Der Schlüssel zur Kriegsschuldfrage».

во всех семи смертных грехах. Он указывал на него как на личность, в политическом и моральном отношении не заслуживающую никакого доверия. Инсинуации Тимме подхватил Ганс Дельбрюк. В выпущенной им в 1919 г. книжке под названием «Каутский и Гарден», Ганс Дельбрюк обвинял обоих в нанесении вреда германскому народу и государству, но допускал, что Каутский действовал из честных побуждений, чего он не мог сказать о Гардене. Не встречая отпора ни у себя дома, ни за границей, пангерманская и фашистская историография наглела все больше. В 1924 г. тот же Дельбрюк уже иначе сформулировал притязания борцов «за историческую правдивость». Он поставил перед германской историографией и публицистикой следующую задачу: «Вся тайная дипломатия, национализм, империализм и милитаризм никогда не привели бы к войне, если бы не было в определенных местах людей, которые действительно хотели войны и которые хотели разжечь мировой пожар. Отыскать этих людей и поставить их у позорного столба — задача каждого исследования о происхождении войны. По меньшей мере четыре лица уже установлены с точностью: Пуанкаре, Извольский, Николай Николаевич, Димитриевич. О других обвиненных следует сказать с такой же определенностью, что они не хотели мировой войны: это Вильгельм II и Бетман-Гольвег» [1].

Следует отметить, что среди цеховой буржуазной германской профессуры были и такие, которые признавали, что довоенная Германия также разделяет с другими странами вину за развязывание войны, но они всячески старались преуменьшить долю первой. Среди них профессор Герман Онкен [2] соглашался со всеми остальными «борцами» за «историческую правдивость» в том, что необходима жестокая борьба против Версальского мира, который являлся «фальшивым миром» и будто бы задевал честь германского народа. Необходимость этой борьбы он мотивировал тем, что этот мир сделал, как образно выразился Онкен, «бреши во внутреннем строении империи», оторвав от «германского государственного тела» целые провинции и «передвинув их из одного государственного суверенитета (Staatshochheit) в другой, но особенно потому, что он нанес беспощадные кровоточащие раны живой немецкой народности». Но главное зло Версальского мира он видел в том, что он лишил Германию ее вооруженных сил, заставил ее разоружить рейнскую зону, и что «в мнимых германских колониальных жестокостях изобрели морально оправдываемое юридическое основание на право располагать германскими колониями» [3]. Политические цели борьбы против «фальшивого мира» выражены Онкеном с предельной краткостью и четкостью. Они целиком сходятся с целями, провозглашенными КНО: вооруже-

[1] «Die Kriegsschuldfrage», Dezember 1924. S. 561.
[2] Oncken, H. Nation und Geschichte, S. 93. Berlin, 1935.
[3] Oncken, S. 93 и 95.

ние, возврат провинций, отошедших к Франции, Польше и Дании, возвращение бывших колоний, — это те же внешнеполитические цели, которые ставил себе в те годы как программу-минимум германский фашизм, и которые он начал уже сейчас осуществлять насильственным путем.

Евгений Фишер, бывший секретарь комиссии рейхстага по расследованию причин войны и поражения, в «Die Kritischen 39 Tage» приходит к общему выводу, что вся ответственность за развязывание войны падает в одинаковой степени на все правительства. Однако и Онкен и Фишер уже давно отказались от первоначальной точки зрения. В позднейших работах они утверждают, что Германия ни в чем неповинна, а всю ответственность несут Россия и Франция.

Как раз в тот момент, когда Онкен призывал специалистов опереться на уже якобы доказанную «раздельную» ответственность всех держав за войну и ее возникновение и вести дальнейшую борьбу за переложение на бывшие страны Антанты большей доли ответственности, восьмидесятилетний Ганс Дельбрюк писал свое знаменитое «политическое завещание» [1], в котором, между прочим, говорится, что никакого «милитаризма» в Германии не было. Это Франция была настоящей милитаристской державой. «Это она ввела у себя действительно всеобщую воинскую повинность, которая у нас существовала только на бумаге, и это она довела милитаризм в 1913 г. до такого состояния, что все молодые люди без исключения должны были оставаться три года под знаменами... Франция должна была или опять отменить трехлетний срок службы или же вызвать в короткий срок мировую войну» [2]. Ответственность за всем известную гонку вооружений, зачинщицей которой была Германия с 1871 г., как, в частности, и в 1912—1914 гг., Дельбрюк попросту перекладывает на Францию, утверждая, что именно она была воплощением милитаризма, а не Пруссия. Отсюда Дельбрюк вывел заключение: ни Германия, ни Австрия войны не хотели. Считая это положение «доказанным», он задавался уже другим вопросом: «Если не Германия и не Австрия являются теми, кого следует рассматривать как виновников войны, то кто в таком случае являлся виновником?» Признавая, что война вызвана не случайностью, а определенными интересами, Дельбрюк выдал немецкому империализму патент на «миролюбие» и «невиновность» и поставил перед историками следующую задачу:

[1] «Политическим завещанием» Дельбрюка считают приведенное в тексте место из заготовленной им речи, которую он должен был произнести 28 июня 1929 г. в актовом зале Берлинского университета по случаю 10-летия со дня подписания Версальского договора. Эта речь не была им произнесена из-за отмены властями этой манифестации. Она была напечатана в августовской книжке «Preussische Jahrbücher» после смерти Дельбрюка, последовавшей в конце июля 1929 г.

[2] Delbrück, H. Der Friede von Versailles, S. 13, Berlin, 1930.

«Существует старое правило стратегии: если выиграна битва в оборонительном сражении, то обороняющийся, в конце концов, обязан перейти из обороны в наступление. Мы не можем удовлетвориться формулой, что Германия «не одна была виновата». Эта построенная в 1919 г. формула была очень пригодной для переходного состояния (Uebergang), однако теперь мы ее отвергаем и утверждаем: что касается стремления к мировой войне, то Германия была совершенно невиновной; но были державы, которые использовали совершонные германской политикой ошибки с тем, чтобы со своей стороны развязать мировую войну, к которой они стремились и желали, так как без этой войны не могли достигнуть своих целей: нового завоевания Эльзас-Лотарингии и господства над Константинополем»[1].

Задачу Дельбрюка германская историография выполнила. Она свято хранит заветы Дельбрюка по сей день, но фашисты пошли еще дальше по части беззастенчивой фальсификации истории

IV

В настоящей работе мы не можем дать в широком объеме изложение истории происхождения и непосредственного возникновения мировой войны по двум причинам. Самое название темы ограничивает нас. Главное же заключается в том, что для марксистско-ленинской историографии оба вопроса давно и исчерпывающим образом разрешены. Опубликованные за последние двадцать лет архивные документы во всех странах полностью подтвердили точку зрения Владимира Ильича Ленина, как на общие причины происхождения первой мировой войны, так и на непосредственно заинтересованных в ее развязывании в 1914 году. Поэтому мы лишь ограничимся тем, что напомним о выводах, к которым Ленин пришел в результате многолетнего, всестороннего и глубокого изучения предмета.

Уже в манифесте нашей партии «Война и российская социал-демократия», написанном В. И. Лениным в сентябре 1914 г., он четко и ясно охарактеризовал общие причины, вызвавшие мировую войну. В этом историческом документе говорится:

«Европейская война, которую в течение десятилетий подготовляли правительства и буржуазные партии всех стран, разразилась. Рост вооружений, крайнее обострение борьбы за рынки в эпоху новейшей, империалистической стадии развития капитализма передовых стран, династические интересы наиболее отсталых восточно-европейских монархий неизбежно должны были привести и привели к этой войне. Захват земель и покорение чужих наций, разорение конкурирующей нации, грабеж ее богатств, отвлечение внимания трудящихся масс от внутренних политических кризисов России, Германии, Англии и других стран, разъединение и националистическое одурачение рабочих и истре-

[1] Hans Delbrück, op. cit., S. 11.

бление их авангарда в целях ослабления революционного движения пролетариата — таково единственное действительное содержание, значение и смысл современной войны»[1].

Тов. Ленин доказал, что главным виновником мировой войны был империализм, капиталистические классы. Конкретизируя это положение, тов. Ленин писал в статье «Крах II Интернационала»:

«Империализм есть подчинение всех слоев имущих классов финансовому капиталу и раздел мира между 5—6 «великими» державами, из которых большинство участвуют в войне. Раздел мира великими державами означает то, что все имущие слои их заинтересованы в обладании колониями, сферами влияния, в угнетении чужих наций, в более или менее доходных местечках и привилегиях, связанных с принадлежностью к «великой» державе и к угнетающей нации»[2].

Кого следует подразумевать под 5—6 «великими» державами — это мы находим в другой статье тов. Ленина: «...В течение десятилетий, почти полувека, правительства и господствующие классы и Англии, и Франции, и Германии, и Италии, и Австрии, и России вели политику грабежа колоний, угнетения чужих наций, подавления рабочего движения. Именно такая политика, только такая продолжается в теперешней войне»[3].

Эту оценку Ленин повторял не раз, подкрепляя ее все новыми и новыми неопровержимыми фактическими и историческими данными. В мае 1917 г. по этому же вопросу он говорил в своей лекции «Война и революция»: «Нет, эта война вызвана неизбежно тем развитием гигантски-крупного капитализма, особенно банкового, которое привело к тому, что каких-нибудь четыре банка в Берлине и пять или шесть в Лондоне господствуют над всем миром, забирают себе все средства, подкрепляют свою финансовую политику всей вооруженной силой, и, наконец, столкнулись в неслыханно зверской схватке из-за того, что дальше идти свободно захватным порядком некуда. Либо один должен отказаться от владения своими колониями, либо другой. Такие вопросы в этом мире капиталистов не решаются добровольно. Это может быть решено только войной»[4].

В центре всех империалистических противоречий стояли англо-германские. Они определяли и направляли политику других держав, они, в конечном счете, привели к кровавой схватке. Зародившись еще в конце канцлерства Бисмарка, англо-германские противоречия, повинуясь закону неравномерного развития капитализма в отдельных странах, быстро росли на основе ускоренных темпов развития германской промышленности, ее между-

---

[1] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 61.
[2] Ленин. Там же, стр. 256.
[3] Ленин. Там же, стр. 197.
[4] Ленин. Соч. т. XXX, стр. 341.

народной торговли и торгового судоходства и финансового соперничества. Энергичные притязания германского империализма, этого молодого хищника, на колониальные захваты, поиски им удобных пунктов для постройки морских угольных станций и опорных пунктов вблизи британских мировых коммуникационных путей в сильнейшей степени способствовали возбуждению недоверия между обеими странами. Англо-германские империалистические противоречия и конкуренция в области торговли достигли уже в конце прошлого века таких размеров, что дальновидные люди еще тогда предвидели, что англо-германское экономическое и колониальное соперничество будет решаться вооруженным путем. Английская «Saturday Review» еще в 1897 г. писала по поводу быстро нарастающих англо-германских противоречий:

«Бисмарк уже давно признал, что в Европе, как, наконец, теперь начинает видеть английский народ, существуют две великие, непримиримые, направленные друг против друга силы, две великие нации, которым хотелось бы весь мир превратить в свой домен и требовать с него торговой дани... Мелкие столкновения создают предлог к величайшей войне, которую когда-либо видел мир... Прежде народы годами сражались за какой-нибудь город или наследство, неужели же они теперь не должны начать войну из-за ежегодного торгового дохода в пять миллиардов?» [1]

В то время Германия не располагала усовершенствованным военным флотом и еще даже не начинала его строить. Создание могущественного флота в 1898—1914 гг. еще более обострило англо-германские противоречия. Именно потому, что флот был орудием борьбы за передел мира, германское правительство отклоняло все предложения Англии о замедлении темпов морского строительства; именно потому нашел такие сильные отклики в пангерманских и крупнокапиталистических кругах лозунг, брошенный в самом начале войны вице-адмиралом Кирхгофом: «Мы должны стремиться всеми фибрами нашего сердца уничтожить Англию. Если когда-либо ненависть была оправданной, то это ненависть против Англии. Уничтожить Англию—это культурная миссия» [2].

Ленин вскрыл и доказал, что в происхождении мировой войны виноваты в одинаковой мере капиталисты Англии, Германии, Франции, России, Австро-Венгрии и других империалистических стран, и конкретно указал, какие грабительские цели ставили себе в этой войне капиталисты каждой страны в отдельности.

Но Ленин отделял причины, вызвавшие мировую империалистическую войну, от ее непосредственного развязывания. Он указывал, что виновником войны был капитализм в целом и что

[1] Цитировано по Tirpitz A. Erinnerungen, S. 169, Leipzig, 1919.
[2] Цитировано по книге Gustav Stresemann: Michel, horch, der Seewind pfeift..., 2. Auflage. S. 9. Berlin. 1917.

германский империализм больше других стремился ускорить ее начало. В манифесте нашей партии Ленин писал:

«Во главе одной группы воюющих наций стоит немецкая буржуазия. Она одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну ради защиты родины, свободы и культуры, ради освобождения угнетенных царизмом народов, ради разрушения реакционного царизма... На деле немецкая буржуазия предприняла грабительский поход против Сербии, желая покорить ее и задушить национальную революцию южного славянства, вместе с тем направляя главную массу своих военных сил против более свободных стран, Бельгии и Франции, чтобы разграбить более богатого конкурента. Немецкая буржуазия, распространяя сказки об оборонительной войне с ее стороны, на деле выбрала наиболее удобный, с ее точки зрения, момент для войны, используя свои последние усовершенствования в военной технике и предупреждая новые вооружения, уже намеченные и предрешенные Россией и Францией» [1].

Вскрывая грабительские планы английской и французской буржуазии, в свою очередь, одурачивавшей рабочий класс и уверявшей, что она будто бы «ведет войну за родину, свободу и культуру против милитаризма и деспотизма Германии, а на самом деле вместе с варварским царизмом уже давно готовилась «к нападению на Германию», Ленин там же писал: «Обе группы воюющих стран нисколько не уступают одна другой в грабежах, зверствах и бесконечных жестокостях войны». Он подчеркивал, что «буржуазия каждой страны ложными фразами о патриотизме старается возвеличить значение «своей» национальной войны и уверить, что она стремится победить противника не ради грабежа и захвата земель, а ради «освобождения» всех других народов, кроме своего собственного» [2]. Не во имя наказания за убийство в Сараеве, не из-за русской экспансии или французских реваншистских вожделений ведется война, писал Штреземан [3] в 1915 г.: «Дело идет о борьбе между Англией и Германией, о борьбе на жизнь и смерть, о борьбе за величие или гибель... порожденной экономическими причинами..., о борьбе, движущие силы которой в последнем счете лежат в ненависти против неудобного соискателя на мировое господство и в неограниченном стремлении к наживе» [4].

Говоря об англо-германских противоречиях, неизбежности войны между Германией и Англией и необходимости рабочему

---

[1] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 61—62.

[2] Ленин. Там же, стр. 62.

[3] Лидер национал-либеральной партии, доверенное лицо крупнейших промышленных и банковских концернов Германии, пангерманец и депутат рейхстага, а впоследствии лидер «веймарской коалиции», министр иностранных дел и рейхсканцлер.

[4] G. Stresemann. Michel, horch, der Seewind pfeift. 2. Aufl. S. 8.

классу занять четкую позицию в этом вопросе, В. И. Ленин писал в 1911 г.: «Известно, что в последние годы и Англия и Германия вооружаются чрезвычайно усиленно. Конкуренция этих стран на мировом рынке все более и более обостряется. Военное столкновение надвигается все более грозно. Буржуазия, шовинистическая пресса обеих стран, бросает в народные массы миллионы и миллионы зажигательных статей с натравливанием на «врага», с воплями о неминуемой опасности «германского нашествия» или «английского нападения», с криками о необходимости усиленных вооружений» [1].

Итак, основной причиной империалистической мировой войны, как и всех захватнических войн, является капиталистическая система, главными же противоречиями, ускорившими мировой пожар, были англо-германские противоречия, на ряду с которыми крупнейшую роль играли франко-германские, русско-германские и австро-русские противоречия. Однако из этого вовсе не следует, что марксистско-ленинская историография не должна интересоваться вопросом непосредственного развязывания первой мировой войны. Решающим для нее является империалистический характер войны, но для нее также не безразлично, кто — господствующие классы и правители какой страны — бросили искру в горючий материал и мешали каким бы то ни было попыткам «мирного» разрешения конфликта в трагические июльские дни 1914 г.

Ленин, как мы видели, не сводил вопроса о причинах происхождения мировой войны к вопросу: «кто первый напал?» Хотя этот вопрос в его общей постановке, в проблеме происхождения мировой войны, не играет самостоятельной роли, однако, из этого вовсе не следует, что мы им не должны заниматься и что он не играет никакой роли.

Этот вопрос приобретает особо важное значение в наши дни, когда германский фашизм одним махом аннексировал Австрию и разорвал на части живое тело Чехословацкого государства, когда итальянский и японский фашизм, во главе с германским фашизмом, уже развязали вторую мировую войну и усиленно готовятся к нападению на СССР.

Ленин считал нападающей стороной, зачинщиком, виновником развязывания войны «немецкую буржуазию», возглавлявшую группировку центральных держав. Какое содержание Ленин вкладывал в выражение «немецкая буржуазия», видно из его «тезисов» к манифесту, где сказано: «на деле австрийская буржуазия предприняла грабительский поход против Сербии, немецкая — угнетает датчан, поляков и французов в Эльзас-Лотарингии, ведя наступательную войну с Бельгией и Францией ради грабежа более богатых и более свободных стран, организуя

[1] Ленин. Соч., т. XV, стр. 165.

наступление в момент, который ей казался наиболее удобным для использования последних ее усовершенствований в военной технике, и накануне проведения так называемой большой военной программы Россией»[1].

Однако Ленин подчеркивал, что от факта бесспорного агрессивного нападения Германии на Бельгию, а Австро-Венгрии на Сербию война не теряет своего империалистического характера, так как «война ведется «тройственным» (и четверным) согласием не из-за Бельгии». Такая резкая и ясная постановка вопроса не помешала Ленину здесь же подчеркнуть, что агрессором был германский империализм. Ленин писал: «Германские империалисты бесстыдно нарушили нейтралитет Бельгии, как делали всегда и везде воюющие государства, попиравшие в случае надобности все договоры и обязательства»[2]. Ленин неоднократно указывал, что Германия и Австро-Венгрия «напали раньше», чем их противники «успели получить заказанные ими новые ножи»[3], не смешивая, как мы это показали, вопроса развязывания, возникновения с причинами происхождения империалистической войны.

Что нападающей стороной была именно Германия — это подтвердили все опубликованные после войны документы. Это целиком подтвердили прежде всего германские и австрийские архивные документы и мемуарные записи[4]. Нападение Австро-Венгрии, — с разрешения и по прямому подстрекательству Германии — на Сербию и нападение Германии на Россию, Бельгию и Францию настолько очевидны, а агрессивные действия «управителей Германии», т. е. германского империализма, настолько бесспорны, что защитникам «исторической правдивости» было совершенно бессмысленно давать бой на той позиции, где они могли быть биты без труда для противника.

Составители Версальского договора и всех относящихся к нему официальных документов тщательно избегали употреблять термин «германский народ», хотя этот договор налагал на него столь тяжелые экономические и политические обязательства. Они всюду и везде обвиняли «германских правителей» — действительных виновников развязывания мировой войны и иных преступлений. Нигде не упоминая термина «германский народ», который в действительности расплачивался за преступления господствующих классов, империалисты Антанты тем самым одно-

---

[1] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 45.

[2] Там же, стр. 198.

[3] Там же, стр. 93.

[4] Мы имеем в виду 4 тома архивных документов под редакцией Карла Каутского: Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch, Hrsg. von Karl Kautsky, Graf Max Montgelas und Prof. Walter Schücking. 1919. 2. Auflage. 1927; Feldmarschall Conrad von Hötzendorf. Aus meiner Dienstzeit 1906—1918. 4 Bände, 1921—1924; «Die Grosse Politik der europäischen Kabinette 1871—1914; Oesterreich-Ungarns Aussenpolitik in 1908—1914».

временно достигли того, что продиктованный ими договор по форме не задевал народных чувств.

Борясь против так называемой «версальской лжи», т. е. против очевидного и доказанного факта нападения Германии на страны Антанты и доказывая «невиновность» «правителей Германии», фашистские и националистические историки пытаются подменить вопрос об ответственности за р а з в я з ы в а н и е войны вопросом об ответственности за происхождение войны.

«Правители Германии», которых обвиняли в развязывании войны, были совершенно забыты. На место «правителей» подсунули «германский народ» и утверждали, что именно его обвиняют в том, что он начал войну, что он напал на соседей, что он проявлял жестокость во время войны, и т. д. Выступая с демагогическими призывами в «защиту» германского народа против якобы возведенной на него клеветы, германские фашисты и националисты бешено разжигали шовинистические инстинкты в народе в поисках опоры для борьбы за реабилитацию германского империализма, прусского юнкерства и всего свергнутого революцией политического режима. Выступая против «версальской лжи», фашистская и националистическая историография, в сущности, боролась за вооружение Германии, за создание сильной армии, являющейся основой возрождения господства юнкеров. В перенесении германской историографией центра тяжести исследования с вопроса об ответственности за р а з в я з ы в а н и е мировой войны на вопрос об ответственности за п р о и с х о ж д е н и е мировой войны имелась определенная задняя мысль: разобраться детально в таком сложном вопросе очень трудно, а запутать дело — очень легко. Прежде всего само германское правительство предоставило для этой цели свои архивы. Оно издало 54 тома архивных документов под названием «Die grosse Politik der europäischen Kabinette 1871—1914», которые должны были «доказать» то, что было нужно борцам за «историческую правдивость». Издатели в предисловии к I тому прямо и откровенно пишут, какие причины побудили их предпринять такое грандиозное издание: «За это прежде всего говорило то, что именно во французской публицистике все чаще и чаще проявляется склонность выводить ответственность Германии за мировую войну из бисмарковского стремления к европейской гегемонии или даже к мировому господству»[1].

После завершения издания, главный редактор его, Фридрих Тимме, писал еще более откровенно: «Суровый приговор-проклятие, который правительства стран-победительниц тогда произнесли в чудовищной ноте от 16 июня 1919 года над всей Пруссией-Германией, история которой якобы была обуяна с 1871 г. духом

[1] Die Grosse Politik, B. I, S. VIII. О нарочитом подборе документов, пропусках и тенденциозных примечаниях в этой публикации. См. «Историк-марксист», 1937, кн. 3, стр. 148—155 и 1938, кн. 3, стр. 129—133.

властвования, агрессии и войны и который (приговор) был формально легализован в одностороннем обвинительном приговоре Версальского мирного договора о виновниках, заставил расширить на довоенное время уже начатое собрание германских документов о возникновении (развязывании) войны. Это был единственный путь, посредством которого мы могли добиться пересмотра обвинительного приговора, который мы должны были признать навязанной нам подписью» [1].

V

Последуем, однако, за борцами за «историческую правдивость»: посмотрим, какими средствами и методами они добивались торжества их «правдивости».

Мы уже указывали выше, что вся пропагандистская работа германского империализма по «самооправданию» была централизована в руках «непартийного» и «общенационального» КНО. В целях единообразия и во избежание разнобоя была создана одобренная КНО руководящая и направляющая «историческая» литература, в роде «Руководства к вопросу об ответственности за войну» графа Монжеля [2], многочисленных книг Штиве и т. д., которые и были положены в основу всей пропаганды. По ним и в их духе разрабатывались все проблемы, связанные с мировой войной. Для облегчения поставленной задачи были изобретены и канонизированы лживые «теории»: 1) мобилизация равнозначуща объявлению войны и 2) агрессором является тот, кто объявил мобилизацию и многие другие [3].

На первой странице своего «Руководства» граф Монжеля объявляет, что целью его исследования является «попытка дать другой ответ, чем тот, который был дан в Версале обвинителями, в то же время присвоившими себе право судей, тогда как еще

---

[1] В специально изданном КНО пропагандистском сборнике «Im Dienst der Wahrheit», 1927.

[2] Graf M a x M o n t g e l a s. Leitfaden zur Kriegsschuldfrage. Berlin, 1923. Генерал-лейтенант граф Макс Монжеля, баварец, работал до войны в оперативном отделе германского генерального штаба. С самого начала войны командовал пехотной дивизией на западном фронте; затем Монжеля вышел в отставку и жил в Швейцарии в качестве «пацифиста», не будучи согласен с германским правительством в вопросах о нарушении бельгийского нейтралитета, применения удушливых газов и нападения цеппелинов на неукрепленные города. К концу войны Монжеля, по словам Бернарда Бюлова, «поборол первоначальное Blässe des Gedankens (затемнение рассудка) и в своей полемике против Каутского достойно и мужественно защищал национальную и патриотическую точку зрения» (Bernhard F ü r s t B ü l o w. Denkwürdigkeiten, Bd. III. S. 255). Монжеля — ведущая фигура среди всего сонма историков-фальсификаторов. До прихода к власти Гитлера Монжеля числился «левым», что не мешало ему быть в числе ведущих личностей в борьбе за «историческую правдивость» и постоянным сотрудником журналов «Der Weg zur Freiheit» и «Die Kriegsschuldfrage».

[3] Разоблачение этих «теорий» см. ниже.

ни один из архивов воюющих держав не был полностью открыт». Выводы книг были даны в сделавшихся впоследствии знаменитыми «17 заключительных тезисах».

Одновременно с опубликованием «Руководства» Монжеля начал выходить упомянутый уже нами выше журнал «Die Kriegsschuldfrage» под редакцией фон-Вегерера. Этот журнал предназначался для конкретной разработки исторических проблем, лишь в общих чертах намеченных в «Руководстве» Монжеля.

Политические цели и задачи журнала изложил в первом же номере Ганс Дельбрюк в программной статье «Zur Behandlung der Kriegsschuldfrage».

«Все чаще, — писал он, — раздается с разных сторон упрек в том, что в вопросе об ответственности за войну в Германии делается не то, что надо и делается недостаточно... С Германией обращались так дурно не потому, что она ответственна за войну, а потому, что она ее проиграла». Но чтобы поднять правительства и народы, бывшие во время войны на стороне Франции, «против бессмысленной насильственной политики Франции», — продолжал Дельбрюк, — «необходимо уничтожить все еще господствующее у народов мнение, что Германия легкомысленным образом разожгла пожар войны, и поделом ей, если она так сурово наказана. Германия безусловно одержала бы большую победу, если бы только удалось убедить широкие круги Англии или Америки в том, что это обвинение неправильно или хотя бы возбудить сомнение в его правильности. Неужели нельзя того добиться?» [1].

Если КНО и его журнал «Der Weg zur Freiheit» имели задачу обеспечить политическую мобилизацию масс и они действовали посредством политического и морального террора, то «Kriegsschuldfrage», детище того же КНО, должна была перетряхнуть всю историю и «доказать» средствами науки то, что нужно было хозяевам — финансовому капиталу и прусскому юнкерству.

Этот журнал сыграл печально-выдающуюся роль как пропагандист лживых, фальсифицированных, выдуманных им «теорий» обеления германского довоенного империализма. С первых дней своего существования и до наших дней он был и остался лабораторией лжи и отравы исторической общественности и показал удивительную способность продвигать историческую фальсификацию во все уголки мира.

Этот журнал является вдохновителем, собирателем и организатором всех прогермански настроенных элементов среди историков за границей, из которых он сделал усердных пропагандистов полной «невиновности» Германии в возникновении войны.

Абсолютно невозможно говорить о пангерманской и фашистской историографии и не говорить о пропагандистском Центре и

---

[1] «Die Kriegsschuldfrage», Juli 1923.

его органе «Die Kriegsschuldfrage». Они неразрывно связаны друг с другом, представляют одно целое не только в идеологическом, но и в материально-физическом отношении. Почти все историки, о которых будет итти речь ниже, являются постоянными сотрудниками этого журнала. Деятельность этого неиссякаемого источника отравы столь многообразна, что она не может быть критически оценена в данной работе. Это сделано нами в особом этюде.

Обратимся теперь к «Руководству по вопросу об ответственности за войну» графа Монжеля.

В виду того, что «Руководство» Монжеля и по сей день является своего рода «евангелием» в германской «очистительной» литературе, которая на разные лады его «разрабатывает и углубляет», а по сути дела повторяет и в 1938 г. то, что Монжеля изрек наперекор всем фактам еще в 1923 г.; в виду того, что до сих пор можно встретить даже в иностранных исторических работах ссылки на эту историческую макулатуру как на «солидный научный источник», и, наконец, потому, что в советской исторической литературе и печати «Руководство» не было разоблачено, а некоторые высказывания Покровского и его учеников очень напоминают кое-какие «тезисы» Монжеля, — мы считаем нужным подробно разобрать его основные «тезисы» и показать, как в действительности обстояло дело.

Тезис 1 гласит: «Германия не добивалась ни в Европе, ни где-либо в другом месте политической цели, которой можно было бы добиться лишь посредством войны. Австро-Венгрия стремилась лишь сохранить то, что у нее было... Франция добивалась возвращения Эльзас-Лотарингии и аннексии Саарской области, а Россия — Константинополя и проливов. Оба государства хорошо знали, «что эти стремления могут быть осуществлены только в результате европейской войны» [1].

В другом месте своего «Руководства» граф Монжеля пишет:

«Таким образом, не в Берлине и не в Вене господствовали желания, которые могли стать действительностью лишь посредством моря крови и слез... Наоборот, территориальные вожделения Франции, России и русских вассалов могли быть осуществлены только на европейских полях сражения» [2].

Этот вывод, основанный якобы на объективном изучении фактов и документов, сделался отправной точкой для всех пангерманских и фашистских «историков» международных отношений. Чтобы не быть голословным, приведу только несколько примеров.

Старый граф Ревентлов, бывший пангерманец и давнишний

---

[1] Montgelas. Leitfaden zur Kriegsschuldfrage. S. 164, 1923.

[2] Там же, S. 4. Буквально то же самое, но иными словами писал в 1929 г. Ганс Дельбрюк (Hans Delbrück. Der Frieden von Versailles, 2. Aufl., S. 12. Berlin, 1930).

фашист, пишет, что после изучения всех томов «Die Grosse Politik» он пришел к следующему выводу:

«Пятидесятитомный труд является достаточным доказательством того, что никогда внешняя политика и цели какого-либо правительства не были направлены в большей степени на сохранение мира, чем политика Германской империи под руководством Бисмарка и позже под руководством кайзера Вильгельма II» [1]. То же самое пишут Штиве и Швертфегер. Фашист Ганс Дрегер пишет в своей книжке «Обвинение и опровержение»: «Германская политика была не политикой нападения, а политикой обороны. Она себя показала наилучшим и яснейшим образом, как таковая, тем, что она никогда и нигде не преследовала целей, которые могли быть достигнуты лишь насильственным путем. К чему стремились — это к расширению экономической деятельности в Малой Азии... Таким образом, Германия сделалась в интересах ее действительных намерений хранительницей существующего положения вещей и вовсе не должна была пускаться в военные авантюры и завоевания» [2].

О «миролюбии» Германии пишет и Альфред фон-Вегерер:

«Под влиянием прусской системы Германия была в течение 44 лет, предшествовавших мировой войне... убежищем (очагом) мира... Германия не изменила после 1890 г. своей системы союзов и не преследовала никаких целей, которые можно было бы достигнуть посредством войны» [3].

То же самое пишет Георг Ганке в выпущенном им в 1933 г. специальном пособии и руководстве для преподавателей о «миролюбии» Германии [4].

К таким же «выводам», как и Монжеля, пришел и «историк» фашист Вильгельм фон-Клебер в выдержавшей в короткий срок несколько изданий книге «От мировой войны 1914 г. до национальной революции 1933 г.» И он пишет, что Германия «оборонялась», преследовала якобы мирные цели, в противоположность «завоевательным намерениям России и Франции в отношении среднеевропейского пространства». Он «доказывает» своим читателям, что «уже в 1907 году Англия, Франция и Россия были единодушны в намерении уничтожить Германию» [5].

Знакомый уже нам Сидней Фей пишет:

---

[1] Graf Reventlow. Kriegsschuldfrage und Kriegsschuldlügner, S. 4. Berlin, 1929.

[2] Hans Draeger. Anklage und Widerlegung. Taschenbuch zur Kriegsschuldfrage, S. 36, Berlin, 1928.

[3] A. von Wegerer. Die Widerlegung der Kriegsschuldthese, S. 116, Berlin, 1928.

[4] Georg Hanke, Die Kriegsschuldfrage in der deutschen Schule, S. 30. Berlin, 1933.

[5] Wilhelm von Kleber. Vom Weltkrieg 1914 zur Nationalen Revolution 1933. S. 14—15, München, 1933.

«Германия не затевала европейской войны. Она не хотела ее, и честно и добросовестно, хотя и слишком поздно, прилагала старания к тому, чтобы ее избежать. Она была жертвой своего союза с Австрией и своего собственного безумия»[1].

Опираясь на собственное «изучение» предмета и на свидетельство Фея, Людвиг Битнер, главный редактор большой 8-томной австрийской официальной публикации о происхождении мировой войны, пользующийся репутацией «крупного историка», пишет в вышедшей в 1936 г. работе:

«Все противостоящие центральным державам государства имели, таким образом, агрессивные цели, осуществление которых могло быть достигнуто общими действиями против центральных держав, в то время как центральные державы, как недавно правильно показал американский историк, таких агрессивных целей не имели. Политический курс центральных держав должен был, таким образом, быть направлен на мир и самосохранение. Политический же курс других держав был направлен на беспорядок и перемены»[2].

Таким образом, все упомянутые выше пангерманские и фашистские историки повторяют высказанную графом Монжеля в его первом «тезисе» мысль, даже иногда его же словами. Все они утверждают, как мы только что показали, что пришли к такому выводу якобы после кропотливого изучения исторических документов и их добросовестного и объективного анализа. Однако такая единодушная оценка одного из важнейших вопросов истории международных отношений является наглым надувательством. С исторической наукой эта «оценка» ничего общего не имеет. Все это позаимствовано... у Отто фон-Бисмарка. Вот, что старый канцлер писал в уединении в защиту своей насильственной, агрессивной и вероломной политики:

«Германия является, может быть, единственной великой державой в Европе, которая не может быть соблазнена никакими целями, могущими быть осуществленными лишь победоносными войнами. В наших интересах сохранение мира, в то время как наши континентальные соседи, без исключения, имеют желания, тайные или официально известные, которые могут быть удовлетворены только посредством войны»[3].

Так обстоит дело с «научной» лабораторией пангерманской и фашистской историографии, изготовившей директивные «труды» по части извращения и фальсификации истории международных отношений.

---

[1] Сидней Фей. Происхождение мировой войны, т. II, стр. 354, М., 1934.

[2] Ludwig Bittner. Die Verantwortlichkeit Oesterreich-Ungarns für den Ausbruch des Weltkrieges *In*: Oestereich. Erde und Sendung im deutschen Raum. Hrsg. von Universitäts-Prof. Josef Nadler und Universitäts-Prof. Dr. Heinrich von Srbik, S. 188. Salzburg — Leipzig. 1936.

[3] Otto Fürst von Bismarck. Gedanken und Erinnerungen Bd. II, S. 266, Stuttgart, 1898.

Обратимся теперь к подлинным, а не вымышленным фактам и посмотрим, как обстоит дело с утверждениями пангерманских и фашистских историков-фальсификаторов, выраженными в «тезисе» № 1 графа Монжеля. Неопровержимые официальные документы говорят, что Австро-Венгрия решила в 1908 г. уничтожить Сербию, отдать часть королевства Болгарии, а себе оставить центральную часть с Нишом. Те же документы говорят, что захваченная часть Сербии должна была сделаться основой для господства Австро-Венгрии на Балканах и для превращения габсбургской монархии в великую средиземноморскую державу[1]. Аннексия Боснии и Герцоговины являлась лишь прологом к осуществлению этой грандиозной программы. Германское правительство не возражало против этого плана Австро-Венгрии[2]. Осуществление этого плана должно было установить прямую железнодорожную связь Берлин—Будапешт—Белград—Багдад и обеспечить Германии господство от Северного и Балтийского морей до Персидского залива, господство ее над Черным морем и восточной частью Средиземного моря. Для всякого очевидно, что осуществления этой грандиозной политической цели можно было достигнуть, вопреки утверждению Монжеля, «только посредством войны», и притом войны европейского масштаба. Осуществление этого плана остро затрагивало интересы других империалистических стран и в особенности России и Англии. Это сознавали также правительства Германии и Австро-Венгрии. Именно поэтому была заключена в январе 1909 г. между начальниками генеральных штабов генералами Конрадом и Мольтке-младшим австро-германская конвенция, которая изменила условия союзного договора 1879 г. Если по старому договору casus foederis (наступление союзных обязательств) для Германии входило в силу лишь после «нападения со стороны России на Австро-Венгрию», то по новой конвенции условия наступления casus foederis были изменены таким образом, что договор и по форме превращался в агрессивный. Наступление casus foederis определялось отныне для Германии такими невесомыми факторами, как:

1) «конец долготерпения Австрии по отношению к сербским провинциям» и

2) «момент вторжения Австрии в Сербию».

Если действия Австрии, т. е. вторжение в Сербию, вызовут «активное выступление России, то в этом случае, по толкованию Мольтке, для Германии будет налицо casus foederis»[3].

В этой конвенции были предусмотрены все возможные случаи

---

[1] Oesterreich-Ungarns Aussenpolitik. Von der bosnischen Krise bis zum Kriegsausbruch 1914. Bd. I. № 32, № 40 (Ниже O. U. A.) und Feldmarschall Konrad. Aus meiner Dienstzeit 1906—1918, Bd. I.

[2] Grosse Politik, Bd. XXVI, № 8927, 8934, 8937, 9055 u. O. U. A. I, № 89, 281.

[3] Konrad von Hötzendorf. Aus meiner Dienstzeit, Bd. I, SS. 631—634, 379—384, 384—393.

нападения Австро-Венгрии и Германии на Россию, нападение Германии на Францию, Австрии на Сербию и т. д., и точно определены места наступления, количество войска, которое каждая сторона должна была выставить на поле брани, место и время их концентрации.

В ней было заранее предусмотрено, что «решение Франции (участвовать в войне на стороне России. — **Ф. Н.**) должно последовать уже во время мобилизационного периода, и надо будет только приветствовать, если будет внесена как можно скорее ясность», ибо «две мобилизованные армии, как германская и французская, не могут стоять друг возле друга не воюя» [1].

Известно, что на основании этой конвенции Бетман Гольвег как раз «во время мобилизационного периода», поручил 31 июля 1914 г. своему послу в Париже, барону Шену запросить французское правительство, останется ли оно нейтральным, дав на это 18 часов. Если оно изъявит готовность быть нейтральным, то посол должен был потребовать передачи Германии «в качестве гарантии французского нейтралитета крепости Туль и Верден» [2]. Как известно, Франция дала уклончивый ответ и Германия объявила ей войну.

Переговоры о заключении конвенции, в форме писем между Конрадом и Мольтке, велись с согласия фон-Эренталя и Франца-Иосифа, с одной стороны, и князя Бюлова и кайзера Вильгельма — с другой и были ими одобрены [3].

На основании этой конвенции и политической заинтересованности Германии в проведении австрийского плана, началом которого была аннексия Боснии и Герцоговины, германское правительство взяло в свои руки руководство в разрешении боснийского кризиса в пользу Австро-Венгрии и 22 марта 1909 г. предъявило России ультиматум под видом «дружественного посредничества» [4].

План аннексии Сербии, а тем самым и изменение реального соотношения сил между Тройственным союзом и Антантой, оставался действенной программой Австро-Венгрии и Германии вплоть до 1914 г. Как всем известно, именно австро-сербский конфликт, таивший в себе переворот в международной жизни, послужил поводом к развязыванию мировой войны. Австро-германская во-

[1] Konrad von Hötzendorf. Aus meiner Dienstzeit, Bd. I, S. 381, 382. Этот вопрос был через год уточнен и конкретизирован между обоими штабами следующим образом:

«Когда война между союзниками и Россией должна будет рассматриваться как неизбежная и непосредственно предстоящая, германское правительство потребует немедленного и совершенно ясного заявления от французского правительства о том, как оно намерено держаться в предстоящей войне... Уклончивый или двусмысленный ответ будет рассматриваться равнозначущим объявлению войны» (Bd. II, S. 59).

[2] Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch, Bd. III, № 491.

[3] O. U. A., Bd. 1, № 703, 751, 855, 1022.

[4] Grosse Politik, Bd. XXVI, zweiter Teil, № 9436, 9468.

енная конвенция оставалась также в силе и уточнялась ежегодными обсуждениями военно-стратегического положения между Конрадом и Мольтке в виде писем [1]. Но пойдем дальше.

После неудачной попытки Германии в 1905 г., а затем в 1906 г., на Алжесирасской конференции, наложить свою лапу на Марокко, она решила в 1911 г. захватить часть южного Марокко. Эта часть Марокко, расположенная южнее Магадора и Агадира, имеющая длинную береговую линию, богата, как говорится в официальном германском документе, минеральными ископаемыми, медными рудниками и вдобавок изобилует также сельскохозяйственными продуктами. По странной «случайности» в этих областях Марокко находились горные концессии немецких фирм братьев Маннесманов и Варбурга. Добиваясь захвата этих областей, названные выше и другие немецкие фирмы поддерживали и субсидировали движение местных главарей марокканских племен против султана и французов. Они оказывали давление на правительство в Берлине, требуя быстрого присоединения богатых минералами областей к немецкому отечеству. Заранее были предприняты подготовительные мероприятия к грабежу этой колонии. Германии надо было лишь исполнить «просьбу» марокканских племен, которые, как говорит тот же официальный документ, уже «давно добивались их принятия под германское покровительство» [2].

Во исполнение решения, принятого 26 июня на яхте «Гогенцоллерн» [3], германское правительство 1 июля 1911 г. послало военное судно «Пантеру» в Агадир, якобы «для защиты интересов германских граждан» [4], которых там вовсе не было, а на самом деле для того, чтобы захватить этот порт, поставить Францию перед совершившимся фактом и иметь в своих руках «залог» для переговоров о получении компенсаций [5].

Перспектива перехода в руки Германии западного побережья Марокко могла поставить под угрозу английские морские пути сообщения. Английское правительство ответило на провокационную посылку в Агадир «Пантеры» отправкой ноты в Берлин, но там не торопились с ответом, а между тем предъявили Франции требования о компенсации. В воздухе запахло порохом. Английское правительство устами Ллойд Джорджа 21 июля 1911 г.

---

[1] Konrad. Aus meiner Dienstzeit Bd. II, 3, 54—62, 101—109; Bd. III. SS. 145—147, 147—151, 609—612, 669—673.

Австро-германскую военную конвенцию 1909 г., являющуюся обвинительным актом против австро-германского довоенного империализма, не напечатали издатели немецкой официальной «Die Grosse Politik» и «Oesterreich-Ungarns Aussenpolitik 1908—1914». Само ее существование фашистская и националистическая историография жульнически замалчивают и отрицают.

[2] Grosse Politik, Bd. XXIX, № 10572.

[3] Ibidem, № 10576.

[4] Ibidem, № 10578.

[5] Ibidem, № 10572.

заявило публично, что оно будет защищать силой сохранение своего господствующего положения, которому угрожала Германия.

«Если бы мы были поставлены в такое положение, — сказал Ллойд Джордж, имея в виду Германию, — при котором сохранение мира зависело бы от сдачи нами той великой и благотворной позиции, которую Англия завоевала в течение столетий героических достижений,... то в этом случае я готов заявить со всей ясностью, что мир этой ценой являлся бы нестерпимым унижением для Англии, как великой державы» [1].

После этого серьезного предостережения Германия вынуждена была отступить и опасность войны была временно устранена. Но Германия все же «выторговала» себе, беспрестанно шантажируя Францию, около 1 000 000 км² французского Конго. Таким образом, вопреки наглым утверждениям графа Монжеля, и так называемый агадирский инцидент красноречиво свидетельствует о том, что германские империалисты ставили себе захватнические цели, которые могли быть достигнуты только в результате войны и явно провоцировали эту войну; они провалились лишь потому, что Англия заняла твердую позицию и перед Германией встала угроза вмешательства Англии в случае войны Германии с Францией и Россией.

Причиной развязывания мировой войны было не убийство в Сараеве, — оно было лишь удобным предлогом для центральных держав, — а решение Австро-Венгрии и Германии провести в жизнь выработанный обоими правительствами в 1914 г. план реорганизации юго-восточной Европы на основе старого австрийского плана 1908 г. Согласно этому видоизмененному плану, Сербия должна была быть «изолирована и уменьшена» или, попросту говоря, поделена между Австро-Венгрией, Болгарией, Грецией и Албанией, а на ее развалинах — создан под покровительством центральных держав балканский союз, который должен был «воздвигнуть плотину против панславянского потока и обеспечить мир» Австро-Венгрии и Германии [2]. Германское правительство 5 и 6 июля 1914 г., одобрило проведение в жизнь этого плана [3], хотя знало, что это должно неизбежно вызвать мировую войну.

Так выглядит в действительности «тезис» № 1 графа Монжеля. Стремление к мировому господству, наглые попытки захвата Марокко и морских опорных пунктов, планы создания непосредственной связи Германии, через расширенную Австро-Венгрию, с Багдадом, превращения габсбургской монархии в могучую сухопутную и морскую державу, — вот, в чем состояли империалистические планы, которые Германия и ее союзница на практике пытались проводить в жизнь. Утверждения графа Монжеля,

[1] Давид Ллойд Джордж. Военные мемуары, т. I—II, стр. 58, 1934.
[2] O. U. A., Bd. VIII, № 9984 und Beilage.
[3] Ibidem, № 10058, 10076. Deutsche Dokumente, Bd. I, № 15.

являющиеся якобы результатом «научного» исследования фактов и гласящие, что «Германия не добивалась ни в Европе, ни где-либо в другом месте политической цели, которой можно было бы добиться лишь посредством войны», что «Австро-Венгрия стремилась лишь сохранить то, что у нее было»—представляют собой, как мы это доказали, сплошную фальсификацию подлинной истории международных отношений и наглый обман читателей его книги.

VI

В «тезисе» № 2 граф Монжеля утверждает:

«Германия была хуже вооружена, чем Франция и Австро-Венгрия, хуже, чем Россия. Как по количеству бойцов, так и по количеству военного снаряжения русско-французский двойственный союз значительно превосходил центральные державы» [1].

Эту ложь повторяют все пангерманские и фашистские «историки». То же самое пишет А. Вегерер в своей книге «Опровержение версальского тезиса об ответственности за войну» и многие другие историки, о которых речь будет ниже. Об этом же пишут германские «мемуаристы». Так, например, бывший и нынешний начальник германской разведки Николаи, также превратившийся одно время при Гитлере в «историка», пишет в своих «воспоминаниях», что Германия якобы вовсе не готовилась к войне, что на разведку она будто бы тратила в предшествующие войне годы лишь 350 тыс. марок и т. д. В виду того, что вопрос о вооружениях и боевой готовности враждебных группировок до 1914 г. занимает исключительно важное место в исторической литературе и является одним из важных «козырей» в руках фашистских борцов за «историческую правдивость», нам придется подробно на нем остановиться.

В результате сравнительного «изучения» состояния вооруженных сил, вооружения и военной подготовки довоенной Германии и ее союзников с одной стороны, и вооружения и военной подготовки России и Франции — с другой, все специалисты по «обелению» Германии пришли к выводу, что она была «хуже» вооружена, чем ее противники, что она к войне не была подготовлена и ее не хотела, а поэтому ответственность за войну падает на одну Антанту, которая якобы одна воплощала в себе милитаризм, и в первую очередь на царскую Россию.

Сравнивая численный состав постоянных сухопутных армий Германии, Австро-Венгрии, Италии, Франции и России в 1907 г., граф Монжеля пишет:

«Опять, как в 1899 г., Россия стоит на первом месте по количеству, Франция — по процентному отношению (к населению. — **Ф. Н.**). Россия в три раза сильнее Австрии, в два раза сильнее

---

[1] Montgelas, Leitfaden, S. 164.

Германии, она одна значительно превосходит обе центральные державы» [1].

Что касается морских вооружений, то хотя Монжеля и принужден признать, что Германия с 1900 г. начала усиленное морское строительство, но «все эти мероприятия — заявляет он — не означали решительно никакой «угрозы» для все еще колоссально превосходившей ее по числу (судов) Англии» [2].

Генералу Монжеля прекрасно известно, что военная мощь той или иной страны определяется не только количеством бойцов мирного времени, хотя человеческий материал является одним из важнейших элементов военного потенциала. История знает не много случаев, когда бы численно превосходная армия победила меньшую по количеству, но лучше организованную, лучше вооруженную, лучше управляемую армию, опиравшуюся на более крепкий тыл и на мощную промышленность. Всем известно, что все эти преимущества находились не на стороне отсталой царской России, у которой не было ни достаточного вооружения, ни промышленности, ни достаточного количества технически подготовленных образованных офицерских кадров, ни опытного и морально стойкого руководства и т. д. «История старой России — говорил товарищ Сталин на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности — состояла между прочим в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все — за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную» [3].

Учитывая именно эти обстоятельства, германский генеральный штаб строил свои планы войны на два фронта — против царской России и Франции одновременно. И план Мольтке-старшего и план Шлифена основывались на учете военного и промышленного превосходства Германии над Россией и Францией. Имея всегда в виду войну на два фронта и учитывая возможность, при определенных политических условиях, отказа со стороны Австро-Венгрии придти на помощь своей союзнице, Бисмарк, 8 августа 1887 г., писал в инструктивном письме послу в Лондоне, графу Гатцфельду: «Даже не принимая в расчет помощь Австрии, мы все еще не окажемся в отчаянном положении, имея на каждой из двух наших границ по миллиону хороших войск под командой хороших офицеров» [4].

И правительство и начальник генерального штаба Мольтке-

---

[1] Montgelas, Leitfaden, S. 14.
[2] Ibidem, S. 14.
[3] Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 445. Москва, 1935.
[4] Grosse Politik, Bd. IV, № 908.

старший считали, что с 1871 г. по 1890 г. (падение Бисмарка) германская армия могла противостоять русской и французской армиям вместе взятым. В этом они не ошибались. Имея в виду войну одновременно на два фронта, Мольтке-младший, во время переговоров по заключению упоминавшейся выше австро-германской военной конвенции, 21 января 1909 г. писал начальнику австро-венгерского генерального штаба Конраду фон-Гетцендорфу, что в случае войны Германия двинет главные свои силы против Франции.

С Францией Мольтке-младший рассчитывал покончить еще до того момента, как Россия произведет концентрацию своих сил, медленно стягивающихся к границе: «Вследствие сего я думаю, что даже учитывая случай вмешательства Франции, положение союзных империй должно быть оценено как очень серьезное, но не угрожающее»[1]. Италия в этот расчет Мольтке-младшего не входила.

Мольтке имел в виду состояние вооружений и боевую готовность германской, французской, австро-венгерской и русской армий за тот самый период, о котором граф Монжеля пишет, что одна русская армия была будто бы гораздо сильнее армий Германии и Австро-Венгрии вместе взятых. Ведь всем известно, что планы германских вооружений были основаны на принципе: победоносная борьба на два фронта. Статистические данные, приводимые Монжеля и повторяемые после него всеми германскими историками, его «оценка», якобы основанная на детальном изучении вопроса, являются самой обычной бессовестной фальсификацией, фальсификацией, на которую напрасно ссылаются другие «исследователи», как на нечто объективно и научно установленное.

При сравнительной оценке состояния вооруженных сил и степени готовности держав обеих враждебных группировок в 1914 г. Монжеля прибегает к тем же жульническим приемам фальсификатора. Увеличение германской армии в 1911 и в 1912 гг., утверждает Монжеля, не шли в ногу с ростом населения, а значительно отставали. При населении в 65 миллионов постоянный состав армии в 1912 г. равнялся «только» 623 000 тыс. солдат и унтер-офицеров. «Следовательно, — пишет Монжеля, — она (армия) снизилась с 1.09% в 1893 г. меньше чем на 1% и стала в процентном отношении еще меньше, чем в 1871 г.» Выходит, стало быть, так, что Германия с 1871 г. не увеличивала постоянно своих вооружений, чем заставляла увеличивать вооружение и другие страны, а систематически уменьшала темпы вооружений. Всему бывает предел, только не передержкам и фальсификациям «историков» — борцов за «историческую правдивость».

Упомянув об увеличении в конце 1912 г. ежегодного призыва

[1] Konrad. Aus meiner Dienstzeit 1906—1918, Bd. I, S. 384. Wien — Berlin—Leipzig—München, 1921.

в армию на 150 000 человек и образовании двух новых корпусов, Монжеля далее говорит о чрезвычайном военном законе 1913 г., который заставил все государства, — и врагов и друзей, — увеличить свои армии, буквально следующее: «Военный законопроект 1913 г., однако, не принес увеличения армейских корпусов, а только увеличение на 60 000 рекрутов» [1]. Из всего этого видно, что Германия увеличила свою армию всего на ничтожную «малость», — «убеждает» Монжеля своих легковерных читателей, — а учитывая рост народонаселения, она даже уменьшила ее в процентном отношении. Но зато Франция «одним взмахом выиграла целых четыре призывных возраста на случай мобилизации» [2].

При стабильном состоянии населения Франция не могла увеличивать число ежегодно призываемых. Вынужденная под влиянием следовавших один за другим германских военных законов в 1911, 1912 гг. и особенно 1913 г. увеличивать свою армию, Франция могла это сделать лишь за счет возврата к крайне непопулярному трехлетнему сроку военной службы, что влекло за собой задержку одного призыва еще на год в казармах и увеличения срока пребывания в запасе. Практически — это увеличивало лишь постоянную армию, но не увеличивало ни на одного человека число обученных запасных, в то время, как в Германии увеличивалась не только постоянная армия, но увеличивалось ежегодное количество обученных военному делу бойцов больше чем на 200 000 человек.

А по Монжеля выходит наоборот, что Франция «одним взмахом» увеличивала свою армию на целых четыре призыва.

После подобных возмутительных извращений фактов и явных фальсификаций, образчик которых мы привели выше, Монжеля таким же путем пытается «доказать» превосходство вооружений Франции и России над Тройственным союзом посредством оглушительных статистических таблиц. Чтобы доказать «невиновность Германии», Можеля приводит следующую таблицу о мирном составе армий летом 1914 г.[3]

Таблица 1

Государство	Население в миллионах	Мирный состав армии	Процентное отношение к населению
Германия	66	761 000	1.15
Австрия	51	478 000	0.94
Италия	36	273 000	0.76
Франция	39.15	794 000	2.00
Россия	170	1 445 000 Зимой — 1 845 000	0.85

[1] Montgelas, Leitfaden, S. 81.
[2] Ibidem, S. 82.
[3] Ibidem, S. 82.

Всем известно, что русский закон об увеличении общего контингента призываемых на военную службу новобранцев был утвержден лишь в 1914 г., и к началу войны еще не был проведен в жизнь. Русский закон предусматривал увеличение армии в течение четырехлетия (1914—1917) на 500 тыс. солдат и 12 тыс. офицеров. В конце 1917 г. русская армия должна была составлять 1800 тыс. чел. К выполнению этой программы едва было приступлено в июле 1914 г. Монжеля же хочет убедить читателя, что этот закон был уже осуществлен, приводя неправильные цифры о количестве «мирного» состава русской армии.

Лживость утверждения Монжеля относительно количества мирного состава русской армии в 1914 г. разоблачается свидетельством такого компетентного в этом вопросе человека, как бывший генерал-квартирмейстер царской армии генерал Данилов:

«Наступившая война, — пишет он, — прервала в самом начале выполнение этой программы, оставшейся таким образом лишь документом, наглядно свидетельствующим о незаконченности нашей военной подготовки к началу войны» [1]. Военную программу, к выполнению которой еще не приступили, Монжеля выдает за завершенную.

В доказательство постоянного возрастания франко-русского превосходства над центральными державами, от первой Гаагской конференции до 1914 г., Монжеля приводит другую, не менее «убедительную» таблицу, под названием «Количественное превосходство Франции — России» [2].

Таблица 2

Год	Россия, Франция	Центральные державы [3]	Франко-русское превосходство [3]
1899	1 470 000	950 000 (1 208 000)	520 000 (262 000) [3]
1907	1 813 000	1 011 000 (1 295 000)	802 000 (518 000) [3]
1914	2 239 000	1 239 000 (1 512 000)	1 000 000 (727 000) [3]

Основываясь лишь на сопоставлении количественных показателей постоянных армий, что находится в кричащем противоречии с военной наукой, Монжеля утверждает, что Россия и Франция были уже в 1892 г. лучше подготовлены к войне, чем Тройственный союз, так как, по его вычислениям, русско-французские

[1] Ю. Данилов. Россия в мировой войне 1914—1915 гг., стр. 55, Берлин, 1924.

[2] Montgelas, Leitfaden, S. 83.

[3] Цифры в скобках включают также и Италию.

полевые армии уже тогда превосходили австро-германо-итальянские на 700 тыс. человек. То же самое было, как пишет Монжеля, в 1914 г., так как сравнительная численность полевых армий первой и второй очереди составляла:

Франция—Россия	5 070 000
Германия—Австрия	3 358 000
Франко-русское превосходство .	1 712 000[1]

«Доказав» шулерской игрой в цифры, что воплощением милитаризма была не Германия, а лишь Франция и Россия, Монжеля далее делает вывод: «Вооружения Германии были меньше вооружений ее западных соседей в отношении оружия или военного снаряжения» [2].

Между тем всем известно печальное состояние русской армии с 1905 г. по 1910 г. По утверждению того же генерал-квартирмейстера Данилова, в эти годы и даже позже Россия находилась «в полной военной беспомощности». Русская армия уже на третий месяц после начала войны стала ощущать недостаток в ружейных патронах и артиллерийских снарядах [3].

О неудачах русской армии из-за отсутствия боевых припасов начальник штаба верховного главнокомандующего, генерал Янушкевич, в первых числах декабря 1914 г. писал военному министру Сухомлинову: «Больно и обидно отдавать так все кровью политое. Конечно, не спорю, что будь патроны — артиллерия не подпускала бы к пехоте немцев... Был у В. К. (Великого князя Николая Николаевича. — **Ф. Н.**) Родзянко и жаловался на виденное во II и I армиях, на недостаток теплых вещей, сапог, винтовок и патронов. Действительно трагическое положение: 700 тысяч обученных и едва ли 50—70 тысяч винтовок» [4].

6 декабря 1914 г. Янушкевич опять писал Сухомлинову:

«Знаю, что причиняю Вам хлопоты и тревогу своими воплями, но что же делать! Ведь волосы дыбом становятся при мысли, что по недостатку патронов и винтовок придется покориться Вильгельму... чем меньше патронов, тем больше потерь» [5]. Эти документы рисуют с достаточной ясностью, каково было действительное положение с вооружением русской армии уже в самом начале войны и начисто разоблачают наглое «ученое» вранье графа Монжеля.

Отнюдь не в блестящем положении находилась по сравнению с германской и французская армия в отношении снабжения ее

[1] Montgelas, Leitfaden, S. 83.
[2] Ibidem, S. 84.
[3] Ю. Данилов. Россия в мировой войне 1914—1915 гг., стр. 32 и 50. Берлин, 1924.
[4] «Красный архив», т. II, стр. 142. М., 1922.
[5] Там же, стр. 143 и 144.

боевыми припасами. Специалистам известно, что уже в начале войны у французов ощущался недостаток в боевом снаряжении, немцы же не испытывали недостатка в нем до конца войны. Известно также, что в начале войны у французов почти не было тяжелой артиллерии, у немцев же был избыток, а Монжеля утверждает, что у немцев был «только маленький излишек снарядов для тяжелой артиллерии»[1]. Все суточное производство артиллерийских снарядов во Франции достигало в начале октября 1914 г. 15 тыс. штук. В начале войны французская армия имела 1350 снарядов на одно орудие. 28 сентября 1914 г. оставалось 450 штук на одно орудие. Французская армия вышла в поле с некомплектом в 739 пулеметов, а месячная производительность равнялась всего 100 пулеметам. Еще хуже обстояло дело с производством новых ружей. Эти обстоятельства заставили Пуанкаре записать 28 сентября: «Нам придется ограничить действия нашей артиллерии и в случае нужды сократить батареи до двух-трех орудий». «Наша отсталость в области авиации носит ужасающий характер»,—записал в тот же день Пуанкаре[2]. Совершенно излишне опровергать ложь и фальсификацию Монжеля в отношении военного превосходства Англии, так как всем известно, что она создала свою сколько-нибудь значительную сухопутную армию и военную промышленность лишь во время войны.

Следуя методу Монжеля, и Альфред Вегерер также приводит в своей книге сравнительную таблицу состава армий мирного времени Тройственного и Двойственного союза с 1886 по 1914 гг. для опровержения выдвигаемых против Германии обвинений в милитаризме и форсировании военной развязки. Анализируя состряпанную им таблицу состава постоянных армий по отдельным странам, Вегерер пишет: «Мирный состав армий, являющийся предпосылкой (Voraussetzung) для величины образуемой в случае мобилизации армии, показывает постоянное значительное численное превосходство Двойственного над Тройственным союзом». Ставя затем, как и Монжеля, знак равенства между численным составом армии и степенью военной подготовки вообще и военной мощи в целом, Вегерер делает такой, с позволения сказать, «научный» вывод: «Нельзя ни в коем случае выставить тезис, что Германия хотела вести войну, принимая во внимание, что военного господства Германии в действительности в 1914 г. не существовало»[3].

Наглое вранье Монжеля о военном превосходстве России и Франции над Германией и Австро-Венгрией усвоили все «историки» — борцы за гитлеровскую «историческую правдивость».

[1] Montgelas. Leitfaden, S. 84.

[2] Раймонд Пуанкаре. Воспоминания, т. V. Нашествие, 1914, стр. 179—181. М., 1936.

[3] Wegerer A. Widerlegung der Versailler Kriegsschuldthese, S. 126, Berlin, 1928.

Пресловутый руководитель КНО, фашист Ганс Дрегер, пишет в упомянутой уже выше книге: «Франция и Россия вместе могли в случае войны выставить 5 миллионов человек, в то время как Германия и Австро-Венгрия располагали лишь 3 380 000 солдат. Таким образом, получается картина значительного превосходства Антанты» [1]. Фашист Георг Ганке в также уже цитированной книге повторяет дословно все то, что говорит Монжеля о военном превосходстве России и Франции над центральными державами и продолжает в «духе» своего учителя: «Насколько угрожающе было военное превосходство Тройственного согласия, следует из факта, что рядом с политическими соглашениями существовали в 1914 г. также очень точные военные морские конвенции Антанты... Германия, наоборот, не заключила даже военной конвенции со своей долголетней союзницей Австро-Венгрией» [2]. Эту пангерманскую и фашистскую ложь о якобы несуществовавшей австро-германской военной конвенции мы разоблачили уже выше и возвращаться к этому излишне. Ложь о военном превосходстве Двойственного союза над Тройственным повторяет и превозносимый фашистской печатью «историк» Вильгельм фон-Клебер [3].

Точка зрения графа Монжеля по данному вопросу, как и по другим вопросам, развитым им в его «Руководстве», о которых речь будет ниже, принята целиком официозом партии Гитлера [4].

Особого упоминания заслуживает следующий факт. Орудуя постоянно численным составом армий обеих враждебных группировок, ни один из авторов никогда не приводит данных о военных расходах или о состоянии военного снаряжения, офицерских кадрах и других показателей, по которым легко можно обнаружить, какая из империалистических держав была ведущей страной в смысле насаждения милитаризма.

«Установки» Монжеля стали отправными «научными» методами не только для таких «историков» как Ревентлов, Дрегер, Август Бах, Штиве, Вегерер, Ганке, Клебер и разных референтов внешнеполитического отдела фашистской партии. Этим «научным» методом пользуются и более серьезные ученые, как например, Онкен [5].

О соревновании в вооружениях, непосредственно предше-

---

[1] Hans Draeger. Anklage und Widerlegung. Taschenbuch zur Kriegsschuldfrage, S. 31, Berlin, 1928.

[2] Georg Hanke. Kriegsschuldfrage in der deutschen Schule, S. 31, Berlin, 1933.

[3] Wilhelm von Kleber. Vom Weltkriege 1914 zur Nationalen Revolution 1933, S. München, 1933.

[4] Völkischer Beobachter № 298, 27 Juli 1934. «Wie die Entente den Angriffskrieg vorbereitete».

[5] Его большая работа «Greys Kampf um den Eintritt Englands in den Weltkrieg», написанная им в 1935 г., построена по этому методу.

ствовавших мировой войне, но зачинщиком которых, как и всегда, была Германия, Онкен пишет[1]:

«Всякое вооружение государства может служить как политике мира, так и политике войны».

Это безусловно правильное положение, против которого и с нашей точки зрения ничего возразить нельзя, понадобилось, однако, Онкену не для того, чтобы дать объективно научный анализ предвоенного соперничества великих держав в вооружениях. Как раз наоборот. Опираясь на этот правильный тезис, Онкен, рассматривая предвоенные вооружения государств Тройственного союза и Антанты, «устанавливает», что «беспристрастное исследование прежде всего разоблачает глубокий контраст между германским вооружением и его ярко оборонительным характером и вооружением России, с обдуманным намерением учинения насилия: застращивание или война». Он «доказывает» таким легким путем, что якобы: «германские вооружения перед войной, среди почти гнетущего международного положения, служили целям самосохранения, что и тогда постоянно высказывалось нашими государственными деятелями»[2]. Онкен приводит преувеличенные данные Палеолога о численном составе постоянной царской армии в 1914 г., замечание Артура Никольсона на одном из донесений английского военного атташе в Париже, что «Россия является грозной силой», ссылается на протоколы особых совещаний от 31 декабря 1913 г. и 8 февраля 1914 г., давая им толкование, обратное их действительному смыслу, а именно: русские государственные деятели в первых месяцах 1914 г. решились на завоевание Константинополя и проливов ценой опасности европейской войны»[3] и в заключение он приходит к следующему глубоко «научному» выводу:

«Положение европейских держав меняется и вновь возвращается к прежнему состоянию (die Konstellationen der europäischen Mächte wandeln sich und kehren wieder). Однако Германия, как выразился Жюль Камбон в мае 1914 г., слишком долго была европейским полем брани (das Schlachtfeld Europas), чтобы не пожертвовать всем для предотвращения опасности».

Объявляя, вопреки фактам, Россию и Францию агрессорами

---

[1] Kölnische Zeitung, № 444/445, 2 September 1936.

[2] В этом весь секрет и ключ к пониманию поставленной себе борцами за «историческую правдивость» задачи. Им необходимо реабилитировать вильгельмовскую Германию и те классы, которые несут ответственность за войну. Поэтому, оправдывая вооружения Гитлера и подготовку фашистской Германией новой войны за передел мира и против СССР ссылками на историю, они насильно подгоняют «науку» под то, «что и тогда это постоянно высказывалось нашими государственными деятелями».

[3] Те же положения, которые развивает Онкен в своей статье 1936 г. о вооружениях России и Франции, вплоть до ссылки на протоколы особых совещаний, можно найти на стр. 20 цитированной нами выше книги фон-Клебера.

в последней войне, а Германию лишь «оборонявшейся», Онкен подобно всем историкам и публицистам «Третьей империи», незаметно подводит читателя к современности и намекает ему на то, что и гитлеровской Германии якобы «угрожает» опасность и что поэтому ей необходимо «пожертвовать всем для предотвращения опасности».

Самое пикантное, на наш взгляд, то, что Онкен ухитрился для этого сослаться на бывшего французского посла в Германии Жюля Камбона и французского атташе подполковника Серре, как на «свидетелей», утверждая, что они были такого же мнения, как и он, Онкен, что германские вооружения были предназначены лишь для целей «самосохранения». Чтобы заставить Жюля Камбона и даже убитого на французском фронте в 1916 г. Серре служить «очистительной» германской пропаганде, пришлось учинить форменную фальсификацию.

Рапорт Серре от 20 апреля 1914 г. и депеша Камбона от 3 мая того же года, на которые ссылается Онкен, говорят как раз обратное. Серре доказывал в рапорте, что германские вооружения не вызваны какой-либо случайной целью, после достижения которой они возвратятся к нормальным военным бюджетам; Серре писал: «Было принято решение поставить военную мощь на такой уровень, чтобы Германия могла не только как равный с равным вести переговоры в случае надобности, но говорить тоном повелителя (non plus traiter d'égal à égal, mais parler en maître). Вот, где настоящая причина» [1].

По поводу роста вооружений и необходимости также и для Франции принять соответствующие мероприятия, Серре писал: «Это положение является длительным. Оно впоследствии даже еще ухудшится. Вместо того, чтобы убаюкивать себя иллюзиями с целью уклонения от необходимости напряжения, которое приводит в ужас только слабых, необходимо иметь мужество понять это и сказать. В противном случае будущее готовит нам самые жестокие разочарования» [2]. (Cette situation est durable. Elle s'agravera même encore par la suite. Au lieu de se bercer d'illusions pour éviter un effort qui n'épouvante que les faibles, c'est cela qu'il faut avoir le courage de comprendre et de dire. Si non l'avenir nous reservera les plus cruelles déceptions).

Почему Германия будет непрерывно увеличивать свои вооружения? На это Серре отвечает: «Военные расходы, пренебрежительно называемые у нас «непроизводительными расходами», рассматриваются здесь скорее как страховая премия, как действительная гарантия процветания для постоянно растущих

[1] Documents diplomatiques français 1871—1914. 3-me série, t. X, № 131, p. 113.
[2] Ibidem, p. 113.

промышленных и торговых предприятий. Благодаря этой премии богатство возрастает и позволяет постоянно увеличивать гарантию, — армию»[1]. В результате все увеличивающегося богатства, а вместе с ним и милитаризма, Германия, — писал далее Серре,— будет, в случае внешнеполитического кризиса, действовать, навязывая свою волю «посредством неоспоримого военного превосходства».

Таково содержание депеши Серре.

Содержание же депеши Камбона от 3 мая можно передать словами самого ее автора; он писал:

«Если мы хотим, чтобы нас уважали, мы не должны думать об уменьшении нашего военного аппарата. Это означало бы подготовку катастроф, и мне кажется необходимым не давать общественному мнению Франции свыкнуться с мыслью, что закон о трехлетней службе был законом временным»[2].

Герман Онкен ни одним словом не обмолвился о действительном содержании этих двух документов, на которые он ссылается, как на подтверждение его тезиса о «миролюбии» Германии и агрессивности Франции и России. Он просто выхватил нужную ему цитату из рапорта Серре (на стр. 112), дополнил ее цитатой, составленной из обрывков фраз, находящихся на разных страницах (112 и 113) документа, объединил все эти разрозненные клочки в одно целое и таким мошенническим путем получил «оправдательный» вердикт довоенному германскому империализму[3].

«Случай» с Онкеном лишь подтверждает и иллюстрирует общеизвестную и неоднократно подтвержденную истину, что националистическая и фашистская историография не останавливается ни перед какой фальсификацией, когда дело идет об оправдании германского империализма; что эта «очистительная» работа является лишь ступенькой, средством для оправдания германского фашизма; что она является не чем иным, как моральным оправданием уже начатой второй мировой империалистической войны за передел мира и подготовкой к войне против родины социализма — СССР.

VII

В третьем «тезисе» граф Монжеля суммирует результаты своего «исследования» в области англо-германского морского соперничества следующим образом:

---

[1] Ibidem, p. 215.

[2] Ibidem, № 194.

[3] За недостатком места мы не можем здесь более подробно остановиться на отмеченных выше передержках Онкена, как и на его недобросовестном толковании протоколов двух особых совещаний Совета министров. См. об этом нашу статью: «К вопросу о зачинщиках мировой войны» в четвертой книге «Историк-марксист», 1938, стр. 20—36.

«Постройка германского боевого флота вместо усовершенствования морской обороны оказалась политически делом неумным. Предложенное, наконец, Германией отношение крупных боевых судов как 10 : 16 и в Лондоне не было признано угрозой» [1].

Ганс Дрегер, повторяя «выводы» Монжеля, пишет:

«Стремление германских морских кругов к строительству флота проистекало не из стремления победить английский флот на море. Было желание исключительно позаботиться о том, чтобы защитить собственную торговлю и собственное побережье против нападения величайшей морской державы лишь с тех пор, как Великобритания сблизилась с русско-французским Двойственным союзом и присоединилась к нему» [2].

Мы уже показали выше, что среди трех основных элементов, которые были главной причиной борьбы между Германией и Англией — колонии, морское соревнование, торговое соперничество — морское соревнование занимало первое место. От темпов роста германского боевого флота, от их ускорения или замедления в то время зависело, как долго морское и колониальное могущество останется в руках Великобритании. Известно, что с 1898 г. Германия усиленными темпами начала строить большой военный флот. Если, как утверждает Монжеля, германский флот не представлял угрозы для Англии, если он строился не для борьбы с Англией, а как следовало бы заключить из его утверждений, лишь для ежегодных помпезных поездок кайзера в норвежские воды, то непонятно, почему Вильгельм II постоянно вопил: «если бы у меня был флот!» Непонятно, почему пангерманские союзы и флотский союз всегда требовали увеличения морской программы и ускорения темпов строительства, а статс-секретарь морского министерства адмирал Тирпиц всегда требовал все нового и нового увеличения морской программы, хорошо зная, что из-за этого англо-германские отношения постоянно ухудшаются.

Роль германского флота как орудия борьбы за передел мира, за мировое господство, его роль в ускорении нарастания англо-германских противоречий достаточно известны. Утверждать противное могут лишь «исследователи», беззаботно относящиеся к историческим фактам и пишущие в целях оправдания отечественного империализма. Что результаты «исследования» Монжеля в области морского соревнования выдуманы и представляют собой фальсификацию — легко убедиться при самом поверхностном знакомстве с историческими фактами. Какое значение придавал кайзер и германское правительство германскому флоту, показывают их высказывания в разное время. Озабоченный тем, что в результате англо-бурской войны Англия создаст себе вто-

[1] Montgelas. Leitfaden, S. 165.
[2] Hans Draeger. Op. cit, 8. 36.

рую колониальную империю наподобие Индии, кайзер сокрушался о том, что никто не может помешать этому, так как английский флот в состоянии бороться с флотом любой коалиции. Беседуя по этому вопросу с французским послом Ноэлем в конце октября 1899 г., кайзер с горечью сказал, что у Германии почти нет флота. «Через 20 лет, когда он будет готов — тогда я заговорю иначе» [1].

20 декабря того же года английский министр колоний Джозеф Чемберлен сделал заявление германскому послу графу Гатцфельду об участии некоторых германских офицеров в бурской армии. На полях телеграммы посла, сообщавшего об этом разговоре, кайзер написал: «Если бы у нас был флот, то Чемберлен не осмелился бы это сказать» [2].

В результате последовательного проведения в жизнь военно-морских программ 1898, 1900, 1906 гг. германский флот вырос в такую значительную величину, что стал внушать страх Англии. А когда германское правительство провело в январе 1908 г. новый закон об «омоложении» действующего флота и установило так называемый «трехтактный темп», т. е. ежегодную закладку трех линейных кораблей, двух крейсеров и т. д., то это вызвало в Англии такую тревогу, которая исчезла лишь вместе с исчезновением германского флота на дне морском у Скапафлоу.

Англо-германские «частные» переговоры летом 1908 г. обнаружили полную непримиримость точек зрения обоих империалистических держав в вопросе о морском строительстве. Англия предлагала установить более медленные темпы строительства, исходя из соотношения между двумя флотами как 2 : 3. Германия об этом и слышать не хотела [3]. Эти частные переговоры вскрыли всю глубину страха английских правящих классов перед растущей мощью молодого германского флота. Это понимали и немцы. Свои наблюдения над английской жизнью, встречами с крупными государственными деятелями консервативной и либеральной партий, изучением английской печати Меттерних резюмировал после беседы с Гардингом, имевшей место в конце июня 1908 г., следующим образом: «Ничто и никогда не убедит англичан в том, что возникший неподалеку от их берегов могущественный флот не представляет для них опасности, величайшей опасности, которой они могут подвергнуться. Мы решили

---

[1] Grosse Politik, Bd. XV, № 4395, S. 408.

[2] Ibidem, Bd. XVI, № 4402, S. 427.

[3] На донесении Меттерниха от 1 августа 1908 г., в котором он сообщал об этом предложении, Вильгельм II написал злобно про посла: «Он должен был ab ovo (с самого начала) отклонить с замечанием: «никакое государство не допускает, чтобы ему предписывало другое государство размеры и род его вооружений» или же сказать: «я отклоняю ведение такого рода беседы» (Grosse Politik, Bd. XXIV, S. 116).

обладать сильным флотом, и поэтому должны ясно представить себе последствия [1].

Германские дипломаты, да и правительство в целом, прекрасно сознавали уже в 1908 г., что острота англо-германских противоречий концентрировалась в морском соперничестве, так как от удержания морского превосходства или его потери зависели судьба колоний, торговли и промышленности и целостность британской империи.

В очень интересной записке германского поверенного в делах в Лондоне фон-Штумма, посвященной анализу причин англо-германских противоречий и резкого ухудшения отношения между этими странами, говорится: «Выражающееся в английской политике так же, как и в настроении широких народных кругов в Англии недоверие к Германии исходит почти исключительно из опасений, которые вызывает рост германского морского могущества» [2].

На формальное предложение со стороны Англии замедлить темпы морского соревнования германское правительство было готово ответить войной [3]. Интенсивные переговоры Меттерниха в июле 1908 г. с Греем и Ллойд Джорджем, «беседы» с Бальфуром, лордом Розбери, лордом Хьюз Сесилем, сыном Солсбери, ни к чему не привели, так как все они ставили условием улучшения англо-германских отношений соглашение о замедлении темпов морского соревнования, которое внушало англичанам величайший страх и создавало угрозу их мировому владычеству [4].

Германское правительство отказалось идти на какие бы то ни было уступки в этом вопросе, утверждая, что оно строит суда для «обороны», а не для нападения, строит на тот случай, если Англия в войне Германии с Францией станет на сторону последней [5]. Такие отписки не могли успокоить английских государственных деятелей. Они способствовали еще большему возрастанию страха и опасений перед германской угрозой. «Никто не в состоянии будет,— писал в начале августа Меттерних Бюлову,— доказать англичанам, что германский флот в 38 линейных кораблей, 20 бронированных крейсеров, 38 малых крейсеров с соответствующим количеством торпедных и подводных лодок — состав наших плавающих боевых сил после проведения морского закона в 1920 г.— является сам по себе незначитель-

---

[1] Grosse Politik, Bd, XXIV, № 8212.

[2] Ibidem, № 8213.

[3] Когда Меттерних сообщил 16 июля 1908 г. о беседе с Ллойд Джорджем, который добивался заключения соглашения по замедлению темпов строительства и дал понять, что со стороны Англии может последовать «частное» предложение такого характера, то Вильгельм II против этого места написал: «я отвечу на него гранатами» (Grosse Politik, Bd. XXIV, S. 103).

[4] Grosse Politik, Bd. XXIV, №№ 8215, 8217, 8218, 8219.

[5] Grosse Politik, № 8220.

ной вещью. Те технические аргументы, которые мы приводим для оправдания этих темпов, заставляют англичан быть еще более недоверчивыми» [1].

Германский флот, если поверить графу Монжеля и всем защитникам германского довоенного империализма, был настолько «мирным» инструментом, что в качестве вознаграждения за временное замедление темпов его строительства германское правительство не в шутку, а всерьез намеревалось потребовать у Англии самую «малость». В инструкции от 5 июля 1908 г. Бюлов поручил Меттерниху заявить английскому правительству, что Германия строит суда для «оборонительных целей», но она, однако, согласится также на переговоры о замедлении темпов морского соревнования, если Англия выполнит одно немедленное условие, а именно: «Германия, к сожалению, должна всегда быть готовой к нападению на нее Франции. Если теперь Англия захотела бы нам обещать на этот случай нейтралитет, то, конечно, нам легче было бы ввести еще более медленные темпы строительства» [2].

В переводе на простой язык это означало: за бумажное соглашение о замедлении темпов строительства на определенный срок Англия должна выдать Францию германскому империализму и ждать, сложа руки, пока он не съест Францию, не овладеет ее богатствами в метрополии и в колониях, не захватит ее военного флота, и став «соседом» Англии, не расправится с ней самой. Важно подчеркнуть, что «идея» о «покупке» английского нейтралитета за ничего не стоющие обещания и соглашения, которые германские государственные деятели сами считали «клочками бумаги», так глубоко засела в их головах, что они предлагали Англии эту же сделку в феврале — марте 1912 г. во время переговоров в связи с миссией Холдена. Ее же Бетман предлагал Грею 29 июля 1914 года накануне объявления войны.

Чтобы покончить с «тезисами» Монжеля, утверждающими, что само английское правительство будто бы не считало германский флот угрозой мировому владычеству Великобритании, напомним еще о свидании кайзера Вильгельма с королем Эдуардом 11 августа 1908 г. в Кронберге. Этой встрече предшествовали длительные переговоры. Официальные лица не были в состоянии склонить английского короля посетить кайзера. Король два раза публично отказался от уже данного ранее обещания, когда стало известно, что германское правительство увеличило в январе месяце темпы морского строительства. Близкому к кайзеру, Бюлову и Тирпицу, директору Гамбургско-Американского пароходного общества Альберту Баллину и близкому к королю Эдуарду банкиру Касселю удалось «уговорить» короля заехать по

[1] F ü r s t v o n B ü l o w. Denkwürdigkeiten, Bd. II. S. 321.
[2] Grosse Politik, Bd. XXIV, № 8220.

пути в Карлсбад в Кронберг, к своему кузену. Его сопровождал Гардинг, так как английское правительство решило использовать свидание «коронованных манекенов, которые с бокалами шампанского в руках «укрепляют мир» [1], для переговоров о замедлении темпов выполнения германской морской программы. Желая предотвратить неприятный разговор, кайзер Вильгельм стал заранее внушать английскому послу Ласелю, что «полюбовная сделка о морском строительстве или его темпах исключается, так как ни один народ не позволит, чтобы чужая страна оказывала влияние на его вооружения» [2]. Он надеялся, что его «монаршее волеизъявление», переданное Гардингу, остановит его от выполнения данного ему поручения. Под предлогом частной «семейной встречи» короля Эдуарда с кайзером в Кронберге не оказалось никого из видных чиновников министерства иностранных дел. Гардинга это, однако, не смутило. Он начал разговор на интересовавшую его тему с самим кайзером и сразу же обратил его внимание на то, что темпы германского морского строительства вызывают страх и опасения во всех слоях английского общества.

На нарочито наивный вопрос Вильгельма II: «Почему?» Гардинг ответил: потому что весь германский флот сконцентрирован в одном месте и находится всегда дома. Замечание Вильгельма, что Германии нужен флот для защиты быстро растущей торговли, Гардинг отпарировал указанием на то, что германский флот всегда остается в Киле и Вильгельмсгафене и никуда не выходит из Северного моря. Кайзер заметил тогда, что за отсутствием колоний и угольных станций эти гавани являются базой германского флота: «это наша Мальта и Гибралтар». Гардинг вновь отпарировал: «отсюда нельзя защищать торговлю». Припертый к стене неумолимым Гардингом, Вильгельм выдвинул следующий аргумент: флот находится в германских водах, так как посольство в Лондоне и министерство иностранных дел в Берлине думают, что чем меньше британцы будут видеть германский флот, тем это лучше будет для развития англо-германских отношений. Гардинг весьма невежливо заметил: «это плоская острота».

Кайзер заявил, что Германия не соревнуется в строительстве: «темпы строительства предусмотрены законом, количество судов всем известно; это вы соревнуетесь и соревнуетесь односторонне». Гардинг поставил тогда в упор вопрос: «можете ли вы замедлить темпы строительства?» Вильгельм резко оборвал: «размер морских вооружений Германии определяется ее интересами и потребностями. Они не являются угрозой для вас, которые все теперь больны боязнью привидений». Гардинг настаивал на своем: соглашение должно быть достигнуто с целью ограничения тем-

[1] Ленин. Соч., т. XII, стр. 311.
[2] Grosse Politik, Bd. XXIV, № 8223.

пов строительства. Германия должна остановиться или строить медленнее. «Германия будет отстаивать свое право строить столько судов, сколько нужно для ее потребностей,— ответил на это кайзер, — это вопрос национальной чести и национального достоинства»[1]. Эта замечательная во всех отношениях беседа окончательно выяснила абсолютную невозможность для обоих противников найти общий язык.

На второй день после свидания в Кронберге Меттерних предупредил Бюлова, что без ограничения темпов морского строительства не может быть и речи об улучшении отношений между обеими странами. Он настаивал на твердо сложившемся у него мнении, что без уступки в этом вопросе англо-германские отношения будут все больше и больше ухудшаться[2].

В конце 1911 г. германское правительство опять увеличило программу морского строительства, что еще более усилило в Англии «сомнения» в «миролюбии» Германии. Дело происходило после агадирского инцидента. Английское правительство в феврале 1912 г. послало в Берлин военного министра Холдена для переговоров. В связи с этими переговорами и родилась формула соотношения между германским и английским линейным флотом как 10 : 16, что, по утверждению Монжеля, «не было и в Лондоне признано угрозой». Поборник «исторической правдивости» скрывает, однако, один решающий факт. Он скрывает, что за эту «уступку» германское правительство потребовало от Англии заключения общеполитического договора, основной пункт которого оно сформулировало следующим образом:

«В случае вовлечения в войну одной из высоких договаривающихся сторон против одной или нескольких держав, другая договаривающаяся сторона соблюдает по отношению к первой, вовлеченной в войну, по крайней мере доброжелательный нейтралитет и всеми силами стремится к локализации конфликта»[3].

Англия, конечно, не захотела купить такой ценой формулу 10 : 16. На деле это означало с головой выдать Германии Францию. Фактами доказано, что только страх перед английским флотом временно удерживал германский империализм от военного выступления. Только могущество Англии на море мешало ему одновременно разделаться с Францией и Россией. Чтобы устранить эту помеху, германский империализм лихорадочно строил боевой флот. Английский империализм, скрепя сердце, соглашался признать за своим молодым, но еще более хищным, чем он сам, соперником право иметь боевой флот, равняющийся 5/8 флота «владычицы морей». Но молодому хищнику этого было

---

[1] Grosse Politik, Bd. XXIV, №№ 8225, 8226. u. British Documents on the origines of the War 1898—1914. Vol. VI, №№ 116, 117.
[2] Ibidem, № 8229.
[3] Бетман Гольвег. Мысли о войне. Стр. 32. Москва, 1925 г.

мало. Он хотел еще получить от своего соперника обязательство в том, что тот окажет ему помощь, когда он сочтет нужным расправиться с Францией и Россией. Ибо доброжелательный нейтралитет и обязательство «стремиться к локализации конфликта» означали на деле активную помощь.

Английский империализм отказался принять формулу германского правительства. После длительных переговоров Грей выдвинул свою формулу: «так как обе державы питают одинаковое желание обеспечить мир и дружбу между собою, то Англия заявляет, что она сама, без вызова со стороны Германии, не совершит нападения на нее и воздержится от агрессивной политики против последней»[1]. Английское правительство далее заявляло, что по всем существующим у него договорам и соглашениям с другими державами, оно не обязано поддерживать агрессивную политику против Германии и соглашалось и впредь не вступать в политические комбинации, имеющие своей целью нападение на Германию.

Если бы германский империализм действительно стремился к миру, а не старался использовать дипломатию в целях создания условий для более легкой победы в войне, к которой он готовился, то он ухватился бы за английскую формулу, так как она ему давала гарантию ненападения со стороны Англии, если он сам ее не вызовет на это. Англо-германское соглашение расстроилось в 1912 г., потому что германское правительство настаивало на включении в формулу Грея поправки: «Англия сохранит доброжелательный нейтралитет, если Германия будет вовлечена в войну против своей воли».

В Лондоне прекрасно знали на опыте танжерского инцидента, боснийского кризиса, наконец, агадирского кризиса, что означает, по толкованию берлинских дипломатов, формула «вовлечение в войну против своей воли», и на это не пошли. И там правильно оценили значение этой формулы. Ведь по толкованию германских дипломатов и «ученых», Германию в 1914 г. «вынудили» к нападению на Россию, Францию и Бельгию.

Из всего предыдущего видно, что «тезис» № 3 графа Монжеля находится в непримиримом противоречии с историческими фактами и является намеренной фальсификацией с целью «обеления» германского довоенного империализма.

VIII

Тезис № 6 графа Монжеля гласит:

«5 июля 1914 г. в Потсдаме не было принято решения начать мировую войну, а было дано согласие Германии на войну Австрии против Сербии. Хотя и учитывалась при этом возможность, что

[1] Бетман Гольвег. Мысли о войне, стр. 35.

австро-сербская война может повлечь за собой, как и всякая другая война — англо-бурская, марокканская, триполитанская, балканская — дальнейшие осложнения, однако, эта опасность, принимая во внимание особый повод (убийство Франца-Фердинанда. — **Ф. Н.**), была оценена как весьма ничтожная»[1].

По поводу потсдамского совещания Монжеля пишет в другом месте: «Берлинское правительство предоставило таким образом своему союзнику свободу действия и дало согласие на все мероприятия, следовательно, согласилось и на войну с Сербией. Это означает, без сомнения, поворот в германской политике. Как раз в начале года оно резко выступало против такого плана венского кабинета»[2].

Признав, таким образом, этот поворот германской политики в сторону агрессии и неизбежного развязывания мировой войны, Монжеля после этого все же яростно отстаивает свою недоказуемую точку зрения, что война против Сербии не означала войны мировой. Формально это так. По существу же, при сложившейся к 1914 г. международной обстановке, удар по Сербии означал удар по России и, в известной степени, по всей Антанте, и должен был неизбежно вызвать мировую войну.

Вся националистическая и фашистская историография идет по стопам Монжеля в толковании значения данной германским правительством и кайзером 5 и 6 июля 1914 г. венским поджигателям войны полной свободы действий, которая заключалась в разрешении им напасть на Сербию с целью «ее изоляции и уменьшения». Кайзер, Циммерман и Бетман действительно говорили с австро-венгерским послом Сегени и начальником кабинета Берхтольда графом Гойосом о нападении Австро-Венгрии на Сербию, но они прекрасно знали, что австро-сербская война может и должна вызвать мировую войну. Еще с 1909 г., во время австро-германских переговоров о военной конвенции, германское правительство хорошо знало, что, разрешая Австро-Венгрии «аннексировать» Сербию и создать более обширную монархию, оно тем самым брало на себя ответственность за ускорение и развязывание мировой войны.

Уже в то время, по замечательному определению В. И. Ленина, сеть «явных и тайных договоров, соглашений и т. д.» была настолько густа, что «достаточно незначительного щелчка какой-нибудь «державе», чтобы из «искры возгорелось пламя»[3].

В Берлине в то время вполне трезво оценивали обстановку. Там твердо считались с тем, что вторжение Австрии в Сербию вызовет вмешательство России, а последнее развяжет мировую войну. Знали твердо и шли на это со спокойной совестью, так как

---

[1] Montgelas. Leitfaden, S. 165.
[2] Ibidem. S. 92.
[3] Ленин. Соч., т. XII, стр. 311.

сама военная конвенция, как мы это показали выше, была заключена не с целью предотвращения, а с целью ускорения мировой войны. В письме от 21 января 1909 г. генерал Мольтке, между прочим, писал генералу Конраду о невозможности «локализованной» войны в виду наличия тайных и открытых соглашений следующее: «Что такие соглашения существуют, я в этом так же уверен, как и в том, что нынешняя Европа пропаяна и проложена договорами, соглашениями и союзами, как войлочными прокладками, так что едва только одно из больших европейских государств обнажит меч, как тем самым будут созданы обязательства для всего континента броситься друг на друга» [1].

Вслед за убийством в Сараеве венские поджигатели войны сейчас же решили «наказать Сербию». Привести это в исполнение без согласия на то Германии было невозможно. Правда, в Вене имелись определенные сведения, что кайзер и, повидимому, правительственные круги одобряют такую меру. На телеграмме германского посла в Вене фон-Чиршки от 30 июня, сообщавшего, что он предостерегает австро-венгерское правительство от неосмотрительных шагов, кайзер разразился такой тирадой: «Теперь или никогда. Кто его (Чиршки. — **Ф. Н.**) уполномочил на это. Это очень глупо. Это совсем не его дело. Австрия должна сама решить, как ей поступить в этом деле; иначе, в случае неудачи, скажут, что Германия не захотела. Пускай Чиршки прекратит этот вздор. Дела с сербами надо привести в полную ясность и притом быстро. Это очевидная истина» [2].

Чиршки после этого изменил свою линию поведения. Выполняя предначертания кайзера, он 4 июля имел инспирированную беседу с корреспондентом «Frankfurter Zeitung», Ганцем, во время которой сказал: «Германия поддержит монархию независимо от того, что она решит предпринять против Сербии. И чем раньше и быстрее Австро-Венгрия выступит против Сербии, тем лучше. Лучше было бы вчера, чем сегодня, но лучше сегодня, чем завтра» [3]. Содержание беседы было тотчас передано Ганцем в австро-венгерское министерство иностранных дел и записано Гойосом.

Как мы увидим ниже, заявление Чиршки в точности соответствовало умонастроению кайзера и германского правительства; оно полностью соответствовало и их дальнейшей провокационной политике в кризисные июльские дни. Однако сделанных сообщений Ганца, а может быть и самого Чиршки, было недостаточно для того, чтобы решиться на такой важный шаг. Необходимо было получить более определенные заверения и гарантии со стороны Берлина. Это вызывалось и другими соображениями. Дик-

---

[1] Konrad, Bd. I, S. 392.
[2] Deutsche Dokumente, I, № 7, S. 11.
[3] O. U. A. VIII, № 10038.

татор Венгрии, граф Тисса, не соглашался на эту авантюру по соображениям внутренней и венгерской националистической политики. Тогда Берхтольд послал в Берлин начальника своей канцелярии, графа Гойоса с деликатным поручением. Он привез с собой для передачи кайзеру Вильгельму обширный меморандум о реорганизации юго-восточной Европы под патронатом центральных держав. Этот меморандум был составлен накануне убийства в Сараеве. Его основные принципиальные положения были еще раньше согласованы с Берлином и одобрены им. К меморандуму Берхтольд сделал приписку, в которой говорилось о миролюбивых усилиях Австро-Венгрии по отношению к Сербии, со стороны которой «монархию ожидает постоянная непримиримая и агрессивная вражда. Поэтому для монархии тем более необходимо решительно разорвать сети, которыми враги пытаются ее опутать»[1]. С меморандумом Александр Гойос привез письмо Франца-Иосифа Вильгельму II, которое резюмировало его основные положения. Последние абзацы этого письма имели особо важное значение и гласили дословно:

«Стремление моего правительства должно быть в будущем направлено на изоляцию и уменьшение Сербии. Первый шаг в этом направлении должен вести к тому, чтобы укрепить позицию нынешнего болгарского правительства с тем, чтобы помешать Болгарии, реальные интересы которой сходятся с нашими, возвратиться к руссофильской политике.

Если Румыния увидит, что Тройственный союз решил не отказываться от присоединения Болгарии, но в то же время готов побудить ее заключить союз с Румынией и гарантировать ее территориальную неприкосновенность, то в таком случае там, может быть, сойдут с опасного пути, на который ее завели дружба с Сербией и сближение с Россией.

Если это удастся, то можно будет сделать дальнейший шаг и попытаться примирить Грецию с Болгарией и Турцией и таким образом создать новую Балканскую лигу под покровительством Тройственного союза, цель которого будет состоять в том, чтобы воздвигнуть плотину против панславистского потока и обеспечить мир нашим странам.

Это будет возможно только в том случае, если на Балканах будет уничтожено решающее влияние Сербии, которая в настоящее время является главной пружиной панславистской политики.

Недавние ужасные события в Боснии, надо полагать, убедили тебя также в том, что об устранении антагонизма между Австрией и Сербией говорить уже не приходится и что мирная политика всех европейских монархов находится под угрозой, доколе

---

[1] Deutsche Dokumente, № 14, S. 30. O. U. A. VIII, № 9984, Beilage, S. 261.

в Белграде будет оставаться безнаказанным этот очаг преступной агитации»[1].

Приведенные выше цитаты из письма не оставляют никаких сомнений в характере тех политических задач, которые ставило перед собой австро-венгерское правительство и каких советов оно ожидало от Берлина. Письменную информацию дополнил граф Гойос. То, что неудобно было писать, было поручено посланцу передать устно. Гойос заявил по «секрету» Циммерману: «Австрия собирается произвести полный раздел Сербии»[2].

Австрийский план «уменьшения» Сербии 1914 г. явился, по существу, воспроизведением на более широкой основе плана Австрии 1908 г. Германское правительство участвовало в выработке того и другого планов, одобрило тот и другой, и оно не могло не знать, что проведение его в жизнь в 1914 г. чревато еще большими опасностями, чем в 1909 г., так как за это время царская Россия в военном отношении значительно окрепла, а сеть «явных и тайных договоров, соглашений и т. д.» еще больше разрослась. Несмотря на это германское правительство одобрило решение Австро-Венгрии «уменьшить Сербию». После свидания с Вильгельмом II Сегени сообщил 5 июля своему правительству в Вену, что император сказал ему «частным» образом, так как он должен еще посоветоваться с канцлером: «Выступление против Сербии не следует откладывать. Отношение России будет во всяком случае враждебным, но он к этому подготовлен уже не один год. Если дело дойдет до войны Австрии с Россией, то Германия выполнит свой союзнический долг. Россия еще не готова и подумает, прежде чем взяться за оружие. Если же Австрия действительно считает момент подходящим, то он, кайзер, будет сожалеть, если мы не используем настоящий момент, столь благоприятный для нас»[3]. В тот же день Бетман имел совещание с кайзером. После свидания 6 июля с Бетманом и заместителем статс-секретаря Циммерманом, Сегени вновь телеграфировал в Вену, что германское правительство стоит на той точке зрения, что сама Австрия должна решить, как ей следует поступить с Сербией. Германия же ее во всем поддержит. «Канцлер и кайзер согласны в том, что немедленное выступление Австрии против Сербии они рассматривают как наилучшее и радикальнейшее разрешение австрийских трудностей на Балканах. С международной точки зрения он (Бетман.— **Ф. Н.**) считает данный момент более благоприятным, чем более поздний; он целиком согласен с тем, чтобы мы ни Италию, ни Румынию не уведомляли о возможных действиях против Сербии»[4].

[1] Deutsche Dokumente, I, № 13, S. 21—22; O. U. A., VIII, № 9984, S. 252.

[2] Deutsche Dokumente, I, № 18.

[3] O. U. A. VIII, № 10058.

[4] Ibidem, № 10076.

В тот же день Бетман передал послу в Вене содержание бесед с австро-венгерским послом, которое полностью сходилось с сообщением Сегени[1]. В нем только не объяснялись мотивы, по которым Германия считала момент для выступления Австрии удачным.

5 и 6 июля кайзер вызывал к себе военного министра Фалькенгайна, генерала Бертраба из генерального штаба, адмирала Капеле из морского министерства и капитана Ценкера из морского штаба. Удостоверившись в полной исправности военной машины, кайзер отправился к эскадре в Киль для отплытия в норвежские воды[2]. Немедленно были приняты подготовительные меры к войне, о чем свидетельствует и такая частность. На крейсере «Гебен», который находился в Средиземном море, оказался не совсем исправным котел. Тотчас была отправлена бригада монтеров в Полу для исправления дефекта на судне[3].

Одновременно с совещаниями в Потсдаме и Берлине имел место очень характерный разговор германского посла князя Лихновского с Эдуардом Греем. Вернувшись 6 июля из Берлина в Лондон, Лихновский тотчас отправился к статс-секретарю по иностранным делам, чтобы информировать его о политических настроениях германского правительства.

Лихновский сказал, что в Берлине расценивают политическое положение очень пессимистически. В связи с убийством Франца-Фердинанда Австрия потребует у Сербии искупления и «нельзя будет упрекать австро-венгерское правительство, если оно не оставит безнаказанным вызов, брошенный ему Белградом. Посол просил Грея оказать в Петербурге умеряющее воздействие»[4]. Лихновский не скрыл, что Австрия намеревается предпринять военные действия против Сербии. На вопрос Грея, имеет ли Австрия намерение аннексировать сербскую территорию, посол ответил отрицательно, но в дальнейшей беседе сказал по поводу вооружений России: «В Германии чувствуют, что наверное наступит осложнение и что поэтому было бы лучше не сдерживать Австрию; лучше дать беде подступить сейчас, чем позже»[5]. Беседа Лихновского с Греем показывает, что еще до официального запроса из Вены, в Берлине уже хорошо были осведомлены об агрессивных намерениях австро-венгерского правительства и решили оказать ему полную поддержку.

Возвращаясь снова к свиданию с кайзером, канцлером и другими ответственными лицами, Сегени доносит в Вену, что все они стоят на точке зрения верности союзу, «но они нас самым реши-

---

[1] Deutsche Dokumente, № 15.
[2] Ibidem, I Anhang, S. XIV—XVI.
[3] E. Fischer. Die kritischen 39 Tage, S. 82, Berlin, 1928.
[4] Ibidem, № 20.
[5] British Documents on the origins of the War 1898—1914, vol. XI, № 32.

тельным образом поощряют не упускать момента, выступить против Сербии и покончить раз навсегда с этим гнездом заговорщиков».

«За выбор настоящего момента,— продолжал посол,—говорят, по мнению немцев, которое я, впрочем, целиком разделяю, общие политические соображения и условия, создавшиеся в результате убийства в Сараеве.

Германия в последнее время укрепилась в своем убеждении, что Россия готовится к войне против своих западных соседей и что войну она не рассматривает больше, как возможность в будущем, но прямо ее включила в свой политический план. Однако — это план будущего, так как она войну только имеет в виду и всеми силами к ней готовится, но в настоящее время ее не начнет, точнее: она в настоящий момент еще недостаточно подготовлена.

Поэтому абсолютно не установлено, что если Сербия ввяжется с нами в войну, то Россия ей поможет вооруженной рукой. И если бы царская империя решилась на это, то она еще долго не будет в военном отношении готовой и далеко еще будет не так сильна, как можно надеяться, через несколько лет» [1].

Это чрезвычайно важное признание австрийского посла проливает яркий свет на поведение Германии в те дни. В Германии не только хотели войны с Сербией, но считались также с возможностью войны с Россией. И эта война была берлинским поджигателям даже желательна, так как она, по их расчетам, сулила легкую победу над неподготовленной к войне Россией. И только этот политический расчет вселял им столько дерзости, заставлял Берлин торопить Вену и даже изобретать для нее поводы для скорейшего начала войны.

По расчету Берлина, момент был удачен не только для начала войны с одной Россией. В уже цитированном нами выше документе граф Сегени сообщал:

«Далее германское правительство считает, что имеет верные признаки того, что Англия не примет участия в войне, возникшей из-за балканского государства даже в том случае, если она приведет к войне с Россией и, возможно, с Францией. И не потому только, что англо-германские отношения настолько улучшились, чтобы Германии нечего было бояться прямо враждебного отношения Англии, а по той причине, что прежде всего Англия в настоящий момент менее всего воинственно настроена и вовсе не намерена таскать каштаны из огня для Сербии или, в конечном счете, для России.

В общем, из вышесказанного следует, что политическое положение в настоящее время для нас благоприятнее, чем когда бы то ни было» [2].

[1] O. U. A., VIII, № 10215.

[2] Ibidem.

Общеизвестен факт, что не письменные сообщения Сегени и инструкции Бетмана Чиршки о результатах переговоров 5 и 6 июля в Берлине, а устный рассказ Гойоса о выполненном им поручении произвел наибольшее впечатление на австро-венгерский совет министров и на его решения от 7 июля. Известно также, что позиция Берлина оказала решающее влияние на графа Тиссу, который стал приверженцем «карательной экспедиции», хотя до того он был ее ярым противником (по причинам внутренней политики, но отнюдь не из-за любви к миру, как это изображают некоторые буржуазные историки).

Свидетельство графа Гойоса, по вышеприведенным причинам, представляет первостепенный интерес для выяснения вопроса, знало ли германское правительство, что, давая carte blanche своей задорной союзнице, оно этим самым может вызвать мировую войну, или же оно было убеждено в том, что дело ограничится одним «наказанием цареубийц». Граф Гойос писал бывшему послу в Риме, графу Меррею, 20 июня 1917 года, т. е. — что очень важно — еще до разгрома центральных держав: «Германскому правительству было тогда заявлено..., что по внутренним и внешнеполитическим причинам мы считаем момент подходящим для выступления против Сербии, даже с риском вызвать конфликт с Россией. С другой стороны, мы точно знали, что подобная политика может спровоцировать мировую войну. Поэтому мы желали знать позицию германского правительства, считает ли оно с политической и военной точек зрения момент благоприятным и можем ли мы рассчитывать в случае неудачи на его поддержку. На это Циммерман и канцлер мне сказали: «Австро-Венгрия должна сама решить, исходя из ее жизненных интересов, какие меры следует принять против Сербии, и в этом деле мы можем следовать только решениям императорского и королевского правительства. Вы можете, во всяком случае, рассчитывать на нашу поддержку как верных союзников, и мы считаем, что если война должна разразиться, было бы лучше, чтобы это было сейчас, чем через один-два года, когда Антанта станет более сильной».

Далее Гойос продолжал: «Германское правительство было тогда совершенно вольно сказать да или нет и удержать нас от выступления против Сербии. Быть может, мы бы это очень плохо восприняли, но, кажется, германское правительство принимало свои решения независимо от нашего хорошего или плохого расположения. Затем было получено, как ты помнишь, послание германского императора Берхтольду, в котором настойчиво говорилось, что мы, как он надеется, не отступим и со всей энергией приведем в исполнение задуманное предприятие»[1].

---

[1] Journal des Débats, 12 Novembre 1931. Berliner Monatshefte, Januar 1932, S. 65—66.

На утверждении, высказанном им в цитированном выше письме, Гойос настаивал и после войны, в самый разгар дискуссии о «виновниках», и, в частности, настаивал на своем мнении о значении данных Германией Австро-Венгрии гарантий 5 и 6 июля: «Граф Сегени, так же как и я,— писал Гойос в выпущенной им в 1922 г. книге — вынес из Берлина впечатление, что германское правительство стояло за немедленное наше вступление в Сербию, хотя оно ясно сознавало, что это могло привести к мировой войне» [1].

Из другого бесспорного источника мы знаем, что вслед за убийством в Сараеве германское правительство уже считалось с возможностью мировой войны и нисколько не устрашилось этого. Уже 2 июля саксонский посланник в Берлине, барон Зальца и Лихтенау, писал своему правительству на основании полученных им сведений в германском министерстве иностранных дел:

«В настоящее время Австро-Венгрия готовится к энергичным действиям против Сербии по поводу убийства... Если же война разразится... Россия объявит мобилизацию и мировую войну нельзя будет больше отсрочить (nicht mehr aufzuhalten sein). Военные опять настаивают, что мы должны начать войну сейчас, пока Россия еще не готова; однако я не верю, чтобы его величество император дал себя увлечь на этот путь.

Министерство иностранных дел полагает, как уже сказано, что до войны Австро-Венгрии с Сербией дело не дойдет. Что касается, впрочем, отношения к нашим соседям, то ни Россия, ни Франция еще не намерены начинать войну... Но и Англия также не желает войны... Если дело не дойдет до войны между Сербией и Австро-Венгрией,— так думает мое доверенное лицо — то мир будет сохранен» [2].

Отсюда следует, что германское правительство прекрасно знало, давая разрешение Австро-Венгрии на вторжение в Сербию с целью ее «уменьшения», что оно тем самым брало на себя ответственность за мировую войну. В Берлине ведь правильно считали, что мир может быть сохранен лишь в том случае, «если дело не дойдет до войны между Сербией и Австрией». Однако война между ними была неизбежна, раз германское правительство вместо того, чтобы сдерживать Австро-Венгрию, само толкало ее к ускорению нападения на Сербию.

Тезис № 6 графа Монжеля утверждает, что предоставляя австро-венгерским авантюристам carte blanche, германское правительство имело якобы в виду лишь войну Австро-Венгрии с Сер-

[1] Alexandre Hoyos. Der deutsch-englische Gegensatz und sein Einfluss auf die Balkanpolitik Oesterreich-Ungarns, S. 80, Berlin, 1922.

[2] Herman Lutz. Die europäische Politik in der Julikrise. Das Werk des Untersuchungsausschusses der Verfassungsgebenden Deutschen National-Versammlung und des Deutschen Reichstages 1919—1930, Bd. II, S. 32, Berlin, 1930.

бией, а не мировую войну, и поэтому оно не несет ответственности за ее развязывание; этот тезис противоречит историческим фактам и представляет собой чистую фальсификацию истории.

Эта точка зрения Монжеля и всех защитников германского довоенного империализма нашла своих приверженцев и за границей. Наиболее усердными из них являются два американских профессора истории — Эльмер Барнес и Сидней Фей.

«Никто из штатских членов германского правительства 1914 года — утверждает Барнес — не высказывался за европейскую войну во время визита графа Гойоса. Бетман-Гольвег и кайзер склонны думать, что blanc-seinge (незаполненный вексель с подписью) и возможное нападение Австрии на Сербию не вызовут войны в Европе» [1].

Однако и этот оборотень Барнес — во время войны безудержный американский шовинист и немцеед, а после войны французоед, руссоед и адвокат германского империализма—должен был признать, что предоставляя 5—6 июля Австро-Венгрии carte blanche, «Циммерман чувствовал, что нападение Австрии на Сербию приведет, вероятно, к европейской войне, но склонен был думать, что Германия и Австро-Венгрия непобедимы» [2]. Бетман Гольвег был в этом менее уверен, он не хотел европейской войны, утверждает Барнес, но думал: если уж необходимо Австрии действовать силой против Сербии, то лучше это сделать в 1914 г., пока ни Россия ни Франция еще не завершили свою военную программу. Вышеприведенные суждения Барнеса являются, по сути дела, признанием вины германского правительства в провоцировании «европейской войны» — как он называет мировую войну — действиями 5—6 июля.

И другой американский адвокат германского империализма, более сдержанный Сидней Фей, также хорошо усвоивший «17 тезисов» Монжеля, писания Фридриха Штиве и других «историков» КНО, считает, что германское правительство и кайзер достойны порицания лишь за то, что 5 и 6 июля «они развязали Австрии руки и совершили огромную ошибку тем, что отказались контролировать Австрию и предоставили это такому необузданному и беззастенчивому человеку, как Берхтольд. Это был прыжок в неизвестность» [3]. В этом и только в этом состояла, по мнению Фея, их вина. А после они были, видите-ли, вовлечены в действия, которых сами не одобряли, будучи связаны данными обещаниями.

Эта оценка не выдерживает никакой критики и придумана нарочно для того, чтобы смягчить ответственность германского правительства и кайзера. Это опровергается, во-первых, тем, что в ав-

---

[1] Harry Helmer Barnes. La genèse de la guerre mondiale, p. 179. Paris, 1930.

[2] Ibidem, p. 178.

[3] Сидней Фей. Происхождение мировой войны, т. II, стр. 140. Москва, 1934.

стро-германском союзе ведущая роль принадлежала Германии, и Австро-Венгрия согласилась бы на все, что ей предложило бы германское правительство, включая также и запрещение «карательной» экспедиции против Сербии, и, во-вторых, еще тем, что все европейские великие державы, в том числе и Россия, признавали, что Сербия должна дать Австро-Венгрии полное моральное удовлетворение и реальные гарантии прекращения пропаганды среди австро-венгерских югославян.

Желая во что бы то ни стало найти для своих подзащитных смягчающие их вину обстоятельства, Фей утверждает:

«Император и его советники не были 5 и 6 июля преступниками, затеявшими мировую войну; они действовали как глупцы, «обвязав себя веревкой вокруг шеи» и передав другой конец глупому и беззастенчивому авантюристу, который теперь мог делать, что ему угодно. Тем самым они возложили на себя тяжелую ответственность за дальнейшие события» [1].

И по Фею выходит: «виноваты», но заслуживают снисхождения, как глупцы, как люди невменяемые. Небезинтересно отметить, что версию «о глупцах», насколько нам известно, впервые пустил бывший имперский канцлер князь Бюлов. Это он писал о правительстве кайзера 1914 г.: «Эти глупцы, простофили, неразумные проказники играли бомбой, не зная заряжена ли она».

Таким образом, даже эти сочувствующие германскому империализму американцы принуждены, хотя и с увертками, признать ответственность германского империализма за действия 5 и 6 июля, которые предопределили кровавую развязку. Но эта агентура старается всеми силами, за невозможностью полного оправдания, хотя бы изобрести «смягчающие» вину обстоятельства.

Как же расценивает события 5 и 6 июля 1914 г. более объективная буржуазная историческая наука, не ослепленная политическим заказом фашистов. Наиболее вдумчивые, объективные буржуазные историки, в результате тщательного изучения всех документов, относящихся к 5 и 6 июля и к июльским кризисным дням, пришли к совершенно противоположным выводам.

Один из крупнейших специалистов по истории происхождения мировой войны, профессор чикагского университета и редактор распространенного исторического журнала «Current History» Бернадотт Шмитт считает, что «германские правители приняли с полным сознанием риск на себя, зная, что в результате их действия разразится всеобщая война. Выдвинутое против них обвинение в том, что они намеренно и без особой необходимости ускорили европейскую войну, поддержать нельзя... Но Вильгельм II и... Бетман-Гольвег были первыми среди ответственных государственных людей, которые приняли решения, способные повлечь за со-

[1] Сидней Фей. Происхождение мировой войны, т. II, стр. 140. Москва, 1934.

бой самые ужасные последствия... Это они бросили вызов» [1]. Даже Герман Лютц, автор наиболее документированного труда об июльском кризисе 1914 г., и активный деятель германского пропагандистского центра, вынужден писать по поводу 5 и 6 июля: «В действительности Вена вначале не рассчитывала на полную поддержку Берлина: серьезные представления оттуда были бы услышаны, хотя и против желания, как и во время балканского кризиса. Решение Вены превратилось в действие лишь благодаря ничем неограниченному германскому Blankovollmacht (открытому векселю). И в этом заключается соучастие германского правительства в ответственности за действия Австрии» [2].

Таким образом, Герман Лютц считает германское правительство лишь соучастником преступления. Вывод этот находится в полном противоречии с тем, что установил сам же Лютц, а именно: без германского согласия на любые действия Вена не решилась бы на преступление.

Что касается вопроса о том, принимало ли германское правительство в расчет, что нападение на Сербию может вызвать всеобщую свалку, Лютц пишет: «В Берлине и Вене принимали во внимание, что оно (нападение) может повлечь за собой новую войну с Россией и остальными странами Антанты... Однако кайзер и имперское руководство серьезно не верили во вмешательство России... В Берлине искренно считались с возможностью локализации ожидавшегося конфликта» [3]. Из этой интерпретации Лютца как раз следует, что в Берлине и Вене считались с возможностью мировой войны в результате агрессивных действий Австрии против Сербии. Что же касается «локализации» австро-сербского конфликта, чего Германия добивалась на протяжении всего кризиса, то на простом языке она означала расправу с Сербией, «ее уменьшение», аннексию и раздел между остальными балканскими государствами, реорганизацию юго-восточной Европы в желательном Берлину и Вене направлении. Что это в тех условиях должно было привести к вооруженному вмешательству России, а следовательно, к общеевропейской войне, ясно было берлинским правителям. «Локализация» была лишь ширмой, дипломатической увերткой с целью переложения формальной ответственности на противную сторону. Таким образом, истинное значение выданной 5 и 6 июля Австро-Венгрии «carte blanche», о котором пишет Лютц, состояло в том, что это должно было с неизбежностью вызвать мировую войну.

Крупный французский историк и знаток этого вопроса Камил Блох пишет: «Берлин был тогда волен советовать мир или войну. Он с маху гарантировал Вене абсолютную и безусловную под-

[1] Цитировано по J u l e s I s a a k. Un débat historique 1914, Paris, 1934.
[2] Hermann L u t z. Die europäische Politik in der Julikrise, 1914, S. 36, Berlin, 1937.
[3] Ibidem, S. 37.

держку, даже в том случае, если должна будет разразиться европейская война. Идя еще дальше, он настаивает на необходимости для Австро-Венгрии сейчас же извлечь наилучшую выгоду из европейской конъюнктуры, которую он считал исключительно благоприятной: недостаточную подготовку Антанты к войне и ее желание поэтому мира. Начиная с этого момента, Вильгельмштрассе [1] не перестает подстрекать Бальплац [2] перейти как можно скорее к бесповоротным действиям» [3].

В другом месте своей очень серьезной книги Камил Блох пишет: «Держа 5 июля в своих руках судьбу Австрии и Сербии, Вильгельм II держал тем самым в руках судьбы европейского мира. Между тем он направил судьбу в сторону войны» [4].

К этому мнению склонялся до фашистского переворота Евгений Фишер, который писал: «Политика, которая была одобрена 5 июля в Берлине, вызвала, хотя и к отчаянию кайзера и канцлера, мировую войну... Решение 5 июля вызвало мировую войну» [5].

И весьма осторожный французский историк Пьер Ренувен считает, что «всеобщая война, кажется, не составляла части выработанной 5 июля программы; однако она могла быть ее следствием. Ясно, что этот риск центральные державы приняли на себя» [6].

Другой крупный французский историк и специалист по данному вопросу Жюль Изаак, склонный во многом смягчать ответственность германского правительства за действия в июльские дни, устанавливает после тщательного анализа точек зрения Фея, Барнеса и Шмитта неправильность взглядов Барнеса, что кайзер будто бы «с самого начала противился тому, чтобы локальная война превратилась в войну европейскую»... «Напротив,— продолжает он — бесспорно и с полным правом можно утверждать, что кайзер и его министры взвесили и приняли на себя риск европейской войны» [7]. Кайзер и его министры, как правильно утверждает Изаак, обосновывая свое мнение на бесспорных документальных данных, рассуждали так: Россия усиленно готовится к войне, но в данный момент она не готова и не рискнет начать войну из-за Сербии, если же она, не будучи готовой, все-таки решится воевать, то тем лучше для Германии. Ей выгоднее воевать в 1914 г.,

---

[1] Улица в Берлине, на которой находится германское министерство иностранных дел.

[2] Площадь в Вене, на которой находилось австро-венгерское министерство иностранных дел.

[3] Camille Bloch, Les causes de la guerre, p. 211. Paris, 1933.

[4] Ibidem, p. 51.

[5] Eugen Fischer. Die kritischen 39 Tage, S. 167. Berlin, 1928.

[6] Pierre Renouvin, Les origines immédiates de la guerre (28 Juin — 4 Août 1914), p. 27. Paris, 1925, 2-e édition, 1927, p. 51).

[7] Jules Isaak. Un débat historique 1914. Le problème des origines de la guerre, p. 80, Paris, 1934.

чем позже, когда вооружения всех стран Антанты будут закончены.

«Правители Германии,— пишет далее Изаак, — хотя и могли думать, что локализация конфликта возможна,— Сегени говорил даже «вероятна»,— однако, это были еще неустановившиеся впечатления, которые могли изо дня в день меняться у того или иного лица и, конечно, они не имеют того значения, которое им придает Сидней Фей. Как мог канцлер (в глубине души) быть столь уверенным, он, неоднократно заявлявший в столь ясных выражениях, что всякое военное действие Австрии против Сербии неизбежно вызвало бы европейскую войну»[1].

Общий вывод Изаака относительно принятых 5 и 6 июля в Потсдаме и Берлине решений заслуживает самого серьезного внимания. Подчеркивая, что вершители судеб Германии сами считали еще в конце 1913 г., что нападение Австрии на Сербию неминуемо вызовет европейскую войну, Изаак пишет: «Правда, с тех пор произошло убийство в Сараеве, но кто мог поверить, что политика тройственного соглашения от этого в корне изменится, что из уважения к трауру его величества Франца-Иосифа Россия согласится допустить нарушение равновесия сил на Балканах? Сам Бетман не был ни слеп, ни наивен в этом вопросе. Нет, император, канцлер, министр и помощник министра, — каждый из них сознавал важность момента. Совершенно очевидно, что в течение трех июльских недель, предшествовавших передаче австрийского ультиматума, их неотвязно преследовала тревога о европейской войне. Их душевное спокойствие, если такое спокойствие было, должно было быть совершенно поверхностным. Утверждать противное, предположить вместе с Сидней Феем, что они — простачки, дали себя увлечь на «прыжок в неизвестность», значит, по моему мнению, выйти за пределы документальной действительности и психологического правдоподобия. Объяснения Бернардта Шмитта имеют все шансы быть ближе к истине...»[2].

IX

Монжеля доказывает, что в развязывании войны виновата якобы одна царская Россия, ибо его девятый «тезис» гласит: «Русская всеобщая мобилизация неожиданно разорвала все нити, связывавшие государства». Этот «тезис» канонизирован всей германской буржуазной историографией, за него распинались и распинаются историки националисты и фашисты, его «признали» и пособники фашистов, некоторые американские историки вроде Барнеса и Фея, французские «пацифисты» вроде Демартиаля и т. п.

[1] Ibidem, p. 82—83.
[2] Ibidem, p. 83—84.

Как обстояло дело сообъявлением всеобщей мобилизации? Действительно ли всеобщая мобилизация в России «вынудила» Германию потребовать у нее ультимативно ее приостановки, а отказ России выполнить это требование «принудил» ту же Германию объявить войну? Факты опровергают эту лживую версию.

Несмотря на удовлетворительный ответ Сербии на ультиматум Австро-Венгрии, последняя порвала дипломатические отношения с Белградом. Все активные попытки России, Англии, Франции и Италии уладить конфликт мирным путем потерпели неудачу, так как германское правительство решительно отказалось поддержать эти посреднические попытки в Вене. Оно вместе с кайзером Вильгельмом настаивало и торопило Вену объявить Сербии войну, что та и сделала 28 июля. Однако когда Вильгельм II по возвращении из поездки в Северное море прочел сербский ответ, он нашел его вполне удовлетворительным, вследствие чего «всякая причина к войне отпадает». «Если ваше превосходительство разделяет мое мнение, — писал 28 утром Вильгельм II статс-секретарю по иностранным делам фон-Ягову, то я бы предложил сказать Австрии: отступление Сербии в очень унизительной форме достигнуто (erzwungen), и поздравить по этому случаю. Конечно, после этого н е т б о л ь ш е о с н о в а н и й д л я в о й н ы, хотя нужна гарантия выполнения обещаний» [1]. В качестве такой гарантии кайзер предложил занять Белград и удерживать его до действительного выполнения Сербией ее обещаний. Лишь в 10 часов вечера, т. е. через 12 часов, Бетман отправил предложение в Вену о посредничестве, но в таком измененном виде, что от первоначального предложения кайзера ничего не оставалось. В нем не было ни единого слова об «унизительной капитуляции» Сербии, а лишь о том, что сербское правительство пошло далеко навстречу австрийским требованиям. Бетман писал, что при таком положении вещей «общественное мнение всей Европы отвернется от австро-венгерского правительства, если последнее останется непримиримым». Далее он писал, что общественное мнение Европы и германский народ возложат на него ответственность за мировую войну: «Но на такой основе нельзя начинать успешную войну на три фронта» [2], — т. е. против России, Франции и Англии. Что же касается предложения кайзера о занятии Белграда в качестве «залога» или гарантии выполнения данных Сербией обещаний, то Бетман изменил этот пункт следующим образом. Он предложил употребить этот «залог» для того, «чтобы принудить сербское правительство к полному выполнению его (австрийского правительства. — **Ф. Н.**) требований и для создания гарантий благожелательных отношений в будущем».

Однако даже это измененное в своей основе предложение

---

[1] Deutsche Dokumente, Bd. II, № 293 (подчеркнуто кайзером).

[2] Ibidem, № 323, S. 38.

кайзера Бетман преподнес Вене в такой форме, что она и не могла помышлять о его выполнении. Имперский канцлер поручил послу в Вене «избегать того, чтобы создалось впечатление (у австро-венгерского правительства. — **Ф. Н.**), будто мы хотели бы удержать Австрию от ее воинственных планов». В заключение Бетман резюмировал смысл демарша в Вене следующим образом:

«Дело идет исключительно о том, чтобы найти модус, который сделал бы возможным осуществление цели, к которой стремится Австро-Венгрия,— убить жизненный нерв великосербской пропаганды, не вызывая одновременно мировой войны, но если это, в конце концов, неизбежно, то по возможности улучшить для нас условия, при которых придется ее вести» [1].

«Посредничество» Бетмана, по существу, явилось поддержкой прежних требований Австро-Венгрии. Бетман заботился не столько о том, чтобы Вена отказалась от своей неуступчивости, сколько о том, чтобы найти более легкий способ осуществить ее разбойничьи требования и одновременно переложить ответственность за мировую войну в глазах общественного мнения Европы и германского народа на противную сторону.

Колебания кайзера и канцлера, отражением чего явилось решение выступить в Вене в качестве «посредника», сейчас же натолкнулись на решительное сопротивление военных кругов. Об этом имеется ценное свидетельство баварского военного атташе в Берлине генерал-майора фон-Венингера. 29 июля 1914 г. он телеграфировал своему военному министру:

«По моим сегодняшним наблюдениям, здесь борются между собой военное министерство и генеральный штаб с одной стороны, имперский канцлер и министерство иностранных дел — с другой.

Военный министр, при поддержке начальника генерального штаба, настойчиво требует принятия военных мер, которые соответствовали бы «напряженному политическому положению» и все же «угрожающей военной опасности». Начальник генерального штаба намерен идти еще дальше: он употребляет все свое влияние на то, чтобы использовать на редкость благоприятное положение для войны (zum Losschlagen), он указывает на то, что Франция как раз находится в военном затруднении, что Россия в военном отношении чувствует себя неуверенной, к тому же время года благоприятное, урожай большей частью убран, обучение (молодых солдат) закончено.

Имперский канцлер всеми силами сдерживает эти агрессивные элементы и стремится избежать всего того, что может вызвать аналогичные мероприятия во Франции или Англии и привести все в движение» [2].

---

[1] Ibidem, № 323, S. 40.

[2] Bayerische Dokumente zum Kriegsausbruch, S. 220; «Der Krieg», S. 52—53, Mai 1928.

Пока венские поджигатели войны обдумывали формулу отказа на предложение Бетмана, которое было скорее поощрением, чем «давлением», Бетман Гольвег, подталкиваемый военными, поручил в тот же день послу в Петербурге Пурталесу сделать Сазонову следующее заявление (выполнено 29 июля в 15 часов): «Если Россия будет продолжать свои военные приготовления к мобилизации, Германия будет вынуждена произвести мобилизацию, и в таком случае с ее стороны последует немедленное нападение». На эту неприкрытую угрозу Сазонов резко ответил: «Теперь у меня нет больше сомнений относительно истинных причин австрийской непримиримости»[1]. Как бы «случайно» германский посол барон Шен в тот же день в 17 часов говорил с Вивиани о всяких вещах и, в частности, о «миролюбивых стремлениях Германии», вдруг начал жаловаться на военные приготовления Франции и заявил, что если она их не приостановит, то Германия «вынуждена» будет приступить к военным приготовлениям»[2]. Угроза возымела в Петербурге свое действие. В тот же день было принято решение начать всеобщую мобилизацию. Сначала царь одобрил это решение, а в 11 часов вечера отменил всеобщую мобилизацию[3], оставив в силе частичную мобилизацию против Австрии.

Между тем, 29 июля около 18 часов, Грей, не зная о предложении кайзера, сделал по собственному почину такое же по содержанию предложение германскому послу и настойчиво просил, чтобы германское правительство приняло на себя посредничество в Вене, если оно хочет «чтобы это не привело к европейской катастрофе»[4].

Германское правительство попало в затруднительное положение. На сей раз пришлось передать предложение Грея в Вену в неизмененном виде, так как тот его передал также и в Петербург[5].

Первоначальное германское предложение, а также и английское предложение сделались, таким образом, уже предложениями англо-германскими. Для Германии, конечно, ничего не стоило добиться его принятия в Вене. Германское правительство обещало Англии поддержать ее предложение в Вене, но, подстегиваемое военными кругами, решило, как сообщал весьма осведомленный баварский посланник в Берлине своему правительству, следующее: «Если Австрия примет германское и английское предложение о посредничестве, то оно (предложение. — **Ф. Н.**) будет

---

[1] Deutsche Dokumente, II, № 342. Международные отношения в эпоху империализма, серия 3, т. V, № 224, стр. 213.

[2] Международные отношения в эпоху империализма. Серия 3, т. V, стр. 234. Documents diplomatiques français, 3-e série, tome XI, № 258.

[3] Международные отношения в эпоху империализма. Серия 3, т. V, стр. 214.

[4] Br. Doc., Vol. XI, № 263, 285, 286; Deutsche Dokumente. II, № 363.

[5] Deutsche Dokumente, II, № 395.

передано по телеграфу царю в обход Сазонова и одновременно будет предъявлен ультиматум о приостановлении вооружений... Генеральный штаб настаивает на принятии решения» [1].

Важно отметить, что мысль о предъявлении ультиматума России возникла еще до того, как стало известно об общей мобилизации в России. План Бетмана был зрело обдуман. Если Австрия примет предложение, то, опираясь на это ее «миролюбивое» поведение, Германия предъявит России ультиматум о прекращении вооружения.

Ультиматума Россия не примет. Война станет неизбежной. Этому исходу будет также способствовать намеренное оскорбление Сазонова, путем его обхода при переговорах. Если же Австрия откажется принять предложение, то ультиматум будет послан России без всяких «прикрас». Ведь от нее этого требовали уже 29 июля, но не в ультимативной форме. Вся комедия с «поддержкой» посредничества в Вене была рассчитана лишь на то, чтобы переложить ответственность за войну на Россию. Тот же баварский посланник Лерхенфельд сообщил 30 июля в Мюнхен:

«Он (Бетман.— **Ф. Н.**) настаивал в Вене, что дело идет о том, как бы выставить Россию неправой» [2]. (Er habe in Wien geltend gemacht, dass es darauf ankomme, Russland ins Unrecht zu setzen).

То же самое сказал сам Бетман 30 июля на заседании прусского совета министров, объясняя причины, заставившие германское правительство взять на себя не свойственную ему роль «посредника». Ответ Сербии был удовлетворителен, сказал имперский канцлер, за исключением «ничтожных пунктов». А между тем важно было «выставить Россию виновной стороной и это будет достигнуто таким австро-венгерским заявлением, которое сделает русское утверждение абсурдным» [3]. Это записано в официальном протоколе заседания прусского совета министров.

О том, что в эти дни происходила острая борьба между Бетман-Гольвегом и военными по вопросу об ускорении общего взрыва имеются и другие сведения. Правда, это была борьба не принципиальная. Мольтке считал, что не надо медлить. Бетман же полагал, что необходимо все сделать для того, чтобы переложить ответственность за войну на Россию. Нужно было маневрировать, а для этого необходимо было время. В этом, по сути, и состояли разногласия между правительством и генеральным штабом. Об этом говорят документы и показания участников событий.

Когда Вильгельм 27 июля возвратился в Берлин, он застал борьбу между министерством иностранных дел, канцлером и

[1] Bayerische Dokumente zum Kriegausbruch und zum Versailler Schuldsbruch, № 61, S. 170. Berlin, 1922.

[2] Bayerische Dokumente, № 55, S. 163.

[3] Deutsche Dokumente, II, № 456.

Мольтке в полном разгаре. Мольтке утверждал, что война непременно разразится, первые два утверждали, что до этого не дойдет «если я (Вильгельм II.— **Ф. Н.**) не прикажу мобилизовать»[1].

Уже 28 июля Мольтке, в записке канцлеру о политическом положении, высказался в том смысле, что русская частичная мобилизация, которая еще не начиналась, вызовет всеобщую австрийскую мобилизацию, а последняя — casus foederis — для Германии. Точь в точь, как это было предусмотрено австро-германской военной конвенцией 1909 года.

29 вечером, после того, как стало известно о решении России произвести частичную мобилизацию, Мольтке, по свидетельству военного министра Фалькенгайна, только под давлением канцлера отказался настаивать на объявлении мобилизации в Германии[2].

В связи с этим решением Мольтке вызвал к себе 30 утром прикомандированного к генеральному штабу австрийского капитана Флейшмана, который после беседы с ним сейчас же телеграфировал Конраду ее содержание: «Русская мобилизация еще не является поводом для мобилизации; (он наступит. **Ф. Н.**) лишь при наступлении состояния войны между монархией и Россией. В противоположность уже обычным русским мобилизациям и демобилизациям германская мобилизация безусловно повела бы к войне. Не объявлять России войны, но выжидать ее нападения»[3].

На это Конрад тотчас ответил: «Мы не объявим русским войны и не начнем войны»[4].

Таким образом, 30 утром и правительство и начальник генерального штаба считали нужным выжидать нападения России, чтобы выставить ее в глазах общественного мнения виновной в развязывании войны.

Желая предупредить всякие неожиданности со стороны Австрии, Мольтке напомнил Конраду, что лишь «наступление войны между монархией и Россией» повлечет за собой помощь Германии и велел ему сидеть смирно. Конрад покорился. Однако через несколько часов произошла полная перемена во взглядах Мольтке, как, повидимому, и Бетмана. Что послужило этому причиной, — до сих пор не выяснено. Известно лишь, что в 1 час дня 30 июля состоялось совещание у Бетмана, на котором присутствовали Фалькенгайн, Мольтке и Тирпиц. В 2 часа 30 мин. дня 30 июля Мольтке позвал к себе находившегося в генеральном штабе австрийского военного атташе Бинерта. После беседы,

[1] Wilhelm II. Ereignisse und Gestalten aus den Jahren 1878—1918. S. 210, Leipzig, 1922.

[2] H. Zwehl. Erich von Falkenhayn, General der Infanterie, S. 57, Berlin, 1926. (Ниже — A. von Zwehl).

[3] Konrad. Bd. IV, S. 152.

[4] Ibidem, S. 152.

в 5 ч. 30 мин. 30 июля, Бинерт телеграфировал Конраду: «Только что имел важную беседу с начальником генерального штаба Мольтке. Тот сказал, что он считает положение критическим, если австро-венгерская монархия не объявит немедленно же мобилизации против России. Сделанное Россией заявление о мобилизации (речь шла о частичной мобилизации.— **Ф. Н.**) создает необходимость в контрмерах со стороны Австро-Венгрии. Это также должно быть указано в публичном обосновании (причины мобилизации). Этим будет создано для Германии союзное обязательство. Каждый час задержки ухудшает положение, так как Россия выигрывает время. Добиться честного соглашения (компромисса) с Италией обеспечением ей компенсации, с тем, чтобы Италия оставалась активной в Тройственном союзе и не оставила ни одного человека на итальянской границе. Отклонить вновь предпринятые Англией шаги, направленные к сохранению мира.

Стойко держаться в европейской войне — последнее средство для сохранения Австро-Венгрии. Германия безусловно будет вместе с ней» [1].

После беседы с Бинертом Мольтке сейчас же отправил телеграмму непосредственно Конраду: «Немедленно мобилизовать против России. Германия объявит мобилизацию. Принудить Италию к верности союзным обязательствам посредством компенсации» [2].

С этой телеграммой Конрад направился к военному министру Кробатину, а затем вместе с ним к графу Берхтольду, где находились граф Тисса, граф Штюргк, барон Буриан. Конрад прочел телеграмму вслух. Берхтольд воскликнул: «Это удалось! Кто управляет: Мольтке или Бетман?»

По поводу этих двух противоречивых телеграмм, полученных в течение одного дня (30 июля): одну до совещания у Бетмана, удерживавшую Австрию от неосторожных и непоправимых шагов и другую после совещания, прямо приказывавшую начинать мобилизацию и обещавшую немедленную германскую помощь, Конрад пишет: «Полученная от Сегени телеграмма в 7 ч. 30 м. вечера (30 июля) рассеяла все опасения относительно позиции германского правительства. Германия уже в воскресенье заявила в Петербурге, что русская мобилизация повлечет за собой германскую мобилизацию» [3].

Берхтольд зачитал телеграмму Вильгельма Францу-Иосифу от 30 июля и сказал, обращаясь к Конраду: «Я пригласил вас сюда,

---

[1] Цитировано по Hermann L u t z. Die europäische Politik in der Julikrise 1914, S. 228. Berlin (У Конрада: т. IV, стр. 152 текст неточен и неполон. Неверно указано также время отправления телеграммы).

[2] K o n r a d, Bd. IV, S. 152.

[3] Речь идет, повидимому, о телеграмме № 10033 или № 11126. O. U. A. VIII.

так как у меня создалось впечатление, что Германия отступает; однако, я теперь получил с авторитетнейшей военной стороны самые успокоительные заявления».

После этого было решено испросить разрешение у императора на всеобщую мобилизацию, которая была обоснована как мероприятие против русской мобилизации [1].

Так обстояло дело с мобилизацией. Уже 30 июля, в тот самый день, когда царь подписал указ о всеобщей мобилизации, в Берлине был решен вопрос о войне, хотя о принятом в Петербурге решении стало известно лишь на второй день. Что оно не находилось ни в какой связи с русской всеобщей мобилизацией, доказано бесспорными документами.

Пангерманская и фашистская историография утверждает, что германский ультиматум России был ответом на русскую всеобщую мобилизацию. Это противоречит историческим фактам. В этом утверждении правда лишь то, что о русской всеобщей мобилизации узнали раньше, чем был послан германский ультиматум России. Однако решение о предъявлении ультиматума было принято — как будет показано ниже — раньше, чем в Берлине стало известно о всеобщей мобилизации в России. Как известно, 30 июля около 15 часов было решено произвести всеобщую мобилизацию в России. Телеграммы начальникам округов были посланы в 18 часов. Германское правительство узнало об этом лишь 31 июля, около полудня, от Пурталеса, который послал в 10 часов 20 минут следующую телеграмму Бетману: «Всеобщая мобилизация армии и флота объявлена. Первый день мобилизации 31 июля» [2]. Эта телеграмма прибыла в Берлин в 11 часов 40 минут. Пока ее доставили в министерство и расшифровали, прошло, вероятно, еще около часа. Известно, например, что 31 июля, в 13 часов германское правительство уже объявило в стране состояние угрожающей военной опасности [3] и потребовало от австро-венгерского правительства, чтобы оно не ослабляло операций против Сербии и «немедленно приняло действенное участие в войне против России» [4]. После этого в тот же день, в 15 часов 30 минут, германское правительство послало России ультиматум с требованием отменить мобилизацию против Германии и Австро-Венгрии в течение 12 часов. В случае отказа выполнить ультиматум, Германия грозила объявить мобилизацию [5]. Одновременно, т. е. 31 июля в 15 часов 30 минут, германское правительство поручило послу в Париже потребовать у французского правительства в 18-часовой срок дать обяза-

---

[1] Konrad, Bd. IV, S. 153.

[2] Deutsche Dokumente, III, № 473.

[3] Ibidem, № 479.

[4] O. U. A. VIII, № 11132.

[5] Deutsche Dokumente, III, № 490. См. также Международные отношения в эпоху империализма, с. 3, т. V, № 385.

тельство о сохранении нейтралитета на все время войны с Россией и немедленно передать Германии в качестве гарантии нейтралитета французские крепости Туль и Верден [1].

Вечером 1 августа Германия объявила России войну. Таков был ход событий. Отсюда делаются выводы: 1) Россия объявила всеобщую мобилизацию; 2) Германия требовала демобилизации, но получила отказ и «вынуждена» была объявить войну России. Тем самым была уничтожена, якобы по вине России, возможность уладить конфликт мирным путем. Так гласит созданная легенда. Об ультиматуме стараются не упоминать и забыть о нем. Посмотрим, однако, что происходило в действительности.

После передачи в Вену предложения о посредничестве, как мы уже знаем, не с целью покончить конфликт мирным путем, а исключительно для того, чтобы взвалить вину на Россию (Russland ins Unrecht zu setzen), Бетман 29 июля сделал английскому послу в Берлине Гошену сногсшибательное предложение, которое показало цену «миролюбия» Германии. Он предложил Англии оставаться нейтральной во время войны Германии против Франции и России, а взамен обещал «не стремиться к территориальному обогащению за счет Франции в Европе», уважать нейтралитет и целостность Голландии, пока его будут уважать другие (читай: Англия). Что же касается Бельгии, то таких гарантий Германия дать не может, не зная, к каким действиям ее могут принудить [2]. На это неслыханное по своей наглости предложение Англия сделала гордую позу и ответила, что она нейтралитетом не торгует и предложила вести «совместную борьбу за сохранение мира» [3].

Мы уже знаем, что мысль о предъявлении ультиматума России появилась гораздо раньше, чем в Берлине узнали о всеобщей мобилизации в России. Интересно лишь установить, когда было решено послать этот ультиматум: до того, как узнали о всеобщей мобилизации или после этого, как утверждает германская националистическая и фашистская историография. На этот счет имеются неопровержимые доказательства. Докладывая Францу-Иосифу о текущих событиях дня, Берхтольд писал в докладе императору от 31 июля:

«На основании сообщения по телефону из Берлина, господин фон-Чиршки сообщил также сегодня утром (heute früh), что имперский канцлер намеревается тотчас предъявить ультиматум России о приостановлении мобилизации» [4].

Речь шла о частичной мобилизации. В Берлине еще не знали, что всеобщая мобилизация уже объявлена.

---

[1] Deutsche Dokumente, III, 491.
[2] Deutsche Dokumente, II, № 373, und Br. Documents, vol. XI, № 293.
[3] Deutsche Dokumente, III, № 497, und Br. Doc. XI, № 303.
[4] O. U. A., VIII, № 11201.

В тот же день Конрад записал в своем дневнике:

«Утром (morgens) 31 июля министерство иностранных дел сообщило мне, что Германия поставит России ультиматум по поводу ее вооружения» [1].

Таким образом, «утром» 31 июля, т. е. тогда, когда ни в Берлине, ни в Вене еще не знали о всеобщей мобилизации в России, в Вене было уже известно, что германское правительство намеревается послать России ультиматум. И баварский посланник, сообщая об этом же намерении германского правительства, еще ничего не знал о всеобщей мобилизации в России.

Ни Берхтольд, ни Конрад ничего не говорят о том, когда из Берлина было сообщено о намерении послать ультиматум России. Но оба записали в тот же день, что «утром», т. е. около 9 часов, как принято считать в Вене «утро», это стало известным в австро-венгерском министерстве иностранных дел. Отсюда следует, что решение послать ультиматум России было принято еще до 31 июля.

Зная прекрасно о намерениях германского правительства из повседневной связи с ним и основываясь на переданном утром извещении Чиршки, объединенный австрийский и венгерский совет министров постановил, как докладывал Берхтольд Францу-Иосифу, ответить на английское предложение «в очень любезной форме», в том смысле, что хотя Австро-Венгрия «склонна принять в соображение английское предложение о посредничестве, однако, наши военные действия против Сербии не должны быть из-за этого приостановлены; мы должны поставить условие, чтобы Россия немедленно приостановила все свои мобилизационные мероприятия и распустила своих запасных» [2].

Упомянутое постановление совета министров указывало на то, что ответ Германии на английское предложение о посредничестве должен исходить из следующих основных принципов:

«1. Военные операции против Сербии должны быть продолжены. 2. Мы не можем вести переговоров по поводу английского предложения до тех пор, пока не будет приостановлена русская мобилизация. 3. Наши условия должны быть полностью приняты и мы не можем входить в какие-либо переговоры о них» [3]. Следует подчеркнуть, что все эти пункты, и в особенности третий, были подсказаны Бетманом в его уже выше упоминавшемся поручении Чиршки для передачи Берхтольду. Постановление совета министров практически означало: во-первых: Австро-Венгрия хотела потребовать от Англии, чтобы она взамен за «склонность» принять в соображение английское предложение потребовала от России демобилизации и роспуска запасных; во-вторых: Австро-

[1] Konrad, Bd. IV, S. 155.
[2] O. U. A., VIII, № 11201.
[3] Ibidem, № 11203.

Венгрия отказывалась идти на какие-либо уступки, так как она настаивала на принятии полностью ее прежних условий, не желая даже входить в переговоры об их изменении. Это постановление было выдержано в стиле берлинских рассуждений и было подсказано оттуда.

Ни один человек, который знает, какие существовали взаимоотношения между Берлином и Веной, не поверит, что в Вене посмели бы действовать таким образом, если бы не были уверены в поддержке Германии.

Абсолютной ложью и фальсификацией истории является утверждение, что «русская всеобщая мобилизация неожиданно разорвала все нити». Выше мы доказали, что независимо от русской всеобщей мобилизации и не зная о ней, германское правительство решило уже 30 июля предъявить России ультиматум. Мы далее показали, что еще днем раньше, т. е. 29 июля, оно угрожало России мобилизацией и немедленным нападением на нее. Мы, кроме того, доказали, что вся история с посредничеством и «поддержкой» английского предложения были сплошным лицемерием со стороны Германии. Германское правительство стремилось этим путем создать видимость виновности России и переложить на нее всю ответственность за возникновение войны. Об этом свидетельствует бесподобный «миротворческий» жест Германии: действуя в Вене якобы заодно с Англией «в интересах сохранения мира», Бетман предложил той же Англии сделаться сторонним наблюдателем и соучастником Германии и равнодушно смотреть, как она будет расправляться с Россией и Францией, отбирать у последней все колонии и спокойно ждать, пока Германия не соизволит «скушать» самое Англию. А как мы знаем из признания Густава Штреземана и из требований шести хозяйственных организаций, а также пангерманских объединений и меморандума «профессоров», вопрос шел именно об этом.

О намеренном развязывании войны Германией говорит, наконец, предъявление ею одновременно ультиматума не только России, но и Франции. Если ультиматум России можно было еще «мотивировать»,— конечно, в глазах неосведомленных в дипломатических ходах людей,— тем, что она «первая» объявила всеобщую мобилизацию, то ничем нельзя оправдать ультиматум Франции, которая в то время еще не мобилизовалась. Германское правительство сделало это потому, что решило использовать неподготовленность России и Франции, разбить их одновременно и, став бесспорным хозяином европейского континента и Малой Азии, расправиться затем и с Англией. Этого можно было добиться только победоносной войной, к чему германский империализм сознательно стремился и готовился десятилетиями. Разговоры о мирном разрешении конфликта представляли собой маневр, направленный к «улучшению условий, при которых при-

дется вести войну», как об этом писал сам Бетман 28 ночью в Вену.

Доказывая теперь, что не хладнокровное и преднамеренное решение германского правительства привело в 1914 г. к развязке мировой катастрофы, а что в этом будто бы виновата русская всеобщая мобилизация, германская националистическая и фашистская историография стремится реабилитировать этим те классы, которые несут ответственность за возникновение мировой империалистической войны. В то же время она тем самым подготовляет и оправдывает новую войну.

Так как «обелить» германский империализм обычными средствами не в состоянии даже фашистские «историки», то пришлось прибегнуть к самым бессовестным и низкопробным фальсификациям: 1) козырять теми фактами, которые могут быть истолкованы в пользу Германии и ее союзницы лишь неосведомленными людьми, и 2) замалчивать, скрывать и извращать те бесспорные факты, которые являются обвинительным актом против германского довоенного империализма и его наследника, современного германского фашизма. Наша прямая обязанность — разоблачить всю эту бессовестную фальсификацию фашистской историографии в области истории развязывания империалистической войны.

X

В «тезисе» № 10 граф Монжеля безапелляционно заявляет: «Что эта мобилизация (русская всеобщая.— **Ф. Н.**) должна была безошибочно повлечь за собой войну — это было ясно руководящим деятелям как в Париже и Петербурге, так и в Берлине.

Что агрессором является тот, кто первый приступает к мобилизации, об этом телеграфировал Вивиани еще 1 августа в Лондон. При чем он для очистки совести приписал приоритет мобилизации Германии» [1].

В этом «тезисе», столь нарочито сконструированном борцами за «историческую правдивость», намеренно нагромождена несусветная путаница. Он представляет собой прямое извращение всех фактов и закрепленных в государственных законодательных и международных актах представлений о существе и значении мобилизации.

Интересно и важно подчеркнуть в связи с этим «тезисом», что «догма» — «мобилизация — это война» — была изобретена в Германии лишь во время империалистической войны. До этого и в Германии не считали мобилизацию равносильной войне. Если бы мобилизация означала войну, то никак не понятен следующий факт. По статье 63 конституции Германской империи моби-

[1] Montgelas, Leitfaden, S. 166.

лизацию объявлял император. Однако для объявлении войны необходимо было, согласно 11 статье той же конституции, согласие Союзного совета, который, как известно, состоял из представителей всех союзных государств. Значит, мобилизация и война— не одно и то же, и между той и другой существует утвержденный законом промежуток времени. Можно возразить: большинство Союзного совета составляли представители Пруссии и зависимых от нее немецких государств, а поэтому де предусмотренный промежуток времени практически значения не имел. Если этот аргумент и правилен, то он говорит лишь о том, что практически мобилизация была для Германии равносильна объявлению войны, поскольку ее можно было быстро превратить в войну» [1]. Однако разделение прав и юридическое разграничение между мобилизацией и объявлением войны было закреплено в германской имперской конституции, и ни юнкерское правительство, ни кайзер, ни генеральный штаб не возражали против такого разграничения компетенции, что юридически ставило знак неравенства между мобилизацией и войной.

И австро-венгерское правительство не считало, что мобилизация равносильна объявлению войны. Оно не считало, что мобилизация возможного противника дает ему право объявить войну, как это сделала Германия. В самом деле, вслед за аннексией Боснии и Герцоговины Сербия объявила мобилизацию, но Австрия войны ей не объявила. 25 июля 1914 г. Сербия издала указ о всеобщей мобилизации, но Австро-Венгрия объявила ей войну лишь 28 июля. Однако в мотивировке объявления войны ни слова не говорится о том, что поводом к войне является сербская мобилизация [2]. Истинная причина поспешного объявления войны Сербии состояла, по заявлению Берхтольда императору Францу-Иосифу, в том, чтобы помешать попыткам стран Антанты «достигнуть урегулирования конфликта мирным путем, если объявление войны не создаст ясного положения» [3]. Наконец, если стать на точку зрения вымышленной германскими националистами и фашистами «догмы», что мобилизация то же самое, что война, то невозможен был бы и вооруженный нейтралитет.

Вооруженный нейтралитет, по международному праву, предназначен для «защиты своего нейтралитета»; он предполагает мобилизацию и концентрацию вооруженных сил, но мобилизованной армии возбраняется лишь действовать наступательно. 1 августа 1914 г. швейцарское правительство объявило «мобилизацию всей армии» и официально заявило: «единственной целью этой меры является обеспечение неприкосновенности

---

[1] Германия объявила мобилизацию 1 августа и одновременно объявила войну России.

[2] O. U. A. VIII, № 10855.

[3] Ibidem, 10854.

и нейтралитета Швейцарии» [1]. Так поступили и Швеция и Дания [2]. Это же сделали и другие страны, не принявшие участия в войне. Принятие германской «догмы» о мобилизации означало бы на практике, что на любую мобилизацию должно отвечать войной. После русско-японской войны царская Россия устраивала частые пробные мобилизации, но ни Германия, ни Австро-Венгрия не считали их для себя угрозой и не делали даже дипломатических представлений по этому поводу.

Если мы обратимся к более отдаленной истории, то и она опровергает эту «догму». В 1850 г. Австро-Венгрия и Пруссия мобилизовали свои войска друг против друга. Война не разразилась, так как обе страны нашли в Ольмюце мирный исход для ликвидации спора. В 1854 г. Австро-Венгрия мобилизовалась против России, с намерением принять активное участие в Крымской войне. Однако она войны не начала. В 1859 г. Пруссия объявила мобилизацию против Франции. Между тем Австро-Венгрия заключила мир с Францией, а Пруссия объявила демобилизацию, не сделав ни одного выстрела.

Болгария, Сербия, Греция и Турция объявили всеобщую мобилизацию 28 сентября 1912 г. и лишь 18 октября была объявлена война Турции. Россия и Австро-Венгрия мобилизовали свои войска друг против друга; они стояли в полной боевой готовности с ноября 1912 по март 1913 г. включительно.

«С ружьем у ноги,—должен признать руководящий журнал по «обелению» Германии, — напряженно смотрели обе империи на Балканы, где от наполовину потухших военных факелов загорались новые пожары, угрожавшие в то время втянуть остальную Европу в огненный круг» [3]. Однако война между Австрией и Россией не вспыхнула. Этот пример показывает с достаточной наглядностью, что мобилизация автоматически не влечет за собой войны.

Новая «догма», пропагандируемая германскими националистами и фашистами, не выдерживает, как мы показали выше, никакой критики ни с точки зрения теории государственного и международного права, ни с точки зрения исторических фактов; она, наконец, не подтверждается и фактами, имевшими место непосредственно перед войной 1914 г. Эта «догма» очень нужна и выгодна националистической и фашистской историографии; она позволяет «обелить» германский империализм, поставить его в положение «вынужденной обороны». Эта «догма» нужна фашистским «теоретикам» и практикам тотальной войны, чтобы заранее создать общепризнанный предлог для немедленного нападения на

[1] Международные отношения в эпоху империализма, серия 3, т. V, № 450.

[2] Там же, № 383, 426, 546.

[3] Berliner Monatshefte. März 1935, S. 189.

избранную жертву. Защитники изобретенной ими лживой «догмы»—«мобилизация—это война»—ссылаются на чисто военные моменты. Германские генералы, превратившиеся в «историков», утверждают и указывают на то, что мобилизация представляет собой целый комплекс продуманных действий: план концентрации, план железнодорожных перевозок, маршевых переходов и т. д. Кто объявляет мобилизацию, тот открывает тем самым свои военные планы. Поэтому после мобилизации нельзя останавливаться на полпути. Это может привести, помимо всего прочего, к полному расстройству всей военной машины, привести к полной катастрофе. Они, далее, утверждают, что если можно «остановить», «отменить» частичную мобилизацию, то этого нельзя сделать по отношению ко всеобщей мобилизации и т. д.

Начнем с последнего аргумента. Между частичной и всеобщей мобилизацией нет принципиальной, а есть лишь количественная разница. Частичная мобилизация в таких странах, как бывшая царская Россия, Австро-Венгрия и Германия, количественно превышала всеобщую мобилизацию в средних и мелких странах. Известно, что в 1909 г. Австро-Венгрия решила произвести «частичную» мобилизацию против Сербии и поставить под ружье свыше миллиона человек[1], т. е. количество, равное половине всего населения Сербии. Русские довоенные частичные учебные мобилизации также равнялись многим сотням тысяч человек. Мобилизацию Австрии против Сербии, и полную мобилизацию последней ни Австро-Венгрия, ни Германия не считали препятствием для переговоров о мирной ликвидации конфликта. Они отказывались от англо-франко-итальянского посредничества не из-за мобилизаций, а потому, что хотели разгрома, аннексии, «уменьшения» Сербии, как предварительной материальной и политической основы для преобразования юго-восточной Европы в политически выгодном для центральных держав направлении. Когда Германия, желая в глазах Лондона взвалить на Россию вину в неуступчивости, сочла необходимым подать Вене совет умеренности, а Сербия попросила итальянское правительство выступить в Вене посредником, то Берхтольд, вынужденный против своей воли притворяться, будто ведет переговоры, не ссылался на мобилизацию как на препятствие к переговорам. Он заговорил о возмещении Сербией убытков по мобилизации, о возложении на нее других денежных тягот и считал возможным ликвидировать конфликт на этих условиях мирным путем[2]. И Конрад считал, что несмотря на мобилизацию, можно покончить дело миром. Надо лишь, чтобы Сербия возместила расходы, произведенные Австрией на мобилизацию[3].

[1] Konrad, Bd. I, S. 160.
[2] Deutsche Dokumente, II, № 357, 384, 433.
[3] Konrad, Bd. IV, S. 108.

Являясь действием, бесспорно осложняющим политическую обстановку, мобилизация, однако, ведет к войне лишь в том случае, если государство, ее производящее, намеренно стремится к развязыванию войны. С другой стороны, она неизбежно ведет к войне, если мобилизация является для противной стороны желанным поводом для прекращения всяких переговоров и для непосредственного нападения. Приведенные выше исторические примеры показывают, что мобилизации не всегда переходили в войны, часто подталкивали к достижению компромиссов без непременного объявления войны.

В предыдущей главе мы с достаточной ясностью показали, что мобилизация в Германии не была вызвана всеобщей мобилизацией в России, что она была решена независимо от нее, одновременно с подписанием царем 30 июля после полудня указа о всеобщей мобилизации, в то время как в Берлине узнали об этом лишь 31 июля около полудня. Нам, поэтому, важно выяснить, что понимало царское правительство, царские генералы, сам царь под мобилизацией в 1914 г., что они связывали с ней, считали ли они, так же как современная германская националистическая и фашистская историография, что мобилизация равносильна объявлению войны.

Анализ всех известных нам документов и показаний официальных лиц дает отрицательный ответ на поставленный выше вопрос.

Вслед за получением известия 24 июля о предъявлении Австрией вызывающего ультиматума Сербии, царский совет министров принял принципиальное решение о мобилизации (частичной) четырех военных округов против Австро-Венгрии, с оговоркой: произвести ее «в зависимости от хода дел»[1]. «О вероятности или даже возможности войны не было речи»,— пишет присутствовавший на заседании бывший военный министр В. Н. Сухомлинов. Несмотря на то, что Австрия явно закусила удила, у многих членов заседания была надежда на благополучный исход конфликта»[2]. Если бы,—пишет Сухомлинов,—будучи противником частичной мобилизации, он все же выступал бы против нее, то он только отрицал бы возможность применения вооруженного нейтралитета... «Моим делом было приготовить армии для шахматной игры Сазонова»[3]. Таким образом, произведенная 29 июля, т. е. после объявления войны Сербии Австрией, мобилизация России против Австро-Венгрии имела целью облегчить дипломатии применение мирных средств при помощи армии.

С показанием Сухомлинова сходится и официальное заявление Сазонова от 29 июля австро-венгерскому послу графу Са-

---

[1] Международные отношения в эпоху империализма, серия 3, т. V, № 19.
[2] Воспоминания Сухомлинова, стр. 223. Москва, 1926.
[3] Там же, стр. 224.

пари: «Мобилизацию не следует понимать как намерение русского правительства вести войну; она скорее представляет лишь состояние военного нейтралитета»[1]. Сазонов объяснил Сапари, что предстоящая мобилизация в России вызвана мобилизацией 8 австрийских корпусов, которых для войны против Сербии слишком много. Однако русские войска не нападут на Австро-Венгрию. Они будут стоять с «ружьем у ноги, готовые на тот случай, если русские интересы на Балканах окажутся под угрозой... Дело идет лишь о предохранительном мероприятии», так как Австрия «обладает и без того преимуществом более быстрого проведения мобилизации». Во время беседы с послом Сазонов, получив известие о бомбардировке Белграда, заметил: «Вы хотите посредством переговоров выиграть время, а в это время продвигаетесь вперед и обстреливаете незащищенный город»[2].

Однако в тот же день полетела, как мы уже знаем, угроза с стороны Германии в Петербург мобилизовать и произвести немедленное нападение, если Россия не прекратит своих военных приготовлений. Эта угроза была сделана 29 июля в 3 часа дня. В ответ на эту угрозу царь разрешил Сазонову «безотлагательно переговорить с военным министром и начальником генерального штаба по вопросу о нашей мобилизации»[3]. Таким образом, непосредственным толчком к частичной мобилизации в России явилась угроза Пурталеса. (Всеобщую мобилизацию царь вечером отменил). Помимо угрозы Пурталеса и известия о бомбардировке Белграда, в министерстве была получена телеграмма от посла в Вене об отказе Австрии принять предложение Сазонова о непосредственных австро-русских переговорах в Петербурге по ликвидации конфликта[4]. Тем не менее Сазонов уже после мобилизации принял предложение Пурталеса вести переговоры, если Австрия обещает не нарушать целости Сербии и ее суверенитета. Царь послал телеграмму кайзеру с предложением передать австро-сербский конфликт на рассмотрение Гаагской конференции[5], а Сазонов, в свою очередь, предложил передать это дело на рассмотрение Англии, Франции, Германии и Италии[6]. Зная, однако, отрицательное отношение Германии к Гаагскому трибуналу и к институту арбитража вообще и убедившись из предшествующих переговоров,— между 24—29 июля,— что Германия не одобряет такого способа разрешения конфликта мирным путем, Сазонов в тот же день всецело предоставил «Англии инициативу в тех шагах, которые она признает целесообраз-

[1] Deutsche Dokumente, II, № 378.
[2] O. U. A., VIII, № 11003.
[3] Международные отношения в эпоху империализма, т. V, № 224.
[4] Там же, № 188, 219.
[5] Там же, № 214.
[6] Там же, № 218.

ными»[1]. Если бы мобилизация означала войну, то незачем было итти на новые переговоры и предоставлять Англии столь широкую инициативу в этом деле.

Можно, конечно, возразить, что это была хитрая уловка со стороны Сазонова и царя для усыпления бдительности противников. Это, однако, не так. И немцы в то время считали, что между мобилизацией и русскими мирными предложениями нет никакого противоречия. 29 июля вечером,—записал в своем дневнике Фалькенгайн,—у Бетмана собрались на совещание он, Фалькенгайн, Мольтке и Ягов по вопросу о том, является ли мобилизация Россией Московского, Казанского, Одесского и Киевского военных округов поводом для мобилизации Германии. «На этот вопрос имперский канцлер ответил отрицательно, против очень слабого сопротивления (у Фалькенгайна эти слова два раза подчеркнуты.— **Ф. Н.**) Мольтке, так как он того мнения, что, по сообщению Сазонова Пурталесу (германский посол в Петербурге), мобилизация России еще не означает войны, что союзные обязательства еще не наступают. Но мы должны были ожидать наступления этого случая, так как иначе общественное мнение ни у нас, ни у Англии не будет на нашей стороне. Последнее желательно, так как, по мнению имперского канцлера, Англия не сможет быть на стороне России, если она нападением на Австрию развяжет всеобщую военную фурию и этим возьмет на себя вину за всеобщий Kladderatsch»[2]. В этот же день, т. е. 29 июля, Бетман сообщил послу в Вене Чиршки для передачи Берхтольду известия о мобилизации против Австрии Казанского, Московского, Киевского и Одесского военных округов и в заключение добавил: «Мобилизации в России ни в коем случае не означают войну, как в Западной Европе. Русская армия может долго стоять под ружьем, не переходя границы. Отношения с Веной не прерваны, и Россия хочет, если это возможно, избежать войны»[3]. Если мобилизация против Австрии не повлекла за собой разрыва отношений с нею, если мобилизованные войска, по утверждению Бетмана, которое является в данном случае утверждением германского генерального штаба, могут стоять, не переходя границы, и с русским правительством можно и следует в это время вести переговоры, то почему то же самое не могло случиться и после мобилизации против Германии? Правда, в вышеприведенной телеграмме Бетман сделал такую приписку-инструкцию Вене: сделать, по крайней мере, так, чтобы «выставить Россию неправой». («Russland ins Unrecht zu setzen»). На записке Бетмана от 29 июля о частичной мобилизации в России кайзер написал: «После этого

---

[1] Международные отношения в эпоху империализма, т. V, № 219.

[2] H. von Zwehl, S. 57, Berlin, 1926 und A. von Tirpitz. Deutsche Hochmachtspolitik im Weltkriege. S. 4—5, Berlin, 1926.

[3] Deutsche Dokumente, II, № 385.

я тоже должен мобилизовать»[1]. Частичная мобилизация в России не помешала Бетману продолжать переговоры с Петербургом до того момента, когда в Берлине не было окончательно решено объявить мобилизацию и начать войну. 30 июля в 14 ч. 55 м. Бетман предложил Пурталесу передать Сазонову, что германское правительство продолжит свою посредническую деятельность в Вене, «однако, при условии, что Россия воздержится от каких бы то ни было враждебных действий против Австрии»[2]. Сазонов тут же согласился: если Россия «не будет спровоцирована Австрией»[3], и дал следующую письменную формулу: «Если Австрия, признав, что австро-сербский вопрос приобрел европейский характер, заявит о своей готовности исключить из своего ультиматума пункты, нарушающие суверенные права Сербии, Россия обязуется прекратить свои военные приготовления»[4].

Даже после угрозы Петербургу германское правительство считало объяснения Сазонова заслуживающими внимания. На заседании прусского совета министров 30 июля Бетман заявил: «Хотя мобилизация в России и объявлена, однако, ее мобилизационные мероприятия с западно-европейскими сравнивать не приходится. Русские войска могут находиться в мобилизационном состоянии неделями на месте. Россия не имеет в виду войны, но она вынуждена из-за Австрии прибегнуть к соответствующим мероприятиям»[5]. Присутствовавший на заседании военный министр генерал Фалькенгайн не возражал против такой оценки мобилизации в России. Противопоставляя ее германской, Бетман заявил на совете министров: «Объявление угрожающей военной опасности означает мобилизацию, а это при наших условиях мобилизации на два фронта — войну»[6].

Что мобилизация в России представляет собой принципиально нечто другое, чем мобилизация в Германии — такова была, как мы уже знаем, также и точка зрения Мольтке еще утром 30 июля, до совещания у Бетмана. Тогда он считал, как и все участники совещания у Бетмана 29 июля вечером, что русская мобилизация не является поводом для мобилизации Германии, так как «германская мобилизация безусловно повела бы к войне». И, в полном согласии с записью в дневнике Фалькенгайна, Мольтке предупреждал Конрада, чтобы Австрия не объявляла войны России, но выжидала нападения последней. И Конрад с этим согласился. (См. стр. 352).

Таким образом, 30 июля, в тот самый день, а может быть и в тот же час, когда Бетман, Мольтке и Фалькенгайн приняли ре-

---

[1] Ibidem, № 399.
[2] Ibidem, № 392.
[3] Ibidem, № 449.
[4] Международные отношения в эпоху империализма, №№ 277, 278
[5] Deutsche Dokumente, II, № 456.
[6] Ibidem, II, № 456.

шение произвести мобилизацию в Германии, их мнения сходились на том, что мобилизацию в России не следует сравнивать с германской и что на нее не следует отвечать мобилизацией Германии, которая означает войну. Мольтке пошел даже дальше. Он напомнил об условиях наступления casus foederis по союзному договору 1879 г.: поводом для мобилизации Германии является лишь наступление состояния войны между Австрией и Россией, т. е. после нападения России на монархию.

Что произошло 30 июля в Берлине еще до того как в России была объявлена всеобщая мобилизация? По записи в дневнике Фалькенгайна, в этот день происходили бесконечные совещания. Сведения о мероприятиях России были «очень скудны», и сведения о мероприятиях Австрии «нестерпимы». В этот день Мольтке более решительно высказался за войну, что было отмечено Фалькенгайном. В конце концов Мольтке и Фалькенгайн добились того, «что не позже ближайшего полудня будет вынесено решение объявить состояние «угрожающей военной опасности» [1]. За этим обязательно должна следовать мобилизация. Мобилизация же в Германии влекла за собой, как это все теперь истолковывают и на чем Мольтке настаивал, автоматически объявление войны, или, как образно выразился 29 июля Пурталес перед Сазоновым, «немедленное нападение». Неизбежность войны вытекала, как мы ниже увидим, не из русской всеобщей, а из германской мобилизации. По приведенному нами выше свидетельству самого кайзера Вильгельма, — Бетман и Ягов были убеждены, «что войны можно будет избежать, если только я не объявляю мобилизации».

Из вышеизложенного явствует, что царское правительство не считало частичную мобилизацию равносильной войне. Так же оценивали мобилизацию России Бетман-Гольвег, Фалькенгайн и даже Мольтке еще утром 30 июля, т. е. до принятия решения о мобилизации. Тут можно возразить: до 30 включительно речь шла о частичной мобилизации. Положение изменилось после объявления Россией всеобщей мобилизации. Это обязывает нас рассмотреть вопрос всесторонне.

Какие обязательства имели Россия и Франция по союзному договору и какие обязательства падали на оба правительства в случае необходимости приступить к мобилизации? Согласно русско-французской военной конвенции 1892 г., Россия обязана была напасть на Германию в случае нападения Германии на Францию или же нападения на нее Италии, которой придет на помощь Германия. И наоборот: в случае нападения Германии на Россию или нападения на нее Австрии, которую поддержит Германия, Франция обязана была напасть на Германию. В этом случае о мобилизации вовсе не говорится. Говорится лишь о нападении, о войне. При получении известия о мобилизации всего Тройствен-

[1] H. von Zwehl, S. 57—58.

ного союза или только одной из входящих в него держав, Россия и Франция обязаны были мобилизовать свои армии и быстро направить их к границам. Но в этом случае ничего не говорится о нападении [1]. Эта конвенция действовала и в 1914 г. и она определяла толкование значения понятия «мобилизация», для России и Франции. Как мы только что видели, утром 30 июля германское правительство и германский генеральный штаб были одного и того же мнения, что русская мобилизация не может служить причиной для объявления германской мобилизации. Такой причиной может быть лишь «наступление состояния войны между монархией и Россией». Чтобы Австрия самочинно и провокационно не вызвала такого состояния, Мольтке считал нужным предупредить Конрада, что по понятиям русского правительства и всеобщая мобилизация не означала войны — об этом опять-таки говорят документы.

30 июля, уже после подписания царем указа о всеобщей мобилизации, Хелиус, германский военный представитель при Николае II, имел беседу с высшими офицерами, заявившими ему, что в России между началом мобилизации и началом войны существует еще большой промежуток времени, «который может быть использован для мирного урегулирования вопроса». «У меня такое впечатление, — писал генерал Хелиус, — что здесь объявили мобилизацию без агрессивных намерений, из страха перед грядущими событиями, и теперь испуганы тем, что сделали» [2]. Того же мнения, что и высшие офицеры, был и Сазонов. В беседе с Пурталесом он заявил следующее: «Принятое императорским правительством решение является лишь мерой предосторожности в виду проявленной Берлином и Веной несговорчивости; однако со стороны России не будет сделано ничего непоправимого и, несмотря на мобилизацию, мир может быть сохранен, если Германия согласится, пока еще не поздно, умеряюще воздействовать на свою союзницу» [3]. В тот же день Николай II телеграфировал кайзеру Вильгельму: «Мы далеки от того, чтобы желать войны. Пока будут длиться переговоры с Австрией по сербскому вопросу, мои войска не предпримут никаких вызывающих действий. Я торжественно даю тебе в этом мое слово». В заключение царь писал, что надеется на успех посредничества кайзера в Вене «на пользу наших государств и европейского мира» [4]. В тот же день Сазонов изменил, по предложению Грея, данную им 30 июля Пурталесу формулу для переговоров с Австрией. Новая формула шла навстречу Германии и Австро-Венгрии [5]. Тогда же он принял пред-

[1] Documents diplomatiques, L'Alliance franco-russe, pp. 92, 128—129. Paris, 1918.

[2] Deutsche Dokumente, II, № 445.

[3] Международные отношения в эпоху империализма, т. V, № 349.

[4] Там же, № 338.

[5] Там же, № 342 и 343.

ложение Австрии «вступить в обсуждение по существу предъявленного Сербии ультиматума», выдвинул местом переговоров Лондон и просил английское правительство взять «на себя руководство этими совещаниями, и этим заслужить благодарность всей Европы» [1]. На представленном тексте телеграммы всем русским дипломатическим представителям за границей царь надписал 1 августа: «Одно не мешает другому — продолжайте разговоры с австрийским послом» [2].

По заявлению германской историографии все эти утверждения, что мобилизация не является еще войной, подкрепленные согласием вести переговоры на предмет ликвидации мирным путем конфликта, не заслуживают никакого внимания. Лживые по своей природе русские министры и царь якобы хотели выиграть время и намеренно вводили в заблуждение прямолинейных и искренних германских и австрийских дипломатов и кайзера. Мы не очень высокого мнения насчет «искренности» царских министров и бывшего царя. Однако выдержанную от начала до конца — от 24 июля и вплоть до объявления Германией войны России — линию поведения русской дипломатии одной хитростью и лживостью объяснить нельзя. Так же точно нельзя объяснить одной «прямолинейностью», германской традиционной верностью данному слову и «глупостью» агрессивную политику германской и австрийской дипломатии и военщины после сараевского убийства и до момента, когда они зажгли мировой пожар. У нас есть документ, рассеивающий многие сомнения насчет того, как расценивали русские правительственные круги политическое положение даже после объявления всеобщей мобилизации, и считали ли они еще возможным сохранить мир.

31 июля начальник морского генерального штаба Русин в инструктивном письме командующему морскими силами Балтийского моря Эссену писал, что шансы на мир по сравнению с вчерашним днем повысились, вчера было 5%, сегодня 10%, что, по его мнению, «политическое спокойствие восстановится, хотя, конечно, будут впереди еще крайне острые моменты переговоров. Считал бы возможным ограничиться поставленным уже минным заграждением и больше уже не ставить, а даже пользуясь днями штилей понемногу и осторожно, исподволь, поднимать мины, хотя в отношении мин еще рано об этом говорить» [3]. Этот документ никак нельзя истолковать как «хитрость». Он представляет собой выражение тех настроений, которые существовали в правительственной царской верхушке и после всеобщей мобилизации. Письмо Русина показывает, что русское правительство считало возможным держать мобилизованную армию в определенных местах

[1] Международные отношения в эпоху империализма, т. V, № 348.
[2] Там же, стр 294.
[3] Там же, № 380.

и не разрешать ей действий, способных вызвать войну, и что между заявлениями Сазонова и его действительными намерениями нет противоречий.

Тут важно установить следующее: считало ли само русское правительство в 1914 г. мобилизацию равнозначащей объявлению войны, и какой на этот счет существовал в генеральном штабе порядок? Вот что пишет по этому вопросу ген. Данилов:

«Но мобилизация, даже общая, не есть еще война. Это—мера, диктуемая лишь благоразумною предусмотрительностью, в особенности для той стороны, которая значительно отстает в готовности всей армии и потому рискует безопасностью всей территории. Еще задолго до войны вопрос о порядке открытия военных действий был у нас пересмотрен, и этот акт резко отделен от акта объявления мобилизации. С объявлением мобилизации войска лишь пополнялись до штатов военного времени, перевозились в районы их сосредоточения и принимали меры по прикрытию границы, не переходя, однако, последней впредь до особого распоряжения, связанного с решением об объявлении войны. Кажущаяся простота и выигрыш во времени — два основания, по которым в свое время было принято ранее действовавшее постановление об открытии на западном фронте военных действий, одновременно с объявлением мобилизации,— явно не выдерживали критики при соприкосновении с действительностью; последняя, в деликатный период политических осложнений, требовала наличия возможно гибких и осторожных форм вмешательства в конфликт вооруженной силы государства, дабы преждевременно не подойти к роковой черте, отделяющей мир от войны. Желание не нарушить этот мир до полного исчерпания всех доступных средств и оградить его от всяких случайностей требовало, чтобы переход вооруженными силами пограничной линии и открытие военных действий (кроме, конечно, случаев отражения нападения на собственную территорию) регулировались особым распоряжением центральной власти.

Таким образом мобилизация наших вооруженных сил не закрывала дальнейших переговоров» [1].

Социал-демократический «Vorwärts» писал 1 августа 1914 г.: «Русская мобилизация не может служить причиной для прекращения самых серьезных и самых терпеливых переговоров с точки зрения честной политики мира... У Германии нет оснований нервничать из-за русской мобилизации, так как России вследствие организации ее армии и обширности этой страны, требуется бесконечно больше времени для мобилизации, чем Германии» «Vorwärts» считал, что «мир можно еще сохранить, если удастся сформулировать условия соглашения, которые одобрят Австрия и Россия». Какими должны были быть эти условия?

[1] Ю. Н. Данилов. Россия в мировой войне, стр. 21—22. Берлин, 1924.

Газета отвечала: «Условия должны учитывать данные политические отношения и не оставлять без внимания роль России в политике». Но как раз этого австро-германский блок и не хотел признать. Он не хотел признать роли всей Антанты в политике, так как упорно твердил, что австро-сербский конфликт является частным спором Австро-Венгрии и Сербии и что он больше никого не касается. В этом состояла неразрешимость конфликта мирными средствами.

Мы видели, что царское правительство не прерывало переговоров и после объявления всеобщей мобилизации и считало, что между нею и войной остается еще достаточный промежуток времени для использования в целях мирного разрешения вопроса. Чрезвычайно важно поэтому установить, как германское правительство расценивало в 1914 г. свою собственную мобилизацию? Считало ли оно, что за нею обязательно должно следовать объявление войны, и вызывалось ли это чисто военными соображениями? Отнюдь нет. И Фалькенгайн, и Тирпиц, и, повидимому, даже Мольтке не считали, что военные соображения диктуют необходимость объявления войны России.

Вот что записал 1 августа Фалькенгайн в своем дневнике: «Убеждаю Мольтке пойти со мною к Ягову, чтобы помешать глупейшему преждевременному объявлению войны России. Ответ: «Слишком поздно». Так как от России, несмотря на то, что ультиматум истек в 12 часов, до 4 часов пополудни не получено никакого ответа, то я поехал к имперскому канцлеру, чтобы убедить его пойти со мной к кайзеру и испросить у него указ об объявлении мобилизации»[1].

И фон-Тирпиц записал: «Я узнал 1 августа на заседании Союзного совета, что мы послали вслед за ультиматумом России объявление войны. Я считал это очень неблагоприятным для Германии... Я поэтому спросил канцлера, уходя с заседания, почему должно было совпасть объявление войны с объявлением мобилизации? Канцлер ответил, что это необходимо, так как армия хотела немедленно перебросить через границу войска». Мольтке, однако, отрицал такое намерение генерального штаба. Тирпиц продолжает: «Он мне сказал, что с его точки зрения он не придает никакого значения объявлению войны». Прибыв в императорский дворец уже после подписания указа о мобилизации и узнав, что не получено еще извещения о том, что объявление войны России уже ей передано, Тирпиц сделал, по его словам, «последнюю попытку» использовать время для посылки России «смягчающей депеши». «Загадка, почему мы сначала объявили войну, остается для меня неразрешенной»[2].

Абсолютно никакой роли не играет то обстоятельство, что Фалькенгайн и Тирпиц выступали против «глупейшего преждевре-

[1] H. von Zwehl, S. 58.
[2] A. von Tirpitz, Erinnerungen, S. 240—241. Leipzig, 1919.

менного объявления войны» по мотивам отнюдь не миролюбивым. Они заботились о том, чтобы возложить ответственность за нападение на противную сторону. Важно то, что они считали возможным с военной точки зрения отсрочить объявление войны и после германской мобилизации, и не считали, что оба акта должны совпадать: Австрия объявила войну России 6 августа. Германия Франции 3 августа. Была ли надобность объявлять войну России 1 августа, если бы не было намерения отрезать все пути к отступлению и к компромиссам? Конечно, нет.

Огромные пространства, скудная железнодорожная сеть, отсутствие шоссейных дорог, неналаженность связи у себя дома и полная готовность военной машины у Германии, — как заявил военный министр Фалькенгайн 6 июля кайзеру, что было известно русскому генеральному штабу, — все это не могло не повлиять на настроение правящей верхушки и русской военной клики в смысле форсирования подготовительных мер. Однако надо учесть и то, что русское правительство оказало давление на Сербию и та дала удовлетворительный ответ на ультиматум. Оно предлагало всякие способы урегулирования конфликта, но получало неизменный отказ со стороны Вены и Берлина. Царским дипломатам ясно было, и они не ошиблись, что речь идет об уничтожении Сербии, оттеснении России с Балканского полуострова, о коренном и насильственном изменении положения вещей в юго-восточной Европе. Этого царское правительство и русский империализм допустить не хотели, так как после этого Россия была бы оттеснена в разряд второстепенных держав. Они не хотели допустить повторения 1909 г.

Так же как Россия, расценивала мобилизацию и Франция, у которой были одинаковые с нею обязательства по русско-французской военной конвенции 1892 г. 1 августа, в день объявления мобилизации во Франции, директор политического департамента министерства иностранных дел Маржери заявил австрийскому послу графу Сечени: «Мобилизация Франции является чисто оборонительной... От мобилизации до объявления войны, впрочем, длительный путь, особенно здесь, где необходимо согласие парламента, который до сих пор не созван»[1]. И в манифесте правительства и президента республики к французскому народу, выпущенном 1 августа, говорится: «Мобилизация — не война. Наоборот, при настоящих обстоятельствах, она является наилучшим средством с честью обеспечить мир»[2].

И в телеграмме Камбону, посланной Вивиани 1 августа в 18 ч. 50 м. для передачи английскому правительству, говорится: «Наш декрет о мобилизации является, таким образом, существенной ме-

[1] Diplomatische Aktenstücke zur Vorgeschichte des Krieges 1914, III Teil, № 93, Wien, 1919.

[2] R. Poincaré. L'Union sacrée 1914, V, p. 485. Paris, 1927.

рой предосторожности. Правительство сопроводило его прокламацией, подписанной президентом республики и всеми министрами, в которой оно объясняет, что мобилизация не есть война, что в настоящий момент она является для Франции лучшим средством спасти мир и что правительство республики умножит свои усилия, чтобы довести до конца эти переговоры»[1].

И французское правительство, как видно из предыдущего, не считало, что мобилизация равносильна войне и автоматически порывает все связи и переговоры. Такова была точка зрения большинства правительств в 1914 г. И само германское правительство, как мы показали, не всегда во время июльского кризиса придерживалось последовательно точки зрения: мобилизация — это война. Зачинщиком является не тот, кто объявил первым мобилизацию, а тот, кто не идет на мирное урегулирование конфликта, а затем первым нападает.

Всю абсурдность германской послевоенной «догмы», что мобилизация — это война, а агрессором является не нападающий, а объявивший первым мобилизацию, разоблачил бывший австро-венгерский посланник в Греции Силаши. Его аргументация нам кажется настолько заслуживающей внимания, что мы считаем нужным привести довольно длинную выдержку из его книги:

«Ускорило взрыв германское «положение о состоянии военной опасности», согласно которому, как известно, за мобилизацией должна была безусловно следовать война. Хотя преимущество Германии по отношению к ее противникам состояло скорее в большей мобильности, чем в количестве войск, однако, это еще далеко не служило моральным оправданием теории, которую нельзя было назвать иначе, чем преступной, так как мобилизация может быть также очень полезным, хотя и опасным средством для предотвращения войны. Теория же эта, наоборот, делает войну прямо неизбежной. Это — оправдание перехода границы вынужденной обороны, во всех случаях неосновательно. Это то же, как если бы человек утверждал, что он не может зарядить ружья без того, чтобы не выстрелить. Если идущий мне навстречу человек, который кажется мне подозрительным, вытаскивает из кармана револьвер, то это мне не дает еще права стрелять в него, — даже в том случае, если установлено, что его револьвер обладает некоторыми преимуществами перед моим, и что мой, в свою очередь, обладает главным преимуществом, что он может быть быстрее заряжен. Оспаривать это — означает попросту не только оправдывать превентивную войну, но и разрешать вмешательство в дела соседнего государства, что могло бы дать повод к наихудшим злоупотреблениям, так как «состояние военной опасности», которое всегда очень легко создать, может потом послужить предлогом к любой войне. В результате этой системы у нас тоже

[1] Documents diplomatiques français, 3-me série, t. XI, № 443.

не было иного выбора, кроме войны, — даже и тогда, когда мы в последний момент опять проявили некоторую медлительность (als wir uns im letzten Momente wieder zögernd zeigten).

Военный аргумент, что германская мобилизация могла быть технически на деле проведена только так, еще менее основателен... Во время балканской войны, как мы видели, мобилизованные австро-венгерские и русские войска стояли месяцами друг против друга, а война все же не разразилась.

Никогда другая сторона не выставляла такого тезиса, и тем более не проводила его. Если этот тезис вообще правилен, то он в высшей степени антиморален. Если же допустить, что технические приготовления германской мобилизации действительно были таковыми, — в чем я очень сомневаюсь, — что они могли быть проведены лишь в соединении с нападением на соседние государства, то прямым преступлением перед человечеством было то, что такое чудовище существовало, и давно настала пора устранить это чудовище»[1].

Наиболее существенным во всем этом споре является, на наш взгляд, следующее. Защищая свой форпост на Балканах, Сербию, как Германия Австро-Венгрию, Россия давала Сербии советы умеренности, не предлагала ей своей безусловной поддержки, как это сделала Германия в отношении Австро-Венгрии. Россия была готова на широкое удовлетворение требований Австро-Венгрии, была готова идти на всякие компромиссы при одном условии: сохранения целостности и независимости Сербии. Германия, наоборот, требовала от Австро-Венгрии быстрого нападения на Сербию, отклоняла всякие предложения о посредничестве и прилагала все усилия к тому, чтобы переложить ответственность на своих противников. Наступательной, агрессивной стороной, агрессором были Германия и Австро-Венгрия; они не соглашались ни на какие уступки, чем и сделали мировую войну неотвратимой в выгодный для них момент.

В этом сходятся все беспристрастные и объективные исследователи. В результате тщательного изучения вопроса американский историк Девис писал в 1926 г.: «Насколько можно судить по имеющимся в настоящее время материалам, точка зрения американских ученых-историков в вопросе об ответственности за войну будет приблизительно следующей:

1. В 1914 г. Европа была переполнена дипломатическим горючим материалом, который должен был вызвать пожар. Из этого горючего материала Германия доставила наибольшую часть, если не весь материал.

2. Спичку около этой массы сухого дерева держала Австрия, с полного согласия ее союзника — Германии при обстоятельствах,

[1] Baron von S z i l a s s y. Der Niedergang der Donaumonarchie. Diplomatische Erinnerungen, S. 269—271, Berlin, 1921.

в которых Австрия без обещания поддержки со стороны Германии была бессильна что-либо сделать...

Что касается мнимой вины врагов Германии, то кстати будет припомнить некоторые старые факты: «Россия не посылала пресловутую «сербскую ноту» в Белград. Франция не требовала передачи крепостей в качестве залога нейтралитета, в то время как Германия была совершенно готова потребовать от Франции Верден и Туль. Англия не нарушила торжественного договора относительно Бельгии» [1].

По мере опубликования новых документов, мнение, выраженное Девисом, еще более укрепилось в среде объективных историков. В результате тщательного изучения первых пяти томов советского издания «Международные отношения в эпоху империализма» Бернадотт Шмитт, в своей специальной работе «Russia and the War» [2], пришел к следующему выводу относительно русской и германской политики в 1914 г.:

«Однако по тщательном исследовании этих документов создается впечатление, что русская политика на Ближнем Востоке носила миролюбивый характер,— во всяком случае после неудачной попытки свести на-нет миссию Лимана фон-Сандерса. Не видно также и того, чтобы Россия подстрекала Сербию или лелеяла мысль о войне против Австрии и Германии. Тем не менее, российское правительство было прекрасно осведомлено о неустойчивости положения, создавшегося на путях от Вены к Белграду, и лихорадочно проводило свою военную и морскую подготовку, чтобы быть готовым, когда наступит «день»; его позиция в данном смысле была тождественна позиции другой великой европейской державы. Насколько можно судить, «день» Сараева наступил неожиданно, когда Россия была еще не вполне готова. Однако Россия понимала, что австро-германская программа действий, направленная против Сербии, при ее удачном выполнении разрушила бы положение, столь тщательно подготовлявшееся русским оружием и русской дипломатией в течение ряда десятилетий; следовательно, готовая к войне или нет, Россия должна была воевать. Она реагировала на события непосредственно, инстинктивно и неотвратимо. Однако, по мнению исследователя этих документов, они не доказывают, что российское правительство стремилось к войне или подготовляло ее в июле 1914 г. Оно поставило свое условие для сохранения мира — уважение неприкосновенности и независимости Сербии — и повторно декларировало свою готовность к переговорам. Однако оно допускало — и в правильности этого ему пришлось убедиться после ультиматума, — что эти условия не будут приняты Австрией, и

[1] «The springfield Weekly Republican», 5 February 1926.

[2] Forreign Affairs and American Quarterly Review, October 1934. См. также «Историк-марксист», № 2—3, 1935.

поэтому оно начало военные приготовления, чтобы быть в состоянии оказать действительную помощь Сербии. Если учесть основные пути международной политики, пользовавшиеся в 1914 г. всеобщим признанием, то нельзя было ожидать от России иной линии поведения; в связи с этим до настоящего времени представляется затруднительным, чтобы не сказать невозможным, понять, почему Германия ожидала, что Россия поступит иначе. Все же Россия не объявила мобилизации до тех пор, пока Австрия не объявила войны Сербии и пока австрийские орудия не обстреляли Белград. Если бы не это преждевременное выступление (мобилизация Австрии не закончилась бы ранее двух недель), дипломатия могла бы оказаться в состоянии выработать компромисс, который предотвратил бы войну в июле 1914 г.».

XI

Фашистская «историография» о «виновниках» войны уходит многими своими корнями в пангерманскую историографию. Состязаясь с пангерманскими «историками» в измышлениях, во лжи, в фальсификации, фашистские лжеисторики сами создали мало оригинального в этой области. Наглую ложь о полной «невиновности» германского империализма в первой мировой войне и ее развязывании фашисты популяризуют во всю и сейчас, одурачивая этой ложью массы, используя ее для возбуждения звериного шовинизма и низменных инстинктов в отсталых слоях народа с целью натравливания их на другие народы, которые якобы повинны «в причиненных Германии оскорблениях и несправедливостях».

Было бы, однако, совершенно ошибочно и политически неверно делать из только что сказанного вывод, что фашизм является лишь «популяризатором» пангерманских «теорий» и «догм» о «виновниках» войны и ничем новым, своим, не пополняет пангерманского «творчества». Признав и усвоив пангерманские «догмы», германский фашизм делает из них политические выводы более прямолинейные и агрессивные чем те, которые делались пангерманцами. И те и другие ставили себе и ставят сейчас одну и ту же цель: насильственную отмену Версальского договора, как вспомогательное средство для собственной агрессии, развязывание новой мировой войны за передел мира, нападение на СССР. И для тех и для других — историческая ложь о «виновниках» служила и служит лишь средством достижения цели. Однако это средство используется германским фашизмом по иному. В отличие от пангерманцев и прежних «демократических» правительств, германский фашизм использует историческую ложь о «невиновности» Германии для того, чтобы доказать массам, что «миролюбие» старой Герма-

нии было роковой ошибкой, что оно — это несуществовавшее миролюбие—явилось причиной ее разгрома и народных бедствий. Он использует «научные» результаты пангерманской историографии для того, чтобы убедить массы в том, что эта «ошибка» не должна больше повторяться, и что фашизм призван ее исправить и спасти германский народ от якобы грозящих ему новых бедствий извне. Всю энергию военной и государственной машины германский фашизм направляет на исправление этой «ошибки», а все гуманитарные науки, и в первую очередь историографию, на оправдание своей агрессивной политики. В этом и состоит то новое, что германский фашизм прибавил к лженаучным выводам пангерманской историографии о «виновниках». Он сделал из них действенное орудие своих завоевательных планов, моральное средство для оправдания всех нынешних и будущих агрессий против соседей.

«Германские фашисты», — говорится в резолюции VII Всемирного конгресса коммунистического интернационала,— являющиеся главными поджигателями войны, стремящиеся к гегемонии германского империализма в Европе, ставят вопрос об изменении европейских границ посредством войны за счет своих соседей. Авантюристические планы германских фашистов простираются весьма далеко и рассчитаны на военный реванш против Франции, на раздел Чехословакии, на аннексию Австрии, на уничтожение самостоятельности прибалтийских стран, которые они стремятся превратить в плацдарм для нападения на Советский Союз, на отторжение от СССР Советской Украины. Они требуют для себя колоний, стремясь разжечь настроения в пользу всемирной войны за новый передел мира» [1].

Агрессивные действия германскими фашистами начаты. От Версальского договора осталась еще лишь мандатная система распределения колоний. «До тех пор, пока Германия не получит колоний,— заявил Гитлер 20 февраля 1938 г. в рейхстаге,— германский фашизм не даст покоя Европе и всему миру». Разбойничий политический план, развернутый Гитлером в той же речи, включал аннексию Австрии, раздел или полное поглошение Чехословакии и других мелких соседних народов, война против СССР и Франции, связанных пактами взаимной помощи против агрессора. Такова очередная, но не единственная задача, которую ставит себе германский фашизм. Полная политическая программа германского фашизма, стоящего во главе организованного им в ноябре 1936 г. «священного союза» для завоевания и раздела мира между тремя фашистскими государствами, включает: «Крестовый поход» на Москву, захват Азии Японией, диктатуру Гитлера над Европой, свержение всех демократий мира и возврат

[1] Резолюции VII Всемирного Конгресса Коминтерна, стр. 26—27. Партиздат, 1935.

к абсолютизму времен до Великой французской революции»[1]. Эту политическую программу вселенского мракобесия и безудержной фашистской агрессии Гитлер защищал 20 февраля 1938 г. в рейхстаге, нападая на Великую буржуазную французскую революцию, мировую демократию и родину социализма — СССР. Для оправдания и «облагораживания» этих разбойничьих и мракобесных политических планов германский фашизм использует лживые выводы пангерманской и фашистской историографии о «виновниках».

Все пангерманские и фашистские работы по истории международных отношений за 1870—1914 гг. построены на трех незыблемых «китах»-пугалах: французский реваншизм, русский панславизм и английская политика «окружения» Германии. Это они якобы погубили «невинный» германский империализм.

Наиболее кратко сформулировал «теорию» о трех «китах» известный историк Эрих Бранденбург: «Три причины вызвали мировую войну: желание Франции снова завладеть Эльзас-Лотарингией; стремление России к господству над всеми славянами и Балканским полуостровом, наконец, английский страх перед растущей экономической и военной мощью Германии. Руководящие государственные деятели Германии не желали и не хотели войны, в которой они ничего не могли выиграть. «Вина» Германии состоит в том, что она сделалась для других слишком богатой».

Если пангерманцы использовали эту лживую «теорию» для оправдания германского империализма и подчеркивания его «миролюбивых» заслуг, за что они требовали отмены Версальского договора, то фашизм, разорвав насильно этот договор и восприняв эту же «теорию», использует ее для доказательства обратного. Он старается внушить массам, что как раз «излишнее миролюбие» и якобы отсутствие агрессивных целей у довоенного германского империализма были причиной мировой войны. Так, например, изложив довоенную историю международных отношений в духе «трех китов», фашистский официоз делает следующий вывод:

«Не агрессивные намерения и не воинственность, а скорее преувеличенное миролюбие нашего хилого после-бисмарковского руководства привело Германию к самой тяжелой войне последнего времени»[2].

Применяя «теорию» о «трех китах» к современности, фашизм подставляет на место панславизма... большевизм и этим путем получается преемственная историческая «теория», оправдывающая агрессию «Третьей империи» против СССР, Франции и Чехословакии.

---

[1] Эрнст Генри. Гитлер против СССР. 2-е изд., стр. 5, Москва, 1938.
[2] «Völkischer Beobachter», № 206, 25 Juli 1934.

Они же являются исконными врагами «Третьей империи». Эта жульническая теория создана тем же испытанным путем фальсификации, каким пангерманцы создали «теорию» о «трех китах».

Фашистский «историк» Ульман клеветнически утверждает, что советская политика поддержки малых народов и государств является политикой «красного империализма» и... продолжением старой русской панславистской политики, которая сейчас, как и в прошлом, угрожает Германии и всей Европе [1].

Как утверждает фашистский историк Ульман, СССР и Франция «виноваты» в том, что поддерживают национальную независимость западно-славянского демократического государства в центре Европы. Поэтому германский фашизм вправе направлять свою агрессию, конечно, «обороняясь», против всех троих.

На этом, однако, не кончается то «новое», что прибавила фашистская историография к пангерманской фальсификации. Брошенную Ульманом бредовую мысль об «аналогии» между большевизмом и панславизмом продолжили и «углубили» другие. Излагая официозную точку зрения на будущие судьбы центральной Европы, пресловутый Ганс Дрегер писал в официозной статье «Nie wieder Versailles!»: «Ложь об ответственности за войну мертва, но труп ее еще не убран». И в этом, по мнению германского фашизма, состоит главная причина успеха большевизма и величайшая угроза для Европы. В юго-восточной Европе якобы «царствует анархия» потому, что не хотят считаться с господствующим духом стабильности и постоянства в «новой» Германии. Вместо того, чтобы дать «Третьей империи» возможность навести там фашистский «порядок», жаловался Дрегер, отстаивают установленные в Версале, Сен-Жермене и Трианоне порядки, в результате чего «ясное понимание необходимости действенной совместной работы в Дунайском бассейне извращено жупелом присоединения Австрии к империи, которое выставляется в качестве европейской опасности» [2].

Вселенную,—вещал подручный Гитлера,—может спасти лишь «Третья империя». Однако вселенная должна сама себе помочь в этом деле. Ей надо лишь «признать германскую идею». Дрегер пишет: «Если вселенная захочет признать ценность германской идеи, вместо того, чтобы из-за бессмысленного страха перед воображаемой опасностью бросаться в объятия Советскому Союзу и заключать с ним военные союзы, тогда настанет для Европы новое и плодотворное будущее» [3]. Господство над Дунайским бассейном, подчинение германскому империализму всех государств этой обширной и богатой материальными ресурсами и людьми водной артерии Европы, обеспечение ему пути в Малую

[1] Hermann Ullmann. Das neunzehnte Jahrhundert, S. 187. Berlin, 1936.
[2] «Der Weg zur Freiheit», S. 86, Juni—Juli 1936.
[3] Ibidem, S. 87.

Азию — вот та задача, которую себе поставил германский фашизм. Все те силы, которые стояли до недавнего времени и доныне стоят на пути осуществления этой задачи, в борьбе за которую погибла гогенцоллернская Германия, объявляются врагами германского народа и сеятелями анархии.

Насколько опасность была «воображаемой», какую «ценность» представляет собой «германская идея» и какое «плодотворное будущее» ожидает Европу, если она не организует самозащиты против разбойничьего германского фашизма—это показала судьба аннексированной Австрии, растерзанной Чехословакии и тот «мир», который сейчас установлен в центральной Европе.

Руководители «Третьей империи» прекрасно знают, что в Европе имеется одна реальная и непримиримая сила, которая не пойдет ни на какие уступки германскому фашизму и ни на какой сговор с ним за счет интересов других народов. Они знают, что все демократические народы, свободе и национальной независимости которых угрожает германский фашизм, смотрят на Советский Союз как на свою опору, как на организующую и объединяющую силу в борьбе против фашистской агрессии. И поэтому огонь направляется в первую очередь против Советского Союза и соседних демократических государств, которым угрожает фашизм. Дрегер там же писал: «Однако пагубная слепота мешает видеть действительную опасность угрожающего большевизма; вместо понимания этого обращаются к химере — химере о германской опасности. Вместо осознания этого... увеличивают угрожающую Европе опасность заключенными Францией и Чехословакией пактами с Советской Россией».

Так германский фашизм обрабатывал общественное мнение для достижения намеченных им разбойничьих целей в Дунайском бассейне.

Когда Бисмарк сколачивал свою систему союзов для закрепления господства Германии в Европе, он иной раз прикидывался «миротворцем» и ярым защитником системы... коллективной безопасности. Так например, причисляя государства, не подчинявшиеся Берлину, к «нарушителям мира», Бисмарк сказал французскому послу в ноябре 1879 г.: «средством укрощения воинственных держав является реализация соглашения миролюбивых держав» [1]. Советско-французский договор о взаимной помощи является положительным фактором в деле борьбы за мир, поэтому дипломатические маневры германского фашизма преследовали на данном этапе одну основную цель: разрушить этот договор, добиться от Англии, чтобы она его также признала «опасным для мира» и лишила Францию союзной поддержки.

---

[1] Documents diplomatiques français. Série 1, t. 2. № 476, p. 588.

И в этом состоит то «новое» и специфическое, что внес фашизм в пангерманскую историографию и публицистику.

Доказывая «невиновность» Германии в подготовке мировой войны, пангерманские историки подчеркивали ее «миролюбие», выразившееся якобы в том, что она не использовала представлявшихся удобных моментов для превентивной войны против своих потенциальных врагов[1]. Считая этот факт «доказанным» и не подлежащим никакому сомнению, фашизм идет дальше и делает вывод: довоенное политическое руководство совершило преступление перед германским народом, не использовав удобных моментов для сведения счетов с политическими противниками и для приобретения германскому народу земли.

Гитлер прямо заявляет, что если бы старая Германия вела умную политику, то в 1904 г. она взяла бы на себя роль Японии и это имело бы для нее неизмеримо важные последствия. «Дело никогда не дошло бы до «мировой» войны. Кровь в 1904 г. сэкономила бы в десять раз больше пролитой крови в 1914—1918 гг.»[2]. Гитлер считает также ошибкой, что Германия не напала в 1912 г. на своих соседей[3]. По тем же, вероятно, «гуманитарным» соображениям австрийский историк Людвиг Битнер сожалел в 1936 г. о том, что «за отсутствием военных целей превентивная война не была, к несчастью, объявлена центральными державами в 1887 г.»[4].

Пангерманская историография изображала дело так, будто у германского империализма не было никаких территориальных целей, из-за которых ему стоило воевать. И это, по ее мнению, служит доказательством его «миролюбия». Фашизм и с этим соглашается, но делает отсюда свои политические выводы. За это мнимое отсутствие территориальных целей он клеймит старое политическое руководство. Гитлер пишет, что «Германии нужны были территории; она обязана была вести территориальную политику — «eine Bodenpolitik» — и удовлетворить себя». Чтобы было ясно, где находится эта территория, которой должна себя удовлетворить Германия, он поясняет: «Конечно, такая земельная нужда не может сейчас найти удовлетворение где-нибудь в Камеруне, а почти исключительно в Европе»[5].

Гитлер обвиняет дофашистский режим в измене интересам германского народа за существовавший якобы отказ с его стороны «проводить здоровую территориальную политику». «Если хотели,—пишет он,—иметь в Европе землю, то это могло быть в общем и целом достигнуто за счет России. Тогда новая импе-

---

[1] Montgelas. Leitfaden, S. 7.

[2] Adolf Hitler. Mein Kampf, Bd. I, 2 Aufl.. S. 148.

[3] Ibidem, S. 154.

[4] Ludwig Bittner. Die Verantwortlickeit Oesterreich-Ungarns für den Ausbruch des Weltkrieges. S. 187.

[5] Hitler. Mein Kampf, S. 145.

рия должна была опять двинуться по пути прежних рыцарских орденов» [1].

Вся политика германского фашизма направлена теперь к тому, чтобы «добыть немецким мечом землю» и не только в Камеруне, но, в первую очередь, в самой Европе.

Пангерманская историография проявила достаточно изворотливости и лживости для того, чтобы представить всю политику послебисмарковской Германии в тонах сплошного «миролюбия», противопоставляя ее политике сознательной и преднамеренной агрессии стран Антанты. Фашистские «историки» целиком и полностью восприняли эту точку зрения. Однако они делают из этого совершенно иные выводы. В статье «От Бюлова к Гитлеру» некий «историк» Карл Рихард Ганцер обвиняет Бюлова и Бетман-Гольвега в том, что в ответ на вооружение Европы и звон оружия «германское политическое руководство заготовило лишь изящно-цветистые речи» [2].

Пангерманская историография изображала дело так, что довоенная Германия стремилась лишь к расширению сферы экономической деятельности, что воинственные речи кайзера не были правильно поняты, что они были так же «миролюбивы», как и вся политика Германии. Фашистская «историография» и публицистика ставит довоенной Германии в вину как раз эти ее несуществовавшие в действительности качества. «В годы, когда уже всюду чувствовалось приближение мирового пожара,— пишет тот же Ганцер, — Германия была отдана в жертву политике самообмана, самоотверждения, болтливого тщеславия и невообразимой слабости. Без воли к смелым решениям, без импульсов, без политической линии, увлеченные исключительно интересами ложной, более безопасной мировой хозяйственной деятельностью; не понимая того факта, что политика — дело опасное, борьба не на жизнь, а на смерть, постоянное хождение над пропастью... германское государственное руководство плыло по воле волн. Лишь изредка кайзер бряцал саблей и произносил необдуманные речи...» [3].

Утверждая вместе с пангерманскими историками, что довоенная Германия была «миролюбива», фашизм использует это в своих политических целях и обвиняет ее в том, что она не поняла великого «оплодотворяющего» значения войны и якобы стремилась к «вечному миру», который является «противоестественным», ибо «человечество сделалось великим в вечной борьбе и лишь в вечном мире оно идет по пути к гибели» [4].

---

[1] Ibidem, S. 147.

[2] Karl Richard G a n z e r. Von Bülow zu Hitler, S. 135. «Nazional. sozialistische Monatshefte», Heft 71, Februar 1936.

[3] Ibidem, S. 135—136.

[4] H i t l e r, Bd. I, S. 142.

Обоготворяя войну, германский фашизм прославляет первую мировую войну за то, что она была барабанным призывом к разрешению споров силой; за то, что «она осталась одним из изумительнейших событий в истории»; за то, что мировая война «суровыми ударами отделила друг от друга все усталое от энергичного, все трусливое от жаждущего боя, все недовольное от внутренне разложившегося»[1].

Пангерманская историография доказывала, что «стратегическая необходимость заставила» Германию нарушить нейтралитет Бельгии, но она якобы не намеревалась ее аннексировать, о чем 4 августа 1914 г. заявил Бетман-Гольвег в рейхстаге. Это как раз и вызывает особенную ярость фашизма. Он клеймит позором колебавшегося «философа» Бетмана-Гольвега, называя его заявление «болтливой либеральной объективностью»[2].

Пангерманская историография извращала и фальсифицировала исторические факты с целью доказать, что довоенная Германия была хуже вооружена и хуже подготовлена к мировой войне, чем ее противники. Опираясь на эти псевдо-научные выводы, как на нечто объективно правдивое, фашизм использует их по-своему. В программной статье «Военное положение в Германии в начале войны» официоз фашистской партии писал:

«Этому опасному положению ни в коем случае не соответствовали вооружения Германии и Австро-Венгрии в начале войны. Большая часть способных к несению военной службы оставалась необученной. Около пяти миллионов мужчин не получили военного воспитания и не могли принять участия в решающих битвах в сентябре 1914 г. Виновато в этом политическое руководство и рейхстаг, небрежно отнесшиеся к вооружению страны»[3]. Исправляя «ошибку» старого политического руководства, Гитлер превратил всю Германию в сплошной военный лагерь, угрожающий всей демократической Европе.

Под маской борьбы за «историческую правдивость» германский фашизм демагогически использовал ненависть германского народа к победителям и к Версалю для того, чтобы поставить всю Европу перед опасностью новой войны и германского фашистского Версаля.

XII

Едва Гитлер разместился в предоставленном ему Гинденбургом канцлерском дворце, едва Геринг успел поджечь рейхстаг, а штурмовики — замучить в застенках свои первые жертвы и уничтожить на кострах лучшие творения человеческого гения,—

[1] «Nazional-sozialistische Monatshefte», H. 71, S. 139, Ferbuar 1936.
[2] «Nazional-sozialistische Monatshefte» Heft 71, S. 140.
[3] «Völkischer Beobachter» № 210/211, 29/30 Juli 1936.

это называется на языке фашистской демагогии «национал-социалистской революцией»,— как война за передел мира, но в первую очередь против СССР, стала в порядок дня «Третьей империи». Уже летом 1933 г. гитлеровский министр Гугенберг выдвинул на международной конференции по экономическим вопросам в Лондоне наглое требование германского фашизма о предоставлении ему «свободы рук» в СССР. Это вызвало недоумение конференции и естественное возмущение в СССР. Тогда Гитлер поспешил «дезавуировать» Гугенберга и лживо заявил, что тот выражал лишь свое личное мнение. Эта ложь тем легче походила на «правду», что Гугенберг являлся инициатором и соавтором знаменитого меморандума «шести хозяйственных объединений», поданного 20 мая 1915 г. германскому правительству. В этом меморандуме были выражены разбойничьи требования германского финансового капитала и юнкерства, требования захвата и ограбления всего мира. В Лондоне Гугенберг якобы изложил часть «восточного варианта», развитого в названном меморандуме. Но «восточный» и «западный» варианты меморандума «шести хозяйственных объединений» целиком включены в официальную внешнеполитическую программу германского фашизма. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть соответствующие главы книги Гитлера «Mein Kampf»» и ознакомиться с его официальными выступлениями, декларациями и внешней политикой «Третьей империи». Первым этапом в подготовке фашистской Германии к выполнению своей агрессивной внешнеполитической программы явился уход ее из Лиги наций, которая могла в некотором отношении стеснить ее «свободу рук» и задержать темпы вооружения. В марте 1935 г. Гитлер односторонне разорвал Версальский договор и приступил к открытому вооружению фашистской Германии для реваншистской войны. Дальнейшие акты фашистской агрессии как подготовительные мероприятия к большой войне нашли свое внешне-политическое выражение в оккупации в марте 1936 г. демилитаризованной Рейнской области, в систематической подрывной работе в государствах Дунайского бассейна и в Центральной Европе, в требовании возврата колоний, в организации «Священного союза» из фашистских стран для «крестового похода» на Москву, в систематической подрывной работе среди немецких национальных меньшинств на всем земном шаре, в наводнении всех стран шпионами и диверсантами, в организации фашистской пятой колонны в тылу у буржуазно-демократических стран, в поддержке троцкистско-бухаринских контрреволюционных элементов в СССР, в открытой поддержке испанских мятежников и устройстве стратегических баз в Испании и на Средиземном море для будущей войны. Вся эта разнообразная агрессивная и подрывная деятельность германского фашизма представляет собой, однако, лишь сумму подготовительных мероприятий к большой империалистической

войне, является своего рода диверсионной разведкой и прощупыванием боеспособности противника, проводимых по тщательно разработанному политическому плану.

Уже в начале 1936 г. германский фашизм решил, что он может себе многое позволить. Он стал заявлять, что не боится нападения извне, тем более, что никто не собирался нападать на Германию. «Опасная зона, которую новая Германия должна была пройти, преодолена»,—писал в июне 1936 г. пресловутый Ганс Дрегер. «Несомненно имевшаяся возможность, что германской империи, в процессе восстановления ее мощи, может быть уготована судьба Карфагена, не наступила»[1].

Поощренный попустительством Англии и Франции, германский фашизм уже в 1936 г. начал наступательную политику и перешел от слов к делу. Однако он прекрасно учитывает, что война против всех, война за достижение сразу всех поставленных им себе разбойничьих целей, одновременная война на Востоке и на Западе, ему не под силу. Уроки прошлой мировой войны даром не прошли. Растущее во всех странах антифашистское движение, постепенное сплачивание в отдельных странах всех демократических элементов в антифашистский народный фронт, с одной стороны, и сплачивание демократических стран, которым угрожает фашистская агрессия, выразившееся в пактах о взаимной помощи и в отстаивании принципов коллективной безопасности, с другой стороны,— все это вместе взятое побудило руководителей «Третьей империи» изменить свою тактику. С 1936 г. Гитлер начинает усиленно клясться,— конечно, на словах — в «любви» к Франции, которую он третирует в своей книге как «онегрившуюся» страну, населенную народом низшей расы. Центр тяжести фашистской политики он переносит в Среднюю Европу, на политическую изоляцию Советского Союза, на дипломатическую и военную подготовку войны на Востоке. Это диктуется политическим расчетом. Германский фашизм хорошо запомнил завещание генерала фон-Секта: «Только не война на два фронта». Гитлер прекрасно знает, что при новом нападении на Францию и Бельгию, при новой попытке укрепиться на Ламанше немедленно будет воссоздан фронт 1914—1918 гг. А это политически означало бы сплочение целого ряда крупных и средних держав, которым угрожает германский фашизм.

Сплочение ряда держав против агрессии германского фашизма на Западе является вполне реальной возможностью. Современная поощрительная политика британского империализма фашистской агрессии в восточном и юго-восточном направлении нисколько не меняет общего положения. Заявление Болдуина и Идена в 1936 г., что английская оборонная граница начинается на Рейне, официально до сих пор не опровергнуто.

---

[1] «Der Weg zur Freiheit», S. 87. Juni-Juli 1936.

Постоянно борясь против фашистской агрессии и военной провокации, Советский Союз не может не пойти «навстречу тем странам, которые стоят так или иначе за сохранение мира»[1].

И интервенция Гитлера в Испании и подрывная работа германского фашизма во Франции и расчленение Чехословакии преследуют одну цель: укрепиться в Центральной Европе и на Западе и угрозой последнему получить «свободу рук» на Востоке. Добиться как можно скорее реализации этой политико-стратегической задачи особенно важно для германского фашизма в момент, когда правительства Чемберлена и Даладье проводят политику благожелательного нейтралитета к фашистской агрессии в Испании и оказывают Гитлеру прямую помощь в центральной и юго-восточной Европе. Эта трусливая политика Англии Чемберлена и Франции Даладье является прямым поощрением Гитлера к пресловутому «Drang nach Osten». Этим путем они надеются хотя бы временно заставить его отказаться от требования возврата колоний. Чемберлен в Лондоне, Даладье—Боннэ в Париже, а Франко в Мадриде—это известная гарантия для германского фашизма против войны на два фронта. Однако эта гарантия могла бы быть действительной лишь при одном непременном условии: если Гитлер временно откажется от агрессии на Западе и начнет войну на Востоке. На этом построен весь политический расчет германского фашизма. И совершенно прав Эрнст Генри, когда он пишет: «На современной стадии капиталистического развития легче активизировать фашистов во Франции, Чехословакии, Бельгии и даже Англии, чем вести войну против всех этих стран. Эту аксиому Гитлер усвоил твердо. И вот почему он с таким фанатизмом провозглашает европейский «крестовый поход» против «главного врага»[2]. Организации этого «крестового похода» против СССР служит «антикоминтерновский» блок трех фашистских агрессоров. Ему подчинена вся политическая, хозяйственная и военная деятельность германского фашизма.

Гитлер не может раскрыть своих конечных политических целей во всем их масштабе. Он принужден одинаково скрывать свои агрессивные планы как от чужих народов, так и от германского народа, который не хочет войны. В этом коренное отличие друзей и защитников мира от его злейших врагов. «Друзья мира,— сказал Иосиф Виссарионович Сталин в беседе с Говардом,— могут работать открыто, они опираются на мощь общественного мнения, в их распоряжении такие инструменты, как например Лига Наций. В этом плюс для друзей мира. Их сила в том, что их деятельность против войны опирается на волю широких народных масс. Во всем мире нет народа, который хотел бы войны. Что ка-

---

[1] Сталин. Вопросы ленинизма. 10-е изд., стр. 549, М. 1935.
[2] Эрнст Генри. Гитлер против СССР. 2-е изд., стр. 11. М. 1938.

сается врагов мира, то они вынуждены работать тайно. В этом минус врагов мира. Впрочем, не исключено, что именно в силу этого они могут решиться на военную авантюру, как на акт отчаяния» [1].

По этой причине Гитлер прикрывает свои агрессивные планы «идеологической» вуалью. Он не может рассказать тем, которых он хочет завербовать в качестве «союзников», что после одержанной победы на Востоке, он примется за осуществление «западного» варианта агрессии. Наоборот, он должен тщательно скрывать этот план и маскироваться. И поэтому германский фашизм пытается представить дело так, что война против СССР — это война якобы в защиту «западной цивилизации», война против угрожающего всему капиталистическому миру «вселенского большевизма», вести которую выпало на долю германской «северной расы». Он далее пытается доказать, что эту войну «северная раса» должна вести не в интересах фашистской Германии, которой, мол, никакой большевизм больше не угрожает, а в интересах западноевропейских государств, которые еще не выработали «иммунитета» против большевистской бациллы, почему они и не способны бороться против нее. На этом основании руководители «Третьей империи» добиваются получения мандата на организацию «крестового похода» на Москву от имени «западно-европейской цивилизации».

В этой связи перед германским фашизмом встала задача привлечения и использования для организации и подготовки войны против СССР нового пропагандистского материала. Используемый до настоящего времени идейный багаж пангерманской и фашистской историографии о «невиновности» Германии в мировой войне: ее критика Версальского договора, лживое и демагогическое уподобление русского большевизма панславизму, а последовательную советскую политику мира — «красному империализму» — оказались явно недостаточными для развертывания идеологического наступления большого масштаба, которое должно предшествовать вооруженной агрессии и соответствовать размаху поставленной задачи. И по приказу сверху фашистская пропаганда обогатилась с начала 1936 г. новыми дополнительными элементами и новой «аргументацией». Хотя Версальский договор уже разорван в клочки, а Советский Союз не несет за него никакой ответственности, тем не менее подготовка войны против родины социализма ведется под двойным лозунгом: «против мирового большевизма», «против духа Версаля» и против Лиги наций.

Накануне открытия официального дипломатического похода

[1] Беседа тов. Сталина с председателем американского газетного объединения «Скрипс-Говард Ньюспейперс» г-ном Рой Говардом 1 марта 1936 г., стр. 7—8. Партиздат, М. 1936.

против франко-советского пакта о взаимной помощи против агрессора, Гитлер, в интервью с Бертраном де-Жувенелем, заявил, обращаясь к французскому народу:

«Сознаете ли вы во Франции, что делаете? Вы позволяете втянуть себя в дипломатическую игру державе, которая ничего другого не желает, как ввергнуть европейские государства в сумятицу, из которой только эта держава и извлекает выгоду. Нельзя забывать того, что Советская Россия является политической силой, в распоряжении которой находится взрывчатая революционная идея и гигантские вооружения. Как немец, я обязан учесть такого рода политическое положение. У большевиков нет никакой надежды проникнуть к нам, однако, существуют другие великие народы, которые выработали меньший иммунитет, чем мы против большевистской бациллы». Далее Гитлер нагло провозглашает бредовой лозунг повсеместного искоренения большевизма.

Товарищ Сталин со свойственной ему прозорливостью, тогда же, по этому интервью, густо уснащенному «миролюбивыми» заверениями и клятвами в «любви» к Франции, предвидел, что германский фашизм готовится поставить Европу перед новым «совершившимся фактом». В упомянутой выше беседе с Говардом, тов. Сталин заявил: «Имеются по-моему два очага военной опасности. Первый очаг находится на Дальнем Востоке, в зоне Японии... Второй очаг находится в зоне Германии. Трудно сказать, какой очаг является наиболее угрожающим, но оба они существуют и действуют... Пока наибольшую активность проявляет дальневосточный очаг опасности. Возможно, однако, что центр этой опасности переместится в Европу. Об этом говорит хотя бы недавнее интервью г. Гитлера, данное им одной французской газете. В этом интервью Гитлер как будто пытается говорить миролюбивые вещи, но это свое «миролюбие» он так густо пересыпает угрозами по отношению к Франции и Советскому Союзу, что от «миролюбия» ничего не остается. Как видите, даже тогда, когда г. Гитлер хочет говорить о мире, он не может обойтись без угроз. Это симптом» [1].

Этот грозный симптом очень быстро дал себя знать в виде оккупации демилитаризованной Рейнской области. Этот грозный симптом, как и предвидел тов. Сталин, очень быстро дал о себе знать усиленной активизацией в Европе «второго очага военной опасности в зоне Германии», выразившейся в ремилитаризации Рейнской области, отмене Локарнского договора, походе против советско-французского договора о взаимной помощи, в интервенции в Испании, в организации «антикоминтерновского» блока агрессоров, в создании «оси Берлин—Рим—Токио» и т. д.

[1] Беседа тов. Сталина с председателем американского газетного объединения «Скрипс-Говард Ньюспейперс» г-ном Рой Говардом 1 марта 1936 г., стр. 8—9. М., 1936.

Открывая поход против франко-советского пакта, германский фашизм начал организовывать все профашистские элементы во всех странах, пугая их красным призраком коммунизма. 5 марта 1936 г., за два дня до введения германских войск в демилитаризованную Рейнскую область и аннулирования Локарнского договора, фашистский официоз опубликовал длинный список организаций, которые якобы «подчиняются Москве». В этот список попали даже и такие «коммунистические» организации, как Лига рабочего образования, Лига прогресса, Студенческая лига, масонская ложа «Новое международное братство», Лига национальных меньшинств, кооперативный альянс и т. п. Сочинив эту фальшивку, фашистский официоз писал, что указанные «революционные организации хотя и возникают с соответствующими национальными вариациями во всех странах, однако они являются не чем иным, как искусно замаскированными ответвлениями Коминтерна, которые управляются из Москвы»[1].

Под «большевизмом» Гитлер понимает все прогрессивное и демократическое, все то, что может стать на пути мракобесия и агрессии, что добивается расширения народных прав и упрочения прошлых завоеваний у реакции и феодализма. В понятие «большевизм» германский фашизм включает также либерализм, парламентаризм, буржуазную демократию и все то, что родилось и пустило глубокие корни в сознании народных масс после Великой французской буржуазной революции, которую он ненавидит атавистической ненавистью. Все то, что способно сопротивляться и не намерено добровольно сложить оружие перед реакционным, шовинистическим и реваншистским германским фашизмом, т. е. все силы прогресса, Гитлер называет «силами разрушения».

Пути и средства для разрешения «германского вопроса» Гитлер уже давно указал в своей книге «Mein Kampf»,—это война. «Наши предки тоже не получили территорию как дар небес: они вынуждены были завоевать ее, рискуя жизнью. Точно также и нам только сила победоносного меча доставит в будущем землю...[2].

В другом месте он говорит еще более ясно и определенно, где конкретно «сила немецкого меча должна добыть землю», а именно: «Если мы в настоящее время говорим о новой территории в Европе, то мы можем в первую очередь думать только о России и о подвластных ей пограничных государствах»[3]. Под «подвластными пограничными государствами», как всем известно, Гитлер подразумевает советские республики — Украину, Белоруссию и Закавказье, а в самое последнее время аппетиты германского фашизма расширились и обнимают всю европейскую часть Советского Союза вплоть до Урала.

[1] «Völkischer Beobachter», № 65, 5 März 1936, S. 20.

[2] Hitler. Mein Kampf. Zwei Bände in einem Bande. SS. 741—742, 56. Aufl. München, 1933.

[3] Ibidem. S. 7—8.

Такова та внешнеполитическая программа, которую германский фашизм выработал по отношению к СССР еще до прихода к власти. Он начал проводить ее в жизнь с первых дней прихода к власти, о чем свидетельствует заявление Гугенберга в 1933 г. в Лондоне. Тогда Гитлер по тактическим соображениям «отрекся» от Гугенберга. В 1936 г. он счел возможным лично провозгласить «новую» политику «крестового похода» против СССР в качестве официальной внешне-политической программы «Третьей империи». Эту «новую» политику германского фашизма тов. Сталин охарактеризовал еще в январе 1934 г. как «напоминающую в основном политику бывшего германского кайзера, который оккупировал одно время Украину и предпринял поход против Ленинграда, превратив прибалтийские страны в плацдарм для такого похода»[1].

«Германская идея» и «германский вопрос» сводятся, по толкованию Гитлера, к «ограниченному пространству в Европе», которое не может якобы обеспечить германскому народу сытой жизни.

Но всем известно, что причина голода не в этом, а в фашистском режиме, который отнимает у германского народа хлеб для изготовления пушек. Это доказанная вещь. Это подчеркнул посол США во Франции Булит, сказавший 4 сентября 1938 г. по данному вопросу:

«Если страны затрачивают все до последней копейки на производство военного снаряжения, то они не в состоянии поднять уровень жизни населения. Более того, они не в состоянии даже сохранить существующий уровень жизни». Вот где причина тяжелого экономического состояния и голода народных масс. Гитлер же хочет убедить весь мир в том, что не фашистский режим, а независимые от него условия ставят Германию в такое положение, что она должна стремиться к приобретению «восточного пространства». Он далее старается убедить некоторые державы в том, что их прямые интересы требуют того, чтобы они дали «свободу рук» германскому фашизму на Востоке, чем они смогут купить временное спокойствие на Западе. Поэтому Гитлер не скрывает, что «насытиться» германский фашизм может как за счет Запада, так и за счет Востока. Он считает своими смертельными врагами не только социалистический Восток, но и буржуазно-демократический Запад, особенно Францию.

«В конце концов, — пишет Гитлер в своей книге «Mein Kampf» — должно быть абсолютно ясно одно: неумолимым, смертельным врагом, германского народа остается Франция. Совершенно безразлично, кто находится или будет находиться у власти во Франции: Бурбоны, или якобинцы, представители наполеоновской дина-

[1] Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 551. 10-е изд. М., 1935.

стии или буржуазные демократы, клерикальные республиканцы или красные большевики: все равно — конечной целью их внешне-политической деятельности всегда будет попытка овладения границей на Рейне и обеспечение французского господства над этой рекой путем расчленения и разгрома Германии»[1]. Это остается догматом веры германского фашизма и сейчас. Гитлер оставил без изменения вышеприведенное место и в последних изданиях своей книги.

Верен остался Гитлер и другому «догмату»: в борьбе с ненавистной Францией необходимо использовать англо-французские противоречия. Позицию обеих держав в отношении Германии Гитлер определяет следующим образом: «Англия не желает Германии как мировой державы, Франция же не желает никакой державы, которая называется Германией. Англия не желает Франции, военный кулак которой, не сдерживаемый остальной Европой, в состоянии взять под свою защиту политику, которая так или иначе в один прекрасный день столкнулась бы с английскими интересами»[2].

Позиция Италии в отношении Германии, по Гитлеру, совпадает с позицией Англий. Считая, что интересы Англии и Италии не противоречат наиболее существенным интересам германского империализма и в «определенной мере идентифицируются с ними», Гитлер уже тогда наметил свою тактику и выбрал союзников: Англию и Италию[3]. Правда, с того времени, как намечались основные линии борьбы и союзники, произошли кардинальные изменения. Тогда Германия боролась, по выражению самого Гитлера, «за наиболее существенные жизненные предпосылки» (Existenzvoraussetzungen); сейчас же германский фашизм борется за мировое господство, за передел мира, за утверждение гегемонии германского империализма в Европе. Это задевает интересы английского империализма. Однако Гитлер рассчитывает, с одной стороны, на своих друзей и сторонников в лагере английской буржуазии, напуганных «большевизмом», а с другой стороны — на желание Англии удовлетворить агрессивность германского фашизма и все возрастающие его требования за чужой счет. Все свои самоуправные действия германский фашизм направлял до 1936 г. главным образом против Франции и Англии: введение всеобщей воинской повинности, резкое увеличение военного флота, создание могущественного воздушного флота, ремилитаризация Рейнской области. Гитлер недвусмысленно давал этим понять и почувствовать Англии и Франции, что ему легче, удобнее и без-

---

[1] Hitler. Mein Kampf. Zwei Bände in einem Bande, S. 699, 56. Aufl. München, 1933 (Разрядка Гитлера).

[2] Ibidem, S. 699. (разрядка у Гитлера).

[3] Ibidem, S. 700.

опаснее продолжать уже начатый «Drang nach Westen», в виду того, что советская Красная армия сильнее армий буржуазно-демократического Запада. Однако он согласен начать с «Drang nach Osten» при одном непременном условии: если буржуазный Запад обеспечит германскому фашизму своим доброжелательным отношением захват территорий на Востоке, если он откажется от «политики пактов с Советским Союзом». Этот явный шантаж и вымогательство рассчитаны на политический вкус некоторых потребителей и, как известно, они во многом удались; хотя под угрозой германской фашистской агрессии был восстановлен англо-французский военный союз, но одновременно была увеличена зависимость Франции от Англии и окрепли тенденции английского империализма «откупиться» от Германии, направить ее агрессию в другую сторону. Последние три года целиком и полностью подтвердили оценку политики руководящих кругов английского империализма по отношению к германскому фашизму, данную VII конгрессом Коммунистического Интернационала: «Руководящие круги английской буржуазии поддерживают германские вооружения, чтобы ослабить гегемонию Франции на европейском континенте, повернуть острие германских вооружений с Запада на Восток и направить агрессивность Германии против Советского Союза. Этой политикой Англия стремится создать в мировом масштабе противовес США и одновременно усилить антисоветские тенденции не только Германии, но и Японии и Польши. Эта политика английского империализма является одним из факторов, ускоряющих взрыв мировой империалистической войны»[1]. Германский фашизм сумел использовать господствующий в консервативной Англии страх перед большевизмом и зарекомендовать себя в качестве его укротителя. «Одной из самых сильных карт Гитлера в англо-германской политической игре, — пишет Клод Кокборн, — это распространенное в широких кругах британской консервативной партии мнение о том, что Гитлер является «буфером против большевизма в Европе». Но в Лондоне, как и в Берлине, понятию «буфер против большевизма» все чаще придается то толкование, которое ему дают Гитлер и Геббельс, исходя из интересов германского империализма.

Гитлер изображается как буфер против антифеодального республиканизма испанского правительства (называемого как в лондонском «Observer», так и в «Völkischer Beobachter» «красным»); буфер против «красной опасности, якобы таящейся в силе либерального правительства Чехословакии; буфер против «красной» волны, поднимающейся во Франции под руководством столь сильно замаскированных «крайних левых», как Шотан, Дельбос и

---

[1] Резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического интернационала, стр. 27. Партиздат, 1935.

Леон Блюм; буфер против опасных большевистских тенденций товарищей Рузвельта и Хелла»[1].

Призывая буржуазный Запад к оказанию помощи германскому фашизму против социалистического Востока, Гитлер вовсе не отказывается и от западного варианта агрессии, но он искусно это прикрывает всякими софизмами. Если германский фашизм вооружается против большевистского Востока и организует «крестовый поход» против Москвы, а начинает с агрессии против Запада, то в этом виноват, мол, не кто иной, как сам буржуазно-демократический Запад. Ибо военные мероприятия на Западе,— дает понять Гитлер,—являются лишь «оборонительными» мероприятиями против Востока и «репрессией» за связи Запада с Востоком. Подготовку к нападению на Восток Гитлер начал с ремилитаризации Рейнской области, т. е. с ухудшения стратегического положения Франции и Англии. Агрессия германского фашизма в сторону Запада была, по утверждению Гитлера и фашистской публицистики, использующей «научные» результаты историографии, «вынужденной». Опираясь на такие авторитеты как «историки» Монжеля, Штиве, Дрегер и др., а в последнее время и на авторитет таких «маститых» историков как Онкен, германский фашизм выставляет «Третью империю» в качестве невинной жертвы, которую «мировой большевизм», в лице Советского Союза и Франции народного фронта «зажали» в тиски. Франко-советский пакт о взаимной помощи,—нагло клевещут гитлеровские «историки» и геббельсовские «публицисты»,—якобы восстановил ту же политическую систему, которая существовала до 1914 г.

Извращая политический смысл и значение Тройственного и Двойственного союза и политическую сущность и значение франко-советского пакта, германская историография и публицистика лживо и нагло утверждают: как Тройственному союзу, организованному Бисмарком, пришлось «защищаться» против франко-русского союза, так сейчас гитлеровская Германия вынуждена «защищаться» против франко-советского пакта. Что собой представлял Тройственный союз, основным ядром которого был австро-германский союз, зачем он был организован и какие он преследовал «миролюбивые» цели — это всем известно и разъяснения не требует. Но для большей ясности мы напомним замечательную оценку тов. Сталина, данную им этому «инструменту» мира на XIV съезде Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). В то время, как «фальшивые певцы воспевали мирные намерения Бисмарка, Германия и Австрия заключили соглашение, которое послужило потом одной из основ будущей импе-

---

[1] «Current History», February 1938 (Перевод цитаты взят из журнала «Мировое хозяйство и мировая политика», стр. 85, март 1938.

риалистической войны... Против кого было направлено это соглашение? Против России и Франции... Это соглашение трактовалось «союзом мира», а между тем все историки сходятся на том, что это соглашение послужило прямой подготовкой к империалистической войне 1914 г. Последствием этого соглашения о мире в Европе, а на деле о войне в Европе послужило другое соглашение России — Франции 1891—1893 гг.»[1]. Вот чем был Тройственный союз на деле и как он «оборонялся» против русско-французского союза. Это, однако, не мешает пангерманской и фашистской историографии и публицистике утверждать, что ответственность за мировую войну несут исключительно Россия и Франция, т. е. бывший Двойственный союз[2] и что франко-советский пакт «угрожает» гитлеровской Германии.

Главный редактор «Berliner Börsenzeitung» (12 февраля 1936 г., № 72) нагло писал, что этот пакт является прямым продолжением старого франко-русского союза, что подобно тому, как союзы Делькасе угрожали международному миру, так и «франко-советско-русский пакт и политика, порождением которой он является, представляет собой угрожающий миру инструмент политики силы (Machtpolitik), от которого мы (т. е. германские фашисты.— **Ф. Н.**) должны с возмущением отвернуться». Фашисты, конечно, отворачиваются от этого пакта, который по единодушному признанию всех приверженцев мира является краеугольным камнем европейского мира и в известной мере уздой для фашистских агрессоров. Вот почему воет вся фашистская публицистика и историография: под видом франко-советского пакта восстановлен франко-русский союз. Как тот был направлен против бисмарковской «Второй империи», так этот направлен против гитлеровской «Третьей империи»! Как некогда «Вторая», так теперь «Третья империя» имеет перед собой одних и тех же врагов! Это они «окружили в свое время вильгельмовскую империю; они же теперь будто бы пытаются окружить гитлеровскую тоталитарную империю.

Уяснить эту простую истину,—утверждают германские фашисты,—мешает превратное понятие о том, что такое «право» и «беззаконие», являющееся следствием многовекового пагубного господства института римского права, восторжествовавшего «ко вреду человечества» над германским правом. Поэтому,—пишут растленные перья гитлеровских ученых мракобесов,—кто хочет победить мировой большевизм, тот должен изгнать римское право и заменить его «германским правом», основные принципы которого, по определению министра внутренних дел Фрика на съезде германских юристов в 1933 г., состоят в следующем: «Национал-социалисты говорят, что правом является то, что

---

[1] И. В. Сталин. Политический отчет ЦК ВКП(б) XIV съезду 18—31 декабря 1925 г., стр. 11 и 12. Партиздат. 1933 г.

[2] Hermann O n c k e n. Frankfurter Zeitung, № 509—510; 7 Oktober 1937 г.

служит германскому народу; несправедливостью является то, что ему приносит вред»[1].

«Правом является не то, что приобретено давностью (или предписано законом), но то, что народное мнение признает справедливым... Народное право обусловлено расой». Так уточнил государственный советник Шраут на том же съезде данное Фриком определение «германского права».

Задолго до появления на свет национал-социализма с его каннибальскими и «расовыми» теориями, буржуазные исследователи туземных племен Южной Африки, желая оправдать жестокое истребление белыми колонизаторами бушменов и готтентотов с целью захвата их земель, выдумали так называемую «готтентотскую мораль». Руководствующиеся якобы этой моралью, самые отсталые в умственном отношении первобытные племена — бушмены и готтентоты — считают, что убийство соседа, захват его скота и жены является «благом». Те же действия со стороны соседа являются «злом». Германские фашисты наглядно опровергли возведенную на африканские отсталые племена клевету. В определении Фрика и «ученых» фашистских юристов принципов «германского права» нашли полное выражение и торжество понятия о добре и зле, которые до сих пор неправильно приписывали почти целиком истребленным голландскими, английскими и германскими колонизаторами бушменам и готтентотам. Внедряя «германское право» на место римского, германский фашизм не только насильственно ставит германский народ в условия жизни, где господствует «готтентотская мораль», но всячески навязывает ее и своим соседям. Эти «готтентотские» понятия о «праве» германский фашизм старается перенести и в международное право. Доказывая исконное «право» германского фашизма на завоевание большевистского Востока, «ученые» юристы Гитлера «обогатили» международное право новым открытием. Руководящий «теоретический орган германской фашистской партии провозгласил в апреле 1936 г. «новый принцип» международного права, согласно которому СССР не является государством, а собирательным понятием, противоречащим действующему международному праву. СССР,— пишет «ученый» юрист-мракобес, некий Бокгоф,—не является субъектом международного права. Поэтому на СССР не распространяются обычные гарантии, предусмотренные этим международным институтом. Следовательно, всякая «интервенция» по отношению к Советскому Союзу «дозволена» и является «законной самообороной».

Выставляя последовательно миролюбивую политику Советского Союза пугалом и угрозой всей вселенной, а себя — ее защитником и «спасителем цивилизации от надвигающейся угрозы мирового большевизма», германский фашизм старается этим не-

---

[1] Revue des Deux Mondes, p. 950, 15 Octobre 1937.

хитрым путем отвлечь внимание мирового общественного мнения от действительных очагов военной опасности, один из которых «находится в зоне Германии». Напрасно весь мир — и друзья и даже принципиальные противники социально-политического строя нашей страны, — в один голос признает, что внешняя политика Советского правительства служит укреплению мира во всем мире, что заключенные советским правительством договоры о взаимной помощи являются препятствием для поджигателей войны, что Красная армия никому решительно не угрожает, но в то же время связывает руки агрессорам.

В беседе с г. Говардом товарищ Сталин сказал: «Одним из новейших успехов дела друзей мира является ратификация франко-советского пакта о взаимной помощи французской палатой депутатов. Этот пакт является известной преградой для врагов мира» [1].

Громадное значение франко-советского пакта для укрепления дела мира признано всеми, даже правительством Чемберлена. Именно поэтому он вызывает такое бешенство у Гитлера и единодушное одобрение у друзей мира и демократии. «Поддержка Советским Союзом обороны Франции,— пишет антифашист Эрнст Генри, — не подлежит никакому сомнению... Советский Союз сегодня стал действительным оплотом активной политики мира; он не допустит того, чтобы орды фашистских варваров опустошали Запад» [2]. Эту же самую мысль, но еще более определенно выразил и бывший английский морской министр консерватор Дэфф Куппер. В докладе, прочитанном им 7 дек. 1938 г. в Париже, он заявил: «Советский Союз остается гигантским фактором в деле сохранения безопасности и спокойствия на европейском горизонте. Он всегда будет стоять на защите демократии».

Так как юридически опорочить франко-советский пакт с точки зрения действующего буржуазного международного права невозможно, то германский фашизм прибегает к другому приему. Он поручил своим юристам—по меткому выражению т. Сталина— «закрыть СССР», объявить, что он является «географическим понятием», не является «субъектом международного права» и «не представляет определенного народа». По этой же причине его «юристы», «историки» и публицисты опорачивают франко-советские договоры о ненападении и о взаимной помощи, заключенные для защиты определенных народов, территорий, культурных ценностей и демократических завоеваний от фашистских варваров.

По вполне понятным причинам наибольшую ненависть и бешенство вызывает у германских фашистов Красная армия, ее

[1] Беседа товарища Сталина с представителем американского газетного объединения «Скриппс-Говард Ньюспейперс» г-ном Рой Говардом 1 марта 1936 г., стр. 8. М., 1936.

[2] Генри. Гитлер против СССР, стр. 10, М., 1938.

успехи в боевой подготовке и боевом оснащении. «Наша Армия и Флот, — сказал тов. К. Е. Ворошилов, — существуют не для агрессии. Теперь это известно и малому ребенку. Они не собираются нападать на кого бы то ни было, но зорко следить, пристально наблюдать за происходящими событиями, быть готовыми каждый миг уничтожить врага, не допустив его перейти наши границы—это их прямая и священная обязанность» [1]. Это Красная армия доказала во время событий у озера Хасан. Готовность Красной армии в любой момент отразить врага нарушает расчеты воинственного финансового капитала, чью волю выполняет германский фашизм. Это является одной из основных причин ненависти к Советскому Союзу и страха перед его мощью, одним из поводов к бахвальству и угрозам фашизма по его адресу.

В той же речи тов. Ворошилов сказал: «Под постоянной угрозой нападения находится наша Советская страна. Ее боятся, ее больше всего ненавидят империалисты, она поперек горла встала фашистским вождям и заправилам. Они готовы утопить нас в ложке воды» [2]. Миролюбие Советского Союза, отсутствие у него агрессивных намерений и угрожающая ему опасность со стороны агрессивного фашизма стали уже сейчас общепризнанными фактами, которые признают даже такие люди, как Уинстон Черчилль. Перечисляя страны, которым угрожает «алчный национал-социализм» и которым, по его мнению, необходимо объединиться для отпора агрессорам, Черчилль заявил в произнесенной им 9 мая речи в Манчестере: «Дальше на востоке находится огромная Советская держава, форма правления которой нам не нравится, но которая не стремится к военной агрессии и которой в то же время угрожает фашистский агрессор».

Роль Советского Союза и Красной армии как факторов мира, препятствующих распоясавшимся фашистским агрессорам порабощать целые страны и народы, общепризнана и вызывает признательность всех друзей мира. Тот же Черчилль публично заявил: «В данном случае мы должны оценить ту услугу миру, которую СССР оказывает на Дальнем Востоке. Не произведя ни единого выстрела, Советский Союз сковывает у своих сибирских границ лучшие японские силы, а остальной японской армии не по силам подчинить себе и эксплоатировать 400 млн. китайцев» [3].

Германские фашисты учитывают мощь Советского Союза, за счет которого они хотят поживиться. Поэтому они стараются ввести в заблуждение общественное мнение на счет истинных целей их политики «Drang nach Osten» и всячески прикрывают звериные завоевательные планы на Востоке «вселенской мис-

---

[1] К. Е. Ворошилов, маршал Советского Союза. XX лет Рабоче-крестьянской Красной армии и Военно-морского флота, стр. 17, М. 1938 г.
[2] Там же, стр. 17.
[3] «Известия» от 11 мая 1938 г.

сией», якобы им свыше данной для «спасения цивилизации от мирового большевизма».

Учитывая, с другой стороны, антифашистские настроения во всех странах, внешнеполитические и экономические связи Советского Союза с буржуазно-демократическими странами, германский фашизм хочет еще до того, как он приступит к выполнению своей «вселенской миссии», очистить международное право от его старых либеральных традиций. С этой целью он насаждает в «теории» и на практике новые понятия и принципы международного права, новые понятия об интервенции, агрессии, обороне и т. д. Фашистское «международное право», построенное на «германском праве» и на «расовом принципе», заранее «узаконяет» и признает за фашизмом «право» вести войну против СССР.

И официоз германского министерства иностранных дел, «Deutsche diplomatisch-politische Korrespondenz», тот самый, который так жестоко был высмеян товарищем Сталиным на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде советов, развивал вслед за «Nationalsozialistische Monatshefte» ту же глубокомысленную «теорию», согласно каковой Советский Союз не является государством, а «представляет собой не что иное, как точно определяемое географическое понятие». Горя лютой ненавистью к стране социализма, они хотят, подобно щедринскому самодуру-бюрократу, наложившему резолюцию: «Снова закрыть Америку», «ликвидировать», уничтожить Советский Союз. Они бы это давно сделали, если бы только могли, если бы это от них зависело. Выражая несокрушимую мощь и волю 170 миллионов советского народа, спаянного великой дружбой на основе ленинско-сталинской национальной политики, товарищ Сталин с едким сарказмом сказал о германских фашистах: «закрыть» то или иное государство они, конечно, могут, но, если говорить серьезно, то «сие от них не зависит».

Борясь с большевизмом,— пишет Бокгоф,— фашизм борется с демократией и революцией вообще, так как большевизм, по толкованию фашистов, является конечным развитием либерализма, демократизма, парламентаризма и т. д. Большевизмом якобы проникнуты все учреждения и государственные образования, основанные из либеральной идее.

Постепенно развиваясь,—продолжает Бокгоф,—международный законный принцип скатился «от либерально-демократического к большевистскому международному принципу». Поэтому надо уничтожить либерализм и демократию. Большевизм,—разглагольствует этот цивилизованный фашистский варвар,— является детищем буржуазной революции. Нельзя убить большевизм, если не будет одновременно убит либерализм и демократия вообще. «Не надо забывать, что французская революция 1789 г., эта последняя великая мировая революция, является, собственно,

началом этого процесса большевизации, который отсюда с логической последовательностью развился через либерализм, парламентаризм, конституционную парламентскую монархию к социальной демократии, к социалистическому классовому государству, к последней конечной стадии — ужасному плану бесклассовой интернациональной большевистской мировой республики. Большевистская мировая революция поэтому заканчивает круговорот революций, которые начались в 1789 г. и с тех пор держат Европу и весь мир в напряженном состоянии»[1].

Новоиспеченный «теоретик» фашистского «германского международного права» утверждает, что французская буржуазная революция 1789 г. была «последней... революцией» и ставит знак равенства между буржуазной и Октябрьской революцией. А между тем последняя принципиальным образом отличается от всех предшествовавших ей буржуазных и буржуазно-демократических революций. Она, по определению товарища Сталина, «означает коренной поворот во всемирной истории человечества от старого капиталистического мира к новому социалистическому миру», ибо «она ставит своей целью не замену одной формы эксплоатации другой формой эксплоатации, одной группы эксплоататоров, другой группой, а уничтожение всякой эксплоатации человека человеком, уничтожение всех и всяких эксплоататорских групп, установление диктатуры пролетариата...» Октябрьская революция не «заканчивает» круговорот революций, а «открыла новую эпоху пролетарских революций в странах империализма»[2].

Германский фашизм прекрасно знает, что для того чтобы уничтожить большевизм, надо уничтожить все великое и прогрессивное, что создали лучшие умы человечества на протяжении многих тысячелетий. Большевизм — это мощное интернациональное движение, построенное на самой передовой в мире науке: на марксизме-ленинизме. Большевизм впитал в себя все передовое и прогрессивное. Он использовал и использует все великие научные изобретения и открытия и построил мощное государство, где впервые наука и техника служат на пользу миллионов трудящихся. Большевизм имеет миллионы приверженцев во всем мире. Чтобы убить большевизм, надо уничтожить СССР и опустошить добрую часть земного шара. Но в первую голову — СССР. Германский фашизм берет на себя эту непосильную задачу. Одновременно с большевизмом он хочет уничтожить дух всякой революции, мешающей монополистическому капиталу приостановить гибель капиталистического мира и продлить свое господство. Этим самым он лишний раз доказывает, что фашизм является врагом человечества, врагом прогресса, культуры и цивилизации.

При совершенно иной политической обстановке 20 лет тому назад всякие «спасители» капитализма пытались задушить еще

[1] Nazional-sozialistische Monatshefte. № 73, April 1936. S. 336.
[2] И. Сталин. Вопросы ленинизма. 10-е изд., стр. 203—204.

слабую тогда Советскую республику. Ничего из этого не вышло. Тем более не выйдет теперь. Оценивая перспективы такой войны, затеваемой международной буржуазией против нашей родины, товарищ Сталин сказал на XVII съезде ВКП(б): «Едва ли можно сомневаться, что эта война будет самой опасной для буржуазии войной. Она будет самой опасной не только потому, что народы СССР будут драться на смерть за завоевания революции. Она будет самой опасной для буржуазии еще и потому, что война будет происходить не только на фронтах, но и в тылу у противника» [1].

Речь Гитлера в рейхстаге 20 февраля 1938 г. является наглядным показателем того, как фашистская политика усваивает и по-своему перевоплощает «научные» «теории» гитлеровской историографии и фашистского «международного права», выводя из них «право» для германского фашизма на «интервенцию» против большевизма и революции вообще, а на самом деле — против Советского Союза, богатые природные ресурсы которого ему нужны для проведения в жизнь дальнейшей программы захватов.

Добиваясь «свободы рук на Востоке», якобы для борьбы с большевизмом, Гитлер одновременно подготовляет настойчиво и методически нападение на западных соседей, где у него имеется больше шансов на успех. Под дымовой завесой трескучих фраз о борьбе в Испании с тем же «большевизмом» германский и итальянский фашизм захватили стратегические пути в Средиземное море. Германия захватила рудные богатства в Басконии и Астурии и превращает Бискайский залив и все северное побережье Испании в свой плацдарм против Англии и Франции, а франко-испанскую границу — в форпост для нападения на Францию с тыла. Итало-германская интервенция в Испании является пока лишь разведкой, испытанием пригодности современного вооружения для большой войны, накоплением боевого опыта, изучением моральной устойчивости, бдительности и степени уступчивости и твердости западных соседей. Какое значение для «оси Берлин — Рим» имеет интервенция в Испании — об этом говорит каждый день фашистская публицистика. В 1937 г. появились почти одновременно в Германии две книги, посвященные этому вопросу. Положение авторов этих книг в кругах фашистского государственного руководства является гарантией того, что выраженные ими взгляды отражают официозную точку зрения.

Автор первой книги,—«Что происходит в Средиземном море»,— Маргарита Бовери,— является «специалистом» по истории международных отношений и состоит редактором «Берлинер Тагеблат». Эта фашистская дама пишет о значении захвата «осью Берлин—Рим» Балеарских островов: «Эти острова расположены

[1] Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 547, 10-е изд. М., 1935.

посредине между Тулоном и Бизертой, между Марселем и Алжиром, между Сеттом и Ораном, в 400 км от Сардинии. До тех пор пока эти острова будут находиться в распоряжении державы эвентуально враждебной (имеется в виду враждебной Франции.— **Ф. Н.**), морской путь, ведущий с юга Франции в Северную Африку будет находиться под угрозой»[1]. Балеарские острова в «распоряжении державы враждебной» представляют угрозу для Англии в такой же степени, как и для Франции. Это в Берлине учитывается. «Морские пути в Алжир,—пишет Бовери в другом месте своей объемистой книги,— проходят в непосредственной близости от Балеарских островов. Если бы Балеарские острова захватил противник, это поставило бы эти пути под угрозу. Не одна только Франция может быть поставлена под угрозу со стороны Балеарских островов. Морской путь из Англии в Индию также проходит близ них в направлении к востоку, а между Гибралтаром и Мальтой нет никаких опорных английских пунктов для защиты этого пути»[2].

Автор второй книги—«Средиземноморское пространство. Геополитический очерк о большом морском пространстве», генерал-лейтенант К. Гаусгофер, является «фюрером» новой фашистской «науки» — геополитики[3] — и редактором руководящего геополитического журнала «Zeitschrift für Geopolitik». Вот как оценивает генерал Гаусгофер стратегическое значение захвата Балеарских островов и внедрения «оси Берлин — Рим» в Испании: «Почти посредине морских путей, ведущих из Марселя в Алжир, лежат испанские Балеарские острова. В силу своего географического положения они имеют исключительно важное стратегическое значение... С Балеарских островов можно в любой момент прервать французский транспорт морем. Следовательно, позиция Испании будет иметь решающее значение во всяком средиземноморском конфликте»[4].

Мировая война 1914—1918 гг. показала, какую опасность представляли германские подводные лодки для Франции и Англии в Средиземном и в других морях, когда они не имели даже там постоянных баз. Легко себе представить, как будет выглядеть ближайшая война, если Балеарские и Канарские острова, Сеута и Мелилья и северное побережье Испании будут находиться в распоряжении «оси Берлин — Рим». Это понимают в Париже и Лондоне так же хорошо, как и в Берлине. Орган французского генерального штаба «France Militaire» неоднократно с большой тревогой обращал внимание правительства и обще-

---

[1] Margarethe B o v e r i, Das Geschehen im Mittelmeer. S. 120—121. Berlin, 1937 г.

[2] Ibidem, S. 254.

[3] См. статью в этом сборнике академика Е. В. Т а р л е: «Восточное пространство» и фашистская «геополитика».

[4] K. H a u s h o f e r. Der Mittelmeerraum. Zur Geopolitik eines maritimen Grossraums. S. 74. München 1937.

ственного мнения на ухудшение военно-стратегического положения Франции и на систематическое ее окружение фашистской Германией. 26 октября 1937 г. генерал Куньяк писал во «Франс Милитер»:

«Под предлогом помощи испанским мятежникам и борьбы с большевистской интервенцией итальянцы укрепились на Балеарских островах, немцы внедряются на Канарские острова и на побережье испанского Марокко, в Сеуте и Мелилье... Путь Англии в Индию идет через Гибралтар. Эти морские пути, необходимые Франции и Англии, в результате позиций, занятых год тому назад Германией и Италией, находятся под непосредственной угрозой. Такое затянувшееся переходное состояние становится ненормальным и тревожным. Морскими и воздушными базами на Майорке, в Сеуте и Мелилье на Средиземном море французы в случае войны будут фактически отрезаны от Алжира и Марокко. Базы на Канарских островах лежат близко от пути Франции Казабланка — Бордо и как раз на пути Дакар — Бордо. Это — исключительно серьезный вопрос нашей мобилизации».

Клянясь в любви к Франции и Англии и добиваясь от них «свободы рук на Востоке», германский фашизм уже ведет войну на Западе против тех же Франции и Англии. Война в Испании — это начало европейской войны, которую ведут уже два года Германия и Италия против Запада. Об этом с циничной откровенностью писал еще 3 июня 1937 г. официальный орган германского военного министерства «Die deutsche Wehr»: «Война в Испании в начале последних нескольких месяцев приняла характер европейской войны. Иностранные добровольцы, записанные в армии противников, ведут войну, а их правительства делают вид, что живут в мире с теми и другими».

Потворствуя Германии и Италии и помогая им душить Испанскую демократическую республику, господствующие классы Англии и Франции не хотят видеть в своем классовом ослеплении, что они накликают опасность на собственные страны. Республиканская Испания — лучшая и надежнейшая гарантия французского тыла и безопасности англо-французских стратегических коммуникаций в Средиземном море. Первым актом Испанской республики в 1931 г. было денонсирование договора Примо де Ривера с Муссолини 1926 г. о предоставлении Италии права пользования Балеарскими островами в случае войны с Францией. Это по сути дела явилось причиной того, что Муссолини в марте 1934 г. заключил соглашение с испанскими мятежниками об оказании им помощи против республиканского правительства. Близорукую и реакционную позицию английской буржуазии в испанском вопросе очень правильно характеризовал известный консервативный военный историк Лиддль Гарт:

«В стратегическом отношении опасность проявляется так ярко, что трудно понять горячность, с которой некоторые патриотические круги нашего народа желают победы мятежникам.

Кажется, что классовые интересы и чувство собственности ослепили их в такой мере, что они пренебрегают стратегическими соображениями». Такую же оценку дают сами гитлеровцы положению, создавшемуся благодаря попустительству Англии и Франции. В докладе, прочитанном на собрании руководителей фашистской партии, генерал Рейхенау заявил, что интервенция в Испании имела для фашистской Германии много «положительных сторон». На испанском народе фашистские каннибалы испытывают качества и ценность германского вооружения. В Испании,— говорит ген. Рейхенау,— «мы могли в первую очередь испытать военную ценность нашей авиации. Наши конструкторы хорошо использовали уроки воздушных боев в Испании для введения технических улучшений». Такие же улучшения внесены на основании испанского опыта и в конструкцию танков, противотанковые и зенитные орудия. Два года войны в Испании,— говорится в этом документе,— «были более полезны для развития нашей национальной обороны, которая еще не была на должной высоте, чем десять лет обучения в мирное время... Интервенция в Испании является не только прекрасной школой войны, но и превосходной политикой. Мы укрепились на жизненных стратегических линиях Франции и Англии. В этом и заключается важнейшее значение нашей интервенции в Испании. Англия окончательно потеряла свою гегемонию на Средиземном море. Ее главенствующая роль кончилась». В докладе подчеркивается, что уже сейчас французские «коммуникации с Африкой находятся под угрозой со стороны Сицилии и Балеарских островов», и «что во время войны эти пути будут отрезаны». Рейхенау доказывает, что во время войны ни Франция, ни Англия не смогут получить помощи из своих африканских и иных колоний также и вокруг Африки и Португалии, так как побережье в 1200 км этой страны с помощью Франко будет превращено в базу германских подводных лодок. Близорукая испанская политика Англии и Франции, вызвавшая громадные жертвы у испанского народа помогла фашистским интервентам укрепиться на стратегических и коммуникационных путях этих стран и превратить самое Испанию в военный плацдарм против Франции. «Мы основательно приготовили пиренейскую границу для наступления против Франции. Итало-испано-германская граница готова к бою».

Доклад Рейхенау подчеркивает, имея в виду Австрию и Чехословакию: «Наше участие в испанской войне никоим образом не препятствовало концентрации наших сил для осуществления более важных национальных задач. Напротив, это нас еще более укрепило» [1]. Прокламируя войну на Востоке, германский фашизм захватывает пока все, что он может на Западе и в Центральной Европе. Это неумолимая логика политики поощрения

[1] L'Ordre, 11 Juillet 1938.

фашистских агрессоров: берут там, где легче взять, а легче взять на Западе, чем на Востоке.

Предупреждая о грозящей Франции смертельной опасности, «Франс Милитер» с тревогой писал осенью 1937 г. по этому же вопросу:

«Французское правительство имеет основание беспокоиться, если оно видит, что итальянцы остаются на Майорке, если оно знает, что на Майорке строят укрепления. В то же время Германия усиливает свою пропаганду против Чехословакии».

Французское правительство Даладье—Боннэ хотя и видит грозящую Франции опасность, но с редким спокойствием дает итало-германским фашистским диктаторам укрепиться на своих собственных коммуникационных путях и не помышляет об организации отпора. Оно пожертвовало своей союзницей Чехословакией, чем ослабило оборону Франции на 30 дивизий, или на 1½ млн. прекрасно вооруженных и обученных французскими же офицерами чехословацких солдат. Дать отпор итало-германскому фашизму могут объединенные силы демократии. Но как раз этого больше всего боятся империалистические клики, направляющие политику Англии и Франции. Успешная борьба с зарвавшимися фашистскими разбойниками немыслима без одновременного подавления их сторонников и агентов внутри страны, без обращения к народным массам и объединения всех сил, способных дать сокрушительный удар нарушителям мира. Но как раз этого больше всего боится английская и французская буржуазия. Предвидя выдачу Чехословакии на растерзание Гитлеру, бывший берлинский корреспондент «Таймса», правоверный, но не совсем ослепленный классовыми интересами консерватор Дуглас Рид старался разъяснить английскому общественному мнению, что означает для Англии и Европы расчленение Чехословакии. В выпущенной им книге «Ярмарка безумия» («Insanity Fair», New Iork» 1938) Дуглас Рид предостерегающе писал: «Если Чехословакия погибнет, это значит, что больше людей и больше оружия будет использовано против вас, больше аэропланов появится однажды над юго-востоком Англии. Если Чехословакия погибнет, Венгрия, это королевство без короля, может выжить только при условии полной покорности, полной зависимости от Германии» [1].

На этом агрессия Гитлера, предупреждал Рид, не остановится. Он потребует новых жертв от всех тех же союзников западных «демократий». Кстати и у Румынии и у Югославии имеются немецкие национальные меньшинства. Но предостерегающе взывал Дуглас Рид:

«Румыния, как и Чехословакия, значит в конечном счете — вы» [2].

---

[1] Цитировано по журналу «Большевик» № 21—22 за 1938 г. стр. 140—141.

[2] Там же. стр. 141.

Всем известно, что сила фашистских разбойников в неорганизованности заинтересованных в мире государств. Не менее известно, что эти государства, вместе взятые, гораздо сильнее «оси Берлин—Рим—Токио» и что они могли бы без труда обуздать агрессоров. Их неорганизованность, отсутствие желания и воли к отпору составляет силу фашизма. Советское правительство предложило всем правительствам после аннексии Австрии созвать конференцию для принятия мер против фашистских агрессоров. Это спасло бы демократическую Чехословакию. Англия и Франция не приняли это предложение и начали «спасать», а на самом деле связывать по рукам и ногам Чехословакию. Если бы французское правительство проявило такую же готовность выполнить свои союзные обязательства перед Чехословакией, как и советское правительство, то последняя была бы спасена. Этим была бы на долгое время предотвращена война и внесено успокоение и оздоровление в международную обстановку.

Боязнь народных масс, боязнь подорвать авторитет фашистских разбойников, на которых финансовый капитал Англии и Франции взирает как на «силу мира в Европе», т. е. как на европейских жандармов, продиктовала Чемберлену и Даладье отказ от единственного правильного пути, от мобилизации и усиления системы коллективной безопасности. Вместо возможного без принесения больших жертв обуздания фашистских агрессоров, произошло единственное в своем роде и не имеющее в истории прецедентов предательство, за которое еще придется расплачиваться не одному народу, и, в первую очередь, французскому народу. Политический замысел, подлость и низость фашистских удавов, действовавших в сговоре с «опекунами» жертвы, разоблачил и заклеймил 6 ноября 1938 г. тов. Молотов в следующих словах:

«Первым решающим событием в чехословацком вопросе, надо признать «победу», одержанную совместными усилиями правительств Англии и Германии не над кем-либо, а... над правительством Франции. Два правительства—правительство Англии и правительство Германии — «победили» правительство Франции, добившись отказа Франции от договора о поддержке Чехословакии. Такова была первая «победа» в ходе этих событий.

Это уже предрешало и последний этап в решении вопроса о Чехословакии. Оставалось нетрудное дело, оставалось правительствам 4-х государств — Англии, Германии, Франции и Италии — сговориться и «победить» правительство Чехословакии. 4 наиболее сильных империалистических государства Европы без особого труда действительно «победили маленькую Чехословакию. Сговор фашистских и, так называемых, «демократических» держав Европы в Мюнхене состоялся и «победа» над Чехословакией была одержана полная»[1].

[1] В. М. Молотов. 21-ая годовщина Октябрьской Революции. 1938. стр. 13.

Аппетит приходит во время еды. В благодарность за привезенную Англией и Францией в Мюнхен в связанном виде Чехословакию германские фашисты поторопились опубликовать географическую карту, представляющую собой календарный план захвата Европы.

Подписывая ничего не стоящие декларации с Чемберленом и Боннэ, Гитлер спешит подготовить новые захваты. В названной фашистской карте Европы заранее «расписано», когда и какой стране быть захваченной. И Румыния, и Венгрия, и Польша, и Югославия, и Болгария, и Франция, и Бельгия, и Голландия, и Дания, и Швейцария,—все—бахвалятся гитлеровцы,—должны испытать до весны 1941 г. на себе удары фашистской Германии. Но все это лишь подготовительные мероприятия, накопление сил для главного удара. Осенью 1941 г.,— фанфаронят фашистские вояки,— они ринутся на СССР. Таковы наглые планы. Ринутся, конечно, если не получат до того сокрушительного удара.

Наполеон I раньше чем пойти на Россию действительно завоевал почти все перечисленные выше страны. Фашистская же Германия пока лишь беспримерным шантажем «победила» выданную ей в связанном виде Чехословакию.

Нет никакого сомнения, что при первой попытке расширить поле агрессии фашизм получит отпор.

Мюнхенское «миротворческое» действо Гитлера—Муссолини—Чемберлена—Даладье и особенно послемюнхенское мракобесие и беснование кое-чему научили массы и учат каждый день на сотнях примеров, какое бедствие оно представляет для непосредственных соседей Германии и, в первую очередь, для средних и малых стран. Выражением послемюнхенской растерянности и растущего страха перед грозным завтра является обошедшая в начале декабря 1938 г. мировую печать статья католического писателя, французского академика Франсуа Мориака. Размышляя о судьбах Франции после мюнхенского «миротворческого» акта, Мориак писал:

«Может быть, мы опять спасем мир, выдав еще что-то минотавру. Что теперь мы кинем в его пасть? Что у нас осталось после Австрии и Чехословакии? Чем мы утолим его ненасытный голод? Мы кормили его раньше чужим мясом и чужой кровью. Я вас спрашиваю: что будет, когда не останется ни абиссинцев, ни австрийцев, ни чехов, ни испанцев? Мне скажут: спросите об этом человека, который вечно голоден. Так и будет—в апреле или мае английский премьер или французский премьер отправятся в Берхтесгаден, чтобы расспросить оракула. И мы заранее знаем, что ответит оракул,— коротко и ясно: «Отрежьте, пожалуйста, вашу руку» («Известия», 5 дек. 1938 г.)

События оправдали предвидения Мориака. Партнер Гитлера по «оси» Муссолини нагло потребовал уплаты от Франции закупленную Даладье в Мюнхене «безопасность». Наученные гер-

манскими друзьями и поддержанные Гитлером итальянские фашисты популярно разъяснили Даладье и Боннэ, чего стоит франко-германская декларация о «безопасности». С циничной откровенностью напомнила им «Коррьере делла сера»:

«Франция была уже разбита в Мюнхене. Она потеряла всех своих союзников. Теперь, находясь между линией Зигфрида, Альпами, Пиренеями и двумя морями, Франция превратилась в небольшой остров». В небольшой и лишенный необходимой безопасности, дополнила «Газета дель пополо»:

«Франция теперь знает, что ее «безопасность» не обеспечивается Лондоном и что нужно оплатить эту «безопасность» в Берлине и Риме... Спасение Франции—в полной капитуляции перед Берлином и Римом, и именно на этот путь Францию толкает Лондон» (Цитировано по газете «Правда», 15 дек. 1938 г.).

«Сила». итало-германских фашистских насильников в классовом ослеплении господствующих клик Англии и Франции. В боязни этими кликами народных масс, которые одни могут дать отпор фашистским разбойникам. Их «сила» в неорганизованности, так называемых, «демократических» государств, в большей боязни господствующими кликами победы над фашистскими диктаторами, чем собственного поражения. И в этом главная причина фашистской наглости и агрессии. Используя классовое ослепление господствующих классов, фашистские агрессоры шантажируют и пугают и без того напуганную буржуазию. Не встречая отпора и зная хорошо, как трусливая английская и французская руководящая буржуазия боится собственного народа, Гитлер — шантажирует и вымогает.

Это повторение старой испытанной политики шантажа, которую с большим искусством до поры до времени применяла Германия Вильгельма II. В знаменитом, испортившем столько крови пангерманским историкам, меморандуме от 1 января 1907 г. Айр Кроу спрашивал: до каких пределом может простираться «мировая» политика Германии. По мнению этого крупного английского дипломата, разумный государственный деятель должен уразуметь, что «пангерманизм с его внешними бастионами в Голландии, Скандинавских странах, Швейцарии, немецких областях Австрии и на Адриатическом море может быть построен лишь на фундаменте гибели европейских свобод». Что касается методов «мировой» политики вильгельмовской Германии, то характеристика, данная им Кроу, является и характеристикой методов политики «Третьей империи». Разница лишь в том, что Гитлер более нагл, более напорист и беззастенчив, чем Вильгельм II. Вот что писал Кроу:

«Действия Германии в отношении Англии с 1890 г. с достаточным основанием могут быть приравнены к действиям профессионального шантажиста, занимающегося вымогательством у своей жертвы, угрожая, в случае отказа, некими смутными, но

ужасными последствиями. Уступка этим угрозам обогащает вымогателя. Но давно общим опытом доказано, что хотя это может обеспечить для жертвы временный мир, однако ведет к новым терзаниям и повышенным требованиям после все более сокращающихся периодов дружеских отношений. Обычно шантажист отступает при первом же решительном сопротивлении своим притязаниям, отказывается от них, если видит, что другая сторона готова скорее пойти на риск попасть в неприятное положение чем идти по пути бесконечных уступок. Но без такой решимости отношения между двумя сторонами, вероятнее всего, будут непрерывно ухудшаться»[1].

Учитывая опыт сношений с Германией один на один, Кроу рекомендовал установить более тесную связь с другими странами и давать решительный отпор берлинской дипломатии.

«Тогда,—писал Кроу,—Германии придется дважды подумать, прежде чем создавать новое разногласие, если она встретит со стороны Англии неизменную вежливость и... самую непреклонную решимость отстаивать британские права и интересы в любой части света. Нет более верного и скорого пути завоевать уважение германского правительства и германской нации».

Вильгельмовская Германия была во всех отношениях сильнее фашистской Германии. К чему привела игра в «мировое господство», политика насилия и шантажа старую Германию — всему миру известно. Еще более плачевный конец ожидает гитлеровскую Германию, когда поднимутся народные массы, достоянию и свободе которых угрожает фашистская агрессия.

Мы проследили все этапы пангерманской и фашистской «историографии» в ее борьбе «против Версаля», начатой якобы исключительно в защиту «чести» германского народа, которую никто никогда не задевал; мы показали, какими лживыми и нечестными методами, ничего общего с исторической наукой не имеющими, пользовалась эта «историография»; мы далее показали источники вдохновения этой «историографии», ее органическую и неразрывную связь с государственной политикой с момента ее возникновения и до наших дней; мы, наконец, показали, как результаты «историографии» использовывались германским фашизмом для отмены Версаля и вооружения Германии и как они и посейчас еще используются для идеологической подготовки мировой бойни за передел мира и установление фашистского Версаля. Восток, Центральная Европа или Запад? Куда будет направлена ближайшая агрессия германского фашизма? Требуя «свободы рук на Востоке», германский фашизм уже начал передел Центральной Европы и захватил стратегические пути и опорные пункты на Западе. Надежды «откупиться» за счет Во-

---

[1] British Documents, vol. III, Appendix A., p. 416.

стока провалились потому, что германский фашизм не осмеливается бросить вызов Советской стране.

В моменты крупнейших военных успехов германских армий в 1915 и 1916 гг. на всех фронтах Гинденбург и Людендорф добивались полного сокрушения России и завершения старой пангерманской мечты — «Drang nach Osten». Однако после всестороннего учета собственных сил и потенциальных возможностей русского народа, генеральный штаб приходил каждый раз к выводу, что «наступление на Москву заведет нас в безбрежье» и что для полного сокрушения России у германского империализма «нет достаточных сил»[1]. После Октябрьской социалистической революции Восток стал иным. Советский Союз не царская Россия. Индустриальное, экономическое и военное могущество Советского Союза и морально-политическое единство советского народа сделали социалистический Восток несокрушимой силой, о которую разобьется любая агрессия.

История учит, что всякий раз, когда германский империализм в прошлом готовил удар по западным соседям, он прикрывал свои планы идущей якобы опасностью с Востока. Когда германское правительство потребовало в 1913 г. увеличения военных кредитов, Август Бебель заявил 29 апреля в общей комиссии рейхстага, что в Бельгии с тревогой ожидают франко-германской войны, на что фон-Ягов ответил: «Нейтралитет Бельгии гарантирован международными соглашениями. Германия поддерживает эти соглашения». Это заявление не удовлетворило Бебеля. Тогда поднялся военный министр генерал фон-Гееринген и заявил: «Бельгия не играет никакой роли в причинах, оправдывающих военный бюджет. На самом деле эти причины надо искать в положении Германии на Востоке. Германия не упустит из виду того, что нейтралитет Бельгии гарантирован международными договорами». Оба министра лгали, так как нарушить бельгийский нейтралитет германское правительство решило давно. Они, кроме того, это знали из записки от 21 декабря 1912 г., которая была приложена к общему бюджету военного министерства и генерального штаба и в которой было сказано: «Если наше политическое положение в Европе не изменится, мы всегда будем вынуждены, в силу того, что мы находимся в центре Европы, быть готовыми к войне против двух сторон и, следовательно, иметь на одной границе гораздо меньшие силы для обороны, чтобы на другой стороне быть в состоянии перейти в наступление. Этой другой стороной всегда будет только Франция. Здесь можно рассчитывать на быстрое решение, в то время как нельзя предусмотреть конца наступательной войны против России. Но для того, чтобы перейти в наступление против Франции, необходимо нарушить нейтралитет Бельгии».

---

[1] Erich von Falkenhayn. Die oberste Heeresleitung 1914—1915, S. 102—103, 183. Berlin 1920.

Если в то время нельзя было предвидеть «конца наступательной войны против России», то шансы германского фашизма в войне против СССР гораздо хуже, чем гогенцоллернской Германии. Фашистский генеральный штаб знает это лучше, чем это знал ген. фон-Мольтке. Однако это вовсе не гарантирует Советский Союз от авантюры германского фашизма. Еще меньше это дает гарантию тем кругам западной буржуазии, которые хотят «откупиться» у Гитлера за счет Востока. Поэтому бдительность на Западе и Востоке — первая заповедь самозащиты против фашистских агрессоров.

Германский фашизм объединил всех крупных и объединяет всех мелких агрессоров для передела мира, для нападения на нашу социалистическую родину. Воюя в Испании, окружая стратегически своих западных противников и создавая себе лучшие военные и экономические условия для нападения на них, германский фашизм уверяет весь мир в том, что он борется на испанской почве с большевизмом и что в этом состоит политический смысл фашистской интервенции в Испании. Подготовляя войну против Советского Союза, германский фашизм старается заранее облагородить разбой и подвести под него международную «юридическую базу». Куда будет направлен в первую очередь подготовляемый и организуемый германским фашизмом удар, на Запад или на Восток? Никто не может ответить на этот вопрос удовлетворительно. Одно несомненно, он будет направлен раньше всего туда, где у него будет больше всего шансов на легкий успех.

Однако уроки боев у озера Хасан учат, с другой стороны, что лишь непоколебимая твердость и решимость защищать свои права и территорию, что лишь применение силы, после того как были исчерпаны все аргументы убеждения, действуют отрезвляюще на поджигателей войны и любителей поживиться за счет достояния соседа. Этот спасительный урок должен быть усвоен всеми, кому угрожает фашистская агрессия и кто отстаивает дело мира. А для нас теперь, как и четыре с лишним года тому назад, остаются в полной силе мудрые слова товарища Сталина, сказанные им на XVII съезде ВКП(б): «Наша внешняя политика ясна. Она есть политика сохранения мира и усиления торговых отношений со всеми странами. СССР не думает угрожать кому бы то ни было и — тем более — напасть на кого бы то ни было. Мы стоим за мир и отстаиваем дело мира. Но мы не боимся угроз и готовы ответить ударом на удар поджигателей войны. Кто хочет мира и добивается деловых связей с нами, тот всегда найдет у нас поддержку. А те, которые попытаются напасть на нашу страну, — получат сокрушительный отпор, чтобы впредь не повадно было им совать свое свиное рыло в наш советский огород»[1].

---

[1] Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 552, 10-е изд., М., 1935.

У. А. ШУСТЕР и М. В. ДЖЕРВИС

ГЕРМАНО-ФАШИСТСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

I

Польское государство, обязанное своим возникновением мировой войне и Великой Октябрьской социалистической революции, провозгласившей право на самоопределение всех народов бывшей царской России, переживает в настоящий момент глубокий политический кризис. Своими истоками этот кризис восходит к 1926 г., когда переворот Пилсудского усилил в Польше внутренние противоречия между огромной частью польского народа и правящей группировкой. Лозунгом пришедшей к власти фашистской группы был новый поход против СССР, отторжение Советской Украины и Белоруссии и закабаление их Польшей в форме так называемой «федерации Украины и Белоруссии с Польшей». Иногда усиливаясь и усложняясь литовским вопросом, иногда ослабевая,— в зависимости от внешних условий и внутреннего положения в стране,— этот лозунг господствовал во все годы диктатуры Пилсудского. Однако, пытаясь выдать свои захватнические планы за некую общенациональную задачу, польский фашизм натолкнулся на непреодолимые внутренние затруднения.

Чем больше развивались и ширились захватнические планы Пилсудского, тем больше порождали они препятствий на пути к своему осуществлению. Огромные средства, затрачиваемые на подготовку к войне, экономически истощали страну, а усиливающийся в связи с этим экономический и политический гнет низводил трудящиеся массы до степени крайней нищеты, возбуждая в них острое недовольство политикой фашистского правительства. Это недовольство чувствуется особенно остро в Западной Украине и Западной Белоруссии. Рассматривая эти области как плацдарм грядущей войны против СССР, фашистская Польша проводит на этих своих восточных окраинах насильническую политику «преобразования кресов»[1], искусственного насаждения в них польского элемента.

[1] Кресами (kresy) называют в Польше пограничные инонациональные окраины польского государства.

В ином направлении складывалась политика польского фашизма на западе. Основным принципом там было сохранение status quo на польско-германской границе и борьба со всякого рода ревизионистскими планами послеверсальской Германии. Эти два обстоятельства — подготовка агрессии на восточных границах и беспокойство о нерушимости западных границ — определяли по существу внешнеполитическую линию Польши: в поисках надежных покровителей и союзников для осуществления этих планов Польша тяготела к системе западноевропейского блока.

Так обстояло дело до прихода к власти германского фашизма. Установление фашистской диктатуры в Германии было встречено в Польше с большой тревогой. Ярко выраженный захватнический, агрессивный характер германского фашизма и его далеко идущие притязания заставили польское правительство обратить особенное внимание на свои западные границы и Данциг.

Верхняя Силезия и Данцигский коридор, на которые в первую очередь направлены вожделения германских фашистов, имеют для Польши жизненно важное значение. Верхняя Силезия дает около 70—75% всего польского угля и чугуна; через Данцигский коридор проходит до 70% всего польского импорта и экспорта. Естественно, что Польша следила за Германией с большой настороженностью и неприязнью. К этому времени — 1933 г. — относится демонстративная высадка польского десанта в Данциге, кампания эндековской печати против ревизионистских планов Гитлера и т. д.

Пилсудский первое время колебался между страхом потерять Познань, Верхнюю Силезию и Данцигский коридор и надеждой заполучить германскую помощь в борьбе против СССР. Но это последнее соображение оказалось решающим, и Польша начинает медленно, но неуклонно сближаться с Германией. Еще в мае 1933 г. Гитлер принимает польского посла в Берлине Высоцкого. Почти одновременно происходит беседа Пилсудского с германским военным атташе ген. Шиндлером. Эти «случайные» беседы и взаимное «прощупывание» друг друга завершаются подписанием в ноябре 1933 г. совместной декларации о ненападении и, наконец, в январе 1934 г.— заключением польско-германского договора «о ненападении», являвшегося по существу подготовкой к совместной внешней агрессии. Этот договор, в котором отсутствует оговорка об аннулировании вытекающих из него обязательств в случае нападения одной из сторон на какое-либо третье государство, открывает «новую эру» в польско-германских отношениях, строящихся теперь на основе совместной борьбы против СССР. Германии удалось склонить Польшу к саботажу обязательств перед Лигой наций и вовлечь ее в фарватер своей политики и своих интересов.

Польское правительство рассчитывало, что ценой незначительных, по его мнению, уступок (больше морального, чем материального порядка) оно приобрело в лице Германии сильного союзника на случай будущей войны с СССР. «Польша, принимая во внимание свое географическое положение, должна стремиться к сближению с Германией, к образованию совместного с нею серединноевропейского блока»[1],— пишет в нашумевшей книге «Политическая система Европы и Польши» известный польский публицист Вл. Студницкий, выражающий мнение польских официальных кругов. Антисоветское направление германской экспансии настолько отвечало политическим вожделениям пилсудчиков, что последние с полной готовностью отдали себя в распоряжение «Третьей империи», пожертвовав политической самостоятельностью и национальными интересами Польши. Министр иностранных дел Бек — наиболее яркий представитель этой политической линии — стал «коммивояжером по делам Гитлера». Но действительность показала, как жестоко просчитались пилсудчики. Не «равноправный» союз, а фактическое превращение Польши в покорного слугу германского фашизма — вот что получилось в результате этого «симбиоза».

«Демонстрация польско-германской дружбы не закончилась договором о ненападении. В 1934 г. была ликвидирована таможенная война Польши с Германией, тянувшаяся с 1925 г. Экономические разногласия были устранены или по крайней мере затушеваны, и между обеими странами возникло тесное экономическое «сотрудничество», все выгоды которого — на стороне фашистской Германии. В том же 1934 г. имело место важное соглашение о «моральном разоружении», исключавшее в дальнейшем всякую критику нагло захватнической политики Германии в польской прессе.

Отходя от Франции и Лиги наций, Польша все крепче связывает свою судьбу с судьбой фашистской Германии, вернее — отдает свою судьбу в ее руки. В целом ряде случаев мы видим подозрительное «совпадение» точек зрения Германии и Польши по вопросам международной политики. Известно, что во время переговоров о восточном пакте Польша отказалась присоединиться к пакту, если к нему не примкнет также и Германия. Даже в тех вопросах, которые (как, например, данцигский) весьма близко затрагивали интересы Польши, ведомство полковника Бека старательно избегало всяких действий, какие могли бы раздражить «бескорыстного союзника». Когда в Лиге наций разбирался известный данцигский инцидент, полковник Бек, этот верный оруженосец Гитлера, ограничился платоническим выражением сочувствия комиссару Лиги наций в Данциге и осторож-

[1] Цитируется по ст. «Внешняя политика фашистской Польши». «Коммунистический Интернационал», № 16—17, стр. 16, 1935.

ным напоминанием о возможных встречных требованиях Польши. Не удивительно, что визиты военных делегаций из Германии в Польшу и обратно все учащаются, что в феврале 1935 г. большая партия оружия из центральной Германии была отправлена в Восточную Пруссию через Данцигский коридор, что Польша энергично поддерживает агрессивные начинания Германии, будь то ремилитаризация Рейнской зоны, интервенция в Испании, захват Австрии или расчленение Чехословакии. Приветствуя насильственное включение Австрии в «Третью империю», руководители внешней политики Польши рассчитывают, что экспансия на юго-восток Европы отвлечет внимание фашистской Германии от Данцига, Польского коридора и Литвы. Но эти расчеты сделаны «без хозяина», и рано или поздно г. Беку придется в этом убедиться.

Критическое состояние польско-чешских отношений можно без труда поставить в связь с германскими планами порабощения Чехословакии.

В период подготовки германским фашизмом нападения на Чехословакию польская официозная печать развила ожесточенную кампанию против демократической республики. Крики польских газет о «преследовании» поляков в Чехословакии, требования для них автономии были предлогом для возбуждения общественного мнения Польши против чехов. Однако и здесь ярко проявилась подчиненная роль польского фашизма по отношению к германскому (вопрос о Подкарпатской Украине).

Любопытные зигзаги в польско-румынских отношениях легко могут быть объяснены политической эволюцией самой Румынии. Укрепление ее связей с Францией и провозглашение верности идее коллективной безопасности охладило было отношения Польши к Румынии. Наоборот, начавшийся процесс фашизации Румынии вновь сблизил обе эти страны. Наконец, польско-японская «дружба», играющая немаловажную роль в системе внешнеполитических отношений Польши, как нельзя лучше укладывается в рамки польско-германского «сотрудничества».

Еще до прихода Гитлера к власти Япония как эвентуальный союзник Польши на Востоке уже привлекала внимание варшавских политиков. В период же закрепления польско-германского союза вопрос о совместном с Японией участии в войне против СССР ставится на практические рельсы. «С польско-русской границы легче атаковать важные центры России: Петербург, Киев, Москву — нежели с японо-русской границы в Азии,— авторитетно заявляет «пан» Студницкий,— однако может ли Польша, не располагая союзником в Европе, рискнуть своим участием в русско-японской войне? Она может рискнуть при условии, если она будет находиться в союзе со своим германским соседом» [1].

[1] Цитируется по ст. «Внешняя политика фашистской Польши» «Коммунистический Интернационал». № 16—17, стр. 16, 1935.

«Разносторонняя» деятельность польского фашизма в Прибалтике в последние два-три года сводилась, в сущности говоря, к тому, чтобы не допустить присоединения прибалтийских стран к восточному пакту.

В отношении стран Прибалтики Польша стремится играть такую же руководящую роль, какую играет Германия по отношению к ней самой. Студницкий «великодушно» соглашается с тем, что «Эстония и Латвия могут быть клиентами Польши и ее военными союзниками». Вместе с тем он настаивает на том, что «Литва должна быть признана сферой польского влияния», а Латвия должна «открыть доступ Польше к Либавскому и Виндавскому портам»[1]. Мечтания «пана» Студницкого, вероятно, охватывали бы более широкий район, если бы не необходимость считаться с германскими «лимитами». Известно, что у германского фашизма имеются свои «соображения» относительно Прибалтики и, в частности, относительно «устройства» Литвы и самой Польши,— соображения, не совсем приятные для Польши. «В великой борьбе за существование, честь, свободу и хлеб»,— заявляет Розенберг в своей книге «Миф XX века»,— какую ведет столь творческая нация, как германская, недопустимо считаться с поляками, чехами и тому подобными нациями, столь же импотентными и ничтожными, сколь требовательными и нахальными. Эти нации необходимо отбросить на восток, чтобы освободить земли, которые будут обрабатывать немецкие руки»[2]. Неоднократные выступления гитлеровцев и самого «фюрера» с подчеркиванием исконных прав Германии на «польский коридор» достаточно иллюстрируют ту позицию, которую занимает германский фашизм по этому жизненному для Польши вопросу.

И после этого у польских государственных деятелей хватает смелости каждодневно заверять возмущенную общественность в «огромной исторической ценности» «сотрудничества» Польши с Германией! Трудно сказать, верят ли польские горе-патриоты в силу своих «убеждений». Во всяком случае, широкие слои трудящихся и прогрессивно настроенной интеллигенции открыто выражают свое возмущение предательской политикой польского правительства, играющего к тому же позорную роль оруженосца «Третьей империи».

В обосновании своих внешнеполитических устремлений польский фашизм (так же, как и германский) отводит выдающуюся роль исторической аргументации. В повседневной пропаганде польских захватнических планов в отношении СССР центральным лозунгом является спекуляция и демагогическое использование лозунга «независимости Польши». Постоянным возвеличиванием

[1] Цитируется по журн. «Коммунистический Интернационал», № 12, 1935
[2] Там же.

исторического прошлого давней Речи Посполитой и демагогическим использованием факта порабощения русским царизмом части польского народа польские правящие классы подогревают оголтелый шовинизм во всех его видах. В одной из деклараций правопилсудчиковской молодежной организации мы находим следующие строки: «В стремлении к достижению своей цели великодержавное движение может опереться и на историю. Славная и великая память о Польше Ягеллонской, Польше Грюнвальда и унии, Польше от моря до моря памятна молодому поколению как ни одна другая эпоха истории»[1]. Пропагандируемая модернизированная идея «Ягеллонской Польши», т. е. польско-литовского государства в границах унии 1569 г., лозунг «федерации Польши с Украиной, Белоруссией и Литвой» в сущности являются уже не повторением старого требования границ 1772 г., но его дальнейшим фашистским развитием в направлении «ягеллонской идеи».

Желая идеологически подкрепить свои внешне- и внутриполитические позиции, польский фашизм усиленно стремится к «унификации» польской науки, и в первую очередь историографии, по германскому образцу. Хотя этот процесс нельзя еще считать законченным, но фашизация, а вместе с ней и фальсификация исторической науки в Польше сделала уже большие «успехи». В этом нет ничего удивительного, если принять во внимание атмосферу разнузданного шовинизма и фашистской демагогии, в которой «развивается» польская историческая наука в последние годы.

II

Среди литературных выступлений, открыто проповедующих нарушение целости государственных границ СССР и союз Польши с основным европейским агрессором—фашистской Германией, по степени политической откровенности и по крайней наглости высказанных в ней политических взглядов, выделяется нашумевшая книга «Польша в политической системе Европы»[2], представляющая образчик самой низкопробной публицистики. Ее автор Владислав Студницкий, в прошлом один из лидеров ППС, затем во время мировой империалистической войны активный сторонник прогерманской ориентации, соратник Юзефа Пилсудского на всех этапах его послевоенной политической деятельности и подголосок его во всех своих публицистических выступлениях, ныне — послушное перо в руках правительственных деятелей «полковничьего» лагеря. Конечно, Студницкий несравненно более «бое-

[1] Цитируется по журн. «Коммунистический Интернационал», № 12, 1935.

[2] Władysław Studnicki. System polityczny Europy a Polska. Warszawa, 1935. В дальнейшем цитируется по немецкому переводу: Polen im politischen System Europas. Berlin, 1936.

вая» политическая фигура, чем польские историки, выступающие в пределах своих профессиональных познаний с попыткой исторического обоснования тех же воззрений.

Книга Студницкого является в своем роде образцом проповеди откровенных и доведенных до логического конца чаяний польского фашизма. Она содержит вполне конкретный призыв к совместной агрессии всех фашистских держав, включая и Японию. Исторические реминисценции в книге «Польша и политическая система Европы» занимают настолько заметное место, что пройти мимо нее в обзоре польской фашистской историографии нельзя.

Шумный успех книги Студницкого в определенных фашистских кругах Европы объясняется его бешеной ненавистью не только к социально-политической системе страны победившего социализма, но и ко всем народам, населяющим многонациональный Советский Союз, к их национальной истории и национальной культуре. Разделяя полностью бредовую расовую теорию, Студницкий пытается вслед за германскими фашистскими «историками» подчеркнуть недостаточную, по его мнению, «расовую чистоту» великого русского народа. Рассуждения пана Студницкого не выдерживают даже поверхностной проверки исторических фактов. Если уже считаться с г-ном Студницким «арийскими» и «неарийскими» предками, то следует спросить, известно ли фашистскому автору, со сколькими «неарийскими» племенами сливались древние германцы «в предисторические времена»? Совершенно напрасно г-н Студницкий забывает, что современные поляки, в особенности высшие классы польского общества, в значительном проценте смешивались с армянским, татарским, еврейским и другими народами.

«Отыскав» «дефекты» происхождения и «недоброкачественный состав» крови (с точки зрения мракобесов, именующих себя «расоведами») в народах СССР, г-н Студницкий, полностью воспринявший «последнее слово» национал-социалистского мракобесия, «решил», что они должны за это расплатиться своей родиной, свободой и своей головой. «Где кончаются границы Польши? — спрашивает, бряцая оружием, подголосок покойного пана Пилсудского.— Там, где течет арийская, не смешанная с монгольской кровь, там, где католицизм был носителем цивилизации, там, где римское право сформировало хозяйственные отношения. Россия, страна славянская по своему языку, но азиатская по крови и по истории...»[1] — и пан Студницкий требует «урезать Россию с запада, востока и юга»[2].

Между Балтийским и Черным морями,— продолжает Студницкий свои исторические изыскания,— было достаточно места для

---

[1] Studnicki, op. cit., str. 100.
[2] Studnicki, op. cit. str. 104.

большого государства». «Таким государством могла стать только Польша или Украина»,— заявляет Студницкий, попросту «забывая» на этот раз о России. Украина раньше начала свое государственное существование, но украинцы смешивались с другими расами, почему согласно Студницкому, оказывается, они и ослабили «свою государственно-творческую силу». Польша же «усиливалась германским элементом»[1].

Надо отдать справедливость польским сторонникам расистской «теории» и ее глашатаю Владиславу Студницкому: они нашли удивительно простую отмычку для объяснения самых сложных проблем истории Восточной Европы. Однако эта «отмычка» не спасет от вопиющих противоречий, в которых запутывается фашистский публицист.

Выступая с апологией польско-германского союза в настоящее время, Студницкий уделяет много места польско-германским отношениям в историческом прошлом и со смелостью, присущей литературному флибустьеру, одним ударом пытается разрубить тугие узлы исторических противоречий между Польшей и «Прусco-Германией».

Минуя более ранние этапы польско-германских и польско-прусских отношений, Студницкий, в первую очередь, пытается смыть с Пруссии пятно измены польско-прусскому союзному договору 1790 г. Между тем, как известно, самое заключение этого договора сопровождалось со стороны Пруссии вымогательскими попытками добиться уступки ей польских городов Торна и Данцига. Неудача этих попыток, отвергнутых «четырехлетним сеймом» предопределила и судьбу польско-прусского оборонительного союза. Пруссия отказалась помочь Польше в самый критический для последней момент, когда силы реакции в лице Тарговицкой конфедерации 1792 г., поддержанной царской Россией, поставили на карту самое существование польского государства. Больше того, Пруссия приняла участие совместно с Россией во втором разделе Польши, получив за этот изменнический акт территории, уступки которых она безуспешно добивалась раньше. Студницкий «забывает», наконец, о неожиданном для поляков выступлении Пруссии во время польского восстания 1794 г., когда прусские войска захватили Краков и предательски ударили в тыл армии Костюшко. В противоположность единодушному в этом вопросе польскому общественному мнению начала 1790-х годов и не менее единодушному вотуму позднейших польских историков, Студницкий цинично заявляет себя горячим сторонником передачи Пруссии Торна и Данцига, мотивируя свою точку зрения «жизненным значением» Данцигского коридора для... Пруссии и совершенно замалчивая о не менее

[1] Studnicki, op. cit., str. 151.

жизненном значении его и для Польши[1]. В качестве мотива в пользу уступки Данцига и Торна он ссылается на то, что Пруссия взамен этих городов отдавала, мол, Польше Галицию. Студницкий пытается заставить своего читателя позабыть тот известный каждому школьнику факт, что Галиция была отнята у той же Польши в пользу Австрии за два десятилетия перед тем, и притом с согласия участвовавшей в разделе Пруссии, и что подобная «компенсация» имела бы более чем странный вид, не говоря уже о проблематичности согласия Австрии на эту оригинальную сделку. Провозгласив вопреки всем историческим фактам тезис о мнимой «корректности» политического поведения Пруссии в событиях 1790—1795 гг. и покончив таким образом с разделами Польши, как истый фальсификатор, Студницкий переходит к позднейшим событиям. В истории польско-прусских отношений эпохи расчлененного существования Польши один момент привлекает исключительное внимание фашистского автора. Мы имеем в виду ряд попыток или, точнее, проектов создания вассальнозависимого польского «государства», связанного династической унией с Пруссией. Эти проекты исходили как от наиболее реакционных польских кругов (напр., князя Радзивилла), так и от отдельных политических деятелей гогенцоллернской Пруссии и, как известно, не имели никаких реальных последствий. На деле Пруссия и ее преемница «Вторая империя» выступали постоянно и неизменно в качестве решительных противников малейших уступок польскому народу по вопросу о восстановлении польского государства и неизменно проводили политику угнетения польской национальности в своих восточных провинциях. Во время мировой войны 1914—1918 гг., когда военная ситуация вынудила Германию поставить в порядок дня польский вопрос и прибегнуть к созданию марионеточного «польского королевства» (5 ноября 1916 г.), германская политика менее всего имела в виду восстановление Польши в ее этнографических границах и создание независимого польского государства. Оставляя в пределах Германской империи все польские земли, захваченные в свое время Пруссией у Речи Посполитой, и ставя новообразованное «польское королевство» в вассальную зависимость от Германии (династическая уния с Германией, подчинение германскому военному командованию и т. д.), правительство Вильгельма II не преследовало при создании польского «государства» никаких целей, кроме политического шантажа своих противников, в первую очередь — царской России. Отношение Студницкого к уже давно разоблаченным проектам восстановления Польши под эгидой прусской монархии, так же как его активное содействие планам Гинденбурга в 1916 г., достаточно характеризуют политический облик этого польского «патриота».

[1] Studnicki, op. cit., str. 152.

Если писания Студницкого о СССР и входящих в его состав народах представляют собой лишь повторение невежественных выдумок и фальсификаций, которые до него не раз появлялись на страницах германских, а в значительной мере и польских изданий; если произведенный им пересмотр истории польско-германских отношений также мало оригинален и он следует в нем в значительной степени по стопам старых «истинно прусских» историков и лишь превосходит их в беззастенчивости, — то предпринятая им ревизия исторических отношений между Польшей и Францией представляет собой в очень большой степени личное «открытие» пана Студницкого.

До сих пор в польской исторической науке считалось бесспорно установленным, что с конца средних веков в польской общественной жизни имело место сильное влияние прогрессивных и революционных идей, исходивших из Франции; что, помимо этого, общественное мнение Франции постоянно и почти неизменно выступало на политической сцене XVIII и XIX вв. в качестве сторонника и защитника независимой Польши; что оба эти момента предопределяли политическое сближение между обеими странами на всем почти протяжении указанного отрезка истории.

Студницкий одним росчерком пера зачеркивает эту соответствующую действительности концепцию. Как «реальный политик», этот политический циник совершенно игнорирует идейно-политическую связь между Францией и Польшей в XVIII и XIX вв. и идеологическое влияние французских революций на развитие революционного движения в Польше. Его гораздо больше интересует степень практического влияния Франции как великой державы в польских делах, и вот тут-то и обнаруживаются неисчислимые поводы для недовольства г-на Студницкого Францией (в скобках необходимо заметить, что это утилитарное отношение к Франции удивительно напоминает позицию дворянской партии «белых» в период восстания 1863 г.).

Прежде всего Студницкий очень недоволен тем, что Франции (Людовика XV) ни разу не удалось посадить своего кандидата на польский престол «в ту эпоху, когда поляки сами более не выбирали своих королей, а их сажали чужие державы». В этом Студницкий усматривает признак чрезвычайной политической слабости Франции. «Королю Лещинскому, — констатирует он с резким упреком, — Франция могла предоставить только жалкую помощь» [1]. Первый раздел Польши, по уверению Студницкого, не внес изменения в отношения Франции к Польше и не усилил ее участия в польских делах.

Все эти упреки, направленные по адресу уничтоженного полтораста лет тому назад королевского абсолютизма во Франции,

[1] Studnicki, op. cit., str. 43.

можно было бы признать вполне справедливыми (хотя и основанными на недостаточном представлении об исторической обстановке того времени), если бы немедленно вслед за тем Студницкий не обрушился уже не на абсолютистскую, а на революционную Францию, которую он упрекает в том, что она была очагом распространения в Польше демократических идей, что Студницкий находит во всех отношениях «ненормальным и вредным для Польши» [1].

III

Угодливое приспособление некоторых польских историков к новому курсу внешней политики г-на Бека проявилось в том, как они реагировали на вышедший в Германии в 1933 г., уже после прихода к власти фашизма, исторический сборник «Deutschland und Polen». В целях большего международного эффекта этому изданию был придан возможно более «академический» вид; в связи с этим в составлении сборника участвовали, на ряду с представителями фашистской «науки», несколько историков deutsch-national'ного лагеря (профессор Гетч и др.).

Сборник «Deutschland und Polen», охватывающий всю совокупность германо-польских исторических отношений — от предисторической древности до наших дней, — был предпринят в целях фашистской фальсификации истории и ревизии точек зрения, установившихся на историю польско-германских культурных и политических связей и современной, главным образом французской и до последних лет тесно связанной с нею польской историографии.

Исходя из тех же глубоко враждебных польскому народу позиций, которые занимала наиболее реакционная «истинно прусская» историография еще во времена Гогенцоллернов, сборник «Deutschland und Polen» отличается большей политической заостренностью в постановке проблем. Основной мотив сборника — вскрытие «неполноценности» славяно-польских этнических элементов в их столкновении с «носителями высшей культуры» — с якобы расово полноценными «германо-арийцами». А отсюда в сборнике делается вывод о якобы ведущей роли Германии в ее тесных и непрерывных культурно-политических взаимоотношениях с Польшей.

Авторы сборника не скрывают, и даже подчеркивают, что проникновение германских «культуртрегеров» в Восточную Европу и, в частности, в Польшу совершалось по колено в грязи и крови. «Так немецким оружием одновременно распространялись христианство в своем латинском аспекте и немецкая культура», — резюмирует свою статью один из участников сборника; другие

[1] Ibidem, str. 43.

усматривают «историческую миссию» (Missionsaufgabe) средневекового германского государства в выполнении им предначертанной еще Карлом Великим программы «защиты» латинского христианства от нападений «язычников» и распространения силой оружия начал христианского вероучения. Тот же тезис о преобладании германского культурного и политического влияния в Польше, об «исторической необходимости» для Германии поддерживать это влияние всеми, имевшимися в ее распоряжении принудительными средствами, вплоть до силы оружия, проводится в сборнике и в отношении нового времени.

Из этих рассуждений общего характера участники сборника делают вполне конкретные выводы о необходимости пересмотра восточных границ «Третьей империи». При этом они отрицают применимость национального признака к формированию государств, лежащих на восток от Германии, и настаивают на включении в состав Германской империи территорий, трактуемых ими в качестве областей преобладающего влияния «германской культуры».

При той настороженности, которую первоначально вызвало в польских кругах водворение фашистской диктатуры в Германии, и при том преувеличенном, пожалуй, значении, которое придается общественным мнением польской буржуазии всякого рода аргументации за и против «исторических прав» Польши на ту или иную часть ее территории, неудивительно, что открыто агрессивное выступление 19 германских историков вызвало среди польских буржуазных историков некоторую растерянность. Выражением этого состояния и явился низкий научный уровень и весьма малый эффект дискуссии, организованной Польским историческим обществом по поводу сборника «Deutschland und Polen» [1], и тот разброд в лагере польской буржуазной науки, который эта дискуссия обнаружила.

Во всей дискуссии наиболее характерным является то обстоятельство, что за тремя-четырьмя исключениями большинство участвовавших в дискуссии польских историков (а для участия в ней были мобилизованы, если не наиболее сильные, то во всяком случае наиболее именитые люди польской историографии) не сумело подняться над уровнем содержащихся в сборнике «Deutschland und Polen» «теорий» и дать им принципиальный отпор.

Правда, автор предисловия к польскому дискуссионному сборнику председатель Польского исторического общества проф. Закржевский подчеркнул достаточно энергично, что сборник «Deutschland und Polen» во многих своих частях «приносит не

---

[1] Стенограмма дискуссии была опубликована в 1933 г. в журн. «Kwartalnik Historyczny», а позднее вышла отдельным изданием (Niemcy i Polska. Lwów, 1934).

научные истины, но часто слишком смелые и даже фантастические тезисы»[1] и правильно вскрыл конечную цель коллективного «труда» 19 германских ученых: исторически оправдать длившийся веками захват «Пруссо-Германией» принадлежавших ранее Польше и населенных поляками «обширных пространств»[2]. Но эти элементы отпора германским претензиям полностью обесцениваются тем, что Закржевский, в конце концов, примиренчески заявляет по адресу авторов германского сборника, что «польская наука всегда признавала многочисленные положительные стороны» германского влияния в Польше, и что польские историки, с своей стороны, «готовы к... ревизии» своих взглядов на германо-польские отношения в историческом прошлом в сторону сближения их со взглядами германской «науки».

Такие же примиренческие тенденции проявили и некоторые другие участники дискуссии.

Рецензия на статью проф. Онкена[3], посвященную, как признает сам автор рецензии (Генрих Верешицкий), «наиболее чувствительной» проблеме—прусско-польским отношениям в XIX в[4], полностью основана на примиренческом отношении к взглядам германского автора. Отмечая у проф. Онкена ряд «приемов», которые нельзя назвать иначе, чем фальсификацией исторических фактов (в частности, фальсификаторскую «идеализацию» Онкеном репрессивной политики Флотвелля и жульническое цитирование Маркса по вопросу о значении для прусской монархии ее польских владений), Верешицкий нигде не называет этих приемов их настоящим именем, а только робко выражает сомнение в том, допустимы ли подобные приемы в работе, «предназначенной для более широкого круга непрофессиональных читателей»[5]. Зато польский автор подчеркивает то обстоятельство, что в оценке политики Бисмарка в польском вопросе совпадают взгляды германской и польской науки[6].

Гораздо более резко, чем выступление Верешицкого и редакционную статью проф. Закржевского, следует оценить другое редакционное выступление в сборнике, его «послесловие», написанное редактором «Kwartalnika Historycznego» Т. Э. Модельским. Этот польский «историк» додумался до полнейшего «непротивления злу» и решился предложить 19 «немецким ученым» продолжение дискуссии перенести на страницы центрального органа польской историографии, гостеприимно открыв таким образом страницы этого журнала для германо-фашистской пропаганды.

---

[1] Niemcy i Polska, str. 7.

[2] Ibidem, str. 8.

[3] Preussen und Polen im 19 Jahrhundert, in: «Deutschland und Polen», S. 220—237.

[4] Niemcy i Polska, str. 122.

[5] Ibidem, str. 123.

[6] Ibidem, str. 125.

К разряду выступлений примиренческого характера следует отнести еще рецензию Р. Лютмана, посвященную очерку Вальтера Рекке «Westpreussen»[1]; примиренчество польского критика выразилось в том, что на ряду с отрицательной оценкой статьи, он дал безоговорочно положительную оценку всего немецкого сборника в целом, объясняя «недоразумением» то обстоятельство, что статья Рекке «нашла себе место в этом издании»[2].

Только сравнительно немногие польские рецензенты, — причем в недостаточно решительной форме, — отмечают некоторые из тех коренных порочных черт германского сборника в целом, которые ни в какой мере не позволяют считать его сколько-нибудь научным изданием и заставляют отнестись к нему, как к некой новой разновидности уголовных преступлений, именуемых во всех кодексах мира мошенничеством и подлогом.

Так, рецензент статьи проф. Гартунга[3] проф. М. Гандельсман полностью отказывает этой статье в каком бы то ни было научном значении. Однако характеризуя очерк проф. Гартунга как совершенно поверхностный и всецело ошибочный, проф. Гандельсман в своем стремлении соблюсти «научную объективность» не ставит «ошибочность» «научной концепции» Гартунга в должную связь с его политическими взглядами. Ограничившись указанием на «полную необоснованность его политических выводов, вытекающих единственно из его убеждений, а потому «не подлежащих дискуссии», проф. Гандельсман не доводит анализа до конца и оставляет неразвернутым положение, что «ошибочность» концепции проф. Гартунга вытекает именно из его политической установки.

Проф. Кентржинский (Ketrzynski) польский рецензент центральной статьи германского сборника «Die politische Entwickelung Osteuropas von X—XV Jahrhundert», написанной главным редактором последнего, генеральным директором государственных прусских архивов проф. Бракманом, также в отличие от большинства участников дискуссии оспаривает всю конструкцию немецкого автора. Отмечая субъективизм и необоснованность выводов проф. Бракмана, проф. Кентржинский указывает прежде всего на непримиримое противоречие между политической практикой средневековой германской империи и ее официальной теорией. «Миссия империи на востоке, — пишет польский ученый,— стоила большого количества славянской, в том числе чешской и польской крови, но все это имело мало связи с защитой христианства...»

Далее проф. Кентржинский указывает на преувеличение проф. Бракманом политической роли норманнов в Восточной

---

[1] «Deutschland und Polen», S. 135—145.
[2] Niemcy i Polska, str. 88.
[3] H a r t u n g. Deutschland und Polen während des Weltkriegs.

Европе и на ничем не оправдываемую модернизацию им средневековой Германской империи, которая в действительности лишена была внутренней целостности и была далека от типа абсолютной монархии «нового времени» (имеется в виду, разумеется, периодизация буржуазной науки).

Обращаясь к основному сюжету статьи, рецензент отмечает явную переоценку Бракманом немецкого влияния на политическое и культурное развитие Польши, указывая при этом не только на существование в Польше иных культурных влияний (итальянского, фламандского и французского), но — что гораздо важнее! — и на самостоятельный характер социально-политического развития Польши.

В полном противоречии не только с тенденцией авторов германского сборника, но и с традициями польских историков-националистов, проф. Кентржинский довольно правильно ставит некоторые вопросы, имеющие первостепенную важность для польской буржуазной историографии и представляющие собой в то же время известный интерес для историков СССР и для всей исторической науки. Среди таких вопросов первое место принадлежит, безусловно, вопросу об относительном весе византийского и германо-романского культурных влияний в Восточной Европе.

«В своих рассуждениях о европейском Востоке проф. Бракман недооценивает... влияний Византии, — говорит проф. Кентржинский. — Это влияние — не только непосредственное, на Востоке, но и опосредствованное, на Западе, — было, без сомнения, несравненно больше и выше того, что могла дать миру в то время Германия»[1].

Далее Кентржинский указывает на более высокий, по сравнению с Польшей, культурный уровень Киевской Руси XI в., приписывая его тесной связи между Киевом и Византией и большему цивилизующему влиянию славянской письменности по сравнению с «закованной в формы латинского языка» письменностью западноевропейской[2].

Не менее интересна для советских историков и та оценка, которую польский историк Кентржинский давал еще в 1933—1934 гг. деятельности Тевтонского ордена и его отношениям с Польшей.

«Известно, — писал проф. Кентржинский, — что не прусская опасность[3] и не нападения пруссов толкнули якобы отчаявшегося и бессильного Конрада в объятия ордена: роль ордена по отношению к языческой Пруссии должна была быть частью польской политики, исстари проводившейся будь то силой, вой-

[1] Niemcy i Polska, str. 30.
[2] Ibidem, str. 30—31.
[3] Имеются в виду языческие племена пруссов, населявших некогда земли, захваченные впоследствии Тевтонским орденом.

нами и крестовыми походами, будь то миссионерской работой. Но орден обобрал своего благодетеля. Подлогами и изменой создал он с течением времени орденское государство, сильное и богатое..., пользуясь дроблением польских княжеств, пользуясь, в конце концов, тем, что Польша охраняла его от татар и Руси... Последствия... подлогов и измен ордена давали себя чувствовать не только в XIII и XIV вв., но частично живут и существуют по сей день» [1].

Ход мыслей проф. Кентржинского важен, между прочим, еще потому, что вразрез с примиренческой тенденцией польского дискуссионного сборника в целом, он косвенным образом ставит вопрос о ценности и целесообразности для Польши ее союза с наследницей «традиций» Тевтонского ордена — фашистской Германией — и в настоящее время.

С наибольшей долей критицизма отнесся другой рецензент ксендз-профессор Уминский к очерку о взаимоотношениях «немецкого» католицизма с польским, написанному бреславльским проф. Гаазе. Это объясняется в значительной мере нескрываемыми симпатиями Уминского к разгромленной фашистским правительством германской католической партии центра.

Ксендз Уминский подверг очерк проф. Гаазе весьма едкой и обоснованной критике, вскрыв в нем вместе с тем ряд таких искажений действительности и фальсификаторских приемов, которых никогда не мог бы заметить менее подготовленный специалист в области истории церкви. Так, например, в стремлении доказать, что немцы еще в XIII в. составляли основное ядро польского духовенства, Гаазе не остановился перед тем, чтобы приписать немецкую национальность ряду лиц, которые никогда немцами не были.

Ксендз Уминский обнаруживает при этом понимание того, что дело здесь не только в искажении или прямой фальсификации проф. Гаазе отдельных исторических фактов, но и в полной негодности и неприемлемости для исторической науки его общей концепции.

Но и эти наиболее решительные высказывания польских историков нельзя, конечно, считать сколько-нибудь достаточным отпором со стороны польской историографической критики бесцеремонному выступлению германских фальсификаторов, поскольку в этой критике не нашла себе должной оценки коренная враждебность «сборника» польскому народу. В целом, коллективное лженаучное произведение 19 германских историков не встретило решительного опровержения с польской стороны. Дискуссия прозвучала в значительной мере, как холостой выстрел.

Это довольно скоро и хорошо поняли в польских научных и отчасти в руководящих кругах. И в тех и в других быстро

---

[1] Niemcy i Polska, str. 36—37.

возникло сознание необходимости дальнейших, более успешных и более эффективных мероприятий, направленных если не против германского выступления на историческом фронте в целом, то по крайней мере против наиболее одиозных для Польши проявлений этой агрессии и в защиту основных позиций польской историографии, которые являются вместе с тем основными историческими позициями польской буржуазной государственности.

Так возникла идея издания, в противовес немецкому сборнику «Германия и Польша» («Deutschland und Polen») коллективного труда «Польша и Германия» (Polska a Niemcy).

Уже были начаты подготовительные работы к изданию этого сборника, уже ведомство полковника Бека субсидировало Польское историческое общество десятью тысячами злотых на этот предмет (субсидия по польским масштабам очень значительная), но с вступлением польско-германских отношений в новую фазу, эта форма ответа на вызов германских историков была признана «несвоевременной», и польские историки благоразумно воздержались от издания этого сборника.

IV

В том же 1934 г., когда не успело еще утихнуть волнение, вызванное в кругах польских историков выходом сборника «Deutschland und Polen». польское министерство народного просвещения в своем официальном органе «Nauka Polska» дало указания о том, как следовало бы польской исторической науке откликнуться на новый поворот польской внешней политики. С этой целью польское министерство просвещения выпустило во второй половине 1934 г. специальный том «Nauka Polska», в котором почетное место было отведено статье польского историка, профессора истории польской культуры в Берлинском университете Александра Брюкнера (Brückner). Проф. Брюкнер услужливо взялся в сжатом очерке пересмотреть традиционные взгляды польской науки на историю польско-германских политических отношений. Результатом его труда явился весьма краткий исторический обзор отношений Польши к Германии, заключающий в себе догматическое изложение весьма субъективных и научно безответственных взглядов, которые при других обстоятельствах произвели бы, вероятно, впечатление просто неумной бестактности и не оставили бы ни малейшего следа в польской историографии. Но после опубликования под эгидой министерства народного просвещения, отсебятина проф. Брюкнера приобрела значение исходящей от правительства политической директивы и благодаря этой своей роли в польской историографии она приобретает интерес и для нас как наиболее близкий к первоисточнику «документ», свидетельствующий о новой ориентации польской «науки».

Всего на 14 страницах проф. Брюкнер успел рассмотреть польско-германские отношения на всем их протяжении и камня на камне не оставил от прежней концепции этих отношений, выработанной польской буржуазной наукой. Как же выглядит «история» польско-германских отношений «по Брюкнеру»?

Историческое взаимодействие Польши и средневековой германской империи началось, как известно, во второй половине X в. совместными походами германских рыцарей и польских князей против славянских племен, живших по течению рек Эльбы и Одера. Проф. Брюкнер впервые в истории польской науки стал на путь оправдания предательской погромной политики действовавших совместно с германскими рыцарями польских князей в отношении поморских и поэльбских славян. Чрезвычайно характерно, что он мотивирует это оправдание тем, что поэльбские племена, дескать, все равно должны были погибнуть, ибо они «стояли лицом к лицу с могущественными саксонцами, тюрингами, франками, баварцами» и «не имели никаких видов на будущее» [1]. При этом Брюкнер совершенно умалчивает о провале этой политики польских князей в союзе с германскими феодалами и о разрыве в конце концов Болеслава Храброго с Германией. Еще более характерно то, что Брюкнер вообще совершенно отказывается от «болеславской традиции» и «болеславского культа», значение которых в польской историографии и политике уже отмечалось в советской печати [2], и признает за личностью Болеслава «Великого» только «эпизодическое» значение.

Начиная с XII в. политическое взаимодействие Польши и Германии усиливается. Игнорируя вредные для Польши последствия военно-политического нажима Германской империи на польские княжества в XII—XIII вв., подчеркивая и преувеличивая германское культурное влияние в Польше, Брюкнер одновременно самым старательным образом затушевал все отрицательные стороны проникновения германской культуры в Польшу.

Не будем останавливаться на совершенно произвольном утверждении Брюкнера, что германская колонизация XIII—XV вв. якобы произвела целый переворот в польском сельском хозяйстве, принеся с собою трехполье вместо подсечной системы и плуг вместо деревянной сохи, хотя в польской исторической науке (Буяк, Рутковский) считается доказанным, что и трехпольная система и плуг были известны в Польше и ранее. Не станем касаться также и вопроса о раболепно подчеркнутом проф. Брюкнером влиянии немецкой языковой культуры на польскую. В изображении Брюкнера это влияние, вопреки исторической истине, возрастает до гигантских размеров. В действительности известно, что польский язык вообще чрезвычайно восприимчив к иностран-

[1] Nauka Polska, т. XVIII, str. VII.

[2] Джервис М. В. Польская историческая наука на VII Международном конгрессе историков (1933 г.) «Историк-марксист», кн. 2(36), стр. 109, 1934.

ным заимствованиям, и не меньшее, если не большее влияние на его историческое развитие оказала латынь, а в позднейшее время — французский язык. Ограничимся разбором взглядов Брюкнера на политические отношения Польши к Германии, так как именно в этих взглядах, в попытке создать впечатление о якобы исконной политической гармонии между Польшей и Германией заключается вся «соль» статьи проф. Брюкнера.

Одновременно со своим нагло развязным экскурсом в область истории культурных связей Польши и Германии Брюкнер предается воспоминаниям об имевшей весьма глубокие политические последствия колонизации польских городов немецким этническим элементом, который, «уходя от неблагоприятных условий на родине, как бы по общему сигналу... оседал в польских предместьях, реже — в деревне, принося с собой элементы западной городской культуры»[1].

Проф. Брюкнер видит в этой немецкой колонизации высоко положительное явление, которому Польша была якобы обязана всем своим дальнейшим развитием. Между тем, даже проф. Брюкнер должен бы знать, что так называемая «немецкая» колонизация Польши происходила при участии не только немецких, но и славянских (онемеченных) элементов и выходцев из Бельгии, Голландии и других стран. Что касается немецкого элемента в городах, то он сыграл в историческом развитии Польши весьма вредную роль, тормозя ее политическое объединение (напр., восстание краковского войта Альберта против объединения Польши королем Владиславом Локотком). Последнее обстоятельство не ускользнуло, впрочем, и от проф. Брюкнера; он признает, что «немецкое» бюргерство в польских городах (Краков и Познань) проводило в XIII в. свою политическую линию «во вред интересам Польши», но, будучи усмирено Владиславом Локотком, «самоустранилось» от политической жизни. Все это, разумеется, отсебятина и чистейший вздор: «немецкое» бюргерство в польских городах никогда не «самоустранялось» с политической сцены, и его политическая активность в указанном направлении отнюдь не ограничилась XIII веком. В течение трех столетий после того, как вопрос о государственном объединении раздробленных польских земель был разрешен положительно, это бюргерство продолжало все еще сохранять и культивировать уцелевшие и в рамках единого польского государства элементы феодальной раздробленности[2].

---

[1] Nauka Polska, t. XVIII, str. VII.

[2] О роли бюргерства в истории Польши, правда, лишь в конце рассматриваемого периода (XVI в.), см. доклад польского историка Стефана Чарнецкого на последнем международном конгрессе историков (сб. «La Pologne au VII-ème congrès international des sciences historiques», т. II, Varsovie, 1933). Из марксистских работ см. предисловие Меринга к сб. «Маркс и Энгельс в немецкой революции»

В высшей степени показательно для «научного» творчества Брюкнера и для его угодливой позиции по отношению к германскому фашизму то, что он умудрился обойти полным молчанием историю бесчисленных кровавых насилий Тевтонского ордена над польским народом и те страницы истории польского народа, которые связаны с действительно славной борьбой его против немецких насильников — рыцарей-«псов». Достаточно вспомнить хотя бы героическую битву при Грюнвальде в 1410 г., когда тевтонские рыцари получили сокрушительный отпор со стороны объединенных сил поляков, литовцев, чехов и русских, и последующую борьбу с орденом за выход к Балтийскому морю. Эта борьба исторически важна еще и в том отношении, что в ней выковалось государственное единство польского народа. Обо всем этом наглый фальсификатор истории германо-польских отношений предпочел умолчать!

Далее мы неожиданно узнаем от Брюкнера, что реформация в Польше была связана исключительно с немецким влиянием. Между тем, если уж говорить об иностранном влиянии на польскую реформацию, имевшую и самостоятельные внутренние корни, то не меньшую роль играли и влияния, шедшие в Польшу из Швейцарии, Нидерландов и даже Англии (Ян Ласский).

В стремлении непременно установить непрерывный характер германского политического и культурного влияния в Польше, лакействующий перед германским фашизмом «историк» Брюкнер доходит в своем усердии до таких нелепостей, что усматривает проводников этого влияния даже в немецких наемниках—ландскнехтах, служивших в польских войсках во время войн XVII в. Неудивительно, что немедленно вслед за этим «открытием» он вынужден был сделать ценное признание, в значительной степени опрокидывающее его построения: «Людям польского гуманизма и Ренессанса... немецкая натура представлялась низкой и грубоватой...»[1]. Еще бы: проповедники реформации в костюмах ландскнехтов! До этого мог договориться только угодливый фальсификатор истории.

Отмечая наплыв германского элемента в Польшу при королях саксонского дома, Брюкнер, однако, должен был признать незначительность немецкого влияния по сравнению с французским в польском обществе этой эпохи.

Разделы Польши должны были прервать монотонное повествование Брюкнера о будто бы «гармоническом» развитии польско-германских политических отношений. Неудивительно, что он проявил вдруг неожиданную «скромность» и поспешно миновал эту щекотливую тему так же, как он это уже сделал однажды с борьбой Польши против Тевтонского ордена. По существу о разделах мы находим у Брюкнера одну только фразу: «первый

[1] Nauka Polska, t. XVIII, str. XIII.

раздел оторвал большую полосу Малой Польши и королевскую Пруссию, а второй и третий закончили дело». Этими двумя строками Брюкнер исчерпывает свое отношение к подлой, грабительской политике Пруссии в эпоху разделов. Брюкнер «забывает», что еще в конце 1760-х гг. Фридрих II, стремясь захватить устье Вислы, выдвинул план отторжения от Польши части ее территории. В том же направлении действовал брат Фридриха — принц Генрих Прусский — во время пребывания в Петербурге (1770 г.). После того, как первый раздел в 1772—1774 гг. не удовлетворил аппетитов Фридриха II, последний начал домогаться «добровольной» уступки Польшей Торна и Данцига. Опасаясь дальнейшего усиления позиций Екатерины II в Польше, Пруссия начала заигрывать с Речью Посполитой, добилась заключения с ней злополучного договора 1790 г., в котором обманутая Польша видела гарантию проведения внутренних реформ и который был изменнически разорван Фридрихом-Вильгельмом II в удобный для него момент. Эти и последующие события, упоминавшиеся уже выше, достаточно характеризуют гнусную роль Пруссии в отношении национальной независимости Польши и старательно замалчиваются проф. Брюкнером.

Таким образом, мы не найдем в сочинении проф. Брюкнера, одобренном и утвержденном польским министерством народного просвещения в качестве директивы и образца для польских историков,— ни малейшей попытки суждения о двух решающих столкновениях Польши с Пруссией и с ее предшественником — Тевтонским рыцарским орденом.

Переходя к новейшему этапу исторических отношений Польши и Германии (от разделов Польши до мировой империалистической войны), Брюкнер дает резко отрицательную оценку австрийской политике в «Галиции и Лодомерии», но не находит равноценных выражений для оценки германизаторской политики Пруссии. Он считает даже,— в этом еще одно проявление его лакейской угодливости,— что «прусский уклад, иной чем австрийский, воспитывал великополян, заставлял их объединиться, напрягать все хозяйственные силы и хотя несколько односторонне, выработал чувство гражданственности даже среди простого народа».

Мы знаем, чем в действительности был этот «прусский уклад». Безудержная германизация польских земель и подавление в них польского элемента являлись основным содержанием прусской политики. Политика онемечения польских окраин, особенно усилившаяся после краха познанского восстания 1848 г. и образования Германской империи, нашла своего идейного вдохновителя в лице Бисмарка. В существовании национальных польских институций в Познани Бисмарк видел угрозу основам прусского государства. Под флагом «культуркампфа» планомерно проводи-

лась политика денационализации польского населения. Средняя школа была полностью германизирована. Начальная школа также утратила свой национальный польский характер. Польский язык был устранен из сферы суда и сношений местного населения с властями.

В 1886 г. была создана Колонизационная комиссия, в задачи которой входило искусственное насаждение немецкого землевладения в польских провинциях. Имея в своем распоряжении огромные суммы, эта Комиссия скупала у польских помещиков земли и распределяла их на льготных условиях между немецкими переселенцами. Незначительные результаты деятельности колонизационной комиссии вызвали недовольство в прусских националистических кругах. В 1894 г. было организовано «Общество для поддержки немцев в восточных провинциях», пользовавшееся широкой известностью под сокращенным названием «Гаката». Однако неожиданно для немцев и польских помещиков, беспомощно взиравших на наступление прусского юнкерства, широкие массы польского крестьянства организовали энергичное сопротивление политике денационализации и вытеснения польского элемента. Раздраженное единодушным отпором польского крестьянского населения, берлинское правительство начало действовать против поляков исключительными законами, как, например, закон о праве на поселение, приобретение земли и т. д.

В период канцлерства Бюлова решение прусского правительства окончательно устранить из народных школ польский язык послужило поводом в 1901 г. к возмутительным событиям в деревне Вжесне (Wrzesnia), известие о которых взбудоражило в свое время всю Европу. В польских школах дело дошло тогда до порки детей, отказывавшихся отвечать уроки на немецком языке. Вторичная попытка (в 1906 г.) ввести на немецком языке преподавание катехизиса вызвала на всей территории Познани школьную забастовку, в которой участвовало свыше 46 тыс. детей.

С точки зрения г. Брюкнера, все эти гнусности как раз и были средством воспитательного воздействия на порабощенное Пруссией польское население!

Таково в основном содержание «новых» взглядов на историю польско-германских отношений, формулированных проф. Брюкнером по заданию польского министерства народного просвещения. Проф. Брюкнер, конечно, счел бы свою задачу недостаточно выполненной, если бы не сделал еще и общих выводов из своей статьи. Эти выводы ничего не прибавляют к его взглядам на отдельные конкретные моменты истории отношений Польши и Германии, но зато с предельной яркостью обнаруживают махрово-реакционную, фашистскую сущность мировоззрения проф. Брюкнера.

Брюкнер, считающийся «историком польской национальной культуры», видит в аристократической олигархии единственную движущую силу, веками направлявшую национальное развитие польского народа, и нагло отождествляет «высшее сословие» польского общества с польским народом. Отсюда его циничное утверждение, что Польше «не грозило никогда онемечение», поскольку оно не охватывало высших сословий: «наши высшие сословия оставались всегда национальными»,— декларирует Брюкнер[1]. А «поскольку угрозы германизации не было («высших сословий»! — **Авторы**), делает Брюкнер заключительный вывод,— мы можем это влияние (Пруссии) и эти отношения расценивать как положительные»[2].

Для советского читателя нет надобности комментировать эти явно мошеннические приемы, пущенные в ход проф. Брюкнером для подкрепления заведомо ложного, но нужного польским фашистам тезиса о якобы исконной «гармонии» польско-германских отношений.

V

Говоря о воздействии польской внешней политики на установки польской официальной историографии, нельзя пройти мимо того обстоятельства, что польско-германская «дружба» имеет своей подоплекой возрастающую угрозу агрессии обеих фашистских держав, направленной против целости государственных границ СССР, обоснованием чего призвана, в частности, служить и польская историческая наука.

Ярким показателем возросшего участия польской официальной историографии в идеологической подготовке агрессии против СССР и прибалтийских государств (по крайней мере одного из них — Литвы) — могут служить материалы VI Общепольского съезда историков, происходившего 17—20 сентября 1935 г. в г. Вильно.

Съезд этот стал местом политических деклараций, сделанных от имени «польской исторической науки», но в действительности отражавших взгляды, мнения и тенденции правящих Польшей фашистских кругов. Смысл этих деклараций лучше всего обнаруживается при сравнении «трудов VI Общепольского съезда историков» с материалами IV съезда, происходившего в Познани за десять лет до того.

IV Общепольский съезд историков в 1925 г. был первым съездом историков, созванным в Польше в условиях ее государственного существования, и происходил в период наибольшего обострения отношений между веймарской Германией и кулацко-капиталистической пястовско-эндековской Польшей. Этим

[1] Nauka Polska, t. XVIII, str. XVIII.
[2] Ibidem, str. XVII.

обстоятельством предопределена была политическая линия съезда. Он был намеренно приурочен к 900-й годовщине смерти одного из первых, исторически известных польских князей — Болеслава I Храброго (умер в 1025 г.).

Эта юбилейная дата организаторами IV Общепольского съезда историков была избрана для политической демонстрации, какой являлся этот съезд, не случайно. С именем этого полуварварского польского князя в среде современных нам буржуазных польских историков и у широкой публики соединяется представление об активных задачах политики Польши по отношению к западному ее соседу — Германии.

Считать, что Германия является главным и наиболее опасным противником государственной неприкосновенности современной Польши, ставить во главу угла польской внешней политики активное сопротивление ревизионистским стремлениям послевоенной Германии,— это и значило на языке исторических символов польской историографии и политики — «служить идеям», завещанным польскому народу Болеславом Храбрым,— который получил от польской буржуазной науки добавочный эпитет «Великого». Приуроченность IV Общепольского съезда историков к девятисотой годовщине Болеслава «Великого» и самый факт созыва съезда на западной, некогда захваченной Пруссией окраине Польши сами по себе достаточно красноречиво свидетельствовали о том, что решения этого съезда были направлены против послевоенной Германии. Такое направление работ первого в независимой Польше конгресса историков было тем более естественным, что оно вполне совпадало с основным направлением, издавна принятым польской буржуазно-националистической научно-исторической мыслью.

Политическая направленность съезда получила свое выражение в выступлениях, имевших место уже в самом его начале. При открытии съезда его руководители в замаскированной и дипломатической форме, а некоторые делегаты, как например Сокольницкий, открыто и резко произносили враждебные речи по адресу западного соседа польской республики, отражавшие, надо полагать, мнение большинства делегатов.

«Факт созыва съезда польских историков, первого съезда в восстановленной Польше, в Познани,— говорил Сокольницкий,— служит превосходным свидетельством основного для Польши значения западных земель. Доказано на основании документов, что здесь была колыбель Польши, здесь — сердце и главная база ее государственности. Факт этот является документальным подтверждением вечных и неограниченных прав Польши на западные земли с доступом к морю; факт этот является документальным подтверждением воли всего народа к сохранению интегрального единства с республикой в целом и готовность

к обороне западных границ Польши против всяких покушений врага, покушений кровавых или дипломатических переторжек»[1].

Несмотря на буржуазно-националистическую сущность этого выступления в нем получило отражение безусловно более реальное представление о германской опасности для Польши, чем в концепции, господствующей в польской правительственной политике, в настоящее время, и безоговорочно подчиняющей политику Польши интересам ее теперешнего союзника — фашистской Германии.

Обращаясь к материалам VI Общепольского съезда историков, происходившего в 1935 г. в Вильно и полностью отразившего новую ориентацию польской политики, необходимо прежде всего отметить полярную противоположность между обоими съездами в оценках ими польско-германских отношений в их историческом прошлом.

На виленском съезде польских историков уже не было и речи ни о Болеславе «Великом», ни о завещанных им польской империалистической буржуазии традициях. Не было речи и о «германской опасности» существованию и развитию независимой Польши, словно эта опасность совершенно исчезла за десять лет, прошедших со времени IV съезда, а не усилилась со времени прихода в Германии к власти фашистов. Руководители VI съезда польских историков позаботились извлечь из архива средневековых древностей другую фигуру, правда не столь колоритную и «исторически показательную», как Болеслав Храбрый, но зато более «удобную» для новых установок Польши и для праздной болтовни об «исторических традициях» польского «народа»,— болтовни, прикрывающей далеко не праздные суждения по вопросам современной политики. Такой исторической фигурой — своего рода «свадебным генералом» на бракосочетании польского фашизма с германским — явился теперь другой представитель польского средневековья, живший за 800 лет до нашего времени,— «Bolesław Krzywousty («Болеслав Кривоустый»).

Заслуга этого «исторического деятеля» перед современной буржуазно-фашистской Польшей заключается в том, что, в отличие от большинства польских князей, он умел поддерживать со средневековыми германскими императорами видимость добрососедских отношений, что, впрочем, полностью объясняется особенностями того исторического момента, когда «великий воин» жил и действовал. Упоминание о 800-й годовщине посещения Болеславом Кривоустым имперского города Магдебурга послужило председателю Польского исторического общества проф. Станиславу Закржевскому[2], открывшему заседания съезда, пово-

---

[1] Kwartalnik Historyczny, str. 644, 1935.
[2] Проф. Закржевский умер в 1936 г.

дом для демонстрации новоявленной дружбы польского фашизма с германским.

«Наш съезд также имеет свои выдающиеся годовщины,— заявил проф. Закржевский,— которые... позволяют нам с возросшей силой переживать возвышенные моменты прошлого... Ровно 800 лет назад, в 1135 г. под звон колоколов въезжал в стены Магдебурга... Болеслав Кривоустый, въезжал в стены этого немецкого города после недавнего заключения дружбы с римско-германским императором Лотарем..., причем Германия в залог этой дружбы должна была признать за Польшей ленное владение приодерским Поморьем... Это воспоминание предостерегает нас, что недостаточно добиться с мечом в руках выхода к морю, нужно еще уметь его сохранить...»[1].

Профессор Закржевский волен, конечно, считать, что лучший способ «сохранения за Польшей выхода к морю» изобретен Болеславом Кривоустым и воспроизведен в современных условиях полковником Беком; но председателю Польского исторического общества стыдно оставаться глухим к многочисленным урокам истории, убеждающим, что именно «дружба» с гогенцоллернской Пруссией являлась наихудшей гарантией территориальной целости Польши. Однако центр тяжести политического выступления проф. Закржевского на открытии съезда заключается не в этом; официальная речь председателя Исторического общества всем своим острием была направлена на Восток, по адресу, во-первых, польского и непольского населения восточных «кресов» Польши, а во-вторых, — соседей, граничащих с Польшей на востоке.

Именно так приходится понимать его заявление, что «VI Всеобщий съезд польских историков, собираясь на заседания в Вильне, является сюда от имени польского исторического мира (swiata) как законный хозяин этой страны»[2]. Развивая далее свой тезис об «исторических правах» Польши на «эту страну» и уточняя самое понятие «этой страны», проф. Закржевский призвал на помощь высоко поднятую на щит польским фашизмом так называемую «ягеллонскую идею», т. е. «идею» унии Литвы с Польшей и неурезанных притязаний Польши на принадлежавшие некогда Литве украинские и белорусские земли в границах даже не 1772, а так, примерно, 1643 г. Формулировав эту программу неприкрытой фашистско-империалистической агрессией, проф. Закржевский призвал съезд, а в его лице — польскую буржуазную историографию, во имя упомянутых уже «возвышенных моментов» и «дорогих теней... великих образов прошлого»[3], прислушаться к «руководящим идеям» польского фашизма.

«Невинные» исторические реминисценции, связанные с 550-й

[1] Kwartalnik Historyczny, str. 731.
[2] Ibidem, str. 729.
[3] Kwartalnik Historyczny, str. 731, 1935.

годовщиной династической унии Литвы с Польшей, послужили поводом к беспримерной демонстрации историков с кафедры съезда против государственной целости и суверенных прав восточных соседей Польши — СССР и Литвы.

Те же воинствующие мотивы звучали и в выступлениях других официальных ораторов съезда. Так, ректор Виленского университета Станевич произнес речь, в которой поставил все точки над i, выразив уверенность, что «труды съезда... широким эхом отзовутся по всей стране», и «разнесутся далеко за линию пограничных столбов».

Он, так же, как и профессор Закржевский, заклинал собравшихся «великими заветами» (500-600-летней давности), объединявшими некогда Польшу и Литву в единой Речи Посполитой, и, явно рассчитывая на эффект «за пределами пограничных столбов», пытался нарисовать «великое будущее» как Литвы, так равно и Польши, «замкнутое в чтимых святынях и тихих закоулках г. Вильно» [1].

Необходимо отметить еще одно выступление, имевшее место на съезде и по наглой своей агрессивности превосходившее выступления проф. Закржевского и ректора Станевича. Это — речь допущенного к участию в съезде представителя от Белорусского национал-фашистского «научного общества» в Вильне, некоего д-ра Антона Луцкевича. Мы должны признаться, что научные заслуги этого национал-фашистского мужа нам неизвестны, как неизвестна нам научная продукция представляемого им «научного общества»; но мы вынуждены согласиться с тем, что его выпады против государственной целости Литовской республики и против единства народов Советского Союза сами по себе могут составить ему своего рода «имя» в кругах польских фашистских историков.

Подавляющее большинство научных докладов и сообщений, сделанных съезду его участниками, было посвящено польско-литовским отношениям в прошлом и, в частности, вопросу о польско-литовской унии. Участники съезда были единодушны в своей оценке «исторической незыблемости идей», приведших к «объединению» Польши и Литвы в XVI в. Однако, как заманчива ни казалась идея изобразить унию как результат естественного тяготения «слабой» Литвы к «сильной» Польше, польские историки не смогли безоговорочно принять подобную «теорию». Слишком явно такая попытка противоречила бы всем историческим фактам. Авторы докладов остерегались поэтому постановки общего вопроса об унии, стараясь растворить эту проблему в массе узких тем и частных подробностей.

В докладах на внешнеполитические темы обращает на себя внимание недопустимо резкий тон по отношению к Литве. Поль-

[1] Ibidem, str. 743.

ские «ученые», взявшие на себя труд «доказать» полную гармонию польско-литовских интересов, были вынуждены, однако, под давлением фактов отступить от своего намерения. Само собой разумеется, что в отсутствии этой гармонии в историческом прошлом они целиком обвиняют Литву. Вот почему, в докладах на ряду с подчеркиванием культурной и политической близости между Польшей и Литвой, общности их исторических задач и т. п. встречаются многократные «напоминания» об исторических «прегрешениях» Литвы перед Польшей.

Доклад проф. Конопчинского «Участие Короны и Литвы в создании общей внешней политики 1569-1795 гг. (Udziat Korony i Litwy wtworzeniu wspólnej polityki zarganicznej (1569—1795) представляет пример такого рода двойственности. Автор ставил себе задачей показать общность внешнеполитических устремлений Польши и Литвы после Люблинской унии. Основной тезис он сформулировал в следующих выражениях: «Польша и Литва объединились с целью вести общую внешнюю политику». [1]

Однако этот тезис ведь надо как-то согласовать со слишком хорошо известными историческими фактами неоднократных возмущений Литвы против унии в период с 1386—1569 гг., сопротивления Литвы на Люблинском сейме 1569 г. и захвата Польшей колонизированных Литовско-Русским государством Подолии и Волыни. Конопчинский не может не чувствовать всей очевидной фальши своего тезиса и спешит поэтому добавить, что эта «цель» (общность политики) достигнута была в момент окончания борьбы за Подолию».

Здесь перед Конопчинским возникает новое затруднение. Если «необходимым» условием польско-литовской унии было насильственное присвоение земель, принадлежавших литовскому государству, то как быть с утверждением о «бескорыстной» защите Польшей Литвы от Москвы и татар? Это противоречие Конопчинский пытается жульнически истолковать в свою пользу, произвольно связывая между собою оба эти момента: захват Подолии и войну с Москвой (конечно, в защиту Литвы!). «Присоединением Брацлавщины и Киевщины,— говорит он,— Корона оказалась втянутой в борьбу с Москвой», а «Литва освобождается от борьбы с Исламом» [2].

«Доказав», таким образом, выгодность для Литвы унии с Польшей, Конопчинский переходит к рассмотрению внешнеполитических проблем, «общих» для всей Речи Посполитой. Это едва ли не самая любопытная часть сообщения Конопчинского. Построенная с таким трудом концепция о польско-литовской «гармонии» трещит по всем швам под давлением фактов, скрыть

[1] Pamiętnik VI Powszechnego zjazdu Historyków polskich w Wilnie w 1935 r., str. 78.
[2] Ibid., str. 79.

которые не в состоянии даже Конопчинский. Так, он вынужден говорить об особом влиянии Литвы при заключении Андрусовского перемирия между Россией и Речью Посполитой (1667 г., о сепаратизме Литвы и т. д.[1]. Далее, Конопчинский резко осуждает «элекцию» (избирательность) королей, существовавшую в старой Речи Посполитой, ибо, помимо других бед, эти элекции «служили литовцам предлогом для поисков лучших способов устранения московской опасности». Какие это способы, и в чем их вред для Польши? Оказывается, Конопчинский возмущен тем, что литовцы во время элекций неоднократно предлагали польско-литовский трон русским царям, «останавливаясь на Иване, Федоре, Алексее». Попытка объяснить эти факты поневоле приводит Конопчинского к совершенно неожиданным и крайне нежелательным для фашистствующего историка заключениям. «И в отношении политической идеологии — признает Конопчинский — Литва стояла ближе к Москве, чем к Короне»[2].

Таков заключительный итог «исследования» Конопчинского, — итог, свидетельствующий о никчемности его фальсификаторских попыток перед лицом непоколебимых исторических фактов.

Другой историк, К. Пиварский, выступивший на съезде с докладом «Балтийский вопрос в Литве во второй половине XVII в.», придерживается той же тактики. Пиварский посвятил в основном свое сообщение вопросу об отношении Литвы к территориальным утратам Речи Посполитой на Балтийском побережье. Становясь в позу защитника территориальной целостности Речи Посполитой, автор жестоко упрекает Литву за равнодушие, проявленное ею к бранденбургским захватам на территории Пруссии. Негодование Пиварского производит комичное впечатление. Как известно, утрата «княжеской Пруссии» была санкционирована польским сеймом в 1660 г., и польская шляхта в Короне, как это признает и Пиварский, проявила едва ли большее понимание происходивших событий, чем шляхта литовская. Чего же собственно он требует от Литвы? Впрочем, Пиварский спешит заявить, что не считает литовскую шляхту ответственной за «ошибочную» политику Литвы. Единственным виновником польско-литовских противоречий он считает литовское магнатство «Пацов или Сапег с их клиентами». Это они устанавливали связи с Кёнигсбергом и Берлином, это они противились выступлению Собесского против Пруссии; что же касается огромного большинства литовской шляхты, то оно являлось якобы безусловным сторонником Польши. Эта оговорка не смягчает, однако, раздражения Пиварского против Литвы.

В высшей степени показательно, что два историка, ставившие своей задачей продемонстрировать торжество идей польско-

[1] Ibid., str. 80—81.
[2] Ibid., str. 81.

литовской унии в историческом прошлом, превратили свои рефераты в обвинительный акт против Литвы, причем, в то время как Конопчинский упрекает Литву в тяготении к России, Пиварский обвиняет ее в благожелательности к Пруссии.

Истории Литвы в XIX веке посвящено было на VI съезде польских историков несколько рефератов, из которых особенно выделяется своей фашистской откровенностью реферат Вельгорского (Wielhorski). «Условия развития литовского национального самосознания и возникновение современного литовского государства. 1861—1920». В этом реферате поражает та циничная и вместе с тем примитивная форма, в которой преподносятся «научные истины».

Вельгорский утверждает, что польский элемент, проникая в города старой Литвы и распространяясь оттуда по всей стране, прочно утвердился в ряде районов. Окрестности Вильны, Каунас, Динабурга, Кейдан, Вилькомир и т. п. якобы ярко свидетельствуют об этой истине[1].

Таким образом, оказывается, что значительная часть нынешней литовской территории давно уже потеряла свой национальный литовский облик, причем не только Виленщина, разбойничий захват которой Польшей в 1920 г. нужно считать, по Вельгорскому, «юридическим оформлением» давно совершившегося факта, но и Каунас — нынешняя столица Литвы. Цинизм Вельгорского выступает особенно ярко, если вспомнить, какой незначительный процент составляют поляки в Литве (3%). Учитывая возможное возражение, Вельгорский для доказательства своих утверждений мобилизует наиболее «ученые» аргументы. «Исторический опыт подтверждает, — говорит он, — а социология объясняет то явление, что польский элемент (polskość), не сосредоточиваясь гнездами, но расщепленный и выросший на литовско-белорусской почве, приобретает особые способности к культурному проникновению в свое окружение»[2]. Для утверждения «польского духа» в Литве вовсе — видите ли, — не требуется наличия и воздействия большого количества польского населения. Культурная и моральная «ценность» «польского духа» настолько высока, что «он сам по себе» проникает в сознание литовского населения. «В последней четверти XIX в. после реформы литовский крестьянин Ковенщины и Виленщины мог утолить свой культурный голод... пользуясь исключительно светочем польского духа (w świecie ducha polskiego)»[3]. Что же касается настоящего времени, то автор безапелляционно заявляет, что «польский элемент (polskość) пронизывает в Ковенщине все, что может

[1] Pamiętnik VI Powszechnego zjazdu Historyków polskich w Wilnie w 1935 r., str. 130.
[2] Ibidem, str. 130—131.
[3] Ibidem, str. 131.

быть отнесено к интеллигенции и полуинтеллигенции»[1]. Так польский ученый наглой фальсификацией исторических фактов пытается заранее оправдать и освятить авторитетом «науки» захватнические планы польского фашизма по отношению к Литве.

Работы VI Общепольского съезда историков ярко освещают ту политическую концепцию, которая получила со времени польско-германского сближения признание в польской историографии, и вместе с тем демонстрируют интимную близость этой концепции со взглядами руководителей внешней политики Польши и стоящих за ними фашистско-империалистических кругов.

VI

Говоря о фашистских тенденциях в польской исторической науке, нельзя пройти мимо книги Сигизмунда Войцеховского «Мысли о национальной политике и национальном государстве»[2].

В названной работе Войцеховский ставит себе целью формулировать свое понимание задач польской «национальной» политики. Подходя к поставленной им проблеме исторически, Войцеховский — видный специалист по истории средних веков — посвятил первые главы своей работы формированию средневекового польского государства. Непрерывную экспансию на Восток польских королей из династий Пястов и Ягеллонов Войцеховский считает проявлением «национальной политики». Одностороннее направление этой экспансии Войцеховский стремится объяснить и оправдать вынужденным отступлением Польши на западе под натиском немцев. «Экспансия в сторону Червонной Руси, — говорит Войцеховский, — была естественным следствием утраты Силезии. Сжатая территориально на юго-западе, (польская) государственность искала компенсации на юго-востоке»[3]. В этом движении Польша должна была не только натолкнуться на сопротивление местного населения, но и вступить в неизбежный конфликт с литовско-русским государством. Весьма знаменательно, что именно в этом конфликте, а не в пресловутой «гармонии интересов», Войцеховский видит отправный пункт польско-литовской унии 1386—1569 гг. «Непосредственной причиной унии — говорит он — была проблема русских земель, за которые шла в XIV в. борьба Польши с Литвой»[4].

Что эти высказывания польского историка предназначены для исторического обоснования новейших методов польской политики, об этом откровенно говорит сам Войцеховский, ставя при этом все точки над і. «Легионы под руководством Пилсудского

---

[1] Ibid., str. 131.

[2] Wojciechowski Z. Mysli o polityce i ustroju narodowym. Poznan'. 1935.

[3] Ibid., str. 40.

[4] Ibid.

пошли старым путем давней восточной политики Польши. К традициям унии относилась Виленская экспедиция в 1919 г. и связанные с ней литовские планы. Путями политики малопольских панов шла киевская экспедиция 1920 г.»[1].

В свете этих исторических реминисценций и притянутых за волосы исторических аналогий, преследующих весьма недвусмысленную цель — обосновать современность неуместными ссылками на средневековое прошлое, проф. Войцеховский рассматривает новейшие задачи польской политики по отношению к Литве. «Проблема соглашения с Литвой, — пишет он, — важна для нынешней Польши еще и потому, что современные польские поселения на северо-востоке географически связаны руслами Вилии и Немана с нынешней Литвой, так же, как малопольские и мазовецкие поселения (связаны) с Поморьем и Вислой. Уже этого одного достаточно, чтобы стремиться завязать более тесные отношения с Литвой, к чему, впрочем, склоняют нас и все наши исторические традиции. Есть много сходства между стараниями Сигизмунда Августа и настойчивыми усилиями Пилсудского в разрешении польско-литовского вопроса»[2]. Вслед за этими «учеными» рассуждениями, долженствующими маскировать захватнические планы польского фашизма, воинствующий профессор развертывает бредовую программу дальнейших захватов, исключительную по своей наглости. «От Литвы политическая дорога ведет к Латвии и Эстонии, где польское влияние уже прочно закреплено. От Латвии и Эстонии мы подвигаемся к Финляндии и скандинавским странам. Такой должна быть сфера политического влияния Польши: от северного побережья Скандинавского полуострова до Средиземного моря»[3]. Воистину, программа «для маленьких детей и больших дураков»!

В своей книге Войцеховский естественно уделяет большое внимание польско-германским отношениям. Конечно, Войцеховский — безусловный сторонник польско-германского союза. «В наши дни, — провозглашает он, — можно еще дискутировать о том, достаточно ли осторожна тактика, применяемая в отношении Германии, но никто не останавливается над альтернативой: с Германией против России или с Россией против Германии»[4]. Но вместе с тем, Войцеховский как представитель польского фашизма, имеющего свои цели, отличные в некоторых случаях от германских, не может не отдавать себе отчета в неизбежности польско-германских противоречий «Всегерманская программа представляет для Польши несомненную опасность»,— говорит он. В частности, Войцеховский имеет в виду германские планы

[1] Wojciechowski Z. Mysli o polityce i ustroju narodewym. Poznan, 1935, str. 42.
[2] Ibid., str. 134—135.
[3] Ibid., str. 135.
[4] Ibid., str. 65.

захвата устья Вислы. Однако, как и следовало ожидать от сторонника фашистского режима, Войцеховский считает единственным средством укрепления Польши — перенесение на польскую почву «национал-социалистических» идей и методов. Совершенно не понимая классовой сущности германского фашизма и видя в нем лишь проявление идеи «общенемецкого единства», Войцеховский с серьезным видом предлагает Польше выдвинуть в противовес Германии «славянскую идею». «Немецкую программу, — говорит он, — можно, однако, опрокинуть самым эффективным образом, действуя тем же оружием, т. е. выдвигая славянскую программу» [1]. Реакционная утопичность и империалистическая сущность этого проекта, совершенно очевидны. Они вместе с тем свидетельствуют о полной растерянности автора и тех кругов польского общества, которые готовы ухватиться за такую идею. Сущность этой «славянской программы», в частности, может иллюстрироваться тем фактом, что по указке германского фашизма польское правительство систематически провоцирует столкновения с Чехословацкой республикой.

VII

Совершенно естественно, что стремление отдельных представителей польской историографии продемонстрировать свое «моральное разоружение» перед германским фашизмом и принести «жертвы» на алтарь польско-германской дружбы в виде пересмотра своих основных установок не могло не проявиться и в области исторической критики, не могло не вызвать изменений в оценке польской журнальной критикой германо-фашистской исторической литературы.

Эти изменения проявились, в первую очередь, в возросшем интересе польской журнальной критики к тем проблемам истории международных отношений, которые стоят в центре внимания германо-фашистской историографии, но которые вовсе не были столь актуальными для польской исторической науки в годы, предшествовавшие польско-германскому сближению. Это — в первую очередь проблемы, связанные с так называемым «Kriegsschuldfrage», вопросом о виновниках мировой империалистической войны. Достаточно сказать, что только за один год (1936) в центральном органе Польского исторического общества «Kwartalnik Historyczny» из общего количества рецензировавшихся изданий, при слабом, вообще говоря, интересе журнала к проблемам новейшей истории, немецкие работы, трактующие в различных разрезах этот излюбленный германскими фашистами вопрос о виновниках войны, составляют около половины. Вместе с тем, за одним или двумя исключениями, мы не находим в

[1] Wojciechowski, op. cit., str. 59.

«Kwartalnik'e Historyczn'ом» рецензий на работы, отражающие французскую или английскую точку зрения по «вопросу о виновниках войны».

Типичным образцом беззастенчивой пропаганды польской журнальной критикой германо-фашистских взглядов на причины возникновения мировой империалистической войны является критическая статья Софии Кжемицкой, посвященная ряду изданий о мировой войне, в том числе одной французской работе — выпуску мемуаров бывшего французского посла в царской России М. Палеолога [1].

Бьющая в глаза нарочитая диспропорция этой статьи, в которой о французских мемуарах Палеолога говорится в 10 строках, а разбору германско-фашистских работ отведено более 4 страниц, ярко характеризует стремление автора и редакции журнала под видом «объективного» отзыва о **французском** издании, которое безусловно нашло себе значительное распространение среди польской буржуазной читающей публики, — протащить и внедрить в умы польских читателей ряд «идей» и идеек, откровенно носящих германо-фашистскую марку. Автор рецензий, разумеется, разделяет последние полностью. «Вопрос о генезисе мировой войны, — пишет он в начале рецензии, — составляет предмет неустанных стараний как немецкой публицистики, так и историографии. К теоретической стороне углубления и выяснения вопроса присоединяется практическая цель — жизненного, первоочередного значения — стремление отвергнуть строгости Версальского договора» [2]. Далее рецензент указывает, что «опровержение тезиса о виновности Германии» в теории повело бы на практике к подрыву основ «ненавистного версальского трактата».

Таким образом, польский рецензент на страницах официального органа польской исторической мысли открыто высказывается в сочувственном духе относительно фашистской «идеи» разрыва версальского договора (подрубая, таким образом, тот самый сук, на котором держится современная польская государственность, получившая, как известно, свое формальное осуществление на основе условий, установленных Версальским трактатом.

В результате пересмотра польской фашистской и фашиствующей историографией своих взглядов на германо-польские и, в частности, — прусско-польские отношения в их историческом прошлом польская журнальная критика также в значительной своей части изменила свое ранее установившееся отношение к работам германских историков, пропагандирующих шовинистические «истинно прусские» взгляды.

Так, в течение ряда лет вплоть до недавнего времени Kwar-

---

[1] Paléologue M. Guillaume II et Nicolas II. Paris, 1935.

[2] Kwartalnik Historyczny, str. 450. 1935.

talnik Historyczny помещал на своих страницах о работах германского историка прусско-польских отношений М. Лауберта резко отрицательные рецензии, в которых отмечалось, что в работах Лауберта «история ставится на службу прусской захватнической политике», а в 1935 г. в Kwartalnik'e Historyczn'ом появляется рецензия Стефана Киневича[1] на статью Лауберта «Познанское дворянство и освобождение крестьян»[2], и вместо прежнего настороженного и сугубо критического отношения к работам издавна известного своей шовинистической тенденциозностью историка мы находим в ней полное признание его «научных заслуг» и такую оценку его работы, которая еще пять-шесть лет назад ни в коем случае не была бы терпима на страницах центрального органа польских историков.

Уже одно то обстоятельство, что Киневич откровенно пристрастного и тенденциозного немецкого «историка», специализировавшегося по части фальсификации истории Польши в удобном и выгодном для «Второй» и «Третьей» империй духе, именует «выдержанным» исследователем польско-немецких отношений, — характеризует степень политической и научной разоруженности значительной части польской историографии перед гитлеровской Германией.

Правда, польский рецензент соглашается не со всеми положениями немецкого фашистского историка, подвергая некоторые из них весьма осторожной и умеренной критике; особенно трудно ему согласиться с мнением Лауберта, что польское дворянство Познанского края было органически враждебно крестьянской реформе. Но конечные выводы Лауберта получили полное признание со стороны польского «критика». Вслед за немецким «историком» Киневич признает, что прусское правительство, создав в Познанском крае мощный класс кулаков и ограбив безземельных и малоземельных крестьян, «облагодетельствовало» (в рецензии прямо так и сказано!) польское население края»[3]. Так сочетается в рецензенте Kwartalnik'a Historyczn' ого крайняя реакционность социальной программы с политическим лакейством перед германским фашизмом.

Таковы важнейшие из историографических и политических фактов, характеризующих развитие польской исторической «науки» за последнее пятилетие; они представляют собой естественный результат неуклонного стремления правящих кругов к «унификации» польской научно-исторической мысли вокруг реакционнейших лозунгов внутренней и внешней политики правя-

[1] Kwartalnik Historyczny, str. 693—695.

[2] Была напечатана в Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven. S. 12—61, 1934.

[3] Kwartalnik Historyczny, str. 695, 1935.

щего в Польше фашистско-империалистского лагеря и «морального разоружения» польских историков по отношению к фашистской Германии.

Встав на этот скользкий путь, польская фашиствующая историография вступила в неразрешимый конфликт с прежними традициями польской буржуазной науки, которая, по крайней мере, в лице своих лучших представителей более объективно разрешала вопрос об исторических противоречиях между Польшей и «Пруссо-Германией».

Попытки затушевать эти противоречия, фальсифицировать подлинный ход исторического развития в угоду иллюзорным и временным интересам «дружбы» двух фашистских агрессоров ставит польских фашистских и фашиствующих «историков» в лагерь врагов польского народа, злейших предателей его жизненных интересов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Против фальсификации истории германскими фашистами

Сборник статей под общей редакцией Ф. И. Нотовича

ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Следует*
12	14/13 снизу	„Archiv für Biologie und Rassengesellschaft“	„Archiv für Rassen- und Gesellschafts-biologie“
27	26 сверху	сознанием к правде	сознанием правды
33	21 снизу	государственную „мудрость“	„государственную мудрость“
36	сноска 1	Mayer	Meyer
77	3 сверху	юговосточную	северо-западную
80	сноска 1	Гайди К.	Гайден К.
86	сноска 2	1800	1880
111	3/4 снизу	процесса[1].	процесса“.[1]
111	8 снизу	варварством“.	варварством.
131	12/13 сверху	дилетантской книге	дилетантская книга
139	7 снизу	того же	1936
296	9 сверху	публицистов	публициста

Против фальсификации истории.